Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Российское общество социологов

Международная научно-практическая конференция

«СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СОЮЗА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ»

7–8 сентября 2023 г.

Нижний Новгород
2023 г.

УДК 316
ББК 60.5
С 25

Р е ц е н з е н т ы :

Бикметов Евгений Юрьевич	Доктор социологических наук, профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Россия
Беляева Людмила Александровна	Доктор социологических наук, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, г. Москва, Россия

С 25 **Связь поколений как культурное наследие народов союза независимых государств** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2023. – 691 с.

ISBN 978-5-91326-832-7

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на международной научно-практической конференции «Связь поколений как культурное наследие народов союза независимых государств» (7–8 сентября 2023 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, работников социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-91326-832-7

УДК 316
ББК 60.5

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2023

В международной научно-практической конференции «Связь поколений как культурное наследие народов союза независимых государств» (7–8 сентября 2023 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) участвовали исследователи, специалисты и практики из ***16 стран*** (Российская Федерация, Республика Беларусь, Великобритания, Гана, Египет, Индонезия, Ирак, Испания, Республика Казахстан, Нигерия, Пакистан, Республика Сербия, Финляндия, Швеция, Шотландия, Эфиопия), ***26 городов Российской Федерации*** (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Владимир, Волгоград, Волжский, Городец, Грозный, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Калининград, Керчь, Киров, Махачкала, Нальчик, Нижневартовск, Новосибирск, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Ставрополь, Тюмень, Уфа, Ярославль), ***46 вузов***, ***22 организации*** (исследовательских центров, учреждений социальной сферы, НКО).

ЦЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ: обобщение результатов международного исследования 2022 г. Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений». В ее рамках будут обсуждаться проблемы: коммуникативные практики молодежи в межпоколенном взаимодействии; роль социальных институтов в формировании коммуникативных практик; национально-культурная идентификация современной молодежи; ценность исторического прошлого для молодых поколений; формы сохранения родственных связей в рамках «большой семьи»; факторы трансформации народных традиций; роль киберпространства в формировании поколенческой идентичности; система факторов социокультурного развития молодежи.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	– профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Голубин Роман Викторович	– декан факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Романовская Вера Борисовна	– зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Судьин Сергей Александрович	– зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Расположение материалов в сборнике продиктовано регламентом работы конференции: сначала тексты секционных докладов, затем выступлений на секциях.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Беляева Л.А. Цивилизационная идентичность российского наследия: опыт эмпирического анализа 14
Мансуров В.А., Иванова Е.Ю. Общее и особенное в национально-культурной идентификации современной молодежи на примере студентов различных профилей обучения 24
Карасев П.К. Колумбайн в России: особенности и факторы формирования отечественной картины явления 28
Кириенко В.В., Клейман В.В. Молодое поколение белорусов в трансгенерационных процессах современности (опыт социологического анализа) 31
Доброхлеб В.Г. Связь поколений как необходимая институциональная составляющая развития ЕАЭС 37
Ростовская Т.К. Научная школа Л.Л. Рыбаковского в системе наставничества 39
Судьин С.А., Айкенова Д.М. Разводы в Казахстане и России: от сравнительной статистики к культурной обусловленности 43
Хоткина З.А. Нематериальное культурное наследие и современность: гендерный анализ 48
Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Ценности поколений мигрантов X, Y и Z из стран Центральной Азии 54
Голубин Р.В., Коротышев А.П. Менторство в сфере IT: социальный институт в рамках профессионального сообщества 59
Рябов О.В., Рябова Т.Б. Связь поколений как политический символ 67
Петрова И.Э. Междисциплинарность в исследовании креативного волонтерства: перспективы и вызовы 73
Хохлышева О.О., Колобов О.А. Международно-правовой статус Содружества Независимых Государств (к вопросу об организационной структуре и процессах интеграции) 77
Барков С.А. Артефакты организационного быта как часть культурного наследия 85
Исайчиков В.Ф. Проблемы комплексной оценки уровня культуры 89
Митягина Е.В. Междисциплинарный подход в изучении культурного кода россиян 95
Фадеева И.М., Камдин А.Н. Академическое знание в интересах научно-технологического развития: взгляд научных руководителей 102

Широкалова Г.С., Дулина Н.В., Пронина Е.И. Горожане и селяне: роль семьи в социализации учащихся средних специальных профессиональных учреждений 108
Ананьин С.А. Некоторые характеристики смертности молодежи в странах СНГ – причины и проблемы 114
Саралиева З.Х. Женщина – личность в науке (связь времен и поколений) 120

СЕКЦИЯ 1

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

ДОКЛАДЫ

Варызгина А.А., Солдаткин А.Е., Анн-Мари Сэтре, Лео Гранберг Стратегирование как ресурс для развития НКО 129
Козырьков В.П. Уровни развития культуры и проблема духовной безопасности и преемственности поколений 135
Леонова И.С., Франсиско Хосе Диас Бретонес Влияние технологий как новый психосоциальный риск в трудовой деятельности 139
Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Меры поддержки детства в современной России (по результатам онлайн-опроса воспитателей) 143
Маслова Т.Ф. Культурное наследие и межпоколенные связи в системе профессиональной культуры будущих педагогов 149
Пак Г.С. Символическое дарение: концепт описания отношений между поколениями 153
Пронина Е.И. Роль малой группы и социального института в трансляции ценностей и социальных норм студентов СПО (на материалах исследования РОС 2022) 157
Теодорович М.Л., Куликова А.В., Патокина Н.Н., Шангин Н.В. Социальная помощь как фактор территориального развития 163

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Безносова Я.В. Дхармашастры как фактор формирования преемственности поколений в Индии 172
Белова Т.П., Коробова О.О. Влияние территориального фактора на межпоколенные отношения в семьях российских студентов 176
Дунаева Н.И., Филина Т.В., Баринова О.А. Кризис доверия у студентов в отношениях «Я – другой» 183
Дунаева Н.И., Филина Т.В., Галстян П.А. Роль центра социально-психологического сопровождения студентов в развитии психологического благополучия 189

Карабанова О.А. Основы формирования деонтологической культуры выпускника колледжа 196
Киенко Т.С. «Лучше не обсуждать»: проблема диалога поколений в контексте доверия к СМИ и отношения к специальной военной операции 202
Колесникова К.Г. Наставничество как институт профессионального становления молодых педагогов в системе образования на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 208
Рыхтик А.И. Проблема коммуникации между университетом и абитуриентами. Коммуникационные барьеры и межпоколенный разрыв . 212
Тихомиров С.М. Ресентимент и прозелитизм: негативные социальные факторы в социокультурном развитии молодёжи 216
Урмина И.А. Коммуникативные практики в российской высшей школе – культурологический анализ 221
Хани Абдул Рашид Влияние "зеленой" практики управления человеческими ресурсами на экологические показатели 225
Юсупов М.М. Ценностная взаимосвязь поколений в постконфликтом региональном пространстве 228

СЕКЦИЯ 2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

ДОКЛАДЫ

Андрианова Е.В., Давыденко В.А. Идентичность современной молодежи 233
Баева Е.С., Бочаров В.Ю. Мнение жителей Самарской области о важности и достаточности мероприятий, прошедших в рамках года культурного наследия народов России в 2022 году 236
Бикметов Е.Ю. Социальный иммунитет и резистенция 240
Гриценко Г.Д. Репрезентация идентичностей в повседневной практике северокавказского сообщества: этнокультурная и/или общероссийская ... 245
Грошева И.А., Грошев И.Л. Идентификация поколений в молодежной среде. 249
Долгов М.Ю. Особенности коммуникационного процесса современной молодёжи (на примере вузовского сообщества) 253
Карпикова И.С. Социоэкономические и социокультурные возможности формирования социально одобряемых качеств молодежи 258
Кошель И.Ю. Народная культура в сопричастности молодого поколения Крыма 263
Липатова Л.Н. Национальная самоидентификация современной российской молодежи: неутешительные итоги всероссийской переписи населения 2020 269

Рашид Мухаммад Влияние соответствия ценностей "человек – организация" на отношение сотрудников к работе при модерационной роли воспринимаемой организационной поддержки 273
Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Роль интернет-пространства в формировании человеческого капитала 277
Ромашова И.Б., Журавлева Н.Ю. Роль киберпространства в формировании коммуникативных качеств поколения Z..... 279
Шпилев Д.А. Роль киберпространства в процессе социализации молодежи СНГ: угрозы и риски..... 283

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Алем Мекьянинт Бирхан Факторы, влияющие на отношение работников к работе на фабрике шелковых красок "нифас" 289
Беликова Е.О. Роль казачества в социокультурной жизни Волгоградского региона 293
Кришталь М.И. Территориальная идентичность жителей Калининградской области как индикатор миграционных установок..... 298
Кутявина Е.Е. Факторы сохранения культуры и этнической идентичности коренных малых народов Севера 302
Лакомова А.А., Воронин Г.Л. Отдельные аспекты социокультурной адаптации молодых трудовых иммигрантов из стран СНГ 306
Мамлев Д.О. Взаимосвязь текущего состояния рынка труда и миграционных настроений населения региона 310
Овчарова Т.Н. Роль культурного наследия в формировании этнокультурной идентичности молодежи..... 314
Паренный Р.С., Опарин А.С. Динамика развития киберспорта и его влияние на человека..... 318
Проданцов К.С. Территориальная идентичность населения российского эксклава в условиях международной напряженности 323
Прохорова М.В., Савичева А.В., Ангелова О.Ю., Кравченко В.С. Представления российских студентов и аспирантов об уровне дохода успешного учёного..... 327
Птицына Н.А., Маркова Е.К. Социально-профессиональная самоидентификация студенческой молодежи 331
Ракова К.В. Динамика ценностных установок в российском обществе в период с 2010 по 2023 годы 333
Рафикова К.В. Репрезентация культурного наследия в контексте медиапамяти 340
Шинкаренко Е.А. Работа в контексте жизненных ценностей российской молодежи..... 344
Щукина Р.И. Особенности и механизмы социокультурной интеграции представителей Евразийских народов (на примере Пермского края)..... 347

СЕКЦИЯ 3
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖПОКОЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ДОКЛАДЫ

Баранова М.В. «Правокультурный мем» как единица передачи правового культурного наследия в современном мире 354
Калинина Е.В. Информационное пространство как среда формирования мировоззрения социума и трансформации традиционных ценностей поколений 359
Романовская В.Б. Традиционные правовые и культурные ценности и преемственность поколений 363
Соловьева С.В. Институт медиации как нематериальное культурное наследие: российский и зарубежный опыт 367
Сэруа В.С. Нормативно-правовое регулирование межпоколенного взаимодействия: тенденции и перспективы 371
Черных Е.Е. Влияние модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ на развитие уголовной ответственности за преступления медицинских работников в Российской Федерации 376

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Горбунов М.Д. Преемственность в юридической науке: общекультурный контекст 380
Жданов П.С. Междисциплинарный подход в правовых исследованиях 384
Завурбеков Ф.З. Воссоздание некоторых фатимидских образовательных практик современным поколением исмаилитов-таййибитов 387
Назарова Н.Л. Нравственность в преемственности поколений и ее уголовно-правовая охрана 391
Романовская Л.Р. Правовая культура как часть социокультурного пространства стран СНГ: советское наследие и современные тенденции . 394
Силантьева В.А. Актуальные проблемы формирования правосознания студенческой молодежи в современной России 398
Фурсов В.В. Имперская идея и имперское правосознание – элементы самоидентификации и политического режима империи 402
Щерова Н.С. Межэтнический аспект правовой культуры российского общества (на примере юридических журналов) 405

СЕКЦИЯ 4
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ДОКЛАДЫ

Бедный Б.И., Рыбаков Н.В., Ходеева Н.А. Аспирантура для индустрии: ретроспективный анализ советского опыта подготовки кадров высшей квалификации 409
Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Отношение студенческой молодежи к вспомогательным репродуктивным технологиям (на материалах Ивановской области) 414
Демарева В.А. Некоторые аспекты привлечения и удержания иностранных студентов в РФ 421
Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Подготовка к выходу на пенсию как элемент геронтокультуры общества 424
Конкина Т.В., Рак В.Е. Клиентоцентричность на муниципальной службе..... 428
Мигунова А.В. Доступность медиативных услуг (категориальный и возрастной аспекты) 432
Петрова Т.Э. Региональные практики поддержки благотворительности 436
Столярова А.В. Применение социологического анализа в проведении кадровой политики предприятий 439

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Гавриловец Л.В. Возрождение и сохранение объектов нематериального культурного наследия Полесского региона 443
Гергес Марина Малак Бешара Исследование нейрофизиологических коррелятов энтузиазма у молодежи 447
Ермилова А.В. Образовательные траектории интеграции спортсменов высших достижений в сферу занятости населения 450
Дадзие Исаак Влияние Covid 19 на цифровой маркетинг: систематическое исследование на примере африканских стран к югу от Сахары..... 457
Демозе Чалахью Кассоу Предикторы академической успешности студентов в Эфиопии 461
Козеевская Н.А. Медицинские династии Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова 464
Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Информационные технологии в работе воспитателей дошкольных образовательных организаций в приобщении дошкольников к культурному наследию..... 469
Костина О.А., Рак Е.А. Дополнительное образование как фактор развития государственных служащих 474

Мамонова О.Н. Наставничество как фактор трансформации социокультурного кода: традиции музыкального народного промысла..... 477
Меисиалла Ланген Нидхана Проблема использования виртуальной реальности для помощи при аддикциях у современной молодежи..... 482
Олавуо Самуэль Олутунде Проблемы использования студентами-иностранцами приложений для повышения академической продуктивности 486
Рушева А.В. Трудовые ценности в контексте нематериального культурного наследия 491
Цимбал М.В., Польникова Е.О. Ритуальные магические практики в светской повседневности (результаты фокус-группы) 496
Фирсов М.В., Птицына Н.А., Беставашвили И.Р. Роль службы социальной координации в оказании социально-медицинской помощи старшему поколению..... 500
Хуссейн Достдар Влияние зеленых HR-практик и зеленой мотивации на экологическую устойчивость в гостиничном бизнесе – основы исследования 506
Шамал Сидик Мохаммед Социальные верования и святыни в современной культуре Иракского Курдистана (полевые работы по материальной и нематериальной культуре) 510

СЕКЦИЯ 5
ЦЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

ДОКЛАДЫ

Афонин Г.А. Некрополь города Верного. Материалы к истории и хронологии..... 516
Блонин В.А. Ценностные представления молодежи и изучение истории: социологический аспект..... 527
Вишневский Ю.Р., Икингрин Е.Н., Никифорова А.А. Проблема сохранения памятников культурного наследия в оценках студенчества России 535
Ивашиненко Н.Н., Шаталина В.В. Отношение молодежи к культурно-ценностному наследию Советского Союза 543
Куренышев А.А. самоидентификация крестьянства как важнейшей социальной группы российского общества: история и современность 548
Привалов И.В., Комелькова А.В. Контент-анализ рецензий на российские фильмы о Великой Отечественной войне 552
Тимощук А.С. Девальвация онтоса и гнозиса в цивилизации фальшизма..... 556
Фатенков А.Н. История и жизнь: их оппозиция в зеркале межпоколенных отношений..... 561

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Грошева Л.И., Вершинин Н.В. Образ предательства в системе медиа-информирования 566
Зернов Д.В. Фильмы о Великой Отечественной войне как проводник культурной памяти..... 570
Жемчураева С.Ш. О факторах конструирования исторической памяти чеченцев (социологический анализ) 574
Лобанов В.В., Русинова Е.Е. Историческое прошлое как социально-нравственный ориентир для современной молодежи 578
Петухова И.С. Возрастная самоидентификация: реконструкция представлений пожилых о возрасте и социальном статусе..... 584
Попель А.А. Осведомленность студентов технических специальностей об истории Нижнего Новгорода 588
Туркин И.А. Метафора «Карибского кризиса» в объяснении конфронтации держав в современных российских СМИ..... 593
Шалютина Н.В. Академические и неакадемические источники исторических знаний студенческой молодежи..... 598
Шалютина Н.В., Зеленова А.В. Научно-популярные проекты на YouTube: мотивация и специфика просмотра студентами разных специальностей .. 603

СЕКЦИЯ 6

СЕМЬЯ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

ДОКЛАДЫ

Егорова Н.Ю. Возможно ли сохранять связи в «большой» семье сегодня?..... 608
Курникова М.В. Культурный капитал семей с ребенком-инвалидом..... 612
Мишлянов Мария Сербская семья в межпоколенном взаимодействии..... 615
Муртузалиев М.М. «Кавказский рецепт» устойчивости общества 624
Петрова Т.Ю. Феномен постмногодетности в современной России..... 629
Сайфуллин Г.П., Сайфуллина А.В. Влияние межпоколенных отношений и типа родительской семьи на семейно-ориентированность старшеклассников 632
Щекотуров А.В., Соколова А.М., Норина А.А. Вовлеченность родителей в процессы виртуальной самопрезентации студентов..... 635
Янак А.Л. Интегрирующая роль родства в современной семье: постановка проблемы..... 640

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Головачев В.П., Мухина Т.Г. Внутрисемейная коммуникация как фактор формирования финансовой грамотности молодежи 648
Кудасова Ю.А. Роль церкви в национально-культурной идентификации современной молодежи 653
Придатченко М.В. Семейное воспитание – мотив выбора семейного образования..... 663
Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. «Большая семья» в разрезе братско-сестринских отношений: как было, как стало..... 667
Захаркина Т.Н. «Большая семья» как ресурс замещающей семьи..... 672
Ковалевская Е.В. Семейные ценности в жизни современной молодежи..... 677

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 681

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГОАНАЛИЗА*

CIVILIZATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN POPULATION: EMPIRICAL ANALYSIS

Л.А. Беляева
Институт философии РАН, г. Москва
L.A. Belyaeva
Institute of Philosophy RAS, Moscow

Рассматривается проблема цивилизационной гетерогенности российского общества. Внимание сосредоточено на общественном сознании населения в оптике цивилизационной идентичности индивидов и социальных общностей, в том числе молодежи.

The problem of civilizational heterogeneity of the Russian society is considered. Attention is focused on the public consciousness of the population in the optics of the civilizational identity of individuals and social communities, including youth.

Ключевые слова: цивилизационная гетерогенность общества, западная и самобытная модель развития, цивилизационная идентичность

Keywords: civilizational heterogeneity of society, Western and original model of development, civilizational identity

Несостоявшееся догоняющее развитие России, предполагавшее вступление в ряды развитых модернизированных стран мира, вновь поставило вопросы о том, насколько цивилизационная принадлежность страны и ее населения позволяет осуществить развитие по западному образцу, либо необходимо следовать собственной модели с опорой на ценности коллективизма и сильной власти, доминирующей во всех сферах общества. В условиях противостояния двух моделей развития особую важность приобретает проблема идентичности, которая становится полем идеологического выбора и политических устремлений элит, а с другой стороны, массовых слоев населения. Нельзя не отметить сложный характер взаимодействия интересов и идентичностей населения в постсоветских странах, бывших в последние десятилетия в ситуации развертывания индивидуалистических, рыночных, преимущественно рациональных (в основном материально трактуемых) смыслов

* Исследование проводится при поддержке РНФ, грант № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

жизнедеятельности и в разной степени преуспевших на пути формирования западной идентичности. Для России это взаимодействие приобрело характер вызова: или продолжить развитие общества по западному образцу, или найти свой, отличный от Запада путь, означающий возврат к традиционным ценностям и коллективистской идеологии, оставив в прошлом рациональный, основанный на материальном выборе вектор развития.

Другой важный вопрос, заставляющий обратиться к проблеме идентичности, это анализ влияния цивилизационных особенностей страны на осуществление модернизационного развития на основе собственной идентичности. Другими словами, насколько органично присутствуют в обществе носители человеческого капитала, которые могут стать драйвером преобразований, способны преодолевать инерцию и рутину за счет внутренней мотивации. В этой связи актуальным является изучение общественного сознания населения современной России с точки зрения его цивилизационной идентичности, которая складывается как интегральная характеристика сознания личности, оценивающей значимые характеристики общества, в котором живет человек, экономику этого общества, отношение к власти и к ее эффективности, готовность и умение вписаться в существующий порядок и действовать в соответствии с общественно значимыми правилами.

При этом нужно учитывать, что российское население дифференцировано по большинству этих характеристик. Особого внимания требуют группы молодежи, социализированной в постсоветский период. У нее также присутствует то, что можно назвать «переплетенные идентификации» с доминированием тех или иных характеристик.

Цивилизационная гетерогенность не была до конца преодолена в советский модернизационный период, а на отдельных этапах даже усиливалась, вплоть до возникновения архаики и признаков варварства как оборотной стороны цивилизации. Вместе с тем российская цивилизация не могла не воспринимать, в силу глобального включения в мирохозяйственные связи, нормы и ценности западной и восточной цивилизаций, что усиливало ее гетерогенный цивилизационный характер. Поэтому говорить о единой цивилизационной основе общественного сознания населения России вряд ли уместно, ценностные системы индивидов и социальных общностей существенно различаются. Патернализм, коллективизм (общинность), этатизм, традиционализм, консерватизм составляют базис сознания только части общества, противостоя ценностям свободы, независимости, самостоятельности, индивидуализма. В обществе существует определенный баланс между покорной

исполнительностью воли верховной власти и творчеством беспокойных и самостоятельно критически мыслящих индивидов. Этот баланс в каждый период времени меняется в зависимости от внутреннего и внешнего вектора развития.

Для социологического изучения характера и глубины такого противостояния и выявления общественных «скреп», обеспечивающих единство и жизнеспособность общества, его устойчивость и способность к развитию, необходимо проанализировать адекватный актуальный эмпирический материал, характеризующий состояние общественного сознания, в том числе в оптике цивилизационной гетерогенности населения. Такой материал был получен нами летом 2023 г. в ходе всероссийского мониторинга и опроса населения двух непохожих регионов – Северо-западного федерального округа и совместно Южного и Северокавказского федеральных округов[*]. Всего опрошено почти 1500 респондентов. Из общего массива была выделена Москва, в которой было опрошено 115 респондентов.

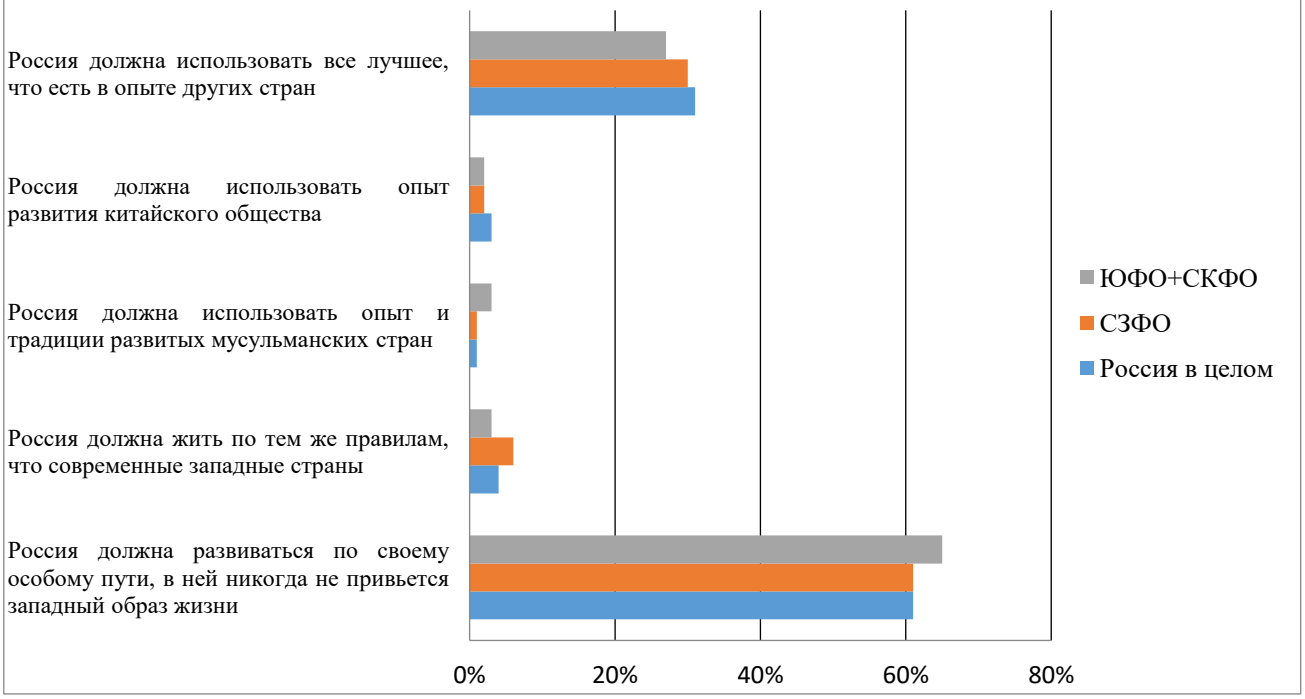
Возможности эмпирического исследования цивилизационной идентичности населения обнаруживаются в двух аспектах. Во-первых, в оценках респондентами различных сторон жизни общества, которые могут характеризовать цивилизационные особенности страны, во-вторых, в характеристиках собственных личных предпочтений и поведенческих паттернов, свидетельствующих о традиционных или современных ориентациях респондентов в своей обыденной жизни. Такое разделение было заложено в методике массовых опросов, которые были проведены летом 2023 г.

К первым относятся оценки страны с точки зрения цивилизационной специфики в сравнении с другими странами. Они позволяют оценить, какие предпочтения высказывают респонденты относительно развития России – по особому самобытному пути или с ориентацией на западный путь, или они считают, что лучше следовать опыту развитых мусульманских стран, или учитывать опыт китайского общества, или использовать все лучшее, что есть в других развитых странах. При этом вариации ответов по общероссийскому массиву и по двум территориям – северо-западу и по югу незначительные. На первом месте модель развития по своему собственному особому пути, ее

[*] Онлайн-опрос был проведен фирмой Анкетолог по собственной он-лайн панели. Было сформировано три массива данных. Одна выборка всероссийская, репрезентирует население России по полу, возрасту, образованию, типу поселения – город/село. Представлены все федеральные округа. №=1000. Вторая выборка – по СЗФО, третья выборка совместная по СКФО и ЮФО. Две последние выборки репрезентативны по полу и возрасту, в каждой из этих двух последних выборках № = около 250. В настоящей статье частично представлено сравнение некоторых данных по всем трем выборкам, в основном по цивилизационной тематике. Математическую обработку массива ведет К. В. Ракова – к.соц. н., сотрудница ЦИСИ.

выбрали более 60 % опрошенных во всех трех массивах, максимальное число сторонников в южных округах (65 %) (рис. 1). Для московских жителей этот путь менее предпочтителен. За него высказались 58 %. На втором месте – модель, которая вбирает в себя лучший опыт других стран (31 % по России в целом, 30 % в СЗФО, 27 % южные округа, 36 % Москва. Прочие пути развития не получили больше 4 %. Видно, что оценки в трех массивах очень близки. Среди жителей Москвы несколько меньше сторонников развития по самобытному пути, больше тех, кто считает, что Россия должная использовать все лучшее, что есть в опыте других стран.

Рис. 1 Оцените тот путь, по которому должна идти Россия в своем развитии
(% от опрошенных)



Параллельно предлагалось сказать, в каком обществе респонденты сами хотели бы жить. Оказалось, что и для страны в целом и лично для себя большинство выбирают российский самобытный путь развития (данные практически совпадают – в районе 61 %). Высокий уровень идентификации со страной показывают жители всех четырех анализируемых общностей, выбирая тот или иной путь развития для России, они выбирают этот путь и для себя лично (табл. 1).

Таблица 1

Оцените, пожалуйста, тот путь, по которому должна идти Россия в своем развитии // В каком российском обществе Вы хотели бы жить?

(% от опрошенных)

	Россия	СЗФО	ЮФО+СКФО	Москва
Россия должна развиваться по своему особому пути	61 // 61	59 // 61	64 % // 65	58 // 58
Россия должна жить по тем же правилам, что современные западные страны	3 // 4	4 // 6	3 // 3	4 // 4
Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран	34 // 31	35 // 30	31 // 26	36 // 32

Вновь подчеркну весьма характерный для оценок проблем единства российского общества тот зафиксированный факт, что большинство респондентов во всех четырех массивах на первое место поставили самобытный путь для России, путь западных стран поддерживают от 3 – 6 % опрошенных. Уровень согласия по этому вопросу вполне впечатляющий.

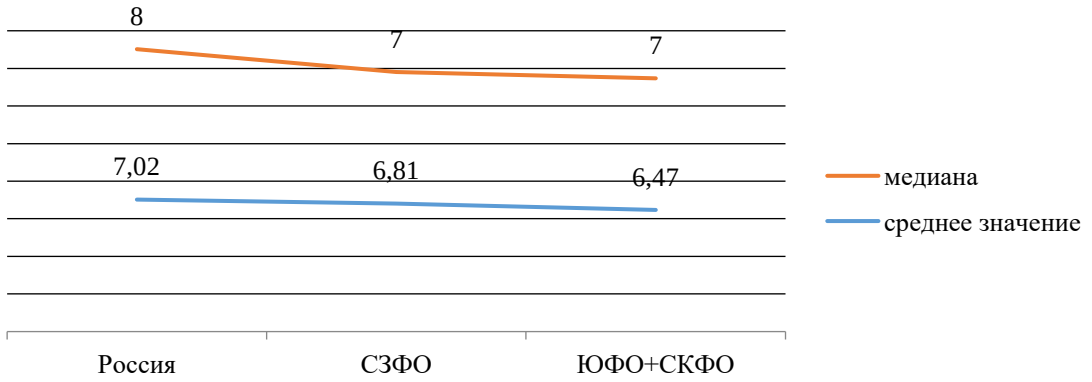
Самые многочисленные сторонники самобытного пути России: сельские жители, когорта 45-54 лет, лица со средним образованием и ниже, а также две полярные группы – бедные и богатые. Самые малочисленные сторонники самобытного пути – возрастные группы 18-24 и 65+, лица с высшим и послевузовским образованием, по материальному благосостоянию две группы плохо обеспеченных. Среди молодежи – 18-34 гг., самая большая доля желающих, чтобы России шла по пути развитых западных стран – 8 %, более 9 % имеющих высшее образование, хотели бы жить в России, которая идет по западному пути.

При этом характерно, что, высказываясь в большинстве за самобытный российский путь развития, большинство – 81 % – являются сторонниками демократической формы правления (для них это важно или очень важно), и они имеют большие претензии к современному государству в выполнении им социальных обязательств перед гражданами, в соблюдении прав и свобод, в доверии к властным институтам.

Я полагаю, что для жителей России признание особого пути развития страны отнюдь не означает одобрения архаичных, традиционных форм жизни и сознания, отличных от современных. Можно продемонстрировать это на отношении к демократическим формам правления, которые

противопоставляются авторитаризму. Демократические формы одобряет большинство жителей из трех массивов, но есть некоторые различия в рассматриваемых регионах. В целом по стране выявилось более высокое требование демократического порядка в управлении страной. Средний балл по 10-ти балльной шкале по России в целом составляет 7,02, тогда как в СЗФО 6,81 балла, в южных территориях 6,47 балла. Медиана во всех трех случаях смещена от центра шкалы к крайней оценке «чрезвычайно важно» (рис. 2).

Рис. 2 Насколько важно для Вас жить в стране с демократической формой правления ?
(средний балл и медиана по 10-ти балльной шкале)



Городские жители чаще высказываются за демократическую форму правления, разница с сельскими жителями составляет 6 %. (для них это очень важно (54 %), тогда как у сельских жителей такое мнение высказали 48 %.). Самые большие сторонники демократического пути развития – возрастные группы 45-54 г. и 55-64 гг. Из первой группы 56 % и 61 % из второй группы считают, что это для них очень важно. Это те взрослые респонденты, которые социализировались в 90-е – начале 2000-х годов, а сейчас составляют наиболее рациональную и успешную часть общества. Молодежь 18-24 гг. менее категорична, как и другие возрастные группы. С ростом образования признание важности демократического управления увеличивается – от 46 % лиц с самым низким образованием до 57 % среди не окончивших высшее образование. Наконец, с ростом материального уровня жизни оно тоже повышается, за исключение группы «необеспеченных» и «богатых», среди которых только 44 и 42 % соответственно считают для себя очень важным жить в стране с демократической формой правления.

В таблице 2 даны условные названия группам по материальному положению и их вес в составе опрошенных. Эти названия кратко обозначают характеристики, по которым респонденты были дифференцированы на

основании их ответов. Большой интерес вызывает группа обеспеченных – это самая крупная группа во всех трех массивах (табл. 2).

Таблица 2

Какое из приведенных высказываний лучше подходит для характеристики Вашего материального положения?
(% от числа опрошенных)

Варианты	Россия	СЗФО	ЮФО+ СКФО	Москва
«Нищие» Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	8	4	8	8
«Бедные» На повседневные затраты уходит вся зарплата	10	10	16	11
«Необеспеченные» На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	13	13	12	9
«Обеспеченные» В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг или долго копить	50	50	43	52
«Зажиточные» Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	16	22	19	15
«Богатые» Практически ни в чем себе не отказываем	3	1	2	5
Итого	100	100	100	100

По данным нашего мониторинга, она количественно выросла за последние 8 лет с 33 %, до 50 % в России и в СЗФО, а в южных округах она составила 43 % опрошенных. Можно сказать, что по доходам это база среднего класса в России. 50 % горожан входят в группу «обеспеченных», в том числе в Москве 56 %. Среди селян обеспеченных 45 %.

Возраст «обеспеченных» охватывает в основном группы, занятые в экономике. Младшая и старшая возрастные группы составляют вместе менее 20 %, остальные 80 % – это респонденты в рабочих возрастах – от 25 до 65 лет. Практически 77 % обеспеченных получили профессиональное образование – среднее техническое на базе среднего полного (41 %), высшее и послевузовское (34 %), или учатся сейчас в вузах (2 %). 90 % обеспеченных являются наемными

работниками, а 10 % владеют предприятиями или занимаются индивидуальной деятельностью, или работают на семейном предприятии. Квалификация членов данной группы довольно высокая – работники квалифицированного умственного труда составляют 63 % обеспеченных, остальные 27 % – это рабочие, занятые в основном физическим трудом разной квалификации.

Относительно самобытного пути, по которому следует развиваться России, положительно высказались 50 % «обеспеченных» – значительно меньше, чем другие доходные группы, но они и за учет при развитии страны положительного опыта других стран. Оказалось, что стремление жить в демократической стране у «обеспеченных» самое большое (83 %) по сравнению с другими доходными группами, кроме зажиточных.

Можно предположить, что рассматриваемая группа «обеспеченных» сформировала то, что называется, по Эриху Фромму, «социальным характером» рыночной ориентации: она обладает жизненным опытом, внутренними побуждениями к своей реализации, особой человеческой энергией, позволившей ей неплохо адаптировалась к сложившимся социальным условиям. Э. Фромм считал, что социоэкономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они *должны* делать. Вместе с тем социальный характер оказывает влияние на социоэкономическую структуру общества, действуя при этом либо как цемент, придающий ей еще большую стабильность, либо, при определенных обстоятельствах, как динамит, готовый взорвать ее [1].

Массовость этой группы, ее активность в достижении социального благополучия и ее ориентиры на демократическое развитие должны обратить внимание властей на жизненные приоритеты этой группы.

Для большинства россиян характерно эмоциональное отношение к своей стране и к своей малой родине. Эмоциональная привязанность к России по 10-ти балльной шкале получила в среднем 8,37 балла, в СЗФО и в южных округах еще выше – 8,5 балла. Но нужно заметить, что молодежь 18-25 лет демонстрирует более низкий уровень привязанности по сравнению с другими возрастными когортами. Только 53 % этой группы отметили сильную эмоциональную привязанность к России, у других возрастных когорт этот показатель в диапазоне 71-81 %. Эмоциональная привязанность к России увеличивается с возрастом и с ростом материальной обеспеченности (эти показатели взаимосвязаны), падает с ростом образования и от села к городу.

Эмоциональная привязанность к Европе в целом очень низкая, но в самой младшей возрастной группе и группе с низким образование (эти группы частично совпадают) эмоциональная привязанность к Европе довольно заметна

– 8 % от этой группы. Объяснение этого в особенности социализации молодежи в последние годы информационной глобализации.

Эмоциональная привязанность к стране во многих исследованиях отождествляется с патриотизмом. Действительно, она составляет психологическую основу патриотизма, но не исчерпывает этого состояния. Антиподом *формальному патриотизму*, беспрекословно одобряющему все исторические события прошлого, современные действия властей и состояние общественных отношений, является *гражданский патриотизм* – видящий недостатки в общественном устройстве и в действиях власти, стремящийся к их устранению. Лица с гражданским париотизмом отличаются самостоятельностью не только в суждениях, но и в решении своих жизненных проблем, не надеются на государство. Это разделение на формальный и гражданский патриотизм весьма существенно – одно дело быть патриотом на словах, верить и уповать во всем на государство, другое – быть деятельным в организации своей жизни, высказывать самостоятельные суждения о своей стране, авторитете страны на международной арене, быть готовым высказать свое критическое отношение к тем или иным событиям даже в неконвенциональной форме.

Анализ данных опроса показал, что респонденты с сильной эмоциональной привязанностью в большей мере придерживаются охранительных настроений по отношению к властям и к государству, для лиц со средней или слабой эмоциональной привязанностью эти настроения существенно ниже. В то же время первые более самостоятельны в обеспечении своей семьи, не надеются в этом на государство. В чем близко сходятся мнения представителей этих групп, так в ориентациях на демократическую форму правления в нашей стране. И это очень важное свидетельство, которое можно рассматривать как гражданскую позицию респондентов. Одновременно только 39 % согласны, что государство во внутренней политике учитывает интересы всего народа, а 48 % сказали, что оно учитывает преимущественно интересы бизнеса. Можно сказать, что эмоциональная привязанность к своей стране идет у россиян рука об руку с желанием большей демократичности государства и власти.

Цивилизационные личностные предпочтения и поведенческие стереотипы рассматриваются в исследовании по нескольким направлениям: этническая идентификации, религиозность, отношение к своей национальной культуре, владение и использование русского языка, динамичная модель профессиональной идентичности, самостоятельность или патернализм в решении жизненных проблем. Показательно, что эти характеристики демонстрируют большое разнообразие в сознании населения. Многие из них

позволяют говорить о преимущественно традиционном, другие – о современном, рациональном типе сознания, микс этих характеристик наиболее распространенный гетерогенный тип. Можно во всем разнообразии наблюдать переплетение идентификаций. Например, при том, что подавляющее число опрошенных разделяют православное верование, 5 % исповедуют ислам, 13 % не признают никакой религии, религиозность российского населения на довольно низком уровне. Никогда не посещают храм или делают это редко 65 % по России в целом, 69 % в СЗФО, 57 % в южных ФО.

Владение русским языком является не единственным, но решающим фактором общегражданской и цивилизационной идентичности, 98 % опрошенных говорят дома на русском языке, в их числе почти все респонденты нерусской национальности. Некоторое исключение составляют татары и чеченцы, среди которых на своем родном языке говорят дома 2,9 % и 2,3 % соответственно. Наряду с утилитарным использованием русского языка – для общения, получения хорошего образования, трудоустройства, самое большое число респондентов (68 %) отметили роль русского языка в формировании чувства принадлежности к российскому обществу. Вместе с русским языком историческая память, пройденный со страной путь, сильное, объединяющее государство, гражданский патриотизм являются важными факторами, сближающими цивилизационную идентичность населения страны, могут создать основу для гармонического взаимодействия поверх национальных, этнических, религиозных, цивилизационных различий.

Список литературы

1. Фромм Э. Бегство от свободы // Пер. с англ. – М.: АСТ, 2006.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ

GENERAL AND SPECIAL IN THE NATIONAL-CULTURAL IDENTIFICATION OF MODERN YOUTH ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF VARIOUS PROFILES OF EDUCATION

В.А. Мансуров,
Е.Ю. Иванова
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва
V.A. Mansurov,
E.Yu. Ivanova
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Анализ результатов исследования РОС 2022 года «Культурное наследие и связь поколений» позволил сопоставить ряд индикаторов, характеризующих отношение студентов различных профилей обучения (технического, социально-экономического, естественнонаучного, медицинского, военного, творческого) к сохранению народной культуры и семейным традициям в современных социально-экономических реалиях. Отражены как общие для анализируемых групп студентов тенденции в национально-культурной самоидентификации, так и особенности ее проявления.

An analysis of the results of the 2022 ROS study "Cultural Heritage and the Connection of Generations" made it possible to compare a number of indicators characterizing the attitude of students of various educational profiles (technical, socio-economic, natural science, medical, military, creative) to the preservation of folk culture and family traditions in modern socio-economic realities. Both the trends in national and cultural self-identification common to the analyzed groups of students, as well as the features of its manifestation, are reflected.

Ключевые слова: профиль обучения, студенты, семья, культурное наследие, народная культура, семейные традиции, национально-культурная самоидентификация.

Keywords: profile of education, students, family, cultural heritage, folk culture, family traditions, national and cultural self-identification.

Информационной базой проведённого нами исследования явились данные, полученные в ходе опроса студентов 207 вузов России в рамках проекта «Культурное наследие и связь поколений» (2022 год) [1]. Из 9751 студентов, принявших участие в опросе, 38% – гуманитарии, 25,1% выбрали технический профиль обучения, 14,1% – социально-экономический; 9% – естественно-научный.

На другие профили обучения (медицинский, военный, физкультура и спорт, творческий, сельскохозяйственный и др.) приходится 13,7% респондентов.

Систематизация полученной информации выявила ряд ограничений в оценке репрезентативности данных об общих чертах и особенностях национально-культурной идентификации современной молодёжи на примере студентов различных профилей обучения. Такими ограничениями для проведения сравнительных процедур явилась неоднородность по количественному, национальному, территориальному и половозрастному составу анализируемых групп респондентов, что требует дальнейшего углублённого исследования заявленной проблемы. Однако массовость участия респондентов в опросе позволила несколько нивелировать возникшие проблемы с интерпретацией данных.

Научная гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: профиль обучения студентов, относящихся к одному поколению, не оказывает существенного влияния на их ценностные ориентиры, соблюдение семейных традиций, отношение к народной культуре, религии, отечественной истории.

На вопрос, «Как Вы считаете, должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа?», – были получены ответы, поколебавшие первоначальную научную гипотезу. Были предложены три варианта ответа на поставленный вопрос:

1. «Да, если он ощущает свою принадлежность к определённому этносу и заинтересован в сохранении его традиций» (для студентов военного профиля этот вариант ответа важен для 70% респондентов, а для естественнонаучного – только 41%).

2. «Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов» (если для студентов естественно-научного профиля этот вариант ответа приоритетен для 53,3% респондентов, то для военного – только 25,9%)

3. «Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность» (3,8% студентов военного профиля согласны с предложенной формулировкой ответа, а технического – 8,1%).

Несмотря на проявившиеся различия в оценках значимости культуры своего народа для студенческой молодёжи, суммарные величины утвердительных ответов по всем группам студентов приблизительно одинаковы и варьируются в пределах 92–96%.

Примерами существенного влияния профиля обучения на те или иные личностные оценки могут служить данные об отношении к таким индикаторам

культурного наследия, как народное искусство, народные песни, народные танцы, народные костюмы. По всем перечисленным выше позициям подавляющая доля студентов творческих вузов отметила важность их сохранения. С другой стороны, для студентов технической и социально-экономической специализации предлагаемые индикаторы менее важны. Сохранение народных танцев не важно для 9,9% студентов творческих вузов против 17,3% – технических. Вероятнее всего, получаемая профессия, гендерные особенности реализации в будущей профессии, должностная субординация как обязательный атрибут профессии оказывают существенное влияние на оценку, например, практики главенства мужчины в семье. Если для слушателей военных вузов этот образ внутрисемейных отношений важен для 56,3% респондентов, то для гуманитариев – всего 24,7%. Или показатель равенства мужчины и женщины для будущих военных важна в 52,5% случаев, а для творческих работников – 76%; главенство старшего в роду для будущих военных важно в 61,4% случаев, тогда как для студентов естественнонаучной среды всего 27,7%.

Анализ влияния семьи на особенности оценок студентами различных профилей обучения национально-культурных традиций и поведенческих практик позволил выделить некоторые важные аспекты.

На предложение отметить, «Насколько лично для Вас важно сохранение семейных традиций», – студенты всех профилей обучения подтвердили безусловную важность внутрисемейной передачи элементов национальной культуры (не важно сохранение семейных традиций менее, чем для 6% респондентов). Однако при ответе на вопрос об использовании советов и опыта родных в различных жизненных ситуациях подобное единодушие не просматривается. При выборе профессии к совету родных часто прислушивались студенты технических и военных специальностей (41,6% и 58,2% соответственно). И только 24,8% студентов творческих специальностей следовали советам родных часто, а редко или никогда – 75,2%. Для современной молодёжи не важно мнение ни преподавателей, ни друзей, ни блогеров, ни, как мы убедились, семьи. Образовательная и профессиональная траектория, по мнению респондентов, выстраивается и основывается преимущественно на сформированном собственном мнении. 87,3% студентов гуманитарных вузов опираются на собственное мнение при выборе профессии, 89,9% – естественнонаучного профиля, 89,9% – медицинского. За пределами нашего анализа остались причины подобных ответов респондентов, анализ которых требует дальнейшего изучения.

Гипотеза о трансформации личностных качеств современного человека (за период смены трёх поколений) в сторону роста эгоцентричности находит

некоторое подтверждение в данных опроса. Например, индивидуализм как отрицательное качество по мнению студентов естественнонаучного профиля, присуща 86,9% молодёжи, поколению отцов/ матерей – 35,2%, а поколению дедушек/бабушек всего 23,0%.

Блок вопросов анкеты, посвящённых сравнению ряда проявлений, характерных для современного российского общества и некоего идеального общества (спектр морально-этических и патриотических качеств; знание истории и культуры своего народа; критерии уверенности в будущем; отношение к государственным институтам; проявление толерантности) позволил высветить болевые точки социального развития, с одной стороны, выявить наиболее социально ориентированные и критически настроенные группы студенчества по критерию профиля обучения – с другой.

Главный вывод, который можно сделать, сравнивая оценки студентами разных профилей обучения идеального и современного российского общества, это – существенное, по мнению респондентов, отставание социально-экономических и нравственно-моральных реалий от представлений об идеале. Наиболее критичную позицию по большинству параметров продемонстрировали студенты гуманитарных, технических и вузов социально-экономической специализации. Критичность оценок рассчитывается нами как разность между долей респондентов, считающих, что анализируемый параметр присущ идеальному обществу, и долей респондентов, считающих, что анализируемый параметр присущ современному российскому обществу, по каждой профильной группе. Например, параметр эффективности государственной политики, обеспечивающей уверенность в будущем, оценивается в парадигме критичности гуманитариями в размере 58%, студентами социально-экономических специализаций в 60%, что свидетельствует о высоком уровне пессимизма молодёжи. С другой стороны, всеобщая воинская повинность, по мнению респондентов, не присуща идеальному обществу и имеет отрицательный показатель критичности – 19,3% для группы студентов социально-экономического профиля, 18,6% – студентов творческих специальностей.

Анализ информации, полученной в ходе опроса, позволил сделать вывод о реальных особенностях национально-культурной самоидентификации студентов различных профилей обучения в сложившихся социально-экономических условиях и требует дальнейшего исследования с учётом выявленных проблем.

Список литературы

1. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151-154. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.014, EDN SBVLCM.

КОЛУМБАЙН В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ ЯВЛЕНИЯ

COLUMBINE IN RUSSIA: PECULIARITIES AND FORMATION FACTORS OF THE DOMESTIC PHENOMENON PICTURE

П.К. Карасев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
P.K. Karasyov
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Дан анализ феномена колумбайна в контексте нарастающей цифровизации. Будучи чуждым культурным явлением, адаптация колумбайна к российской реальности привела к появлению специфических черт. Среди таковых – особенности правового регулирования обращения с огнестрельным оружием и специфика реакции на произошедшие трагедии со стороны органов власти и широкой общественности.

The paper analyses the phenomenon of Columbine in the context of growing digitalisation. Being an alien cultural phenomenon, the adaptation of the Columbine to the Russian reality has led to the emergence of specific features. Among them are the peculiarities of legal regulation of firearms handling and the peculiarities of the reaction to the tragedies on the part of the authorities and the general public.

Ключевые слова: колумбайн, социально-культурный контекст, цифровизация.

Keywords: columbine, socio-cultural context, digitalisation.

Последние три десятилетия изменили картину нашей повседневности самым радикальным образом. Бесспорно, основным фактором данного процесса следует назвать нарастающую цифровизацию, проникшую во все сферы частной и общественной жизни. Она обеспечила не только возможность передачи

огромных массивов данных на большие расстояния за считанные секунды, но и трансляции всевозможных идей, образцов поведения, моделей потребления и жизненных стандартов в новые социально-культурные пространства. Цифровизация стала одним из основных инструментов глобализации, обеспечившим скорость и глубину формирования всевозможных взаимозависимостей и нарастание культурной унификации ранее мало похожих друг на друга обществ.

Очевидно, что эти процессы имели не только положительные, но и весьма печальные последствия. К числу таковых можно отнести пришедшую в Россию идеологию колумбайн – человеконенавистнический концепт, замешанный на субъективных переживаниях собственного величия (чаще всего, компенсаторной природы) и крайнем солипсизме в сочетании с представлениями об окружающих людях как о биомусоре, от которого следует избавиться как можно скорее и как можно в б***о***льших количествах.

Сам колумбайнер наделяет себя божественными полномочиями и готов выступить в роли инструмента естественного отбора. Основным методом осуществления замысла становится массовое убийство в учебном заведении с целью максимизации числа жертв, ввиду невозможности оказания организованного и эффективного сопротивления.

Подобные преступления, совершаемые одиночками или чрезвычайно сплоченными группами по два-три человека, с трудом поддающиеся пресечению и профилактике, к счастью, не являются массовыми. Однако, каждый такой случай, повлекший человеческие жертвы среди абсолютно беззащитных и ни в чем невиноватых детей и подростков, вызывает взрыв общественного возмущения и справедливый запрос к правоохранительным органам и органам власти предпринять любые меры для недопущения подобных трагедий в дальнейшем. В наших предыдущих работах мы подробно рассматривали сложности выявления адептов идеологии «Колумбайн» и не будем останавливаться на этом подробно.

Задача нашего сегодняшнего выступления состоит в определении особенностей проявления феномена колумбайна в России, а также выявлении факторов, сформировавших эту специфику.

Прежде всего, отметим, что колумбайн – это, бесспорно, не отечественный феномен. Первый случай массового расстрела в российской школе произошел в 2014 г., в США подобные трагедии фиксируются уже почти сто лет. Самое крупное в истории США массовое убийство в школе произошло 18 мая 1927 г. в городе Бат в штате Мичиган.В общей сложности в результате атаки скончались 44 человека, 58 были ранены.

О какой же специфике идет речь и какие факторы ее сформировали?

Прежде всего, необходимо отметить такой трагический аспект, как количество жертв. Одним из основных факторов, определяющих число погибших и пострадавших, является оружие, используемое в процессе нападения. Факт, что возможности его выбора определяются, прежде всего, законодательством той или иной страны, очевиден. Например, основным документом, определяющим доступность оружия для граждан США, является Вторая поправка к Конституции США, гарантирующая право граждан на хранение и ношение оружия. Поправка вступила в силу 15 декабря 1791 г. одновременно с остальными девятью поправками, входящими в Билль о правах – часть американской конституции, определяющая права граждан и механизмы их реализации.

Это, в свою очередь, привело к высокой концентрации у населения различных видов стрелкового оружия, но, с другой стороны, за долгие годы сформировало своеобразную культуру обращения с ним, препятствующую несанкционированному доступу и безответственному использованию.

Достаточно жесткие требования для владения огнестрельным оружием в России, а также ограниченная номенклатура его доступных видов не дает потенциальным колумайнерам особого выбора при планировании преступления. Так, в ходе массовых расстрелов в Керчи, Казани и Перми были использованы гладкоствольные помповые ружья, требующие (пусть и небольшого) времени на перезарядку, а в Ижевске – травматические пистолеты, переделанные под стрельбу боевыми патронами.

Другой аспект, формирующий отечественную картину явления, – реакция на произошедшую трагедию со стороны общества и власти, высказываемые причины произошедшего и шаги, предпринимаемые для пресечения и профилактики подобных драм.

В США каждый новый случай массового расстрела приводит к новому витку дискуссии об ограничении прав граждан на покупку, хранение и ношение оружия.

Ввиду сравнительной молодости явления и специфики социально-культурного и исторического контекста, основные дискуссии разворачиваются вокруг возможных причин распространения явления. Негативная роль интернета и, в частности, социальных сетей – популярная объяснительная стратегия, предлагающая логичный, но трудно реализуемый, с технической точки зрения, способ борьбы с деструктивной идеологией. Важной реакцией стало постановление Верховного суда России от 2 февраля 2022 г., признавшее движение колумбайн террористическим.

На местном уровне создаются межведомственные комиссии по противодействию распространению идеологии колумбайна, выявлению и пресечению попыток организации массовых расстрелов на этапе подготовки. К работе таких комиссий привлекаются представители правоохранительных органов, психологи, врачи-психиатры, социальные работники и социологи.

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ БЕЛОРУСОВ В ТРАНСГЕНЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОСТИ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

YOUNG GENERATION OF BELARUSIANS IN MODERN TRANSGENERATION PROCESSES (EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

В.В. Кириенко,
В.В. Клейман
Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого, г. Гомель, Республика Беларусь
V.V. Kiriyenko,
V.V. Kleiman
Sukhoi State Technical University of Gomel, Gomel, Republic of Belarus

В условиях глобальных социально-экономических и нравственно-ориентационных общественных трансформаций требуется корректировка межпоколенных механизмов передачи социального опыта. Можно и нужно корректировать систему семейных отношений на нормативном уровне. Но генетическая память не позволяет принципиально изменить систему реальных внутрисемейных отношений. История прошлых поколений не отпускает ныне живущих потомков.

In the context of global socio-economic moral and orientation social transformations in society, adjustments to intergenerational mechanisms for the transfer of social experience are required. It is possible and necessary to adjust the system of family relations at a normative level. But genetic memory does not allow us to fundamentally change the system of real family relations. The history of past generations haunts living descendants.

Ключевые слова: преемственность поколений, межпоколенные процессы, трансгенерационные факторы, семейные отношения, ментальные характеристики, социологические методы, поколения «детей», «отцов», «дедов», генетическая память, сценарии жизни.

Keywords: continuity of generations, intergenerational processes, transgenerational factors, family relationships, rational and irrational, mental

characteristics, sociological methods, generations of “children”, “fathers”, “grandfathers”, genetic memory, life scenarios.

Оригинальность представленного авторского материала заключается в том, что трансгенерационные процессы, как правило, исследуемые психологами и психоаналитиками, подвергнуты анализу социологическими методами. Выборочная совокупность социологической части исследования в 2021 году составила 1190, в 2022 г. – 1005 белорусских респондентов. При отборе респондентов использована квотно-пропорциональная выборка, формируемая с учетом репрезентативности по половозрастным, социально-экономическим, социокультурным, территориальным, профессионально-статусным характеристикам генеральной совокупности.

Оригинальность метариала заключается и в том, что для анализа общих и различающихся показателей социального самочувствия, паттернов поведения, в том числе и предпочтительных геополитических векторов развития белорусского государства, в исследовании были выделены возрастные группы респондентов: 19–29 лет – «дети», 40–49 лет – «родители» и старше 60 лет – прародители, «дедушки».

Трансгенерационные факторы представляют собой особую форму социально-психологических отношений, благодаря которым каждое новое поколение наследует опыт предков, получая в наследство генетическую память, сценарии жизни и стили поведения старших поколений. В своем сущностном содержании трансгенерационные факторы представляют собой бессознательные, оформленные в передаваемых от поколения к поколению коллективных (семейных) историях, преданиях, мифах, архетипах, выполняющих роль смысловых межпоколенных кодов. Каждое новое поколение не вольно самостоятельно выбирать, какие черты характера и модели поведения ему перенимать от родителей, а от каких отказываться, это «считывается» им еще с детства. Опыт прошлых поколений не отпускает как ныне живущих, так и их потомков.

Исходя из этого положения, рабочая гипотеза исследования строилась на предположении, что «вилка» между оценками социального самочувствия «детей», «родителей» и «прародителей» определена межпоколенным, трансгенерационным фактором. Для реализации этой цели базовые и инструментальные ценности, геополитические предпочтения, индикаторы самочувствия молодого поколения – «детей» представлены в сопоставлении с аналогичными показателями представителей старших поколений – «отцов» и «дедов».

Идеи о неотрефрексированных формах межпоколенных, родовых связей существуют столько же, сколько существует и наука об обществе. Межпоколенные, трансгенерационные механизмы передачи молодому поколению родовых кодов начали интенсивно исследоваться на системной методологической основе со второй половины XX века. Методологическую базу для исследования этих процессов составили идеи ученых, работающих на стыке социологии и психологии – Зигмунда Фрейда, Карла Гюстава Юнга, Эриха Берна [1-3].

С присущей для белорусов толерантностью в стране очень долго обходили «острые углы» военной правды о жертвенных потерях, положенных на алтарь Победы, а значимость событий Великой Отечественной войны рассматривали через путь к Победе. В проникновенных словах песни Б. Окуджавы, написанной для кинофильма «Белорусский вокзал», очень четко «запротоколирована» историческая правда восьмидесятых годов двадцатого столетия как попытки оправдания и примирения с колоссальными человеческими потерями: «А нынче нам нужна одна победа, / Одна на всех – мы за ценой не постоим».

В соответствии с теоретическими посылами трансгенерационных процессов, пережитая нацией, этносом, семьей, но незалеченная, «невыплаканная» родовая травма несет в себе передоваемое из поколения в поколение коллективно переживаемое чувство вины, стыда, боли, унижения. Эти травмирующие социум чувства передаются следующим поколениям до тех пор, пока они не будут завершены социально-психологическими методами. Не выстраданная, не оплаканная родовая травма потенциально способна стать частью исторической, социокультурной идентичности нации. Каждое поколение оставляет своим потомкам не только право, но и обязанность достойно распорядиться общей исторической памятью. Нынешнему и последующим поколениям белорусов предстоит найти, как, каким образом, без малейшей фальши будет «снята» родовая травма белорусов, не оплаканная боль за жертвы детей, женщин, стариков, безвинно погибших в Хатыни, Озаричах, Тростинце, Але, Красном Береге.

С целью уточнения содержания и объема исторической памяти, исторической идентичности молодого поколения белорусов, понимания того, с какими историческими событиями они связывают судьбу белорусского народа, в анкете был сформулирован вопрос с перечнем в «меню подсказок» 21 исторического события, выстроенного в хронологической последовательности. Полученные оценки молодыми людьми исторических событий свидетельствуют, что рейтинг значимых позитивных событий для судьбы белорусского народа возглавили два объединяющих современных белорусов исторических события: победа в Великой Отечественной войне – так посчитали 77% всех опрошенных

молодых респондентов и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, которое как позитивно значимое событие определили 70%. Из предложенных в «меню подсказок» удаленных исторических событий как позитивно значимое 60% молодых респондентов назвали факт отмены крепостного права в 1861 году. Чуть меньшее, но также значительное количество респондентов (42%) в качестве позитивных для белорусского народа указали на принятие Конституции Республики Беларусь в 1994 году, подписание договора о создании Белорусско-российского союзного государства в 1999 году, воссоединение белорусского народа в 1939 году (39%) и издание Ф. Скориной первой книги на белорусском языке в 1517 году (39%).

Мировой практике известно, что историческая национально-ментальная идентификация драматическими событиями определяется не в меньшей мере, чем событиями позитивными. Иерархия негативных событий для судьбы белорусского народа показывает, что незаживающей «родовой травмой» для жителей остается чернобыльская коллективная травма – 8 из 10 опрошенных респондентов указали на нее как на значимое трагическое событие в судьбе белорусского народа. О национальном характере восприятия чернобыльской трагедии говорит тот факт, что большая часть опрошенных респондентов родились уже после Чернобыльской аварии. Несмотря на принимаемые государством меры по реабилитации, возвращению к жизни пострадавших территорий, для жителей Гомельской области, в том числе и поколения «детей», принявших на себя львиную долю последствий произошедшей рукотворной катастрофы, эти события надолго останутся незаживающей раной.

К негативным историческим событиям, трагически повлиявшим на судьбу белорусского народа, молодые белорусские респонденты вполне прогнозируемо отнесли:

- начало второй мировой войны в 1939 г. (71%);
- начало Великой Отечественной войны в 1945 г. (69%);
- попытку государственного переворота в 2020 г. (55%);
- Беловежские соглашения о распаде СССР в 1991 г. (27%).

Следует отдельно отметить, что такие исторические события, как Грюнвальдская битва в 1410 г. и «битва под Оршей» в 1514 г., несмотря на то, что они в «меню подсказок» занимали две первые строчки, были помещены молодежью в перечень событий, не существенно повлиявших на судьбу белорусского народа.

Процесс формирования исторической памяти, исторической идентичности у белорусов в целом и у молодых белорусов, в частности, далеко не завершен. О сложности, противоречивости формирования исторической памяти белорусов

говорит и нелогическое, несоразмерное определение значимости связанных между собой событий. Так, образование БССР в 1919 г. как позитивно значимое событие обозначили всего 31% опрошенных респондентов всех поколений и столько же (31%) образование СССР в 1922 г. При этом более половины респондентов (56%) негативно оценили подписание Беловежских соглашений, то есть развал и БССР, и СССР.

Одна из задач социологического исследования заключалась в изучении предметно-деятельных проявлений памяти о героических подвигах и жертвах Великой Отечественной войны. С этой целью в анкете был сформулирован вопрос, «Как Вы относитесь к сохранению памяти о Великой Отечественной войне?».

Результаты анкетного опроса свидетельствуют, что в целом респонденты заинтересованно относятся к сохранению памяти о трагических и героических событиях в судьбе белорусского народа. Этот вывод подтверждают и полученные в исследовании данные об оценке респондентами младшей возрастной группы. Только 6% молодых людей, что соответствует величине статистической погрешности, выбрали вариант ответа «Считаю, что пора об этом забыть и заниматься насущными делами». Абсолютное большинство молодых белорусов помнят и деятельно поддерживают память об этом историческом событии. Одним из самых распространенных способов поддержания памяти о героических и трагических событиях в жизни советского народа у опрошенных респондентов (65%) является просмотр документальных и художественных фильмов о Великой Отечественной войне, их обсуждение с друзьями, коллегами, родственниками. Этот приоритет подтверждает один из главных постулатов трансгенерационной теории о том, что формирование коллективного исторического кода, коллективной памяти преимущественно осуществляется через художественные произведения – книги, фильмы, живописные и музыкальные произведения. Так, исторические события легче усваиваются и четче запечатлеваются в памяти.

На посещение памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной, как форму сохранения исторической памяти указало две трети (67%) респондентов младшей возрастной группы. Каждый четвертый молодой респондент ответил, что он участвует в акциях «Беларусь помнит» (Белорусский вариант российского «Бессмертный полк)», «Земля славы ратной» и других патриотических мероприятиях [5].

Особое внимание следует обратить на тот факт, что только треть опрошенных молодых людей (34%) ответили, что в их семьях хранятся семейные реликвии (письма, фотографии, награды) своих родственников,

участвующих в Великой Отечественной войне, и о них старшие представители рода рассказывают своим детям и внукам. Отметим и тот факт, что уже сегодня в половине семей, по самым различным причинам, в том числе и потому, что в так называемых неполных семьях отсутствует отец, не осуществляется процесс передачи этой священной информации через самый главный канал социальной трансляции исторической памяти – «от отца к сыну». Не сложно спрогнозировать, что в будущем удельный вес этого способа трансляции не только исторических событий как таковых, но семейно-значимых преданий о Великой Отечественной войне, будет сокращаться. А полноценно заменить семейно-родовую форму и сохранения, и трансляции исторической памяти о трагических и героических событиях в судьбе белорусского народа внесемейным социальным институтам, в том числе государственным и общественным, вряд ли будет возможным. Даже самый лучший учебник истории не сравнится с «живой» памятью, основанной на рассказах дедов-прадедов. Учебники по истории, школьные уроки могут и должны систематизировать исторические знания, но учебники не смогут, да и не должны заменять живой, межпоколенный канал передачи «преданий о старине глубокой» от отца к сыну [4].

Список использованных источников

1. Фрейд, З. Тотем и табу: в 2 кн. Кн. 1 / З. Фрейд // «Я» и «Оно»: Труды разных лет / пер. с нем. – Тбилиси: Мерани, 1991. –350 с.

2. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг; пер. с нем. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.

3. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – СПб.: Университет. кн.; М.: Аст, 1992. – 399 с.

4. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: история, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 319 с.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РАЗВИТИЯ ЕАЭС

INTERGENERATIONAL LINK AS A NECESSARY INSTITUTIONAL COMPONENT OF EEAS DEVELOPMENT

В.Г. Доброхлеб
ИСЭПН и ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва
V.G. Dobrokhleb
ISEPN and IDI FNISC RAS, Moscow

ЕАЭС – это относительно новый, но быстро развивающимся региональный интеграционный союз, в определенном смысле, составляющий ядро СНГ. При этом развитие и переход на последующие интеграционные этапы невозможны без социальных институтов Союза. Рассмотрение социальных программ, норм по формированию единых социальных ценностей не входит в круг задач региональных союзов на постсоветском пространств или рассматривается лишь вскользь. В этой связи одним из направлений развития, например ЕАЭС, может стать программы по укреплению связи поколений, которая может быть подпрограммой развития сферы образования.

The EAEU is a relatively new, but rapidly developing regional integration union, which in a sense constitutes the core of the CIS. At the same time, development and transition to subsequent integration stages are impossible without the Union's social institutions. Consideration of social programs and norms for the formation of common social values is not included in the scope of tasks of regional unions in the post-Soviet space or is considered only in passing. In this regard, one of the directions of development, for example, of the EAEU, could be a program to strengthen the link between generations, which could be a subprogramme for the development of education.

Ключевые слова: ЕАЭС, социальный институт, социальные нормы, социальные ценности, связь поколений, демографическая структура.

Keywords: EAEU, social institution, social norms, social values, generational link, demographic structure.

Страны, расположенные на постсоветском пространстве, существенно различаются по степени интеграции. Например, страны Балтии, начиная со времени распада СССР, позиционировали себя как не связанные с бывшими союзными республиками, другие предпринимали усилия для создания различного рода региональных союзов (РИО). К середине девяностых годов 20 века (1995 г.) относится создание интеграционного ядра из ряда бывших союзных республик: к концу века (1999 г.) Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан объединились в Таможенном союзе и едином

экономическом пространстве. В настоящее время состав ЕАЭС входит пять стран: Россия, Кыргызстан, Казахстан, Армения и Беларусь. Это относительно новый, но быстро развивающийся РИО, в определенном смысле, составляющий ядро СНГ. При этом развитие и переход на последующие интеграционные этапы невозможны без социальных институтов Союза, который был создан как «союз четырех свобод» – свободной торговли, свободы передвижения людей, свободы движения услуг, свободы движения капиталов [1]. Исследователи отмечают, что с началом СВО в феврале 2022 года, при нарастании санкционного давления недружественных стран, в первую очередь США и ЕС, становится более сложным формирование современного интеграционного союза. Предполагается, что наиболее приемлемым является организация «Большого Евразийского партнерства», составляющего систему социальных институтов и соглашений различного характера [2]. В первую очередь решается задача создания экономических, финансовых и правовых институтов. А рассмотрение социальных программ, норм по формированию единых социальных ценностей не входит в круг задач региональных союзов на постсоветском пространств или рассматривается лишь вскользь. При этом использование «мягкой силы» значительно облегчает процессы интеграции представителей различных культур. В этой связи одним из направлений развития, например ЕАЭС, может стать программы по укреплению связи поколений, как подпрограмма развития сферы образования. Потребность в этом направлении интеграции повышается, в связи необходимостью стратегического планирования по развитию ЕАЭС, для выполнения Стратегии-2025, а также при подготовке новых стратегических документов с большим горизонтом планирования, в том числе до 2045 гг. Потребность укрепления связи поколений обусловлена ещё и тем, что меняется демографическая структура стран ЕАЭС. В РФ, Беларуси и Армении интенсивный процесс демографического старения требует новых подходов. А более молодые по возрастной структуре населения Казахстан и Кыргызстан испытывают потребность в накоплении опыта лучших практик в изменении социальных институтов при трансформации демографических структур и миграционных процессов. Сотрудничество в укреплении связи поколений может реализовываться через проекты и новые рамочные программы в сфере гуманитарных отношений между странами. Первоначально это направление может реализовываться через систему образования стран участниц, рамочных программ, усиливающих экономические и социальные эффекты.

Список литературы

1. Союз четырех свобод: что нужно знать про ЕАЭС. URL. https://fedpress.ru/article/3243641 (дата обращения: 09.06.2023).

2. Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление. Экспертный доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Д.В. Галушко, М.К. Глазатова, В.Н. Зуев и др.; под науч. ред. Т.А. Колобашкиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. URL. https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/826632331.pdf (дата обращения: 09.06.2023).

НАУЧНАЯ ШКОЛА Л.Л. РЫБАКОВСКОГО В СИСТЕМЕ НАСТАВНИЧЕСТВА

L.L. RYBAKOVSKY'S SCIENTIFIC SCHOOL IN THE MENTORING SYSTEM

Т.К. Ростовская
ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва
T.K. Rostovskaya
IDI FNISC RAS, Moscow

В кратком обзоре представлена роль Л.Л. Рыбаковского – легендарного учёного, ведущего демографа, видного исследователя с мировым именем, доктора экономических наук, профессора, внесшего огромный вклад в развитие демографической науки.

The brief overview presents the role of L.L. Rybakovsky, a legendary scientist, leading demographer, prominent researcher of international renown, doctor of economic sciences, professor, who made a huge contribution to the development of demographic science.

Ключевые слова: Л.Л. Рыбаковский, демограф, демография, научная школа, наставничество

Keywords: L.L. Rybakovsky, demographer, demography, scientific school, mentoring

В связи с объявленным Указом Президента России В.В. Путина «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника», тема наставничества в 2023 г. приобретает особую актуальность [1]. Одной из эффективных форм подготовки научно-педагогических кадров является

наставничество. В научной среде наставничество играет ключевую роль, так как наставник может передать свой опыт и знания своему подопечному, помочь ему развить научное мышление, а также обучить основным методам исследования. В рамках заявленной темы интересен краткий обзор Научной школы Л.Л. Рыбаковского – ведущего демографа, легендарного учёного, доктора экономических наук, профессора, который внес огромный вклад в развитие демографической науки.

Научная школа нашего Учителя и Наставника, Л. Л. Рыбаковского, выходит далеко за рамки отечественного направления [2]. Им подготовлено свыше 100 докторов и кандидатов наук, работающих в России и за рубежом. Опубликовано более 400 научных трудов, в том числе – 15 авторских монографий и свыше 40 разделов в коллективных книгах, включая учебники и учебные пособия по демографии, миграции населения, социологии и экономике труда. Основные научные идеи, разработанные автором, относятся к теории миграции населения, демографии и региональным исследованиям народонаселения.

Назовём важные научные достижения и идеи Л. Л. Рыбаковского. Он является автором классификации населения в зависимости от «генезисного» признака, учитывающего происхождение (рождение) и (или) продолжительность проживания на определённой территории [3]. Большое значение для регионального анализа миграций имеет предложенный в конце 60-х годов XX столетия так называемый коэффициент интенсивности межрайонных миграционных связей (КИМС) [4].

Существенным вкладом в теорию миграции явилась разработка Л. Л. Рыбаковским концепции трёх стадий миграционного процесса. Принципиальные положения Концепции сводятся, во-первых, к разделению таких понятий, как готовность к миграции (мобильность) и переселение (реализация этой готовности). Другое положение сводится к вычленению из всего миграционного процесса его срединной части миграционных потоков, совокупность которых представляет некое множество прямых и обратных перемещений, структурированных по личностным и географическим характеристикам. Третий принципиальный момент состоит в отказе от одностороннего понимания процесса взаимодействия человека с новыми для него социальной средой и природно-географическими условиями. Это та стадия миграционного процесса, начало которой в превращении мигранта в новосёла, а конец – в переходе новосёлов в состав старожилов, то есть постоянного населения конкретной территории. Кроме того, предложено авторское представление о взаимосвязи условий, факторов и причин, обосновано использование этих понятий применительно к естественным и социальным

явлениям. По мнению автора, для первых свойственна двуединая схема: «условия–факторы»; для вторых – триединая: «условия–факторы–причины». Доказано, что факторы – это только та часть компонентов среды (условий), которые связаны с тем или иным конкретным явлением. В отличие от факторов причины имеют самостоятельное значение только для явлений социальной сферы. Они представляют собой взаимодействие объективного и субъективного, реакцию человека на тот или иной компонент среды или их группу. Так, по отношению к миграции фактор – это совокупность условий, которые воздействуют на принятие человеком решения о миграции, а причина – это то, что непосредственно заставляет человека принимать конкретные действия [5].

Новым является предложенный этнодемографический метод оценки людских потерь для отдельных частей государства или бывшей общей страны. Прямой счёт или балансовый метод, применяемые для оценки общих для страны людских потерь, не пригодны в данном случае. В общих чертах суть этнодемографического метода состоит в том, что людские потери для отдельных частей определяются из потерь тех этносов или, точнее, национальностей, которые относятся к государствообразующим. На основе данного метода им рассчитаны людские потери России в Великой Отечественной войне [6].

Л. Л. Рыбаковский научную деятельность всегда сочетал и сочетает с разработкой практических предложений. Так, им было обосновано введение в южных районах Дальнего Востока районного коэффициента к зарплате (в 1.3) тем категориям граждан (в середине 60-х годов это было свыше 0.5 млн человек), которые в те годы не имели подобных льгот. Предложение было принято и реализовано. В начале XXI века под его руководством группой специалистов была разработана Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г., одобренная Правительством в 2002 г. Л. Л. Рыбаковский – активный участник разработки Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г., утверждённой Указом Президента РФ в 2006 г. Совместно с группой учёных им были разработаны концепции и программы демографического развития таких регионов, как Смоленская, Самарская области, город Москва, ХМАО и др. [7].

Творческая деятельность Л. Л. Рыбаковского отмечена рядом государственных наград, ведомственных медалей и грамот. Среди них: Медаль «За доблестный труд», Медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II и 1 степени, Орден Дружбы, золотая медаль МГУ им. М. В. Ломоносова, за выдающийся вклад в демографическую науку, серебряная медаль им. П. Сорокина за развитие социологической науки, серебряная медаль ВДНХ за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР, медаль

«Ветеран труда», нагрудный знак «Отличник социально-трудовой сферы», медаль «За заслуги в развитии Дальнего Востока», Почётный орден ЦК КПРФ «100 лет Ленинскому комсомолу», медаль Федеральной миграционной службы «За заслуги».

В настоящее время Леонид Леонидович Рыбаковский – наш Учитель и Наставник, активно занимается научно-исследовательской деятельностью в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН. Является автором многочисленных монографий, среди которых особо следует выделить уникальный научный труд «Великая отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы Победы». Как пишет сам автор: «Это книга о величайшей драме, которую в середине XX века пережил наш народ. Несмотря на колоссальные людские потери, не говоря уже об уничтоженном материальном богатстве, создававшемся неимоверным трудом тех, кому выпало затем защищать себя, своих близких, свой народ, свою Родину от фашистской чумы, эта чума была повержена советскими воинами, водрузившими над Рейхстагом флаг Победы. Это книга о Великой Отечественной войне, о том, что ее отличает от всех войн, известных человеческой истории, о том, как, потеряв такое огромное количество военнослужащих и еще большее количество гражданского населения, страна смогла выстоять и победить, благодаря каким факторам это произошло» [8].

Л.Л. Рыбаковский – корифей своей любимой науки – демографии, видный исследователь с мировым именем, по праву является центральной фигурой не только Института демографических исследованеий ФНИСЦ РАН, но и всей демографической науки в целом. Все профессиональное сообщество восхищается научными и жизненными достижениями нашего Учителя и Наставника. И еще – у него есть удивительное свойство – брать на себя ответственность за тех, кто рядом с ним – и родных, и друзей, и нас, его сотрудников. Это удивительное качество – быть помощником и защитником тех, кто с ним рядом, не претерпело изменений в кардинально поменявшейся жизненной ситуации последних двух десятилетий, а это дорогого стоит. Огромная Вам благодарность, наш дорогой Учитель и Наставник, желаем Вам неиссякаемой энергии, активного долгожительства и новых ярких учеников!

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 "О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника" URL: https://www.msu.ru/news/pub-lectures/sociology/ribakovski.html (дата обращения: 25.04.2023).

2. Поздравляем Леонида Леонидовича Рыбаковского с 90-летним юбилеем! // Демоскоп Weekly. 2021. № 899–900. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0899/nauka02.php (дата обращения: 25.04.2023).

3. Демография для практических работников / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦПС, 2005. – 208 с.

4. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграции: [монография]. М.: Статистика, 1973. – 159 с.

5. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). М, 2003. – 217 с.

6. Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне. М.: Экон-Информ, 2010. – 140 с.

7. Поздравляем Л. Л. Рыбаковского с юбилеем! // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1, № 2. С. 3–5.

8. Рыбаковский Л. Л. Великая отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы Победы. Москва, 2020, Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Экон-Информ" (Москва) – 251 с.

РАЗВОДЫ В КАЗАХСТАНЕ И РОССИИ: ОТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ К КУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

DIVORCES IN KAZAKHSTAN AND RUSSIA: FROM COMPARATIVE STATISTICS TO CULTURAL CASUALITY

С.А. Судьин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Д.М. Айкенова
PhD по политологии, советник Председателя Ассоциации исследователей Китая, директор исследовательского центра ID-зерттеу, Казахстан
S.A. Sudin
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
D.M. Aikenova
PhD in Political Science, Advisor to the Chairman of the Association of Chinese Researchers, Director of ID-Zertteu Research Centre, Kazakhstan

На основании статистических данных и результатов социологических исследований анализируются тенденции и факторы разводимости в России и Казахстане. Эти страны отличают высокие позиции в антирейтинге

разводимости, однако, можно выделить определенную специфику в основных причинах, обусловливающих данный процесс. Делается предположение о большей традиционности казахстанского общества, выводящей на первые роли среди факторов разводимости супружеские измены и негативное влияние родителей. В России же главной причиной разводов оказывается бедность.

Based on statistical data and results of sociological research the trends and factors of divorce in Russia and Kazakhstan are analysed. These countries are characterised by high positions in the anti-rating of divorce, however, it is possible to identify certain specifics in the main reasons for this process. The assumption is made about the greater traditionality of Kazakhstani society, which puts adultery and negative parental influence at the top of the list of divorce factors. In Russia, the main reason for divorce is poverty.

Ключевые слова: развод, разводимость, демографические структуры и процессы, Россия, Казахстан, социально-культурный контекст.

Keywords: divorce, divorceability, demographic structures and processes, Russia, Kazakhstan, socio-cultural context.

Общее культурно-историческое наследие, объединяющее народы Российской Федерации и Республики Казахстан на протяжении многих десятилетий, по-прежнему оказывается мощным фактором формирования тенденций социально-демографического развития обеих стран. Это касается динамики основных демографических процессов (рождаемость, смертность, брачность и разводимость) и демографических структур (гендерной, возрастной, семейной и брачной). Эта общность выражается в схожести не только положительных или негативных демографических тенденций как таковых, но и в их обусловленности. Проанализируем статистику разводов в России и Казахстане с целью выявления общих и специфических черт социальной ситуации, характеризующей культурное наследие народов Союза Независимых Государств.

Развитие демографических процессов тесно связано с состоянием института семьи, его изменениями. В современном обществе функция воспроизводства населения по-прежнему сохраняется за официально зарегистрированной семьей, а, значит, направления ее трансформаций будут, в том числе, определять ситуацию в репродуктивной сфере. При характеристике процессов разводимости в России и Казахстане следует обратить внимание, что обе страны находятся значительно выше среднемирового уровня разводимости. В настоящее время общий коэффициент разводимости составляет 1,97 (среднее количество разводов на 1000 населения в год). При этом, необходимо указать, что Россия на протяжении многих лет является безусловным мировым лидером антирейтинга разводимости – 4,7, а Казахстан со своими 3,0 уверенно входит в первую десятку стран. Подобная схожесть вряд ли может быть случайностью, не

имеющей отношения к общему прошлому. Достаточно сказать, что, кроме России и Казахстана, в первую мировую десятку стран-лидеров по уровню разводимости входят Молдова, Беларусь, Латвия, Украина, Литва и Грузия.

Брачность и разводимость – базовые демографические показатели, характеризующие процессы формирования супружеских пар и их динамики. Низкая брачность, высокая разводимость, распространение сожительств (незарегистрированных браков, в терминах демографической статистики) становятся яркими и устойчивыми чертами семейно-брачных отношений в России и Нижегородском регионе, в частности. Брачность, являясь важнейшим демографическим фактором формирования семьи, в течение трех последних десятилетий дважды меняла направление изменений: начало 1990-х гг. характеризуется стремительным падением показателей до максимально низкого значения в 1998 г. за весь послевоенный период; в начале 2000-х гг. показатели брачности фиксируют некоторую тенденцию к росту, которая, к сожалению, сменяется новым снижением числа зарегистрированных союзов до минимальных пока значений.

Рост показателей разводимости, фиксируемые в последние десятилетия в современном обществе, – одно из самых серьезных последствий нарушения баланса во взаимоотношениях семьи и социума. За последние 20 лет в Республике Казахстан наблюдается сокращение численности браков и рост числа разводов. Участились разводы и среди людей старшего поколения. По данным «Анализа положения в области народонаселения», подготовленного при технической поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Казахстане, с 2013 по 2018 год число браков сократилось в целом по стране на 18%, число разводов за 2000-2018 гг. выросло в среднем вдвое.

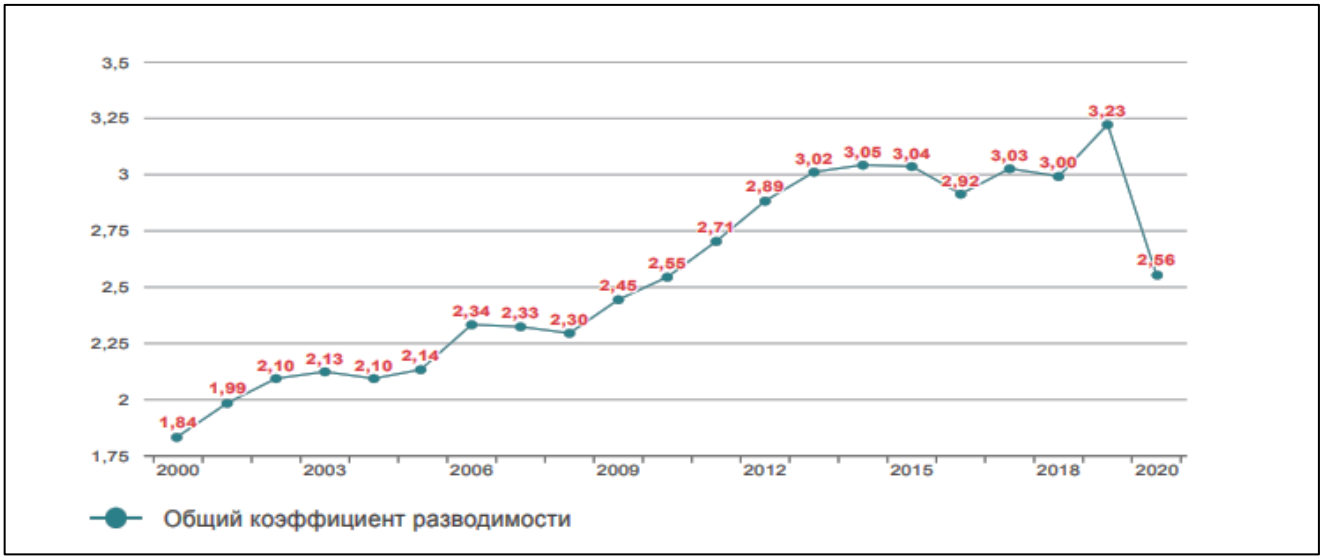


Рис. 1. Динамика общего коэффициента разводимости в Казахстане за период с 2000 по 2020 гг.

Несмотря на снижение как числа разводов, так и общего коэффициента разводимости, Республика Казахстан остается в Топ-10 стран с самым высоким уровнем разводимости. Рост числа разводов и процессы, происходящие с институтом брака, заставляют сделать вывод: распад брака в результате развода не утратил своей актуальности. Изучение брачно-семейных отношений показал, что распад семьи – не только проблема отдельных людей, но и проблема всего общества.

Согласно данным Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, число разводов в стране повышалось, достигнув пика в 2019 году – 59 796 разводов. Уровень же разводимости составил 3,23. В 2020 году впервые за долгое время наблюдалось снижение общего числа разводов – 48 002. Уровень разводимости составил 2,56 случаев на 1000 человек. При этом на каждые 1000 браков приходится 373 развода.

Чаще разводятся супружеские пары, не имеющие общих детей, и их доля составила 34,9%. Доля разводов среди пар, имеющих 2-х и более общих детей, – 33,3%, с одним общим ребенком – 31,8%. Поскольку разница в данных небольшая, можно сделать вывод, что наличие детей не является сдерживающим фактором для развода у казахстанцев.

Статистика разводимости в России выглядит значительно более драматичной и не демонстрирует серьезных колебаний в зависимости от изменения социально-экономической или пандемической ситуации. На рисунке 2 показана динамика общего коэффициента разводимости в России в период с 2010 по 2022 год.

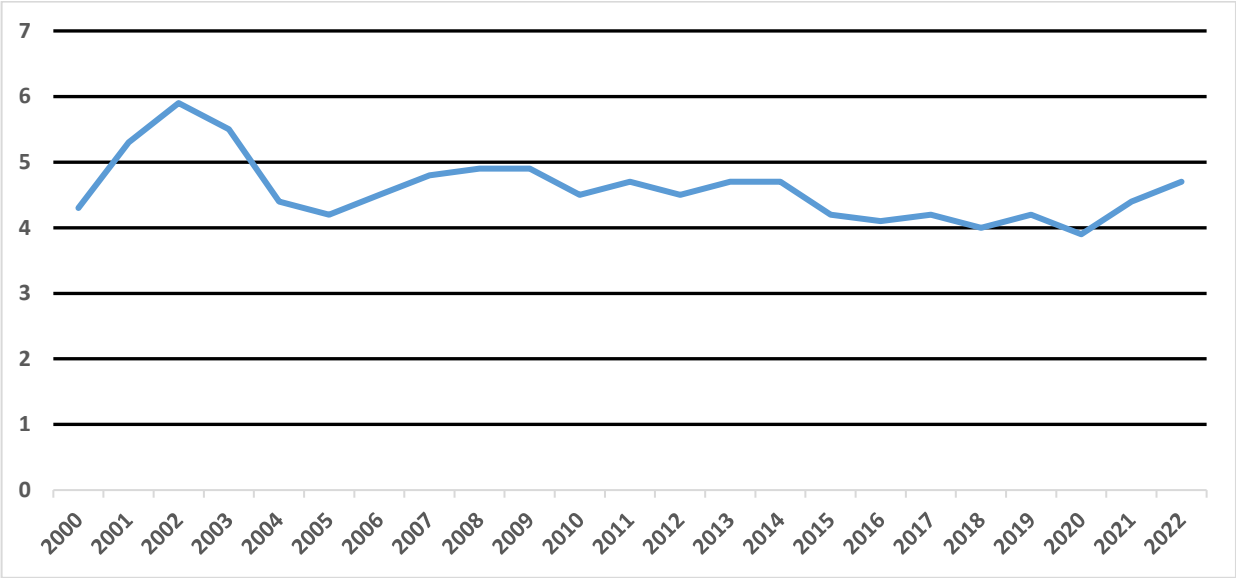


Рис. 2. Динамика общего коэффициента разводимости в России в 2000-2022 гг.

За последние десять лет россияне стали реже жениться, при этом число разводов стало почти рекордным. Так, в 2006 г. в России браков было больше, чем разводов, примерно в 1,5 раза, в 2011 году – в 2 раза, в 2020 – в 1,4 раза, в 2021 и в 2022 – в 1,5 раза. Даже пандемия почти не повлияла на количество пар, решивших официально оформить разрыв отношений: в ковидный год на 10 свадеб приходилось 7 разводов.

Каковы основные декларируемые причины разводов? По данным ВЦИОМ за 2021 год, в России наиболее популярными причинами разводов являлись: бедность (33%), взаимное непонимание (15%), неверность одного из партнеров (14%), бытовые проблемы (10%), несовместимость характеров (8%) и алкоголизм одного из супругов (8%). В важности материального фактора четко прослеживается отечественная специфика: например, в США финансовые неурядицы в качестве причины для распада семьи идут лишь на четвертом месте.

Данные ответов респондентов Казахстана показывают, что наиболее распространенной причиной разводов явились: супружеская измена либо появление второй семьи, следующие по частоте – вмешательство родственников в семейную жизнь. Помимо этого, в качестве причин развода все чаще указывается систематическое домашнее насилие, алкоголизм, ревность, а далее следует указание материальных причин: безработица, нехватка средств и, как следствие, проблемы с жильем.

Тем не менее, иерархия причин развода в обеих странах и их относительный вес позволяют увидеть преобладание элементов традиционного общества по сравнению с российским. Признаваемое огромное влияние родителей, острое переживание супружеских измен, относительно спокойное отношение к нехватке денег, более высокий болевой порог в случаях бытового насилия – все это свидетельствует либо о высокой роли мусульманского фактора, либо о сильной акцептации того, что мы называем традиционными семейными ценностями. Об этом свидетельствует анализ других переменных, имеющих прямое отношение к исследуемой проблематике, например, уровень рождаемости. На протяжении последних трех лет суммарный коэффициент рождаемости не опускается ниже 3,0, достигнув максимума 3,32 в 2021 г. Для сравнения, это вдвое больше, чем в России в соответствующий период. Важно, что рождаемость у русского и украинского населения в Казахстане значительно выше, чем у россиян и украинцев на их исконных территориях (2,11 и 2,14 соответственно).

Аналогичным образом выглядит и возрастная структура: население в возрасте до 14 лет составляет более 30%, а доля пожилых (старше 65) не дотягивает до психологической отметки в 8%, за которой, по оценкам ООН, общество вступает в период демографической старости.

Более глубокий сравнительный анализ может быть невероятно полезным при решении актуальных проблем демографического развития России. В условиях фундаментальных изменений на международной арене актуальным становится обращение к культуре народов, некогда составлявших единое целое и сохранивших схожие духовно-нравственные ориентиры и культурные приоритеты. Общность исторического пути, объединившего не одно поколение наших народов, оказывается залогом взаимопонимания и на современном этапе развития.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE AND MODERNITY: GENDER ANALYSIS

З.А. Хоткина
ИСЭПН ФНИСЦ РАН, г. Москва
Z.A. Hotkina
ISEPN FNISC RAS, Moscow

Этот текст, во-первых, о женщинах и мужчинах, во-вторых, о русских пословицах, а также о том, как первое репрезентируется во втором. На основе гендерного анализа сделан вывод, что, хотя пословицы – это архаичная форма нематериального культурного наследия, но они и сегодня живы, популярны и продолжают оказывать влияние как на отношения к женщинам и мужчинам (гендерные стереотипы), так и на отношения между ними.

This text is, firstly, about women and men, secondly, about Russian proverbs, as well as how the first is represented in the second. Based on gender analysis, it is concluded that although proverbs are an archaic form of intangible cultural heritage, they are still alive, popular and continue to influence both attitudes towards women and men (gender stereotypes) and the relationship between them.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, русские пословицы, женщины, мужчины, гендерные стереотипы

Keywords: intangible cultural heritage, Russian proverbs, women, men, gender stereotypes

Ренессансом нематериального культурного наследия можно назвать первую четверть XXI века. В 2003 г. ЮНЕСКО принимает Конвенцию об охране нематериального культурного наследия [1]. В 2014 г. Указом Президента РФ были утверждены «Основы государственной культурной политики", а в 2016 г. разработана и принята Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ]. И наконец, 2022 год был не только объявлен годом нематериального культурного наследия, но также в этом году в России был принят Федеральный закон "О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации" [№ 402-ФЗ от 20 октября 2022 г.]. В этих российских государственных документах ключевое значение отводится задачам сбережения историко-культурных ценностей, культурного и семейного наследия. Это отражает актуальность тематики, как данной конференции, так и избранной темы выступления. Нематериальное культурное наследие (НКН) называют также «живым наследием», поскольку в его сохранении ключевая роль принадлежит людям – носителям данного наследия, благодаря которым оно живет в веках и передается из поколения в поколение. Нематериальное наследие состоит из интеллектуальных богатств, таких как знания и язык. фольклор и обычаи, верования и традиции, песни и музыка, навыки и ремесла, а также включает устное народное творчество – сказки и былины, пословицы и поговорки. Поскольку это не лингвистическое исследование, а гендерный анализ традиционных гендерных стереотипов, содержащихся в русских пословицах, то его цель состояла в том, чтобы показать взаимосвязь между гендерными нормами, принимающими вид гендерных стереотипов, и культурой, отраженной в нематериальном наследии.

Сущность «духовного культурного наследия» состоит в том, что оно создается и распространяется живыми людьми – мужчинами и женщинами, поэтому естественно, что между нематериальным культурным наследием и гендером существует многогранные взаимосвязи. С одной стороны, гендерные отношения и нормы оказывают влияние на процесс передачи нематериального культурного наследия, а, с другой – само нематериальное культурное наследие оказывает влияние на гендерные отношения, играя важную роль в деле создании и распространении гендерных ценностей и норм, а также в их преобразовании. Духовное культурное наследие хотя и создавалось в архаическом прошлом, но оно продолжает жить в настоящем, оказывая влияние на современность. Поскольку наша конференция посвящена связи поколений, то в контексте темы выступления следует отметить, что мало что так сближает и объединят разные генерации россиян как гендерные стереотипы, которые отражены в пословицах

и поговорках о мужчинах и женщинах. Одна из причин широкого распространения и живучести гендерных стереотипов состоит в том, что своими корнями они уходят в глубокие пласты нематериального культурного наследия, где были сформированы архетипы мужского и женского пола, представленные в НКН, и, в том числе в пословицах и поговорках.

В начале аналитической части тезисов рассмотрим, как в народных пословицах представлены женщины и мужчины, и попытаемся понять, почему эти репрезентации содержат множество гендерных асимметрий, отражающих социальное неравенство полов. А затем постараемся определить, как сегодня следует относиться к народным пословицам, которые содержат негативные гендерные стереотипы, но при этом входят в НКН.

Для архаичного народного сознания, отраженного в НКН характерны гендерные противопоставления и различия, в которых мужчина представлен как субъект и положительное начало, а женщина, как объект и отрицательное начало. Это несложно понять и объяснить тем, что женщины получили равные права с мужчинами немногим более ста лет, а НКН существует века и тысячелетия, когда женщины считались людьми второго сорта, а иногда вообще приравнивались к домашнему скоту. Поскольку в контексте русской традиционной культуры женщина не признавалась носительницей разумного начала, то в пословицах «Если баба, то глупая», «Дура – баба» – таковы стереотипы русской этнокультуры. И эти гендерные стереотипы находят отражение в целом ряде народных изречений и поговорок: «Волос долог – ум короток»; «Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца»; И еще одна интересная, хоть и не столь популярная пословица – «Собака умней бабы: на хозяина не лает». Здесь мужчина фактически назван хозяином женщины, которая низводится до уровня животного существа. Но не только в уме-разуме отказывает женщине русская традиционная культура, представленная в популярных и живучих до сих пор пословицах и поговорках. В них нередко женщине отказано даже в самом признании ее человеком, поскольку одна из самых распространенных пословиц, которая и до сих пор, как говорится, у всех на слуху – «Курица не птица, женщина (баба) не человек». «Бабья дорога – от печки до порога», «Баба бредит, да кто ей верит?»; «Знай, баба, свое кривое веретено» и т.д. Отсюда и отношение к женщинам в пословицах, которыми до сих пор пытаются оправдать домашнее насилие по отношению к ним: «Бей бабу, что молотом, сделаешь золотом», «Люби жену как душу, тряси ее, как грушу», «Хоть бита, да сыта» и т.п. То есть русские пословицы, не просто оправдывают насилие против женщин, а даже призывают к нему, поскольку «Бей бабу» – это повелительное наклонение. Здесь уместно

напомнить, что и в «Домострое», который также относится к НКН и являлся квинтэссенцией моральных норм российского общества XV–XVII веков, делу «воспитания жены» посвящена не одна глава. При этом под физическим «воспитанием» подразумевались наставления, для мужа как правильно бить жену, чтобы не наносить ей тяжелые увечья [2]. К сожалению, приведенные выше пословицы с негативными коннотациями в отношении женщин настолько прочно вошли в нашу жизнь, что стали основанием для большинства гендерных стереотипов, которые широко распространены и глубоко укоренены в российском обществе. По мнению большинства специалистов, именно гендерные стереотипы, несмотря на технический и социальный прогресс, а также изменение положения и роли женщин в обществе, сегодня являются главной причиной социально-экономического неравенства женщин и мужчин.

Однако негативный образ женщины в пословицах представлен не всегда, поскольку отрицательные стереотипы в русских пословицах связаны с концептом «баба/жена», но не распространяются на «мать». Образ матери в пословицах практически всегда представлен как символ положительного: «От солнышка тепло, от матери добро». Отношение к матерям и материнству принципиально иное, поэтому нет пословиц, где у матери обнаруживаются стереотипные женские черты: сварливость, отсутствие ума или болтливость.

Количественно-смысловой гендерный анализ показал, что более половины пословиц о женщинах, бабах и женах содержат негативные оценки как их самих, так и их качеств (ума, нравственности, верности и др.). Еще часть пословиц рисует нейтральный образ женщин, и лишь примерно пятая часть русских пословиц о женщинах характеризует их положительно, в то время как ситуация с мужчинами и мужиками выглядит почти зеркально: большинство пословиц о них имеет комплементарный характер, а пословицы, оценивающие мужчин, негативно составляют явное меньшинство.

Мужчина предстаёт в большинстве русских пословиц в роли мастера и работника, защитника и кормильца, а иногда и царя. Мы и сегодня говорим про мужа, отца, сына или просто благодетеля: «Он для нас царь и бог». А про безнадёжного тупицу, что он «Без царя в голове». Эти сравнения связаны с андроцентричностью русского языка и культуры в целом. В большинстве русских пословиц отражена главенствующая роль мужчин в обществе и в семье: «Мужик – богу свеча, государю слуга», «Муж всему голова», «Мужик в семье, что матица в избе». При этом главенство мужчин в семье и обществе отражает традиционную иерархическую систему, в которой одни повелевают, а другие должны подчиняется, то есть гендерные роли жестко заданы и закреплены. Поэтому многие пословицы пестрят противопоставлениями мужского и

женского начал и в этих сравнительных параллелях женщины выступают в отрицательных ролях, а оппозиция “мужское – женское” имеет коннотацию “правильное – неправильное”, например, «Муж пашет, а жена пляшет» и др.

Если пословиц с негативной оценкой женщин и их качеств много, то найти пословицы с негативной оценкой мужчин не так-то просто. В пословицах о мужчинах чаще всего осуждаются лень и пьянство: «Лень мужика не кормит», «Вино полюбил – семью разорил». Вот еще две-три поговорки с негативом о мужчинах, которые с трудом удалось найти: «Бешеному мужу и море за лужу». «Молодец среди овец, а на молодца и сам овца», «Мели Емеля – твоя неделя». В то же время есть ряд пословиц, в которых негативные стороны образа или поведения мужчин как бы «компенсируются» другими их качествами: «Мужик сер, а ум-то у него не волк съел», «Мужик глуп, как свинья, а хитер, как черт» или «Муж как ворона, а все жене оборона». Так же в поговорках негатив в отношении мужчин иногда «оправдывается» за счет сравнения с женщинами, в которых эти изъяны выглядят еще хуже, что отчасти реабилитирует мужские недостатки: «Муж пьет – полдома горит, жена пьет – весь дом горит».

Подводя итог краткому гендерному анализу русских пословиц и их влиянию на современные гендерные стереотипы, можно сделать некоторые выводы: во-первых, однозначно понятным является мужское авторство пословиц, в которых отражена преимущественно мужская картина мира и показана мужская власть в нем. Во-вторых, в пословицах доминируют андроцентристские установки, отражающие традиционные семейные и общественные отношения, гендерная поляризация, идеи о неравенстве полов. И, наконец, во многих пословицах женщины представлены отрицательно, что создало негативные гендерные стереотипы, которые воспроизводился из поколения поколение и дошли до наших дней. При этом следует отметить, что существует множество лингвистических исследований на тему гендерных асимметрий в языке, где анализируются не только русские, но также немецкие, казахские, якутские и др. гендерные пословицы. И выводы во всех этих исследованиях примерно одинаковые: причинами строгой регламентации гендерных ролей и различий, а также основанной на этом иерархии статусов мужчин и женщин являются патриархатные установки и андроцентричность, на которых построена вся прошлая и современная культура, не только в России, но и во всем мире.

А теперь подходим к следующему важному вопросу данного мини-исследования: как следует относится к пословицам, которые, с одной стороны, являются частью нематериального культурного наследия, а, с другой – основой для воспроизводства в современном обществе традиционных гендерных

стереотипов, дискриминирующих женщин? Интересны позиции по данному вопросу двух выдающихся ученых – знатоков русской литературы и культуры. В середине XIX века, В.И. Даль, собравший и опубликовавший более 30 000 русских пословиц и поговорок, безусловно, понимал, что в них много негатива и дикости, но, несмотря на это он публично встал на их защиту, заявив: *«Пословица неподсудна. Это мудрость народа»*. Вероятно, с первой частью его высказывания можно согласиться, если считать пословицы только памятником истории культуры**,** а не питательной средой для воспроизводства традиционных гендерных стереотипов. Но в контексте приведенного выше гендерного анализа, со второй частью высказывания В.И. Даля согласится трудно или даже невозможно. Поскольку о какой «мудрости народа» может идти речь, когда в пословицах оскорбляется человеческое достоинство женщин и происходит их обесчеловечение**,** когда пословицы своим содержанием оправдывают унижение, оскорбление и насилие в отношении женщин. Через сто лет после В.И. Даля, в середине XX века, свое мнение о пословицах высказал другой крупнейший ученый и защитник русской культуры, блестящий российский филолог и искусствовед, академик РАН Д.С. Лихачев. По его мнению, *«В пословицах много неправды. Пословицы – это циничная форма мышления, она оправдывает и успокаивает»*. Взгляд Д.С.Лихачева на пословицы более современный, поскольку он был выдающимся гуманистом и, как его называли, «совестью нации**»,** то он не мог прощать «неправды» и «цинизма» даже историческому наследию.

Свое мнение о нематериальном культурном наследии, нарушающем права человека, выработал также и XXI век – оно сформулировано в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. В статье 2.1. Конвенции подчеркивается, что в ее рамках может рассматриваться только то нематериальное культурное наследие, которое *совместимо с международными стандартами в области прав человека*. [1]. Жаль, что Россия только подписала, но не ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО, а в российском законе "О нематериальном этнокультурном достоянии РФ" идеям приверженности правам человека места не нашлось.

И в заключении об отношении автора текста к нематериальному культурному наследию, которое через устаревшие пословицы содействует распространению и воспроизводству традиционных стереотипов о женщинах и способствует сохранению гендерного неравенства в современном российском социуме. Пословицы – это лингвистические факты, и они свидетельствуют о том, что гендерная дискриминация в российском нематериальном культурном наследии достаточно широко распространена. И что теперь делать с этими

пословицами? Вычеркнуть их из культурного наследия? Запретить? Нет. пусть они останутся памятником культурной отсталости наших предков**,** но только не следует их сегодня воспринимать как руководство к действию, что, к сожалению, можно часто слышать в современной (особенно мужской) речи и наблюдать на мужских сайтах и форумах.

Список литературы

1. Конвенции об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // URL: Конвенция об охране нематериального культурного наследия – (un.org) (дата обращения: 05.06.2023).

2. «Воспитания жены»: самое дикое правило в «Домострое» [Электронный ресурс] // URL: «Воспитания жены»: самое дикое правило в «Домострое» (cyrillitsa.ru) (дата обращения: 10.06.2023).

ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ МИГРАНТОВ X, Y И Z* ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

VALUES OF GENERATIONS OF MIGRANTS X, Y AND Z FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Г.И. Осадчая,
Т.Н. Юдина
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва
G.I. Osadchaya
T.N. Yudina
Institute of Demographic Research of the National Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow

В исследовании поставлена цель, опираясь на результаты социологического исследования, проанализировать главные жизненные цели мигрантов из стран Центральной Азии, выявить особенности терминальных ценностей респондентов и факторов, их формирующих. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на социальное благополучие России. Исследование не носит репрезентативного характера, поскольку отбор респондентов мигрантов возможен лишь на основе неслучайной выборки с

* поколение X – 1961–1981; поколение Y (милленниалы) – 1982–2004; поколение Z (зумеры) – с 2005 по приблизительно 2025 год.

Поколение X (икс) | 1967–1984 Поколение Y (игрек) или милленниалы | 1984–2000 Поколение Z (зет) или зумеры | 2000–2015.

Поколéние Z (англ. Generation Z) – термин, применяемый в мире для поколения людей, родившихся примерно с 1997 по 2011 год.

использованием метода целевого отбора по трем признакам: гражданство, место проживания и работы, возраст.

The study aims, based on the results of a sociological study, to analyze the main life goals of migrants from Central Asian countries, to identify the features of the respondents' terminal values and the factors forming them. The results of the study can be used by the authorities in the preparation and implementation of a set of measures aimed at the social well-being of Russia. The study is not representative, since the selection of migrant respondents is possible only on the basis of a non-random sample using a targeted selection method based on three criteria: citizenship, place of residence and work, age.

Ключевые слова: Ценности, ценностные ориентации и установки, мигранты, страны Центральной Азии.

Keywords: Values, value orientations and attitudes, migrants, Central Asian countries

Миграция оказывает влияние на трансформацию ценностей как фундаментальных норм, обеспечивающих интеграцию общества, помогающих индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях в принимающем обществе. Учитывая, что среди государств, откуда прибывает большинство мигрантов в Россию, – страны Центральной Азии в статье на основе анализа результатов анкетного опроса, проведенного в феврале – марте 2023 года, показаны ценностные ориентации мигрантов [1, 2, 3]. Опрошено 970 человек (Казахстан – 201, Кыргызстан – 175, Россия – 204, Таджикистан – 199, Узбекистан – 191). Опрос россиян включен в программу исследования для сопоставительной ценностей мигрантов из стран Центральной Азии и россиян.

Ценностные ориентации представляют субъективное внутриличностное образование, которое формируется в результате интериоризации ценностей и норм социального окружения, закрепляются индивидуальным жизненным опытом человека, ограничивая значимое для него от незначимого, существенное от несущественного. [4, 5, 6]. В нашем исследовании они измеряются как субъективный образ представлений о вариантах поведения, системе отношений, основанных на общественных идеалах.

По данным опроса, мигранты в 1,3 раза, или на 18,4%, чаще согласны с утверждением, что создание своей семьи является главной жизненной целью/достижением. В рейтинге у мигрантов первое место занимает ответ – «Крепкая семья, хорошие дети», у россиян – 2-4 ранг.

Отметим, по большинству показателей терминальные ценности мигрантов во всех страновых группах очень близки, хотя есть некоторые отличия. Позицию

«Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать» чуть чаще отмечали мигранты из Кыргызстана, «Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» – россияне, казахстанцы – карьера, власть. «Стремление к Богу, следование его заповедям» – мигранты из Кыргызстана и Узбекистана. «Уважение со стороны окружающих» жители России отметили в 3,8 раза меньше, нежели мигранты.

Следует отметить гендерные особенности ответов на этот вопрос. Позицию «Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать» чаще выбирали мужчины, «Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» – женщины, «Уважение со стороны окружающих», «Карьера, власть» – мужчины, «Жить в мире, чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилия» – женщины мигрантки.

Для 45,3% молодых респондентов россиян в возрасте 18-25 лет и 36-45 лет (43,7%), а также молодых мигрантов в возрастной когорте 18-25 лет (40,1%) важно «Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты», для 34,7% молодых мигрантов в возрастной когорте 18-25 лет «Уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив». Для 40,8% россиян в возрастной когорте 36-45 лет «Жить в мире, чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилия».

Особенности терминальных ценностей наших респондентов объясняет значимость для мигрантов национальных/этнических традиций и обычаев, особенно религиозных. (рис.1)

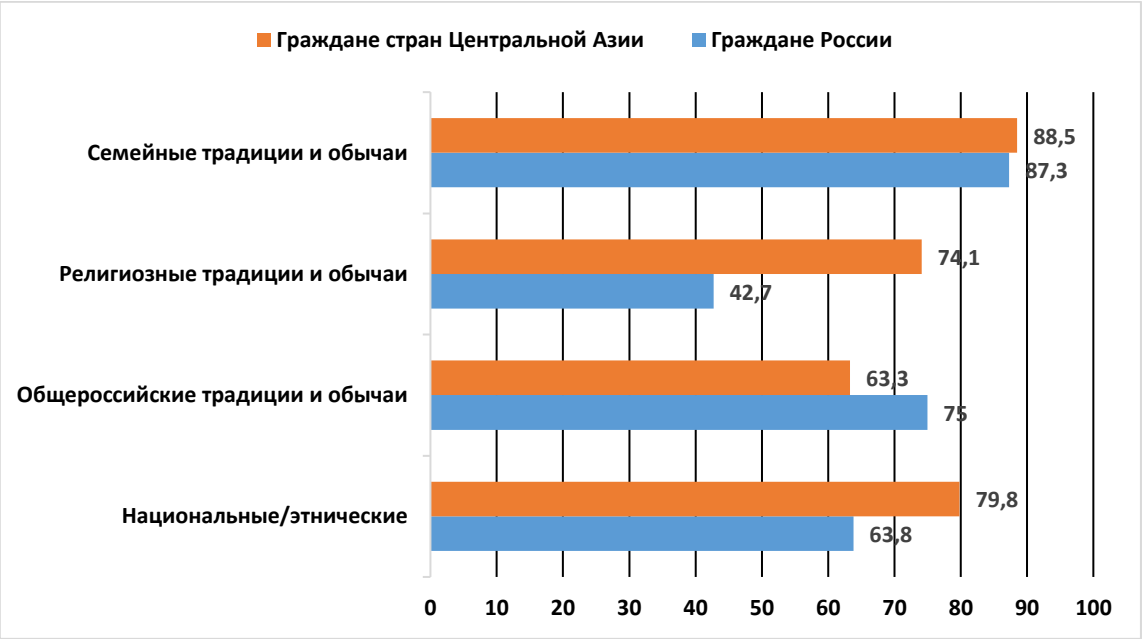


Рис. 1. Значимость традиций и обычаев: очень важны/скорее важны, в % от опрошенных по группам

Большинство респондентов важным для создания и функционирования своей семьи считает такие абсолютные ценности, как взаимная любовь, взаимное уважение. Мигранты более высоко ценят сохранение верности партнеру. Для россиян более важна взаимная поддержка супругов, взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов. (табл.1)

Таблица 1

Оценка респондентами важности семейных ценностей (множественный вопрос), в % от опрошенных

Ранг	Россияне	Ранг	Мигранты
1-3	Взаимная любовь (52,0%) Взаимная поддержка супругов (50,5%) Взаимное уважение (49,0%)	1–2	Взаимная любовь (53,5%) Взаимное уважение (52,9%)
		3	Сохранение верности партнеру (41,5%)
4-6	Взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов (31,9%) Сохранение верности партнеру (31,9%)	4–6	Взаимная поддержка супругов (36,7%)
			Согласие супругов по всем ключевым вопросам (29,6%)
	Согласие супругов по всем ключевым вопросам (29,9%)		Наличие семейных традиций (23,4%)

Более высоко женщины ценят согласие супругов по всем ключевым вопросам, равноправие в решении всех вопросов. А мужчины – взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов, сохранение верности партнеру. Чем старше респонденты, тем выше ценят сохранение верности партнеру, согласие супругов по всем ключевым вопросам.

Одной из важнейших семейных ценностей является уважение индивидуальности каждого члена семьи, недопустимость насилия одного супруга над другим для подчинения своим интересам и потребностям, установления власти и контроля над членами своей семьи [5].

Уголовное наказание за это деяние поддержало бы большинство опрошенных россиян (77,5%) и на 16,3% меньше мигрантов (61,2%). Чаще безусловную поддержку введения уголовного наказания за внутрисемейное (домашнее) насилие высказывали женщины, что может косвенно свидетельствовать о том, что женщины чаще испытывают на себе давление со стороны членов семьи.

Исследование фиксирует различия в представлениях наших респондентов о должной семейной иерархии, обозначая те изменения, которые происходят при трансформации традиционной семьи. Как свидетельствует опрос, мигранты

скорее придерживаются традиционной системы, тесно связанной с порядком, определяющим авторитет, власть в семье и степень влияния одного члена семьи на других. Они чаще ориентированы на патриархальную модель семьи, которая представляет собой властную систему, во главе которой стоит отец, полагают, что главой семьи является муж, он сам принимает основные решения, или главой семьи должен быть кто-то из старшего поколения. Матриархальная модель семьи практически не имеет поддержки ни среди мигрантов, ни среди россиян. Москвичи демонстрируют бóльшую симметрию моделей мужского и женского семейного поведения, когда члены семьи могут замещать друг друга при выполнении семейных обязанностей. 6 из 10 опрошенных полагают, что супруги равны, все вопросы должны решаться совместно. Видимо, мы можем говорить о сохранении в представлениях большинства респондентов – мигрантов авторитарной системы властных отношений в семье, а москвичей/ жителей Подмосковья – демократической (рис. 2).

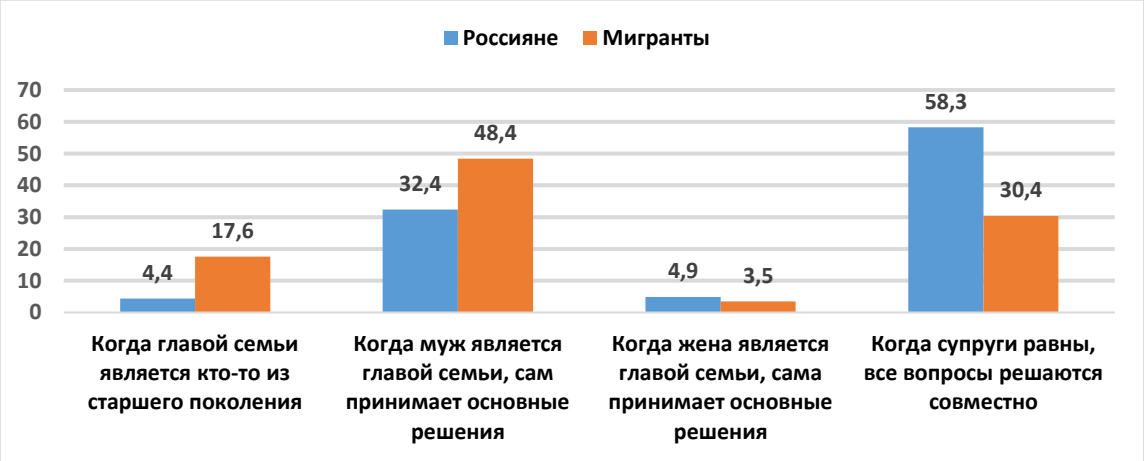


Рис. 2. Мнение респондентов о наиболее приемлемой форме взаимоотношений внутри семьи, в % от опрошенных

Мужчины чаще поддерживают форму взаимоотношений внутри семьи, когда муж является главой семьи. Женщины – когда супруги равны, все вопросы решаются совместно. Молодые респонденты чаще демонстрируют приверженность демократическому, эгалитарному типу распределения власти в семье.

Полученные в исследовании результаты могут способствовать расширению теоретического знания о поведении в Россиимигрантов, дополняют опыт предыдущих исследований, наполняют теорию социологии новой и актуальной информацией о поведении мигрантов из Центральной Азии. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при

подготовке и реализации комплекса мер, направленных на демографическое благополучие столицы.

Список литературы

1. В РФ на заработки в 2022 году чаще всего приезжали граждане Узбекистана и Таджикистана. [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/17090753 (дата обращения: 1.08. 2023).

2. Стало известно, из каких стран прибыло в Россию больше всего трудовых мигрантов в 2022 году [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/07/18975343.shtml; В Россию за 2022 год приехало на треть больше мигрантов: какие страны в лидерах [сайт]. URL: https://bankstoday.net/last-news/v-rossiyu-za-2022-god-priehalo-na-tret-bolshe-migrantov-kakie-strany-v-liderah (дата обращения: 1.08. 2023).

3. Количество иностранцев, проживающих в Москве в 2023 году. [сайт]. URL: https://biletworldskills.ru/kolichestvo-inostrantsev-prozhivayuschih-v-moskve-v-2023-godu (дата обращения: 1.08. 2023).

4. Weber M. Gesammelte Aufsatze zur Wissenschaftslehre. Tubingen, 1922, p. 584.

5. Бадонов А.М. Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей // Учёные записки ЗабГУ. 2014. № 4 (57). С. 10-13.

6. Лапин Н.Г. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3-21.

7. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1. С. 13–25.

МЕНТОРСТВО В СФЕРЕ IT: СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

MENTORSHIP IN IT: A SOCIAL INSTITUTION WITHIN THE PROFESSIONAL COMMUNITY

Р.В. Голубин,
А.П. Коротышев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
R.V. Golubin,
A.P. Korotyshev
Lobachevsky University

IT-менторство рассматривается как социальный институт, то есть система норм и отношений, которая опирается на разделяемые профессиональным сообществом ценности. Авторы утверждают, что современное IT-менторство вышло за рамки чисто образовательной технологии, приобретя собственное

институциональное, коммуникационное, практико-прикладное выражение. В сфере IT менторство развивается значительно успешнее, чем в других профессиональных сферах. Причина этого кроется, в первую очередь, в частичном отходе от классических взглядов на менторство в пользу адресной взаимопомощи в прикладных вопросах.

IT mentoring is considered as a social institution, i.e. a system of norms and relations, which is based on values shared by the professional community. The authors argue that modern IT mentoring has gone beyond purely educational technology, having acquired its own institutional, communicative, practical and applied expression. In the IT sphere mentoring is developing much more successfully than in other professional spheres. The reason for this is, first of all, a partial departure from the classical views of mentoring in favor of targeted mutual assistance in applied issues.

Ключевые слова: менторство, ментор, IT-менторство, образование в IT, наставничество.

Keywords: mentoring, mentor, IT mentoring, IT education, mentoring.

Менторство как образовательная технология и как особый институт формирования профессиональных и личностных компетенций в последние годы широко обсуждается в академической среде. Государственные и коммерческие структуры с различной степенью успеха пытаются развивать собственные программы менторства.

Тем не менее, по-настоящему масштабного распространения данная технология не получила: в лучшем случае она развивается в рамках небольших профессиональных сообществ в форме ограниченных по охвату аудитории программ отдельных организаций. В данном формате активно развиваются соответствующие психолого-педагогические подходы, однако формирования менторства как социально-образовательного института фактически не происходит.

Исключение здесь составляет сфера IT, где менторство, как будет показано, получило широкое распространение и собственное институциональное выражение. Причиной такого успешного развития является специфический подход к менторству в IT, несколько отличающийся от как от массовых представлений, так и от научных теорий. Выявление ключевых особенностей данного подхода, обусловивших успехи IT-менторства, и является целью представленного материала.

Следует кратко охарактеризовать взгляды научного сообщества на феномен менторства. Необходимо заметить, что в российском научном дискурсе соседствуют понятия «менторство» и «наставничество». Представляется, что

они вполне равнозначны, поскольку термин «наставничество» представляет собой перевод английского слава «mentoring», а термин «менторство» – его транслитерацию. При этом отечественные статьи о наставничестве массово ссылаются на англоязычные работы о менторстве. Мы будем пользоваться терминами «менторство», «ментор» и «менти», поскольку именно они активно применяются в сфере IT.

Научному сообществу до сих пор не удалось сформулировать универсальное определение данной категории. Это, по всей видимости, объясняется тем, что менторство представляет собой сложный, не имеющий четких понятийных границ процесс взаимодействия двух и более субъектов. В научной литературе под менторством (наставничеством) понимаются, в самом широком смысле, отношения между ментором (наставником) и менти (наставляемым), нацеленные на развитие профессиональных и личностных качеств последнего.

Дж.О. Сантамария характеризует менторство как особый вид индивидуальных отношений, нацеленный не только на обучение, но также на поддержку и поощрение обучающегося. При этом подчеркивается добровольность усилий ментора, их благонамеренный и благотворительный характер [1].

Л.Дж. Захари и Л.А. Фишлер описывают менторство как особый механизм в рамках образовательного процесса, в значительной мере способствующий передаче и усвоению знаний, а также благоприятно влияющий на развитие личности [2].

В.Б. Джонсон подчеркивает межличностный характер отношений менторства, в рамках которых более опытный и авторитетный индивид может выступать для менее опытного в роли учителя, воспитателя, руководителя и спонсора. Однако в первую очередь он является примером для подражания, профессиональным и даже духовно-нравственным ориентиром [3].

Американские исследователи активно развивают функциональный подход к менторству, определяя его как механизм, который способствует передаче знаний, развитию определенных умений, навыков и компетенций, адаптации личности в профессиональной среде [4].

Такого рода представления, по всей видимости, восходят к древним традициям менторства, характерным для античной и средневековой эпох. В то время молодого человека принято было отдавать на воспитание старшему члену некоей социальной корпорации (профессиональной, сословной или родовой), что включало проживание в его доме и усвоение, помимо знаний и умений, некоторых мировоззренческих и морально-этических принципов. В

специфических социально-экономических условиях этих ушедших эпох менторство, действительно, было одной из наиболее прогрессивных форм образования, и именно эти условия сформировали его характерные черты, выделяемые современными исследователями:

- Адресность и ориентированность на личность. Поскольку образование в эпоху расцвета менторства еще не стало массовым, и обучающихся не могло быть много.
- Межличностный характер общения. Поскольку ментор и менти фактически жили совместной жизнью, не только профессиональной, но и бытовой.
- Акцент на развитии личностных качеств. Поскольку менти оставался в ближайшем окружении ментора и непосредственно влиял на его жизнь.
- Значительный социализирующий, духовно-нравственный компонент. Поскольку античные и средневековые сообщества выполняли функции множества возникших позже институтов – от школы до индустрии развлечений.

На этих особенностях менторства, в том числе менторства в IT, как правило, и акцентируется внимание как в академической среде, так и в информационном пространстве. При этом теряются из вида другие важные особенности, которые и обеспечивают успех менторства в IT. Чтобы выявить, их обратимся к практике.

Приведем три аргумента в пользу того, что IT-менторство, действительно, может рассматриваться как существующий в рамках профессионального сообщества социальный институт.

Во-первых, в IT-менторство вовлечено обширное и устойчивое профессиональное сообщество. В него входят как опытные IT-специалисты, предлагающие помощь новичкам, так и начинающие, имеющие опыт общения с менторами и охотно пользующихся их услугами. Подтверждением этого может служить активное обсуждение IT-менторства в социальных медиа (табл. 1.).

Таблица 1

Статистика пользовательских сообщений с формулировкой «IT ментор» (включая словоформы) в социальных медиа в январе–июне 2023 г. (данные сервиса IQbuzz)

Месяц, год	янв. 2021	фев. 2021	март 2022	апр. 2022	май 2022	июнь 2023
Число пользовательских сообщений с формулировкой «IT ментор»	3515	3816	4176	3256	3479	3819

Эти данные свидетельствуют, что среди пользователей социальных сетей присутствует устойчивая группа, активно обсуждающая IT-менторство и нередко участвующая в такого рода проектах. Что касается менторства в других профессиональных сферах, то в социальных медиа обсуждается бизнес-менторство, менторство личностного роста, менторство в образовании (в том числе зарубежном), однако активность этих обсуждений крайне низка и не превышает 130-150 сообщений в месяц.

Во-вторых, в глобальной сети действуют он-лайн площадки по подбору IT-менторов. Весьма характерно, что первые сообщества такого рода были инициативой частных лиц. При этом они действуют на безвозмездной основе, не взимая никакой комиссии или платы за участие ни от менторов, ни от менти. Примером такого рода может служить достаточно известный в профессиональных кругах сайт Getmentor.dev Георгия Могелашвили, разработчика из Shopify и ex-Booking. Несколько иной подход, опирающийся на использование технологического инструментария Telegram, предлагает Анна Булдина, автор популярного telegram-канала No Flame No Game. Ее командой поддерживается Telegram-бот для поиска менторов (https://t.me/Nfng_bot). Параллельно действуют успешные коммерческие проекты и общественные инициативы. Крупнейшее российское IT-сообщество Хабр (https://habr.com/) поддерживает собственную площадку Хабр Эксперты – платформу, обеспечивающую координацию менти и менторов в IT. Каждая из этих платформ имеет собственное сообщество, разделяющее определенные профессиональные и личностные принципы.

В-третьих, именно IT-менторство вызывает устойчивый общественный интерес. Об этом красноречиво свидетельствует статистика поисковых запросов в наиболее популярном в России поисковом сервисе «Яндекс» (табл. 2).

Таблица 2

Статистика поисковых запросов с формулировкой «ментор» (включая словоформы), вводившихся пользователями в поисковый сервис Яндекс в июне 2021 г. – июне 2023 г. (данные сервиса WordStat)

Месяц, год	июнь 2021	сент. 2021	дек. 2021	март 2022	июнь 2022	сент. 2022	дек. 2022	март 2023	июнь 2023
Число поисковых запросов с формулировкой «IT ментор»	35715	38858	39852	38117	40417	38790	39777	45287	38945
Число поисковых запросов с формулировкой «коуч ментор»	660	646	844	648	636	599	675	1052	718

Число поисковых запросов с формулировкой «бизнес ментор»	411	452	512	377	551	487	492	612	591

Из всех поисковых запросов с формулировкой «ментор» наиболее популярным с огромным отрывом оказался запрос «IT ментор». Для сравнения в таблице приводится 2 следующих по популярности запроса.

Отметим, что в течение последних двух лет число запросов остается относительно стабильным, с небольшим ростом. Это позволяет утверждать, что в обществе существуют устойчивые профессиональные группы, ориентированные на IT-менторство.

Таким образом, именно в рамках IT менторство обнаруживает признаки социального института как системы взаимосвязанных норм, опирающихся на коллективно разделяемые ценности. Другие профессиональные сообщества в России пока не демонстрируют такого рода достижений.

Представляется, что принципиальное отличие IT-менторства от менторства в других профессиональных сферах заключается в практико-ориентированном подходе. Рассмотрим подробнее деятельность он-лайн площадки «Хабр Эксперты», поддерживаемой крупнейшим российским IT-сообществом Хабр (https://habr.com/).

Данная площадка представляет собой один из разделов портала «Хабр Карьера» (https://career.habr.com/experts). Она включает постоянно обновляемую базу экспертов с удобной навигацией и формой обратной связи. По состоянию на 3 июля 2023 г. в базе было 2013 экспертов, готовых выступить менторами в различных профессиональных областях (Табл. 3.).

Таблица 3

Профессиональная специализация менторов он-лайн площадки «Хабр Эксперты» (по состоянию на 3 июля 2023 г.)

Профессиональная специализация менторов	Число менторов с соответствующей специализацией (один человек может специализироваться в нескольких областях).
Разработка	1054
Тестирование	120
Аналитика	133
Дизайн	141
Менеджмент	233
Информационная безопасность	12
Администрирование	88
Поддержка	26
Маркетинг	67

Контент	27
Продажи	17
Работа с персоналом (HR)	258
Обслуживание офиса	4

Вполне очевидно, что большинство менторов ориентированы на решение прикладных задач, в особенности в области разработки программных приложений, менеджмента проектов, дизайна и пр. Вторая по популярности сфера связана с трудоустройством. Отметим, что навигация по базе экспертов построена именно по принципу профессиональной специализации. Стандартными пунктами анкеты ментора являются сферы, в которых он может быть полезен для менти: «начало карьеры или смена профессии», «развитие навыков», «оценка навыков», «смена работы», «карьерный рост», «помощь с задачей».

При этом работа с личностными качествами, профессиональная социализация, межличностное общение и другие преимущества менторства отходят на второй план. Многие из экспертов предлагают, в дополнение к профессиональным навыкам, чисто психологическую поддержку (помощь с эмоциональным выгоранием, построение отношений в коллективе), но в качестве дополнительных услуг. Лишь один из пунктов анкеты – «поддержка и коучинг» касается этого.

Что касается менти, то их можно условно разделить на 5 категорий:

1. Начинающие специалисты, которые ищут работу в IT. Как правило, они стремятся приобрести нужные навыки и знакомства в профессиональной среде, а их основная задача – успешно пройти собеседование на понравившуюся вакансию.

2. Люди из других смежных профессий (инженеры, физики), которые хотят перейти в IT. Как правило, они уже имеют диплом об основном образовании, но проходят курсы по разработке, активно занимаются самообразованием и нуждаются в сторонней оценке своих навыков и способностей. Нередко они делают собственный IT-проект, по которому им необходима помощь или экспертиза.

3. Практикующие IT-специалисты с опытом работы на уровне junior и middle (разработчики, дизайнеры, тестировщики). Они рассчитывают на консультацию по прикладным вопросам по месту работы, помощь в решении конкретных задач, которые ставит перед ними руководство. Это особенно характерно для небольших компаний, где задач много, а круг грамотных IT-специалистов невелик.

4. Разработчики, достигшие уровня руководителя группы и испытывающие трудности во взаимодействии с коллективом или стремящиеся

его расширить. Они стремятся к развитию навыков менеджмента, установлению профессиональных контактов.

5. Корпоративные заказчики, стремящиеся получить консультацию для своих небольших коллективов по решению прикладных задач.

Вполне очевидно, что все эти категории ориентированы на содержательный профессиональный диалог с ментором и получение быстрых ответов на конкретные вопросы. Под это адаптирована и система навигации, позволяющая менти искать менторов, исходя из профессиональных задач. По состоянию на 3 июля 2023 г. сферы интересов менти выглядят следующим образом (Табл. 4.).

Таблица 4

Сферы интересов менти онлайн площадки «Хабр Эксперты» (по состоянию на 3 июля 2023 г.)

Начало карьеры и смена профессии	1373
Развитие навыков	1275
Оценка (навыков, портфолио, резюме)	1353
Смена места работы	1030
Карьерный рост	821
Помощь с задачей	1269
Поддержка и коучинг	986
Карьера за рубежом	223

Эти данные свидетельствуют, что менти ищут и могут найти на площадке решение прикладных проблем, в первую очередь, технических и карьерных. Определенный запрос на «поддержку и коучинг» тоже присутствует, но он явно вторичен.

Отметим, что время общения ментора и менти подлежит учету и почти в половине случаев оплачивается. Из 2013 менторов 995 согласны консультировать бесплатно, а некоторые за символическую плату в 1-2 рубля в час. Другие просят за свои услуги довольно высокую цену, доходящую до 50 или даже 90 тысяч рублей в час. Вполне понятно, что при лимитированном времени общения обсуждаться будут именно прикладные задачи.

Прикладная деятельность он-лайн площадок IT-менторства несколько отличается от распространенного в научной литературе подхода к менторству как таковому. Она, в целом, вписывается в понимание менторства как отношений между наставником и наставляемым, нацеленные на развитие профессиональных и личностных качеств последнего. Однако, это развитие происходит не за счет поддержки и поощрения, духовно-нравственных ориентиров или длительной работы по совместному саморазвитию, а за счет решения прикладных задач. Более того, именно оперативное решение

прикладных задач (включая и задачу саморазвития и трудоустройства) и является основной целью IT-менторства.

Именно такой практикоориентированный подход позволил IT-менторству перерасти рамки образовательной технологии, став реально действующим социальным институтом, развивающимся в рамках профессионального сообщества.

Список литературы

1. Santamaria, J.O. Mentoring Develops High-Potential Employees. Asia Africa Intelligence Wire, 2003. P. 16.
2. Zachary L.J., Fischler L.A. The mentee's guide: How to make mentoring work for you. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2009. 273 p.
3. Johnson W. B. On being a mentor: A Guide for Higher Education Faculty. 3rd edition. New York – London, 2018. 272 p.
4. Allen T.D., Eby L.T., Chao G.T., Bauer T.N. Taking Stock of Two Relational Aspects of Organizational Life: Tracing the History and Shaping the Future of So- cialization and Mentoring Research // The Journal of Applied Psychology. 2017. Vol. 102. № 3. P. 324–337.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ*

THE CONNECTION OF GENERATIONS AS A POLITICAL SYMBOL

О.В. Рябов,
РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Т.Б. Рябова,
РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
O.V. Riabov,
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
T.B. Riabova,
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Анализируется связь поколений как политический символ. Авторы рассматривают причины политизации возраста и показывают место символа связи поколений в политической риторике; предметом анализа в статье выступают репрезентации отношений между поколениями, производимые

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», https://rscf.ru/project/23-28-01414/

акторами символической политики в интересах тех или иных политических сил в современной России.

The paper deals with the analysis of the connection of generations as a political symbol. The authors examine the reasons of politicizing the age and show how political rhetoric exploits this symbol. The paper focuses on representations of relations between the generations produced by actors of symbolic politics in the interests of certain political forces in contemporary Russia.

Ключевые слова: связь поколений, политический символ, возрастные стереотипы, символическая политика, поколенческий разрыв,

Keywords: connection of generations, political symbol, age stereotypes, symbolic politics, generation gap.

Связь поколений можно рассматривать в качестве не только важнейшей ценности или характеристики реального состояния отношений между возрастными группами, но и политического символа, который активно используется в различных формах символической политики. Предметом анализа выступают репрезентации отношений между поколениями, производимые акторами символической политики в интересах тех или иных политических сил.

Проблема связи поколений имеет непосредственное отношение к такому сущностному признаку человека, как возраст, поэтому вначале мы рассмотрим возрастной дискурс как ресурс символической политики; далее остановимся на значении символа связи поколений в политической риторике; проиллюстрируем использование данного символа материалами репрезентаций протестной активности в России в 2017-2021 гг., связанных с обсуждением взаимоотношений поколений в российском обществе.

Возрастной дискурс как ресурс символической политики

Что выступает причиной использования возрастных маркеров в политике? Прежде всего, различия в возрасте на всем протяжении человеческой истории влияли на возможности той или иной социальной группы принимать участие в управлении и заниматься политической деятельностью, касается ли это геронтократии, или возрастных цензов.

Обращение к методологии конструктивистского подхода требует, кроме того, анализа причин и технологий приписывания возрасту тех или иных значений, оказывающих влияние на различные аспекты использования их в политике. Возрастной дискурс можно определить как систему высказываний о различиях между индивидами, их персональных характеристик и социальных ролей, обусловленных принадлежностью к определенной возрастной группе, а также об особенностях сообществ, детерминированных спецификой

социального статуса, которым обладают в них различные возрастные группы. Семантическое ядро возрастного дискурса структурируется делением на возрастные группы («дети», «взрослые», «старики»); различением поколений, в том числе с наделением их политическими коннотациями (например, «советское поколение»); ассоциированием возраста с ценностнонагруженными оппозициями (например, «прошлое – будущее», «старое – новое», «традиции – новаторство»).

Привлечение символа связи поколений обусловлено тем потенциалом, который заключен в возрастном дискурсе как ресурсе политики; этот потенциал определяет возможности использования его в проведении символических границ между сообществами и легитимации социальных иерархий.

Эффективность возрастных маркеров в качестве символических пограничников обусловлена такими их свойствами, как связь с личным опытом индивидов; заметность, очевидность; апелляция к естественным, природным признакам, что повышает степень их легитимности. Возраст – это различительный признак, позволяющий отделять одну социальную группу от другой. Это различение касается не только собственно возрастных групп (скажем, детей и взрослых), но и других типов социальных сообществ. В политике коллективной идентичности при различении «своего» и «чужого» сообщества используется образ того, как в них осуществляется связь поколений. Напомним слова из «Песни о Родине» В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского: «Молодым везде у нас дорога / Старикам везде у нас почет»; то есть, коллективное «мы» определяется за счет, в том числе, возрастного дискурса, при помощи постулирования того, как в данном сообществе относятся к представителям той или иной возрастной группы.

Что касается легитимации социальных иерархий, то возрастные характеристики могут быть использованы для обозначения неравенства, прежде всего потому, что оппозиция «ребенок – взрослый» выступает в качестве своеобразной матрицы отношений власти и подчинения. Маркировка индивида или сообщества как ребенка означает наделение их эмоциональностью, беспомощностью, безответственностью, мечтательностью; демонстрацию их несамостоятельности и обоснование необходимости контроля за ними [1]. В постколониальных исследованиях показано, что прием символической инфантилизации, уподобление народов колоний несамостоятельным детям эффективно использовался для оправдания и объяснения колониализма [2]. Вместе с тем старость как отклонение и от сегодня существующей нормы, воплощенной во взрослом человеке (прежде всего, взрослом мужчине), тоже может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять,

особенно в условиях стремительно меняющегося мира, и тем самым – фактором, снижающим легитимность политического актора.

Противопоставляя одно сообщество другому, возрастной дискурс способствует и их оцениванию. Так, советский лозунг «Два мира – два детства» привлекался для демонстрации преимущества советского образа жизни над американским, в том числе для иерархизации условий реализации потенциала каждого ребенка, существующих в двух антагонистических системах. Все это обусловливает достаточно активное использование возрастного дискурса в политической риторике.

Символ «связь поколений» в политической риторике

Как отмечает Д. Сирс, термин «политический символ» может быть отнесен к любому аффективно нагруженному элементу в политической сфере [3]. «Связь поколений» обладает всеми признаками, которыми современные исследователи наделяют политический символ [см.: 4]: способность вызывать сильную эмоциональную реакцию; способность быть включенными в создание символических границ между «своими» и «чужими»; пластичность и многозначность.

В современной науке существует несколько трактовок того, как интерпретировать «поколение» [5]. Мы разделяем понимание поколения в символическом значении как обозначения различий «старого» и «нового» [6]; релевантными политике выступают не столько реальные, сколько «воображаемые» поколения. В самом делении на поколения, которые, таким образом, можно трактовать как социальный конструкт, заложена возможность их противопоставления, что, в свою очередь, повышает манипулятивный потенциал символа связи поколений и его эмоциональную нагруженность. Принципиально, что противопоставление поколений нередко сопровождает серьезные общественные перемены (например, в отечественной истории тема «отцов и детей» становится важным вопросом общественных дискуссий, нашедших отражение и в произведениях культуры, будь то роман И. Тургенева или кинематограф «оттепели»); соответственно, стабильность социально-политической системы зависит и от отношений между поколениями, и от репрезентаций этих отношений.

Наличие отмеченных свойств – связь с отношениями власти и обусловленный смысловой неопределенностью манипулятивный потенциал – объясняет ценность данного символа для акторов символической политики, которые для достижения политических целей могут как приуменьшать, так и преувеличивать объективные различия и сходства между возрастными группами.

Преувеличение возрастных различий активно используется в различного рода протестной активности, в том числе в «цветных революциях», в которых активно эксплуатируется тема социальных лифтов для молодежи. Во время событий на киевском Майдане в 2014 г. государственный переворот легитимировался не в последнюю очередь при помощи рассчитанной на молодежь пропаганды, утверждающей, что только «старики «выбирают совок» (проводили акции “спрячь паспорт бабушки – не дай ей проголосовать”), что поколения не только дедов, но и отцов безнадёжно испорчены советской пропагандой <…> Старшие поколения украинцев и Россия в этой картине мира представляли “проклятое прошлое”, а молодежь и Запад – “светлое будущее”» [7].

«Связь поколений» в символической политике современной России

Показательно, что схожие избирательные технологии привлекались и либеральной оппозицией в России. В частности, акция «Спаси страну! Спрячь бабушкин паспорт!» использовалась во время выборов различного уровня, как минимум, с начала 2010-х гг. Во время митинговой активности в 2017-2021 гг., в которой участвовало значительное количество несовершеннолетних россиян, противопоставление поколений в символической политике оппозиции стало особенно заметным.

Во-первых, критика старшего поколения была увязана с критикой статус-кво, а та, в свою очередь, с критикой власти (в одной из статей утверждалось: «партия телевизора и старики (55+) уверенно топят за власть – будущее, очевидно, за оппозицией, предложить молодым ничего кроме пресловутой стабильности власть не может»). Во-вторых, новое поколение наделялось особыми достоинствами и репрезентировалось как не отягощенное грехами и заблуждениями предыдущего. В-третьих, новое поколение было представлено как жертва – и потому, что ему не созданы условия в настоящем, и потому, что отсутствуют перспективы на будущее, что преследовало цель обеспечить ему моральное преимущество; в конфликтной фазе противостояния создавались картины политических репрессий против него, когда утверждалось, что власти применили насилие против самых беззащитных – детей [1].

Провластный дискурс подчеркивал единство поколений. При этом, во-первых, попытки оппозиции противопоставить поколения объяснялись тем, что та просто использует молодежь в качестве пушечного мяса или даже сакральной жертвы, особенно в случаях вовлечения в митинговую активность детей (например: «Цель организаторов – провокация, скандалы, беспорядки. Для них наши дети – объект политических манипуляций. Им нужны сакральные

жертвы»; Анна Митянина, Уполномоченный по правам ребенка по городу Санкт-Петербург).

Во-вторых, подчеркивалось, что противопоставление поколений направлено на разрушение страны (например: «подростки без памяти о героическом прошлом своих предков, которые не читают книг и являются сторонниками быстрых суждений и простых решений, являются «идеальным топливом» для потрясений и революций»; Евгений Примаков, секретарь Союза журналистов России).

В-третьих, акцентировалось внимание на том, что, поскольку ослабление России выгодно ее зарубежным недоброжелателям, оппозиция выполняет роль «пятой колонны» (например: «Нам этот подарок, который готовят цээрушники и наши доброжелатели в кавычках с Запада, совершенно не нужен. Кто главные заговорщики? Те, кто призывал бросить детей под колеса только для того, чтобы разжечь здесь большой пожар»; Геннадий Зюганов, лидер КПРФ).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что возрастной дискурс – значимый ресурс символической политики. Связь поколений может быть рассмотрена как политический символ, который используется как для объединения сообщества, так и для проведения символических границ внутри его. Дискуссии об отношениях между поколениями, которые ведут проправительственные и антиправительственные акторы символической политики, идут в диапазоне оппозиции «Единство поколений» – «Поколенческий разрыв». Связь поколений – это одно из необходимых условий национальной безопасности. Как правило, при анализе вызовов единству России основное внимание уделяется вопросам межэтнических отношений. Между тем деструктивное развитие межпоколенческих отношений может создать угрозы целостности российского общества.

При этом необходимо не забывать, что важна не только символическая политика, но и создание реальных механизмов, обеспечивающих уважительное отношение молодежи к ценностям старшего поколения, с одной стороны, и умение общества адекватно реагировать на запросы нового поколения, детерминированные меняющимися условиями развития социума, – с другой.

Список литературы

1. Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. “Save the Children!”: The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests, 2017-21 / O. Riabov,

T. Riabova, L. Kleshchenko // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2022. Vol. 11. No 2. P. 235–252.

2. Nandy A. Reconstructing childhood: a critique of the ideology of adulthood // Alternatives: Global, Local, Political. 1984. Vol. 10. № 3. P. 359–375.

3. Sears D.O. Symbolic Politics: A Socio-Psychological Theory // Explorations in Political Psychology / Ed. by S. Iyengar, W.J. McGuire. N.Y.: Duke Univ. Press, 1993. P. 113–150.

4. Рябов О.В., Белов С.И., Давыдова О.С., Кубышкин А.И., Рябов Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К.А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.

5. Stoker L. Reflections on the Study of Generations in Politics // The Forum: A Journal of Applied Research in Contemporary Politics. 2014. Vol. 12. No. 3. P. 377–396.

6. Дубин Б.В. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 11–15.

7. Ищенко Р. Инфантильные революции и «планета обезьян» [Электронный ресурс] // URL: https://ru-sled.ru/infantilnye-revolyucii-i-planeta-obezyan/) (дата обращения: 04.04.2023).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ КРЕАТИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

INTERDISCIPLINARITY IN THE STUDY OF CREATIVE VOLUNTEERING: PERSPECTIVES AND CHALLENGES

И.Э. Петрова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
I.E. Petrova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Креативность в благотворительности в целом и привлечении волонтеров является одним из трех «китов» – оснований всей деятельности (креативность, инновационность, социальная польза). Нестандартные ситуации, эвристичность решений в отсутствие готовых алгоритмов – именно это характеризует поле современной добровольческой деятельности. Комплексная междисциплинарная методология, разработанная в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, представляет

возможности для изучения процесса развития персонала благотворительных организаций и волонтеров в части формирования креативной компетенции.

Creativity in charity in general and volunteer involvement is one of the three "whales" - the foundations of all activities (creativity, innovation, social benefit). Non-standard situations, heuristic solutions in the absence of ready-made algorithms – this is what characterises the field of modern volunteer activity. The complex interdisciplinary methodology developed at Lobachevsky University presents opportunities for studying the process of development of staff of charitable organisations and volunteers in terms of formation of creative competence.

Ключевые слова: креативность, волонтерство, благотворительность, междисциплинарность.

Keywords: creativity, volunteering, charity, interdisciplinarity.

Благотворительность зачастую определяется ее участниками и исследователями как креативная по своей сути деятельность. Заявители обращаются с просьбами в социально ориентированные НКО в тех случаях, когда отлаженные механизмы государственной помощи не дают результата (нетипичные проблемы, затрудненный доступ к услугам, отсутствие специалистов). Именно в таких случаях способность действовать не шаблонно, эвристично разрешать проблемы становится значимой характеристикой структур гражданского общества.

Подробный анализ эффекта креативности в благотворительной деятельности представлен в работе «Креативная благотворительности». Х. Анхайер и Д. Лит показывают роль и место креативности и инноваций в процессе оказания помощи благотворительными организациями, а также выделяют основные черты фондов, «способных идти на риск и тестировать новые подходы к решению общественных проблем». Среди этих характеристик: стремление к внедрению инноваций и их долгосрочному использованию; воздействие не только на узкую группу своих благополучателей; обучающее воздействие не только на персонал, но и на волонтеров и получателей помощи (для закрепления позитивных изменений) [1].

Российские исследователи достаточно поверхностно относятся к использованию конструкта «креативность» в анализе благотворительной деятельности, практически отсутствуют научные публикации, сочетающие две эти категории. Вместе с тем, М.В. Певная в многочисленных работах, посвященных изучению добровольческой деятельности, выдвигает тезис об эвристическом характере активности волонтеров и привлекающих их организаций некоммерческого сектора [2].

Авторские исследования социального служения российских и зарубежных организаций показывают, что зачастую они оказывают помощь в тех случаях, когда заявитель не находится в числе благополучателей по государственному законодательству, и им принадлежат многие инициативы в сфере права социального обеспечения [3]. Вместе с тем, подготовка волонтеров и начинающих сотрудников в таких условиях означает их готовность предлагать креативные решения в будущем [4]. Вузовская подготовка молодежи предоставляет широкие возможности для участия в волонтерской деятельности в период обучения, и формирование креативной компетенции происходит не только в учебной, но и во внеучебной работе [5].

Научно-исследовательская молодежная лаборатория «Дизайн информации» под руководством профессора Е.В. Митягиной (создана в рамках программы Приоритет 2030) в 2023 г. разработала комплексную междисциплинарную методологию определения уровня направленности креативности на основе сочетания психологического тестирования, социологической анкеты и когнитивных измерений состояния человека в процессе выполнения эвристических заданий с использованием нейро- и бос-гарнитур. Результаты исследования могу быть дополнены данными цифрового следа респондента в социальных сетях и (или) в электронно-информационных системах организации (в случае опроса студентов – данными их академической успеваемости) [6]. Пилотные исследования проведены совместно с индустриальным партнером ООО «Лаборатория знаний», результаты положены в основу построения автоматизированной системы определения креативности.

Креативная компетенция, по мнению творческого коллектива лаборатории «Дизайн информации», присуща каждому человеку, и обучение в вузе должно способствовать ее развитию. С этой целью по итогу исследований разработан курс для присуждения микроквалификации «Креативность на практике», который будет отвечать запросам работодателей российских компаний на гибкость мышления, инновационные подходы, эвристичность выпускников вузов [7].

В качестве основных перспектив использования комплексной междисциплинарной методологии отмечу возможность адаптации для исследования различных аспектов креативности (развитие отдельных ее компонентов, акцентирование нужной заказчику направленности (например, научно-технологической), анализ социальных факторов развития). Наиболее значимыми вызовами в формировании методологии оказались доминирующая монодисциплинарность в исследованиях, несогласованность мнений в социогуманитарной научной среде по поводу креативности как явления и

избыточность предложенных «кусочных» методик анализа креативности силами отдельных наук.

Список литературы

1. Anheier H.K., Leat D. Creative Philanthropy: Toward a New Philanthropy for the Twenty-first Century. Routledge. 2006. 277 p. P. 39–45.
2. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография / под научной редакцией Г. Е. Зборовского. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 433 с. С. 120–122.
3. Петрова И.Э. Социальное учение и социальное служение конфессиональных организаций в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 289–293.
4. Молодежь: актуальные социальные практики / Бедный Б.И., Буреева Н.Н., Воронин Г.Л., Голубин Р.В., Егорова Н.Ю., Ермилова А.В., Зернов Д.В., Козлова М.С., Козырьков В.П., Коротышев А.П., Лакомова А.А., Муханова Е.Д., Петрова И.Э., Придатченко М.В., Рыбаков Н.В., Ситникова И.В., Соболева А.В., Сова И.В., Сорокин А.С., Тихонова Е.Л. и др. Монография. Нижний Новгород. 2020. С. 143–145.
5. Кутявина Е.Е., Петрова И.Э., Шинкаренко Е.А. Социальные проблемы в представлениях нижегородских студентов (на материале ННГУ им. Н.И. Лобачевского)// Социологические исследования. 2013. № 11 (355). С. 39–46.
6. Исакова И.А., Петрова И.Э., Ситникова И.В. Интердисциплинарность vs междисциплинарность: возможности изучения креативности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1 (173). 2023. С. 310-322.
7. Петрова И.Э., Кузнецова Н.М. Креативные практики в России и мире: развитие и поддержка. М.: Под ред. Т.Э. Петровой Москва: РУСАЙНС. 2023 с. С. 118–119.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ И ПРОЦЕССАХ ИНТЕГРАЦИИ)

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES (TO THE QUESTION OF ORGANIZATIONAL STRUCTURE AND INTEGRATION PROCESSES)

О.А. Колобов,
О.О. Хохлышева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
O.A. Kolobov,
O.O. Khokhlysheva
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Приведены результаты исследования, посвященного анализу международно-правового статуса Содружества Независимых государств (СНГ). Анализируется международно-правовая природа Содружества Независимых Государств.

The results of the research devoted to analyzing the international legal status of the Commonwealth of Independent States (CIS) are presented. The authors analyze the international legal nature of the Commonwealth of Independent States.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств (СНГ), международно-правовая природа СНГ, международная межправительственная организация, объединение государств, союз государств

Keywords: Commonwealth of Independent States (CIS), international legal nature of CIS, international intergovernmental organization, association of states, union of states

Вопрос о международно-правовом статусе Содружества Независимых Государств (СНГ) сохраняет свою актуальность. Множество терминов – Союз независимых государств, Содружество, государства СНГ, пространство СНГ требуют разъяснения в каждом конкретном случае и в соответствии с международным правом. Согласно исторической хронологии событий, Содружество Независимых Государств было создано подписанием 7-8 декабря 1991 г. «Соглашения о создании Союза Суверенных Государств», изменённое позднее на «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств» и именуемое как Беловежские соглашения. В документе, состоявшем из Преамбулы и 14 статей, констатировалось, что СССР прекращает своё существование как субъект международного права и геополитической

реальности [1]. Вместе с тем, основываясь на исторической общности народов, связях между ними, учитывая двусторонние договоры, стремление к демократическому правовому государству, намерение развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, стороны договорились в окончательном варианте об образовании Содружества Независимых Государств [1]. Согласно Преамбуле, Договор о создании Содружества подписан Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной как государствами – учредителями Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года [1]. Здесь уместно заметить, что СССР как государство существовал в период с 30 декабря 1922 года по 26 декабря 1991 года, что позволяет поддержать замечание высококвалифицированных специалистов в сфере международного права о вопросе относительно международно-правовой природы Соглашения о создании СНГ от 8 декабря 1991 года, заключенного республиками, ещё входившими в состав одного государства, а не государствами как таковыми, что требует дальнейшего анализа природы данного Соглашения как международного договора. Следует учесть, что члены федеративного государства, согласно международному праву, не являются субъектами международного права и не могут самостоятельно выступать во внешнеполитической сфере и международных отношениях. Аналогично обстоят дела с Договором о правопреемстве внешнего государственного долга и активов СССР от 4 декабря 1991 г. [2], в действительности, не являющимся международным договором [3]. Согласно статье 13 Соглашения о создании СНГ от 8 декабря 1991 г., сторонами устанавливается: «Настоящее соглашение открыто для присоединения всех государств-членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения [1]. Кроме того, специалистами в сфере международного права отмечается, что формулировка договора о прекращении существования СССР как субъекта международного права не должна пониматься буквально, а скорее как фиксация того, что соответствующий субъект международного права продолжит свое существование под другим именем в связи с прекращением его как государства, что и произошло в дальнейшем [3;4], позволив определить Российскую Федерацию в качестве государства-продолжателя как формы правопреемства, предполагающего переход прав и обязанностей в договорном или ином порядке от предшественника к правопреемнику с сохранением непрерывного статуса существования субъекта. Кроме того, согласно международному праву, совпадающие идентичность (правильно, *тождество – авторы*) и континуитет (форма института правопреемства в международном праве, состоящая в

непрерывности (продолжении) прав и обязанностей субъекта международного права – *авторы*) Российского государства очевидно прослеживаются с периода не позднее, чем с момента IX–X веков. Кроме того, несмотря на некоторые колебания, в доктрине международного права как одном из его источников преобладает точка зрения, согласно которой РСФСР сохранила правосубъектность Российской империи согласно международному праву, а затем Российская Федерация – Советского Союза [4].

Устав Содружества Независимых государств (СНГ), принятый в г. Минске 22 января 1993 г., не содержит точного определения международно-правовой сущности Содружества. Некоторые специалисты понимают под Содружеством союз государств с широкой сферой деятельности во внешней политике, сфере обеспечения коллективной безопасности и обороны. Иногда под союзом понимается конфедерация, что тоже не совсем верно, поскольку конфедерация – это временный союз государств, заключенный прежде всего в военно-политических целях, который прекращает свое существование после их осуществления. Проведение аналогии союзного государства с Швейцарской Конфедерацией невозможно, поскольку в действительности Швейцария – это федеративное государство. То есть, попытка оценить Содружество независимых государств как конфедерацию не представляется возможным.

В настоящее время специалисты придерживаются мнения о том, что Содружество Независимых Государств (СНГ) является международной межправительственной региональной организацией и её статус регулируется согласно ст. 52 Устава ООН [5]. Согласно Алма-Атинской Декларации от 21 декабря 1991 года: «Взаимодействие участников Содружества будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием» [6]. Сохраняет актуальность вопрос об интеграционных процессах Содружества и их регулировании и перспективе. Например, сложилась версия о том, что СНГ может служить основой для интеграции на принципиально новых основаниях и успех этого процесса зависит от эффективности нормативно-правового управления и регулирования их [7; 8].

Сформировалась тенденция к соотнесению структуры, функций и практики СНГ и Европейского Союза (ЕС), который является союзом государств с элементами наднациональности, при наличии двух международных межправительственных организаций в структуре Союза государств и требований гармонизации права и законодательства государств-членов ЕС в соответствии с

европейским правом (правом ЕС). Такой подход к оценке Содружества не представляется уместным, ввиду различия природы и задач СНГ и ЕС. То есть, в отношении международно-правовой природы и сущности СНГ мнения юристов относительно его юридической природы разделились.

В основном, политико-правовая дискуссия относительно международно-правового статуса Содружества связана с положениями о неточности формулировок основных учредительных документов и превалировании экономической интеграционной составляющей.

В Соглашении о создании Содружества Независимых Государств, подписанном 8 декабря 1991 г., констатировалось, что «*Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование*». Одновременно в статье 1 *объявлялось о создании СНГ* [1]. Далее, в Протоколе от 21 декабря 1991 г. к Соглашению о создании Содружества Независимых государств, подписанному в Минске Республикой Беларусь Российской Федерацией (РСФСР), Украиной, подписанном в г. Алма-Ате , закреплялось, что Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина на равноправных началах и как Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств [8]. Вместе с тем, отсутствие в документах об образовании СНГ определения его международно-правового статуса породило различные суждения относительно этого статуса. Согласно ст. 1 Устава Содружества Независимых Государств, принятому в г. Минске 22 января 1993 года, Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов, государства-члены СНГ являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права; Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями [1]. Согласно мнению специалистов в сфере международного права, статус Содружества (СНГ) определен как международная межправительственная региональная организация, которые, согласно международному праву, являются производными субъектами международного правая в отличие от создающих их первичных субъектов – государств. СНГ соответствует всем признакам именно такой международной организации. Международная межправительственная (межгосударственная) организация – это объединение, созданное государствами на основе международного права для осуществления сотрудничества в политической, экономической, культурной, научно-технической, правовой и иных областях. Это объединение образовано на

основе международного договора, имеет необходимую систему органов, права и обязанности, производные от прав и обязанностей государств, и автономную волю, объем которой определяется волей государств-членов. Любая международная межгосударственная организация должна обладать, как минимум, следующими международно-правовыми признаками: создаётся в соответствии с международным правом; учреждается на основе международного договора; обладает соответствующей организационной структурой; обладает самостоятельными правами и обязанностями; осуществляет сотрудничество в конкретных областях деятельности; обладает автономией воли.

Анализ учредительных документов СНГ позволяет утверждать, что Содружество обладает всеми перечисленными признаками международной межгосударственной межправительственной региональной организации. Оно создано на основе международного права – государствами: основано на принципе суверенного равенства государств и других основополагающих принципах международного права; в Уставе СНГ, принятом в г. Минск 22 января 1993 г., зафиксированы устойчивые функции Содружества, его цели и сферы совместной деятельности государств-членов; Содружество имеет четкую организационную структуру, разветвленную систему органов, выступающих в качестве координирующих межгосударственных, межправительственных и межведомственных институтов; обладает автономной волей. СНГ является региональной международной организацией в смысле ст. 52 Устава ООН [5].

В документах СНГ и его практической деятельности значительное внимание уделяется вопросам обеспечения мира и безопасности в рамках Содружества, поэтому вполне правомерно считать СНГ региональной международной организацией, согласно ст. 52 Устава ООН [5]. В Концепции предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств – участников Содружества Независимых Государств от 19 января 1996 г. сказано: «Содружество Независимых Государств как региональная организация предпринимает необходимые шаги в целях урегулирования конфликтов на территории государств – участников Содружества Независимых Государств в соответствии с главой VIII Устава ООН [9]. В своей деятельности по урегулированию конфликтов, Содружество Независимых Государств тесно взаимодействует с другими международными организациями, прежде всего – с ООН и ОБСЕ» [10].

В соответствии с решением Совета глав государств, состоявшегося в декабре 1993 г., Россия внесла в ООН предложение о предоставлении СНГ как

международной региональной организации статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. Такой статус оно получило в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 48/237.

В качестве международной межправительственной организации СНГ обладает *статусом субъекта международного права* и необходимой договорной правоспособностью, *имеет право заключать международные договоры как с государствами – участниками СНГ, так и с другими государствами, независимо от принадлежности их к тому или иному региону*, определяется положениями Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и положениями Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. В 1998 г. *проблема международной правосубъектности СНГ* оказалась в центре внимания Экономического суда СНГ. С просьбой дать официальное разъяснение по вопросу о том, является ли Содружество Независимых Государств субъектом международного права и какие правомочия такого субъекта могут быть распространены на Содружество Независимых Государств, обратился в Суд Исполнительный Секретариат СНГ. В своем консультативном заключении (№ 01-1/2-98 от 28 июня 1998 г.). *Суд определил, что вытекающее из ч. 1 ст. 1 Устава СНГ подтверждение международной правосубъектности государств-членов Содружества не препятствует осуществлению международной правосубъектности межгосударственными образованиями с их участием:* «Содружество необходимо считать субъектом международного права. Причем международная правосубъектность Содружества составляет его неотъемлемое свойство, атрибут существования. Она не нуждается в дополнительном (официальном) признании в качестве таковой со стороны государств, в том числе государств-членов, или со стороны иных международных организаций. Содружество выступает как субъект международного права уже лишь потому, что оно реально существует и действует в международных отношениях» [11; 12].

Содружество, как международное объединение государств, *не является интеграционным образованием*, хотя оно создано с целью содействия региональной экономической, правовой и политической интеграции. Его главная функция – координация деятельности, направленной на сохранение и развитие взаимных хозяйственных, правовых, культурных и иных связей, оказание участникам Содружества помощи во всех областях их взаимоотношений на основе взаимного согласия [13; 14].

Соглашение СНГ объявлялось открытым для присоединения к нему всех республик бывшего СССР, а также иных государств, разделяющих цели и принципы этого документа. В частности, впервые в документах о создании СНГ было сказано, что это образование не является ни государством, ни надгосударственным образованием. Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что Содружество Независимых Государств является региональной межгосударственной организацией.

Список литературы

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года // [Электронный ресурс]: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/1c5d2b9ecc270669c071bd598fa7a97d0f662999/?ysclid=ln79cw4j5k744002815 (дата обращения 01.09.2023)
2. Договор о правопреемстве внешнего государственного долга и активов СССР от 4 декабря 1991 года // [Электронный ресурс]: сайт: URL: https://base.garant.ru/1118355/?ysclid=ln7oi07tw430018486 (дата обращения 01.09.2023)
3. Черниченко С.В. Теория международного права. В двух томах. Том 2: Старые и новые теоретические проблемы.-М.: Издательство «НИМП», 1999. 531 с.
4. Черниченко С.В., Чигарев В. М. Континуитет, идентичность и правопреемство государств. М., Изд-во ДА МИД РФ. 1996. – 42 с.
5. Устав ООН //[Электронный ресурс]: сайт: URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения 01.09.2023)
6. Алма-Атинская Декларация (г. Алма-Ата, 21 декабря 1991 года// [Электронный ресурс]: сайт: URL: https://cis.minsk.by/page/178?ysclid=ln7is7z67v379929461 (дата обращения 01.09.2023)
7. Забейворота А.И. Содружество Независимых государств в системе международно-правовых и конституционно-правовых отношений (диссертация на соискание степени доктора юридических наук, автореферат. М., 2012 [Электронный ресурс]: сайт: URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005519084.pdf?ysclid=ln2t6u9ydd982317949 (дата обращения 01.09.2023)
8. Протокол от 21 декабря 1991 года к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в

Минске республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной.// Электронный ресурс]: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/0c51f2872e9716809dc8f916a083d407793da525//(дата обращения 01.09.2023)

9. Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств – участников Содружества Независимых Государств от 19 января 1996 г. //[Электронный ресурс]: сайт: URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=17&nd=203004265&collection=1 (дата обращения 01.09.2023)

10. Заключительный акт СБСЕ 1975 г.// [Электронный ресурс]: сайт: URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения 01.09.2023)

11. Консультативное заключение Экономического Суда Содружества Независимых государств № 01 – 1/2/-98 23.06. 1998 о толковании Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года и Устава Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 года на предмет, является ли Содружество Независимых Государств субъектом международного права и какие полномочия такого субъекта могут быть распространены на СНГ[Электронный ресурс]: сайт: URL: http://sudsng.org/download_files/rh/1998/zk_01-1_2-98_230698.pdf (дата обращения 01.09.2023)

12. Устав СНГ//[Электронный ресурс]: сайт: URL: https://cis.minsk.by/page/180?ysclid=ln7bunxuql550604103 (дата обращения 01.09.2023)

13. Иванов Д.В. Содружество Независимых Государств (СНГ) / Д.В.Иванов // Европейское международное право / Отв. ред. Ю.М.Колосова, Э.С.Кривчиковой, П.В.Саваськова. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 122-139.

14. Пустогаров В.В. СНГ – международная региональная организация//Российский ежегодник международного права, Спб., 1992, с. 39-50.

АРТЕФАКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО БЫТА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ARTIFACTS OF ORGANIZATIONAL LIFE AS A PART OF CULTURAL HERITAGE

С.А. Барков
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва
S.A. Barkov
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Артефакты организационного и профессионального быта – дресс-код, корпоративное питание, дизайн рабочих помещений, являясь неотъемлемой частью культурного наследия, претерпели за последние два века радикальные и социально значимые трансформации. Первой тенденцией таких изменений является активное заимствование элементов из домашнего быта. Вторая тенденция – это практическая реализация ориентации на запросы творческих людей.

Artifacts of organizational and professional life – dress code, corporate catering, design of working space, etc. – being an integral part of the cultural heritage, have undergone radical and socially significant transformations over the past two centuries. The first trend of such changes is the active borrowing of elements from home life. The second trend is the practical implementation of orientation to the needs of creative people.

Ключевые слова: артефакты, организационная культура, постиндустриальное общество, дресс-код, дизайн помещений, социальные изменения.

Keywords: artifacts, organizational culture, post-industrial society, dress code, interior design, social change.

Культурное наследие – очень широкое понятие. Чаще всего оно ассоциируется с высшими проявлениями культуры, искусства и науки. Об этих проявлениях должны знать потомки, чтобы иметь эстетические и нравственные ориентиры, способные определять ценности сегодняшнего и завтрашнего дня. Но, наряду с этими высшими проявлениями, органической частью культурного наследия является быт людей. А бытовое окружение человека существует не только дома, но и на работе. Люди одеваются, едят, организуют свое личное пространство и коммуницируют с другими людьми, сообразуясь не только с личными, но и корпоративными императивами и целями. И за последние двести лет артефакты рабочего и профессионального быта претерпели видимые невооруженным глазом и очень интересные по своей сути изменения.

Артефакты организационной культуры – это вещи, явления или процессы, обязательно имеющие материальное проявление в организационной жизни. При этом материальность артефакта может быть разной. Одежда и дресс-код, дизайн помещения и его архитектура, столовая и корпоративный образовательный центр – это вещи, которые можно «пощупать». С ними связаны менее материальные артефакты-процессы – питание, обучение, коммуникации. Однако и они имеют свои очевидные материальные стороны, например, для коммуникаций таким артефактом будет рукопожатие.

Артефакты организационной культуры в последнее время претерпевают заметные трансформации как в России, так и в мире. В изменениях артефактов организационного быта прослеживаются две тенденции:

1. одомашнивание организационного быта;
2. ориентация в организации рабочего пространства на запросы творческих людей.

Первая тенденция заключается в том, что бытовая культура организаций все в большей степени начинает заимствовать свои составляющие из домашнего быта.

На доиндустриальной стадии развития цивилизации работа и дом для очень многих людей были одним и тем же местом. Крестьянин трудился на наделе земли вблизи дома, у ремесленников и торговцев рабочие помещения располагали на первом этаже здания, а второй этаж использовали для проживания. Многие люди не меняли одежду, переходя от трудовой деятельности к домашним делам и обратно. Если же одежда для труда отличалась от той, в которой проводили досуг, она была удобной для определенного вида деятельности, а не отвечавшей абстрактным требованиям «дресс-кода».

Люди индустриального мира всегда завидовали тем, кому не нужно тратить часы, чтобы добраться до работы, и тем немногим, кому не нужно менять свой облик, чтобы осуществлять трудовые функции. Индустриальные технологии (прежде всего технологии крупного промышленного производства) буквально «сгоняли» сотни и тысячи людей в одно место, чтобы осуществлять бизнес-процессы. А неявное копирование армейских стандартов заставляло их организовывать свой рабочий быт по особым, отличным от домашних, канонам.

Индустриальная корпорация была от начала и до конца искусственным феноменом. И симметричный порядок ее артефактов как нельзя лучше подчеркивал ее искусственность. В строгом порядке по рядам должны были стоять станки в цеху, в таком же порядке должны были располагаться столы в

офисе, обеденные столики в столовой тоже расставлялись рядами или в шахматном порядке.

Однако искусственный порядок отнюдь не всегда был удобен для человека, не говоря уже о том, что его соблюдение и устранение его нарушений требовало особых усилий. Так, дресс-код был скопирован с одежды дворян, которые в свое время подчеркивали ею, что не имеют никого отношения к трудовой деятельности. Люди разной комплекции должны были втискивать свои тела в одинаковые кресла. Люди с разными гастрономическими вкусами и разными предпочтительными режимами дня должны были удовлетворяться единым для всех комплексным обедом и в единое для всех обеденное время.

В конце XX века такой искусственный порядок стал неактуальным, а в XXI веке он стал все активнее разрушаться и заменяться естественным порядком, который люди создавали у себя дома в угоду своим потребностям, а не требованиям начальства и индустриальной корпоративной культуры. Данная тенденция в определенной степени укладывается в более общую тенденцию, которую можно назвать «закручиванием спирали», когда значительная часть элементов постиндустриального общества начинает повторять элементы доиндустриального мира.

Дресс-код становится все менее жестким или отменяется вообще, в рабочем пространстве появляются асимметричные зоны, в том числе и в зонах для отдыха и приема пищи, на работу оказывается возможным ходить с домашними животными… Организационная культура постиндустриальных компаний начинает все больше напоминать культуру дома, и общий принцип «одомашнивания» затрагивает все большее количество артефактов организационной культуры.

По всей видимости, эта общая тенденция еще долго пробивала бы себе дорогу, постепенно трансформируя артефакты рабочей среды, если бы не случилась пандемия COVID-19, обернувшаяся переводом большинства людей на удаленную работу из дома. После ее окончания, как говорят сторонники диалектики, количество переросло в качество. Свершилась «революция одомашнивания». Люди осознали, что традиционная организационная бутафория не имеет никакого отношения к эффективности работы. Устойчивое впечатление о том, что только в рамках искусственного, неудобного порядка можно работать, оказалось предрассудком.

Вторая тенденция, преобразующая артефакты организационной культуры в постиндустриальном обществе, связана с ориентацией на то, чтобы они в первую очередь удовлетворяли творческих людей. Так уж сложилось в истории нашей цивилизации, что разного рода изобретали и художники отрицали

армейский порядок в обустройстве своей жизни. Это отнюдь не означает, что у них напрочь отсутствовала дисциплина, а беспорядок в доме или на рабочем столе прямо коррелировал с гениальностью новых идей. Более того, человек, рождающий нечто новое, в какой-то степени должен быть дисциплинирован и хорошо ориентироваться хотя бы в определенной части окружающего его мира. Но эта внутренняя дисциплина и порядок в мыслях не означают принятия традиционной корпоративной бутафории. Творцы ломают каноны, в этом их предназначение. Поэтому ко всякого рода искусственным правилам и нормам они относятся с пренебрежением или подозрением. На уровне внешних проявлений такая ситуация оборачивается тем, что творческие люди кажутся безалаберными, привносящими хаос в социальное пространство.

На протяжении столетий и даже тысячелетий они были такими. Но их мир воспринимался как некая небольшая ниша в социуме, состоящем из людей обычных, то есть нетворческих. Несмотря на то, что создатели нового могли самым существенным образом влиять на развитие общества, сами они не были серьезной социальной силой.

Все изменилось в постиндустриальную эпоху развития общества. Возрастание социальной роли творчества и, соответственно, творческих людей было обосновано во множестве теорий. В них содержалась простая мысль, что в условиях массовой автоматизации и роботизации все рутинные операции будет делать техника, а человеку останется только творчество как вид труда. Принципиально важным оказалось, что появилась когорта творческих людей, ставших реальной общественной силой, способной изменять нормы и ценности общества в целом. Это специалисты в области IT-технологий (IT-шники).

С самого начала своего появления во второй половине XX столетия IT-шники явно и неявно позиционировали себя как некие поэты от техники. Большинство из них занимались компьютерами и программированием у себя дома, в гаражах, в свободное от основной работы время. Они презирали классический дресс-код и симметричную организацию рабочего пространства. Часто они вели прямо-таки «богемный» образ жизни. Технический прогресс вывел этих людей на передовую общественных трансформаций. Они не просто стали инициаторами многих из этих трансформаций, они начали диктовать моду другим слоям общества.

В последнее время в теории менеджмента возникли концепции, специально ориентированные на организацию работы творческих людей. Прежде всего, это концепции управления знаниями и управления талантами. Во многом их суть заключается в том, что нужно перестать видеть в армейской казарме идеал корпоративного порядка. Казарма настраивает на выполнение

приказа, а не на творчество и проявление инициативы. Казарма сменяется мастерской художника, где нет порядка, но есть пространство для экспериментирования.

На практике запросы творческих людей часто совпадают с принципами одомашнивания. Это отказ от дресс-кода, кабинетной системы, жесткого графика работы. Однако нужно не просто переносить в рабочую среду элементы домашнего быта, но и сознательно заботься о том, чтобы корпоративная жизнь не мешала, а помогала проявлению инициативы и реализации творческих намерений сотрудников. Поэтому на уровне артефактов руководство компаний начинает воплощать в жизнь желания творческих личностей по части интерьера, времени работы, возможности общаться или уединяться. Так ориентация на запросы творческих людей становится важным императивом всего менеджмента и, как его части, управления организационной культурой.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ
PROBLEMS OF A COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE LEVEL OF CULTURE

В.Ф. Исайчиков
Главный редактор журнала «Просвещение», г. Москва
V.F. Isaichikov
Editor-in-Chief, "Prosveshchenie" magazine, Moscow

Проанализирован ряд определений понятия «культура» и дано определение культуры для исследования проблем комплексной оценки уровня культуры. Показано, что определение уровня культуры по времени получения образования не пригодно для оценки уровня культуры. Автором предложен подход к понятию «культурная сила» в качестве возможного критерия оценки уровня культуры.

The paper analyzes a number of definitions of the concept of "culture" and gives a definition of culture to study the problems of a comprehensive assessment of the level of culture. It is shown that determining the level of culture by the time of education is not suitable for assessing the level of culture. The author suggests an approach to the concept of "cultural power" as a possible criterion for assessing the level of culture.

Ключевые слова: определения культуры; критерии оценки уровня культуры; «культурная сила».

Keywords: definitions of culture; criteria for assessing the level of culture; "cultural power".

Некоторые специалисты утверждают, что существует около 300 определений культуры; известно, что понятие культуры в разные времена и у разных специалистов (например, археологов, юристов, биологов) весьма различаются. Автор не задавался своей целью анализировать все сотни определений культуры; для данной работы он отмечает лишь некоторые свойства этих определений: во-первых, неоднозначность одного из важнейших научных терминов может указывать либо на неразвитость тех общественных отношений, которые этим термином определяются, либо на сознательное искажение и интерпретацию научного понятия в классовых или даже личных целях; во-вторых, общее для большинства определений культуры состоит в том, что они являются комплексными, многофакторными. Однако для дальнейшей работы необходимо выбрать одно определение культуры.

Очевидно, что определения, сознательно искажающие понятие или ошибочные, для нашей работы не годятся. Например, мы не может опираться на определение, взятое из Википедии: «Культура есть практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей» [1], так как, во-первых, из истории известно, что до сих пор общечеловеческих ценностей не существовало, они различались для разных формаций и классов. Даже во времена единой (абстрактно) первобытно-общинной формации (первобытного коммунизма) в каждом племени существовали свои ценности, и на члена иного племени они не распространялись. Во-вторых, в данном определении явная тавтология, ибо общечеловеческие ценности как раз и являются духовными. В-третьих, это определение слишком неконкретное.

Не годится для работы и определение культуры: «Вся совокупность небиологических проявлений человека» [2], так как, с одной стороны, является слишком общим, но, с другой стороны, не является точным, ибо культура влияет и на биологические проявления человека, такие как культура питания, культура секса, культура ухода за телом.

Не лучше и определение модного Ю.М. Лотмана: «Совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека» [3], которое оперирует не менее неопределённым понятием «информация» и уводит нас в область психологии поведения, которая является вторичной по отношению к материальной жизни человека. И даже не только человека, ибо ненаследуемой генетически информацией определяется и часть поведения тех высших животных, у которых важное место занимает обучение потомства.

Не менее туманным является определение ещё более модного Э.В. Ильенкова: «Исторически сложившаяся система норм поведения и деятельности». В этой системе индивид толкуется как единичное «воплощение»

«всеобщего» общей нормы» [4], ибо пользоваться таким определение практически невозможно, и к тому же оно тоже уходит во вторичную психологию поведения.

Можно было бы взять определение из такого авторитетного источника, как «Большая советская энциклопедия», в третьем издании которой дано такое определение культуры: «исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [5]. Однако, и в нём имеются очевидные недостатки: не ясно, зачем отделять жизнь и деятельность людей, ибо без деятельности нет и жизни; а также отделение человека от общества, хотя человек вне общества – это животное.

Более приемлемым кажется определение из той же «Большой советской энциклопедии», но из второго издания: «Совокупность достижений общества в области просвещения, науки, искусства и в других областях духовной жизни; умение использовать эти достижения для покорения сил природы, для роста производства, для разрешения назревших задач общественного развития» [6]. В этом определении нас смущает слова «для покорения сил природы, для роста производства», ибо покорение сил природы и рост производства – это не цель, а средство разрешения задач общественного развития. Если век назад рост производства был необходим для удовлетворения материальных и духовых потребностей общества, то сейчас мы пришли к состоянию, когда рост производства способен привести к экологической катастрофе [7].

Пожалуй, самым подходящим определением культуры, которое можно взять за основу, это определение из «Толкового словаря» Д.Н. Ушакова: «Совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе» [8], в которое автор добавил бы слова о науке и искусстве и заменил бы слова «подчинении природы» на «взаимодействии с природой»: «совокупность человеческих достижений во взаимодействии с природой в науке, технике, образовании, искусстве и общественном строе».

Поскольку автор поставил вопрос об оценке уровней культуры, то очевидно, встаёт вопрос об определении этих уровней и их сравнении; но сравнивать можно лишь однокачественные явления: нельзя сравнивать жёлтое и сладкое. Поскольку все определения культуры являются многофакторными, и вопрос определения и сравнения уровней культуры требует выбора единственного критерия для сравнения. При том, что всеми понимается, что культура – понятие изменяющееся и развивающееся, вопрос об измерении уровня культуры до сих пор не ставился.

Неявно полагается, что сравнение уровней культуры – дело легкое и очевидное; и это, действительно, так, когда речь идёт об обществах на различных крупных этапах развития. Например, уровень феодальной культуры выше уровня культуры первобытной, а уровень культуры буржуазной выше уровня культуры феодальной.

Но когда идёт речь о более близких уровнях развития общества, причём общества, разделенного на классы, то тут простые методы сравнения не так легко срабатывают; общепринято, что даже при грубом сравнении культура развитого рабовладельческого общества была выше культуры раннего феодализма. Правда, при этом не учитывается, что уровень культуры рабов, занятых на работах, на которых требуется преимущественно физическая сила (например, на водоподъеме, гребле на галерах), приближается к уровню животных. Какова при этом будет общая культура классово разделённого общества, и как её определять, остаётся не ясным.

Первым о сравнении уровней культуры заговорил В.И. Ленин. В одной из своих последних статей, возражая меньшевику-ортодоксу Суханову, он поставил глубокий вопрос о культуре не только о задачах проведения в стране культурной революции как необходимого условия победы социализма. Эту часть ленинского вопроса наши идеологи ещё кое-как понимают (даже при примитивном понимании, что такое культура). И на практике культурная революция определённо проводилась.

Но Ленин поставил также вопрос о том, какой уровень культуры необходим для победы социализма и как его измерить (эта часть вопроса так и осталась не понятой нашими теоретиками и идеологами): «Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры, (хотя никто не может сказать, каков именно этот определённый «уровень культуры», ибо он различен в каждом из европейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [9].

К сожалению, Ленин не дал решения этого вопроса, а историки и политэкономы и не подумали, как его решать и решить. И хотя Ленин не упомянул (и даже не намекнул), что общеисторическим законом является правило: при смене формаций побеждает класс с более высокой культурой, но каков должен быть уровень культуры у рабочего класса, как и в чём его измерять – это до сих пор неизвестно?

Нельзя при этом сказать, что определить критерий сравнения уровней культуры никто не пытался. Обычно за такой уровень принимается уровень

образования населения, который измеряется в годах учебы. Однако негодность такого критерия очевидна: в раннем средневековье студенту требовалось чуть ли не десять лет, чтобы овладеть таблицей умножения и другими простейшими, с нашей точки зрения, знаниями.

С другой стороны, каким образом победил социализм в СССР, если уровень культуры и населения, и рабочего класса, если его измерять привычными мерками уровня образования (времени учёбы), был весьма низким? Ленин не раз говорил о невысоком уровне культуры и у рабочего класса, и у почти неграмотного крестьянства, и у членов партии (особенно в части управленческой культуры), о «той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор», при этом речь идёт даже о «не скажу культурности, а скажу грамотности». Следует напомнить, что уровень грамотности у населения в России (Европейская часть, Северный Кавказ, Западная Сибирь) в 1920 году составлял 31,9% [10]. При том, что уровень культуры первого Советского правительства, измеряемый в количестве написанных книг и владением иностранными языками, был выше уровня правительств империалистических стран, то и это получалось в среднем, при большой разнице внутри правительства.

А вот если его измерять по уровню полученного образования, то он будет куда менее внушительным: «При анализе образования членов Совнаркома нетрудно убедиться, что лишь меньшинство из них имело диплом об окончании высших учебных заведений. Некоторые учились в университетах, но не завершили полный курс. Ряд наркомов (в том числе Н.П. Глебов-Авилов, В.П. Ногин, П.Е. Дыбенко) не имели и среднего образования.

Не лучше обстояло дело и среди членов ЦК и других ведущих руководителей, не входящих в СНК. Не имели законченного высшего образования Г.И. Зиновьев и М.В. Фрунзе. Не обучались в вузах Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, М.И. Калинин и другие. Анкетирование 1920 года 30 тысяч членов партии показало, что из них лишь 5% имели высшее образование, и лишь 8% – среднее. 3% анкетированных было неграмотным. Остальные 84% имели «низшее», «домашнее», «тюремное» и прочие виды образования» [11].

Очевидно, что Советское правительство по этому показателю уступает даже выпускникам современного средненького университета, которые не то что страной на революционном переломе, но и собственной деятельностью управлять не умеют.

То есть, поиск показателя уровня культуры необходимо продолжить. Представляется, что этот критерий культурности не может быть таким простым, как время учёбы. Век назад Ленин, поставивший вопрос о том, какой уровень

культуры рабочего класса считать достаточным, не утверждал, что он фатально низок. Он фактически констатировал, что вопрос требует особого решения, ибо не известно, как и в чём измерять уровень культуры, и какое соотношение в культурной силе достаточно для победы рабочего класса (ибо, скорее всего, имеет значение не только средний уровень культуры, но и соотношение классовых культур с учётом численности этих классов – культурная сила).

Список литературы

1. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры СПб.: СПбГУ, 1996. – 66 с.

2. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система, М.: Языки русской культуры, 1998 г. / Цит. по Культура – Википедия www.ru.m.wikipedia.org/ (дата обращения: 28.03.23).

3. Лотман Ю.М./ Цит. по Культура – Википедия www.ru.m.wikipedia.org/ (дата обращения: 28.03.23).

4. Ильенков Э.В. «Философия и культура» / М.: Политиздат, 1991 г., – 464 с.

5. «Большая советская энциклопедия», третье издание.

6. «Большая советская энциклопедия», второе издание.

7. Медоуз Донелла и Деннис, Рандерс Й., Беренс У. Пределы роста // М.: МГУ, 1991, – 207с

8. Толковый словарь русского языка, под редакций Д.Н. Ушакова, М.: ОГИЗ, 1935 г.

9. Ленин В.И. О нашей революции С. 720 // Ленин В.И. Избранные произведения В 3-х т. Т.3, М.: Политиздат, 1969. – 856 с.

10. Ленин В.И. Странички из дневника с. 706-707 // Ленин В.И. Избранные произведения В 3-х т. Т.3, М.: Политиздат, 1969. – 856 с.

11. Костин Н.Д. Ленин. Предан при жизни и после смерти. М.: ТОО СИМС, 1998. – С.66-67.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА РОССИЯН

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN STUDYING THE CULTURAL CODE OF RUSSIANS

Е.В. Митягина
Вятский государственный университет, г. Киров
E.V. Mityagina
Vyatka State University, Kirov

Проект «Культурный код россиянина» был задуман в 2019 г. Вятским государственным университетом как филологический проект по анализу читательских отзывов. Постепенно к работе подключились представители целого ряда гуманитарных, социальных наук, а также ученые Университетского консорциума исследователей больших данных, что сделало проект междисциплинарным. На примере анализа отзывов о произведениях художественной литературы описан алгоритм исследования составляющих культурного кода на основе данных из открытых источников в сети Интернет.

The project "The Cultural Code of the Russian" was conceived in 2019 by Vyatka State University as a philological project to analyze reader reviews. Gradually, representatives of a number of humanities, social sciences, as well as scientists from the University Consortium of Big Data Researchers joined the work, which made the project interdisciplinary. The article describes an algorithm for studying the components of the cultural code based on data from open sources on the Internet using the example of analyzing reviews of works of fiction.

Ключевые слова: культурный код, междисциплинарный подход
Keywords: cultural code, interdisciplinary approach

В науке сложилось несколько подходов к изучению культурного кода: социокультурный [1; 2], психоаналитический [3], аксиологический [4; 5], семиотический [6] и лингвокультурологический [7; 8]. Мы придерживаемся теоретического концепта культурного кода как глубинного механизма, способа саморегуляции культуры, который поддерживает её устойчивость и воспроизводится в истории народа. Культурный код воспринимается как ключ к пониманию определенного типа культуры, выявлению её уникальных особенностей, доставшихся современным народам от их предков, закодированная в некоей форме информация, которая позволяет идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны комплексом стереотипов, глубоко укоренных не только в сознании, но и в подсознании; он предписывает человеку определенное

поведение, переживания и мысли, оказывая, тем самым, управленческое воздействие.

Для обобщения всех теоретических концептов участниками проекта создана «База библиографических данных «Исследования культурного кода»» (Свидетельство № 2022622023, 12.08.2022) [9], целью которой является систематизации информации о зарубежных и отечественных исследованиях этого феномена. База необходима для учета динамики публикаций по заявленной тематике, географии распространения публикаций, формирования научных подходов и научных школ, методологической направленности исследований. В базе данных предусмотрены фильтры по автору, названию статьи и ключевым словам, а также по году выпуска, языку текста. Доступ к базе данных можно осуществить по ссылке: https://vyatgeo.ru/library/.

Командой проекта был разработан алгоритм анализа составляющих культурного кода из открытых источников сети Интернет. В качестве источников данных выступают отзывы с сайтов, посты и комментарии в социальных сетях. Для выявления региональной специфики культурного кода используются отзывы с сайтов туристов, посещающих различные регионы страны, для изучения изменений в культурном коде – посты и комментарии молодежи на своих страницах в социальных сетях.

Основными универсальными для всех исследований этапами алгоритма стали:

1. Сбор данных.
2. Разработка матрицы категорий, кодификатора разметки и инструкции для аннотаторов.
3. Ручная разметка данных и создание аннотированного корпуса текстов.
4. Выявление статистически значимых закономерностей по результатам ручной разметки.
5. Разработка алгоритма классификации использования технологий машинного обучения.
6. Применение результатов в практической деятельности.

Для демонстрации работы исследователей на каждом этапе приведем пример анализа отзывов о художественных произведениях. Более подробно с результатами исследования читательских отзывов можно ознакомиться в наших работах [10; 11].

Сбор данных.

В качестве источника данных о культурном коде были выбраны отзывы сайта «Литрес» о 109 российских произведениях 63 авторов, получивших признание в виде литературных премий с 2000 года: «Большая книга», «Русский

Букер», «Национальный бестселлер», «Ясная поляна», «Большая литературная премия». В результате автоматического сбора и систематизации информации было получено 7959 отзывов. Гипотеза заключалась в том, что отзыв как эмоциональный спонтанный отклик, оставленный под впечатлением от прочитанного, позволяет отслеживать проявления культурного кода через внутренние переживания и смыслы, а также описание героев и сюжетов, с которыми идентифицирует себя читатель.

Разработка матрицы категорий, кодификатора разметки и инструкции для аннотаторов.

Для автоматического определения содержания в отзыве элементов культурного кода часть корпуса отзывов должна быть размечена вручную. На рисунке 1 показана матрица категорий, в которой отмечается наличие необходимых блоков как элементов культурного кода, а именно: тип восприятия в виде смыслов и(или) фактов, тип повествования в виде употребления личных местоимений во множественном числе и третьем лице («мы», «они»), а также упоминание тех или иных духовных ценностей, мотивов написания отзыва, интересов читателя и типичных образов. Для того, чтобы отзыв считался релевантным, в нем должен быть хотя бы один элемент.

Далее составляется инструкция для аннотаторов, которые будут размечать отзывы и кодификатор разметки в виде кода и соответствующей ему категории, которые должен присвоить каждому отзыву разметчик. Отзывы размечаются методом краудсорсинговой разметки не менее, чем одним экспертом и тремя волонтерами. Эталонным является мнение эксперта, совпавшее с мнением большинства аннотаторов. Такой отзыв считается размеченным верно и принимается в работу. Остальные проходят повторную перекрестную разметку.

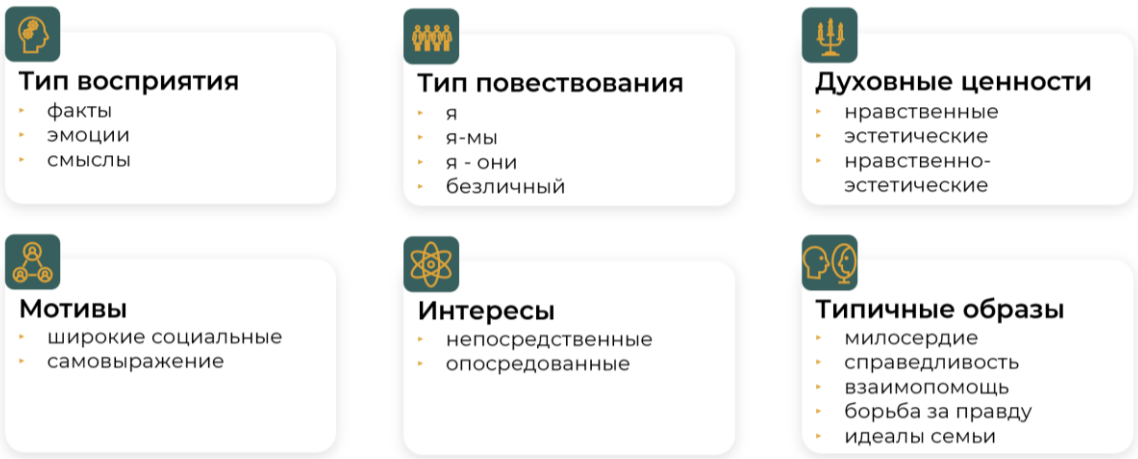


Рис. 1. Пример матрицы категорий по анализу отзывов о художественных произведениях

Ручная разметка данных и создание аннотированного корпуса текстов.

Данный этап является в большей мере организационным. Он включает следующие подзадачи: 1) набор волонтеров, 2) подготовка и сопровождение волонтеров; 3) управление и мониторинг за ходом выполнения краудсорсинговой задачи. Важнейшим моментом при наборе волонтеров является их мотивация. Первой мотивирующей составляющей стала беседа, на которой была показана важность исследования проблемы с научной точки зрения, раскрыты цель и задачи проекта. Подзадача подготовки и сопровождения аннотаторов решалась путем организации обучающих занятий. Обучение осуществлялось на основе предварительно разработанной инструкции. Аннотаторы знакомились с ее содержанием, а координатор на примерах подробно показывал, как осуществлять разметку.

Выявление статистически значимых закономерностей по итогам ручной разметки.

В итоге релевантными теме культурного кода по итогам разметки оказались 24%. На рис. 2. показан пример статистической обработки категории тип восприятия. Половина всех отзывов (51%) содержат только эмоции. Например, *«…книга замечательная, очень понравилось. С нетерпением жду продолжения»*. В подобном отзыве нет объяснения, почему эту книгу стоит почитать, что затронуло читателя, какие мысли у него возникли. И такой отзыв считается нерелевантным. Релевантными считаются отзывы, в которым понятны смыслы (20%) или хотя бы есть перечисление фактов (29%) в виде небольшого пересказа.

Рис. 2. Оценка типа восприятия в отзыве

Еще одним примером могут стать духовные ценности, которые отмечаются в текстах отзывов. Исследователи составили словарь синонимов ценностей из «Стратегии национальной безопасности». На рис. 3. показано, что ключевыми ценностями в отзывах являются жизнь, милосердие, труд, единство, достоинство. Тревожным остается факт, что такие ценности, как преемственность, ответственность, гуманизм, взаимопомощь, гражданственность, патриотизм – рационально не отрефлексированы и эмоционально не закреплены в сознании читателей и, вероятно, занимают в их ценностно-смысловой жизненной парадигме незначительное место.

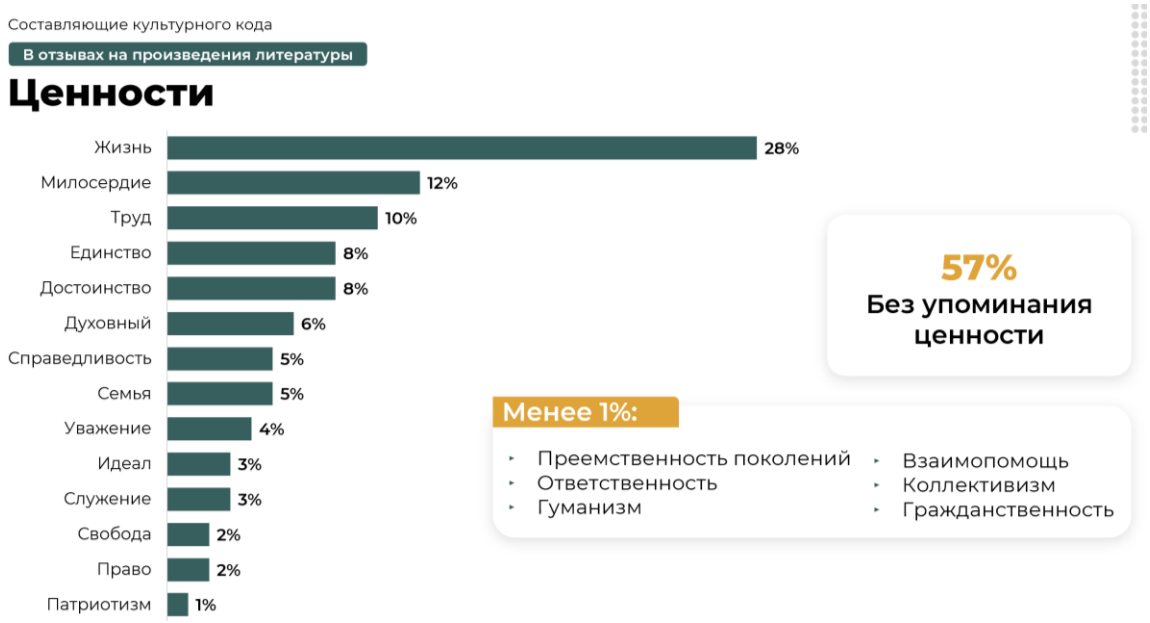


Рис. 3 Ценности, представленные в отзывах о произведениях художественной литературы

Разработка алгоритма классификации использования технологий машинного обучения.

На данном этапе значительную роль играли IT-специалисты в области машинного обучения. Наиболее подробное описание данных процессов можно найти в наших работах [10]. Оптимальной моделью машинного обучения стал градиентный бустинг из библиотеки машинного обучения scikitlearn. Предварительная оценка модели путём 5-кратной перекрёстной проверки показала хорошую точность: 0,765 (±0,023) [0,743; 0,776; 0,788; 0,749; 0,770], что приближается к эталонным результатам.

Применение результатов в практической деятельности.

Важным пунктом работы исследователей стало применение результатов на практике. Создана база данных «Культурный код в отзывах о произведениях художественной литературы» (Свидетельство № 2023621661, 24.05.2023.) [12].

Данная база позволяет сортировать произведения по критерию релевантных теме культурного кода отзывам. Доступ в базу данных по ссылке: https://vyatgeo.ru/reviews/ .

Создание подобной базы позволило выделить произведения художественной литературы, отзывы о которых наполнены смыслом (см. рис 4).

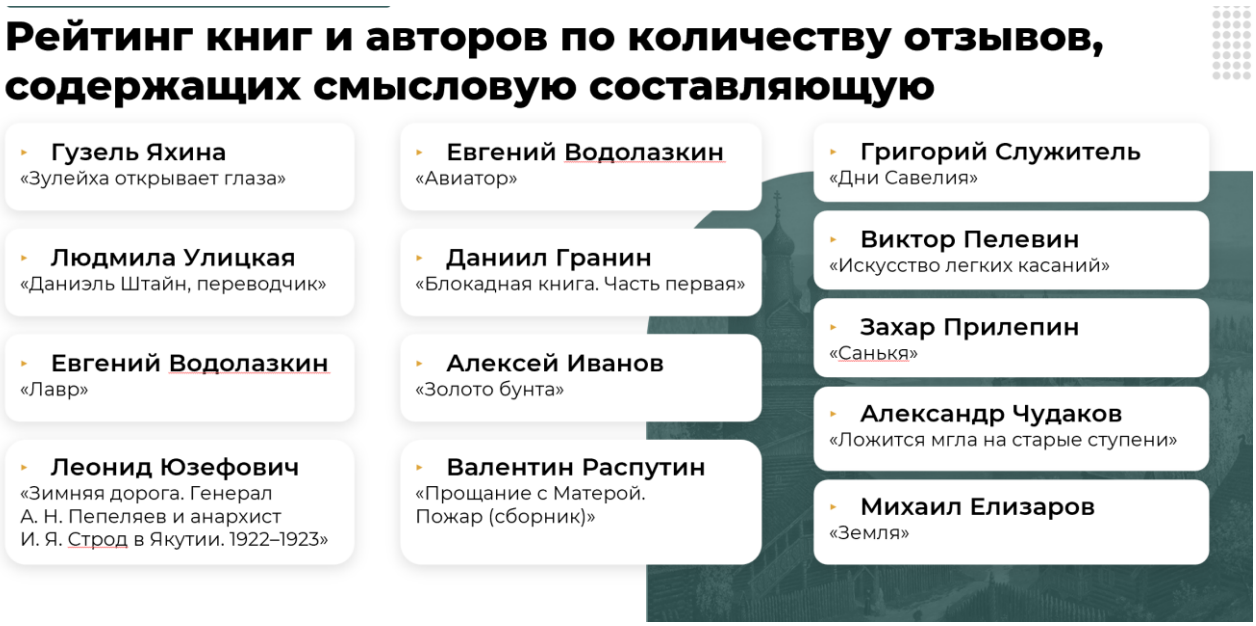


Рис 4. Список книг, отзывы на которые содержат элементы культурного кода

А благодаря взаимодействию с Институтом развития образования Кировской области и учителями-словесниками подобным образом был составлен рейтинг книг подростковой литературы (см. рис. 5).

Рис. 5. Список книг подростковой литературы, отзывы о которых содержат элементы культурного кода

Таким образом, мы попытались представить работу большой команды специалистов различных наук, которая разработала определенный алгоритм анализа культурного кода россиянина.

Список литературы

1. Гревнев, В.М. Социокультурные коды как мировоззренческие и ментальные матрицы региональной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. - №41. – С. 58-63.
2. Мосейко, А.Н. Культурные коды социума: научно-практическое значение в современной африканистике // Ученые записки Института Африки РАН. – 2021. - №4(57). – С. 5-18.
3. Потанина Н.Л., Психологическое знание как кодирующий фактор литературного текста / Н.Л. Потанина, Б.И. Тенюшев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. - №4. – С. 78-89.
4. Кремшокалова М.Ч. Культурные коды как аксиологические репрезентанты концепта любовь / М.Ч. Кремшокалова, Т.А. Черпакова, И.Р. Шибзухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. - №7. – С. 251-255.
5. Новикова М.Л. Аксиологический потенциал культурных кодов цветообозначений в русских, английских, французских медиатекстах / М.Л. Новикова, Ф.Н. Новиков // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т.6. - №1. – С. 91-104.
6. Стрельникова, Н.Д. Семантическое пространство романа А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т.10. - №4. – С. 1088-1105.
7. Кюрегян, А.Л. Семиотика кульутры и культурные коды // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. - №4 (2). – С. 79-81.
8. Фельде, О.В. Устный текст как транслятор старожильческой лингвокультуры Северного Приангарья // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 12. - №1. – С. 55-76.
9. Городилова, Т.С. Исследования культурного кода // Т. С. Городилова, Э.В. Гмызина, Р.В. Марков, Д.В. Чупраков // Свидетельство о регистрации базы данных 2022622023, 12.08.2022. Заявка № 2022621886 от 01.08.2022.
10. Мосунова, Л.А. Автоматическое извлечение ценностно-смысловых компонентов культурного кода из корпуса читательских отзывов //

Л.А. Мосунова, Е.В. Митягина, П.В. Ананин // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2022. - №5. – С. 17-24.

11. Мосунова, Л.А. Проблема изучения культурного кода россиянина с помощью больших данных / Л.А. Мосунова, Е.В. Митягина // Большие данные и проблемы общества. Сборник статей по итогам Международной научной конференции. – Томск, 2022. – С. 121-125.

12. Мосунова, Л.А. Культурный код в отзывах о произведениях литературы, получивших признание в виде российских литературных премий с 2000 по 2022 гг. // Л.А. Мосунова, Е.В. Митягина, П.В. Ананин, Р.В. Марков, Д.В. Чупраков, Е.В. Волченкова // Свидетельство о регистрации базы данных 2023621661, 24.05.2023. Заявка № 2023621268 от 05.05.2023.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВЗГЛЯД НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ*

KNOWLEDGE IN THE INTERESTS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT: THE VIEW OF SCIENTIFIC SUPERVISORS

И.М. Фадеева,
А.Н. Камдин
ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере»
г. Москва, Россия
I.M. Fadeeva,
A.N. Kamdin
Russian Research Institute for Economics, Politics, and Law in Science and Technology (RIEPL)
Moscow, Russia

Рассматриваются мнения научных руководителей – представителей разных поколений – об их опыте работы с аспирантами по выбору темы диссертации, о тенденциях изменений качества диссертационных работ в разрезе пола, возраста, областей науки и вида организаций, их связи с приоритетами научно-технологического развития. Делается вывод о наличии противоречивых мнений по областям науки о тенденциях относительно качества диссертаций.

* Статья подготовлена по теме государственного задания Минобрнауки России «Информационно-аналитическое сопровождение мониторинга реализации научно-технической политики в субъектах Российской Федерации», выполняемой РИЭПП в 2023 г.

The opinions of scientific supervisors – representatives of different generations – about their experience of working with graduate students on choosing a dissertation topic, about trends in the quality of dissertation works in the context of gender, age, fields of science and type of organizations, their relationship with the priorities of scientific and technological development are considered. It is concluded that there are conflicting opinions in the fields of science about trends in the quality of dissertations.

Ключевые слова: академическое знание, диссертация, отрасли науки, институт научного наставничества.

Keywords: academic knowledge, dissertation, branches of science, institute of scientific mentoring, dysfunction and devaluation of academic knowledge.

Специализированные проблемы развития науки и технологий в настоящее время продолжают оставаться в рамках профессиональных дискуссий и принимаемых управленческий решений. Однако, эти проблемы касаются не только науки как института академического знания, продукта деятельности ученых, взаимодействия различных видов знания, но и роли академического знания в обществе, его влияния на научно-технический прогресс [1].

Производство академического знания сегодня сталкивается с рядом вызовов. Научно-технологическая революция обострила проблемы между академическим и неакадемическим знанием. Немецкий ученый А. Бамме считает, что развитие традиционного академического знания идет от людей, работающих с символами, концептами, большими данными (data), моделями, теориями и другими источниками, которое все более расширяется, благодаря включению в него других форм знания [2].

На современном этапе развития общества важное значение имеет производство научных знаний по приоритетам научно-технологического развития Российской Федерации, их распространение в целях развития науки, технологий, формирования устойчивой группы исследователей – научных и научно-педагогических работников, инженерных кадров. Принятие Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Концепции технологического развития до 2030 г. определило важный ориентир – достижение технологического суверенитета, который становится ключевым параметром развития науки и технологической сферы. В условиях ускорения научно-технологического развития важное значение имеет изучение проблем взаимодействия науки с бизнесом, внедрения результатов исследований, защиты интеллектуальной собственности, цифровизации и использования

искусственного интеллекта, изучение проблем производства и распространения академического знаний.

В целях выявления тенденций в подготовке кадров высшей квалификации, а также проблем, с которыми сталкиваются научные руководители, в 2023 г. был проведен опрос научных руководителей соискателей ученых степеней – докторов наук и кандидатов наук из вузов (82,8 %) и научных организаций России (17,2 %). Выборка (n=3000) охватила исследователей из более 70 субъектов РФ, включая крупные города, где находятся ведущие научные центры – Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Казань, Екатеринбург, Нижний Новгород, Пермь, Самара, Саратов и др.

В ходе опроса респондентам задавались вопросы относительно выбора тем диссертаций, о тенденциях изменения качества диссертационных работ, о необходимости повышения квалификации наставников диссертантов разных областей науки и видов представляемых ими организаций.

Одними из наиболее дискуссионных вопросов оказались причины выбора темы диссертационного исследования (таблица 1).

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос, «Укажите причину, по которой чаще всего выбиралась тема диссертации аспиранта (соискателя)» (по полу и типу организации)

Причина выбора темы диссертации	Пол		Тип организации	
	Муж., %	Жен., %	Научные организации	Вузы
Актуальность темы	73,2	76,4	73,5	74,8
Приоритеты научно-технологического развития России	34,5	40,0	**29,1**	**38,6**
Направление исследований научного руководителя	**68,4**	**57,4**	64,3	63,1
Направление исследований членов кафедры, лаборатории	21,4	18,9	24,2	19,1
Грант, полученный научным руководителем (или коллективом)	16,5	12,0	**21,4**	**12,9**
Грант, полученный аспирантом (соискателем)	3,5	3,1	3,6	3,2
Каждый раз была своя причина	16,5	18,5	16,4	17,8
Случайный выбор	1,1	1,2	0,4	1,2

Выбор темы диссертации чаще всего связывался с ее актуальностью и направлением исследований научного руководителя. Треть опрошенных связывают ее с приоритетами научно-технологического развития, пятая часть – с направлениями исследований кафедры (лаборатории). В отдельных случаях тема

выбиралась под выполняемый грант научного руководителя, реже – под грант самого аспиранта (соискателя).

Такую позицию, как «приоритеты научно-технологического развития», чаще выбирали представители вузовского сообщества (38,6 %), чем представители научных организаций (29,1%). Как следует из опроса, сфера науки остается достаточно консервативной относительно тематик: ведущую роль здесь играет мнение научного руководителя, а также закрепленные за институтами (лабораториями) исследовательские темы. Некоторые направления науки обнаруживают более тесную связь с приоритетами научно-технологического развития (сельскохозяйственные, технические, медицинские науки), другие имеют более слабую связь (например, естественные науки) (таблица 2).

Таблица 2

Результаты ответа на вопрос, «Укажите причину, по которой чаще всего выбиралась тема диссертации аспиранта (соискателя)» (по направлениям науки)

Варианты ответа	Тех., %	Ест., %	Мед., %	С/х, %	Общ., %	Гум., %
Актуальность темы	71,9	68,7	78,2	79,8	73,6	79,0
Приоритеты научно-технологического развития России	40,9	29,9	35,1	**51,1**	38,5	35,4
Направление исследований научного руководителя	**71,8**	**73,2**	61,8	58,5	47,6	53,3
Направление исследований членов кафедры, лаборатории	20,7	20,7	**31,2**	21,3	15,4	16,3
Грант, полученный научным руководителем (или коллективом)	16,3	**28,5**	13,7	6,4	8,7	5,2
Грант, полученный аспирантом (соискателем)	4,5	**4,9**	3,2	2,7	1,9	1,6
Каждый раз была своя причина	13,1	12,2	14,4	16,0	32,2	24,0
Случайный выбор	0,6	0,5	0,7	1,1	2,4	1,8

Выбор темы диссертации чаще был связан с направлением исследований научного руководителя по техническим (71,8 %) и естественным (73,2 %) наукам, реже – по социальным (47,6 %) и гуманитарным (53,3 %) наукам.

Вопрос о качестве защищенных диссертаций за последние 10 лет вызвал разные мнения у респондентов (таблица 3).

Таблица 3

Результаты ответа на вопрос, «Как изменилось качество диссертационных работ по Вашей научной специальности за последние 10 лет?» (по полу и возрасту)

Варианты ответа	Пол		Возраст				
	Муж., %	Жен., %	До 40 лет	От 41 до 50 лет	От 51 до 60 лет	От 61 до 70 лет	Старше 71 года
Качество диссертаций растет	20,5	**30,8**	**27,9**	**25,0**	**25,5**	**24,4**	**24,0**
Качество диссертаций практически не изменяется	34,8	32,1	32,3	35,9	32,0	33,0	33,4
Качество диссертаций снижается	**36,2**	26,7	**28,7**	**28,9**	**31,9**	**34,6**	**36,3**
Затрудняюсь ответить	8,5	10,4	11,0	10,2	10,6	7,9	6,3

Выявлена зависимость мнения о росте качества диссертаций от возраста и пола респондентов: более критично оценивают качество диссертаций ученые-мужчины старших поколений, напротив, более лояльны к качеству молодые ученые-женщины. Четверть опрошенных считают, что в последние 10 лет качество диссертационных работ растет, при этом чаще на это указывают женщины (30,8 %), чем мужчины (20,5 %). Примерно треть указали, что «качество диссертаций снижается» (36,2 % мужчин и 26,7 % женщин) или «практически не изменяется» (34,8 % мужчин и 32,1 % женщин). Более требовательны к качеству диссертаций представители старших поколений, среди ученых старше 71 лет самое большое число указавших на их снижение (36,3 %).

Самая высокая доля научных руководителей, отметивших рост качества диссертаций, работает в медицинских науках (49,8 %), около четверти – в сельскохозяйственных (28,0 %), гуманитарных (26,3 %) и естественных (26,1 %) науках, минимальная доля таких респондентов – в технических науках (15, 5%). Максимальное количество отметивших снижение качества диссертаций работает в области технических наук (40,4 %). Треть работают по направлениям общественных наук (35,5 %), сельскохозяйственных наук (32,8 %) и гуманитарных наук (30,5 %). Минимальное значение по данной позиции – у представителей медицинских наук (19,1 %). Ответ «качество диссертаций практически не изменилось» выбрали около трети опрошенных по направлениям технических, естественных, общественных и гуманитарных наук; около четверти – по направлениям медицинских и сельскохозяйственных наук (таблица 4).

Таблица 4

Результаты ответа на вопрос, «Как изменилось качество диссертационных работ по Вашей научной специальности за последние 10 лет?» (по направлениям науки)

Варианты ответа	Тех., %	Ест., %	Мед., %	С/х, %	Общ., %	Гум., %
Качество диссертаций растет	15,5	26,1	**49,8**	28,0	20,4	26,3
Качество диссертаций практически не изменяется	36,0	37,1	25,4	28,6	34,6	32,2
Качество диссертаций снижается	**40,4**	26,5	19,1	32,8	35,5	30,5
Затрудняюсь ответить	8,1	10,3	5,7	10,6	9,5	11,0

Согласно результатам опроса, тематика диссертаций в соответствии с приоритетами научно-технологического развития представлена лишь у трети опрошенных, она чаще встречается в вузах, чем в научных организациях. Треть опрошенных отмечают снижение качества диссертационных работ, наибольшую обеспокоенность такое снижение вызывают диссертации по техническим наукам. Четверть опрошенных заявили о росте качества диссертаций, наибольшая их доля (практически половина) среди представителей медицинских наук.

Список литературы

1. Федотова В. Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 44-53.
2. Bamme A. Science, Technology, Society: Prologue // Yearbook 2005 of the Institute for Advanced Studies on Science, Technology and Society. München: Profil-Verlag, 2005.

ГОРОЖАНЕ И СЕЛЯНЕ: РОЛЬ СЕМЬИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ*

TOWNSPEOPLE AND VILLAGERS: THE ROLE OF THE FAMILY IN THE SOCIALIZATION OF STUDENTS OF SPECIALIZED SECONDARY VOCATIONAL INSTITUTIONS

Г.С. Широкалова
Московский городской педагогический университет, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, г. Нижний Новгород
Н.В. Дулина
Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик», г. Волгоград
Е.И. Пронина
Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
G.S. Shirokalova
Moscow City Pedagogical University, Privolzhsky branch of FNISC RAS, Nizhny Novgorod
N.V. Dulina
Center for Sociological and Marketing Research "Analitik", Volgograd
E.I. Pronina
Institute of Sociology, FNISC RAS, Moscow

Семья, место жительства, оставаясь важными факторами первичной социализации молодежи, постепенно уступают свои позиции под влиянием институтов образования, СМИ, социальных сетей, референтных групп. Анализу изменения значимости межпоколенных связей учащихся СПО от поколения «дедов» к «родителям» и «внукам» в зависимости от места проживания их семей посвящена данная статья.

Family, place of residence, remaining important factors in the primary socialization of young people, are gradually losing their positions under the influence of educational institutions, the media, social networks, and reference groups. This article is devoted to the analysis of the change in the significance of intergenerational ties among SVE students from the generation of «grandfathers» to «parents» and «grandchildren», depending on the place of residence of their families.

Ключевые слова: город, село, семья, студенты СПО, поколения «родителей», «дедов», «внуков», традиции, образование.

Keywords: city, village, family, SVE students, generations of «parents», «grandfathers», «grandchildren», traditions, education.

* Выполнено по гранту Российского научного фонда № 23-18-00288, https://rscf.ru/project/23-18-00288/

В современной внутренней политике существуют две противоречивые тенденции: с одной стороны, в 2011 г. Министром экономического развития Э. Набиулиной была заявлена программа приоритетного развития агломераций через миграцию десятков миллионов молодежи из малых населенных пунктов, поскольку это наиболее экономически выгодно для государства [1]. Такая позиция отражает интересы крупных инвесторов и является приоритетной во внутренней политике. Параллельно, учитывая угрозы национальной безопасности, Правительство РФ вынуждено было принять Доктрину продовольственной безопасности и конкретизирующие ее документы, в том числе о комплексном развитии сельских территорий для закрепления кадров в сельских поселениях. Достичь задач, поставленных в них, не удалось, в том числе по причине секвестирования бюджета [2].

На государственном уровне задается разница условий жизни селян и горожан, формирующих образ жизни в зависимости от места жительства. На вопрос о способности большой родительской семьи в отличающихся условиях передать детям специфику национальных традиций и социальный опыт старших поколений позволяют ответить результаты нашего исследования. В 2022 г. Российским обществом социологов было проведено масштабное социологическое исследование во всех Федеральных округах России, выборка которого составила 9751 студентов вузов и 1773 студентов средних специальных профессиональных учреждений (СПО). Отдельные результаты исследования, в большей части посвященные анализу оценок и мнений студентов вузов, нами уже были опубликованы ранее (см., напр., [3–5]). Мы обратились к той части данных, где эмпирическим объектом выступали студенты СПО, чья первичная социализация прошла в сельской местности и крупных городах России (табл. 1).

Таблица 1

Интерес к истории страны и семьи разных поколений, % от типа населенного пункта

ОТМЕТЬТЕ, НАСКОЛЬКО ВАША СЕМЬЯ ИНТЕРЕСУЕТСЯ ИСТОРИЕЙ	Вы лично		Мама, папа		Бабушка, дедушка	
	деревня, село	большой город, столица	деревня, село	большой город, столица	деревня, село	большой город, столица
Знают историю города, села, где живут	73,9	71,4	85,8	76,4	91,0	89,3
Интересуются историей страны, в которой родились	65,0	67,3	66,9	68,7	68,4	66,9
Посещают музеи	62,1	57,2	39,0	47,2	37,7	44,8
Смотрят документальные исторические фильмы	50,6	49,7	70,1	66,8	72,0	67,7
Читают краеведческую литературу	28,3	24,2	36,0	32,9	46,7	39,8

Хранят фотографии прадедушек/прабабушек	62,4	60,7	84,3	82,9	84,9	84,4
Хранят письма родственников	29,9	34,0	49,7	49,0	70,2	63,3
Знают девичьи фамилии бабушек	55,1	53,8	80,8	75,4	81,6	77,3
Используют в своей речи народные пословицы, поговорки	44,9	47,8	62,5	54,9	77,4	71,4
ИТОГО:	472,3	466,0	575,0	554,1	629,8	604,9

Уже общее количество ответов свидетельствует, что от поколения к поколению уменьшается информированность о прошлом и страны, и семьи как среди горожан, так и селян. Причем, разница между горожанами и селянами стирается от поколения к поколению, что свидетельствует о бóльшем влиянии иных факторов, чем место жительства. Отметим, что ответы о поколении «дедов» у подростков могут быть не совсем точны из-за преобладания нуклеарных семей. Если показатели занижены – это признак утраты семейных связей, если завышены – показатель уважения к старшим как источникам информации.

Здесь к месту обозначить методологический посыл оценки историчности памяти: «Для человека прошлое всегда существует как настоящее прошлого, и с этим ничего не поделать» [6, с. 205]. Иначе говоря, получаемую от старших информацию подростки воспринимают как истину в последней инстанции, не вписывая ее в более широкие социальные отношения. Отсюда двойственность оценок прошлого: для одних характерна ностальгия по советскому периоду, для других – по временам Российской империи [7].

Самооценка знаний истории своего населенного пункта незначительно отличается у сельских и городских подростков, поскольку образовательные программы школ включают ознакомление с местом жительства в самых разных формах, но краеведческую литературу для расширения знаний учащихся они используют недостаточно. Старшие поколения с ней знакомы в большей степени, как и с документальными фильмами: вероятно, это эффект накопления социального капитала. Знание истории страны обеспечивается единством учебников, увеличением доли посещающих музеи от «дедов» к «внукам», их большей доступностью в последние годы и ростом туризма.

По мнению подростков, историю страны они знают лучше, чем историю своей семьи. Это может свидетельствовать о недостаточной эмоциональной связи между поколениями, формировании функционального отношения между ее членами: я «беру» у «старших» только нужное для меня, а даю «младшим» только то, что они «берут». Об отсутствии заинтересованности в знаниях о «семейном древе» свидетельствует то, что лишь половина опрошенных знают девичьи фамилии бабушек.

Уходит в прошлое культура писем: их заменила мобильная связь, не имеющая функции «передачи по наследству». То же происходит и с фотографиями, утрачивающими актуальность и привязку к месту, времени, эмоциям. Следовательно, с каждым поколением будут беднеть семейные архивы, а вслед за ними ослабляться семейные связи. Замедлить этот процесс может введение в школьные программы заданий по построению «семейного древа» в историческом контексте, что предполагает участие в работе всех родных по вертикальным и горизонтальным родственным связям.

Утрачивается важный элемент культурного кода – мудрость народа, закрепленная в пословицах и поговорках, которые органично входили в контекст сказок / сказов, былин, легенд, песен, художественной литературы, кинофильмов народов Советского Союза. Замена их иностранными аналогами, в которых пропагандируется иная философия жизни, выстраивает другие стратегии поведения.

Историческая память – это не только знание каких-либо событий. Это и навыки по сохранению традиционных видов деятельности. Масштабность их освоения разными поколениями представлена в таблице 2.

Таблица 2

Мнение респондентов об отношении разных поколений большой семьи к народной культуре, % от типа населенного пункта*

Просим вас указать, каким образом проявляется отношение вашей семьи к народной культуре	Вы лично		мама, папа		бабушка, дедушка	
	деревня, село	большой город, столица	деревня, село	большой город, столица	деревня, село	большой город, столица
Уважают и соблюдают народные обычаи	60,1	52,6	71,6	62,6	88,2	87,4
Готовят блюда национальной кухни	52,0	41,6	82,0	70,4	77,2	78,1
Слушают национальную музыку	42,9	42,7	55,5	50,0	72,2	65,8
Знают и поют народные песни	38,1	28,8	53,4	44,0	78,1	69,2
Танцуют народные танцы	28,6	21,2	34,1	24,9	43,8	40,4
Исполняют религиозные обряды	28,6	15,3	34,1	31,9	47,3	44,7
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	27,8	18,6	42,7	34,0	52,4	45,5
Используют народную медицину	27,5	24,8	46,6	38,0	66,0	61,7
Собирают библиотеку на родном языке	25,3	24,8	30,8	35,1	50,6	59,1
Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	23,4	15,7	35,7	30,4	57,7	49,9
Освоили народные промыслы	20,9	15,3	29,3	28,5	50,6	40,9
Используют в одежде элементы	19,8	11,3	23,8	23,6	46,7	38,6

народного костюма						
Имеют собственный национальный костюм	18,3	9,1	20,4	20,7	36,4	32,1
Играют на национальных музыкальных инструментах	17,9	15,3	18,9	22,5	43,2	39,1
ИТОГО:	431,1	337,3	579,0	516,5	810,3	752,4

* *Сумма по каждому их столбцов превышает 100 %, поскольку каждый респондент давал оценку каждому из элементов народной культуры, представленных в анкете.*

Отметим, что масштаб освоения традиционных для поколения «дедов» видов деятельности у молодежи примерно в два раза меньше: 431,1% вместо 810,3%, и 337,3% против 752,4%. Иерархия умений / навыков у студентов такова: от народной кухни к музыкальным инструментам. Сохранение кулинарных традиций крайне важно, с точки зрения здоровья: за тысячи лет у каждого народа сформировался свой набор ферментов, обслуживающий иммунную систему. Но стиль жизни формирует моду, в том числе и на продукты питания. По этой же причине уходят народная музыка, песни, танцы, медицина, народный костюм, библиотека «бумажная» замещается электронной, и этот процесс будет набирать силу.

Названными и иными видами культуры владела большая часть поколения «дедов», но их востребованность уже утрачивалась «отцами». С замещением народной культуры европейской утрачивалась идентичность. Не востребованы в быту и изделия народных промыслов: пластиковые игрушки и ложки более гигиеничны, чем деревянные. На тончайшей работы резные изделия из кости можно любоваться в музее, как и половиками ручной работы, но дома они не функциональны. Поэтому поддержка промыслов возможна только через государственные программы, в которые входит маркетинговая политика поиска рынков сбыта.

Виновата ли семья в том, что нарушается преемственность поколений? Мы солидарны с выводом, что «именно в семье закладываются основы человеческого капитала будущего страны и тот социокультурный генотип личности, который позволяет человеку идентифицировать себя с национальными корнями своего народа и со своей Родиной». Но ослабление («и даже отмирание») функций семьи – объективный процесс, требующий поиска «тех мер, которые обеспечивали бы баланс внешних усилий (государственной поддержки) и внутренних (самосохранительного потенциала семьи, имманентно присущего человеческому существу) [8, с. 68].

В 2020 г. в Конституцию РФ были внесены поправки о приоритете традиционных ценностей. Но чтобы эти ценности стали востребованными

молодежью, требуется система мер: от нравственной цензуры в СМИ и социальных сетях до бесплатного дополнительного образования, от повышения качества жизни педагогов до уменьшения возраста, дающего право на Пушкинскую карту с 14 до 6 лет…

Список литературы

1. Министр Э.С. Набиуллина выступила на пленарном заседании Московского Урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов». URL: https://web.archive.org/web/20160312122200/http:/economy.gov.ru/minec/press/news/doc20111208_004 (дата обращения: 03.08.2023).
2. Бондаренко Л.В. Состояние сельских территорий и законодательное обеспечение их развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве, № 5, 2023. С. 175-195. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53910097. DOI 10.33938/235-175.
3. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.
4. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д. В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 61-78. DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.
5. Дулина Н.В., Ануфриева Е.В., Петрунева Р.М. Город VS село: где «живет» народная культура? мнение современной российской студенческой молодежи (по итогам социологического исследования) // Primo aspectu. 2023. № 2. С. 37 47.
6. Фатенков А.Н. Память и её историоризация // В мыслях о своевременном и ином. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М. Горького. Приволжский исследовательский медицинский университет; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 2018. С. 201–209 // https://elibrary.ru/download/elibrary_32797997_35501687.pdf.
7. Широкалова Г. С. Историческая правда о СССР: от кого и для кого? // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 238–252.
8. Человек и его жизнь: (философско-антропологический и социокультурный контекст): коллектив. моногр. / под общ. ред. профессора Т.В. Свадьбиной. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2023. 258 с.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СМЕРТНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СТРАНАХ СНГ – ПРИЧИНЫ И ПРОБЛЕМЫ

SOME CHARACTERISTICS OF YOUTH MORTALITY IN THE CIS COUNTRIES – CAUSES AND PROBLEMS

С.А. Ананьин
ФГБОУ ВО Приволжский исследовательский медицинский университет МЗ РФ, г. Нижний Новгород
S.A. Ananyin
FGBOU VO Privolzhsky research medical University MH RF, Nizhny Novgorod

Представлен анализ статистических данных смертности молодежи 15-29 лет стран СНГ за последние годы. Проанализированы показатели отдельно по мужчинам и женщинам соответствующего возраста. Особое внимание уделено смертности от внешних причин, в первую очередь лиц мужского пола.

The analysis of statistical data on mortality of youth aged 15-29 years in the CIS countries in recent years is presented. The indicators are analyzed separately for men and women of the corresponding age. Particular attention is paid to mortality from external causes, primarily males.

Ключевые слова: смертность молодежи, причины смертности, СНГ, внешние причины.

Keywords: Youth mortality, causes of mortality, CIS, external causes.

В условиях смертности середины прошлого века до возраста 30 лет доживали от 69 891 из 100 000 родившихся живыми мальчиков в Туркмении до 87 499 на Украине. Во всех странах СНГ – бывших союзных республиках это число было выше, чем в среднем по миру (66 707). Тенденция к стагнации и некоторому снижению была выраженной в 1960-1980-е гг. в России, на Украине и в Белоруссии. Из-за вооруженных конфликтов, в которые в первую очередь вовлечены молодые мужчины, резко снижалось значение показателя в Таджикистане, Азербайджане, России. В последние годы свою лепту внесли и потери в результате пандемии COVID-19. Однако за последние 70 лет вероятность дожить до возраста 30 лет для новорожденных мальчиков в странах СНГ существенно возросла. Сейчас она составляет от 93,5% в Туркмении до 98,6% в Белоруссии при среднем значении по миру 92,8%. В России этот показатель равен 96,7% [1].

Показатели дожития до 30 лет для женского населения стран СНГ выше, чем для мужчин, менее выраженными были и снижения показателя в периоды вооруженных конфликтов и социально-экономических кризисов. В условиях

смертности середины XX века из 100 000 новорожденных девочек до 30 лет доживали в среднем по миру 69 024, а в странах СНГ от 74 920 в Таджикистане до 90 265 на Украине. В современных условиях число девочек, доживающих до возраста 30 лет, увеличилось в целом по миру до 94 055, а в странах СНГ превышает 95 000, варьируясь от 95 326 в Туркмении до 99 357 в Белоруссии.

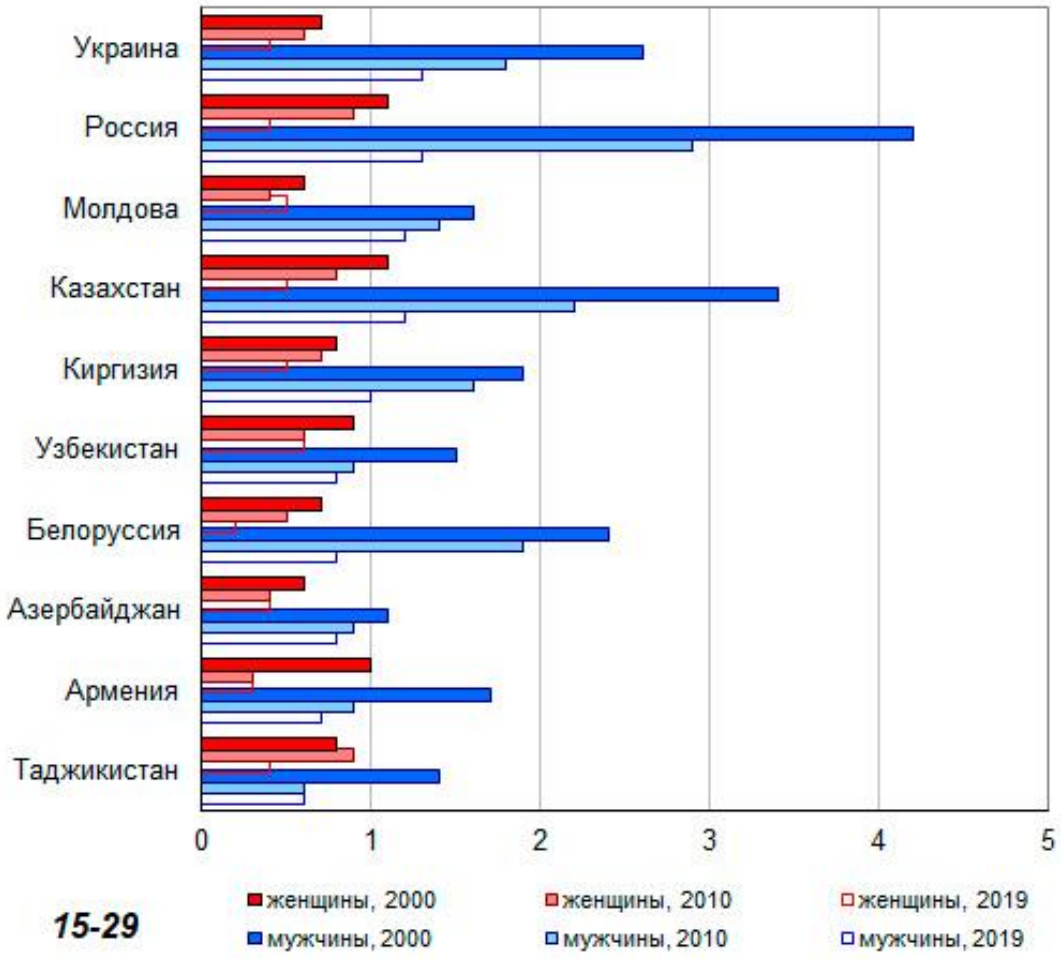


Рисунок 1. Смертность мужчин и женщин в возрасте 15-29 лет по странам СНГ, 2000, 2010 и 2019 годы, умерших на 1000 человек соответствующего пола и возраста (ранжировано по смертности мужчин в 2019 г.)

Смертность мужчин и женщин в возрасте 15-29 лет в 2019 г. снизилась по сравнению с 2010 и 2000 гг. практически во всех странах СНГ (рис. 1). Исключение составили только Таджикистан, где смертность мужчин 15-29 в 2019 г. оставалась такой же, как и в 2010 г., а также Армения и Азербайджан, где неизменной за тот же период оставалась смертность женщин 15-29 лет [2;3].

Смертность мужчин 15-29 лет наиболее заметно снизилась в странах с самыми высокими показателями – в России по сравнению с 2000 г. с 4,2 до 1,3% и Казахстане с 3,4 до 1,2%. Менее всего смертность мужчин снизилась в

Азербайджане, где она была самой низкой в 2000 г., с 1,1 до 0,8%. В результате различия между странами существенно сократились. Если в 2000 г. значение показателя варьировалось от 1,1% в Азербайджане до 4,2% в России, то в 2019 г. – от 0,6% в Таджикистане до 1,3% в России и на Украине. Снижение более низкой смертности женщин 15-29 лет было менее существенным. В 2000 г. она варьировалась от 0,6% в Азербайджане и Молдавии до 1,1% в Казахстане и России, а в 2019 г. – от 0,2% в Белоруссии до 0,6% в Узбекистане.

Уровень смертности мужчин в возрасте 15-29 лет во всех странах мира во многом определяется смертностью от внешних причин и некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний (в первую очередь, туберкулеза и болезней, связанных с ВИЧ-инфекцией).

По имеющимся данным за 2019 г. (отсутствуют данные по Туркмении, Казахстану и Украине, а данные смертности по причинам смерти по Таджикистану не соответствуют общему уровню смертности), внешние причины смерти обусловили от 53% смертей мужчин 15-29 лет в Киргизии до 69% в Армении, коэффициент смертности от этого класса причин смерти варьировался от 43 умерших на 100 000 человек в Азербайджане до 96 в России (рис. 2). В России смертность молодых мужчин от внешних причин смерти была вдвое выше, чем в Азербайджане, Узбекистане и Армении. Помимо России высокой смертностью молодых мужчин от внешних причин смерти выделяется Молдавия (79), причем, в отличие от России, где значение показателя существенно снизилось по сравнению с 2014 г., в Молдавии оно возросло. Довольно значительный вклад в смертность мужчин в Азербайджане и Узбекистане, как и в 2014 г., вносили болезни системы кровообращения (15% и 14% от общего числа умерших). Смертность от болезней системы кровообращения варьировалась от 5 на 100 000 человек в Киргизии до 14 в России, где с учетом более высокой смертности мужчин внешних причин вклад смертности от болезней системы кровообращения был ниже (9% от общего числа умерших), чем в Азербайджане и Узбекистане. Смертность мужчин 15-29 лет от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний в России тоже заметно превышала уровень других стран (8 на 100 000 человек против 2-3 в других странах СНГ). Смертность мужчин от злокачественных образований выше всего в Молдавии (8 на 100 000 человек), Азербайджане и Узбекистане (по 7), от болезней органов пищеварения – в Молдавии и России (по 5), от болезней органов дыхания – в Молдавии (5). Вклад смертности от этих причин в общую смертность не так велик, как смертность от внешних причин.

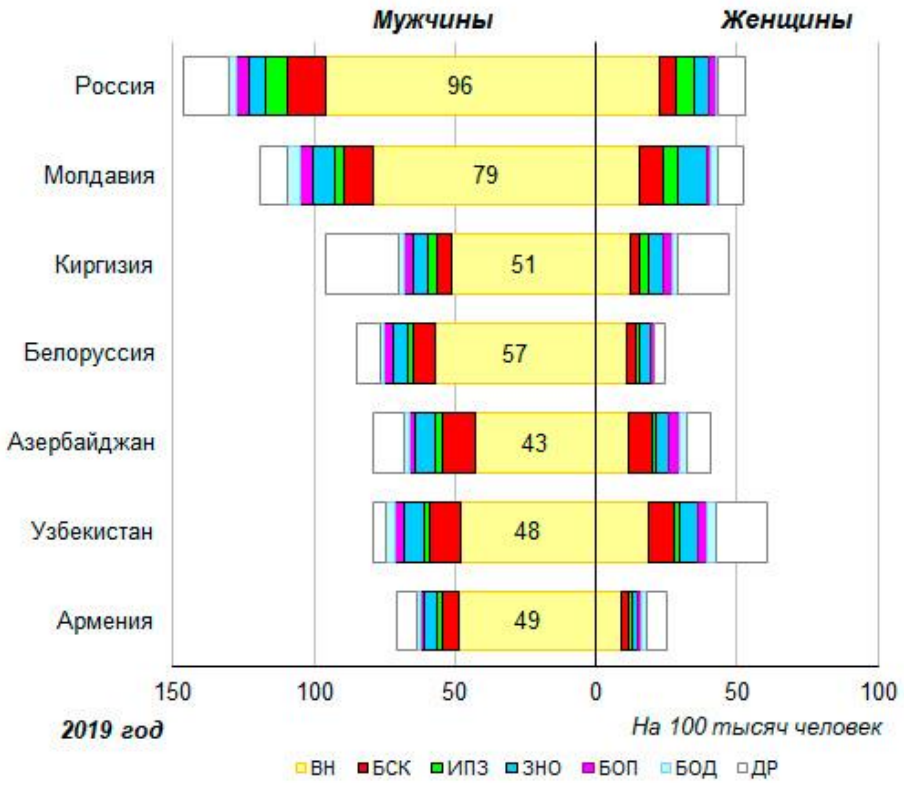


Рисунок 2. Смертность населения в возрасте 15-29 лет по полу и причинам смерти в странах СНГ, 2019 год, умерших на 100 тысяч человек (ранжировано по смертности мужчин от всех причин смерти) (ВП – внешние причины, БСК – болезни системы кровообращения, ИПЗ – некоторые инфекционные и паразитарные заболевания; ЗНО – злокачественные новообразования, БОП – болезни органов пищеварения; БОД – болезни органов дыхания, ДР – другие причины смерти)

По данным за 2019 г., доля умерших от внешних причин составляла от 26% женщин, умерших в возрасте 15-29 лет в Киргизии, до 45% в Белоруссии. Смертность от внешних причин в этой группе варьировалась от 8,8 на 100 000 в Армении до 22,6 в России, где она обусловила 43% смертей. Смертность от других классов причин смерти вносила существенно меньший вклад. Исключение составляет группа других причин смерти, которые в Киргизии обусловили 38% смертей женщин, в Узбекистане 30%, в Армении 29%, в остальных странах – 15-21%. Смертность женщин от болезней системы кровообращения варьировалась в 2019 г. от 3 умерших на 100 000 человек в Армении, Белоруссии и Киргизии до 9 в Узбекистане, Азербайджане и Молдавии, где она обусловили, соответственно, 21%, 15% и 16% смертей женщин. Смертность женщин от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний составила от 0,7 на 100 000 человек в Армении до 6,5 в России, где она обусловила более 12% смертей. Довольно большим вклад смертности от этого класса причин смерти был и в Молдавии (10% умерших) [2]. Смертность женщин 15-29 лет от злокачественных образований была самой высокой в

Молдавии (10,6 на 100 000 человек), в остальных странах СНГ она варьировалась от 2,0 до 6,4. В Молдавии причиной смерти для каждой пятой женщины, умершей в возрасте стали ЗНО. В других странах СНГ она составляла 8-12% (в Белоруссии 16%). Смертность женщин от болезней органов пищеварения варьировалась в 2019 г. от 0,9 на 100 000 человек в Белоруссии до 4,0 в Азербайджане, от болезней органов дыхания – от 0,4 в Белоруссии до 3,1 в Узбекистане. Вклад смертности от этих классов в общую смертность женщин относительно невелик, наиболее значительным он был в Азербайджане (10% умерли от болезней органов пищеварения) и Армении (по 7% умерших от болезней органов пищеварения и болезней органов дыхания).

Как уже было отмечено, для молодежи стран СНГ характерны высокие риски смертности от внешних причин. Среди них особенно выделяются риски смертности от всех видов транспортных несчастных случаев, самоубийств, убийств, а в некоторых странах и от случайных отравлений алкоголем, в основном мужчин. По наиболее полным данным, относящимся к 2014 г., смертность мужчин в возрасте 15-29 лет от всех видов транспортных несчастных случаев варьировалась от 7 на 100 000 человек в Таджикистане до 44 в России, а смертность в результате самоубийств – от 2 в Армении до 33 в России. В Белоруссии, Казахстане и на Украине потери от самоубийств молодых мужчин превышали потери от всех видов транспортных несчастных случаев. Смертность мужчин в результате убийств составляла в 2014 г. от 1,4 на 100 000 человек в Армении до 11,4 в России, а от случайных отравлений алкоголем – от 0 в Таджикистане и Узбекистане до 5,6 в Белоруссии. Потери мужского населения из-за убийств были высокими также в Казахстане (8,2), а в остальных странах СНГ они не достигали уровня 5. Смертность из-за случайных отравлений алкоголем, кроме Белоруссии, была высока в России (4,9) и на Украине (4,8), в остальных странах СНГ она была втрое ниже.

Более низкая смертность женщин 15-29 лет от внешних причин обусловлена в основном смертностью от всех видов транспортных несчастных случаев и самоубийств. Смертность в результате транспортных несчастных случаев составляла в 2014 году от 1,6 на 100000 человек в Таджикистане до 12,1 в России. Помимо России, относительно высокой смертностью женщин от этих причин смерти выделялись Казахстан (7,7), Украина (6,5), Киргизия (6,0). Смертность молодых женщин в результате самоубийств выше всего была в Узбекистане и Казахстане (более 9 на 100000 человек), ниже в России, Киргизии и в Украине (4-6 умерших), а ниже всего - в Армении (менее 1). В Узбекистане, Казахстане и Таджикистане потери женского населения 15-29 лет в результате самоубийств превышали его потери от всех видов транспортных несчастных

случаев, причем в Узбекистане почти впятеро. Потери из-за убийств заметно ниже: выше всего они в России (2,8 на 100 000 человек), несколько ниже в Киргизии, Казахстане и на Украине (около 2) и вдвое ниже в остальных странах СНГ. Потерь женского населения из-за случайных отравлений алкоголем нет в Азербайджане, Армении, Таджикистане и Узбекистане, а в остальных странах СНГ смертность от этой внешней причины составляла от 0,1 на 100 000 человек в Киргизии до 0,7 в России.

Данные за 2019 г. (рис. 4) демонстрируют тенденцию к снижению смертности молодых людей от внешних причин, однако в некоторых странах СНГ уровень смертности в результате самоубийств молодых людей остается высоким, превышает значения показателя во многих странах мира. Смертность мужчин 15-29 лет в результате самоубийств в 2–6 раз выше, чем у их ровесниц. Особенно высока смертность от самоубийств в Казахстане (22 на 100 000 мужчин), Белоруссии (20), Молдавии (19) и России (18). В Белоруссии она превышает смертность от всех видов транспортных несчастных случаев (14 на 100 000 человек), которая лидирует среди внешних причин смерти в остальных странах СНГ, варьируясь от 6 умерших в Таджикистане до 26 в России.

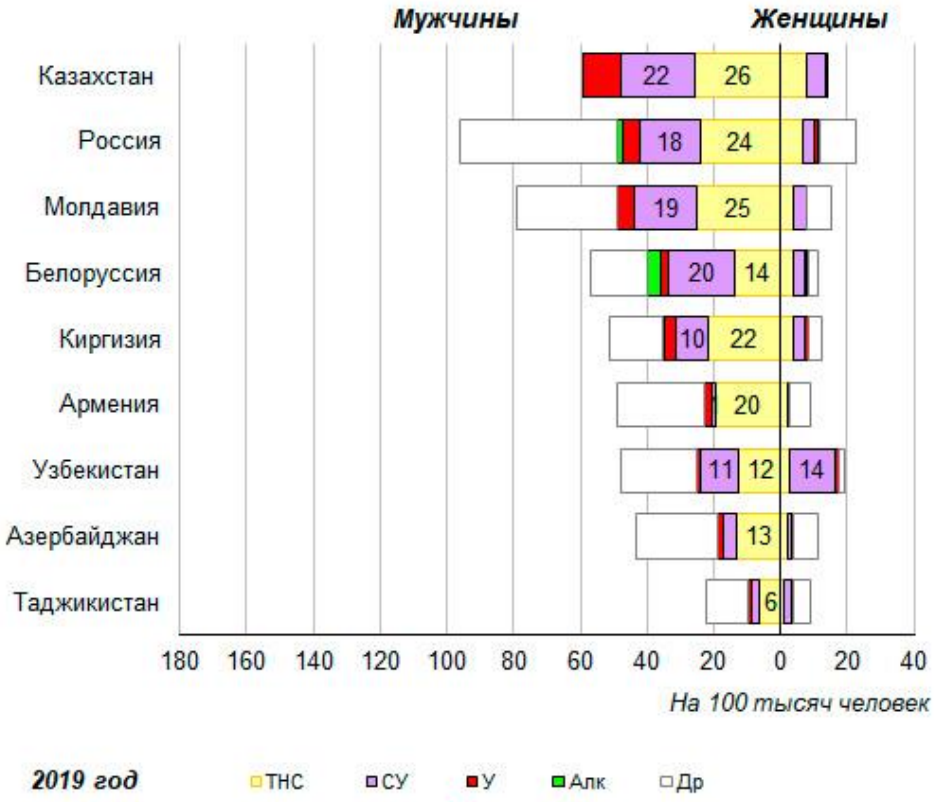


Рисунок 4. Смертность мужчин и женщин в возрасте 15-29 лет от внешних причин смерти в странах СНГ, 2019 год, на 100 тысяч человек (ранжировано по смертности мужчин от всех внешних причин)

Смертность женщин 15-29 лет от самоубийств особенно высока, по опубликованным данным, в Узбекистане (14 умерших на 100 000 человек), в остальных странах СНГ она составляет от 0,3 в Армении до 6,0 в Казахстане. В Узбекистане и Молдавии она превышает смертность молодых женщин от всех видов транспортных несчастных случаев, которая варьируется от 1,0 на 100 000 человек в Таджикистане до 7,6 в Казахстане [4].

Список литературы

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects: The 2022 Revision, Online Edition - https://population.un.org/wpp/ (дата обращения: 18.04.2023).
2. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет/Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М. 2021. 166 с.
3. Молодёжь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет/Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М., 2016. 155 с.
4. Щербакова Е.М. Молодежь СНГ, некоторые характеристики смертности // Демоскоп Weekly. 2023. № 971-972. URL:http://demoscope.ru/weekly/2022/0971/barom01.php (дата обращения: 18.04.2023).

ЖЕНЩИНА – ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ (СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ)
FEMALE PERSONALITY IN SCIENCE (LINKING TIMES AND GENERATIONS)

З.Х. Саралиева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Z.H. Saralieva
Lobachevsky University

Рассматривается вклад выдающихся женщин-ученых Нижнего Новгорода в научный потенциал. Подчеркивается, что и сегодня они не дают прерваться связи времён и поколений, приняв эстафеты из рук женщин-личностей в науке прошлого века.

The contribution of outstanding women scientists of Nizhny Novgorod to the scientific potential is considered. It is emphasized that even today they do not let the connection of times and generations be interrupted, having taken the baton from the hands of women personalities in science of the last century.

Ключевые слова: женщины-ученые, наука, научные исследования, научная школа Нижнего Новгорода.

Keywords: women scientists, science, scientific research, scientific school of Nizhny Novgorod.

В социальных потребностях современного человека особое значение приобретает способность к самоактуализации. В этой социально-психологической категории сочетаются понятия социального статуса в неразрывности с социальными ролями, социального самочувствия, самоидентификации. За человеком остаётся выбор поля преимущественного жизнесамоосуществления – труд, семья, политика, гражданское соучастие, – и далее по списку самореализации в социальном времени (как возможные вариации – жить прошлым, завтрашним днём, здесь и сейчас) и в социальном пространстве всех видов мобильности и жизнеобеспечения.

Мы будем говорить о выборе женщины, её усилиях противостоять всё ещё бытующему фактическому социально-гендерному неравенству. Лучше всего, на наш взгляд, это сделать, изучая жизнь выдающихся женщин-учёных, личностей в науке.

Говоря «личность», мы погружаемся в ситуацию теснейшего взаимодействия, взаимозависимости человека и общества (отметим сразу, что с переменой мест этих понятий меняется угол зрения на это взаимодействие, велика опасность в связке «общество и человек» остаться на социальных, по сути инструментальных, ролях).

В подмогу нашей точке зрения сошлёмся на широко цитируемую сентенцию Шарля Фурье (мы тоже не преминули это сделать) [1, с. 161], впервые, по утверждению Ф. Энгельса, связавшего эмансипацию общества с эмансипацией женщины. Ф. Энгельс в своей работе «Развитие социализма от утопии к науке» (1880 год) писал о Ш. Фурье: он с большим мастерством критикует буржуазную форму отношений между полами и положение женщины в буржуазном обществе – «Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации». Эту мысль Ш. Фурье развивал в первой своей книге «Теория четырёх движений» (“Oeuvres completes”. Paris. 1841. P. 195.): «Расширение прав женщин есть основной принцип всякого социального прогресса» [2, с.197].

Судя по контексту, Ф. Энгельс не относил эту мысль Ш. Фурье к утопическим. Можно считать её универсальной – «в каждом данном обществе», то есть и в нашем сегодняшнем.

Начало 90ых гг. XX в. ознаменовалось двумя событиями, затронувшими социогуманитарное пространство российского общества – создание межвузовских научно-исследовательских программ «Феминология и гендерные исследования России: перспективные стратегии и технологии», «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях» и создание в 1993 г. по инициативе питерских ученых, деятелей культуры «Академии гуманитарных наук» (АГН).

Профессора Нижегородского госуниверситета им Н.И. Лобачевского инициировали в 1994 г. создание первого регионального отделения АГН, фундаментальная задача которого определялась, как «распространение гуманитарных знаний, формирование у нового поколения ученых стиля мышления, органично сочетающего естественно-научную и общегуманитарную компоненту миропонимания» [3, с. 4], публикацию результатов своих исследований и участие в организации и проведении международных научно-практических конференций».

В рамках реализации проекта «Научные школы Нижнего Новгорода: история, проблемы, перспективы» отделением в 1997 и 1999 гг. были изданы сборники авто- и биографических материалов, воспоминаний и очерков учеников девятнадцати выдающихся представительниц горьковской/нижегородской академической и вузовской научных школ «Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода» [3;4].

Сами ученики – тоже яркие личности – микробиологи, лингвисты, психологи, физики, математики, педагоги, деятели искусства, которые продолжили историю нижегородской науки, внеся свой вклад в развитие и благополучие научного социума. В Приложении даём сведения [Приложение 1;2] о них по состоянию на 1997 и 1999 гг.

Приведём несколько зарисовок о женщинах-ученых Нижнего Новгорода.

«Целеустремленность, упорство, настойчивость и какое-то бесстрашие перед трудностями» – это название статьи, посвященной *Людмиле Николаевне Белюстиной*, лауреату Государственной премии СССР в области науки и техники, доктору технических наук, одному из создателей в системе университета Научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики, с её именем связывают серьёзный прорыв в построении теории систем фазовой синхронизации [3, с. 5-14].

Основание большой школы в области биохимии – нейрохимии, бактериохимии, общей биохимии и клинической медицинской биохимии, молекулярной иммунологии связано с именем доктора медицинских наук, профессором *Городиссской Генриэттой Яковлевной*. Характерен такой отзыв

одной из учениц Генриэтты Яковлевны: она была «истинно интеллигентным человеком, покорявшим своей доброжелательностью, общей культурой, энциклопедическими знаниями, которые никогда не демонстрировала без нужды» [3, с. 18].

Поистине легендой горьковской/нижегородской науки была *Мария Тихоновна Грехова* – доктор физико-математических наук (степень присвоена в 1936 г. без защиты диссертации), профессор, организатор и первый декан первого в СССР радиофизического факультета, Почетный гражданин Нижнего Новгорода, заслуженный деятель науки и техники. По инициативе М. Т. Греховой был организован Научно-исследовательский радиофизический институт, директором которого она работала до 1972 г. Награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции [3, с. 23, 25].

Заставляет задуматься названия подглавок в воспоминаниях о Марии Тихоновне: «Особенности мышления», «Супружеский «кластер»» (замужество с Виктором Ивановичем Гапоновым, профессором, автором двухтомного учебника «Электроника», награждён Орденом Ленина. Их брак назван оптимальным семейным парным кластером, заметив, что «оптимальность всегда есть функция предназначения!» [3, с. 31]); «Любовь к умным», «Упоение помогать», «Смысл жизни», «Времена не выбирают».

«Первый нижегородский альголог» – так начинается рассказ о *Вере Ивановне Есыревой*, внесшей серьёзный вклад в изучение водорослей Нижегородского Поволжья, фитопланктона Волги и Оки, Горьковского и Чебоксарского водохранилищ. «Просто жить нельзя, нужно жить увлечённо» – из её записных книжек. Небольшая зарисовка об исследованиях Веры Ивановны: для их выполнения в течение трёх летних сезонов отбирались пробы фитопланктона на весельной лодке на протяжении 502 км. – от Рыбинска до Горького. Оставила богатое наследство – учеников, труды и альготеку, насчитывающую несколько тысяч проб, хранящихся на кафедре ботаники ННГУ им. Н.И. Лобачевского [3, с. 39-54].

Софья Павловна Зыбина известна как первая женщина с довольно редкой специальностью – фитопатолог, то есть специалист по борьбе с болезнями сельскохозяйственных растений. Относится к числу вавиловцев-нижегородцев, будучи соратником и единомышленником академика Н.И. Вавилова в его бытность в нашем городе. В 1930 г. была арестована по обвинению в контрреволюционной и вредительской деятельности в сельском хозяйстве. Сохранилась машинописная копия воспоминаний Софьи Павловны о её работе под руководством Н.И. Вавилова на Нижегородской земле [3, с. 55-58].

Ученики С.П. Зыбиной – Н.П. Королева, Н.Я. Крекнин, М.М. Рудакова в 1997 г. с горечью писали: «Сейчас имя С.П. Зыбиной оказалось забытым и даже не вошло в недавно изданный том «Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений», С-Петербург, 1994. Своей статьей мы пытаемся извлечь это имя из забвения» [3, с. 58].

Ещё один первый – профессор *Елена Петровна Куклина-Хрущева* – первый нижегородский миколог, первая женщина мордовской национальности, удостоенная ученой степени доктора биологических наук. В 20ые годы XX в. Елена Петровна преподавала биологию на рабфаке Нижегородского университета, заведовала отделением нацменьшинств. «Выпускники этого отделения составили основу национальной интеллигенции поволжских национальных республик [3, с. 61]. Преподаванию в вузах Елена Петровна отдала более 60 лет и, по уверению её учеников, остаётся в памяти и сердцах тех, кто у неё учился не только науке, но и жизни [3, с. 59-66].

Зоя Сафроновна Никоро – убеждённый генетик, организатор и первая зав. кафедрой генетики (с 1931 г.) Горьковского госуниверситета. Не согласная с присланным в 1939 г. учебным планом по генетике для вузов, фактически извращавшим суть научного направления, Зоя Сафроновна позволила себе заявить, что «с сентября буду подметать улицы» [3, с. 70]. Тяжело пережила последствия пресловутой сессии ВАСХНИЛ 1948 г., лишилась работы и долго не могла работать по специальности (одно время работала музыкальным работником в детской школе-интернате). По приглашению академика Н.П. Дубинина с 1958 г. до конца жизни, в связи с организацией Новосибирского отделения АН СССР, работала в Новосибирском институте генетики и цитологии.

Ближайшей сотрудницей академика Н.И. Вавилова, генетиком, первым цитологом Всесоюзного института растениеводства была *Елена Карловна Эмме*. Её доброе имя было восстановлено уже после смерти в тюрьме в 1942 г. Репрессирована была как немецкая шпионка. Среди пунктов обвинения и такой: «дискредитация совместно с академиком Н.И. Вавиловым научных достижений академика Лысенко». Елена Карловна покончила жизнь самоубийством в тюремной камере. Рукопись подготовленной ею книги «Эволюция картофеля» была изъята при аресте и бесследно пропала.

Вкладом в науку были и сделанные Еленой Карловной реферативные переводы на русский язык почти всей зарубежной генетической и селекционной литературы конца 30ых годов. Её имя навечно закреплено наукой в названии одного вида дикорастущего 24-хромосомного картофеля – Солянум Эмме. Она

была соавтором двух засухоустойчивых сортов картофеля со значимыми названиями – «Подарок Родине», «Новинка пустыни» [3, с. 90].

Сегодня одна из улиц центра города носит имя Ирины Николаевны Блохиной – действительного члена РАМН, лауреата государственной премии СССР, д.мед.н., профессора, директора НИИ эпидемиологии и микробиологии Минздрава России. Под ее руководством был создан и осуществлен промышленный выпуск нового препарата для коррекции микробиоценоза человека: сухой лактобактерин, колибактерин, бифидум-бактерин, бифилакт [4, с. 5-15].

«Супружеский кластер» И.Н. Блохина и А.Г. Угодчиков был гордостью нижегородский науки. Андрей Григорьевич Угодчиков – доктор технических наук, почётный профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, заслуженный деятель науки и техники, почётный член Международной академии наук высшей школы, член Национального комитета РАН по теоретической и прикладной механике. Награждён четырьмя орденами и шестью медалями СССР и Российской Федерации. В 2003 году ему было присвоено звание «Почётный гражданин Нижегородской области». Был ректором ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 1969-1988 гг., много способствуя созданию уже в 90ые гг. факультетов социогуманитарного профиля.

Волгина Александра Александровна – первая женщина ветеринарный врач – педагог Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (1938 г.р.). До сих пор благодарные ученики вспоминают о лекциях Александры Александровны, отличая ее обаяние, открытость, и считают, что ее жизнь была служением, потому что *«человеческая медицина сохраняет человека, а ветеринарная медицина оберегает человечество»* [4, с. 41-45].

Блестящим педагогом физики и методики ее преподавания была выпускница радиофака нашего университета проф. *Нелли Матвеевна Зверева*. Авторы очерка воспоминаний вывели формулу успеха, к которому приводило любое научное начинание Н.М. Зверевой: «Потому, что неуспех для нее невозможен… Талант и самозабвенное отношение к делу». Очерк о Нелли Матвеевне имеет ряд подзаголовков, отражающих ее научную и педагогическую деятельность: «Пусть не кончается урок», «Наши школы», «*Жизнь без науки невозможна*», «Наука – учителю» [4, с. 46-49].

Биолог, планктонолог, доктор биологических наук, эксперт ЮНЕСКО, член Национального Тихоокеанского комитета, главный научный сотрудник Института океанологии РАН, выпускница Горьковского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского – все это о *Ларисе Анатольевне Пономаревой*. Мировой океан стал пространством жизни и труда Л.А. Пономаревой в течение почти 60

лет. *Участница или начальник, или научный руководитель множества экспедиций, охвативших 80 стран Мира*. «Труженица моря», «Пленница моря». Год, проведенный без рейса, считала потерянным. Последний рейс был в 1989 г. Ларисе Анатольевне было тогда 72 года [4, с. 127-153].

Ульяна Васильевна Ульенкова – первый доктор психологических наук в Нижнем Новгороде, заслуженный деятель науки Российской Федерации. В профессиональных кругах широко известна как создатель оригинальной научной концепции изучения, обучения и воспитания детей с задержкой психического развития в комплексе: дошкольное учреждение – школа. Речь шла о теоретических основах и экспериментальных подходах психической диагностики и психолого-педагогической коррекции развития школьников с ЗПР [4, с. 154-171].

«*Соратница академика Н.И. Вавилова*, талантливый физиолог, профессор» – так озаглавлен очерк об *Ирине Владимировне Красовской*. Николай Иванович знал ее со студенческих лет и очень ценил. Еще в 1924 г. в отзыве на научную работу И.В. Красовской Н.И. Вавилов отмечал, что этот труд – «ценный вклад в агрономическую науку». В 1935 г. Вавилов характеризует Красовскую «как одного их лучших физиологов растений в СССР» [4, с. 71-82].

Берта Соломоновна Маранц – ученица профессора *Генриха Густавовича Нейгауза* окончила Московскую консерваторию в 1931 г., и так сложилась творческая судьба пианистки, что ей суждено было стоять у истоков создания двух других консерваторий – Уральской (Свердловск) и Горьковской/Нижегородской. Творческое исполнительское долголетие Берты Соломоновны поражает. Последние выступления в Свердловске сопровождались лестными рецензиями о пианистке, перешагнувшей свой 80-летний рубеж [4, с. 111-126].

Одержимость – признак настоящего таланта. Но уникальным делают высокие личностные качества человека – личности в науке.

Приведу признание в своих чувствах восхищения и благодарности ко всем «Женщинам науки» кандидата педагогических наук, доцента Надежды Николаевны Деменёвой:

Женщинам науки

О, эти женщины науки! // У них есть дети, есть и внуки,
Но есть еще порыв душевный // Открыть наук ларец волшебный.
О, эти женщины науки! // Пройти через преграды, муки,
Через защиты и советы // И сохранить себя при этом!
Какое мужество и хватка! // Вся жизнь, как яростная схватка!
Но сколько женского при этом // Сияет в них незримым светом.

Какая страсть! Какая нежность! // Души распахнутой безбрежность,
И острый ум, и глаз сияние, // И просто бездна обаяния!
О, эти женщины науки! // Имен чарующие звуки,
Мы вслух их вновь не произносим, // Имен созвучья в сердце носим.
Для нас Вы, словно свет в окошке, // Как блеск невидимой звезды,
Так хочется хотя б немножко, // Но стать такими же, как Вы [4, с. 69].

О сегодняшнем вкладе женщин-ученых Нижнего Новгорода в научный потенциал можно судить по некоторым данным последних пяти лет об их работе над диссертационными исследованиями в области социальных наук. В качестве примера воспользуемся сведениями о защитах в диссертационном совете по социологическим наукам по направлениям: социология управления, экономическая социология, социальная структура, социальные института и процессы. С 2017 по 2022 г. на соискание степени доктора социологических наук успешно защищено 4 диссертации, из них 3 женщинами-соискательницами. Серьёзность изучаемых проблем в диапазоне «Управление социально-психологическим старением персонала российских компаний в условиях требований рынка труда Индустрии 4.0»; «Супружество в современной России: особенности функционирования»; «Социальное самочувствие семьи с ребёнком-инвалидом в пространстве физической культуры и спорта».

Степень кандидата социологических наук в эти годы была присвоена 17 преподавателям, из них 12 – женщины. Укажем некоторые, весьма актуальные темы: «Пенитенциарная социальная работа по восстановлению, поддержанию и укреплению социальных связей осужденных»; «Социальная адаптация молодых трудовых иммигрантов в России»; «Формирование и сопровождение замещающей семьи как формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; «Роль неформальных социальных связей в адаптации выпускников вузов на рынке труда»; «Пунитивные воспитательные практики в современной российской семье». Оппонентами и ведущими организациями была отмечены новизна в подходе к исследованию проблем и убедительность эмпирической базы.

С точки зрения вклада женщин-преподавательниц ННГУ им. Н.И. Лобачевского можно посмотреть на кадровый состав двух факультетов: факультета социальных наук (ФСН) и радиофизического факультета (РФ).

Таблица 1

	ФСН	РФ
ППС	116 чел.	147 чел.
мужчин:	36 чел. (31%)	115 чел (78%)
женщин:	80 чел. (69%)	32 чел. (22%)
кандидаты наук	68 чел.	92 чел.
мужчин:	16 чел. (24%)	70 чел. (76%)
женщин:	52 чел. (76%)	22 чел. (24%)
доктора наук	29 чел.	33 чел.
мужчин:	13 чел. (45%)	32 чел. (97%)
женщин:	16 чел. (55%)	1 чел. (3%)

Если данные суммировать, получается, что среди женщин ФСН, составляющих 69% списочного состава ППС, имеют научные степени – 85%, на РФ – 22% и 72% соответственно.

Очевидно, что женщины-ученые ННГУ и других нижегородских вузов не сдают своих позиций, приняв эстафеты из рук женщин-ученых, женщин-личностей в науке, созидавших в Нижнем Новгороде в прошлом веке, не давая прерваться связи времён и поколений.

Список литературы

1. З.Х. Саралиева. Социальный статус и социальная роль женщины: проблема самоидентификации // Бюллетень Академии гуманитарных наук. №4 // Составитель и редактор З.Х. Саралиева. // Н. Новгород, Изд-во ННГУ. 1997 г. – 215 с.

2. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2ое изд. М., 1961. Т.19.

3. Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. Сб. очерков и воспоминаний // Под ред. З.Х. Саралиевой и Т.И. Ковалевой. Н. Новгород: ННГУ, 1997 г. – 108 с.

4. Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. Вып. 2 // Отв. ред. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 1999. – 196 с.

СЕКЦИЯ 1

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

ДОКЛАДЫ

СТРАТЕГИРОВАНИЕ КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ НКО
STRATEGIC THINKING AS A RESOURCE FOR NGOS DEVELOPMENT

А.А. Варызгина,
А.Е. Солдаткин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Анн-Мари Сэтре
Институт российских и евроазиатских исследований Университета Уппсалы, г. Уппсала, Швеция
Лео Гранберг
Факультет гуманитарных наук Александровского института университета Хельсинки, Финляндия
A.A. Varyzgina,
A.E. Soldatkin
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
Ann-Mari Sätre
Research director at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Sweden
Leo Granberg
Professor Emeritus in the Humanistic Faculty (Aleksanteri Institute) of the University of Helsinki, Finland

Публикация основывается на результатах исследования, которое было проведено в феврале-мае 2023 года. Описывается место стратегии в развитии НКО Приволжского федерального округа, показывается, что организации третьего сектора обладают достаточной организационной устойчивостью и культурой, чтобы понимать важность стратегического развития; однако качество этого развития остается проблематичным.

The text is based on the results of a study that was conducted in February-May 2023. The place of strategy in the development of NPOs in the Volga Federal District is described, it is shown that third sector organizations have sufficient organizational stability and culture to understand the importance of strategic development; however, the quality of this development remains problematic.

Ключевые слова: НКО, социальноориентированные некоммерческие организации, стратегическое развитие, планирование

Keywords: NGOs, socially-responsible NGOs, strategic development, planning

Публикация основывается на результатах исследования, которое было проведено в феврале-мае 2023 года Ассоциацией НКО «Служение» и сетью ресурсных центров СО НКО ПФО совместно с сотрудниками кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского в рамках проекта «Стратегия ресурсной поддержки НКО Приволжья» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в 2023 году. Исследование проводилось в Приволжском федеральном округе в 2 этапа: на первом было проведено 29 глубинных интервью с представителями ресурсных центров из 14 регионов ПФО; на втором этапе исследования проведен электронный опрос 351 НКО из всех 14 регионов ПФО[*].

НКО в России переживают период трансформации, связанный с изменением условий их существования, появлением новых целевых групп с новыми запросами, появлением нового поколения НКО и общественных активистов. В этих условиях для успешного функционирования некоммерческого сектора особенно важно уделить внимание построению стратегии развития некоммерческих организаций.

В последнее десятилетие исследователи отмечали формирование в России специфической системы взаимоотношений государства и НКО, в рамках которой государство стимулирует и поддерживает организации, берущие на себя реализацию важных социальных услуг для населения, но ограничивает активность третьего сектора в общественно-политической сфере [1]. В ходе развития этой системы НКО и органы власти приспосабливались друг к другу как на процедурном, так и на ценностном плане [2].

Новый всплеск интереса к изменениям в некоммерческом секторе произошел в период пандемии, в условиях самоизоляции и клиентов, и работников НКО. Исследовались аспекты, связанные с выживанием НКО в новых условиях, с изменением формата общения с клиентами, а также с адаптацией организаций к процессам цифровизации [3-9].

Новые реалии деятельности НКО с 2022 г. ставят перед некоммерческими организациями и ресурсными центрами новые вызовы, изменяется контекст

[*] Более подробно можно ознакомиться с результатами исследования на сайте Ассоциации Служение https://sluzhenye.org/news/opublikovan-analiticheskiy-otchet-po-rezultatam-issledovaniya-izuchenie-tekuschego-sostoyaniya-sektora-nko-pfo-v-izmenivshihsya-usloviyah-may-2023-goda/

существования организаций. Изменяются не только возможности финансирования организаций [8,9], но и структура клиентской базы (появляются новые социальные группы, нуждающиеся в поддержке НКО), трансформируется структура потребностей клиентов НКО.

Сами НКО видят наиболее актуальные проблемы своего развития прежде всего в смещении баланса между затратами и возможностями. В новых экономических условиях расходы растут быстрее, а получить поддержку от бизнеса становится труднее. Нагрузка на сотрудников растёт, что приводит к профессиональному выгоранию. Вместе с тем, однако, НКО Поволжья на данном этапе обладают достаточным опытом и уровнем зрелости, чтобы в условиях меняющейся среды поставить вопрос о выработке новых стратегий своей деятельности.

Таблица 1

Наиболее актуальные проблемы развития НКО, %

	%
Недостаток штатных сотрудников	35
Материально-технические сложности	34
Увеличение расходов организации	34
Мало партнеров среди бизнеса	34
Необходимость выработки новой стратегии работы организации	**31**
Профессиональное выгорание	31
Сокращение прежних источников финансирования	23
Недостаточно навыков для подачи заявок на гранты	23
Недостаток волонтеров, стало сложнее привлекать волонтеров	20
Проблема преемственности руководства, лидерства в организации	20
Все ждут, когда начальник сам примет решение	19
Снижение мотивации волонтеров	19
Сложности в распространении информации об организации	19
Недостаточно навыков для самостоятельной реализации социальных проектов	18
Не налажено взаимодействие с местными и региональными СМИ	17
Недостаточная компьютерная грамотность и отсутствие навыков продвижения НКО в интернет	17
Появился запрос на новые услуги, но нет возможности начать их оказывать	15

Перспективы дальнейшего развития сектора реже становятся предметом обсуждения и на общероссийском уровне [10]. При этом наряду с позитивными изменениями (адаптация к требованиям цифровой среды, новые форматы сервисной поддержки, тренд на объединение и партнерство НКО между собой, активизация взаимодействия бюджетного и внебюджетного секторов) [11] отмечается уменьшение горизонта планирования деятельности некоммерческих организаций, в том числе в силу специфики их проектной деятельности [12].

НКО Поволжья разделяются по глубине планирования свой дальнейшей деятельности на две большие группы: 39% планируют на 5 лет и более, 33% на 1-2 года, около 20% отмечают, что в текущих условиях планировать вообще сложно.

Таблица 2

На какой период планируется деятельность организации, %

	%
На 5 лет и более	39
На 3-4 года	10
На 1-2 года	33
В текущей ситуации планировать сложно	18

Планирование воспринимается, прежде всего, как средство повышения устойчивости организации, позволяющее быстрее адаптироваться к изменениям. Организации, ориентированные на более долгие сроки планирования, чаще отмечают, что планирование помогает более полно использовать новые возможности.

Таблица 3

Срок планирования и горизонт планирования деятельности организации, %

	На 5 лет и более	На 3-4 года	На 1-2 года	В текущей ситуации планировать сложно
Планирование позволяет повысить устойчивость организации, быстрее адаптироваться к изменениям	61	53	33	0
Планирование позволяет более полно использовать новые возможности	23	25	17	2
Планирование дает возможность более эффективно противостоять кризису	11	8	9	2
В условиях кризиса сложно планировать на долгий срок	4	11	34	52
Нет смысла планировать, все слишком быстро меняется	2	3	7	45

Интересно, что молодые организации, образованные после 2020 г., склонны к более долгосрочному планированию. В их среде выше уверенность в том, что долгосрочное планирование позволяет повысить устойчивость организации.

Рис. 1 Горизонт планирования НКО

Вопрос о том, в какой мере это свидетельствует о новой ситуации с качеством управления НКО, или, скорее, является следствием необоснованного оптимизма, требует отдельного исследования. Наше исследование показало, что молодые НКО менее регулярно взаимодействуют с ресурсными центрами, как и с другими НКО, органами власти, СМИ. Основные причины отсутствия взаимодействия с ресурсными центрами – недостаток информации о них (23%), неудачные попытки установить с ними контакт (15%).

Если говорить не только о молодых организациях, но о третьем секторе в целом, от ресурсных центров ждут инициативы и принятия ответственности, тем самым предъявляя необоснованные, завышенные и потому нереалистичные ожидания. В частности, от ресурсных центров ждут и помощи в построении стратегии, при том, что стратегирование возможно лишь как совместный труд, в процессе которого внешний партнер (ресурсный центр) лишь в пределах собственных компетенций в состоянии содействовать поиску решений по реализации целей и ценностей организаций, которые могут быть определены и установлены лишь ими самими.

Общий вывод по результатам исследования состоит в том, что НКО ПФО обладают достаточным «запасом прочности» для работы в ближнесрочной перспективе. Имеют место вызовы устойчивости и НКО, и ресурсных центров, рождаемые современной ситуацией и динамикой ее изменения. Некоторые из этих вызовов способны стать не только возможностями, но и угрозами, что обусловливает необходимость переоценки и обновления реализуемых подходов и практик, обращаемых вовне.

При этом, НКО обладают и новым качеством осознания ситуации и понимания необходимости стратегического развития в изменяющихся условиях.

Для дальнейшего исследования представляет интерес типология стратегических решений и сетей их выработки и осуществления.

Список литературы

1. Toepler, S., Zimmer, A., Fröhlich, C., & Obuch, K. (2020). The Changing Space for NGOs: Civil Society in Authoritarian and Hybrid Regimes. VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. doi:10.1007/s11266-020-00240-7
2. Soldatkin, A. Institutional Changes in State Authorities Collaborating with NGOs / A. Soldatkin, M. Blackburn // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Vol. 18, No. 3. – P. 523-538. – DOI 10.17323/727-0634-2020-18-3-523-538. – EDN TPQLCM.
3. Соколов А.В. особенности деятельности НКО в условиях развития интернета // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2020. № 20. С. 324-331.
4. Карасева К.В., Стефанович Т.Н. Роль цифрового маркетинга в фандрайзинговой деятельности НКО в период кризиса на примере СПБ БФ "СВЕТ" // Экономика XXI века: инновации, инвестиции, образование. 2022. Т. 10. № 7. С. 58-61.
5. Старшинова А.В., Чикова Е.В., Платонова Л.А. Цифровое развитие социально ориентированных НКО: кейсы республики саха (Якутия) и Хабаровского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 4. С. 166-179.
6. Гимазова Ю.В. Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и способы выживания // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 141-153.
7. Гришина Е., Цацура Е. поддержка НКО в условиях распространения коронавируса: примеры мирового опыта и рекомендации для России // В сборнике: Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. Москва, 2020. С. 15-21.
8. Мишина В. НКО говорят о снижении числа пожертвований из-за антироссийских санкций // Ведомости 20.03.2022 https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/20/914326-snizhenii-pozhertvovanii
9. Онлайн-конференция «Фандрайзинг нового времени. Траектория» 11.02.2022 https://www.asi.org.ru/event/2022/02/11/17-fevralya-onlajn-konferencziya-fandrajzing-novogo-vremeni-traektoriya/

10. Чащина А.А., Дерид Р.С. Стратегии развития социально ориентированных НКО в сфере социальной политики государства // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2021. № 41 (41).

11. Влияние пандемии на деятельность НКО: позитивные изменения. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире 2020, №8. (https://www.hse.ru/corona/news/377483053.html)

12. Холявин А. "Пирожки для бабушки": критический взгляд на проектное мышление НКО // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 3. С. 461-474.

УРОВНИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

LEVELS OF CULTURAL DEVELOPMENT AND THE PROBLEM OF SPIRITUAL SECURITY IN THE CONTINUITY OF GENERATIONS

В.П. Козырьков
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
V.P. Kozyrkov
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Культура рассматривается как способ формирования, воспроизводства и развития человека. Ее развитие, историческое и актуальное, имеет три уровня: матричный, уровень метакультуры и уровень культуры свободной индивидуальности. Уровни являются одновременно стадиями становления человека. Высший уровень – развитие свободной индивидуальности. Приводятся примеры проявления трех уровней развития культуры в преемственности поколений.

Culture is considered as a way of human formation, reproduction and development. Its development, historical and actual, has three levels: the matrix level, the level of metaculture and the level of culture of free individuality. The levels are, at the same time, stages of human formation. The highest level is the development of free individuality. Examples of the manifestation of the three levels of cultural development are given.

Ключевые слова: культура, уровни культуры, матричная культура, метакультура, свободная индивидуальность, преемственность поколений.

Keywords: culture, levels of culture, matrix culture, metaculture, free individuality, generational continuity.

В преемственности поколений культура проявляет себя как явление сложное и развивающееся. С этой точки зрения, выделяются три уровня культуры: во-первых, первичный, матричный, связанный с процессом развития человека и с воспроизводством средств развития самой этой первичной культуры. Во-вторых, развитие средств развития самой культуры. В-третьих, развитие свободной индивидуальности. Рассмотрим подробнее каждый из них.

1. На первичном уровне происходит становление человека в совокупности его атрибутов (прямохождение и универсальность движения, свободная рука, способная использовать орудие труда, язык и знаки, самосознание и солидарность, женственность и мужественность). Одновременно, это и формирование *способа* этого становления, который исторически закрепился в социальной памяти через технику, технологию производимых продуктов, в трудовых умениях и навыках, в способе общественной организации всего этого процесса путем создания различных общностей, социальных организаций и социальных групп.

2. Но культура не сводится к этому социально-материальному процессу. На определенном этапе *генезис культуры усложняется и становится многоэтапным процессом*. Так возникает второй уровень культуры, на котором происходит развития *самого способа развития культуры (метакультуры),* в качестве которой выступают *мифология, искусство, мораль, религия, наука, философия, физическая культура*. Собственно, так возникает духовная культура, которая позволяет человеку осознавать себя самостоятельным и свободным существом. Но духовность приобретает противоречивый характер в соответствии с противоречивостью социокультурных процессов. Поэтому духовная культура становится, одновременно, формой обеспечения безопасности определенных социальных организаций и групп. В то же время, сама нуждается в обеспечении безопасности со стороны этих групп. Так возникает идеология в различных формах в зависимости от вида духовности. Исторически второй уровень культуры формировался в течение многих веков, а сейчас он протекает в течение ряда лет в процессе развития задатков и способностей каждого человека с момента рождения в процессе воспитания и образования. Новые возможности для развития этого уровня возникают при широком доступе к ресурсам культуры в пространстве Интернета, хотя в самой виртуальной реальности скрыты немалые новые угрозы для развития природы

человека. Поэтому проблема безопасности определенного вида духовности перешла в виртуальное пространство, в информационные сети.

3. Как только была осознана *необходимость культуры развития самой культуры (метакультуры),* а произошло это уже в античности, так в процессе развития культуры как общеисторического процесса стала набирать силу *культура третьего уровня,* на котором главной целью, а если точнее, то самоцелью истории становится развитие *свободной индивидуальности* человека. Тогда развитие культуры стало совпадать с процессом развития *свободы* человека. Впервые это произошло в эпоху Возрождения, но уже в античности мы видим взлет развития талантов в разных областях духовной культуры. Постепенно в качестве средств развития этого уровня культуры выступают новые технологии, которые интегрируют творческие возможности всей духовной культуры. Вначале это было развитие письменности, книгопечатания, творческого воображения средствами искусства, развитие философии и науки, развивающие культуру мышления. Но долгое время третий уровень развивался стихийно и очень медленно. Выход на этот уровень рассматривался как проявление гениальности человека.

Подробнее о третьем уровне развития культуры. К планомерному развитию третьего уровня культуры человечество еще только приступило в XX веке, и трудно сказать, какова она будет в ее целостности, если не обращаться к утопическим проектам и к фантастике. Уже в ранних социальных утопиях можно найти немало страниц с описанием, как в обществе будущего все будут развивать свои таланты, и как само общество будет быстро развиваться за счет этого духовного потенциала. Можно почитать «Город солнца» Т. Кампанеллы, где «дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста» и все люди работают только по 4 часа, а «остальное время, – по словам Кампанеллы, – проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении...» [1].

В качестве образца такого рода предсказаний на несколько тысяч лет в будущее можно взять произведение И. Ефремова «Час быка», в котором детально описываются достижения цивилизации будущего на основе развития свободной индивидуальности. Вот небольшой фрагмент из романа: «Пожалуй, психология людей в трудные эпохи перехода от низших общественных форм к высшим, когда вера в благородство и честность человека, в его светлое будущее разъедалась нагромождением лжи, бессмысленной жестокости и страха. Сомнения обезоруживали борцов за преобразование мира или делали людей равнодушными ко всему, ленивыми циниками. Как понять чудовищные массовые психозы в конце ЭРМ – Эры Разобщенного Мира, приводившие к

уничтожению культуры и избиению лучших? Молодые люди ЭВР – Эры Встретившихся Рук – безмерно далеки от всего, что связано с истерически напряженной нервозностью и страхами прошлых времен…» [2]. Под ЭРМ И. Ефремов имеет в виду современную эпоху.

Таким образом, культура третьего уровня есть *культура развития свободной индивидуальности*. Культура, обладая внутренним единством, определяемом единством генезиса человека и культуры, их неразделенностью в процессе перспективного развития, имеет различные стадии, но при сохранении своей сущности, которая выражается в том, что культура есть способ формирования, воспроизводства и развития человека на *первых двух уровня*х, хотя и на них в современных условиях возникло много проблем и констатируется даже кризис культуры.

Проблемы духовности возникают на втором уровне и при переходе на третий уровень, когда осознается свободная индивидуальность. Духовность человека есть его взаимосвязь с культурой, которая его формирует и воспроизводит. Вне человека и вне культуры духовности в ее действительном, реальном виде не существует. Не существует она и вне человека, но может отчуждаться от него, становиться чужой. Так возникает проблема безопасности духовной сферы человека, так как чужая культура не воспроизводит и не развивает человека, не позволяет ему быть свободной индивидуальностью.

Итак, проблема безопасности формируемой духовности человека возникает в силу того, что его связь с ресурсами своей культуры может оборваться или приобрести уродливый и враждебный для человека вид. На эту проблему обратил в своем время К. Маркс. Он отмечал важность изучения материального производства для того, чтобы «понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации» [3, с. 280]. В условиях капитализма духовная культура развивается под воздействием различных угроз, и поэтому требуется особая система безопасности, позволяющая найти свои формы развития. Безопасности как со стороны государства, обеспокоенного сохранением образцов накопленной культуры определенной направленности, для чего вводится цензура в различных формах, включая изъятие, запреты, сжигание. Так и безопасности для творцов новых культурных ценностей, которые стремятся обойти цензуру, писать «в стол», идти на компромисс с журналами и издательствами. Эта закономерность отчетливо проявилась за последние десятилетия, когда мы откатились к капитализму, и возникла конфронтация с западной культурой.

Богатством материала для иллюстрации многообразия этих двух систем духовной безопасности является история развития русской поэзии XIX века в условиях царской цензуры и советской поэзии XX века, проходившая в условиях жесткой идеологической цензуры [4]. Особые условия были в годы войны, когда искусство было монополизировано и милитаризировано.

Список литературы

1. Кампанелла Т. Город солнца // URL: https://avidreaders.ru/download/gorod-solnca1.html?f=pdf (дата обращения: 15.05.2023).
2. Ефремов И. Час быка // URL: https://avidreaders.ru/book/chas-byka.html (дата обращения: 15.05.2023).
3. Маркс К. Капитал. Т. 4. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 26, ч.1. М.: Госполитиздат, 1962. – 476 с.
4. Фомченкова Г.А., Козырьков В. П. Духовная сфера общества и обеспечение его безопасности. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2018. – 218 с.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ КАК НОВЫЙ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ РИСК В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE IMPACT OF TECHNOLOGIES AS A NEW PSYCHOSOCIAL RISK IN THE WORKPLACE

И.С. Леонова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Франсиско Хосе Диас Бретонес
Университет Гранады, г. Гранада, Испания
I.S. Leonova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
Francisco José Díaz Bretones
University of Granada, Granada, Spain

Более тридцати лет назад Международная организация труда охарактеризовала некоторые факторы на работе, влияющие на наше здоровье. Нерациональное применение имеющихся компетенций, отсутствие контроля, конфликт с руководством, неравная оплата труда, отсутствие безопасности на рабочем месте или проблемы в трудовых отношениях были названы психосоциальными факторами риска. Однако в последние годы эти факторы риска меняются в связи с появлением новых условий труда и изменениями,

происходящими в социальной, экономической и, прежде всего, технологической сферах. Появились новые факторы, оказывающие явно негативное влияние на физическое, социальное и психическое здоровье работников. Предложен обзор основных психоосциальных рисков, связанных с внедрением новых технологий.

More than thirty years ago, the International Labour Organisation characterised certain factors at work that affected our health: poor use of skills, lack of control, conflict with authority, unequal pay, lack of safety at work or problems in labour relations, which were called psychosocial risk factors. However, these risk factors have been changing in recent years with the new work contexts and the changes that have taken place in the social, economic and, above all, technological spheres. Thus, new factors have appeared with clear negative repercussions for the physical, social and mental health of workers. The article is devoted to a review of the main psychosocial risks associated with the introduction of new technologies.

Ключевые слова: трудовые отношения; здоровье; психосоциальные факторы риска; новые технологии, синдром информационной усталости.

Keywords: labour relations; health; psychosocial risk factors; new technologies, information fatigue syndrome.

Многие последние технические инновации имеют последствия для здоровья и благополучия работников. С одной стороны, они улучшают определенные условия труда, а с другой – создают новые психосоциальные риски как за счет прямого воздействия на методы работы, так и за счет влияния на формы организации, ресурсность и способы контроля, расширения возможностей хранения, объединения и анализа данных.

Стоит только остановиться и задуматься о том, что означают информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), как они, взаимодействуя с коллективом работников, вызывают глубокие изменения в производственном процессе, затрагивая различные аспекты: семью, работу, профсоюз и даже общую среду обитания.

Очевидно, что использование технологий может быть (и является) очень полезным не только в социальной и личной сфере, приносящей немедленное удовлетворение, но и на рабочем месте. Но наряду с этим положительным использованием может оказывать и пагубное влияние на человека, причем не только физическое, но и социальное и психологическое [1-2].

Интуиция М. Хайдеггера помогает нам понять точку зрения Р. Дэвиса [3], который считает, что слово "технология" должно использоваться в двух смыслах. В широком смысле, когда речь идет как о культурных (цели, ценности, этические кодексы, вера в прогресс, творчество), так и об организационных аспектах (экономическая и производственная деятельность, пользователи,

структуры и процессы). Второй, более узкий, или "технический" смысл, где речь будет идти о знаниях, навыках, технике, машинах, продукции. По М. Вебстеру [4], существуют две позиции или подхода к изучению технологии и ее влияния на человека: с инструментальной концепции, рассматривая ее как инструмент, и с другой с точки зрения – неизбежности технологических изменений, находящейся в перспективе технологического оптимизма.

Влияние ИКТ на работу и организацию труда происходит несколькими путями. Новые компьютерные системы, внедренные в рабочую среду, изменили дизайн и процессы работы [5], сделав ее более жесткой, сократив межличностное взаимодействие и социальную поддержку [6-7].

Еще одно последствие, связанное с интенсивным использованием технологий, известно как синдром информационной перегрузки, или информационной усталости. Этот синдром усталости возникает, когда работнику приходится управлять большим объемом информации в круглосуточном режиме. "Новые" средства коммуникации (ноутбуки, смартфоны...), а также платформы для совместной работы или использование сложных браузеров привели к информационной перегрузке, так что во многих случаях работники получают больше информации, чем могут обработать и эффективно использовать. Они чувствуют себя перегруженными, не могут определить практические границы и приоритеты в отношении новой информации и вынуждены работать быстрее, чтобы справиться с возросшими требованиями. Эти факторы приводят к так называемому "информационному смогу" [8], который впоследствии приводит к "информационной усталости" [9]. Кроме того, постоянные перерывы в работе систем мгновенного обмена сообщениями приводят к усилению чувства перегрузки. Вся эта коммуникационная перегрузка во многих случаях может привести к усилению стресса и ощущению подавленности или психологического дистресса.

Единого определения этого синдрома не существует. Обычно под этим термином понимают состояние, при котором эффективность использования информации в работе человека снижается из-за большого количества актуальной и потенциально полезной информации, находящейся в его распоряжении. Л. Даббиш и Р. Краут [10] охарактеризовали его как негативный процесс восприятия и факт получения и отправки большего количества информации, чем они могут обработать, найти или эффективно переработать. Ощущение перегрузки обычно ассоциируется с потерей контроля и технострессом, а также со снижением координации задач. Таким образом, перегрузка зависит не только от объема используемой информации, но и от способности пользователей ее обрабатывать и перерабатывать.

Как отмечает М. Хайдеггер [10], проблема технологии заключается не в ее использовании, а в том, что вещи всегда представляются нам как нечто, связанное со стоимостью, обменом или инструментальностью. Так, если исторически корнем всего реального было Бытие (например, для переправы через реку строится мост, где мост, несмотря на то что является человеческим произведением с инструментальным смыслом, уважает "бытие" реки), то сегодня все вещи должны чему-то "служить", в том числе и сама природа. Если не переходить этот предел, то можно прийти к идиллическому и частичному представлению о технологии как о чем-то инструментальном, скрывающем тот факт, что сама технология есть Бытие. Преодолеть это ограничение и его негативные последствия для человека и общества можно, только поняв, что сама технология тоже обладает бытием, а не является простым инструментарием. Таким образом, перед лицом наивного отношения к технологии как к инструменту, улучшающему нашу жизнь, мы должны превратить эту наивность в подозрительность, чтобы лучше защищаться от нее. Другими словами, простое неприятие технологий или изоляция от них не позволят нам избежать технологического мышления, в котором, хотим мы того или нет, мы живем [11]. Поэтому стратегия должна заключаться в том, чтобы понять его неинструментальную природу и, исходя из наших знаний о ней, выработать индивидуальные, социальные и нормативные действия, ограничивающие его влияние, контроль и власть над нашей жизнью.

В заключение мы считаем, что изучение влияния технологий только начинается и что для правильного управления технологиями потребуется более междисциплинарная дискуссия, объединяющая различные социальные, психологические, организационные и нормативные подходы. В противном случае мы по-прежнему будем страдать от "синдрома парка Юрского периода" и технологического мышления, управляющего нашей жизнью опасным образом.

Список литературы

1. Chesley, N. (2005), “Blurring boundaries? Linking technology use, spillover, individual distress, and family satisfaction”, *Journal of Marriage and Family*, 67(5): 1237–1248.

2. Thomée, S., Härenstam, A., y Hagberg, M. (2011), “Mobile phone use and stress, sleep disturbances, and symptoms of depression among young adults – A prospective cohort study”, *BMC Public Health*, 11(1): 66–76.

3. Davies, P. W. F. (1997), “Technology and Business Ethics Theory”, *Business Ethics*, 6(2): 76-80.

4. Webster, M. D. (2016), “Examining Philosophy of Technology Using Grounded Theory Methods”, *Forum: Qualitative Social Research,* 17(2).

5. Korunka, C., Weiss, A. y Karetta, B. (1993), “Effects of new technologies with special regard for the implementation process per se”, *Journal Organizational Behavior,* 14: 331–348.

6. Rifkin, J. (2014), *La sociedad de coste marginal cero,* Barcelona: Paidós.

7. Carayon, P. (1993), “Effect of electronic performance monitoring on job design and worker stress: Review of the literature and conceptual model”, *Human Factors,* 35(3): 385–395.

8. Brillhart, P. E. (2004), “Technostress in the workplace: Managing stress in the electronic workplace”, *Journal of American Academy of Business,* 5(1/2): 302– 307.

9. Weil, M. M. y Rosen, L. D. (1997), *TechnoStress: Coping with Technology @Work @Home @Play,* Nueva York: John. Wiley

10. Dabbish, L.A. y Kraut, R.E., (2006), “Email overload at work: an analysis of factors associated with email strain”, en *Proceedings of the 2006 20th Anniversary Conference on Computer Supported Cooperative Work*. ACM, pp. 431–440.

11. Heidegger M. (1994), “La pregunta por la técnica”, en M. Heidegger, *Conferencias y artículos*. Barcelona: Ed. Del Serbal. pp. 9-21.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОНЛАЙН-ОПРОСА ВОСПИТАТЕЛЕЙ)

MEASURES TO SUPPORT CHILDHOOD IN MODERN RUSSIA (BASED ON THE RESULTS OF AN ONLINE SURVEY OF EDUCATORS)

С.Н. Майорова-Щеглова
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва
С.Ю. Митрофанова
Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, г. Самара
S. N. Mayorova-Shcheglova
Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow
S.Yu. Mitrofanova
Samara University, Samara

На основе обращения к Конвенции ООН и статистическим данным представлены динамика численности детского населения и изменение статуса детства в России. Обсуждается позиция воспитателей детских дошкольных образовательных учреждений как экспертов по вопросу мер поддержки детства в современном российском обществе.

The issue of the dynamics of the number of children in Russia is raised on the base of appeal to the UN Convention and statistical data. The article discusses the position of educators of preschool educational institutions on the issue of measures to support childhood in modern Russian society.

Ключевые слова: детство, численность детей в РФ, меры поддержки детства, воспитатели.

Keywords: childhood, the number of children in the Russian Federation, measures to support childhood, educators.

Введение. В основе всякого социального воспроизводства населения – профессионального, семейно-брачного, социально-экономического, политического, социокультурного находятся процессы его естественного воспроизводства, среди которых процессы воспроизводства детского населения играют ключевую роль. В соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка, принятой в 1989 г. и ратифицированной нашим государством в 1990 г., дети в возрастном аспекте определяются как те, кому от 0 до 18 лет [1]. Численность детей – это не только характеристика данного общества в настоящем, но и потенциал его развития в будущем. Укажем количественные характеристики когорты детей от 0 до 18 лет в России, используя данные 2002 г. [2], 2010 г. [3] и 2020г. [4] итогов Всероссийской переписи населения.

Таблица 1

Динамика численности детского населения в России с 2010 по 2020 гг.

год переписи	2002		2010		2020	
возраст	В частотах	В %	В частотах	В %	В частотах	В %
0-18 лет	33 946411	23,4	28026172	19,6	31807081	21,8
Все население	145166731	100	142856536	100	146171015	100

Эволюция когорты детей за последние 10 лет демонстрирует тенденцию незначительного роста численности детского населения, однако в более отдаленной перспективе наблюдаем тенденцию снижения численности детей с 2002 г. к 2020 г., хотя численность населения в РФ в 2020 г. незначительно, но выше, чем в 2002 г. В этом контексте подчеркнем значение нацпроекта «Демография», миссия которого, в том числе, направлена на поддержку семей с детьми [5].

Все это актуализирует вопрос выстраивания демографической, социальной и воспитательной политики в интересах детей. Исследовательский комитет

Российского общества социологов «Социология детства» в сотрудничестве с «Ассоциацией лучших дошкольных образовательных организаций и педагогов» и Всероссийской общественной организацией «Воспитатели России» провели в 2022 году исследование, посвященное определению роли социальных институтов и организаций в деятельности воспитателей дошкольных образовательных организаций. Основной фокус был направлен на выявление практик приобщения детей к традициям, в связи с Указом Президента РФ № 745 от 30.12.2021 «О проведении в Российской Федерации года культурного наследия народов России», однако мы дополнительно выяснили у респондентов их позиции по некоторым важным вопросам современного детства, считая их экспертами детской проблематики. В онлайн-опросе приняли участие 3351 респондент из 8 федеральных округов, 54 субъектов РФ, 99% составили женщины, что является особенностью данной сферы труда, 98,5% работали в государственных детских садах.

Важна позиция взрослых стейкхолдеров детства как заинтересованных и компетентных субъектов по вопросу приоритетных мер поддержки современного детства. В качестве основного направления в современной России воспитатели называют поддержку образования, эта позиция существенно выделяется на фоне остальных по частоте упоминаний – 64%. Скорее всего, это связано с тем, что воспитатели оценивают детство не только реально, с точки зрения его самоценности, субъектности, признавая значимость образования дошкольников в настоящее время и право голоса за детьми на выражение своей позиции, но и потенциально, осознавая роль образовательных практик в процессах социализации и достижения успешных позиций в современной взрослой жизни.

Воспитатели считают важными меры, связанные с организацией развивающей среды, мест для досуга, игр и развлечения (37,1%), поддержкой традиционных мест (площадок) культуры для детей (библиотек, музеев, театров и др.) (35,1%), защитой безопасности детей в общественном пространстве (32%). Эти меры отражают те тенденции, которые наблюдаем в пространстве детства: увеличение роли потребительских практик детей, рост мобильностей и рисков детства. Возможно, данные меры, по мнению воспитателей, будут способствовать тому, чтобы снизить негативные последствия этих тенденций и усилить позитивное отношение и доверие детей к окружающему их миру (см. Рис. 1).

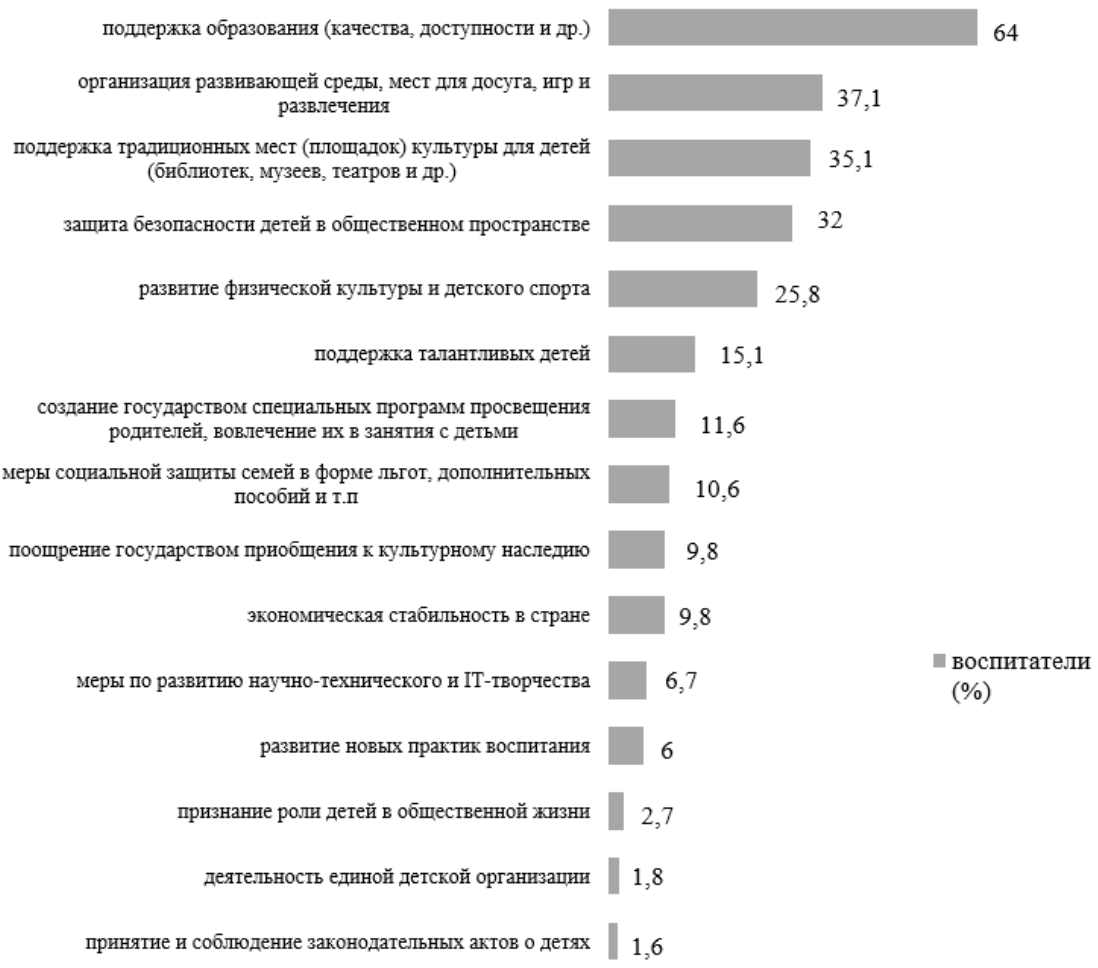


Рис. 1. Меры поддержки детства в современной России (в %)

Каждый четвертый опрошенный отметил важность мер по развитию физической культуры и детского спорта (25,8%), что, скорее всего, по мнению опрошенных, должно работать на сохранение и укрепление здоровья детей. Практически каждый седьмой респондент указал на задачи по поддержке талантливых детей (15,1%). Эта доля говорит о том, что этот пункт, хотя и важен, но не признается значимым для детей дошкольного возраста. Каждый десятый поддержал необходимость создания государством специальных программ просвещения родителей, вовлечение их в занятия с детьми (11,6%) и мер, связанных с социальной защиты семей в форме льгот, дополнительных пособий (10,6%). Чуть менее одной десятой доли указали на значимость поощрения государством приобщения к культурному наследию и достижения экономической стабильности в стране (по 9,8%). Такие результаты, скорее всего, говорят о том, что воспитатели фиксируют работу государства по этим направлениям, но, вероятно, и недооценивают их влияние впрямую на детей.

Среди неприоритетных мер поддержки детства респондентами были названы меры по развитию научно-технического и IT-творчества (6,7%), развитию новых практик воспитания (6%). Незначительно представлены меры по признанию роли детей в общественной жизни – только 2,7% придают значение, развитие деятельности единой детской организации, принятие и соблюдение законодательных актов о детях поддерживают мизерные группы, (менее 2%). Возможно, воспитатели считают, что эти позиции не актуальны именно для детей дошкольного возраста.

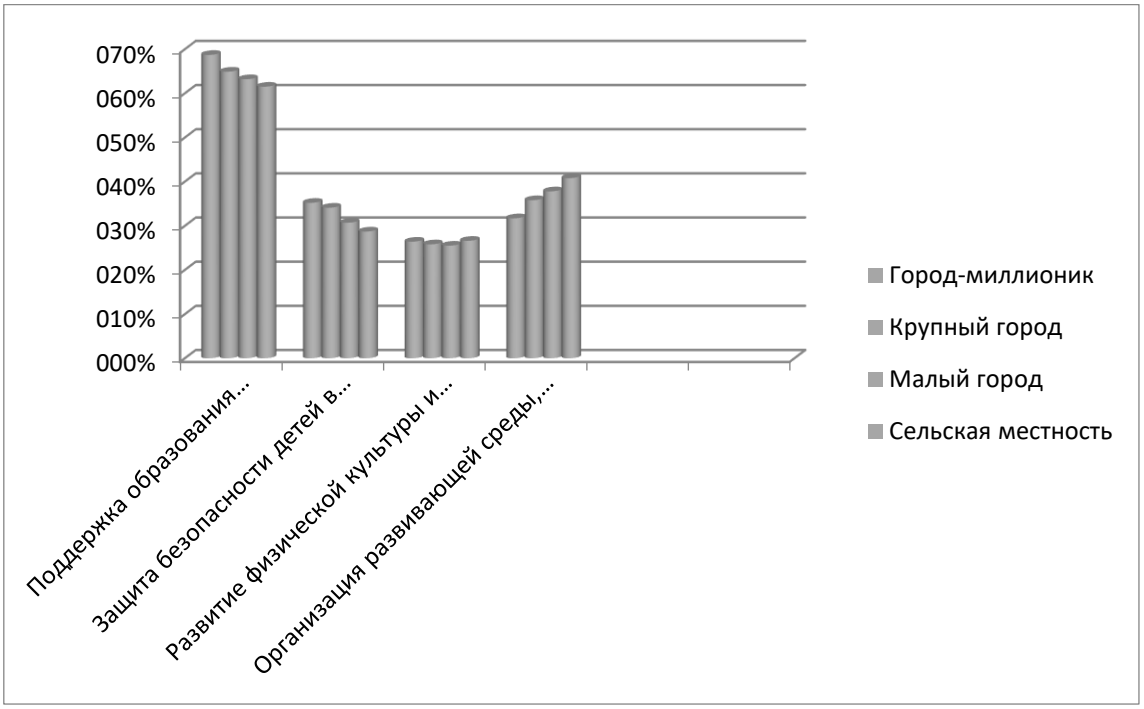


Рис. 2. Приоритетные меры поддержки детства в современной России (в %, сравнение по месту проживания респондентов)

Почти половина опрошенных работают в малых городах (49,5%), треть в крупных (33,4%), каждый десятый – сельский житель (10%), из городов-милионников – 6,8% респондентов. Нам показалось важным попробовать сравнить их мнения (см. Рис. 2). Чаще, чем их коллеги из других мест, сельские воспитатели отмечали необходимость организации как развивающей среды, мест для досуга, игр и развлечения, так и традиционных площадок культуры для детей (библиотек, музеев, театров), а также поддержки талантливых детей. Однако, в сельской местности в меньшей степени волнует проблема защиты безопасности детей в общественном пространстве (эту позицию отметили 28,7% сельчан и 35,2% жителей из городов-миллионников). Специалисты дошкольных учреждений из малых городов в б*о*льшей степени, чем их коллеги, склонны связывать поддержку детства с экономической составляющей, и их озабоченность превышает позиции сельских воспитателей.

Сравнение показало, что воспитатели разного возраста неравнозначно оценивают императивы по развитию научно-технического и IT-творчества в дошкольной среде (8,5% молодых воспитателей до 35 лет называют этот пункт и только 3,9% тех, кто старше 55 лет). С другой стороны, пожилые воспитатели чаще связывают меры поддержки детства со стабильностью экономической ситуации в стране (14% против 6,9% молодых).

Сравнение мужчин и женщин воспитателей мы не признаем в полной степени корректным: в данной феминизированной отрасли мужчин работает крайне мало и в нашем исследовании их было около 1%. Однако, установлено, что на определении приоритетов пол специалистов также оказывает влияние: мужчины повышение качества образования отмечают наравне с развитием развивающей среды, у женщин – четкий акцент именно на образовании, все остальные пункты находят намного меньше поддержки (сравним 64% против 37% за развивающую среду).

Вывод. В качестве основной меры поддержки детства в современной России воспитатели видят поддержку образования детей. Выявлены некоторые расхождения позиций экспертов относительно развития детства, эти различия формируются как за счет ценностей разных возрастных групп, так и в связи с различиями культурных традиций и практик пола и типов проживания. Стандарты дошкольного образования и воспитания возникают из требований от личности все более высокой квалификации и подготовленности, более основательного образования. При этом концентрация на образовательной стратегии для дошкольников не может быть признана идеальной. Скорее всего, это указывает на то, что детство не определяется воспитателями, с точки зрения его самоценности в настоящее время, а рассматривается с позиции его потенциала в будущем, элемента тех трансформационных процессов, которые происходят в обществе.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 16.03.2022)

2. Таблица 1. Все население, городское, сельское, по полу и возрасту. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. ВПН 2002г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31 (дата обращения: 16.03.2022)

3. Таблица 1. Население по возрасту и полу. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. ВПН 2010г. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.03.2022)

4. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 я нваря 2021 года (Статистический бюллетень) Москва 2021 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 02.03.2023)

5. Демография [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya (дата обращения: 16.03.2022)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МЕЖПОКОЛЕННЫЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

CULTURAL HERITAGE AND INTERGENERATIONAL RELATIONS IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS

Т.Ф. Маслова,
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь
T.F. Maslova,
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

Раскрывается идея миссии и роли педагога как посредника в межпоколенных связях и отношениях; обосновывается актуальность формирования профессиональной культуры в процессе социализации будущих педагогов; представлены результаты опроса студентов педагогического профиля, отражающие их установки и ценности относительно культурного наследия, патриотизма, российской гражданской идентичности.

This material reveals the idea of the mission and role of the teacher as an intermediary in intergenerational connections and relationships; the relevance of the formation of professional culture in the process of socialization of future teachers is substantiated; The results of a survey of pedagogical students are presented, reflecting their attitudes and values regarding cultural heritage, patriotism, and Russian civic identity.

Ключевые слова: профессиональная культура, будущие педагоги, межпоколенные связи, культурное наследие.

Keywords: professional culture, future teachers, intergenerational relations, cultural heritage.

Фигура педагога – одна из тех, которая на протяжении истории и современности находится в центре внимания социальной мысли. При этом выделяется его высокая миссия просвещения, воспитания, социализации, посредничества в отношениях между индивидами, группами, представляющими разные поколения.

Выполнение этой миссии сопровождается генерированием социальных, профессиональных, духовно-нравственных качеств, теоретического и практического опыта воспитания и обучения, что составляет профессиональную педагогическую культуру. Содержание и свойства педагогической культуры, ориентированные на выполнение определенных социальных функций, развиваются относительно пространственных, временны́х факторов. Акцентирование внимания на темпоральности развития профессиональной культуры имеет важное значение, с точки зрения не только ее соответствия модернизационным процессам, но и с учетом воспроизводства связи времен как необходимого звена культурной самобытности и ядра российской идентичности [1].

Сохранение и развитие культурной, гражданской идентичности связано с культурной памятью как частью социальной, формируемой посредством диалога между поколениями и обеспечивающей взаимопонимание людей с учетом прошлых этапов жизни общества. Данные обстоятельства напрямую затрагивают проблемы формирования профессиональной культуры педагога. Это связано с тем, что сегодня одной из задач, выдвинутых Концепцией подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г., названо «…обеспечение единых подходов к процессу воспитания и результатам формирования социальной ответственности личности, гуманитарных, духовно-нравственных и гражданско-патриотических ценностей педагогического образования»[2]. По сути, в стратегиях подготовки педагогических кадров подчеркивается, что воспитать гражданина-патриота своей Родины может только гражданин и патриот. Вопрос профессиональной социализации педагогических кадров, таким образом, связан с развитием гражданско-патриотических качеств, способностей находить их основы в истории поколений и передавать другим, новым.

Важную роль в данных процессах играют исследовательские практики. Одна из них представлена инициативным исследованием Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений» (2022 г.), посвященном изучению связей поколений в меняющейся действительности, а также отношению студенчества к истории страны и народов, входивших в состав СССР. Выборка по традиционному объекту исследования (студенты вузов

России – граждане России) составила 9751 единиц, в числе которых 893 студента СГПИ. Высокая доля студентов Ставропольского педагогического института как участников социологического опроса позволяет представить обобщенные данные, характеризующие состояние культуры будущих педагогов, признаки готовности к воспитанию межпоколенных связей и российской гражданской идентичности участников образовательных отношений. Подчеркнем, что опрос осуществлялся посредством ценностной рефлексии, в соотнесения индивидуально значимой системы ценностей и установок с ценностями и нормами культуры общества и профессии.

В ответах на вопрос, каковы положительные качества различных поколений, зафиксирован значительный разрыв между поколениями. Можно с определенной долей уверенности сказать, что «мое поколение» «проигрывает» своим «предкам» по всем социально значимым и необходимым ценностям, без которых общество как целостная социокультурная система будет подвергаться разбалансировке. По количеству выборов наиболее фундаментально ценностное несоответствие в оценке «патриотизма», качество которого соотносится следующим образом: «мое поколение» – 45,3%, поколение отцов / матерей– 75,5%, поколение дедушек / бабушек 92,0%. Такое соотношение подтверждается при оценивании близкого к патриотизму качества «ответственности»: 50,8 %, 74,6 %, 91,6%.

При невысоких долях оценки патриотизма своего поколения, оценка этого качества у себя представлена подавляющим большинством респондентов. На вопрос, «Можете ли назвать себя патриотом?», «Да» и «Скорее, да» ответили 86,2%. Можно предположить, что расхождение в оценках патриотизма своего и соплеменников объясняется ослаблением (отсутствием) его практического подтверждения, то есть деятельностного патриотизма у части молодежи. По критериям патриотических позиций, российской гражданской идентичности получены оценки, в той или иной мере подтверждающие эти качества у будущих педагогов. При всей их неоднозначности ответы участников опроса отражают признание наследия, которое оставили современному обществу поколения «отцов и дедов». Отвечая на вопрос, «Что удалось сохранить из наследия СССР в настоящее время?», респонденты выделили – русский язык как язык межэтнического общения, уважение к общей истории, мировоззренческие установки, свойственные единому советскому народу, интерес к культуре народов, входящих в состав СССР республик.

Определенным подтверждением сохранения тех традиций российского общества (в историческом смысле этого слова), которые позволяли жить мирно и добрососедски разным народам и этносам, могут служить ответы на вопрос об

ориентации на культурные традиции. Абсолютное большинство студенческой аудитории считает, что современный человек должен знать культуру своего народа. При этом примерно половина респондентов убеждены, что необходимо знать и уметь ориентироваться в культурном наследии других народов.

Показательны ответы респондентов на вопрос об областях применении знаний, полученных в вузе, – лишь 3% из них намерены работать за рубежом.

Таким образом, межпоколенные связи, согласно анализу результатов исследования, представляются духовной основой процесса профессиональной социализации студентов- педагогов. Старшее поколение как носители определенного мировоззренческого мира в глазах респондентов остаются основным транслятором таких важнейших ценностей, как патриотизм, коллективизм, ответственность.

В то же время для сегодняшнего молодого поколения в целом годы «строительства» либерального общества повлияли на преобладание индивидуалистической направленности, не характерной для старшего поколения. Преодоление такого рода противоречий возможно в процессе целенаправленных воспитательных действий. И в качестве важного ресурса следует рассматривать отношения будущих педагогов к культурному и историческому наследию старших поколений, и на этой основе – формировать и развивать их профессиональную культуру, связанную с установками, направленными на воспитание патриотизма и гражданской идентичности участников образовательных отношений.

Список литературы

1. Суворова В.В., Толок Е.С. Проблема сохранения культурной идентичности России в условиях глобализации // Актуальные проблемы современности: Наука и общество. – 2019. – № 1. – С. 83–87.

2. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2023г. [Электронный ресурс] URL: http://static.government.ru/media/files/5hVUIZXA2JMcPrHoJqfohMeoToZAwtA5.pdf (дата обращения: 17.04.2023).

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ДАРЕНИЕ: КОНЦЕПТ ОПИСАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

SYMBOLIC GIVING: A CONCEPT FOR DESCRIBING INTERGENERATIONAL RELATIONS

Г.С. Пак
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
G.S. Pak
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Отношения между поколениями анализируются на основе концепта символического дарения. Символический дар существует в своей неузнанно-признанной форме. Символический дар в контексте экономики практик представляет собой отсроченный платеж для того, кто его принимает. Применительно к исследованию поколений субъект дарения может одновременно выступать и как индивид, возвращающий долг. Конфликт поколений является политическим.

Intergenerational relations are analyzed on the basis of the concept of symbolic gift. Symbolic gift exists in its unrecognized form. Symbolic gift in the context of the economy of practices is a deferred payment for the one who accepts it. In the context of generational research, the subject of the gift can simultaneously act as an individual repaying a debt. The conflict of generations is political.

Ключевые слова: поколение, концепт, экономика практик, обмен, дарение, власть, конфликт

Keywords: generation, concept, economy of practices, exchange, giving, power, conflict

В условиях текучей реальности происходит отказ от категорий, схем подходов, эффективных при описании твердой реальности модернити, и начинают использоваться старые, как мир, понятия, увековеченные в структурах повседневности. Классовая борьба вытесняется конфликтом поколений, поскольку детерминируется универсальными чертами человеческой природы [1, p. 527–528]. Если серьезные сомнения в справедливости высказывания Л. Фойера возникают по отношению к прошлому, то во второй половине XX века они развеиваются. Становится очевидным социальный характер конфликта отцов и детей. Молодежь Европы восстала против ханжества и лицемерия буржуазного мира и показала себя в качестве серьезной политической силы, без участия которой невозможны глубокие социальные изменения, о чем свидетельствуют цветные революции, прокатившиеся по миру. Сложность

поколенческого подхода в том, что принадлежность к поколению есть преходящая, динамическая характеристика. Поэтому стоит обратить более пристальное внимание на методологию исследования взаимодействия между поколениями.

В понимании поколения исходной является позиция К. Мангейма, определяющего поколение через его социальный статус. Общность статуса обусловлена взаимосвязью внутри поколения как сходстве жизненных проблем и интересов, ведущая к единству внутри поколения, имеющего общие идеалы и совместную деятельность [2, с. 443–456]. Понятие поколение функционирует на двух уровнях: макросоциальном или микросоциальном [3, с. 113–136]. Каждый индивид обладает способностью ощутить свою принадлежность ко всем поколениям, но не сразу, а в ходе времени [4, с. 399–400]. Следовательно, необходимо учитывать принципиальное экзистенциальное отличие взаимодействия между поколениями от взаимодействия между классами, слоями, профессиональными общностями.

Любое научное исследование феномена в качестве факта реальности предполагает его теоретическую интерпретацию, поскольку любой факт изначально теоретически нагружен. Различение социального аспекта взаимоотношений между поколениями и внутрисемейного не означает, что они имеют разные корни. Изучая внутрисемейное, родственное взаимодействие поколений, социологи используют концепцию обмена и приходят к выводу, что внутри семьи происходит постоянный обмен различными материальными и нематериальными благами, определяют вектор их движения [5, с. 56–71].

Использование концепта символического дарения конкретизирует теорию обмена, поскольку определяет не только направленность движения благ, но и приоткрывает завесу над тайной их взаимопревращений. В силу динамического характера концепт способен проявлять себя в трех ликах: как образ, ценность и понятие, мерцающее лишь в глубине. Если понятие можно только помыслить, то концепт почувствовать, пережить и помыслить. Символическое дарение у П. Бурдье рассматривается по аналогии с символическим капиталом [6, с. 238-265]. Символический капитал является всем знакомым материальным капиталом, который существует в своей "неузнанно - признанной форме". Символический капитал признается в обществе, если способен скрыть свою истинную суть как капитала материального, объективированного в виде богатства и власти над людьми. Слава, политическая власть, богатство есть лишь различные формы проявления единой социальной субстанции – капитала. Ни материальный, ни социальный, ни символический капитал не могут быть причиной друг друга. Подобно физической энергии они перетекают друг в друга и возможны потери

при их взаимопревращениях (7, p. 12–13). Символический капитал, представленный в виде титулов и ученых званий, оборачивается материальным капиталом, моральные обязательства по отношению к тому или иному лицу оборачиваются материальной выгодой для последнего, богатство порождает власть и дает известность. История человеческой цивилизации есть история маскировки, история придания меркантильным прагматичным вещам неузнаваемой формы для их признания и одобрения людьми. Давать деньги в долг под проценты есть экономическая практика, но просто давать и брать деньги в долг по дружбе не получится. Принято считать, что индивид, оказавший услугу, рассчитывает на более благосклонное отношение к себе, на благодарность другого участника взаимодействия, в то время как получивший услугу должен испытывать определенные обязательства по отношению к дающему. По мнению Бурдье, проценты, благодарность, моральные обязательства являются эквивалентными, свидетельствующими о взаимовыгодном взаимодействии.

В контексте экономики практик символический дар трактуется как отсроченный платеж. Безвозмездность акта дарения только кажущаяся, получая подарки от своего хозяина, арендатор попадает в зависимость от него, испытывая по отношению к хозяину моральные обязательства. Это не частный случай, а универсальный контекст дарения. В этом случае движение финансовых потоков внутри семьи от старшего поколения к младшему расценивается как акт дарения, как отсроченный платеж, который может вернуться в любой из форм капитала. Безграничная любовь детей и внуков есть символический капитал их родителей, который по мере их взросления начинает объективироваться в материальных благах и выгодах. В силу специфики поколения как социального образования такой подход может являться односторонним, поскольку родительский дар может одновременно быть отсроченным платежом по отношению к собственным родителям. Но получателем этого платежа будут их дети. В этом случае обмен является эквивалентным не внутри одного поколения, а между поколениями.

Концепт символического дарения применим не только на микроуровне изучения взаимодействия поколений, но и на уровне макроанализа. Эквивалентный обмен дарами с развитием цивилизации уступает место перераспределению благ, формирующему политическую власть. Бедность и богатство – вечные формы проявления экономического неравенства. Бедняк получая материальные дары от хозяина, не способен оплатить долг в узком экономическом смысле, плата происходит монетами символического капитала, которые выражаются в чувствах благодарности, почтения, уважения, осознания

обязанности, признания морального долга. Этот кругооборот раскрывает тайну возникновения символической прибавочной стоимости и властных отношений между людьми. В контексте экономики практик причиной конфликта поколений будет являться неэквивалентность обмена, порождающая чувство несправедливости. Рост молодежных протестов, активное участие молодежи в цветных революциях свидетельствует о том, что это чувство несправедливости присуще в большей степени молодому поколению. Изучение причин возникновения этого чувства является серьезной научной задачей, имеющей политический смысл и практическое значение. Можно только предположить, что оно может иметь под собой как реальные основания, так и быть сконструированным в результате воздействия специальных коммуникативных технологий.

Список литературы

1. Feuer L.S. The Conflict of Generations: The Character and Significance of Stu- dent Movements. Pp. ix, 543. New York: Basic Books, 1969. (In Engl.)

2. Маннгейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. Я.М. Бергер. М.: Юрист, 1994. – 700 с.

3. Карль Ф. Поколения и общество: межпоколенные программы // Психология зрелости и старения. 2003. 2 (22). – С. 113–136.

4. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. – 692 с.

5. Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. No 3. С. 56 – 71.

6. Бурдье П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с.

7. Russel B. Power, A New Social Analysis. Londres: George Allen and Unwin Ltd, 1938. – 328 pp.

РОЛЬ МАЛОЙ ГРУППЫ И СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ СТУДЕНТОВ СПО (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ РОС 2022)

THE ROLE OF SMALL GROUP AND SOCIAL INSTITUTION IN TRANSMITTING VALUES AND SOCIAL NORMS OF SPO STUDENTS (BASED ON THE MATERIALS OF THE STUDY OF RSS 2022)

Е.И. Пронина
Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
E.I. Pronina
Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Анализируются данные опроса студентов, получающих среднее профессиональное образование. Опрос был проведен в 2022 г. по инициативе РОС среди студентов вузов и учащихся СПО по теме "Культурные традиции и связь поколений"[1]. Проведенный опрос студентов СПО позволил проследить наличие и выявить степень влияние межпоколенных связей и социальных институтов на установки и ценности молодых людей.

The article analyzes the survey data of students receiving secondary vocational education. The survey was conducted in 2022 on the initiative of the Russian Society of Sociologists among university students and secondary vocational education students on the topic "Cultural traditions and the connection of generations"[1]. The conducted survey of students of the vocational school made it possible to trace the presence and identify the degree of influence of intergenerational ties and social institutions on the attitudes and values of young people.

Ключевые слова: малая группа, социальный институт, студенты, среднее профессиональное образование, трансляция ценностей

Keywords: small group, social institute, students, secondary vocational education, translation of values

Молодые люди, продолжающие после школы образование в разных образовательных учреждениях, ориентируются на разные жизненные и профессиональных планы и стратегии достижения желаемого. Сосредоточимся на группе учащихся СПО, и особенностях каналов формирования их норм и ценностей.

Опишем социальную группу опрошенных (1773 студента СПО) в социально-демографических характеристиках: 58,3% опрошенных – женского, 41,7% мужского пола, 95,2% опрошенных – 16-20 лет. 96,2% получают очное образование. 29,8% оплачивают образование, остальные обучаются на бюджетной основе. В момент опроса 51,3% проживали в среднем и большом

городе. Более половины проживают вместе с родителями, более трети в общежитии или на съёмной квартире, каждый 20-й в своей квартире или комнате с подселением. Материальный достаток семей учащихся сильно различается. 13,8 % семей опрошенных живут в ситуации, при которой семья едва сводит концы с концами, или денег хватает только на продукты питания. 9,1% ответили, что их семья может позволить достаточно дорогие покупки, квартиру, машину, дачу.

Отношение к культуре своего народа является важным показателем гражданской социализации молодого человека. Проведенное исследование показало, и это нашло отражение в статье "Горожане и селяне: роль семьи в социализации учащихся средних специальных профессиональных учреждений", которая размещена в этом же сборнике, что от поколения к поколению уменьшается информированность о прошлом и страны, и семьи, как среди горожан, так и селян. На основе анализа мнений подростков о знании истории страны и своей семьи авторы приходят к выводу о недостаточности эмоциональной связи между поколениями, формирования функционального отношения между ее членами. Продолжая тему, посмотрим на семью как малую группу. Проследим поводы и частоту обращения студентов СПО к советам и опыту родных в разных жизненных ситуациях

Таблица 1

Как часто в разных жизненных ситуациях студенты СПО используют советы, опыт родных?

N	Подвопросы:	никогда	редко	часто использую	Индекс
1	Организуя свой быт	17,3%	40,6%	42,1%	0,2482
2	Выбирая профессию	17,4%	40,9%	41,6%	0,2420
3	Покупая одежду, обувь	23,4%	42,5%	34,2%	0,1083
4	Выбирая место подработки	25,8%	38,6%	35,6%	0,0976
5	Планируя доходы / расходы	26,3%	41,4%	32,3%	0,0592
6	При оценке событий в мире	27,7%	39,7%	32,6%	0,0485
7	При оценке событий в стране	28,0%	39,8%	32,1%	0,0412
8	Выстраивая отношения с людьми	29,8%	41,2%	29,0%	-0,0085
9	Выбирая друзей	37,8%	41,2%	21,0%	-0,1686
10	Выбирая спутника жизни	40,5%	36,1%	23,4%	-0,1709
11	Выбирая формы проведения свободного времени	39,6%	42,0%	18,4%	-0,2121
12	Выбирая книги, музыку, кинофильмы и т. д.	50,5%	32,5%	16,9%	-0,3362
13	Планируя количество детей в собственной семье	55,7%	27,9%	16,4%	-0,3931

Специфика СПО как ступени социализации и образования учащихся обсуждается во многих публикациях [2]. Учащиеся не вполне самостоятельны в решении материальных проблем, у них еще не сформировался собственный опыт планирования расходов, покупок, выбора мест работы, подработки и профессии. На основе проведенного анализа, пришли к выводу, что чаще всего молодые люди используют опыт и советы родных, организуя свой быт и выбирая профессию. Это отмечают и другие исследования [3]. Реже всего молодые люди используют советы и опыт родных при проведении свободного времени и планов построения личной семейной жизни. И все-таки, семья как психологический ресурс, как то место, где любят, делятся опытом, остается очень важной ценностью молодого человека. В ситуации, когда институт семьи во всем мире переживает кризис, ломаются стереотипы семейных отношений и устройства семьи, *лишь* 40,5% опрошенных молодых людей ответили, что, выбирая спутника жизни, никогда не используют советы и опыт родных, а 55,7% никогда не используют советы и опыт родных при планировании количества детей в собственной семье.

Для молодых людей во все исторические времена важно мнение референтной группы. Какая группа, помимо семьи и близких родственников, является референтной, чье мнение авторитетно для молодых людей сегодня в разных жизненных ситуациях?

Таблица 2

Чье мнение в жизненных ситуациях наиболее авторитетно для студентов СПО

N	Подвопросы:	важнее собственное мнение	преподавателей	друзей	блогеров	рекламодателей
1	Выбор профессии	78,6%	7,5%	11,7%	1,1%	1,1%
2	Выбор друзей	80,2%	5,9%	12,6%	0,6%	0,7%
3	Выстраивание отношений с людьми	78,5%	6,0%	13,5%	1,0%	0,9%
4	Организация своего быта	78,5%	6,5%	12,0%	1,9%	1,2%
5	Покупка одежды, обуви	71,4%	4,9%	19,5%	2,9%	1,4%
6	Проведение свободного времени	73,7%	4,6%	19,3%	1,2%	1,2%
7	Планирование доходов / расходов	80,4%	5,5%	10,9%	1,9%	1,3%
8	Выбор места подработки	73,4%	6,7%	15,6%	1,7%	2,5%
9	Выбор книг, музыки, фильмов	71,3%	6,1%	17,9%	3,6%	1,0%

10	При оценке событий в стране	70,1%	10,5%	14,8%	3,3%	1,3%
11	При оценке событий в мире	70,1%	10,7%	14,4%	3,6%	1,3%
12	При выборе спутника жизни	81,2%	6,0%	11,2%	0,9%	0,7%
13	Планирования количества детей в семье	82,8%	5,0%	10,6%	1,0%	0,7%

Известно, что в наблюдаемом возрасте, кроме семьи, большую роль в жизни человека играют друзья. Именно среди друзей молодой человек может найти поддержку и самовыражение. Данные исследования подтверждают, что в плане проведения свободного времени, выстраивания отношений с людьми, выборе книг и музыки, места подработки, оценки событий в стране и в мире референтными группами являются именно группы друзей.

Институт образования как институт вторичной социализации личности играет огромную роль в жизни молодых людей. Одним из субьектов образовательного процесса является педагог, о роли и авторитете которого мы узнаем из ответов студентов СПО. Важность мнения, авторитет педагога по оценкам студентов СПО, отражены в Таблице 2 в пунктах: выбор профессии, оценка событий в стране, оценка событий в мире. Хочется особенно отметить, что, несмотря на уход воспитательной составляющей из российских школ, падение престижа учительского труда, роль педагога в жизни молодого человека и авторитетность его мнения остаются достаточно высокими.

Социально-политическая реальность, деятельность социальных институтов влияют на положение и возможности молодого человека. Удовлетворены ли молодые люди тем временем, в котором они живут? Отвечает ли оно социальному запросу студентов? На вопрос (один ответ), в каком историческом времени предпочли бы жить молодые люди, мы получили интересные данные. Предпочли бы жить сейчас и только сейчас 25,2% опрошенных, лет через 20-30, когда вырастет новое поколение – 17,5%. 9,1% опрошенных предпочли бы жить в дореволюционной Российской империи. Особенно отметим, что 7,1% студентов выбрали ответ – "В годы ВОВ, чтобы защищать страну как предки", а 5,2% "Во время Октябрьской революции 1917 года, когда создавалась новая страна". Обратим внимание, что для студентов все перечисленные выборы оказались предпочтительнее, чем жить во времена Брежнева и Горбачева. Самым непопулярным выбором оказалось – "Во времена

Ельцина, когда моя страна вышла из СССР и получила возможность суверенного развития".

Одним из важнейших социализирующих институтов в современной мире считается институт СМИ. Данные Таблицы 3 показывают, как оценивают студенты СПО деятельность и роль СМИ в формировании культуры народа, уважении к стране и ее пррошлому.

Таблица 3

Существуют разные оценки роли средств массовой информации в формировании культуры народа. С какими мнениями Вы согласны, а с какими нет?

N	Подвопросы:	не согласен	не совсем согласен	согласен	Индекс
1	Формируют образ жизни	8,3%	43,2%	48,5%	0,4018
2	Формируют уважение к современной России	9,4%	43,8%	46,8%	0,3749
3	Формируют уважение к Вашей стране	8,9%	44,9%	46,2%	0,3732
4	Формируют уважение к национальной культуре	9,0%	45,1%	45,9%	0,3687
5	Формируют представление о глобальном мире	10,8%	46,3%	42,9%	0,3201
6	Журналисты показывают то, за что им хорошо платят	13,0%	45,3%	41,8%	0,2879
7	Формируют уважение к Российской империи	13,8%	46,9%	39,2%	0,2541
8	Формируют положительное представление о СНГ	11,5%	52,7%	35,8%	0,2422
9	Формируют уважение к Советскому Союзу	13,7%	49,1%	37,2%	0,2354
10	У СМИ и блогеров нет позиции, им нужны «лайки»	16,4%	47,7%	35,9%	0,1956
11	Дают объективную информацию	16,4%	47,6%	36,0%	0,1954
12	Культивируют насилие, преступность	23,1%	48,3%	28,6%	0,0558
13	Разрушают семью	33,0%	44,7%	22,3%	-0,1079

По мнению опрошенных, важная роль СМИ в формировании уважения к современной России, ее историческому прошлому, национальной культуре находится на недостаточно высоком уровне. Также СМИ не формируют и представления о глобальном мире. Что касается нового направления информационной культуры молодежи блогерства, оно как и СМИ, не вызывает большого доверия, более трети считает, что у СМИ и блогеров нет позиции, им

нужны лайки. Подтверждает такое мнение и близкая позиция в отношении объективности СМИ при подаче информации.

Рассмотрим, используя статистические данные исследования, как социальный институт и малая группа могут транслировать ценности и социальные нормы и антинормы. На вопрос анкеты о причинах использования молодежью нецензурных выражений 36,4% опрошенных ответили, что в их студенческих группах это норма, 17,6% согласны с тем, что такое поведение пропагандируют СМИ, 16,9% ответили – это не осуждается/так принято в моей семье (допускался множественный выбор ответов).

Список литературы

1. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т.8. №3. С. 61-78. DOI:10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5 .

2. Пронина Е.И. Студенты СПО: социально-культурные установки и ориентиры // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: Ежегодник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Л. Арефьев; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 201-212. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9415

3.Антонов Ю.Е., Гришаева Н.П., Дядюнова И.А., Зубанова С.Г., Иванова Е.Ю., Индык М.Ю., Кузнецова Н.В., Пронина Е.И. и др. Практики социализации в образовательной среде в условиях современного общества: теоретико-методологические подходы и эмпирические исследования: коллективная монография. - М.: Издательство «Перо», 2017. – 243 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
SOCIAL SERVICES AS A FACTOR OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

М.Л. Теодорович,
А.В. Куликова,
Н.Н. Патокина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Н.В. Шангин
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
M.L. Theodorovich,
A.V. Kulikova,
N.N. Patokina
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
N.V. Shangin
Nizhny Novgorod Institute of management Russian Presidential academy of national economy and public administration, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

На материалах двух исследований, проведенных в Нижегородской области в 2021-2023 гг., показывается, как социальная помощь влияет на развитие территории. Показано, что социальные выплаты способствуют консервации ситуации недостаточного материального обеспечения семьи, закреплению неравенства и сдерживают развитие территории.

The paper is based on the results of two surveys conducted in the Nizhny Novgorod region in 2021-2023. The article argues that social benefits affect the territorial development. It is shown that social benefits and support help to preserve the situation of insufficient material wellbeing for the families, perpetuate inequality and hinder the development of the territory.

Ключевые слова: социальная помощь, территориальное развитие, домохозяйства

Keywords: social benefits and support, territorial development, families

Территориальное развитие представляет собой процесс, в продолжение длительного времени остающийся в поле зрения исследователей и специалистов в сфере управления.

Масштабные социально-экономические преобразования в России призвали к жизни значительное количество решений, теоретических и прикладных, призванных в условиях становления и функционирования социально-ориентированной рыночной экономики найти баланс между обязанностью государства обеспечивать условия для достойной жизни граждан и его соответствующими обязательствами и ответственностью граждан за личные выборы по управлению своей жизнью и правом на эти выборы.

Одним из таких решений явилось принятие комплекса законодательных актов, переопределивших ландшафт в отношении социальной поддержки и социальной помощи гражданам со стороны государства. Это Федеральный Закон от 17.07.1999г. №178ФЗ «О государственной социальной помощи» и Федеральный закон от 22.08.2004г. № 122ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Указанными правовыми актами было прекращено действие льгот в натуральной форме, замена их на денежные компенсации и введена система денежных выплат малоимущим гражданам.

Революционный, по существу, характер данного решения состоял в том, что прежние заслуги граждан перед государством, подтверждаемые льготами, и связанные с ними статусы более не признавались, длившиеся отношения признания заслуг получателей льгот с государством, имевшие вторичную по значимости проекцию в виде льгот, заменялись их взаимодействием, параметры которого зависели лишь от односторонне определяемой количественно государством «нуждаемости», а возвышающая коннотация «заслуженный» была заменена на относительно негативную «нуждающийся», «малообеспеченный».

Наша гипотеза состояла в том, что это возымело устойчивые последствия в отношении типов поведения и жизненных стратегий людей, принадлежащих к группе получателей государственной социальной помощи. В целях ее проверки, как и выяснения характера влияния отношений нового типа между гражданами и государством, нами были предприняты два социологических исследования.

Первое проведено в г. Павлово Нижегородской области в 2021 г. ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород) совместно с университетами Упсала (Швеция) и Глазго (Шотландия). В опросе приняло участие 500 домохозяйств. Выборка репрезентировала население города по полу, возрасту и составу домохозяйств. Второй опрос был организован в апреле 2023 г. коллективом кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного

регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского и кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС в Городецком муниципальном округе Нижегородкой области среди учащихся местных школ (n=609).

В результате многомерного кластерного анализа результатов, полученных в г. Павлово, были выделены четыре имущественные группы, различающиеся между собой по доходу и потребительским практикам. При этом мы видим существенные отличия в группах по социальной и экономической активности, в том числе активности, направленной на развитие территории проживания.

Первая группа – это относительно обеспеченные домохозяйства (13% от всех домохозяйств) отличается наибольшим совокупным доходом, хотя и разнородна внутри.

Вторая группа – это домохозяйства с детьми, обеспеченные средне и ниже среднего (41%, самая многочисленная группа).

Третья группа - домохозяйства без детей, обеспеченные средне и ниже среднего (25%), критично оценивают свое материальное положение (20% говорят о себе как о как «бедных»).

Четвертая группа – малообеспеченные домохозяйства (21%) с доходом на одного члена семьи в 1-1,5 прожиточных минимума (65%), но в этой группе пятая часть семей живет за чертой прожиточного минимума, здесь самый низкий уровень совокупного дохода. Однако половина представителей таких домохозяйств не считают себя бедными. Именно в данной группе четверть получает социальные пенсии, помимо 45% пенсионеров с государственными пенсиями по достижении пенсионного возраста. Только здесь есть выплаты семьям в сложной жизненной ситуации (4%) и пособия по безработице (2%).

Во всех группах есть домохозяйства, получающие пособия. В основном это государственные пенсии по достижении пенсионного возраста, единственное в силу демографического портрета второй группы, здесь заметно чаще других получали не пенсии, а единоразовые выплаты на ребенка в пандемию (65%). А вот социальные пенсии и пособия получали значительно чаще малообеспеченные и обеспеченные ниже среднего (группа 3 – 20%, группа 4 – 25%, в других группах – 4-8%). Соответственно и пособия семьям в сложной жизненной ситуации, социальные пособия по безработице выплачивали чаще малообеспеченным (2-4%, в сравнении с другими группами, где таких в принципе нет).

Результаты исследования свидетельствуют о существенных отличиях в социально-экономической активности домохозяйств из разных имущественных групп. В первой группе относительно обеспеченных семей и стратегии

преодоления трудных жизненных ситуаций, и установки, ориентированные на будущее, наиболее разнообразны, ее представители наиболее социально и экономически активны, стремятся найти новые полезные социальные связи. Их опыт включает в себя не только смену места работы (29% – самый высокий процент по подгруппам), но и поиск дополнительного заработка, выстраивание новых карьерных стратегий (смена профессии, повышение своего профессионального и образовательного уровня, наработка полезных социальных связей).

По мере снижения уровня материального благосостояния увеличивается зависимость от социальных выплат, помощи родственников. В группах средне и малообеспеченных преобладающие способы преодоления трудных жизненных ситуаций пассивны – по сути, это только снижение трат, отказ от привычных потребительских практик.

Представители первых двух групп тоже демонстрируют большую активность и адаптивность: в проблемных ситуациях они, прежде всего, будут искать возможность дополнительного заработка или искать более высокооплачиваемую работу (33-47% по подгруппам, в сравнении с обеспеченными средне и нижнесреднего – 17-28%). И если для третьей группы, где большая доля пенсионеров, есть очевидное объяснение этого, то среди малоимущих мы можем наблюдать именно снижение активности и адаптивности. По-видимому, система социальных пособий только закрепляет статус малоимущего, поддерживая минимально необходимый уровень обеспечения, не давая возможность развития социальных навыков.

Мы видим существенные различия и в структуре мотивации представителей разных имущественных групп. Именно среди домохозяйств малообеспеченных и обеспеченных ниже среднего распространена установка «буду терпеть» сложную жизненную ситуацию, ничего не делать (21-22%, для сравнения в первой и второй группах – 5-6%). Малообеспеченным свойственен внешний локус контроль: в бедности они чаще винят внешние факторы (рост цен, государственная политика, низкий уровень зарплат и социальных пособий). Представителям первой группы свойственен определенный либерализм: «бедные сами виноваты в своей бедности», а также внутренний локус контроль. Ответственность за свое положение направленна, скорее, на себя, отсюда и более решительные действия и готовность изменить ситуацию.

Обращает на себя внимание, что такая форма социальной активности, как включенность в процессы развития территории, готовность принимать участие в обсуждении проблем своего города, участвовать в различных мероприятиях социальной направленности, тоже более выражена в группах более

обеспеченных, там, где реже получают социальные пособия. По мере снижения достатка снижается и социальная активность, силы помогать, уменьшается социальный капитал. При этом в количественном выражении группы 3 и 4 составляют 45% от всех домохозяйств г.Павлово, что несет в себе определенные риски для социально-экономического развития территории города.

Отметим, что в рамках исследования в Павлово опрашивались совершеннолетние члены домохозяйств. Но в домохозяйствах есть и дети, которые, хотя и в меньшей степени, включены в хозяйственно-экономическую жизнь семьи, но в полной мере ощущают на себе последствия того, что их семья принадлежит к той или иной группе. Они в любом случае соотносят свою семью с другими, что, в свою очередь, формирует представление о месте семьи и своем собственном в социальной иерархии. Несмотря на то, что в малых городах роль денежного дохода как мерила социального статуса ниже, чем в крупных, на денежный доход оказываются завязанными многие возможности развития членов домохозяйств (например, получение образования). С целью прояснения влияния получения домохозяйством социальных выплат на определение детьми своего места в социальной иерархии было проведено исследование в Городецком муниципальном округе.

В рамках опроса респондентам было предложено оценить место своих семей в социальной иерархии по различным критериям. Вопрос звучал так: «Как Вы считаете, если представить, что все семьи располагаются на различных ступеньках, где 1 – самая низкая, а 10 – самая высокая, то на какой ступеньке находится Ваша семья в сравнении с знакомыми Вам семьями по следующим показателям, если затрудняетесь с ответом, то поставьте, пожалуйста, 0». Для нашего анализа мы отбирали только значения от 1 до 10. Изучение ответов на вопросы, в которых респонденты чаще выбирали вариант «затрудняюсь ответить», представляет самостоятельный научный интерес и предметом данной работы не было. Мы сравнивали средние значения в зависимости от того, отметили ли респонденты получение различных социальных пособий в качестве источников доходов своей семьи (респондентов из семей, которые получают социальные пособия – пенсия по потере кормильца, ежемесячные выплаты на детей от 3 до 7 лет и т.д. – 20,2%). Первый вопрос касался уровня доходов. Среднее значение среди тех, чьи семьи получают социальные выплаты – 6,39, а среди тех, кто не получает, – 6,88. Такая ситуация прогнозируема, ведь те, кто получают пособия, обычно люди с более низкими доходами. Тем не менее, реальный разрыв может быть и выше, ведь, с одной стороны, люди, получающие выплаты, могут давать более позитивные ответы, чтобы в глазах внешнего наблюдателя и собственных повысить свой статус, а с другой стороны, не все те,

кто получают пособия, действительно в них нуждаются, а те, кто их не получают, могут нуждаться, но не готовы заниматься их оформлением [1].

Поскольку уровень доходов является лишь одним измерением экономического положения семьи, мы задавали вопросы, касающиеся объемов сбережений и имущества семьи. Не было выявлено значимых различий в оценке количества имущества, а вот при оценке его качества респонденты из семей, получающих социальные выплаты и пособия, демонстрируют среднее значение 7,46, а те, чьи семьи не получают, – 8,25. В вопросе об объеме сбережений среднее значение среди тех, чьи семьи получают социальные выплаты, – 6,75, а среди тех, кто не получает, – 7,33. Соответственно, мы видим, что выплаты позволяют снизить неравенство и восприятие бедности в вопросах, касающихся доступа к благам, но не решают вопроса качества этих благ. Само по себе это тоже составляет ловушку бедности, так как более качественные вещи дольше служат и позволяют снизить расходы в долгосрочной перспективе. Меньший объем сбережений тоже снижает возможности респондентов заменить испорченное или пришедшее в негодность имущество на более качественное.

Другим измерением проблемы является престиж профессий работающих членов семьи. Среднее значение оценки среди тех, чьи семьи получают социальные выплаты, – 6,55, а среди тех, кто не получает, – 7,42. Здесь мы видим достаточно заметный разрыв.

Оценивая такие возможные ресурсы для улучшения положения семьи, как здоровье и образование ее членов, респонденты из двух групп демонстрируют примерно одинаковые оценки здоровья, а вот уровень образования респонденты из семей, получающих социальные выплаты, оценивают ниже – 7,64 против 8,18.

Полученные результаты, по нашему мнению, обусловлены комплексностью самого феномена бедности. Получение пособий позволяет наименее социально защищенным людям получать дополнительные средства, которые поднимают их потребление до уровня, минимально необходимого в задаваемой извне системе координат или чуть выше. Но причины различного положения домохозяйств могут лежать и в нематериальной плоскости различий в располагаемом социальном капитале и психологических (креативность, предприимчивость членов семьи) характеристик членов семьи.

Что касается социальных связей, мы видим, что существенных различий в оценке сплоченности членов семьи у сравниваемых групп нет, как и в оценке отношений с соседями, количеству знакомых. Вместе с тем, отношения с родственниками, проживающими отдельно, и поддержание с ними связи респонденты, чьи семьи получают социальные выплаты, тоже оценивают чуть

ниже 8,11 против 8,43 у тех, кто их не получает. И связи с влиятельными людьми респонденты из семей, получающих социальные выплаты, оценивают ниже – 5,97 против 6,5. Отметим, что в оценке степени влияния на происходящее в их населенном пункте, уважения и авторитета у окружающих значимых различий не выявлено (хотя завышение оценки, в связи с потребностью психологического комфорта и здесь нельзя исключить). По-видимому, социальные связи и способность их поддерживать могут стать катализатором изменений положения получателей пособий, так как в этом отношении демонстрируется меньшее неблагополучие в сравнении с другими аспектами.

Оценивая креативность и предприимчивость членов своих семей, наши респонденты демонстрируют ту же тенденцию: среднее значение среди тех, чьи семьи получают социальные выплаты, – 7,15, а среди тех, кто не получает, – 7,91. Разница в оценке культуры членов семьи не столь велика, но тоже присутствует: 7,18 против 7,51. Отметим, что это различие может характеризовать наличие определенного межпоколенческого конфликта – оценивая семью, подростки с высокой вероятностью оценивают старших ее членов; данное обстоятельство представляет несомненный интерес для дальнейших исследований, в силу связанности с перспективами укоренения на территории лиц школьного возраста, то есть ее демографического будущего.

Обобщая, можно заключить, что выплаты не решают проблему даже и материального неравенства и при этом консервируют ситуацию, в первую очередь, в социальном и психологическом плане. Хотя доступные пособия не решают задачу достижения получателями желаемого уровня материальной обеспеченности, их материальное положение на период получения пособий и выплат улучшается, приближаясь к положению соседней, более ресурсообеспеченной группы, хотя и не достигая его. Практика формирования бюджета домохозяйства с оглядкой на получение пособий и, тем более, с опорой на них может формировать и закреплять принятие стабильности низкого уровня потребления как новой нормальности, консервируя ситуацию и снижая мотивацию и способность членов семьи к поиску способов повышения достатка домохозяйств без участия государства. Это формирует и риски погружения из бедности в крайнюю бедность, когда выплата пособий по тем или иным причинам может прекратиться, а поддержание привычного уровня потребления без привлечения этих денег оказывается невозможной, в том числе, в силу утраты (взрослыми) и несформированностью (у детей) проактивных навыков адаптации. Таким образом, время получения пособий может стать временем упущенных возможностей, а также и временем дезадаптации и утраты важных

навыков самообеспечения. Дети, которые уже в текущей ситуации ощущают свое более низкое положение, привыкают к нему и впоследствии могут лишаться не только возможностей его улучшить, но и амбиций, необходимых для реализации этих возможностей, замыкая тем самым контур понижения амбиций и притязаний. В совокупности это может повлечь за собой негативные последствия не только для индивида, но и для территории, способствуя накоплению ее депрессивности и деградации.

Представленный анализ подтверждает, по нашему мнению, предположение о том, что социальные пособия и выплаты представляют собой значимый фактор территориального развития и при этом влечёт риски консервации ситуации и ограничения возможностей роста и межтерриториальной конкуренции. Исходя из этого, можем заключить, что существующая система социальной поддержки должна развиваться в направлении расширения ее проактивных форм, субъектом которых является индивид, но уже не по признаку ограничивающего его возможности отличия от других (инвалидность, потеря кормильца, неполнота семьи и т.д.), а по признаку содействия его реализации, поддержки проактивных адаптационных инициатив и стратегий, интеграции в ресурсонесущие сети социального взаимодействия.

Система социальной поддержки должна трансформироваться и в направлении дифференциации ее в отношении клиентских социальных единиц. Представляется, что бóльшая направленность на помощь членам семей, которая смогла бы учитывать их индивидуальные особенности, запросы, ожидания и ценностные ориентации, не только будет более эффективна, но и объективно необходима, в особенности в отношении их младших членов – будущих взрослых, еще не обремененных социальными зависимостями и материальными связями с территорией происхождения и не определивших свое видение будущего в отношении приверженности ей.

Детализация в данном направлении мер, реализуемых в рамках Национальных проектов до уровня муниципалитета, – назревший и лишь первый шаг по продвижению в этом направлении. Масштабность Национальных и федеральных проектов и связанная с этим инерционность их исполнения, ориентированность их на достижение универсальных индикаторов, формулируемых в терминах нормативной обеспеченности теми или иными благами на ту или иную единицу измерения, требует, как это следует, из представленного анализа, дополнения решениями, адаптивными в отношении времени, локальной экономической и социальной ситуации. В частности, палитру целей Национальных проектов необходимо дополнить целями повышения социального капитала территорий и приверженности людей, в

первую очередь, молодежи, месту их происхождения. При всем многообразии возможных подходов к реализации этих задач представляется необходимой и неизбежной интеграция в процессы конструирования и воплощения образа будущего той или иной территории социального восприятия целевых социальных групп как источника целеполагания и самих этих групп как акторов процесса развития. Несомненна и необходимость в связи с этим дальнейших исследований по совершенствованию форм участия государства в жизнедеятельности социальных акторов, а равно и возможностей для этого, возникающих в связи с цифровой трансформацией.

Список литературы

1. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние выплаты пособий при рождении 1-го и 2-го ребенка на уровень бедности семьи // Дискуссия. 2019. Вып. 93. С. 52–62.

ДХАРМАШАСТРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В ИНДИИ
DHARMASHASTRAS AS A FACTOR WHICH GENERATE OF GENERATIONAL CONTINUITY IN INDIA

Я.В. Безносова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Y.V. Beznosova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Анализируются индийские религиозно-философские и правовые трактаты дхармашастры как источники, которые на протяжении нескольких столетий тщательно сохраняли древние традиции организации и функционирования индийского общества, транслируя их каждому последующему поколению.

Indian religious, philosophical and legal treatises – dharmashastras – are analyzed as sources that, for several centuries, carefully preserve the ancient traditions of the organization and structure of Indian society, transmitting them to each subsequent generation.

Ключевые слова: дхармашастры, Индия, варны, ашрамы, традиции, преемственность поколений.

Keywords: dharmasastras, India, varnas, ashramas, traditions, generational continuity.

Сфера нормативного регулирования общественных отношений в Индии на протяжении всего времени её существования отличалась исключительной устойчивостью. Столетие за столетием в индийских религиозно-этических памятниках силами разных поколений жрецов-брахманов воспроизводились неизменные традиции, существующие в различных сферах жизни общества. Одними из таких памятников являются религиозно-этические и правовые трактаты – дхармашастры, которые создавались в Индии, начиная со II в. до н.э. до середины первого тысячелетия новой эры, после чего неоднократно комментировались с целью приспособления их положений к новым общественным отношениям.

Дхармашастры представляли собой сборники, содержащие учение о дхарме. Термин «дхарма» занимает центральное место в индийской культуре, однако в зависимости от контекста имеет различные значения. В дхармашастрах данный термин возможно интерпретировать как свод правил [1, с. 16], как

сословно-варновый долг, либо как определенный социально-религиозный миропорядок [2, с. 28]. Дхарма – это и, в целом, образ жизни индийца, который выражается в его убеждениях, профессиональной деятельности, порядке взаимоотношений с окружающими.

Вторая часть названия данного источника содержит термин «шастра», что в переводе с санскрита означает «поучение», «учебник», «научная дисциплина». Однокоренные со словом шастра термины – «шастрин», «шастрия» – переводятся как «научный», «мудрый» [3, с. 643]. Один из средневековых трактатов VII века содержит следующую характеристику шастр: «Шастра – это то, что учит людей тому, что им следует и чего не следует делать» [4, с. 41].

Таким образом, дхармашастры представляли собой трактаты, регламентирующие образ жизни индийцев в соответствии с содержащимися в шастрах морально-нравственными, религиозными и правовыми предписаниями, соблюдение и исполнение которых необходимо для обеспечения социального порядка.

Основу организации и функционирования древнеиндийского общества, согласно дхармашастрам, составлял ашрамно-варновый принцип.

Варны представляли собой сословия древнеиндийского общества. Дхармашастры называют четыре таких сословия: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры.

Согласно мифу, изложенному в священном тексте древних ариев – Ригведе, нашедшему отражение и в дхармашастре Ману, указанные сословия произошли из различных частей тела первочеловека Пуруши: «А ради процветания миров он создал из своих уст, рук, бедер и ступней соответственно брахмана, кшатрия, вайшия и шудру» (Ригведа, X. 90, дхармашастра Ману, I. 31) [5; 6].

Первые три варны считались «дваждырожденными», так как обязаны были по достижении определенного возраста проходить специальный обряд упанаяны – посвящения в общество ариев, после чего получали второе рождение. У разных варн существовал различный возраст, с наступлением которого следовало проходить указанную церемонию: у брахманов – 8 лет, у кшатриев – 11, у вайшьев – 12. Над шудрами указанный обряд не исполнялся, так как их не признавали членами арийского общества.

Каждая варна должна была следовать своей дхарме: «Обучение, изучение Веды, жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение милостыни Владыка установил для брахманов. Охрану подданных, раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение Веды и неприверженность к мирским утехам он указал для кшатрия. Пастьбу скота и также раздачу

милостыни, жертвоприношение, изучение Веды, торговлю, ростовщичество и земледелие для вайшия. Но только одно занятие Владыка указал для шудры – служение этим варнам со смирением» (Дхармашастра Ману, I. 88-91) [6].

Существовала также общая дхарма, которой должны были следовать представители всех варн: «Непричинение вреда, правдивость, нестяжательство, чистота, обуздание чувств, щедрость, самообладание, сострадание и терпение – дхармы, исполняемые всеми людьми», – провозглашается в дхармашастре Яджнавалкьи (I. 123) [7]. Содержание общей дхармы характеризуется и в дхармашастре Вишну с некоторыми дополнениями. Так, повиновение старшим, почитание богов и брахманов, совершение паломничеств по святым местам – это те предписания, которые были обязательны к исполнению как брахманами, так и кшатриями, вайшьями и шудрами (Дхармашастра Вишну, 2. 1–17) [8]. В свою очередь, Ману провозглашает: «Надо говорить правду, говорить приятное, не следует говорить неприятную правду, не следует говорить приятную ложь – такова вечная дхарма» (Дхармашастра Ману, IV. 138) [6].

Жизнь дваждырожденного индийца, согласно дхармашастрам, должна была последовательно проходить через четыре ашрамы, или этапа: ученичество, жизнь в браке в роле домохозяина, отшельничество, странничество.

В первый – ученический – этап индиец вступал после прохождения упанаяны. В этот период ему предписывалось вести целомудренный образ жизни в доме своего наставника и постигать смысл учения, отраженного в Ведах – древних священных текстах ариев. По окончании данного этапа следовало возвращение в родительский дом и вступление в брак с целью продолжения рода. Достигнув преклонного возраста, индиец покидал дом, удалялся в лес и становился отшельником. При помощи медитации он очищал свою душу от привязанности к материальным благам и, наконец, в глубокой старости уходил из лесной обители, превращаясь в бездомного странника.

Как отмечает известный английский индолог А. Бэшем, жизнь в рамках последовательно сменяющих друг друга ашрам, описанных в дхармашастрах, представляла собой, скорее, идеальную модель, которая не в полной мере воспроизводилась на практике: «Многие юноши никогда не проходили первого этапа, как он определен в теории, лишь немногие могли миновать второй. Многие отшельники и аскеты в древней Индии вовсе не были старыми людьми и существенно сокращали для себя либо полностью пропускали этап домохозяина», в то же время «при всей своей искусственности теория четырех этапов жизни представлялась идеалом, которому в древней Индии пытались следовать многие» [9, с. 171].

Ашрамные, варновые либо ашрамно-варновые предписания нашли отражение и в иных дхармашастрах, составленных в разное время: дхармашастры Самварты, Дакши, Шанкхи, Будхи, Вашиштхи, Лагхухариты, Лагхвашвалаяны, Вьясы [10, с. 80].

Следует отметить и то обстоятельство, что составлению дхармашастр предшествовала другая группа источников о дхарме – дхармасутры, которые впоследствии легли в основу самих дхармашастр, в том числе в части представлений о варнах и ашрамах. В этом смысле традиции, связанные с общественным устройством индийского общества, имеют ещё более древнюю историю.

Таким образом, дхармашастры являлись источниками, которые, сменяя друг друга на протяжении нескольких веков подряд, продолжали воспроизводить одни и те же принципы организации и функционирования индийского общества, в основе которых лежали ашрамно-варновые представления древних индийцев.

Список литературы

1. Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культовая практика / Н.Р. Гусева. – М.: Наука. 1977. 327 с.

2. Торчинов Е.А. Буддизм. Карманный словарь / Е.А. Торчинов. – СПб.: Амфора, 2002. 187 с.

3. Санскритско-русский словарь / Сост. В.А. Кочергина. – М.: Русский язык, 1987. 944 с.

4. Никольская К.Д. Древнеиндийская «Наука политики» (историко-культурные аспекты): дисс. … канд. ист. наук. – М., 2003. 220 с.

5. Ригведа. Избранные гимны / Пер. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1972. 418 с.

6. Законы Ману / Перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. – М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus. html.

7. Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи / А. М. Самозванцев. – М.: Восточная литература, 1994. 376 с.

8. Вишну-смрити / Пер. с санскр., преисл., коммент. и прил. Н.А. Корнеевой. – М.: Восточная литература, 2007. 421 с.

9. Бэшем А. Чудо, которым была Индия / А. Бэшем. – М.: Наука, 1977. 616 с.

10. Самозванцев А.М. Поздние дхармашастры / А.М. Самозванцев // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки. – М.: Муравей, 2001. С. 57–83.

ВЛИЯНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ФАКТОРА НА МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЯХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

TERRITORIAL FACTOR INFLUENCE ON INTERGENERATIONAL RELATIONS IN RUSSIAN STUDENTS FAMILIES

Т.П. Белова
О.О. Коробова
Ивановский государственный университет, г. Иваново
T.P. Belova
O.O. Korobova
Ivanovo State University, Ivanovo

Анализируются результаты исследовательского проекта Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений». Выявляется влияние территориального фактора (населенного пункта, где выросли студенты – участники опроса, и федерального округа, где находятся их вузы) на содержание и формы межпоколенных отношений в семьях.

The results of the research project by Russian Society of Sociologists “Cultural Heritage and Communication” are analyzed. You influence the territorial factor (the locality where the students participating in the survey grew up, and the federal district where their universities are located) on the content and form of intergenerational relationships in families.

Ключевые слова: студенты, семья, межпоколенные отношения, территориальный фактор

Keywords: students, family, intergenerational relations, territorial factor

Проблема поколений, по словам классика социологии К. Мангейма, – это «бесценное руководство для понимания структуры социальных и интеллектуальных движений» [1, с. 19]. Без обращения к ней невозможно в полной мере раскрыть характер современных социальных изменений. Неслучайно сегодня отмечается «актуализация межпоколенческого анализа как способа обнаружения и социологического исследования наиболее важных трендов в нашей повседневной жизни» [2, с. 31].

Исследовательский проект Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений» ориентирован на системное изучение

«трансформации ценностей современной российской молодежи в пространстве изменяющейся культуры». [3, с. 64]. При этом культура современного российского общества понимается как префигуративная. Этот тип культуры, по мнению М. Мид, предполагает, что взрослые учатся не только у сверстников, но также и у своих детей [4, с. 322].

В исследовании РОС в качестве ключевого механизма межпоколенных отношений рассматривается народная культура, а в качестве поколений выступают: 1) молодое поколение (поколение студентов); 2) поколение родителей; 3) поколение бабушек и дедушек.

Наличие в анкете вопроса о типе населенного пункта, в котором нынешние студенты выросли, то есть прошли довузовскую социализацию, а также распределение вузов, в которых они обучаются, по федеральным округам позволяет выявить влияние территориального фактора на межпоколенные отношения в семьях студенческой молодежи.

Анкетирование проходило в онлайн-формате весной 2022 г. Количество студентов российских вузов, граждан РФ, принявших в нем участие, составило 9751 чел. Выборка была стихийная, поэтому распределение по типам населенных пунктов довузовской социализации и федеральным округам вузов не имеет пропорционального соответствия генеральной совокупности. Однако количества опрошенных студентов вполне достаточно для проведения социологического анализа.

Более трети участников опроса (35,2 %) обучаются в вузах Приволжского федерального округа; почти четверть (23,9 %) – Южного ФО; 14,5 % – Центрального ФО; 10,8 % – Уральского ФО; 4,6 % – Сибирского ФО; 4,4 % – Дальневосточного ФО; 3,9 % – Северо-Кавказского ФО; 2,6 % – Северо-Западного ФО.

В анкетировании участвовали студенты из 57 субъектов РФ. Основная доля респондентов представляет вузы следующих российских регионов: в ПФО – Нижегородская область (49,5 %), Республика Башкортостан (32,2 %), Республика Татарстан (9,0 %); в ЮФО – Волгоградская область (38,3 %), Ростовская область (11,1 %); в ЦФО – Москва (64,5 %), Ивановская область (12,1 %), Тверская область (11,2 %); в УрФО – Свердловская область (41,3 %), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (39,6 %), Тюменская область (12,4 %); в СФО – Новосибирская область (64,9 %), Алтайский край (18,5 %); в ДФО – Республика Саха (Якутия) (75,6 %), Республика Бурятия (22,5 %); в СКФО – Чеченская республика (79,7 %), Республика Дагестан (17,4 %); в СЗФО – Санкт-Петербург (62,9 %), Республика Карелия (18,4 %), Новгородская область (18,0 %).

Распределение по типам населенного пункта довузовской социализации оказалось следующим: деревня – 4,4 %; село – 15,0 %; поселок городского типа – 14,1 %; малый город – 19,9 %; средний город – 21,3 %; большой город – 19,2 %; столица (г. Москва) – 6,0 %.

Студенты из ПФО в основном росли в больших (25,8 %), малых (20,4 %), средних (18,7 %) городах, поселках городского типа (14,6 %) и в селах (12,3%); из ЮФО – в селах (21,7 %), в средних (20,4 %), малых (19,1 %), больших (16,6 %) городах и пгт (16 %); из ЦФО – в столице (26,0 %), средних (25,8 %), малых (17,9 %), больших (12,3 %) городах и пгт (10,7 %); из УрФО – в средних (28,5 %); малых (27,3 %), больших (17,0%) городах и пгт (14,5 %); из СФО – в больших (23,4 %), малых (20,8 %), средних (16,8 %) городах, пгт (17,7 %) и в селах (16,3 %); из ДФО – в селах (32,7 %), средних (17,4 %), малых (16,5 %) городах, в деревнях (14,6 %) и пгт (12,8 %); из СКФО – в селах (38,3 %), в средних (18,7 %), больших (14,5 %) и малых (10,3 %) городах; из СЗФО – в больших, средних (по 28,5 %), малых (21,1 %) городах и пгт (10,5 %).

На вопрос о необходимости хорошего знания культуры своего народа современным человеком 94,3 % участников анкетирования ответили утвердительно. Из них 46,7 % считают, что для этого нужно ощущать принадлежность к определённому этносу и заинтересованность в сохранении его традиций, а 47,6 % полагают, что современному человеку важно ориентироваться и в культурном наследии других народов. Первую позицию чаще выражали студенты, прошедшие довузовскую социализацию в сельской местности (в деревне – 57,1 %, в селе 55,0 %), а реже других – те, кто росли в малом (43,5 %) или большом городе (42,2 %). Вторая позиция, наоборот, наиболее распространена у студентов из больших (51,4 %) и малых (50,9 %) городов и наименее распространена у студентов из деревни (40,8 %) и села (41,1 %). В распределении по федеральным округам первой позиции придерживаются большинство студентов из СКФО (70,7 %) и ДФО (61,3 %), среди которых наиболее представлена группа сельской молодежи. Данная позиция характеризуется этноцентрической ориентацией и ее придерживаются в основном студенты из национальных республик. Меньше всего такие взгляды разделяют студенты из СФО (39,5 %) и СЗФО (39,8 %). По второй позиции картина зеркальная: чаще ее выражают те, кто учится в вузах СФО (56,3 %) и СЗФО (55,1 %), а реже – студенты из СКФО (25,6 %) и ДФО (34,1 %). Эта позиция в наибольшей степени соответствует статусу Российской Федерации как страны-цивилизации, объединившей более 190 этносов и их социокультурных традиций.

Мнение о том, что культуры отдельных народов давно потеряли актуальность, высказали 5,7 % опрошенных студентов. Чаще они росли в столице (8,2 %), в среднем или крупном городе (по 6,4 %) и учатся в вузах ЦФО (6,7 %) и ПФО (6,6 %), реже росли в деревне (2,1 %) или селе (3,8 %) и учатся в вузах СКФО (3,7 %) и СФО (4,2 %).

За сохранение народной культуры, чтобы передавать ее потомкам, ратует значительное большинство студентов (78,2 %), особенно из деревни (82,5 %) и села (83,4%), из вузов СКФО (83,9 %), ДФО (82,4 %), ЮФО (82,1 %), и несколько меньше – из большого города (74,7 %) и столицы (74,4 %), из вузов СФО (73,5 %) и СЗФО (74,2 %).

То, что народная культура относится к пережиткам прошлого, считают 8,4 % студентов. Их доля выше среди тех, кто вырос в столице (13,5 %) или большом городе (9,3 %), обучается в вузах ЦФО (10,5 %) и УрФО (10,0 %), а ниже – среди тех, кто прошел довузовскую социализацию в селе (6,6 %) или деревне (7,0 %) и представляет вузы СКФО (6,6 %) и ЮФО (7,2 %).

По вопросу о том, каким образом проявляется отношение семьи к народной культуре, студент должен был выразить собственное мнение и отметить позиции своих родителей, а также дедушек и бабушек.

В отношении себя студенты указали: 1) изучение и использование родного языка в повседневной жизни (75,8 %); 2) чтение литературы на родном языке (69,8 %); 3) приготовление блюд национальной пищи (56,2 %); 4) уважение и соблюдении народных обычаев (54,5 %); 5) прослушивание национальной музыки (43,6 %). По первому пункту различий между сельской и городской молодежью не выявлено, по второму показатели выше у городской молодежи, по остальным – у тех, кто приехал учиться в вуз из сельской местности. По федеральным округам распределение ответов следующее: первые два пункта чаще указывали студенты из вузов ЦФО (81,5 % и 83 %), третий и пятый – ДФО (64,1 %, 56, 6 %), четвертый – СКФО (81,0 %).

Родители, согласно мнениям студентов, прежде всего, готовят блюда национальной кухни (81,3 %). Это особенно отметили студенты из ДФО (93,0 %) и СКФО (88,8 %), т. е. молодежь, обучающаяся в национальных республиках, а также студенты из деревни (88,8 %) и из села (84,9 %). Второй по популярности ответ про мам и пап – «учат и пользуются родным языком в повседневности» (79,0 %). По этому суждению зависимости от типа населенного пункта, где проходили довузовскую социализацию, не выявлено, но заметно больше обучающихся в вузах СКФО (87,4 %) и ДФО (86,2 %). Далее студенты указали на чтение литературы на родном языке (70,0 %). Среди выбравших этот пункт больше молодежи из столицы (77,9 %) и больших городов (72,8 %),

представляющей вузы ЦФО (81,9 %) и СФО (76,1 %). Четвертый по популярности ответ в отношении родителей – «уважают и соблюдают народные обычаи» (66,6 %), пятый – «воспитывают детей в традициях своего народа» (51,7 %). Частотность этих ответов аналогична первому пункту, т. е. их чаще указывали студенты из деревни (соответственно 77,5 % и 58,2 %) и села (58,2 % и 58,1 %), из вузов СКФО (90,8 % и 82,9 %) и ДФО (82,2 % и 62,6 %).

В отношении бабушек и дедушек участники опроса высказались следующим образом: 1) уважают и соблюдают народные обычаи (84,7 %); 2) готовят блюда национальной кухни (82,4 %); 3) учат и пользуются родным языком в повседневности (82,3 %); 4) читают литературу на родном языке (76,1 %); 5) воспитывают детей в традициях своего народа (61,2 %). За исключением четвертой позиции, по всем другим более часто выбирали ответы студенты из села и деревни, обучающиеся в ДФО и СКФО (по второй позиции – в ДФО). На чтение литературы на родном языке своими бабушками и дедушками несколько чаще указывали студенты из большого города и столицы, обучающиеся в вузах ЦФО.

Студенты поддерживают родственные связи прежде всего с помощью следующих практик: 1) ездят в гости, навещают (88,1 %, особенно часто в СФО – 91,7 %); 2) помогают родным выполнением нужной работы (78,7 %, в ДФО – 83,3 %); 3) пишут письма, созваниваются (78,3 %, в СЗФО – 81,8 %); 4) поздравляют родных и близких со всеми праздниками (76,1 %, в ЮФО – 77,7 %); 5) сохраняют близкие отношения с двоюродными родственниками (72,8 %, в СКФО – 85,7 %). Наименее популярны эти практики среди тех, кто рос в Москве, наиболее популярны у студентов из сельской местности и малых городов.

У родителей в восприятии студентов практики поддержания родственных связей наиболее интенсивны: 1) ездят в гости, навещают (92,3 %, примерно равные пропорции по всем территориальным группам довузовской социализации и по федеральным округам); 2) участвуют в похоронах родственников (90,4 %, в ДФО – 92,9 %); 3) пишут письма, созваниваются (89,8 %, в ДФО – 93,4 %); 4) поздравляют родных и близких со всеми праздниками (88,7 %, в ДФО – 93,4 %); 5) помогают родным деньгами, материально (88,6 %, в ДФО – 91,7 %, в СЗФО – 91,4 %). Наименьшие проценты по всем позициям отмечены студентами, чья довузовская социализация проходила в столице, наиболее высокие проценты – студентами из деревни или села, за исключением третьей позиции, которую несколько чаще выбирали студенты из малых городов.

В качестве наиболее распространенных практик у бабушек и дедушек студенты указали: 1) участие в похоронах родственников (89,6 %, без особых различий по федеральным округам); 2) поздравления родных и близких с

праздниками (88,6 %, также примерно одинаково по округам); 3) письма, звонки (88,3 %, в ДФО – 90,2 %, в СКФО – 81,3 %); 4) поездки в гости (83,7 %, в ДФО – 87,6 %, в СЗФО – 81,1 %); 5) помощь деньгами, материально (83,3 %, в ДФО – 87,4 %, в СКФО – 80,3 %). Студенты из столицы тоже реже других указывали эти позиции, а чаще других – в основном студенты из сельской местности и малых городов.

Значимую роль в поддержании и развитии межпоколенных отношений в семье играет совместное отмечание праздников, т. к. это закладывает символическую основу для трансляции семейных традиций. Студенты и в отношении себя, и в отношении своих родителей, бабушек и дедушек в качестве наиболее популярных указали: Новый год (соответственно 92,9 %, 93,4 %, 92,4 %), дни рождения близких и родных (88,7 %, 89,5 %, 88,4 %), Международный женский день (8 Марта) (80,2 %, 84,8 %, 83,8 %), День Победы (9 Мая) (78,2 %, 83,2 %, 81,1 %), День защитника Отечества (23 февраля) (74,1 %, 80,3 %, 75,1 %). У родителей, бабушек и дедушек респонденты отметили распространение празднования Пасхи (77,5 % и 77,6 %), у себя в меньшей степени (68,1 %). Причем, если в отношении других праздников студенты из деревни делали самое большое или почти самое большое количество выборов, то в отношении Пасхи – наименьшее и в отношении себя, и в отношении более старших поколений. По популярности праздников наиболее отличаются ответы студентов из СКФО. В их семьях прежде всего отмечают мусульманские праздники. Это обусловлено тем, что наибольшую долю респондентов в этом округе составили студенты из Чеченской республики, т. е. субъекта Российской Федерации с самым высоким процентом мусульманского населения.

На вопрос о личной оценке необходимости сохранения семейных традиций 72,8 % студентов ответили, что это для них важно. Заметно больше так ответивших участников опроса среди тех, кто росли в деревне (84,1 %) или в селе (80,4 %), а сейчас учатся в вузах ДФО (80,7 %) или СКФО (79,4 %), и намного меньше – в большом городе (68,4 %) и в столице (67,6 %), обучающихся в вузах ЦФО (67,7 %) или СЗФО (66,0 %). Почти каждый пятый опрошенный (21,7 %) ответил «и да, и нет». Давших такой ответ больше среди тех, кто до поступления в вуз социализировался в большом городе (24,7 %) или в столице (26,7 %) и теперь учится в вузах СЗФО (27,7 %) и ЦФО (25,4 %). Наименьшее количество выборов такого варианта ответа сделали те, кто росли в деревне (13,3 %) или в селе (15,3 %) и учатся в вузах ДФО (14,8 %) и СКФО (16,4 %). Не признают важность сохранения семейных традиций 5,4 % респондентов. Меньше всего таковых росло в деревне (2,3 %) или в селе (4,3 %)

и учится в УрФО (3,9 %), а самая значительная доля – среди тех, кто рос в большом городе и учится в ЦФО (по 6,9 %).

Студентам было предложено указать, насколько часто они опираются на советы и опыт своих родных в различных жизненных ситуациях. Согласно ответам участников анкетирования, они наиболее востребованы при организации быта. Об их частом использовании сообщили 50,2 % респондентов, из которых меньше всего тех, кто вырос в деревне (46,9 %) или учится в СФО (44,6 %), а больше всего – студентов из столицы (52,5 %) или обучающихся в СКФО (53,3 %). Более трети респондентов (37,6 %) указали на частое использование советов и опыта родных при выборе профессии. Наименьшая доля таковых росла в малом городе (34,4 %) или учится в СФО (26,9 %), а наибольшая – росла в столице (42,6 %) или учится в СКФО (50,9 %). Третьей по значимости жизненной ситуацией, в которой нужны советы родных, оказалась покупка одежды и обуви (34,3 %). Чаще других их используют студенты из столицы (38,2 %) и обучающиеся в вузах СКФО (39,1 %); реже других – те, кто вырос в деревне (32,6 %) и учится в ДФО (28,8 %).

Наименее востребован у студентов опыт родственников при планировании количества детей в собственной семье. О том, что в опоре на него они совсем не нуждаются, указали 61,3 % участников опроса, из них самое значительное количество тех, кто рос в больших городах (64,2 %) и учится в СЗФО (74,2 %), а меньше всего – среди студентов из столицы (55,2 %) и обучающихся в вузах УрФО (57,8 %). Более половины респондентов (54,1 %) сообщили, что никогда не используют советы и опыт родных при выборе книг, музыки, кинофильмов и т. д. Таковых больше среди студентов из малых городов (56,7 %), поселков городского типа (56,6 %) и обучающихся в СФО (64,5 %), а меньше всего – среди студентов из столицы (42,8 %) и из ЮФО (50,7 %).

Таким образом, данные исследовательского проекта РОС показывают, что территориальный фактор оказывает заметное влияние на содержание и формы межпоколенных отношений в семьях современных студентов. Более глубокий анализ данного процесса требует основательного учета дополнительных факторов (пола, этничности, религиозности и т. д.).

Проведенное исследование выявило, что независимо от места довузовской социализации и обучения в вузе народная культура осознается современной студенческой молодежью в качестве актуальной составляющей повседневной жизни.

По оценкам студентов, главным субъектом сохранения и трансляции народной культуры в семье выступает поколение бабушек и дедушек. Роль

поколения родителей прежде всего связывается с поддержанием коммуникаций между родственниками.

Основным каналом семейных межпоколенных отношений в контексте народной культуры является общение на родном языке. Среди участников опроса РОС – это преимущественно русский язык.

Список литературы

1. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с.

2. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) / В.В. Радаев // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63.

3. Дулина Н.В., Народная культура в оценках российской студенческой молодежи / Н.В. Дулина, В.А. Мансуров, Е.И. Пронина, Г.С. Широкалова, Д.В. Шкурин, П.С. Юрьев // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78.

4. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / М. Мид. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 430 с.

КРИЗИС ДОВЕРИЯ У СТУДЕНТОВ В ОТНОШЕНИЯХ «Я-ДРУГОЙ»

STUDENTS' CRISIS OF TRUST IN I-OTHER RELATIONS HIPS

Н.И. Дунаева,
О.А. Баринова,
Т.В. Филина
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.I. Dunaeva,
O.A. Barinova,
T.V. Filina
Lobachevsky University

Рассматривается проблема нарастающего кризиса доверия в семье, влияющего на межпоколенное взаимодействие. Обосновывается важность и значимость поддержания доверительных отношений в семье для студентов на современном этапе, представлены результаты исследования наличия у студентов доверительных отношения к членам семьи, близким, друзьям, а также к психологам. Было выявлено, что сохраняется ядро значимых членов семьи, в

том числе и прародителей, с другой стороны, возрастает значимость партнеров – друзей, подруг, психологов. Выявлена тенденция утраты у студентов доверительных отношений к старшему поколению, перечислены причины, связанные с нарушением их личной свободы, а также с наличием психологического барьера в общении и старомодностью суждений прародителей, что оказывает негативное влияние на преемственность поколений.

The article deals with the problem of growing crisis of trust in the family, affecting intergenerational interaction, substantiates the importance and significance of maintaining trusting relationships in the family for students at the present stage, presents the results of the study of students' trusting relationships with family members, relatives, friends, as well as with psychologists. It was revealed that the nucleus of significant family members, including forebears, is preserved, on the other hand, the importance of partners - friends, girlfriends, psychologists - is increasing. The tendency of loss of trusting relations to the older generation among students was revealed, the reasons related to the violation of their personal freedom, as well as the presence of psychological barrier in communication and old-fashioned judgments of the forebears, which has a negative impact on the continuity of generations, were listed.

Ключевые слова: доверие, межпоколенные отношения, преемственность поколений, студенты, семья, семейные ценности.

Keywords: trust, intergenerational relations, continuity of generations, students, family, family values.

Проблема доверия в межпоколенном взаимодействии является актуальной, поскольку семья, в ее традиционном понимании, закладывает нравственные императивы, модели семейных отношений. Важность роли семьи в формировании личности отмечали отечественные психологи (А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, Я.В. Сапоровская). На протяжении многих десятилетий активно изучались особенности современной семьи, семейных отношений, а также ее психологическое сопровождение (М.А. Абалакина, В.С. Агеев, Ю.Е. Алешина, А.А. Бодалев, В.Н. Дружинин, А.С. Спикаковская, В.В. Столин, Э.Г. Эйдемиллер). Большое количество исследований (Е.В. Куфтяк, Е.А. Петровой, Т.А. Петровой, М.А. Сизовой) посвящено изучению различных аспектов взаимоотношений в семье, в частности, родителей и детей на разных возрастных этапах.

Современные отечественные авторы отмечают в своих исследованиях деформацию института семьи, трансформацию семейных ценностей и межпоколенного взаимодействия в современных российских реалиях (Ю.В. Вишневский, М.В. Ячменева). Отмечается также, что переход на рыночную

экономику и провозглашение индивидуальной свободы привел к увеличению значимости материального фактора и отсутствию устойчивой жизненной перспективы у современной молодежи [1]. Культивируемые среди молодежи такие идеи и ценности, как стремление к личной свободе, ярко выраженный индивидуализм, эгоцентричное получение удовольствия от жизни, несомненно, повлияли на изменение традиционных семейных ценностей и межпоколенных взаимоотношений.

Следует отметить, что одним из факторов, на наш взгляд, влияющим на трансформацию межпоколенного взаимодействия является идея ранней сепарации от родителей, которая многими молодыми людьми понимается искаженно, буквально, приводящая к полному разрыву отношений или поддержанию формальных контактов с семьей. В ходе консультаций психологами Центра социально - психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского ребят, имеющих проблемы взаимоотношений с родителями, было отмечено, что в основном это характерно для студентов, – выходцев из сельской местности. Наблюдается тенденция либо полного разрыва с семьей при условии, что студент сам зарабатывает себе на жизнь, совмещая учебу с работой, либо минимизация контактов с семьей. Большая часть студентов, обратившихся в ходе консультации по данной проблеме, не хотят помогать родителям в бытовых вопросах, связанных с ведением хозяйства, или делают это по большому принуждению со стороны родителей, если зависят от них материально.

В литературе особенности межпоколенного взаимодействия были описаны Ч. Каитчибаши, в основе которого – степень взаимозависимости членов семьи. Традиционно считается, что для западной модели характерны слабые межпоколенные связи, а для русской культуры характерны модель эмоциональной взаимозависимости при консолидирующей роли старшего поколения (С.А. Судьин, Е.Е. Кутявина, А.В. Курамшев [2]. По исследованию Н.Ю. Егоровой, в детско-родительских отношениях старшее поколение настроено на взаимосвязь [3]. В исследовании С.А. Судьина большое количество опрошенных родителей считают, что в их семьях преобладают доверительные отношения и подчеркивают значимость семейных ценностей. Одной из форм межпоколенного взаимодействия, как считают респонденты, является финансовая поддержка детей и внуков родителями, бабушками и дедушками, чаще на это указывают женщины [4].

В работах В.П. Зинченко, Т.П. Скрипкиной рассмотрены источники формирования, характеристики проявления и функции доверия [5;6]. Согласно Т.П. Скрипкиной, доверие представляет собой сложный психологический

феномен, проявляющейся в виде ценностной установки-отношения к себе и другим людям, который обеспечивает целостность и устойчивость личности, предполагает самопринятие, определяет отношение личности к себе и другим [6].

Нами было проведено исследование, целью которого явилось выявление наличия у студентов доверительных отношения к членам семьи, близким, друзьям, а также к психологам Центра Социально-психологического сопровождения ННГУ им. Н.И. Лобачевского, которые содействуют адаптации студентов в вузе. Всего в исследовании приняли участие 134 студента ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Из них 65,3 % составляют девушки и 34,7% юноши. Была разработана анкета, в которую входили вопросы, касающиеся социально-демографических характеристик, а также вопросы относительно причин, которые затрудняют установление доверительных отношений с ближайшим окружением; вопросы о наиболее значимых ценностях, способствующих доверительным семейным отношениям; способы достижения понимания в семье и разрешения проблемы «отцов и детей».

Отвечая на вопрос, *«Кому из ваших близких Вы доверяете больше всего?»,* студенты отметили тех своих близких, которым они готовы довериться. Больше всего доверия у студентов вызывают родители – 66,7% студентов, именно с ними они были бы готовы поделиться волнующими их проблемами. На втором месте в рейтинге доверия оказались друзья – 57,3%. На третьем месте оказались братья и сестры респондентов, их выбрали 45,3% участников исследования. Смогли бы открыться более старшему поколению – бабушкам и дедушкам либо же психологам по 30,7% респондентов. Примечательно, что у 30,7% студентов наблюдается доверительные отношения к психологам Центра. Это может свидетельствовать, что у них сформировано базовое доверие к людям, в том числе и к другому – психологу, а также установка на то, что помощь специалиста позволит разрешить проблему более эффективно. Наименьшее же количество участников исследования – 2,7% отметили, что не доверились бы никому. Важно отметить, что девушки в качестве доверенных лиц чаще выбирают друзей и подруг и меньше всего бабушек и дедушек. Важно, что юноши отметили, что чаще доверяют своим родителям и меньше всего доверия вызывают психологи.

Среди причин *отсутствия доверия* в семье большинство студентов, принявших участие в исследовании, – 39,1% выделили наличие психологического барьера в общении. «Старомодность родительских суждений» как причина отсутствия семейного доверия заняла второе место – предпочтение ей отдали 34,8% студентов. Несоответствие представлений о ценностях между

поколениями и непонимание между членами семьи выбрали по 30,4% респондентов. Наименьший выбор среди возможных причин недоверия в семье получило утверждение – «Они меня не слышат», предпочтение ему отдали всего 15,2%. У девушек самыми важными причинами отсутствия доверия в семье стали барьер в общении и старомодность родительских суждений. Юноши же выделили непонимание в семье как наиболее важную причину отсутствия семейного доверия.

Среди наиболее важных ценностей и установок, объединяющих семью, студенты выделили следующие – поддержка, забота и взаимопонимание 66,7%, чувство любви – 64%, совместное время и досуг – 54,7% и материальное обеспечение – 53,3%. Наименьшую значимость среди представленных причин, которые могут объединить семью, отдали «преемственности поколений», этот фактор выбрали лишь 26,7% респондентов. Девушки среди самых важных факторов, объединяющих семью, назвали любовь и досуг, преемственность же между поколениями наименее значима для них. Юноши выделили как наиболее важный фактор, способный объединить семью – поддержку, заботу и взаимопонимание, а такой фактор, как «дети», наименее значим для них.

Наиболее значимым способом достижения понимания в семье и разрешения проблемы «отцов и детей» участники исследования назвали – уважение личной свободы – 92%, создание доверительных отношений в семье – 78,7%, вера в близких людей – 57,3%, что является важными условиями достижения понимания в семье. Наименее значимой установкой было выбрано сохранение семейных традиций – 28%, что не может не настораживать, поскольку семейные традиции, являются неким скрепляющим, объединяющим элементом. Среди юношей и девушек отличие наблюдается только в выделении наименее значимого способа достижения понимания в семье. Для девушек наименее важно сохранение семейных традиций, для юношей наименее важна минимизация открытого манипулирования.

Относительно доверия психологам Центра ННГУ им. Н.И. Лобачевского были получены следующие результаты: большинство респондентов, особенно девушки, обратились бы за психологической помощью, если бы не смогли справиться с проблемой самостоятельно – 54,7%. Важным фактором, способствующим обращению за помощью к психологу ННГУ им. Н.И. Лобачевского, как считают молодые люди, наличие трудной жизненной ситуации – 44%, именно это способствовало бы обращению за помощью к психологам. При обращении за психологической помощью в ВУЗе наиболее важным оказалась уверенность в профессионализме психологов Центра ННГУ им. Н.И. Лобачевского, особенно для девушек. Для юношей наиболее значимым

фактором обращения за помощью к психологам Центра является наличие бóльшей информации о Центре.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о важности и значимости для студентов поддержания доверительных отношений в семье. Атмосфера полного доверия и самораскрытия представляется не только в кругу семьи и родных, но и в общении с друзьями и психологами. С одной стороны, сохраняется ядро значимых членов семьи, в том числе и прародителей, что свидетельствует о сохранении традиционности и преемственности, с другой стороны возрастает значимость партнеров (друзей, подруг, психологов), то есть открытость новому (происходит изменение периферии структуры значимых членов семьи). Тем не менее наблюдается тенденция утраты доверительных отношений к старшему поколению. Как считают студенты, это связано с нарушением их личной свободы, а также с наличием психологического барьера в общении и старомодностью суждений прародителей, что не может не повлиять негативно на преемственность поколений. Важно отметить, что преемственность поколений утрачивает свою ценность для молодого поколения, а необходимость признания и уважения личных границ студентов возрастает, что обусловливает необходимость дальнейшего исследования данной темы.

Список литературы

1. Вишневский Ю.Р., Ячменева М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области). // Образование и наука. 2018. Том 20. № 5. С.125 – 140.
2. Судьин С.А., Кутявина А.В., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной Нижегородской семье // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. №3. С. 56-70.
3. Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительствах // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 23-30.
4. Дудина С.Ю. Межпоколенное взаимодействие в расширенных семьях: автореферат дис… кандидата психологических наук: 19.00.05/ Дудина Светлана Юрьевна; [Место защиты: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова]. - Кострома, 2013. 25 с.
5. Зинченко В.П. Психология доверия // Вопросы философии. 1998. № 7. С.76-93.
6. Скрипкина Т.П. Психология доверия // Учебное пособие. Изд.центр «Академия», 2000. 264 с.

7. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход // Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.

8. Бурмыкина О.Н. Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. С. 134-153.

9. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. - СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.

10. Жизненные миры современной российской семьи / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

11. Скрипкина, Т. П., Крищенко Е.П. Доверие как фактор субъективности в онтогенезе // Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2010. 328 с.

РОЛЬ ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

THE ROLE OF THE CENTER FOR SOCIO-PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF STUDENTS IN THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

Н.И. Дунаева,
П.А. Галстян,
Т.В. Филина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

N.I. Dunaeva,
P.A. Galstyan,
Filina T.V.
Lobachevsky University

Проведен анализ теоретических и практических подходов к изучению феномена психологического благополучия, показано, что психологическое благополучие является важным фактором здорового профессионального становления личности. Изучение психологичсекого благополучия личности предполагает многомерную оценку, включающую в себя изучение различных социально-психологических характеристик личности, в том числе параметров, определяющих отношения человека с другими людьми, миром и собой. Представлен диагностический комплекс, применяемый для изучение важных социально-психологических характеристик личности, определяющих психологическое благополучие личности студента, представлены некоторые результаты ее компонентной структуры. Отмечается важность комплексной профилактической работы по повышению психологического благополучия

студентов вуза психологами Центра социально-психологичсекого сопровождения студентов.

The analysis of theoretical and practical approaches to the study of the phenomenon of psychological well-being is carried out, it is shown that psychological well-being is an important factor in the healthy professional development of an individual. The study of the psychological well-being of an individual involves a multidimensional assessment, including the study of various socio - psychological characteristics of the individual, including parameters that determine a person's relationships with other people, the world and himself. A diagnostic complex is presented that is used to study important socio - psychological characteristics of an individual that determine the psychological well-being of a student's personality, and some results of its component structure are presented. The importance of comprehensive preventive work to improve the psychological well-being of university students by psychologists from the Center for Social and Psychological Support of Students is noted.

Ключевые слова: психологическое благополучие, студенты, профилактика, жизнестойкость, психологические службы, возрастные кризисы, адаптация.

Keywords: psychological well-being, students, resilience prevention, psychological centers, age crises, adaptation.

Студенческий возраст связан с важным периодом профессионального становления, личностного самоопределения, формирования ценностных образований личности. С момента поступления в вуз и до окончания обучения молодые люди испытывают на себе многообразие стрессоров: трудности адаптации к новой среде, необходимость налаживания контактов с окружающими, общения и поведения, разлуку с близкими, трудности обучения, проживание в условиях общежития, невозможность уединения, и т. д.). Период студенчества сопровождается также возрастными психологическими кризисами, связанными с профессиональным становлением, учебно-профессиональной деятельностью с изменениями уклада жизни [1].

Обучение в вузе и связанные с ним кризисы откладывает отпечаток на психоэмоциональное состояние студентов. В исследованиях отечественных авторов почти 70% студентов-первокурсников испытывают напряжения (Л.А. Фоменко, 2002), половина из них имеют затяжной эмоциональный стресс, который может привести к депрессии [2; 3].

Одним из ведущих факторов здорового профессионального становления является психологическое благополучие личности. Отечественными исследователями изучены факторы, которые разрушают психологическое благополучие. К ним относятся такие как депривация, проблемы в построении

межличностных отношений, трудности адаптации к современным реалиям, вызванных социально-экономическими изменениями [4; 2]. Все это влияет на психологическое благополучие студентов и отражается во всех сферах их жизни.

Термин психологическое благополучие личности является очень обширным и сложным понятием и состоит из множества компонентов. Каждый автор давал свое определение психологическому благополучию, вкладывал свой смысл, но есть сходство – стремление личности к саморазвитию, взаимодействие положительного и негативного аффекта. Ключевая идея заключается в том, чтобы достичь высокого уровня благополучия - надо изменить себя и окружающий мир [5].

Отечественные авторы (Е.Ю. Григоренко 2009; А.В. Воронина 2005; Л.В. Куликов, 2004; Т.Д. Шевеленкова,2005; Кабаченко Е.А., 2017) отмечали в своих исследованиях, что многие студенты имеют низкий уровень психологического благополучия, критического отношения к себе, неустойчивую самооценку, трудности организации себя и своей деятельности [6,7,4,8,9].

Такое понятие как психологическое благополучие личности обладает сложной структурой, в которой выделяют когнитивный и эмоциональный компоненты. Гармонию в когнитивный компонент психологического благополучия приносит целостная и непротиворечивая картина мира у человека, понимание жизненной ситуации. Эмоциональный компонент представляется как объединяющее чувство, которое обусловлено успешной (неуспешной) жизнедеятельности всей личности. Также стоит отметить, что в данном понятии выделяют такие составляющие, как жизнестойкость, удовлетворенность межличностными связями, общением.

Модель психологического благополучия по К.Рифф включает в себя следующие компоненты, такие как отношение к себе, автономия, позитивное отношение к другим, жизненные цели, контроль, личностный рост [5].

Следует отметить, что показатель «позитивное отношение с другими» понимается в более узком смысле и связан с умением устанавливать социальные контакты с ближайщим окружением.

В отечественной трактовке в данный компонент заложен более широкий круг взаимодействия, при котором происходит взаимообусловленность развития человека и общества. О важности развития отношений в студенческом возрасте говорил В.И. Слободчиков, подчеркивая качественный переход этих отношений в новую событийность, связанный с возникновением новой системы отношений с миром, с людьми, с самим собой, на основе которой выстраивается личностное отношение к социальной действительности [10].

С.Л. Рубинштейн. НИ. Сарджвеладзе делали акцент на том, что благополучие личности может интерпретироваться только в контексте взаимосвязи и взаимоотношений с другими людьми, социумом в целом, с миром. Отсюда следует, что, говоря о психологическом благополучии в студенческом возрасте, важно понимать в каком соотношении оно находится с социально-психологическими характеристиками личности, параметрами, определяющими отношения человека с другими людьми, миром и собой [11,12].

В работах отечественных авторов отмечается, что высокий уровень депрессивности напрямую связан с низкими показателями по психологическому благополучию как по отношению к себе, а также тех событий, которые происходят в жизни [13]. Е.Е. Бочарова, 2009, А.А. Реан считают, что субъективное благополучие может рассматриваться как внутренний показатель адаптированности личности, и в тоже время может являться одним из факторов, благодаря которому происходит процесс социально-психологической адаптации человека [14,15]. Рассматривая критерии адаптирующейся личности, следует отметить наличие устойчивого эмоционального состояния, развитых способностей и умений для противостояния жизненным трудностям.

Как отмечала К. Рифф, жизненные трудности и переживания могут в отдельных случаях быть базой для повышения психологического благополучия человека. Это достигается благодаря пересмотру своих жизненных целей и гармонизации отношений с другими и повышению своих ресурсов, в том числе жизнестойкости [5].

Целью нашего исследования явилось изучение важных социально-психологических характеристик личности, определяющих психологическое благополучие личности студента. Диагностический инструментарий, который мы применяем для диагностики психологического благополучия студентов включает в себя следующие методики: диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, Методика жизнестойкости С. Мадди, Методика способы выхода из трудных жизненных ситуаций С.Н.Гончаровой, Шкала депрессии А.Бека. Всего в исследовании приняло участие 1500 человек, студентов первых курсов ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Приведем анализ результатов по методике социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд.

По результатам проведения методики диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд среди первокурсников можно сделать выводы о характере социально-психологической адаптации по показателям: «Приятие себя», «Неприятие себя» «Приятие других» - «Непринятие других», «Эмоциональный дискомфорт». «Приятие себя» наиболее

развито у студентов Института реабилитации и здоровья человека, поскольку показатели на уровне «выше среднего» составляют 40%, а на уровне «среднее» - 60%. Факультет физической культуры и спорта показал максимальное значение на уровне «ниже среднего», а именно 16,7%, что в свою очередь требует отдельного анализа причин, приведших к снижению уровня приятия себя в среде первокурсников.

«Приятие других» наиболее развито у студентов первого курса Юридического факультета (на уровне «выше среднего – 79,4%»), вместе с тем показатель уровня «ниже среднего» составляет 11,7%. Особого внимания требуют первокурсники Института филологии и журналистики, поскольку уровень «ниже среднего» по данному параметру составил 43,6%, что вызывает крайнюю обеспокоенность и требует дальнейшего анализа и проведение психологической коррекции.

Уровень «Эмоционального комфорта» наиболее выражен у студентов первого курса Военного учебного центра, Института реабилитации и здоровья человека, а также Института экономики и предпринимательства (все студенты, принявшие участие в тестировании, расположились в зоне «среднего», что определяет норму для любого параметра).16,7% студентов первого курса Химического факультета результаты расположились на уровне «ниже среднего», показав более низкие результаты среди всех факультетов и институтов по данному параметру.

По результатам данной методики, психологи Центра разрабатывают план психо-коррекционный мероприятий для психологического сопровождения студентов тех направлений и групп, которые нуждаются в повышении социальной компетенции. Центр осуществляет все три вида профилактики. Первичная профилактика предназначена для всех студентов, и представленный диагностический комплекс позволяет выявить проблемные зоны, встречающиеся у студентов. Вторичная профилактика направлена на сопровождение студентов с психологическим неблагополучием, которые были выявлены на первом этапе, а затем с данной группой студентов проводится углубленное тестирование с применением комплекса методик с помощью программы ООО «ИМАТОН». Осуществляется и индивидуальное консультирование студентов с психологическим неблагополучием и тех, кто обратился за помощью самостоятельно. Включаются в работу различные вебинары, тренинги, которые направлены на целеполагание и видение картины мира, например, тренинг на тему «Мое предназначение в жизни». Проводится работа с кураторами и преподавателями, которая направлена на обучение

стратегиям организации взаимодействия со студентами, у которых низкие результаты по психологическому благополучию. В рамках третичной профилактики осуществляется комплексное сопровождение, включающее работу с психологом, куратором, в отдельных случаях взаимодействие с психиатром. Осуществляется работа со студентами с ярко выраженными депрессивными симптомами, направленная на обучение методикам помощи и самопомощи, а также формирование компенсаторного механизма поведения, развитие умений преодоления стресса.

Таким образом, наличие в вузе системы психологического сопровождения студентов позволит поддержать психологическое здоровье студентов и будет способствовать повышению уровня психологического благополучия личности.

Список литературы

1. Идобаева О.А. К построению модели исследования психологического благополучия личности: психолого-развитийный и психолого-педагогический аспекты // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. С.128-134.

2. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб.: Питер, 2004. 464 с.

3. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью. С. 476-510

4. Васильева С.В. Структурные и динамические особенности студенческого адаптационного синдрома: специальность 19.00.11 «Психология личности»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Васильева С.В.; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2000. 185 с.

5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 2006. 344 с.

6. Голубева М.Г. Психологические факторы преодоления кризисов профессионального становления юношей и девушек: специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Голубева Марина Герасимовна; Астраханский государственный университет. – Астрахань, 2006. 28 с.

7. Григоренко Е.Ю. Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Проблемы развития территории. – 2009. – №4 (48). С. 8 -16.

8. Кабанченко Е.А., Холодкова О.Г. Психологическое благополучие в студенческом возрасте // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки.

Электронный сборник статей по материалам XLI студенческой международной заочной научно-практической конференции. – М.: «МЦНО», 2017. – № 1(40). С.185-189.

9. Воронина А.В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа //Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 3. С.6 -9.

10. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Книга по Требованию, 2012. 890 с.

11.Шамионов Р.М. Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т.4. – № 3(15). С. 29 -36.

12. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3.С 95-121.

13.Павлоцкая Я.И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография / Волгоград, Изд-во Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС, 2016. 168 с.

14. Рифф К.Д. Сингер Б.Х. Лучшие новости о шестифакторной модели благополучия – Исследование в области социальных наук, 2006. С.1103-1119.

15. Реан А.А., Ставцев А.А. Позитивные психологические вмешательства для предотвращения проблем с благополучием, агрессии и издевательств у школьников // Вопросы образования, 2020, 3, С. 37-59

16. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии, 1996. № 5. С. 38-50.

ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫПУСКНИКА КОЛЛЕДЖА

BASES OF FORMATION OF DEONTOLOGICAL CULTURE OF A COLLEGE GRADUATE

О.А. Карабанова
ГБПОУ г. Москвы Колледж по подготовке социальных работников им. Е.И. Холостовой Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы
O.A. Karabanova
E.I. Kholostova College for the Training of Social Workers in Moscow

Рассматриваются и обобщаются подходы к определению сущности и содержанию понятия «деонтологическая культура», в частности, деонтологическая основа долга специалиста социальной работы, которая определяет повседневное проявление его профессионального мастерства через индивидуальный стиль профессиональной деятельности.

Approaches to the definition of the essence and content of the concept of "deontological culture" are considered and generalised, in particular, the deontological basis of the duty of a social work specialist, which determines the daily manifestation of his professional skills through the individual style of professional activity.

Ключевые слова: деонтология, деонтологическая культура, профессиональная культура, специалист по социальной работе.

Keywords: deontology, deontological culture, professional culture, social work specialist.

Деонтология (от греч. deon, род. п. deontos – "должное" и logos – "наука") – это раздел этики, который рассматривает проблемы долга и должного. Исторический анализ научной литературы показывает, что деонтология как наука зародилась ещё в середине XIX века и связана с именем ученого Джереми Бентама (английский философ – моралист, социолог, юрист). Именно он впервые ввел понятие «деонтология», под которым понимал «…раздел этики, изучающий проблемы долга и должного поведения, поступки и образ действий людей».

Еще в глубокую древность уходят истоки деонтологии, так и не известно, в какой период человеческой истории впервые в сознании человека зародилось представление о должном как объективно необходимом и приоритете долженствования.

Идея долга, ответственность за свой выбор в обществе и поступки была различна у разных народов в разные периоды времени.

В работах античных философов идея долженствования занимает довольно значимое место.

Деонтология профессиональной деятельности специалиста социальной работы закладывается в колледже, где проходит становление специалиста социальной сферы. Это осмысление каждым обучаемым во многом определяет понимание выпускником своего нравственного долга как профессионала в работе с разными категориями людей, поэтому существует необходимость изучения деонтологии в колледже.

Каждая профессия имеет свои основы нравственного долга перед государством и обществом. Они реализуются в процессе профессиональной деятельности. Особую значимость имеют профессии системы «человек – человек», к которой относятся специалисты социальной работы. Данный факт накладывает особый отпечаток на их профессиональную деятельность, что определяет важность для них таких понятий, как долг и должное.

Долг – эта категория этики, которая означает нравственную обязанность деятельности человека перед государством и обществом или социальной группой, другим человеком, выполняемую из побуждений совести в конкретных условиях.

Должное – это то, что подлежит исполнению по профессиональному назначению специалиста, оно находит отражение в функциональных обязанностях будущего специалиста по социальной работе.

Качественной характеристикой повседневного проявления деонтологической направленности профессионального мастерства специалиста социальной работы выступает культура его профессиональной деятельности. Такую культуру соотносят с деонтологической культурой (деонтологической культурой профессиональной деятельности) специалиста социальной работы.

Профессиональная деятельность будущего специалиста социальной работы носит преобразовательный характер. Она направлена на то, чтобы содействовать социальному развитию, социализации, становлению социальной зрелости.

Термин «культура» имеет довольно широкое толкование. Культура – система специфически человеческих видов деятельности, создающих духовные и материальные ценности, и возникающая в результате этого совокупность социально значимых идей, символов, ценностей, идеалов, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность.

Слово «культура» можно употреблять обобщенно, применительно к культуре вообще. Часто это слово используется для обозначения конкретного культурного организма, который обладает своей спецификой. Любой человеческий коллектив обладает своей культурой.

Культура нормативная – это совокупность идеалов, норм, ценностей, определяющих стандарты поведения, которые предписывают, разрешают, одобряют или осуждают, запрещают определенные социальные действия. Наиболее распространенным выступает понятие «культура поведения человека», которая представляет собой усвоенный и повседневно проявляемый конкретным человеком, сложившийся и признаваемый в данной социокультурной среде опыт поведения, отношений. По тому, как проявляет себя человек, говорят о нем, как о воспитанном человеке.

В научной литературе выделяю такие понятия, как «культура труда», «культура деятельности», «профессиональная культура».

Профессиональная культура – это часть общей культуры специалиста, представляющая усвоенный и повседневно им проявляемый уровень искусства профессиональной деятельности, отражающей достижения научной мысли и практического опыта в интересах нравственного здоровья общества, среды, социального прогресса.

Фундаментом профессиональной культуры специалиста социальной работы выступает деонтологическая основа долга специалиста социальной работы, которая определяет повседневное проявление его профессионального мастерства через индивидуальный стиль профессиональной деятельности.

Для специалиста социальной работы профессиональная культура имеет особое значение, так как его деятельность ориентирована на работу с разными категориями населения, которые оказались в трудной жизненной ситуации, то есть от его профессиональной культуры выполнения задач по профессиональному назначению зависит будущее тех, с кем он работает.

В процессе обучения студенты колледжа изучают дисциплину «Профессиональная этика социальной работы», в которой одним из изучаемых значимых разделов является «Деонтология социальной работы».

«Деонтология социальной работы – это комплекс норм о долге, ответственности специалиста по социальной работе перед обществом и государством, перед социальной работой как профессией и перед своими коллегами, а также, самое главное, перед получателями социальных услуг социальной работы». Понятие деонтология социальной работы акцентирует тот факт, что этика социальной работы, как и этика в целом, из морали

добродетельного поведения превратилась в мораль нормы социальной работы, поскольку норма фиксирует должное в определенных максимах, правилах.

Деонтологическая культура для специалистов различных профилей является значимым показателем при оценке их уровня профессиональной подготовки, компетентности в своей профессиональной области. Современный работодатель, принимая на работу сотрудника, оценивает как общий уровень его профессиональной пригодности, так и личностные качества. Для каждой специальности они свои. Именно поэтому в процессе профессиональной подготовки студентов в колледже важно содействовать формированию гармонично развитой личности, отвечающей требованиям, предъявляемым обществом и работодателями с учетом требований профессионального стандарта. Анализ современной научной литературы показал, что сегодня существует множество понятий, связанных с культурой жизнедеятельности человека: «гендерная культура», «духовно–нравственная культура», «культура труда», «экономическая культура», «финансовая культура», «инновационная культура», «адаптационная культура», «экологическая культура», «культура поведения», «интеллектуальная культура», «педагогическая культура», «информационная культура», «правовая культура», «культура межнационального общения», «организационная культура». Каждое из понятий несет и выражает свой особый смысл и содержание, связанные как со спецификой деятельности, так и с той научной позицией, которую занимает конкретный исследователь. Понятие «деонтологическая культура» тоже имеет особый смысл и содержание, сложность данного понятия заключается в том, что её сущность и содержание всегда связаны с конкретным видом деятельности, что предполагает и специфику её определения. Формирование деонтологической культуры специалистов по социальной, с одной стороны, достаточно новое направление в работе со студентами колледжа. С другой стороны, понятие «деонтологическая культура» имеет свою историю зарождения и становления.

В настоящее время идея деонтологии находит своё широкое применение в различных областях жизни человека, включая практически все развитые страны мирового сообщества. Идеи деонтологии привлекли внимание современных представителей социально–педагогической науки и практики (В.М. Гребенникова, А.М. Егорычев, Г.М. Кертаева, Л.В. Мардахаев, З.И. Селимова). Развитие деонтологических идей в профессиональной педагогике, включая их значимость в социально–педагогической практике, породило объективную потребность формирования деонтологической культуры у студентов профессиональных учреждений.

Анализ научно-педагогической литературы по данной проблеме показал, что сегодня на постсоветском образовательном пространстве не существует единого определения понятия «деонтологическая культура», касающегося деятельности специалистов социальной и социально-педагогической деятельности.

Обобщая выше представленные подходы к определению сущности и содержанию базового понятия «деонтологическая культура», необходимо отметить, что рассмотренные подходы и позиции различных авторов, как правило, не отражают всю сложность и глубину столь многомерного понятия в целом. Несмотря на различные профессиональные подходы к определению сущности искомого понятия, они имеют схожий характер, так как базируются на признании общих морально–этических, гуманистических и нравственных ценностей, которые выступают в качестве основы деонтологической культуры личности человека любой профессии и деятельности. Определений, касающихся деонтологической культуры в деятельности будущих специалистов по социальной работе, связаны с необходимостью ее формирования в процессе профессионального обучения в профессиональных учреждениях. К тому же, очень часто деонтологическая культура отождествляется с такими понятиями, как «профессиональная культура» и «личностная культура». Однако данное мнение ошибочно, ввиду того, что формирование профессиональной культуры предполагает регулирование поведения специалиста только в его трудовой деятельности, без учета требований к поведению специалиста в свободное от работы время, его манерам неформального общения и поведению в Интернете (социальных сетях).

Деонтологическая культура будущего специалиста по социальной работе позволяет более ясно понять сущность профессиональной подготовки будущих работников данного профиля в условиях колледжа, его социально-педагогическую функцию, которая напрямую связана с вопросами профессиональной деятельности, социальным воспитанием и социализацией российской молодежи. Работник социальной сферы, обладающий высокой деонтологической культурой, должен подавлять в себе эгоистические наклонности, ставив превыше всего гуманное отношение к получателям социальных услуг, в отношении которых он реализует свою профессиональную деятельность, признавая уникальность, самобытность и творческую составляющую каждой личности.

Список литературы

1. Бабина Н.Ф. Технология: методика обучения и воспитания: учебное пособие: в 2 частях. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – Часть 1. – 300 с. - URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=276260 (дата обращения: 09.11.2021). – ISBN 978-5-4475-3763-0. – DOI 10.23681/276260

2. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. – М., 1986. - с.

3. Дьяченко В. К. Организационная структура учебного процесса и его развитие. – М., 1989. - с.

4. Егорычев А.М., Кретинин А.С. Опыт и традиции советского образования: необходимость использования в современной системе образования // ЦИТИСЭ. 2017. - № 2(11) [Электронный ресурс]: http://ma123.ru/ru/ Дата обращения: 09.11.2021.

5. Кузнецов Ю.Г., Толмачев А.А. Психология формирования основ профессиональной зрелости у учащихся профтехучилищ: Метод. пособие. – М.: Высш. шк., 1990. - с.

6. Лихачев Б.Т. Воспитательные аспекты обучения. – М., 1982. - с.

7. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: социальное воспитание: учебник для студентов средних и высших учебных заведений. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 392 с. – Режим доступа: URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=496697 (дата обращения: 09.11.2021). – ISBN 978-5-4475-9741-2. – DOI 10.23681/496697

8. Медведева Г.П. Этические основы социальной работы: учебник и практикум для среднего профессионального образования. - Москва: Изд-во Юрайт, 2019. – 443 с. — ISBN 978-5-534-03682-4; URL: https://urait.ru/bcode/426542 (дата обращения: 10.11.2021).

9. Методика профессионального обучения в вопросах и ответах: учебное пособие: / Т.Н. Шипилова, В.П. Тигров, О.Ю. Добромыслова и др.; под ред. Ю.А. Гречишникова. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – 194 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=577011 (дата обращения: 09.11.2021). – ISBN 978-5-88526-792-2.

10. Никитина Н.Н. Основы профессионально-педагогической деятельности: учебное пособие для студ. учреждений сред. проф. образования / Н.Н. Никитина, О.М. Железнякова, М.А. Петухов. – М.: Мастерство, 2002. – 288 с.

11. Пешкова В.Е. Педагогика: курс лекций: учебное пособие. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – Часть 2. Общие основы педагогики. – 121 с. –

Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=426826 (дата обращения: 09.11.2021). – ISBN 978-5-4475-3912-2; – DOI 10.23681/426826

12. Педагогика профессионального образования: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е.П. Белозерцев, А.Д. Гонеев, А.Г. Пашков, др.; под ред. В.А. Сластёнина. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 368 с.

13. Скакун В.А. Организация и методика профессионального обучения. – М., 2016. - 22.

14. Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание: Более 5000 психологических терминов и понятий / [А.Б. Альмуханова и др.]. – М.: Эксмо, 2007. – 542, [1] с.: портр. – ISBN 978-5-699-20617-9.

«ЛУЧШЕ НЕ ОБСУЖДАТЬ»: ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ПОКОЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ДОВЕРИЯ К СМИ И ОТНОШЕНИЯ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ*

"BETTER NOT TO DISCUSS": THE PROBLEM OF INTERGENERATIONAL DIALOG IN THE CONTEXT OF MEDIA CREDIBILITY AND ATTITUDES TOWARDS THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Т.С. Киенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

T.S. Kienko

Southern Federal University, Rostov-on-Don

На материалах фокус-групп со студентами вузов Ростовской области весной и осенью 2022 г. обсуждается проблема нарушения коммуникаций молодежи со старшими членами семьи по причине разных взглядов на специальную военную операцию и доверия к разным источникам информации. Проблем удается избежать тем семьям, в которых мнения совпадают, либо выстраивается диалог на основе уважения мнений всех членов семьи.

Based on the materials of focus groups conducted with students of universities in the Rostov region in the spring and autumn of 2022, the article discusses the problem of disruption in communication between students and older family members due to different views on a special military operation and trust in different sources of information. Problems can be avoided by those families in which opinions coincide, or a dialogue is built on the basis of respect for the opinions of all family members.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00134 (https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/) «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период» в Южном федеральном университете

Ключевые слова: студенческая молодежь, старшие члены семьи, диалог поколений, специальная военная операция, фокус-группы, обоснованная теория.

Keywords: student youth, older family members, dialogue of generations, special military operation, focus groups, grounded theory.

Введение и постановка проблемы

В ситуации «исторического времени» молодежи сложно оценивать происходящее, строить образ себя и своего будущего. В марте 2022 г. исследовательским коллективом четырех вузов России была запущена серия фокус-групп со студенческой молодежью о ее настоящем и будущем в свете специальной военной операции [1]. Некоторые студенты отмечали сбои в коммуникациях со старшими членами семьи. Осенью 2022 г. той же методологии в вузах Ростовской области по инициативе Центра социально-политических исследований ЮФУ были проведены еще восемь фокус-групп. Одна часть студентов отмечала общность мнений и отсутствие напряженности между поколениями, в то время как другая сообщала о росте конфликтности в семьях при обсуждении темы. Это послужило основанием для поиска причин, затрудняющих диалог поколений.

Методология и методы

Методом исследования выступил традиционный интерпретативный анализ материалов 10 фокус-групп, проведенных в восьми вузах Ростовской области (две в марте 2022 г., 17 чел.; восемь в ноябре 2022 г., 78 чел.). Работа с транскрибированными материалами фокус-групп предполагала применение теоретической выборки, индуктивно-дедуктивной стратегии анализа, метода постоянных сравнений и процедур кодирования в соответствии с методологией обоснованной теории [2-4]. Анализ фокус-групп в целом был направлен на поиск рисков, выделяемых студентами вузов Ростовской области, в качестве одной из проблем была отмечена конфликтность в обсуждении темы в семейном кругу «нулевым, первым, вторым и третьим» поколениями [5, с. 24]. Мы попытались выяснить, что мешает студенческой молодежи обсуждать тему со старшими членами семьи (в той мере, в какой это позволяли материалы фокус-групп). Мы поставили ряд исследовательских вопросов: каковы причины конфликтов студенческой молодежи со старшими членами семьи при обсуждении темы; как студенты воспринимают ситуации столкновения мнений, характеризуют свои мысли, чувства, какие стратегии используют; каковы их ожидания от общения со старшими, способы преодоления проблемы.

Обсуждение исследовательских вопросов

Студенческая молодежь Ростовской области говорит о современной социально-политической ситуации с большой осторожностью, испытывая амбивалентные чувства страха и, в то же время, «*поражения от того, что история происходит на твоих глазах» (№1).* Отмечается неспособность дать оценку происходящего: «*ты не можешь… осознать, что происходит… понять, как тебе к этому относиться» (№2).* В то же время есть потребность осмыслить, понять, обсудить, прежде всего в кругу семьи, близких людей.

Ситуацию в стране студенты активно обсуждали в семьях весной 2022 г., но и осенью тема продолжала занимать значимое место в семейных разговорах. В одних семьях представители разных поколений имеют сходные позиции. Но ряд студентов отмечают наличие разных точек зрения, провоцирующих острые межпоколенные споры. Конфликты возникают только в тех семьях, где дети озвучивают свое несогласие с родителями, тетями и дядями, бабушками и дедушками: *«Каждый день, каждый час, всегда начинаются споры. Невозможно уже. Большая семья армяно-русская. Поэтому у нас политика – это, вообще, на первом месте. Даже на кухне там, когда готовишь, бывает что-нибудь… скажешь, ну, может быть, неправильно, там, не поддерживаю мнение. Потом бабушка говорит: «Ты не прав!». Получается выходит большой спор, который затягивается… сразу конфликт» (№3)*. В некоторых семьях тема стала табуированной: «*любой диалог насчет военной вообще спецоперации под запретом… чтобы не нагнетать ситуацию еще и в семье» (№4),* пришли к решению не обсуждать ситуацию, чтобы не тревожить друг друга*: «потому что, как бы, всё становится более мрачным дома, когда начинается нагнетание» (№5),* не разжигать споры вне семьи и внутри нее: *«это очень болезненная тема для моей семьи, потому что она в целом ее расколола» (№6).* Конфликтов не возникает в тех семьях, где молодежь разделяет убеждения своих старших, а также там, где находят компромисс, аккуратно обсуждают острые темы, выстраивая диалог, признавая право на разные мнения: *«слава богу, все понимающие люди, и когда начинали сталкиваться мыслями, все просто оставались при своем мнении… каждый как думает, пусть так и думает» (№7).*

Студентами остро переживаются риски внутрисемейных споров, когда родители, тети и дяди, бабушки и дедушки не готовы прислушиваться к мнению молодежи, признавать их право на собственную позицию: *«никакого толку нет что-то говорить… доказывать»* (№6), прибегают к обесцениванию мнений молодежи или обвинениям: «*прилетали такие фразы, что «Ты за полпирожка родину продашь, ты ничего не понимаешь» (№4).* Студенты в таких случаях перестают спорить, слушают старших членов семьи, позволяют им высказать

свою позицию, но предпочитают молчаливо терпеть собственное несогласие, уходят от обсуждений, причем делают это осознанно ради покоя в доме, понимая, что ситуацию таким образом не изменить, но тему дома «*лучше не обсуждать*». Молодежи хотелось бы иметь право высказывать свое мнение. Их обижает нежелание старших найти компромиссное решение, при котором было бы сохранено достоинство всех, неготовность идти на уступки ради младших членов семьи: «*я их очень сильно люблю, но не считаю нужным тревожить. Ну и они почему-то так не поступают… это меня тревожит» (№6)*. Некоторые студенты ожидают понимания, поддержки, им нужен разговор о ситуации в стране с близкими, важно высказать свои тревоги и опасения, но их останавливает страх разрыва с семьей: «*местами хотелось бы в какой-то момент высказаться, получить какую-то поддержку, сказать о своих опасениях, но как только говорится, возникает конфликт какой-то мнений» (№4).*

Риски внутрисемейных конфликтов в значительной мере связаны с доверием разных поколений к разным источникам информации. Молодежь считает причиной межпоколенных конфликтов информационную безграмотность, использование старшими поколениями узкого круга необъективных, ангажированных источников, подверженность манипуляциям со стороны официальных СМИ: *«я стараюсь держать такой нейтралитет… у нас очень разные мнения со старшим поколением: с бабушкой, с мамой. Потому что они, преимущественно, получают информацию только из новостных источников, а, по моему мнению, там очень много чего умалчивается и показывается ситуация с одной стороны… И у меня, как бы, другая картинка всего происходящего» (№8).* Старшие члены семьи, по мнению молодежи, излишне доверяют телевидению, официальным СМИ, не умеют отбирать источники информации, критически их анализировать.

Молодежь демонстрирует высокий уровень недоверия к телевидению, особенно официальным каналам [6], активно использует интернет, социальные сети, альтернативные СМИ и СМК, доверяет информации, полученной из первых рук, в личных контактах, от реальных людей, знакомых, друзей, «очевидцев» [7; 8, с. 130]. Но в этом есть риск принятия на веру всего, что говорят «очевидцы», истинные и мнимые. Многообразие источников информации, которые использует молодежь, как правило, не учитывает их качество, содержательное разнообразие, центры координации: *«всегда нужно смотреть разные источники информации, чтобы как-то ну золотую середину определять. Да, вот сейчас буду перечислять. Тик-ток, ватсап, телеграмм, спотифай… Авито… Вайлдберриз, майкрософт тимс… обычные сообщения мне кто-то присылает... каналы в телеграмме, Вконтакте… в яндекс в*

поисковике, гугл, новостные программы Россия и Первый канал» (№3). Молодежь высоко оценивает собственную информированность, способность мыслить критически и правильно отбирать источники информации, но это не всегда соответствует действительности. Недоверие к официальным СМИ приводит к недоверию власти, мнению старших поколений, усиливает различия в оценках проблемы. Если возникают конфликты на этой почве, избираемая молодежью стратегия избегания, отказа от обсуждений ради мира в семье усиливает внутреннюю тревожность, отчуждение, приводит к нарушению коммуникаций.

Выводы

На материалах 10 фокус-групп мы, с одной стороны, видим поляризацию мнений внутри самой студенческой молодежи, а с другой, – примеры как единства, так и разногласий в оценках проблемы у представителей разных поколений в семьях студентов. Часть молодежи отмечает противоречия со старшими членами семьи. Полагаем, причиной разногласий выступает нарушение межпоколенного диалога, необходимого «для оптимальной социализации молодёжи и для ресоциализации более старших поколений» [9, с. 13]. В отсутствие диалога нарастают риски разрыва связи поколений вследствие разрыва культур. В конфликтных ситуациях постфигуративная культура (по М. Мид) старших сталкивается с префигуративной культурой, которую транслирует студенческая молодежь. В семьях, где возникают конфликты мнений, как правило, ни старшие члены семьи, ни молодежь не готовы слышать и учиться друг у друга, используя диалог и компромиссы кофигуративной культуры. Проблемы удается избежать тем семьям, в которых мнения разных поколений совпадают, либо происходит выстраивание конструктивных отношений на основе уважительного отношения к мнениям всех членов семьи. Представителям «нулевого» или «первого» поколения «бабушек» и «дедушек», «второго» поколения «родителей» и «третьего» поколения молодежи важно слышать друг друга, а социологическая наука, обнаруживающая причины проблем и артикулирующая их публично, способна стать посредником в диалоге поколений.

Список информантов

(№1) М., 21 год, 4 курс, «Политология», Южный федеральный университет, ноябрь 2022

(№ 2) Ж., 20 лет, 3 курс, «Ветеринария», Донской государственный аграрный университет, ноябрь 2022

(№3) М., 21 год, 2 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, март 2022

(№4) Ж., 20 лет, 2 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, март 2022

(№5) М., 18 лет, 1 курс, «Автоматизация производственных процессов в машиностроении», Донской государственный технический университет, ноябрь 2022

(№6) М., 20 лет, 2 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, март 2022

(№7) М., 20 лет, 3 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, ноябрь 2022

(№8) Ж., 20 лет, 3 курс, «Промышленное и гражданское строительство», Донской государственный технический университет, ноябрь 2022

Список литературы

1. Певная М.В., Шуклина Е. А., Киенко Т.С., Тарасова А.Н., Андрианова Е.В., Худякова М.В., Шаповалова И.С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года). // Научный результат. Социология и управление. 2022. № 8(3). С. 116-136.
2. Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. / Перевод с английского и послесловие Т.С. Васильевой. М: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
3. Corbin J., Strauss A. Grounded Theory Research: Procedures, Canons, and Evaluative. Criteria Qualitative Sociology. 1990. Vol. 13. No. 1: 3-21. DOI: 10.1007/BF00988593.
4. Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. 1967. Reprinted 2006: New Brunswick and London: Aldine Transaction.
5. Троцук И.В. «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 2. С. 19-35.
6. Левада-центр. Восприятие новостной информации среди россиян (16 августа 2022). [Электронный ресурс] // URL: https://www.levada.ru/2022/08/16/vospriyatie -novostnoj-informatsii-sredi-rossiyan-otnoshenie-k-presledovaniyu-v-internete/ (дата обращения: 17.11.2022). АНО “Левада-Центр”, внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента .

7. Козырьков В.П., Ушакова Я.В., Шалютина Н.В. Особенности формирования доверия учащейся молодёжи к информации в медиасетях. // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 9-2(34). С. 131-146.

8. Ягудина А.Р., Кочеткова С.Ф., Валеев Д.М. Проблемы доверия к средствам массовой информации в современной молодежной среде. // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2(5). С. 125-130.

9. Лебедева Л.Г. Социоинституциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе. Автореферат диссерт. на соискание уч. степени к.соц.н., 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Санкт-Петербург, 2017, 32 с.

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

MENTORING AS AN INSTITUTION OF PROFESSIONAL FORMATION OF YOUNG TEACHERS IN THE EDUCATION SYSTEM ON THE EXAMPLE OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

К.Г. Колесникова
ФНИСЦ РАН, г. Москва
K.G. Kolesnikova
FNISC RAS, Moscow

Рассматривается наставничество как институт профессионально становления педагогов на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в системе образования. Приводится опыт использования наставничества в различных проектах региона. Раскрываются возможности наставничества в процессе реализации проектов с участием молодых и более опытных педагогов, основанных на решении актуальной педагогической проблемы.

The article considers mentoring as an institution of professional formation of teachers on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra in the education system. The experience of using mentoring in various projects of the region is given. It also reveals the possibilities of mentoring in the process of implementing projects with the participation of young and more experienced teachers based on solving an urgent pedagogical problem.

Ключевые слова: наставничество, молодые педагоги, система образования, молодые специалисты

Keywords: mentoring, young teachers, education system, young specialists

Вопрос наставничества привлекает внимание педагогического сообщества, прежде всего, как востребованная и актуальная практика в социальной и образовательной сферах.

Наставничество – способ передачи знаний, умений, навыков молодому человеку от более опытного и знающего, предоставление молодым людям помощи и совета, оказание необходимой поддержки в социализации и взрослении. Это древнейшая форма обучения старшими младших прикладным знаниям, необходимому поведению, инструментальным навыкам, формирования у них жизненных ценностей и позитивных установок. Это взаимодействие осуществляется в неформальном общении и не связано с официальными отношениями. При этом оно позволяет достичь максимально эффективных результатов воздействия на развивающуюся личность, помогает молодым людям определиться в жизни и реализовать свой потенциал.

Наставничество становится неотъемлемым компонентом современной системы образования, создает новую плодотворную среду, в которой раскрывается потенциал всех участников образовательного процесса: молодых специалистов, представителей организаций региона, учителей, студентов, родителей, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами педагогики. Для образовательного сообщества программа наставничества – это полноценный канал обогащения опытом. Такая технология позволяет получать опыт, знания, формировать навыки, компетенции и ценности быстрее, чем другие способы передачи (учебные пособия, урочная система, самостоятельная и проектная работа, формализованное общение).

2023 год объявлен годом педагога и наставника в Российской Федерации. Планируется, что к 2024 году во всех российских регионах, благодаря нацпроекту «Образование», будет действовать единая федеральная система научно-методического сопровождения, а 28% педагогов пройдут курсы повышения квалификации и получат дополнительные компетенции.

С 2016 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре действует свыше 100 региональных проектов по развитию системы наставничества педагогических работников образовательных организаций, один из которых «Молодые – молодым», когда молодые профессионалы образования и победители профессиональных конкурсов становятся наставниками для своих начинающих коллег (реверсивное наставничество). Формы взаимодействия наставника и молодого специалиста: 35,4% – консультация по просьбе молодого педагога; 34,8% – оказание методической помощи (беседы, советы, подбор методической литературы, участие в конкурсах); 27,3% – посещение наставником уроков молодого педагога с последующим анализом; 2,5% – иные

формы (методические объединения, педсоветы, конференции, участие в конкурсах). Системная работа с молодыми специалистами является одним из ключевых фокусов современной кадровой политики Ханты-Мансийской окружной организации Профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации [1, с. 12].

С 2019 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре функционирует 286 муниципальных общеобразовательных организаций (исключая подведомственные 13 организаций, в том числе школы для обучающихся с ОВЗ), в которых трудится 15 793 педагогических работника. Из них – молодые педагоги в возрасте до 35 лет – 8 638чел. (45,7%); – молодые педагоги в возрасте до 35 лет со стажем менее 3 лет. [1, с. 13].

В ходе мониторинга было выявлено, что молодые педагоги со стажем работы до 3-х лет охвачены в муниципалитетах разными формами поддержки и сопровождения. Из 6578 начинающих педагогов охвачено на разных уровнях:

- наставничеством – 1207 чел. (97,7%)
- тьюторством – 377 чел. (30,5%)
- стажировками – 424 чл. (32%)
- форумами и конференциями – 2371 чел. (192%)
- мастер-классами – 2199 чел. (178%).

Данная статистика указывает, что наиболее популярной формой повышения профессионального мастерства педагогической молодежи является наставничество. Тьюторство как новая форма сопровождения профессионализации еще не получило широкого распространения в регионе [1, с. 14].

Немаловажно отметить, что в университетах применяются традиционные формы сопровождения молодых педагогов, наибольший акцент ставится на повышении квалификации по дополнительным профессиональным программам, программам магистратуры, на привлечении молодых преподавателей ВУЗа и молодых педагогов общеобразовательных организаций, в том числе являющихся выпускниками данных вузов, к участию в форумах и конференциях, совместной исследовательской работе на кафедрах. В СурГПУ с 2016 г. проводится региональный форум «Молодой педагог и вызовы времени». В НВГУ с 2010 г. работает Совет молодых ученых и специалистов, в составе Учебно-методического совета действует Комиссия молодых педагогов, наставничество (тьюторство) отражено в функциональных обязанностях профессорско-преподавательского состава, создана Ассоциация выпускников; преподавателями ВУЗов осуществляется методическая помощь молодым

педагогам по подготовке к конкурсам профессионального мастерства. Вместе с тем необходимо отметить следующее: – практика совета молодых ученых и специалистов отражена только в Нижневартовском государственном университете. Не нашел широкого распространения современный инструментарий поддержки молодых педагогов: инновационные модели наставничества (тьторства), сетевые сообщества, ассоциации, стажировки, мастер-классы; недостаточно представлена нормативно-правовая база по сопровождению молодых педагогов [2, с. 19]. Нельзя не отметить и такой факт, как профессиональная преемственность или династии как социальный ресурс воспроизводства профессиональных групп, который базируются на междисциплинарном подходе изучения этого социального феномена (социология, экономика, философия, психология, история), «обладающего» межпоколенческим семейным ресурсом, семейной профессиональной стратегией, неформальными методами и практиками воспитания в сложившейся профессиональной среде в условиях изменяющихся экономических, научно-технических, социальных и культурных реалий, которая обеспечивает условия для эффективной адаптации и карьерной реализации молодого поколения, с одной стороны, способствует осознанию изменений векторов развития и перспектив трансформирующегося общества и адаптации к условиям ускоряющегося научно- технического прогресса и психолого- культурных взаимодействий с социумом старшего поколения, с другой стороны.

Исходя из анализа данной темы, можно сформулировать следующий вывод: наставничество сегодня имеет ряд эффективно применимых практик на всей территории Российской Федерации. С точки зрения научного подхода, наставничество набирает обороты изучения и требует детального исследования. [2, с. 149-175].

Список литературы

1. Е.Г. Мазурова – Ханты-Мансийск, Институт развития образования, 2019 Информационно-аналитические материалы по итогам проведения мониторинга организации работы по поддержке и сопровождению педагогических работников в возрасте до 35 лет, в том числе со стажем работы до трех, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: сборник / автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования [Электронный ресурс] // URL: https://oktcro.ru/files/Nastavnichestvo/Inform_pedagogi.pdf С 12- (дата обращения: 29.04.2023).

2. Мансуров В.А. Иванова Е.Ю. Колесникова Е.М. Мамонова О.Н. Семенова А.В. Шатрова Е.А. Юрченко О.В. Юрьев П.С., Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: Новый Хронограф, 2022. – С. 149-175.

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ УНИВЕРСИТЕТОМ И АБИТУРИЕНТАМИ. КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ И МЕЖПОКОЛЕННЫЙ РАЗРЫВ

THE PROBLEM OF COMMUNICATION BETWEEN THE UNIVERSITY AND APPLICANTS. COMMUNICATION BARRIERS AND THE INTERGENERATIONAL GAP

А.И. Рыхтик
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород
A.I. Ryhtik
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod

Рассматривается коммуникация между абитуриентом и университетом, согласно линейной модели акта коммуникации Г.Д. Лассуэлла. Определены барьеры в процессе коммуникации абитуриента и университета, обозначены различия в выбираемых способах и каналах коммуникации, обусловленные, в частности, межпоколенным разрывом между сотрудниками университета и абитуриентами.

The communication between the applicant and the university is considered according to the linear model of the communication act by G.D. Lasswell. The author identifies barriers in the process of communication between the applicant and the university, identifies differences in the chosen methods and channels of communication, due, in particular, to the intergenerational gap between university staff and applicants.

Ключевые слова: абитуриенты, коммуникация, коммуникационные барьеры

Keywords: applicants, communication, communication barriers

За последние годы, начиная с введения Единого государственного экзамена и заканчивая разрешением электронных способов подачи документов в университет [1], с одной стороны, коммуникация абитуриента и университета всё больше переходит в онлайн-формат, а, с другой стороны, конкурентность

среди университетов не ограничивается пределами региона, а расширяется по всей России. Встает вопрос об эффективности коммуникации между абитуриентом и университетом, возможных барьерах в процессе коммуникации и поиске новых форм и видов коммуникации с абитуриентами. Таким образом, существующая система приема в российские вузы, которая с каждым годом претерпевает значительные изменения, вынуждает выстраивать новые способы коммуникации между абитуриентом и университетом.

Рассмотрим коммуникацию абитуриента и университета на основе линейной модели акта коммуникации, предложенной Г.Д. Лассуэллом [2]. Линейная модель Г.Д. Лассуэлла включает ответы на следующие вопросы: Кто передает информацию? Что сообщает? По какому каналу? Кому? Какой результат?

Кто передает информацию? Коммуникатором, исходя из специфики модели Г.Д. Лассуэлла, является университет. Вуз как сложная многокомпонентная структура передает сообщение как посредством сотрудников приемной комиссии, так и представителей отдельных факультетов и институтов. Здесь возникает проблема многовариативности коммуникатора: адресат сообщения не знает структуру университета, с кем конкретно общается и откуда ждать сообщение. Для профориентации абитуриентов в большинстве вузов используют комплексный подход, могут быть задействованы сотрудники приемной комиссии, представители факультетов и институтов, создан отдел профориентации абитуриентов, маркетинга в образовательной среде, работает пиар-служба [3]. Часто возникает несогласованность отдельных служб работы с абитуриентами или повышенная бюрократизация в принятии решений отдельными структурами университета.

Что сообщает? Спецификой сообщения является информация о вузе, о способах поступления, о проходных баллах, количестве бюджетных мест и процессе обучения. Возникает другая сложность, которая может стать барьером коммуникации, – это язык передачи сообщения. Сообщение от сотрудников вуза, написанное сугубо на научном или академическом языке, может быть непонятным для абитуриентов. Углубленные знания сотрудников университета о направлении подготовки и специфике обучения здесь только помешают коммуникации, важность которой – говорить о сложном простым, понятным языком для абитуриента. Поколение абитуриентов 2023 выросло на диджитализации и упрощении всех видов информации из-за ситуации перенасыщенного информационного потока, который поступает из открытых информационных источников [4]. Преподаватели и сотрудники вуза, наоборот, концентрируют свое внимание на деталях и специфике отдельного предмета или

области изучения, не разъясняя и не обобщая информацию для абитуриентов.

По какому каналу? В условиях глобальной информатизации вузов существует множество каналов для передачи сообщения. Важно определить канал, где сконцентрирована целевая аудитория вуза. С переходом университетов в онлайн-формат расширяется информационное поле для коммуникации. Это могут быть и социальные сети, и страница для абитуриентов на сайте университета, и страницы для абитуриентов на сайте факультетов и институтов, электронная почта, мессенджеры. Классическими вариантами остаются очные мероприятия для абитуриентов: Дни открытых дверей, каникулярные школы, научно-популярные лекции и экскурсии. Стратегий размещения сообщения у вузов может быть несколько: размещать информацию во всех каналах коммуникации, доступных вузу, или ограничить сферу своего влияния. Часто возникает проблема «ошибочного» выбора канала коммуникации, когда информация не доходит до абитуриента. Это может возникать по причине непонимания своей целевой аудитории и нежелания менять привычные способы коммуникации. Например, когда поколение преподавателей и сотрудников вуза в силу привычки размещают свою рекламу на телевидении, а абитуриенты давно перешли в информационное поле социальных сетей.

Кому? Адресатами сообщения являются абитуриенты. Коммуникация усложняется тем, что абитуриенты – представители молодого поколения, средний возраст которых 18 лет [5]. В силу молодого возраста и отсутствия опыта у абитуриентов имеется лишь поверхностное мнение о своей предполагаемой профессии. Их ценности ещё не до конца сформированы, а желания и интересы по поводу выбора своей образовательной траектории часто подвержены изменениям. На их мнение в равной степени могут влиять родители, сверстники, блогеры, отзывы студентов или выпускников университета [6].

Какой результат? Эффективность коммуникации, с точки зрения университета, измеряется количеством абитуриентов, которые подали документы в университет, количеством зачисленных и как сверхзадача – количеством квалифицированных специалистов, которые, в том числе, выбрали своей профессией научную сферу. С точки зрения абитуриента, насколько ожидания абитуриента оправдались при коммуникации с университетом, понял и заинтересовался ли он сообщением и какое мнение у него сложилось о вузе.

В условиях перенасыщения информации по поводу поступления и выбора профессии абитуриентам сложно сконцентрировать свое внимание на одной новости или объявлении. Коммуникация усложняется и тем, что ценности вуза,

способы коммуникации и тип выбираемого канала коммуникации отличны от тех, которые присущи абитуриентам. Возникает ситуация, когда сообщение вуза не доходит до абитуриента или не понимаемо им, появляются барьеры в коммуникации, в частности, из-за межпоколенного разрыва между сотрудниками университета и абитуриентами. Изучение способов коммуникации вуза с абитуриентами и ожиданий абитуриентов от коммуникации с вузом в рамках социологических исследований способствует поиску решений в преодолении барьеров в коммуникации.

Список литературы

1. Приказ Минобрнауки России от 21.08.2020 № 1076 (ред. от 10.02.2023) «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 N 59805). – [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362209/ (дата обращения: 10.04.2023).
2. Laswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society / H.D. Laswell // The Communication of Ideas / ed. L. Bryson. – New York: Harper abd Brothers, 1948, P. 37–51.
3. Зайцева С.А., Киселев В.С. Организация профориентационной работы вуза со школьниками / С.А. Зайцева, В.С. Киселев // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. – С. 1-10.
4. Дворянчиков Я.В., Михайлов В.А., Шепелева Е.С. Особенности коммуникации поколения Z в сфере высшего образования // Молодежь и государство: научно-методологические, социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования. Международный и российский опыт. Сборник трудов XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под редакцией М.А. Крыловой. Тверь, 2022. – С. 126-130.
5. Рябоконь М.В. Социальные компоненты поведения абитуриентов (на примере классического университета). – автореферат на соис. уч. ст. к.с.н. – Н.Новгород: ННГУ, 2017. – 20 с.
6. Иудин А.А., Ситникова И.В., Тюнтяев А.С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов (часть 3) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). – С. 61-70.

РЕСЕНТИМЕНТ И ПРОЗЕЛИТИЗМ: НЕГАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В СОЦИОКУЛЬУРНОМ РАЗВИТИИ МОЛОДЕЖИ

RESENTMENT AND PROSELYTIZING: NEGATIVE SOCIAL FACTORS IN THE SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF YOUNG PEOPLE

С.М. Тихомиров
Экспертно-правовой центр «Куаттро», г. Санкт-Петербург
S.M. Tikhomirov
Expert-legal center «Quattro», Saint-Petersburg

Рассмотрено воздействие ресентимента и прозелитизма как факторов негативного влияния на социокультурное развитие молодёжи. Выявлено возникновение ресентимента в молодёжной среде, распространяемость путём прозелитизма идеологии наркотизма. Результат влияния этих факторов – девиантное поведение, вовлечение молодёжи в потребление наркотиков и связанную с ним преступную деятельность. Предложены меры, противодействующие увеличению ресентимента и наркогенной девиантности в молодёжной среде.

The impact of sentiment and proselytism as factors of negative impact on the socio-cultural development of young people is considered. The emergence of sentiment in the youth environment, the spread of drug ideology through proselytism was revealed. The result of the influence of these factors - deviant behavior, the involvement of young people in drug use and related criminal activity. Proposed measures to counteract the increase in resentiment and drug-related deviancy in the you environment.

Ключевые слова: ресентимент, прозелитизм, девиация, наркотизм, преступность, противодействие

Keywords: resentiment, proselytism, deviance, drug use, crime, counteraction

Процессы глобализации, цифровизации, увеличения объёма и скорости поступления информации ускоряют социальные процессы в мире и в России. Общество трансформируется в одинокую толпу, социальные институты уже не способны сохранять его структуру, нормативность поведения людей. Глобальная сеть Интернет являет собой лишь цифровую соску-пустышку, использование которой только углубляет чувство одиночества. Такая ситуация существенно увеличивает рост девиаций и, соответственно, девиантов.

Отсутствие планирования экономического развития страны привело к увеличению безработицы в среде прежде всего молодых выпускников вузов. Это продолжается уже не один год. В качестве примера можно привести следующее: в 1995 году в Санкт-Петербурге реализовывалась государственная межведомственная программа противодействия эфедроновой наркомании. При

рассмотрении случаев изготовления наркотиков в вузах города обнаружилось, что ежегодно 250 выпускников получают дипломы химиков. А устроиться на работу по специальности могут не более 25 % из них. Факт подтверждает сильную социальную уязвимость молодёжи воздействию негативных социальных факторов, приводящих к исключению из общества.

Увеличение дифференциации в обществе способствует маргинализации и люмпенизации населения. Недостаток условий для полноценной социализации в современном российском обществе, отсутствие меритократии приводят к возникновению и развитию в обществе множественных негативных явлений, среди которых значимое место занимает ресентимент.

Исследование ресентимента выявило, что он характеризуется ожесточением человека, формированием отрицательного отношения к исключению его из общества [1]. Социальная неудовлетворенность легко становится триггером для совершения девиантного поступка, который лишь на время смягчает испытываемую напряженность. Уже повтор поступка часто приводит к его официальной фиксации, то есть «клеймению» человека как девианта.

Этот ярлык, как показывает практика, формирует «ресентиментную доминанту» [2]. Она всегда деструктивна: если виновным, по мнению человека, становится отторгнувшее его общество, то возникает желание мстить, агрессивные намерения противодействия; если же человек признаёт виновным в произошедшем себя, то паттерном поведения будет аутоагрессия, самодеструкция, которая может выражаться в потреблении алкоголя, наркотиков, суицидальном поведении.

Эти проявления не единичны, а закономерны. Наркологическая ситуация в российской молодёжной среде является напряжённой [3]. Студенты- медики не являются исключением. Проведённое с участием автора исследование наркотизации студентов в медицинском вузе выявило, что общее количество имеющих опыт потребления студентов из 470 обследованных составляет 11 % [4].

Распространенность в современном обществе феномена отчуждённости порождает беспокойство, тревогу [5]; попытки избежать которых приводят молодых людей к поискам своего «малого мира» [6].

Переход молодёжи от жизни в кругу родных и близких, разобщение с ними часто порождают пренебрежение социальными нормами поведения. Попытки преодоления стресса одиночества, пребывания вне общества быстро приводят потребителей наркотиков (и других девиантов) к поиску и объединению с себе подобными, группускулярности. Пребывание в

референтной группе быстро меняет индивидуальные взгляды на жизнь, усваивая идеологию, мировосприятия, мировоззрения коллектива (группы). Взаимодействие с другими потребителями наркотиков происходит под влиянием такого негативного социального фактора, как прозелитизм.

Прозелитизм в рассматриваемой ситуации можно определить как навязывание наркоманической идеологии, образа жизни, основой которого является гедонизм, неприятие систематического труда, негативное отношение к запрету потребления наркотиков без назначения врача, отрицательное мнение по поводу ограничения прав и свобод, причисление себя к угнетаемым меньшинствам. К этому присоединяется участие в движениях по декриминализации немедицинского потребления наркотиков, усвоение жаргона наркотизма.

Потребитель наркотиков после интериоризации идеологии наркотизма начинает считать её «своей» и ретранслировать в ближайшем окружении, нередко сопровождая это распространением наркотических средств. Происходит превращение неофита в очередного прозелита наркотизма. Система жизненных ценностей у него меняется, круг интересов сужается, общение начинает ограничиваться контактами с другими потребителями наркотиков на жаргоне контркультуры наркотизма. Такова динамика девиантной карьеры.

Социальные институты общества в России слабы, не могут оказать действенного сопротивления идеологии наркотизма и гедонизма. Противодействие репрессивными методами не приводит к заметному положительному влиянию на наркологическую ситуацию в стране, которая остаётся напряженной. Даже дополнительное возвращение принудительного лечения лиц с наркотической зависимостью не приводит к снижению остроты проблемы наркотизма. Изолированное применение медицинской модели даёт кратковременные результаты. Коммуникативная цифровая сеть Интернет в это же время хранит и поддерживает уже миллионы (!) сайтов, пропагандирующих потребление наркотиков, гедонистический образ жизни, отстаивающих ненаказуемое потребление наркотиков в качестве неотъемлемого права каждого человека.

Причина усматривается в отсутствии целостного подхода к решению задачи по противодействию наркотизму в российском обществе. Противодействие наркотизму реально осуществляется только органами правопорядка и здравоохранения. Профилактика потребления наркотиков на постоянной основе в образовательных учреждениях была прекращена в 2009 г. Расходование средств, выделяемых в настоящее время из государственного бюджета для проведения профилактики потребления наркотиков в подростковой

и молодёжной среде, осуществляется в виде финансирования отдельных мероприятий антинаркотической направленности. Проведение одноразовых мероприятий практически не имеет эффективности, так как сведения о них на 80 % исчезают из кратковременной памяти уже через месяц. Для перехода в долговременную память профилактической информации нужны повторения для выработки навыков здорового образа жизни.

Некоторую оптимизацию в процесс оздоровления социокультурных взаимодействий в молодежной среде мог бы принести ведомственный нормативный акт о расширении возможностей получения социальной помощи лицам с наркотической зависимостью [7]. Рассмотрение этого документа с социологических позиций показывает его неполноту для решения поставленной задачи, оставления ключевого вопроса о трудовой реабилитации наркозависимых без решения. Вопрос о социальной реабилитации наркозависимых лиц, проходяших принудительное лечение, их трудовом обучении и трудоустройстве, оставлен без рассмотрения.

Для системного, интегративного оздоровления молодёжи необходимо создание атмосферы здоровья, в том числе социального, ликвидировать препятствия для её инклюзии и реинклюзии в законопослушное общество.

Система оздоровления социокультурного пространства молодёжи, чтобы быть целостной, должна включать:

1. Проведение на постоянной основе профилактики потребления всех психоактивных веществ и формирования здорового образа жизни (ЗОЖ). В средней школе это возможно сделать на базе предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» и всех предметов, в процессе получения образования, начиная с первого класса. Необходимо максимально вовлекать родителей в эту работу, получать от них и детей обратную связь, проводить анализ и оценку реализации и эффективности выполненной программы.

2. В медицинских ссузах и вузах такую программу профилактики необходимо и возможно реализовывать в рамках всех преподаваемых предметов. В других ссузах и вузах необходимо будет ввести элективный курс для формирования у студентов установки на формирование ЗОЖ.

3. В рамках вторичной профилактики для лиц с уже установленной наркотической зависимостью необходимо квотирование рабочих мест, хотя бы на региональном уровне, что требует принятия регионального закона, так как федеральный закон по этому вопросу отсутствует. Без решения вопроса о трудоустройстве наркозависимые лица, не имея финансовой автономности, вернутся к девиантному образу жизни, наркопотреблению и наркоторговле. Во многих случаях обязательным становится трудовое обучение.

4. Социальную помощь необходимо в обязательном порядке лицензировать.

Чем больше стандартов и регламентируемых требований, тем деятельность становится предсказуемой, вызывает меньше споров и разногласий при её анализе и оценке результатов. Это позволит контролировать частные и работающие в рамках частно-государственного партнёрства реабилитационные центры. Иначе остаётся высоким и неуправляемым риск попадания лиц с девиантным поведением (не только наркозависимых) в различные тоталитарные секты и преступные организации, где они будут подвергаться насильственной религизации и подневольному неоплачиваемому труду.

Решение задачи оздоровления социокультурного «климата» молодёжной среды невозможно в рамках монодисциплинарной модели, так как человек биопсихосоциален.

Необходима интеграция усилий всех наук о человеке и обществе в сфере оздоровления общественной жизни [8].

Список литературы

1. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.

2. Исаченко Н.Н. Ресентимент как социальное явление современного общества //Общество: философия, история, культура, 2018. Вып. 4. С. 12-14.

3. Маслова Л.П. Девиантное поведение в студенческом сообществе – Казань, Казанский университет, 2022. 109 с.

4. Ипатова К.А. Организация и методы профилактики потребления психоактивных веществ в медицинском вузе / К.А. Ипатова, С.М. Тихомиров, О.В. Тюсова, Е.Р. Исаева. – СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2018. С. 16-22.

5. Fromm E.S. The anatomy of human destructiveness. New York, Holt, Rinehard and Winston, 1973. 388 p.

6. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. New York: Doubleday, 1966. 249 p.

7. Приказ Минздрава РФ и Минтруда РФ №208н/432н от 03 мая 2023 года «Об утверждении порядка прохождения больными наркоманией медицинской и социальной реабилитации» [Электронный ресурс] http: //publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202305100010 (дата обращения 19.05.2023).

8. Социальная реинтеграция в сфере здорового образа жизни / Под ред И.А. Винер-Усмановой, И.В. Агличевой, В.В. Аршиновой. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2022. 124 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ – КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

COMMUNICATIVE PRACTICES IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION – CULTURAL ANALYSIS

И.А. Урмина
Российский государственный социальный университет
I.A. Urmina
Russian State Social University

Анализируется процесс формирования у студентов высшей школы способностей самостоятельного решения жизненных задач на основе приобретенных знаний. Оценивается характер актуальных коммуникативных практик как эффективной формы взаимодействия студентов и преподавателей.

The process of higher school students' abilities formation to independently solve life problems on the basis of acquired knowledge is analyzed. The character of actual communicative practices as an effective form of interaction between students and teachers is evaluated.

Ключевые слова: Высшее образование, коммуникативные практики, информационные технологии, медиа.

Keywords: Higher education, communication practices, information technology, media.

Современное высшее образование направлено на реализацию перехода от нарративного обучения к организации помощи студентам в получении знаний, когда ответственность за получаемое образование ложится на них самих. Это предполагает наличие у студента целого ряда способностей: ситуативного подхода к решению жизненных задач на основе приобретенных знаний, творческого и динамичного саморазвития, коммуникативных навыков, необходимых и достаточных для отстаивания своей позиции, умения эффективно использовать профессиональные знания при решении текущих задач. Традиционные оценочные средства или тесты уже не могут определить степень освоения студентами таких компетенций, как способность к обучению, ситуативному анализу, генерации идей.

Коммуникативные практики становятся все более востребованной формой взаимодействия преподавателей и студентов, отражающей последовательность вопросов и ответов, реагирование студентов на задания преподавателя, целенаправленное внимание студентов к содержанию материала, полноценное восприятие текстовых материала вербального и невербального характера. В

образовательном процессе эти практики отражают социогенный тип витальных функций человеческой активности (потребность общения, сопереживание, альтруизм, чувство справедливости, честность), которые реализуются в процессе коммуникативной деятельности, личностно детерминированной различными видами общения. Коммуникация вызывает у человека чувства, переживания, на ее основе происходит общение, складываются определенные отношения, связывающие обучающегося с другими членами группы, ближайшим окружением, обществом в целом.

В XXI в. информационные технологии широко используются преподавателями для повышения интереса студентов к изучаемым проблемам, развития у них образного мышления и мотивации к самостоятельному поиску дополнительных данных. Например, традиционная подготовка презентаций может стать групповым или индивидуальным проектом, что позволяет максимально эффективно закрепить изученный материал: до 90 % знания в этом случае переходит в долговременную память (эффективность закрепления информации на лекции составляет 5%, при самостоятельном чтении – 10%, с помощью аудиовизуальных средств – 20%, при наглядной демонстрации – 30%, в групповой дискуссии – 50%, на практических занятиях – 75%, а при обучении других – 90%) [1]. Интернет предлагает студентам разные технологии совершенствования презентаций (гиперссылки, навигация внутри и вне презентации, звуковое сопровождение). Но работа с сопровождающим визуальный материал учебно-познавательным текстом остается до сих пор проблемной. Из базовых функций такого текста (информационная, развивающая, стимулирующая, моделирующая, управление познавательной деятельностью обучающихся) в процессе обучения можно выделять по необходимости ведущую функцию [2]. В результате студенты интериоризируют текст, представляющий собой репрезентацию фрагмента реальности, фиксируемую генетически разнородными знаковыми системами. Так возникает новое знание, развивающее когнитивные структуры обучающихся и формирующее так необходимые компетенции. Для этого необходима мотивация познавательных интересов у студентов, постоянное их включение в поисковую деятельность учебного характера – смысловую работу с текстами. Анализ опросов о практической реализации подобной учебной работы указывает на следующее. «Студенческое чтение по учебе на ступени бакалавриата не описывается в принципе… как сплошное прочтение текста и может быть обозначено как фрагментарное и «диагональное»… В самоописании практик студентов акцентирована вынужденность реализации, ориентированность на преподавателя и учебная позиция студенческой «подотчетности» [3]. В том, как

студент описывает свое чтение, заметен эффект невключенного посетителя, который спешно проходит через назначенные ему в обучении тексты, «распростертые словно надгробные статуи, которые он пробуждает к жизни и посещает как гость, но собственником которых он никогда не является» [4]. Как результат, вынужденно нарастает самостоятельность в выборе фокуса и материала чтения, что напрямую зависит от образа жизни и возможной профессии студентов.

Хотя студенты регулярно используют масс-медиа, делают они это преимущественно в личных целях (развлекательные ресурсы, новости и т.д.). Образовательные задачи отходят на второй план, к конкретным медийным ресурсам обучающиеся обращаются только по заданию преподавателей, хотя мотивацией может стать и личный интерес к чему-то новому. Наблюдается избирательный характер использования источников информации, как правило, соответствующих личным предпочтениям студентов. Именно поэтому большой популярностью пользуются YouTube и социальные сети, а не традиционные медиа-ресурсы (телевидение, радио, официальные ресурсы). При этом критерии верификации информации меняются во времени в зависимости от опыта медиапотребления и социального опыта респондента. К сожалению, в виртуальной среде широко распространен суррогат знаний, воспринимаемых достоверными, что является результатом низкого доверия обучающихся к транслируемым преподавателями ценностям, знаниям и нормам и повышенного интереса к предложениям внеинституциональных субкультур. Остается открытым и вопрос формирования ответственности на уровне государства и общества за наделение коммуникационного процесса образования ресурсами поддержания непрерывности и актуальности его составляющих, то есть конструирования, воспроизводства и поддержания определенных социальных и культурных образцов.

Роль образования становится особо значимой в век информации и знаний, что означает освоение и интерпретацию ситуаций жизнедеятельности общества в зависимости не только от количества, но и от качества преобразования медиальных информационных ресурсов в достоверные знания, необходимые и достаточные людям для решения их собственных актуальных задач. Образовательный процесс коммуникации формируется как относительно устойчивая система речевых и мыслительных стратегий, направленных на преобразование общего потока информации в специализированные разделы знания, которые транслируются в образовательной среде от поколения к поколению. Следует помнить, что в основе социального института образования заложен устойчивый комплекс закрепленных текстуально социокультурных

норм и конвенций, определяющих специфику образовательных ситуаций как не зависимых от участников практических интеракций, то есть их коммуникаций и взаимодействия при работе с учебно-научными текстами, их интерпретации и актуализации. Именно общество делегирует образованию как социальному институту задачи конструирования и воспроизводства социокультурной реальности, наделяя его ответственностью за трансляцию актуальной совокупности знаний, интерпретаций, поведенческих моделей новым поколениям, отдельные представители которых с различными способностями, возможностями и социокультурными ресурсами могли бы вступать в коммуникации и взаимодействия, понимая друг друга и соизмеряя индивидуальные и коллективные интересы и потребности. Тогда современный образовательный коммуникационный процесс конструируется как унифицирующая смыслообразовательная и воспроизводящая деятельность описательного и разъяснительного характера, направленная на достижение и поддержание «общественного консенсуса».

Список литературы

1. Масачева И.А. Новые информационные технологии в обучении иностранному языку в техническом вузе / Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2014: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. И.В. Рогозиной. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. С. 86 с.

2. Черемисина С.Б. Функции учебно-научного текста / Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2014: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. И.В. Рогозиной. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. С. 33-35.

3. Чудова И.А. Дискурсивные особенности описания практик чтения студентов и научных работников // «Современный дискурс-анализ», Выпуск 26. Часть 2. (2020) http://discourseanalysis.org/ada26_2.shtml (дата обращения: 25.04.2023).

4. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2013. 332 с.

ВЛИЯНИЕ "ЗЕЛЕНОЙ" ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ НА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

INFLUENCE OF GREEN HUMAN RESOURCES MANAGEMENT PRACTICES ON ENVIRONMENTAL PERFORMANCES

Хани Абдул Рашид
Аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Пакистан
Hani Abdul Rasheed
Lobachevsky University, Pakistan

Зеленый HRM – важная тема для обсуждения, поскольку в наше время каждый вид промышленности принимает концепцию экологизации и реализует "зеленую" политику и стратегию, чтобы избежать или уменьшить проблемы и риски, возникающие в связи с деятельностью корпораций. Цель исследования – проанализировать и осветить текущее положение "зеленых" HRM-практик, экологических показателей и экологического энтузиазма в банковском секторе Пакистана, собрав данные от 150 респондентов (HR-менеджеров) из 16 банков. Полученные результаты свидетельствуют, что во всех банках, выбранных в качестве образца, внедряются "зеленые" HRM-практики, персонал увлечен "зеленым" HRM и оказывает положительное воздействие на окружающую среду и вносит свой вклад в ее улучшение и безопасность.

Green HRM is an important topic under discussion where in today’s time every type of industry is adopting the greening concept and implementing green policies and strategy to avoid or reduce challenges and risk which are occurring due to corporate world’s operation. The aim of this research study is to analyse and highlight the current position of green HRM practices, environmental performances and environmental passion in the banking sector of Pakistan, collecting data from 150 respondents (HR managers) considering 16 samples of banks. The findings reveal that all of the selected banks as sample are implementing Green HRM practices, having passionate workforces toward Green HRM and generating positive impact and adding contribution toward environment’s progress and safety.

Ключевые слова: зеленый HR-менеджмент; зеленые политики; экологические показатели; банковский сектор; практики HRM

Keywords: green HRM; green policies; environmental performances; banking sector; HRM practices

В XXI веке все типы организаций проявляют повышенную озабоченность вопросами охраны окружающей среды, поскольку изменение климата становится все более серьезной проблемой для Земли и человечества. На всех уровнях, от государственного до частного, разрабатываются политики и

правила, направленные на контроль ущерба, наносимого окружающей среде, и на минимизацию воздействия промышленной деятельности на окружающую среду и человечество. Это позволяет замедлить процесс нанесения ущерба и сохранить природные ресурсы. Это первая исследовательская работа, которая предлагает полную исследовательскую базу для будущих исследований в области управления "зелеными" человеческими ресурсами в банковском секторе Пакистана. Название исследования "Влияние зеленых практика управления человеческими ресурсами на экологические показатели и экологические установки (исследование в банковском секторе Пакистана)». В области зеленого управления человеческими ресурсами было проделано много работы, но это первая исследовательская работа, в которой подробно рассматриваются зеленые практики управления человеческими ресурсами, связывая их с банковским сектором Пакистана, как эти практики добавляют ценность к экологическим показателям и как создается экологическая страсть. Экологические показатели связаны с безопасностью для природной атмосферы в терминах доходности фирмы.

Быть "зеленым" означает сокращать расходы, экономить энергию, быть дружелюбным к окружающей среде путем заботы об окружающей среде, минимизировать растраты и использование вредных для природы материалов, например, использовать вещи, которые можно переработать [1]. Организации и отделы кадров нуждаются в эффективной "зеленой" стратегии, чтобы использовать ее быстрее: избегать лишних поездок, использовать транспорт, контролировать шум, применять телекоммуникационные методы для проведения онлайн-совещаний и мероприятий через веб-сайты и приложения, держать растения в здании компании в разных местах и офисах сотрудников, чтобы они узнали о важности озеленения [2]. Экологически чистые институты более чутки по отношению к атмосфере, эффективны с точки зрения использования ресурсов и обладают дополнительным сознанием социальных обязательств. Под "зелеными" преимуществами понимается практика и применение продуктов, процессов и структур для поддержания окружающей среды, такие процедуры могут включать появление новых ресурсов управления для удовлетворения потребностей человечества и общества, появление новых инновационных философий, идей и стратегий, которые помогают уменьшить ухудшение состояния окружающей среды [3]. Банковская индустрия с каждым днем пополняется новыми услугами. Предпринимательская деятельность наносит вред окружающей среде, поэтому каждый сектор корпоративного мира внедряет "зеленые" методы и политику [4]. Банковский сектор Пакистана осознает, что "зеленое" управление человеческими ресурсами – это не только

создание бренда, но и инструмент в их бизнесе для сохранения будущих ресурсов. Банковские учреждения используют "зеленое" управление человеческими ресурсами для экологизации других жизненно важных целей организации, таких как набор, отбор, обучение кадров, анализ работы, управление эффективностью, вознаграждение и оплата труда. Адаптация "зеленой" культуры в организации является здоровой и полезной для всей ее команды и партнеров. Зеленая практика – это чистая и здоровая окружающая среда, которая обеспечивает сотрудникам более благоприятные условия для работы и защищает их от многих вредных действий и поступков. Все "зеленые" практики оказывают положительное и здоровое воздействие на физическое и психическое здоровье сотрудников и организации.

Вопросами исследования являются:

1. Каково текущее положение "зеленой" практики управления человеческими ресурсами в банковском секторе Пакистана?

2. Формируются ли экологические показатели и экологическая заинтересованность?

3. Почему организации должны практиковать "зеленое" управление человеческими ресурсами и как HR-функции могут стать более "зелеными"?

В данном исследовании используется количественный метод, содержащий как первичные, так и вторичные данные. Первичные данные собираются с помощью структурной анкеты. Описательный метод исследования помогает автору проанализировать информацию и сделать уточнения. Для оценки "зеленой" практики управления персоналом в организации автор собрал данные у менеджеров по персоналу и попытался представить полученные результаты с помощью статистических тестов. Результаты исследования показывают, что "зеленая" политика и практика генерируют экологические показатели и экологические установки в среде организаций и общества. Каждый банк знает о концепции экологизации и внедряет "зеленые" HRM-практики. Полученные результаты выявили интерес к "зеленому" HRM банков, которые стараются приложить больше усилий для создания "зеленой" культуры в организации, чтобы сделать внедрение "зеленых" практик более эффективным, вызывающим экологическую активность и мотивацию у сотрудников [5]. В связи с изменением климата для организаций важно обеспечить экологический менеджмент. Работа над концепцией "зеленого" HRM является основной обязанностью менеджеров по персоналу, так как она позволяет включить "зеленый" HR в миссию организации. Менеджер по персоналу отвечает за формирование у сотрудников организации мотивации к "зеленой" деятельности, сохранению природных ресурсов, поддержанию экологической устойчивости

посредством применения практик "зеленого" HRM. Наличие "зеленых" HR-практик и их внедрение в бизнес – это путь к созданию безопасной здоровой и "зеленой" среды внутри организации, полезной для всей Земли.

Список литературы

12. Ahmad, S. (2015). Green Human Resource Management: Policies and practices. Cogent. Bus. Manag, 2, 45-60.

13. Blumberg, M.; Pringle, C.D. (2018). The Missing Opportunity in Organizational Research: Some Implications for a Theory of Work Performance. Academy of Management Review, 7 (4), 22-30.

14. Arulrajah, A.A.; Opatha, H.H.D.N.P.; Nawaratne, N.N.J. (2020). Green human resource management practices, 2, 147-163.

15. Lather, A., & Goyal, S. (2015). Impact of Green Human Resource Factors on Environmental Performance in Manufacturing Companies: An Empirical Evidence. Journal of environmental management, 6(3), 23-30.

16. Wright, P. M., Dunford, B. B., & Snell, S. A. (2001). Human resources and the resource based view of the firm. Journal of management, 27(6), 701-721.

ЦЕННОСТНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ В ПОСТКОНФЛИКТНОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

VALUE INTERRELATION OF GENERATIONS IN THE POST-CONFLICT REGIONAL SPACE

М.М. Юсупов

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный

Musa M.Yusupov

Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny

Рассматривается социокультурная взаимосвязь поколений, выявляется через оценки студенческой молодежи отношение трех поколений к традициям, религии, исторической памяти, языку, уровень знания местной и региональной истории. Раскрываются черты характера представителей разных поколений, выясняется корреляция ценностей «успех», «выгода», по мнению студентов, с реальным и идеальным обществом, характеризуется выраженность толерантности к лицам других национальностей и вероисповедания.

The article examines the socio-cultural interrelationship of generations, reveals through the assessment of student youth the attitude of three generations to traditions, religion, historical memory, language, the level of knowledge of local and regional

history. The character traits of representatives of different generations are revealed, the correlation of the values "success", "benefit" in the opinion of students with a real and ideal society is revealed, the severity of tolerance towards people of other nationalities and religions is characterized.

Ключевые слова: поколение, ценности, конфликт, регион, традиции, родители, дети
Keywords: generation, values, conflict, region, traditions, parents, children

Социокультурная связь поколений определяется ценностной ориентацией предыдущего и нового поколений, характеризуется социальными изменениями, уровнем социального благополучия, включенностью в процесс цифровизации общества. Объектом исследования являются студенты вузов разной специализации, предметом – специфика взаимосвязи поколений в постконфликтном региональном пространстве. Цель – раскрыть отношение поколений к традиционным и современным ценностям через представления студенческой молодежи.

Материалы и метод. В исследовании применен антропосоциокультурный подход, предусматривающий рассмотрение связи поколений через систему отношений «человек – общество – культура». В качестве инструментария использовалась анкета по теме «Культурное наследие и связь поколений», разработанная инициативной группой Российского общества социологов (РОС). Операционализация понятий «ценности» и «взаимосвязь поколений» произведена выстраиванием переменных, характеризующих отношение к традициям и обычаям, исторической памяти, языку, религии.

Выборка по Чеченской Республике является сегментом международного исследования, проведённого в 2022 г. в России и странах СНГ под руководством РОС. Всего опрошено 302 студента в трёх высших учебных заведениях. Среди опрошенных студентов в возрасте 18-20 лет – 71,5%, гуманитарной специализации – 56,3%, остальные социально-экономической, технической, естественно-научной, медицинской. Опрос был организован размещением анкеты на платформе Googl.

Обзор Поколения и межпоколенческие отличия изучали древние мыслители и философы нового времени, а также классики социологии. Эта проблематика широко освещается в прикладных исследованиях зарубежных и российских ученых. В теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау содержится идея о циклической смене поколений с повторяющимися ценностями и настроениями [1].

Изменения происходят в межпоколенческих отношениях, когда младшие возрастные когорты взрослеют, приобретают политический вес и замещают старшие в политических институтах [2]. Причем статичные общества, которые развиваются постепенно при медленном темпе изменений, опираются на опыт старших поколений, сопротивляются реализации скрытых возможностей молодежи [3, с. 572].

В смене поколений социокультурное воспроизводство обеспечивается не отдельными элементами, а комплексом бессознательных (архетипами, ментальными чертами, габитуальными установками, стереотипами) и осознаваемых смысловых компонентов базовой культуры и субкультуры [4, с. 138].

В этом процессе молодое поколение чаще обеспечивает распространение инноваций, старшее поколение регламентирует масштабы и области их применения [5, с. 9].

В то же время представления россиян относительно возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста устойчивы. Свыше половины респондентов оценивали такую возможность позитивно в течение 1994–2019 гг. [6, с. 51].

Вместе с тем, социологические исследования свидетельствуют о качественном отличии поколений, обусловленного глобализацией всех сфер жизни, соотношением систем ценностей предыдущих и новых поколений [7, с. 188].

Результат. Преобладающее большинство опрошенных студентов проживают в семьях со своими родителями (82,1%), на съемной квартире (7,9%), в общежитии (2,6%). Как видим, значительная часть студентов находится в повседневных контактах с родителями, другими родственниками и знакомыми, старшими и сверстниками.

Социализация 2/3 респондентов в возрасте 18-20 лет протекала в послевоенный период мирного строительства и возрождения региона. Родители их имеют другой социальный опыт, они взрослели во время социального кризиса, конфликта, пережили две войны. Дедушки и бабушки опрошенных студентов являются детьми и внуками депортированных в 1944 г. Именно из этой среды вышли активные участники политического процесса на рубеже 90-х годов XX в. в регионе.

Встает вопрос, как такой социально-исторический опыт трех поколений оказывает влияние на сохранение и соблюдение традиций и обычаев? Уважают и соблюдают народные обычаи лично 83,1% опрошенных студентов, на их взгляд, родители – 92,3%, бабушки и дедушки – 92,7%. Высок уровень знания и

использования родного языка, учат, пользуются им в повседневной жизни – 82,2%, мамы и папы – 86,3%. Знают историю города, села, где живут, – лично свыше двух третей респондентов, мамы и папы – 87,0%, бабушки и дедушки – 93,7%.

Оценки и самооценки соблюдения традиций и обычаев, наличия исторических знаний могут быть несколько завышены, скорее отражают ценностные установки, которые более устойчивы, чем меняющаяся социальная практика. Более того, выраженность ценностных ориентаций бывает различной у представителей разных социальных слоев.

Согласно одному исследованию, наименьшее количество молодых людей, стремящихся понять поступки и действия своих предков, наблюдается в группе респондентов, представляющих бизнес-сообщество (30%). Но наибольшее количество выявлено среди интеллигенции (70%), среди детей рабочих (65%) [8].

В исследовании выяснялось гипотетическое проявление личных качеств в реальном и идеальном обществе. В числе личных качеств в современном обществе названы взаимопомощь – 61,3%, идеальном –71,9%, доверие к людям – 55,3% и 73,0%, знание традиций своего народа 62,1% и 73,3%, знание языка своего народа – 64,6% и 73,7% соблюдение моральных норм – 61,5% и 72,9%. Таким образом, присущие традиционной культуре качества широко распространены в региональной общности, и выражается желание в дальнейшем их роста.

Однако, неожиданным стало отношение к деловым качествам, их распределение в реальном и идеальном обществе следующее: личный успех – 66,9% и 59,6%, личная выгода – 72,7% и 45,0%. Эти, признаваемые в западных странах и других развитых обществах качества, видятся меньше в идеальном обществе. Это говорит об устойчивости традиционного мировоззрения и традиционной системы отношений. Такой взгляд обусловлен и наблюдаемыми явлениями в переживаемой действительности, где прагматизм, выгода фетишизируются, озабочены достижением собственных благ, нарушением правовых норм, ущемлением прав и интересов других. Мониторинг социальной ситуации в регионе показывает, что люди сознают неизбежность социальной дифференциации, но считают необходимым соблюдение равенства перед этическим и правовыми нормами [9].

Социальная идентификация респондентов определялась выявлением предпочтительного общения с людьми. В первую очередь предпочитают молодые общаться с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь (73,7%), отношение к религии (54,7%), своей национальности (37,3%), одинаково с ними проводящими досуг (30,0%). Жителей города/села, региона выделили менее

третьей части опрошенных. Студенческий возраст, возможно, сказался на том, что в последнюю очередь, менее 20%, отметили общение с людьми одной профессии, одинакового материального достатка и уровня образования.

Заключение. Во всех трех поколениях и идеологии институтов власти преобладает постфигуративная культура, ориентированная на прошлое, и кофигуративная – на настоящее, при этом префигуративная выражена незначительно. Структурные изменения в мировосприятии и выстраивании социокультурных отношений будут происходить медленно по мере роста образования населения и включения его в цифровое коммуникативное пространство.

Список литературы

1. Strauss W. and Howe N. "Generations". Morrow, 1991. – 538 p.

2. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной. 2-е изд., эл. Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 348 с.

3. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с.

4. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. (2023) Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции // Журнал социологии и социальной антропологии, 26(2): 135–174.

5. Панищев А.Л. Проблема преемственности культурного наследия между поколениями //Научный журнал "Фундаментальные исследования" №5 2008 год С. 1-11.

6. Козырева П.М. Смирнов А.И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // Социологические исследования № 11, 2021. С.49-59.

7. Широкалова Г.С., Пронина Е.И. По следам секции «Культурное наследие и связь поколений» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2023, № 1 (69), С. 188–194.

8. Беляев Е.В., Линченко А.А., Савушкина А.В. Между прошлым и будущим: ценности поколений в современной России // Studia Humanitatis. 2017. № 4. www.st-hum.ru (дата обращения: 10.08. 2023).

9. Юсупов М.М. Социокультурные аспекты модернизации постконфликтного региона//Философские науки. №7.2012. С. 42-56.

СЕКЦИЯ 2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

ДОКЛАДЫ

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
IDENTITY OF MODERN YOUTH

Е.В. Андрианова,
Тюменский государственный университет, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, г. Тюмень
В.А. Давыденко,
Тюменский государственный университет, г. Тюмень
E.V. Andrianova
University of Tyumen, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen
V.A. Davydenko
University of Tyumen, Tyumen

На конкретном эмпирическом материале рассмотрена идентичность современной молодежи, ее изменения под воздействием меняющего социального контекста.

The identity of modern youth and its changes under the influence of a changing social context are considered on a specific empirical material.

Ключевые слова: Идентичность, социальная идентичность, молодежь.
Keywords: Identity, social identity, youth.

Происходящие в современной России процессы, обусловленные социокультурной трансформацией, повлияли на внутреннюю картину мира, представления о соотнесении себя с социумом, мироощущение современной молодежи, что определяет актуальность исследования идентичности современной молодежи.

Под «идентичностью» понимается субъективное отнесение себя к определенной социальной группе, отождествление себя с другими. Г.Тэджфел обосновал, что идентификация является важным условием социализации, вне идентичности человеческая жизнь распадается на не связанные фрагменты, в которых теряются смыслы существования [1; 2].

Эмпирические данные получены на базе социологического исследования, проведенного в вузах г. Тюмени в марте-апреле 2023 г. по методике Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского центра РАН, ежегодный всероссийский мониторинговый проект «Студенческий мониторинг 2023», руководитель проекта д.полит.н., профессор Н. М. Великая. Социологи Тюменского государственного университета в 2023 г. впервые включились в данный мониторинг, поэтому для получения динамических данных нами привлечены результаты мониторингового исследования коллектива социологов Тюменского государственного университета в период 2006-2023 по программе *«Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»,* разработанной в Институте философии РАН под руководством чл.-корр. РАН, проф. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой [3]. Данные ранних волн исследований представлены в ряде статей и монографий [4; 5; 6; 7].

Большая часть молодежи на вопрос, «Как бы Вы ответили на вопрос, «Где твоя Родина?», считают Россию своей Родиной, независимо от качества жизни. Готовы определять Родиной любую территорию, где комфортно и хорошо жить без привязки к месту рождения, – 17 % (рис.1).

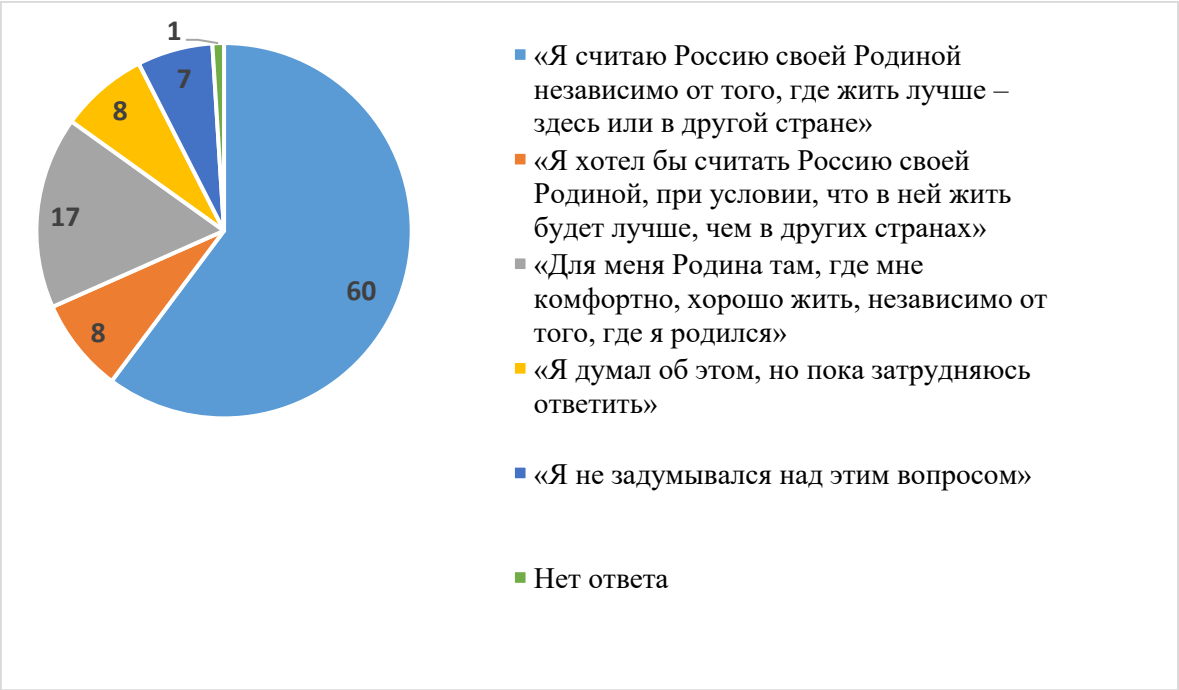


Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос, «Как бы Вы ответили на вопрос, «Где твоя Родина?», %, г. Тюмень, 2023 (составлено по результатам исследования)

Для оценки идентичности задавался вопрос: «Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале, кем и в какой степени Вы ощущаете себя, где 1 балл – очень слабо ощущаю, 5 – очень сильно ощущаю» (рис. 2).

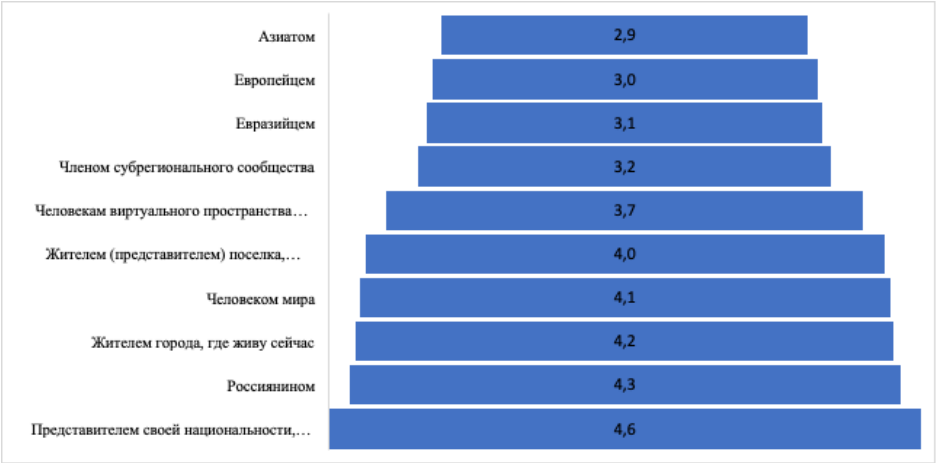


Рисунок 2. Средние оценки ответов на вопрос: «Оцените кем и в какой степени Вы ощущаете себя?», г. Тюмень, 2023 (составлено по результатам исследования)

Сильнее всего современная молодежь идентифицирует себя с представителями своей национальности, этноса – 4,6 б. средняя оценка, вторую позицию занимает идентификация себя как Россиянина – 4,3 б., на третьем – ощущение себя «жителем города, где живу сейчас» – 4,2 б. Отдельно отметим оценку ощущения себя «человеком виртуального пространства (Интернета)» – 3,7 б.

Социологи во всем мире фиксируют ослабление территориально обусловленных связей, переход к наднациональным взаимодействиям. Результаты исследования показывают, что у современной молодежи г. Тюмени национальная и территориальная идентичность продолжат доминировать.

Список литературы

1. *Tajfel, H.* Social identity and intergroup behavior / H. Tajfel // Social Science Information. 1974. Vol. 13. No. 65. Pp. 65-93.

2. *Tajfel H.* Social psychology of intergroup relations identity / H. Tajfel // Annual Review Inc. 1982. Vol. 33. Pp. 1-39.

3. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / Под ред. Лапина Н.И., Беляевой Л.А.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2010.

4. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. 2016. М.: Издательство «Весь Мир». – 360 с.

5. *Печеркина И.Ф.* Территориальная идентичность в социальном пространстве / И.Ф. Печеркина, А.А. Кошкина, Р.Р. Хузяхметов // Вестник

Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2021. – Том 7. № 4 (28). – С. 85-101. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101

6. *Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф.* «Идентичность места» как критерий поддержки сетевых взаимодействий: теоретический анализ и эмпирические оценки / В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – № 6 (54). – С. 104-119.

7. Новая индустриализация: возможности, ограничения и противоречия социокультурного пространства / Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Е.П. Данилова [и др.]. – Тюмень: Тюменская областная Дума, 2018. – 226 с.

МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ О ВАЖНОСТИ И ДОСТАТОЧНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРОШЕДШИХ В РАМКАХ ГОДА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ В 2022 ГОДУ

THE OPINION OF RESIDENTS OF THE SAMARA REGION ON THE IMPORTANCE AND SUFFICIENCY OF EVENTS HELD WITHIN THE FRAMEWORK OF THE YEAR OF CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF RUSSIA IN 2022

Е.С. Баева
Самарская городская общественная организация
Исследовательская группа «Свободное мнение», г. Самара
В.Ю. Бочаров
Самарский национальный
исследовательский университет им. С.П. Королева,
Социологический институт ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург
E.S. Baeva
Samara City Public Organisation
Research group “Free Opinion”, Samara
V.Yu. Bocharov
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev,
Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg

Рассматриваются итоги Года культурного наследия народов России в Самарской области в 2022 г. Приводятся данные массового анкетного опроса жителей городов и муниципальных районов (N=1400) относительно важности и достаточности проведенных культурных мероприятий. Отмечается потребность в увеличении количества мероприятий, подчеркивающих характер и национальный колорит народов, проживающих в Самарской области.

The article discusses the results of the events held during the Year of Cultural Heritage of the Peoples of Russia in the Samara region in 2022. The data of a mass questionnaire survey of residents of cities and municipal districts (N=1400) regarding the importance and sufficiency of cultural events are presented. Based on the data, a need to increase the number of events emphasizing the character and national flavor of the peoples living in the Samara region is noted.

Ключевые слова: общественная палата, культурное наследие, культурные мероприятия, народы России, Самарская область.

Keywords: public chamber, cultural heritage, cultural events, peoples of Russia, Samara region.

Более 10 лет Самарская городская общественная организация Исследовательская группа «Свободное мнение» (рук. Е.С. Баева) выступает партнером Общественной палаты Самарской области в проведении ежегодного мониторинга состояния гражданского общества. Проведено достаточно исследований, посвященных анализу различных аспектов социально-экономической и социально-политической жизни Самарской области [1–3]. Под постоянным контролем общественности находятся и вопросы социокультурной жизни, в том числе межнациональных отношений.

2022 год был объявлен Президентом РФ Годом культурного наследия народов России (Указ Президента РФ №745 от 30.12.2021 г.). В Самарской области проведены массовые культурные мероприятия. По данным ГКУ СО «Дом дружбы народов», на территории Самарской области в 2022 г. проведено самостоятельно и оказана поддержка некоммерческих общественных объединений в организации *616 онлайн и офлайн мероприятий* с общим участием свыше 385,5 тысяч человек. Подавляющее большинство культурных мероприятий (591, или 96%) проведено в рамках двух направлений: укрепление гражданского единства и содействие этнокультурному развитию народов, проживающих в Самарской области. Среднее количество участников офлайн мероприятий составило 1816 человек, онлайн мероприятий – 493 человека [4]. Среди наиболее важных мероприятий можно отметить: областной фестиваль самодеятельного народного творчества «Рожденные в сердце России»; телемост «Калейдоскоп чайных традиций народов Евразии» с участием российских и зарубежных Домов дружбы и НКО; региональные межнациональные мероприятия «День родного языка» и «День дружбы народов»; спортивный фестиваль «Дружба народов – 2022»; X межнациональный областной праздник Навруз; межнациональный фестиваль национальной культуры «Радуга Талантов-2022»; фестиваль молодежного интернационального самодеятельного

творчества «АРТ-ЭТНОМИКС»; межнациональный конкурс «Мисс Самарский акцент»; областной детский творческий конкурс «Все мы – Россия!»; культурно-гуманитарный проект «Народы вместе сквозь года»; VII международная просветительская акция «Большой этнографический диктант».

В ноябре-декабре 2022 г. при поддержке Общественной палаты Самарской области проведен массовый анкетный опрос жителей Самарской области (объем выборки – 1400 жителей 10 городских округов и 27 муниципальных районов). В ходе этого опроса выяснялось мнение респондентов о важности мероприятий, направленных на сохранение единства, мира и согласия между народами, достаточности мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей.

Оценивая значение мероприятий, прошедших в рамках Года культурного наследия народов России в Самарской области в 2022 г., подавляющее большинство (4/5 опрошенных) жителей Самарской области считают, что мероприятия, направленные на сохранение единства, мира и согласия между народами, имеют важное для них значение. На вопрос анкеты; «*Как Вы считаете, насколько важно в настоящее время для Самарской области проводить мероприятия, направленные на сохранение единства, мира и согласия между народами?»,* в совокупности 81% респондентов выбрали варианты ответов «очень важно» и «скорее важно». Только каждый десятый опрошенный отметил, что такие мероприятия для них «абсолютно» или «скорее не важны», 9% – затруднились с ответом. В ходе анализа данных выявлена особенность: чем старше возраст респондента, тем он более склонен отмечать важность мероприятий, направленных на сохранение единства, мира и согласия между народами (18-29 летние участники опроса – 73,4%, респонденты в возрасте 30-55 лет – 81,8%, 56 лет и старше – 83,6%). Доля тех, для кого такие мероприятия абсолютно или скорее не важны, выше среди молодежи 18-29 лет (16,9%).

Несмотря на довольно большое количество мероприятий, проведенных в рамках Года культурного наследия народов России в Самарской области в 2022 г., только половина опрошенных (47%) считают, что было проведено «достаточно» или «скорее достаточно» мероприятий. Каждый третий (33%) житель Самарской области испытывает чувство дефицита таких мероприятий, ответив на вопрос анкеты; *«Как Вы считаете, достаточно ли для вашего города/района мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей?»*. Пятая часть опрошенных (20%) затруднилась дать ответ. Среди респондентов разных возрастных групп наблюдается тенденция сокращения доли тех, кто считает, что

мероприятий «недостаточно» или «скорее недостаточно» в зависимости от увеличения возраста респондента. Среди респондентов возрастной группы 18-29 лет о недостаточности мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей, сообщили 43,5%, среди респондентов 30-55 лет – 30,7%, а среди респондентов 56 лет и старше – 28,7%.

Таким образом, в регионе сформирована потребность в увеличении количества мероприятий, подчеркивающих характер и национальный колорит народов, проживающих в Самарской области. Особенно стоит обратить внимание на необходимость усиления тематики молодежной направленности, а также активизации деятельности гражданских институтов и органов государственного и муниципального управления по привлечению молодежи к участию в организации и проведению мероприятий. Очевидно, есть смысл более масштабно задействовать имеющиеся материальные, человеческие и информационные ресурсы образовательных и культурных организаций под эгидой регионального Дома дружбы народов с участием социально ориентированных некоммерческих организаций, а также при координирующей роли Общественной палаты Самарской области.

Список литературы

1. Бочаров В.Ю., Баева Е.С. Общественное мнение об институте выборов и протестный потенциал в Самарской области / Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. трудов. – Ульяновск: УлГТУ. 2012. 382 с. С. 29-37.

2. Баева Е.С. Независимая оценка качества работы учреждений социальной сферы: эволюция законодательных и методологических рамок // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1. № 3. С. 74–82. DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-74-82.

3. Баева Е.С., Бочаров В.Ю., Малаканова О.А. Информационная открытость некоммерческого сектора: общероссийские и региональные тенденции // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 1. С. 79–89. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-79-89.

4. Публичный отчет о деятельности ГКУ СО «Дом дружбы народов» / Информационный портал «ВСЕ МЫ – РОССИЯ!» [Электронный ресурс] // URL: https://www.samddn.ru/dom-druzhby-narodov/deyatelnost/publichnye-otchety / (дата обращения: 12.04.2023).

СОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ И РЕЗИСТЕНЦИЯ
SOCIAL IMMUNITY AND RESISTANCE

Е.Ю. Бикметов
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа
E.Yu. Bikmetov
Ufa University of Science and Technology, Ufa

Обоснована мысль, что социальная резистенция есть умение противостоять внешним рискам, угрозам факторов внешней социальной среды. Социальный иммунитет связан с воспроизводством общественных сил в условиях информационного общества, в котором силы социальных взаимодействий оказались ослабленными. Социальный иммунитет сопряжен, в первую очередь, с такими силами, которые противостоят внешним угрозам. Источник этих угроз в ослаблении душевного и духовного пласта культуры. Западные ценности, транслирующиеся в процессе глобализации, связаны в основном с прагматическими устремлениями, соприкасающимися с установками на понятное, приятное и полезное. Но этим не исчерпывается конституция общества. Данная конституция заключает в себе самобытный характер народа, его «душу», которая представляет собой тонкий слой культуры. Делается вывод, что современное российское общество должно сохранить свой пласт чувственной, душевной и духовной культуры, который размывается технократическим духом. Социальная резистенция направлена на воспроизводство духовности человека и общества. Социальный иммунитет обеспечивает сохранение духовных качеств личности и общества.

The article substantiates the idea that social resistance is the ability to resist external risks, threats of factors of the external social environment. Social immunity is associated with the reproduction of social forces in an information society in which the forces of social interactions have been weakened. Social immunity is associated primarily with such forces that resist external threats. The source of these threats is the weakening of the spiritual and spiritual layer of culture. Western values, which are being translated in the process of globalization, are mainly associated with pragmatic aspirations that come into contact with attitudes towards the understandable, pleasant and useful. But this does not exhaust the constitution of society. This constitution embodies the distinctive character of the people, its "soul", which is a thin layer of culture. The article concludes that modern Russian society must preserve its layer of sensual, spiritual and spiritual culture, which is being eroded by the technocratic spirit. Social resistance is aimed at reproducing the spirituality of a person and society. Social immunity ensures the preservation of the spiritual qualities of the individual and society.

Ключевые слова: социальная резистенция, риски, социальный иммунитет, воспроизводство общественных сил, духовный пласт культуры.

Keywords: social resistance, risks, social immunity, reproduction of social forces, spiritual layer of culture.

Актуальность исследования связана с потенциалом личности, социальной общности противостоять внешним обстоятельствам и угрозам экономических, социальных и духовных рисков, индикатором которой выступает социальная резистенция. Социальный иммунитет сопряжен с воспроизводством элементов общества. При этом осознанный иммунитет проявляется в умении бороться с социальным и эмоциональным выгоранием. Иммунитет в этом плане связан с преодолением стрессовых ситуаций, поддержанием духовных и душевных качеств человека и общества в условиях социально-экономической и культурной поляризации, усиления факторов глобализации, информатизации, размывания духовного пласта культуры технократическим духом. Современное российское общество имеет в своем социально-культурном потенциале множество сил, способных противостоять узкопрагматическому влиянию, особенно на сознание молодежи. Рассмотрению социологического содержания, структуры социального иммунитета, проблемы управления его составляющими защитными механизмами посвящен ряд исследований [1; 2; 3].

Человек, постоянно находясь в движении к социальному благу, испытывает духовное выгорание. Страх потерь ведет к утрате душевной устойчивости, выгоранию в социально-трудовых отношениях, профессиональным стрессам. В управленческой деятельности необходимы интеллектуальные и материальные инвестиции в профилактику синдромов стресса в целях не только сохранения, но и воспроизводства человеческих ресурсов. Однако, как показывают исследования, молодые, технократически ориентированные менеджеры предпочитают реализовывать бизнес-проекты в ущерб духовному, душевному, да и физическому здоровью персонала. Чтобы как-то нивелировать проблему духовного и социального выгорания, в кадровой политике находят проявление установки эйджизма, скрытая, а иногда и открытая возрастная дискриминация. На необходимость формирования устойчивости к стрессу, овладения динамичным комплексом компетенций как факторам организационной жизнеспособности персонала обращают внимание исследователи [4]. Механизм формирования социального иммунитета связан с введением в общественный оборот экономических и духовных средств в организационные профилактические программы. На противостояние моральному выгоранию влияют управляемая рабочая нагрузка, мягкое регулирование духовной автономии работника, командная работа, базирующаяся на чувстве общности членов социального коллектива,

разделяемых ими ценностях. Этот коллектив стремится избегать конфронтации, ресурсозатратной внутренней конкуренции, агрессивных усилий видоизменить социальную ситуацию. Эти факторы не снижают готовность к рискам и способствуют человеку отделить от себя проблему социального дистанцирования. Главное сформировать у человека установку и умение регулировать свои чувства, мысли и действия, отыскать в информационной среде социальную и духовно-эмоциональную помощь. Анализ тенденций в общественном сознании показывает стремление придать положительное значение всему происходящему. Резистентность человека представляет собой разные способы сопротивления инородным влияниям, проявляющимся в поведении, имеющим следствием или целью изменение действий, чувств, мыслей других по отношению к стимулам (проблеме, продукту, действию) [5, с. 16]. Гражданская субъектность человека, предполагающая сознательную и автономную активность в проектировании собственной жизни, во многом зависит от его резистентности.

Человечность общения способствует повышению способности к сопротивлению чуждым влияниям. А это обстоятельство повышает социальный иммунитет, способствуя выстраиванию траекторий личностного развития, конструированию смыслов личной и профессиональной жизни. Именно данное обстоятельство создает необходимость подключения к инструментарию социогуманитарного знания понятия «резистентность». Современный человек, пребывая в состоянии духовной и социальной апатии, становится индифферентным к общественным ценностям. Утверждающийся в обществе узкопрагматический дух деформирует «душу», мышление человека, его социальное существование. С одной стороны, человек стремится к устойчивости своей жизнедеятельности. Эта жизнедеятельность характеризуется «постоянным и последовательным воспроизводством основных черт культуры общества из поколения в поколение» [6, с. 265]. Жизненный мир человека связан с формированием самого себя. Этот мир связан с возрастанием социальной ответственности за свой нравственный выбор, свою жизнь.

В настоящее время иммунитет человека сталкивается с проблемой социального выгорания, во многом ускоряемого неопределенностью ситуации, требующей от человека принимать решения в условиях постоянного риска. Наблюдается дистанцирование от социальных и политических проблем, усталость от стремления регулировать свои чувства и мысли. Выгорание человека в трудовых отношениях связано с его усилиями придать положительное усилие происходящему, стремлением к интерпретации трудностей в положительных терминах. При этом он отказывается от стратегии

планирования своих целей, стремится избежать проблемных ситуаций и признать свою роль в порождении социальных проблем. Значительной части населения свойственно ожидание лучшего будущего, однако оно не видит алгоритма действий по его достижению. В результате переживания такого состояния человек попадает в экзистенциальный вакуум. Этот вакуум проявляется не только в российском социуме. Помимо различных угроз он связан с ослаблением духовного пласта культуры народа, выгоранием социальных сил деятельности. До тех пор, пока ведущими общественными ценностями остаются понятное и удобное, связанные с прагматическими стремлениями, будет заявлять о себе экзистенциальная фрустрация, влияние экзистенциального вакуума, разрушающего смыслы человека.

Выработке социального иммунитета на социетальном уровне способствует расширение в досуговой деятельности форм творческой, интеллектуальной активности, совершенствования ее инфраструктуры. Но это требует корректировки политики государства в отношения бюджета времени, в том числе к свободному времени различных социальных групп. Исследования показывают, что доля досугового времени в сравнении со всем рабочим и нерабочим временем у занятых групп населения незначительна. Стремление посредством трудовой активности материально обеспечить свою жизнедеятельность, решить бытовые проблемы, достигнуть чисто количественных показателей доминирует во всех социальных группах, что ускоряет процесс выгорания.

Человек лишь в том случае проявляет способность к сопротивлению внешним влияниям и формированию своего неосознанного иммунитета, когда жизненные обстоятельства выступают в качестве преград. В результате иммунными характеристиками осознающего самого себя человека и общества выступают рефлексия, плодотворное мышление, ориентация на гармоничное сочетание материальных и духовные ценностей в процессе социализации. По сути, речь идет о чувстве ответственности, которое не зависит от внешних санкций и поощрений. Чтобы сохранить социальный иммунитет, необходима эмоциональная устойчивость человека к воздействию факторов стресса. Ориентации человека играют ключевую роль в процессе социализации. Обществу необходима система нравственных ориентаций, разрушающая агрессивные устремления. Люди не могут существовать в условиях симбиотической зависимости, когда один человек, хотя и связан с другими, но утрачивает свою независимость. Социальный иммунитет лишь в том случае является сильным, когда человек перестает рассматриваться как вещь для

использования и эксплуатации другим человеком, государством, когда он выступает целью, а не средством получения выгод.

Человек всегда включен в социальный контекст. Это обстоятельство выступает основой формирования социального иммунитета, который предохраняет личность от всякого рода угроз. Эти угрозы связаны с воспроизводством поведения, которое ослабляется нарушением душевного слоя культуры. Необходимо понимать, что не все то истинно, что является выгодным человеку и обществу. Такая мировоззренческая установка сопротивляется обеднению ценности существования человека и общества.

Список литературы

1. Бирюкова А.В. Социальный иммунитет молодежи // Научное мнение. 2013. № 3. С. 181–184.

2. Жапуев З.А. Социальный иммунитет как предмет социологического исследования: концептуализация понятия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 46–50.

3. Храмцова Ф.И. Социальный иммунитет молодежи как фактор национальной безопасности Республики Беларусь // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 65–76.

4. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х.М., Маслова О.А., Махалин А.И. Организационная жизнеспособность персонала как социальный феномен // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24. № 1 (113). С. 87–102.

5. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние / пер. с англ. под ред. А. Свенцицкого. М.: Питер, 2011. 444 с.

6. Бережная М.А. Социокультурная устойчивость как категория социологического анализа // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 265–275.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СООБЩЕСТВА: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И/ИЛИ ОБЩЕРОССИЙССКАЯ*

REPRESENTATION OF IDENTITIES IN EVERYDAY PRACTICE OF THE NORTH CAUCASIAN COMMUNITY: ETHNOCULTURAL AND/OR ALL-RUSSIAN

Г.Д. Гриценко
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону
G.D. Gritsenko
Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don

Приведены результаты социологического исследования репрезентации общероссийской и этнокультурной идентичностей в повседневной практике жителей Северного Кавказа, на основании которых были сконструированы основные модели демонстрирования самосознания: это социально-гражданская, социокультурная и социально-психологическая. Установлено преобладание социокультурной модели манифестирования этнокультурной идентичности. Общероссийская идентичность проявилась в рамках социально-гражданской модели.

The publication presents the results of a sociological study of the representation of the all-Russian and ethno-cultural identities in the everyday practice of the inhabitants of the North Caucasus, on the basis of which the main models for demonstrating self-awareness were constructed: these are socio-civil, socio-cultural and socio-psychological. The predominance of the socio-cultural model of the manifestation of ethno-cultural identity has been established. All-Russian identity manifested itself within the framework of the socio-civil model.

Ключевые слова: Северный Кавказ, общероссийская идентичность, этнокультурная идентичности, модели репрезентация

Keywords: North Caucasus, all-Russian identity, ethno-cultural identity, representation models

Формирование общегражданской идентичности, укрепление общегражданского самосознания в условиях глобализации как бы отодвигается на второй план. Однако если присмотреться более внимательно к современным этнокультурным процессам даже в странах западного мира, то можно увидеть, что приоритетом национальной политики любого государства по-прежнему остается утверждение общегражданской идентичности. Особенно этот тренд актуален для полиэтничных сообществ, к каким и относится северокавказское [1].

* Публикация выполнена в рамках реализации ГЗ ФИЦ ЮНЦ РАН, г/р. № 122020100306-9.

Северный Кавказ, действительно, – один из самых многонациональных, поликонфессиональных регионов, с достаточно противоречивыми историческими событиями, которые нередко воспринимаются в общественном сознании как социально-психологические травмы, с застарелыми внутрирегиональными межэтническими конфликтами, время от времени переходящими из латентного состояния в открытое противоборство и наоборот [2; 3].

Определенные успехи, с точки зрения региональной этнополитической стабильности, достигнуты: северокавказский регион стал неотъемлемой частью единого российского государствообразующего пространства. В то же время на Северном Кавказе по-прежнему концентрируются риски этносоциальной безопасности, которые непосредственно или опосредовано влияют на уровень сформированности общегражданской идентичности [4].

Существуют различные методы исследования идентификационной среды. Одним из редко используемых объектов изучения может считаться репрезентация идентичности в повседневной жизни современного общества, то есть демонстрация, манифестирование этнокультурных различий, этнической «самобытности», инаковости – «свой – чужой» [5].

Поскольку репрезентация самосознания осуществляется преимущественно нарративными средствами в виде перфомансов, с помощью различных визуальных событий, изображений, то в качестве значимого метода исследования повседневных практик репрезентации идентичностей было использовано включенное наблюдение. Оно проводилось в октябре-декабре 2020 г. в трех субъектах РФ на территории СКФО: Ставропольском крае (субъекте с преобладающим русским населением), Республике Дагестан (субъекте с полиэтничным составом населения без преобладающей титульной национальности); Карачаево-Черкесской Республике (субъекте с двумя титульными национальностями). Наблюдение проводилось в течение трех месяцев. В каждом субъекте работало три наблюдателя, интегрированные в изучаемую этнокультурную среду. Алгоритм заполнения дневника наблюдения предполагал его регулярное ведение и включал описание ситуаций повседневных взаимодействий, демонстрирующих этноконфессиональную или общероссийскую идентичности, а также комментарии наблюдателя-исследователя. Документальную базу анализа составили 324 дневниковые записи. Анализ этих записей позволяет выделить некоторые наиболее распространенные модели демонстрирования этнокультурной и общероссийской идентичности в повседневных взаимодействиях жителей региона.

Обобщая результаты наблюдения, можно выделить три основные модели демонстрирования этничности. *Социально-гражданская модель* репрезентации

как общероссийской, так и этнокультурной, этноконфессиональной идентичностей. Сюжетов, маркированных как репрезентации общероссийской идентичности, объективно значительно меньше: они составляют около одной трети от всех записей в дневниках. Наиболее яркой репрезентацией общероссийской идентичности в республиках Северного Кавказа, по мнению наблюдателей, является использование русского языка в межнациональном общении. Кроме того, можно выделить такие формы репрезентации, как проявление патриотизма через участие в общегосударственных акциях, уважение к государственной символике, общенациональным праздникам, служба в армии РФ, проявление гордости за национальных героев, память о Великой Отечественной войне, понимание общности исторического прошлого, толерантное отношение к представителям иных национальностей; добрососедские доверительные взаимодействия между людьми, принадлежащими к разным национальностям; готовность помочь нуждающимся, независимо от национальности, признание заслуг политических деятелей, независимо от их национальности, интерес к культуре других народов, увеличение числа межнациональных браков.

К репрезентациям этнокультурной идентичности наблюдатели относили различные формы проявления гордости за свою национальность. Например, наблюдатели в дневниках описывают ситуации позитивного отношения к родному языку, явлениям природы, национальной кухне, этноконфессиональным традициям и ритуалам, уважительное отношение к национальным героям, например Хабибу.

Наиболее распространенной является *социокультурная модель* демонстрирования этнокультурной идентичности, которая включает использование родного языка, особенности национальной одежды, следование национальным традициям и обычаям, манифестирование религиозной принадлежности, интерес к национальной истории и искусству. В Ставропольском крае практически не было зафиксировано репрезентаций своей идентичности русским населением за исключением использования общероссийской символики, как правило, молодежью, или исполнение популярных советско-российских песен.

Третья модель, *социально-психологическая*, демонстрирования этнокультурной идентичности имеет несколько форм репрезентации. Это подчеркивание своей национальной принадлежности, что проявляется в предпочтительном общении с представителями своей национальности на родном языке. Это бытовая дистанцированность от России, что особенно характерно для Дагестана: «туристы из России», «уехал в Россию на заработки».

Это ношение тех или иных элементов традиционного национального костюма, что, прежде всего, свойственно молодым женщинам. Это проявление кавказского темперамента, демонстрация которого вне своих национальных республик часто принимает формы вызывающего, на взгляд ставропольчан, поведения. В повседневно-бытовой сфере нередко встречаются примеры высокомерного агрессивного отношения представителей кавказских этносов к окружающим людям, причем не только русскоговорящим, но и к носителям «другой» этнокультурной идентичности. В то же время репрезентация этнокультурной идентичности в Карачаево-Черкесии носят умеренный характер и проявляются преимущественно в семейно-бытовой сфере. Более того, репрезентация этноконфессиональной идентичности мирно уживается со светскими традициями.

Таким образом, в повседневной жизни северокавказского сообщества преобладает репрезентации этноконфессиональной идентичности, при этом есть практика негативного манифестирования своей этнической принадлежности. Это указывает на объективную необходимость активизации практик толерантного межэтнического межконфессионального взаимодействия на основе актуализации общероссийских ценностей и традиций.

Список литературы

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко, С.Ю. Иванова, М.М. Шульга // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 1. С. 72-86.

2. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Лепилкина О.И., Шульга М.М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, О.И. Лепилкина, М.М. Шульга // Наука Юга России. 2017. Т. 13. № 1. С. 115-125.

3. Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Risks in the North Caucasus: deascalation or potential escalation of the ethnopolitical situation / V.A. Avksent'ev, G.D. Gritsenko, S.Yu. Ivanova, M.M. Shulga // Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations. 2020. T. 25. № 3. C. 115-128.

4. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко, С.Ю. Иванова. М.М. Шульга / под ред.

В.А. Авксентьева, М.М. Шульги. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. 224 с.

5. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко / Конфликтология. 2021. Т. 16. № 2. С. 81-93.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
IDENTIFICATION OF GENERATIONS IN THE YOUTH ENVIRONMENT

И.А. Грошева,
Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень
И.Л. Грошев
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень
I.A. Grosheva,
Branch ANO VO «Institute for Business Career » in the Tyumen region, Tyumen
I.L. Groshev
Tyumen higher military engineering command school named after marshal of engineer troop A.I. Proshlyakov, Tyumen

Конструируются портрет поколений («деды-отцы-дети/внуки»), сложившийся в представлениях студенческой молодежи. Эмпирическую основу составили результаты исследования «Культурное наследие и связь поколений», осуществленного под эгидой Российского общества социологов. Для сравнительного анализа выбраны ответы студентов из 21 вуза, в которых количество респондентов превысило 200 (N=6998). В ходе аналитической работы выявлены особенности идентификации поколения «отцов».

The authors construct a portrait of generations (“grandfathers-fathers-children /grandchildren”), which has developed in the perception of student youth. The empirical basis was the results of the study "Cultural Heritage and the Connection of Generations", carried out under the auspices of the Russian Society of Sociologists. For comparative analysis, the answers of students from 21 universities were selected, in which the number of respondents exceeded 200 (N=6998). In the course of the analytical work, the identification features of the generation of "fathers" were revealed.

Ключевые слова: молодежь, поколение, ценности, культура, портрет поколений.

Keywords: youth, generation, values, culture, portrait of generations.

Формирование и сохранение культурных ценностей приобрело особую значимость в современном постмодернистском обществе, которое придает большое значение индивидуальным различиям, способствует быстрой смене «мировоззренческих картинок», отменяет опыт предшествующего поколения, изменяет отношение к культурной трансмиссии в целом. Культурная трансмиссия в большинстве исследований трактуется как процесс передачи культуры от предшествующих поколений к последующим при помощи научения [1, с. 160]. Благодаря этому процессу последующее поколение начинает развитие с того этапа, на котором остановилось предыдущее. Сохраняется определенный «след», складывается социальный портрет предшественника, формирующего культурную преемственность. В связи с этим представляет научный интерес исследование образа не только предыдущих поколений, но представлений о современниках, складывающихся на основе мнений студенческой молодежи.

Эмпирической основой для аналитической работы послужили материалы исследования «Культурное наследие и связь поколений» (N=9751), проведенного в марте-мае 2022 года по решению Президиума Российского общества социологов на территории Российской Федерации и стран СНГ. Метод сбора данных – онлайн-анкетирование с использованием Google-форм. Вопрос о репрезентативности не ставился, в опросе приняли участие все желающие. Научный интерес для авторов статьи представили результаты ответов студенческой молодежи на вопросы, отражающие представления о трех поколениях, условно названных «деды-отцы-дети/внуки». Для анализа выбраны ответы обучающихся 21 учебного заведения, в котором количество респондентов превысило 200 человек (N=6998).

В ходе коллективного анализа полученных результатов отдельные участники исследования пришли к определенным выводам. Например, установлено, что для каждого поколения различается ценность элементов культуры, снижается авторитет такого социального института, как религия [2, с. 154]. Молодежью признается ценность народной культуры в целом, но имеется склонность к ранжированию, исходя из запросов современности [3, с. 74].

Авторы в большей степени уделили внимание конструированию социального портрета поколений. В ходе сравнения трех поколенческих групп («деды-отцы-дети/внуки») и выявления качеств, присущих каждому из них, определено общее и особенное во мнениях студентов из различных вузов. При установлении степени общности показателей исходили из следующего условия: расхождение в оценках между тремя поколениями не должно превышать 5%. Например, студенты Ставропольского государственного педагогического

института (СГПИ, N=900) отметили, что три поколения объединены чувством юмора, гибкостью и социальной активностью. Поколениям «отцов» и «дедов» в равной степени свойственны чувство юмора, критичность и социальная активность. Гибкость в меньшей степени присуща «отцам», а способность к адаптации – «дедам». В ходе самоидентификации молодежь отметила, что такие качества, как трудолюбие, патриотизм и коллективизм, присущи поколению «детей/внуков» в меньшей степени.

Респонденты Астраханского государственного технического университета (АГТУ, N=239) оказались единодушны во мнении, что всем трем поколениям присущи оптимизм и критичность. Наличие ответственности и трудолюбия у современных молодых людей отметили немногим больше половины опрошенных, а самую низкую оценку получил патриотизм. Поколениям «отцов» и «дедов» присущи трудолюбие, ответственность, верность, доброта, добросовестность и взаимопомощь. Гибкость в меньшей степени свойственна поколению «дедов», а доверчивость – поколению «отцов». Уровень патриотизма у «отцов» ниже, чем у «дедов», зато у них в большей степени проявились сопереживание и самодисциплина.

Студенты Башкирского государственного университета (БашГУ, N=437) выделили для трех поколений такое общее качество, как сопереживание, Волгоградского государственного университета (ВолГУ, N=652) – оптимизм. Ответы респондентов отдельных вузов, например, Волгоградского государственного технического университета (ВолГТУ, N=257), Уральского федерального университета (УрФУ, N=228), Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ, N=274) не позволили определить точек соприкосновения, объединяющих поколения.

Имеет некоторые отличия взгляд на общность поколений у студентов Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова (ЧГУ, N=217). Согласно их мнению, среди качеств, объединяющих представителей трех поколений, оказались гибкость и способность к адаптации. Наибольшей степенью общности отличаются поколения «отцов» и «дедов», которые соединили гордость, сопереживание (высокая степень совпадения, различие составило 0,6%), гибкость, способность к адаптации, критичность, самодисциплина, доверчивость и отзывчивость. Для поколения «отцов» в меньшей степени оказалась свойственна социальная активность, а для поколения «дедов» – гибкость. Коллективизм, патриотизм и трудолюбие выражены у молодежи гораздо слабее, чем у двух других поколенческих групп.

По мнению студентов Сургутского государственного педагогического университета (СурГПУ, N=232), поколение «отцов» и «детей» объединяют

доброта и критичность. Самая низкая способность к адаптации отмечена у поколения «дедов», коллективизм и патриотизм в меньшей степени присущи молодежи, а гибкость не свойственна поколению «отцов». Вообще следует отметить единодушие во мнении всех студентов о низком уровне наличия у современной молодёжи такого качества, как патриотизм, что не может не беспокоить.

Изучение набора отрицательных качеств поколений позволило сделать вывод о высоком уровне критической самоидентификации молодежи. В ходе сравнения рейтингов точки соприкосновения трех поколений встречались достаточно редко. Например, респонденты ВолГУ выделили скупость в качестве общего отрицательного качества, но чаще встречалось наличие качеств, идентичных только для двух поколений. Студенты СурГПУ полагали, что скупость и злопамятность объединяют старшие поколенческие группы. Наивность, скупость и злопамятность характерны для поколения «дедов»; агрессивность, злопамятность и скупость – для «отцов». Респонденты СГПИ выделили общность упрямства, скупости, эгоизма и зависти для «отцов» и «дедов», а также упрямства, оказавшегося общим для поколений «отцов» и «детей». В меньшей степени для «отцов» и «дедов» оказалось характерным такое качество, как лень. Респонденты из ЧГУ увидели общность между «отцами» и «дедами» в таких отрицательных качествах, как злорадство, скупость, наивность, трусость, стремление к выгоде любой ценой, пессимизм, агрессивность и упрямство.

В итоге на основе обобщенных данных удалось получить позитивный портрет трех поколений: молодое поколение – обладающее чувством юмора, доброе и гибкое; поколение «отцов» – трудолюбивые, отзывчивые и сопереживающие люди; «деды» – патриотически настроенные, трудолюбивые, ответственные. Обобщенный негативный образ поколений: поколение молодежи – ленивое, эгоистичное и самовлюбленное; поколение «отцов» – завистливое, агрессивное и злопамятное; «деды» – наивные, чрезмерно открытые людям и скупые. Оказалось, что молодые люди дали неоднозначные оценки своим родителям. Выявлено противоречие в ходе конструирования социального портрета так называемого среднего поколения. С одной стороны, они трудолюбивые и сопереживающие, с другой – злопамятные и завистливые. Особенно беспокоит, что среди лидирующих отрицательных качеств в отдельных вузах названы агрессивность и стремление к выгоде любой ценой, что является не самым лучшим вариантом для трансляции следующим поколениям.

Безусловно, полученные результаты нуждаются в дальнейшей верификации, поскольку двойственность оценок скорее всего связана с условиями социальной среды (1990-ые годы), в которой проходило социализацию поколение «отцов». Изучение особенностей культурной трансмиссии и взаимосвязи двух поколений на основе воздействия социальной среды является задачей дальнейших исследований.

Список литературы

1. Кравченко А.И. Основные принципы веберовской методологии / А.И. Кравченко // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 4. С. 153–171.

2. Дулина Н.В. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) / Н.В. Дулина, В.П. Засыпкин, В.А. Мансуров, Е.И. Пронина, Г.С. Широкалова, Д.В. Шкурин, П.С. Юрьев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. №5(80). С. 151–154.

3. Дулина Н.В. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи / Н.В. Дулина, В.А. Мансуров, Е.И. Пронина, Г.С. Широкалова, Шкурин Д.В., Юрьев П.С. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 61–78.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВСКОГО СООБЩЕСТВА)

FEATURES OF THE COMMUNICATION PROCESS OF MODERN YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE UNIVERSITY COMMUNITY)

М.Ю. Долгов
НГТУ им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород
M.Yu. Dolgov
NNTU, Nizhny Novgorod

Дано понятие социальных институтов, их виды и задачи, которые перед ними стоят. Рассматривается один из видов социальных институтов – учреждения образования. Приводится понятие коммуникативных практик. Рассказывается о коммуникативных практиках на примере университетов. Выделены основные внешние и внутренние коммуникативные практики.

The article gives the concept of social institutions, their types and tasks that they face. Educational institution is considered as one of the types of social ones. The

concept of communicative practices is given. It tells about communication practices by the example of universities. The main external and internal communication practices are highlighted.

Ключевые слова: социальные институты, коммуникативные практики, студенты, образование, изменения.

Keywords: social institutions, communication practices, students, education, changes.

В любой период времени в любом обществе существуют базовые институты, которые живут в соответствии с устоявшимися традиционными правилами деятельности, поведения – коммуникативными практиками.

Система базовых институтов, которая регламентирует формальные и неформальные правила жизнедеятельности людей, нормы и ценности, создает институциональную матрицу, определяющую направления развития общества. Сегодня в нашей стране идет постоянная трансформация институциональной матрицы, связанная с изменениями экономических, политических, образовательных и других институтов. Меняются при этом и практики.

Понятие «Социальные институты» имеет множество определений, в зависимости от того, где и относительно чего применяется.

Одна из задач, которые выполняют социальные институты, стабилизация деятельности людей. Это происходит за счет приведения поведения людей к одним более-менее одинаковым/приемлемым нормам поведения и ценностям данного социального института. Институты оказывают влияние на поведение людей, определяя их статусно-ролевые характеристики. Социальные институты находятся в постоянном изменении и развитии.

В социологии принято выделять пять главных социальных институтов: экономические, политические, социокультурные, институт семьи и институт религии.

Тот или иной социальный институт образуется из находящихся во взаимодействии людей. Соответственно, каждый институт имеет свою специфику и особенности. Мы будем рассматривать коммуникативные практики на примере социокультурных институтов.

К социально-культурным институтам учрежденческого типа принято относить различные сети служб, разноведомственных структур и организаций. В эту группу входят и непосредственно учреждения культуры, образования, искусства, досуга, спорта.

С точки зрения внутреннего содержания, социально-культурный институт представляет собой набор стандартных образцов деятельности, норм поведения в конкретных ситуациях.

Нас интересуют учреждения образования. Институт образования способствует социализации людей через качества, необходимые для жизненных процессов и преобразований. Образование играет роль в развитии личности, помогает ей самореализоваться, вносит существенный вклад в развитие общества, позволяя выполнять различные задачи практического характера. Система образования формирует коммуникативные навыки, объединяющие и отличающие людей данного социального института от других институтов.

Современной тенденцией образования можно считать его коммерциализацию. Формирование рынка образовательных услуг началось в 90-е годы, когда страна перешла в общество с рыночной экономикой. За несколько десятилетий система ценностей претерпела немалые изменения, что сказалось и на изменениях коммуникативных отношений и формировании коммуникативных практик. В результате всех этих изменений в образовательной среде (да и в социокультурном пространстве) стало все больше таких отношений между людьми, которые можно характеризовать как «продавец-покупатель». Экономическая выгода и расчет – вот что становится основой коммуникативных практик [1, с. 80].

Изменения коммуникативных практик, на наш взгляд, связаны, в первую очередь с изменениями самой системы образования – ее реформами.

Главная функция системы образования – накопление и передача теоретических знаний, практических навыков и опыта, социальных ценностей новым поколениям, формируя тем самым коммуникативные практики.

Коммуникативные практики – довольно новое и модное понятие. В последние годы все чаще можно встретить расшифровку не столько даже как процесса передачи информации от одного социального субъекта другому, сколько как процесса конструирования новых смыслов и интерпретаций. Так называемый, процесс создания новых норм и правил жизнедеятельности.

Социальные институты постоянно развиваются и изменяются как самостоятельно, так и через внешние изменения. Сначала писали пером на бумаге, затем появились ручки, бумага стала не серой, а белой, появились пишущие машинки, потом компьютеры, появилась глобальная сеть Интернет, которая навсегда изменила подходы и методы в обучении/институте образования. Не так давно случился COVID-19, система образования претерпела серьезные изменения и перешла на новый вид коммуникации – дистанционный.

Не будем рассказывать о плюсах и минусах этой системы. Но всем ясно, что она уже прочно вошла в нашу жизнь.

Программирование молодежи на быстрый успех и формальное отношение к труду, нежелание заниматься трудоемкой рутинной учебной работой, неумение анализировать тексты, выделять в них главные и второстепенные мысли. К сожалению, все это имеет негативные последствия для них самих. Кругозор сужается, навыки мыслить глобально теряются, получается замкнутый круг, который приводит к низкому уровню знаний для жизни в целом. Это усугубляется и компьютеризацией образовательного процесса, на основе которого изменился характер коммуникативных практик в современной системе образования. Значение личностной составляющей субъектов взаимоотношений, если и не отошло на последний план, то сильно трансформировалось.

Воспитательное культурообразующее воздействие уникальных черт характера, интеллекта, внутренней культуры преподавателя стало вторичным, поскольку в рамках коммерциализации образования преподаватель стал восприниматься как субъект, осуществляющий образовательные услуги и предоставляющий продукт для потребления – знания, а обучающийся стал рассматриваться как потребитель образовательных услуг [2].

Коммуникативные практики – упорядоченные совокупности образцов рациональной деятельности, направленной на передачу/прием социально-значимой информации. Коммуникативные практики характеризуются непрерывным воспроизводством систем коммуникаций различных уровней.

К внешним коммуникативным практикам университетов можно отнести общие и специфические коммуникации с государством, обществом, СМИ и бизнесом/промышленностью. Это, как правило, научные конференции, семинары, круглые столы, форумы, научно-образовательные выставки, коммуникационные площадки, проекты, в том числе интерактивные, социальные сети.

Коммуникативные практики в университетах нашего города состоят из таких компонентов, как: социальные медиа, видео, экскурсии, дни открытых дверей, выставки, обучающие семинары и лекции, электронные и печатные издания, программы обучения иностранных студентов.

Положительными составляющими можно считать сильную научную базу, актуальные научно-технические разработки, авторитетных ученых, сотрудничество с зарубежными университетами.

К внутренним коммуникативным практикам можно отнести формы взаимодействия, привычки, навыки, традиции. Проблемы молодежи, ее жизненные устремления и притязания за последние десятки лет принципиально

не изменились, но нельзя отрицать постоянного присутствия Интернета, который влияет на все социальные процессы, с которыми сталкивается молодежь (имеется в виду, студенческая): характер общения друг с другом и преподавателями, специфика досуговых предпочтений. Интернет стал базовой формой жизни и формирует ее в виртуальном пространстве посредством новых коммуникативных практик.

Большинство студентов используют Интернет для социальных сетей. Популярность последних объяснима: сегодня там сконцентрированы возможности как для общения, так и разнообразные аудио-, видео-, и текстовая информация. В настоящее время социальные сети являются основным каналом коммуникации и социального взаимодействия в студенческой среде.

В апреле 2022 г. ВЦИОМ проводил исследование по наиболее популярным социальным сетям: WhatsApp (87 %), YouTube (75 %), «ВКонтакте» (62 %), а также Telegram (55 %) и «Одноклассники» (42 %) [3].

В сети Интернет студенты становятся обезличенными (в виртуальном мире человек может выглядеть таким, что никак не будет совпадать с тем, как он выглядит и что собой представляет в реальности). Все это стало следствием того, что современная молодежь утеряла такое понятие, как доверие. Доверие в их понимании, это не уверенность друг в друге, а то, в какой мере то, что они говорят, соответствует правде или нет. В этом смысле они постоянно ищут так называемые proofы. Беседы в мессенджерах выглядят как копии, скриншоты и пересылка чужих сообщений, ссылаясь не на себя, а на кого-то. И в этом смысле даже самый ненадежный человек (в понимании старшего поколения) в виртуальном пространстве может получить авторитет и быть достоверным источником. У молодежи все восприятие идёт через юмор и шутки (понятные, как правило, только в их среде). Для побуждения их к действиям недостаточно просьбы, нужно чтобы их «зацепило», и тогда они будут делать.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить развитию системного видения коммуникативной деятельности университетов как одной из основ рыночной стратегии и усилению взаимодействия научно-образовательных учреждений.

Социальные институты для достижения своих целей нуждаются в эффективных механизмах взаимодействия со своей целевой аудиторией.

Изменения особенностей социальных взаимодействий, происходящих в информационном обществе, влекут за собой и изменения коммуникативных практик.

Список литературы

1. Межуев В.М. Государство и культура. //право и культура: монография / под общ. ред. В.К. Егорова, Ю.А. Тихомирова, О.Н. Астафьевой. – М.: Издательство РАГС, 2009. – 464 с.
2. Малашина Т.И. Специфика коммуникативных процессов в современном образовании // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». Т. III. М.: Проспект, 2017. - 840 с.
3. ВЦИОМ: Российская аудитория социальных сетей и мессенджерах: изменения на фоне спецоперации. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-imessendzherov-izmenenija-na-fonespecoperacii (дата обращения: 01.07.2023).
4. Осмоловская С.М. Коммуникационные практики высшей школы: социологический анализ// Коммуникология. 2019. Том 7. № 3. С. 47-56.

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ОДОБРЯЕМЫХ КАЧЕСТВ МОЛОДЕЖИ

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL OPPORTUNITIES FOR THE FORMATION OF SOCIALLY APPROVED QUALITIES OF YOUTH

И.С. Карпикова
Байкальский государственный университет, г. Иркутск
I.S. Karpikova
Baikal State University, Irkutsk

Определена роль формирования социально одобряемых качеств в жизнедеятельности общества. Приведены результаты исследований, характеризующие проблемы формирования социально одобряемых качеств у молодых россиян. Сформулированы направления деятельности государства и общества социоэкономического и социокультурного свойства по формированию у молодежи социально одобряемых качеств.

The role of the formation of socially approved qualities in the life of society is determined. The results of research characterizing the problems of the formation of socially approved qualities in young Russians are presented. The directions of activity of the state and society of socio-economic and socio-cultural properties on the formation of socially approved qualities among young people are formulated.

Ключевые слова: молодежь, социально одобряемые качества, социальное иждивенчество, социально одобряемые цели, поведенческие установки

Keywords: youth, socially approved qualities, social dependency, socially approved goals, behavioral attitudes

Формирование у молодежи социально одобряемых качеств, являющихся концентрированным выражением доминирующей системы ценностей, является залогом жизнеспособности общества. В рамках исследования «Культурное наследие и связь поколений», проведенного Российским обществом социологов в 2022 г., ряд вопросов был посвящен оценке молодыми респондентами тех личностных качеств, которые должны быть присущи человеку в идеальном обществе. Отметим, что такие качества, как «трудолюбие», «ответственность за себя и других», «взаимопомощь», «соблюдение моральных норм», получили у респондентов высокие оценки – от 72 до 76 % участников опроса назвали их в числе необходимых [1], что свидетельствует о понимании ими важнейших для современного общества ценностных основ. В то же время система базовых ценностей должна быть не только понимаема, но и разделяема членами общества, что в реальной жизни совпадает не всегда, проявляясь в самых разных аспектах жизнедеятельности молодого поколения.

Примером подобного рода может служить изучаемое автором на протяжении ряда лет такое явление общественной жизни, как социальное иждивенчество, практики которого в современной России весьма обширны и многообразны. Так сравнительный анализ оценок по возрастным категориям позволяет утверждать, что именно молодое поколение проявляет наивысшую лояльность к практикам социального иждивенчества. Представители населения в возрасте до 30 лет не только демонстрируют нейтральное и даже позитивное отношение к индивидам, живущим за счет общества и не прилагающим усилий к своему жизнеобеспечению, но и сами активно вовлечены в иждивенческие практики в качестве родителей, имеющих детей, лиц, не занятых в общественном производстве, детей-сирот и представителей иных категорий населения. Такая лояльность молодежи к иждивенческим поведенческим установкам является для социума тревожным симптомом, поскольку может обернуться ростом поведенческих деформаций и даже девиаций [2].

Подобная поведенческая позиция части молодежи была косвенно подтверждена другим авторским исследованием – отношения населения к возможному внедрению в России такого социозащитного инструмента, как безусловный базовый доход, представляющий универсальную социальную выплату всем гражданам, безотносительно уровня их нуждаемости и трудового

вклада. И вновь максимальное одобрение подобной меры было высказано респондентами до 30 лет [3].

Данные примеры подтверждают тезис о том, что формирование социально одобряемых целей и на их основе социально одобряемых качеств молодежи обусловливают необходимость целенаправленных усилий социума.

Важно, что задача формирования социально одобряемых целей сегодня испытывает на себе глубочайшее воздействие идеологии общества всеобщего потребления, деформирующего систему ценностей [4], определяя социально одобряемые цели исключительно в виде обладания престижными объектами материального мира. В то же время первооснову социально одобряемых целей здоровое общество всегда видело в реализации общечеловеческих ценностей, основанных на взаимном уважении, учете интересов каждого, справедливости во взаимоотношениях.

Характеристика социально одобряемых качеств, высоко оцененных молодыми респондентами исследования «Культурное наследие и связь поколений», позволяет определить основные направления деятельности социума по их формированию, среди которых особую роль играет создание условий социоэкономического и социокультурного свойства. При этом в социоэкономическом плане необходимо решать проблемы в сфере труда и занятости, в социокультурном – преодоления социального пессимизма, безудержного потребительства, формирования активного отношения к жизни.

Говоря о направлениях деятельности социоэкономического характера, отметим их первоочередную необходимость для лиц из числа молодежи. Что же касается формирования позитивной социокультурной среды, то данное направление в любом обществе объективно сориентировано на молодежь и детей [5]. Важно отметить и тесную взаимосвязь социоэкономических и социокультурных аспектов деятельности, что на практике приводит к их объединению в рамках одних и тех же направлений и реализуемых мер.

Выделим ряд первоочередных направлений формирования у молодежи социально одобряемых целей и качеств.

1. *Обеспечение возможностей трудовой занятости*. К мерам общего характера в рамках данного направления относятся: создание новых рабочих мест, особенно по рабочим профессиям; повышение уровня оплаты труда; развитие самозанятости и предпринимательства; возможности получения профессий, востребованных на рынке труда, в том числе путем переобучения.

Указанные меры касаются всех субъектов рынка труда, но применение их к молодежи может обеспечить мультипликативный эффект не только для

экономики, но и в сфере социального благополучия, поскольку для людей, начинающих трудовую жизнь, поддержка государством их желания трудиться, создать собственное дело с большей степенью вероятности будет воспринята как позитивный сигнал. С одной стороны, это поможет обеспечить молодым людям особые финансовые и организационные возможности для начала трудовой деятельности и собственного дела в силу ограниченности у них собственных материальных и квалификационных ресурсов, а с другой – посредством самозанятости, участия в бизнес-процессах формируются те качества личности, недостаток которых ощущается сегодня у молодых, – инициативность, самостоятельность, чувство ответственности.

В то же время в сфере занятости существуют проблемы, непосредственно связанные с положением молодежи на рынке труда. Недостаток квалифицированных современных рабочих мест, отсутствие перспектив карьерного роста и доходов становятся серьезным испытанием для молодежной занятости. Весьма актуально предложение о возврате системы трудоустройства выпускников в виде распределения, но с учетом современных условий, например, экономически стимулировать работодателей брать на работу выпускников учреждений среднего профессионального и высшего образования.

2. *Трудовое воспитание.* Мотивация молодежи к труду, предпринимательству, самообеспечению, самостоятельности и независимости является результатом воспитательной работы в обществе, в том числе проводимой в системе общего и профессионального образования. Одной из негативных черт последних десятилетий стало фактически разрушение системы трудового воспитания в рамках образовательного процесса, а в условиях кризиса семейного воспитания данная ниша оказалась незаполненной [6]. Возвращение трудового воспитания в образовательный процесс на всех уровнях его реализации, укрепление возможностей семей в приучении подрастающего поколения к труду (например, путем расширения практики заключения с домохозяйствами социальных контрактов) дает обществу шанс на формирование в дальнейшем у молодых людей отношения к труду как необходимому элементу жизнедеятельности любого человека, как средству достижения социально одобряемых целей.

3. *Развитие добровольчества (волонтерства).* Помимо трудового воспитания важнейшим способом формирования у молодых людей активного и сознательного отношения к жизни, осознания общечеловеческих ценностей является развитие добровольчества, которое в последние годы весьма органично вписалось в систему социального взаимодействия и в условиях ослабления

позитивного влияния других социальных институтов определенным образом восполнило возникший пробел воспитательной деятельности в российском обществе. Данную практику, подтвердившую свое положительное влияние на молодое поколение, необходимо развивать и расширять.

В заключение отметим, что задача формирования здоровой, позитивной «критической массы» в молодом поколении для нашего общества разрешима путем реализации и повышения имеющегося позитивного потенциала с помощью рассмотренных нами направлений деятельности.

Список литературы

1. Культурное наследие и связь поколений [Электронный ресурс] // URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdIe1WUnP48TzTag0rRj_-CHNZ0RFCukEC-VVjjREDGOmX1ow/viewanalytics?pli=1&pli=1 (дата обращения: 14.07.2023).
2. Практики социального иждивенчества в современной России: монография / под ред. И.С. Карпиковой. – М.: Библио-Глобус, 2018. 204 с.
3. Карпикова И.С. Категория безусловного базового дохода в фокусе общественного сознания: опыт регионального исследования / И.С. Карпикова, А.А. Соломеин, Р.Ф. Даутов // Вестник Евразийской науки. 2022. № 3.
4. Шаровская А.В. Социальное иждивенчество как проявление проблемы самоактуализации личности общества потребления / А.В. Шаровская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10–1. С. 205–208.
5. Шевелева Н.П. Предпосылки формирования социального иждивенчества в среде российской молодежи / Н.П. Шевелева, И.С. Кузнецов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 21–23.
6. Шевелева Н.П. Трудовое воспитание в профилактике социального иждивенчества молодежи / Н.П. Шевелева, И.С. Кузнецов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 3. С. 34–36.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В СОПРИЧАСТНОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ КРЫМА
FOLK CULTURE IN THE INVOLVEMENT OF THE YOUNGER GENERATION OF CRIMEA

И.Ю. Кошель
Директор Автономной некоммерческой организации «Медиацентр «Керчь», г. Керчь
I.Yu. Koshel
Director of the Autonomous Non-profit Organization "Media Center "Kerch", Kerch

Представлена интерпретация данных исследования РОС «Культурное наследие и связь поколений», проведенного на территории Крыма в сегменте отношения студенчества к народной культуре. Определена важность для молодежи историко-культурной сохранности ряда конкретных форм традиционной культуры. Систематизированы и ранжированы элементы народной культуры, присваиваемые в качестве национально-культурного наследия в рамках семьи.

The thesis presents an interpretation of the data of the RSS study «Cultural Heritage and Connection of Generations», conducted on the territory of Crimea in the segment of students' attitudes to folk culture. The importance of historical and cultural preservation of a number of specific forms of traditional culture for young people is determined. The elements of folk culture assigned as national and cultural heritage within the family are systematized and ranked.

Ключевые слова: народная культура, молодое поколение, семья, этнонациональное разнообразие, культурное наследие, Крым, исследование РОС.

Keywords: folk culture, young generation, family, ethno-national diversity, cultural heritage, Crimea, RSS study.

Современный поликультурный пласт крымского полуострова с его многообразными традициями национальных культур исторически сформирован социальными миграциями, которые в течение многих столетий повлияли на формирование общности, именующей сегодня себя крымчанами. Принято считать, что культура конкретного народа сохраняется, если каждое очередное молодое поколение интересуется историей, традициями, обычаями своей моно/полинациональной принадлежности, реализующейся в семье. В условиях Крымского полуострова, представляющего 176 этнонациональных групп, воплощающих своим социокультурным многообразием теорию мультикультурализма, подобное мнение представляется актуальным. Однако, механизм присвоения народной культуры, а также степень значимости каждого

традиционного элемента в жизни крымской молодежи на современном этапе развития общественных отношений находится на стадии изучения.

Наш анализ базируется на исследовании РОС «Культурное наследие и связь поколений», проведенном 15 апреля – 31 мая 2022 г., организатором которых на Крымском полуострове был автор тезисов, и в рамках которого были опрошены студенты очных и заочных отделений ряда вузов Крыма в гг. Симферополь и Керчь. Всего в опросе приняли участие 109 респондентов, представляющих широкий спектр самоидентифицированных национальностей студенчества (русские, украинцы, крымские татары, белорусы, армяне, немцы, греки).

Определение важности народной культуры, значимости различных её элементов в жизни молодежи Крыма на современном этапе его развития является целью нашего анализа.

Культура – многогранное явление, в рамках которого народная культура как объединительная общность культурных связей и механизмов жизнедеятельности включающая культурные пласты разных эпох, имеет определяющее значение в сохранении национального самосознания индивида.

Знание культуры своего народа, причастность к определенному роду в современном мире является трендом. Сопричастность к народной культуре определяли и молодые крымчане. Выяснилось, что лишь незначительное число респондентов не относят свою национальную принадлежность к конкретному этно-национальному культурному пространству. 4,6% указали, что не обязательно знать, поскольку в современном мире это не важно, а культуры отдельных народов давно потеряли свою актуальность. При этом 48,6% респондентов ощущают свою принадлежность к определенному этносу и заинтересованы в сохранении его традиций. А 46,8% респондентов считают, что человек не только должен хорошо знать культуру своего народа, но и ориентироваться в культурном наследии других народов, что в рамках крымского полуострова лишь подчеркивает мультикультурную направленность мышления молодого поколения.

Важность сохранения народной культуры во мнениях молодого поколения – показатель потенциала её существования. Значительное число опрошенных (76,1%) отметили, что необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать её потомкам. Однако часть респондентов (10,1%) выразили согласие с позицией, что народная культура – пережиток прошлого, а в мире есть куда более интересные и важные культурные явления. Затруднились ответить 11,0%, что является показателем того, что у части молодежи ещё не сформировано в полной мере понимание значимости народной культуры как элемента саморазвития и утверждения национального многообразия.

Личностное отношение к народной культуре включает понимание молодежью элементов, её составляющих. Из перечня, представленного в таблице (см. Табл.1), в трактовке определенных и колеблющихся позиций следует, что важное значение в восприятии народной культуры для молодых крымчан представляют все указанные в перечне позиции: национальная кухня (97,3%), народное искусство (93,6%), похоронный обряд (84,4%), народные песни (88%), традиционная религия (83,5%), народный танец (86,2%), народный костюм (82,6%), традиции крещения, обрезания (71,6%), свадебного обряда (78,9%), главенства старшего в роду (75,2%), главенства мужчины в семье (69,8%). Такие социальные факторы, которые не являются атрибутом народной культуры, а приобретаются в определенном социально-историческом контексте как «семейные традиции» и «равенство мужчины и женщины», тоже были отмечены значительным количеством респондентов: (95,4%) и (89,9%) соответственно.

Таблица 1

Важность сохранения элементов культуры для респондентов

N п/п	Подвопросы:	не важно	и да, и нет	важно
1	Национальной кухни	2,8%	14,7%	82,6%
2	Семейных традиций	4,6%	17,4%	78,0%
3	Народного искусства	6,4%	23,9%	69,7%
4	Равенства мужчины и женщины	10,1%	27,5%	62,4%
5	Похоронного обряда	15,6%	27,5%	56,9%
6	Народных песен	11,9%	38,5%	49,5%
7	Традиционной религии	16,5%	32,1%	51,4%
8	Народных танцев	13,8%	38,5%	47,7%
9	Народного костюма	17,4%	45,0%	37,6%
10	Традиции крещения, обрезания и др.	28,4%	23,9%	47,7%
11	Свадебного обряда	21,1%	41,3%	37,6%
12	Главенства старшего в роду	25,7%	36,7%	37,6%
13	Главенства мужчины в семье	30,3%	34,9%	34,9%

Следует отметить, что большое значение для сохранения традиционной народной культуры имеет семья. Здесь происходит процесс присвоения культурных норм народа, обогащения и трансформации устоявшихся обычаев и традиций, приятия образа нации, происходит становление национального самосознания, прививается эмоционально-ценностное отношение человека к собственной этно-национальной культуре и уважение других традиционных культур.

В процессе анализа данных исследования выявлено, что устойчиво высокими показателями идентификации народной культуры и её передачи от старших поколений к младшим являются элементы культуры, связанные с этническим языком (см. Табл. 2). Установлено, что учат и пользуются родным языком в повседневности все поколения семьи от её старших представителей до младших. Так же стабильно высокое количество молодых респондентов по отношению к их взрослым родственникам читают литературу на родном языке (76,9% и 77,5% соответственно). При этом условия информационного мира и накопленный опыт предыдущих поколений влияют на уменьшение комплектования библиотек. 37,4% студентов отметили, что осуществляют собирательство библиотеки на родном языке, в то время как этой деятельностью охвачено 61,8% их прародителей.

Таблица 2

Проявление отношения семьи к народной культуре

№ п/п	Показатели	Вы лично	мама, папа	бабушка, дедушка
1	Учат и пользуются родным языком в повседневности	73,6%	84,2%	79,4%
2	Читают литературу на родном языке	76,9%	76,2%	77,5%
3	Собирают библиотеку на родном языке	37,4%	41,6%	61,8%

Практически половина опрошенных (50,5%) отметили (см. Табл. 3), что уважают и соблюдают народные обычаи, предполагая, что данное отношение характерно для 83,3% их бабушек и дедушек. Однако наибольший процент относительно соблюдения традиций составила позиция приготовления блюд национальной кухни (59,3% у младшего поколения семьи и 80,4% у старшего). В то же время, слушают национальную музыку (44,0%), знают и поют народные песни 36,3% студентов, что существенно ниже по отношению к этим позициям их старших родственников (64,7% и 65,7% соответственно).

Традиционно высокие показатели сохраняются у взрослого поколения семьи относительно отправления религиозных обрядов (48,0%) и использования народной медицины (52,0%), но имеют устойчивую тенденцию к снижению у последующих поколений и у студентов представлены 16,5% и 19,8% соответственно.

Достаточно высокий показатель – 36,3% обращения к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами у старшего поколения имеет тенденцию к снижению и у молодежи и представлен 15,4%.

Достаточно высокий показатель «воспитание детей в традициях своего народа» – свыше 50%, приписываемый респондентами двум предыдущим поколениям родителей не может быть репрезентативным по отношению к респондентам, поскольку лишь небольшой процент из них имеют своих детей.

Таблица 3

Проявление отношения семьи к народной культуре

№ п/п	Показатели	Вы лично	мама, папа	бабушка, дедушка
1	Уважают и соблюдают народные обычаи	50,5%	62,4%	83,3%
2	Готовят блюда национальной кухни	59,3%	86,1%	80,4%
3	Знают и поют народные песни	36,3%	40,6%	65,7%
4	Слушают национальную музыку	44,0%	51,5%	64,7%
5	Отправляют религиозные обряды	16,5%	33,7%	48,0%
6	Используют народную медицину	19,8%	34,7%	52,0%
7	Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	15,4%	29,7%	36,3%
8	Воспитывают детей в традициях своего народа	11,0%	50,5%	52,0%

С каждым последующим поколением, проживающим в условиях массовой культуры, существенно изменяется отношение к традиционным ранее формам выражения народной культуры (см. Табл. 4). Уже в проявлениях старшего поколения семьи заметна не столь значительная обращаемость к ряду востребованных прежде атрибутов, которая, значительно снижается у поколения студентов. Танцуют народные танцы 17,6% респондентов по отношению к 29,4% их бабушек и дедушек, играют на национальных музыкальных инструментах 6,6% по отношению к 28,4% у старшего поколения, используют в одежде элементы народного костюма 11,0% по отношению к 26,5%, освоили народные промыслы 11,0% по отношению к 27,5%, вышивают, вяжут, лепят в народном стиле 12,1% по отношению к 39,2% старшего поколения, имеют собственный национальный костюм всего 4,4% студентов по отношению к 18,6% старшего поколения.

Таблица 4

Проявление отношения семьи к народной культуре

№ п/п	Показатели	Вы лично	мама, папа	бабушка, дедушка
1	Танцуют народные танцы	17,6%	19,8%	29,4%
2	Играют на национальных музыкальных инструментах	6,6%	11,9%	28,4%
3	Используют в одежде элементы народного костюма	11,0%	12,9%	26,5%
4	Освоили народные промыслы	11,0%	19,8%	27,5%
5	Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	12,1%	20,8%	39,2%
6	Имеют собственный национальный костюм	4,4%	12,9%	18,6%

Данные свидетельствуют, что конкретная народная культура в многонациональном сообществе Крыма остаётся важной составляющей жизни молодого человека. Этот процесс сложен, многогранен, а перспектива его развития представлена выбором молодежи. Следует отметить, что передача и соблюдение традиций из поколения в поколение в рамках семьи имеет устойчиво высокие показатели по одним позициям, например, все формы сопричастности к национальному языку, а по другим – тенденции к снижению, например, востребованность национального костюма.

В целом, погружение молодежи в ценностные формы этнически близкой народной культуры и принятие иных народных культур Крымского полуострова позитивно влияют на формирование целостности поликультурной общности.

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2020

NATIONAL IDENTIFICATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH: WHAT ARE THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS 2020

Л.Н. Липатова
Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург
L.N. Lipatova
North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

Анализируются итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Подчеркивается резкий рост удельного веса граждан, уклонившихся от ответа на вопрос о национальной принадлежности, а также случаев указания несуществующих национальностей. Это стало следствием разрушения советской системы патриотического воспитания школьников. О дефектах в организации патриотического воспитания подрастающего поколения говорят и результаты социологических опросов. Остро необходима разработка системы патриотического воспитания российской молодежи, в которой должны принять участие ученые, представители родительского сообщества, молодежных организаций, лидеры общественного мнения, авторитетные в молодежной среде общественные деятели.

The results of the All-Russian Population Census of 2020 are analyzed. The sharp increase in the proportion of citizens who evaded the question of nationality, as well as cases of indicating non-existent nationalities, is emphasized. This was a consequence of the destruction of the Soviet system of patriotic education of schoolchildren. The results of sociological surveys also speak about defects in the organization of patriotic education of the younger generation. There is an urgent need to develop a system of patriotic education of Russian youth, in which scientists, representatives of the parent community, youth organizations, public opinion leaders, public figures authoritative in the youth environment should take part.

Ключевые слова: всероссийская перепись населения, национальность, национальная структура, национальная принадлежность, национальная самоидентификация, патриотическое воспитание, поколенческий разрыв.

Keywords: all-Russian population census, nationality, national structure, nationality, national identity, patriotic education, generational gap.

Итоги Всероссийской переписи населения-2020 показали, что значительно изменилась национальная структура населения страны. Другой

настораживающий результат этого масштабного и очень затратного мероприятия – большая численность респондентов не захотели отвечать на вопрос о своей национальной принадлежности: из 147182123 россиян указали свою национальность только 130587364 чел., то есть 11,3 % этот вопрос проигнорировали.

Кроме того, многие граждане ответили на этот вопрос, как им, наверное, казалось, в шутливой манере, указав несуществующие национальности. Хотя безобидной шуткой такое поведение назвать никак нельзя. Это не только сильно затруднило обработку результатов переписи, но главное – снизило их точность, а значит, на годы вперед ухудшило возможность обоснования мер государственной национальной политики.

Напомним, что Росстат в перечень существующих национальностей в перепись 2020 г. включил 194 наименования. А на вопрос о национальной принадлежности поступило 1654 разных вариантов ответов, в числе которых англо-русские, англо-чукчи, афрорусские, атеисты, баптисты, буддисты, бедуины, могикане и т. п.

И таких «шуточных» ответов было дано очень много. Если учесть число ответов, содержащих только наиболее часто встречающиеся несуществующие национальности (отнести их к какой-либо известной национальности невозможно), то численность граждан, учтенных в ходе переписи и не указавших свою национальность, увеличивается до 12,2 %.

Можно говорить о том, что в ходе переписи населения получен такой незапланированный результат – поставлен неутешительный диагноз российскому населению в целом – перепись выявила серьезные дефекты образования и воспитания молодежи в нашей стране. О том, что эта национальная во всех смыслах проблема связана именно с молодежью говорит сильно изменившееся отношение респондентов к вопросу переписной анкеты о национальной принадлежности: еще в 2010 г. удельный вес не указавших национальность составлял 3,9 %, а в 2020 г. этот показатель увеличился почти в 4 раза, достигнув 11,6 % (национальность не указана + ответ «нет национальности»).

Но еще больше настороженности вызывает резкий рост численности граждан, отказавшихся отвечать на этот вопрос: в 2010 г. таких было 0,4 %, 2020 г. – 4,8 %. Это очень опасный сигнал, и требует немедленного реагирования путем организации систематической работы по патриотическому воспитанию российской молодежи.

О том, что именно молодежь не особо ценит свою принадлежность к российскому народу, говорит тот факт, что в 2010 г. не было столько вариантов

«шуточных» ответов на вопрос о национальной принадлежности: в 2010 г. указали несуществующие национальности 0,05 % респондентов, в 2020 г. – 0,95 % (в 20 раз больше!), таблица 1.

Таблица 1

Показатели, отражающие отношение населения к вопросу о национальной принадлежности [1]

Показатель	2010	2020
Все население	142 856 536	147 182 123
Указавшие национальную принадлежность	137 227 107	130 587 364
Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные 194 (2020), 193* (2010) наименования)	66648	1 393 685
Нет национальной принадлежности	н / д	542 201
Лица, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана	5 629 429	16 594 759
среди них: отказавшиеся отвечать на вопрос о национальной принадлежности	583747	7 004 052

** В 2020 г. добавились* ***Алюторцы*** *(карагинцы, намыланы, нымыланы), ранее считавшиеся субэтнической группой коряков*

Выявленные деформации национального самосознания россиян и нечеткую сформированность его у молодого поколения нельзя отнести на ошибку учета. К сожалению, социологические опросы тоже свидетельствуют о нарастании так называемого «поколенческого разрыва», что связано с недооценкой роли патриотического воспитания в формировании личности молодого человека. Со всей очевидностью об этом свидетельствуют результаты, полученные ВЦИОМ: с каждым последующим поколением доля граждан, признающих, что школа должна воспитывать патриотизм, заметно снижается. Максимальным этот показатель был среди представителей старшего поколения, которые обучались в то время, когда в школах проводилась систематическая активная работа по патриотическому воспитанию.

Многие участвовавшие в опросе недавние школьники (18 – 24 лет), большинство из которых признали, что школа должна способствовать формированию моральных качеств молодежи, не согласны с тем, что школьное образование должно воспитывать в молодых людях и патриотизм (только 46 % респондентов этой возрастной категории согласились с этим). Доля опрошенных, признающих данную функцию за школой, увеличивалась в каждой последующей возрастной группе: 25 – 34 года – 54 %, 35 – 44 года – 69 %, 45 – 59 лет – 73 %, старше 60 лет – 75 % [2].

Таким образом, Всероссийская перепись населения 2020 г. поставила перед научным сообществом большое число вопросов: Чем объяснить поведение почти 17 млн россиян, отказавшихся, умолчавших или умышленно исказивших

ответ на вопрос о национальной принадлежности? Какие возрастные и социальные категории преобладают среди уклонившихся от ответа на этот абсолютно нейтральный вопрос? Почему с каждой переписью численность россиян, не желающих сообщить свою национальность, становится все больше?

Можно говорить о том, что Всероссийская перепись населения 2020 г., кроме демографических проблем, выявила серьезные упущения в организации воспитательной работы с молодежью. Об этом говорит большая численность граждан, отказавшихся отвечать на вопрос о национальной принадлежности и указавших несуществующие национальности. О дефектах в организации патриотического воспитания подрастающего поколения говорят и результаты социологических опросов.

Остро необходима разработка системы патриотического воспитания российской молодежи. К этой работе должны быть привлечены ученые, представители родительского сообщества, молодежных организаций, лидеры общественного мнения, авторитетные в молодежной среде общественные деятели.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2010 / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики / URL: https://rosstat.gov.ru; Всероссийская перепись населения 2020 / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 20.04.2023).

2. Поколенческий разрыв: опрос показал, что молодые россияне глухи к патриотизму / URL: https://newizv-ru.turbopages.org/newizv.ru/s/article/general/16-05-2022/pokolencheskiy-razryv-opros-pokazal-chto-molodye-rossiyane-gluhi-k-patriotizmu (дата обращения: 15.04.2023).

ВЛИЯНИЕ СООТВЕТСТВИЯ ЦЕННОСТЕЙ "ЧЕЛОВЕК – ОРГАНИЗАЦИЯ" НА ОТНОШЕНИЕ СОТРУДНИКОВ К РАБОТЕ ПРИ МОДЕРАЦИОННОЙ РОЛИ ВОСПРИНИМАЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ

THE IMPACT OF PERSON-ORGANIZATION VALUE FIT ON EMPLOYEE ATTITUDES WITH THE MODERATING ROLE OF PERCEIVED ORGANIZATIONAL SUPPORT

Рашид Мухаммад
Аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Пакистан
Rashid Muhammad
Lobachevsky University, Pakistan

Основной целью данного исследования является изучение влияния соответствия ценностей "человек – организация" на отношение сотрудников к работе, включая удовлетворенность карьерой, удовлетворенность работой и организационную приверженность, а также получение информации о том, как воспринимаемая организационная поддержка модерирует их взаимосвязь. Данные для исследования были получены от 150 сотрудников из различных организаций, включая государственные и частные. Для получения информации использовалась закрытая анкета. Результаты показали, что соответствие ценностей "человек – организация" положительно влияет на отношение сотрудников к работе, включая удовлетворенность карьерой, работой и приверженность к данной организации. Воспринимаемая организационная поддержка положительно модерирует их взаимосвязь. Данная работа поможет HR-службе разработать политику, которая позволит сотрудникам чувствовать поддержку и сформировать культуру, соответствующую отношениям между организацией и сотрудниками.

The main objective of this study is to perceive the impact of person-organization value fit on employee attitudes including career satisfaction, job satisfaction and organizational commitment and to get information how perceived organizational support moderates their relationships. The data for the research was collected from 150 personnel from many organizations including government and private sector. Close ended questionnaire was adopted to get the information. The results showed that person-organization value fit positively effects the employee’s attitudes including satisfaction about career, job and commitment related to that particular organization. Perceived organizational support moderates their relationship positively. This paper provides help to HR department in developing the policies by which employee feel supportive and develop the culture that fits between organization and employees.

Ключевые слова: соответствие ценностей "человек – организация"; удовлетворенность карьерой; организационная приверженность; удовлетворенность работой; организационная поддержка

Keywords: person-organization value fit; career satisfaction; organizational commitment; job satisfaction; organizational support

Несмотря на то, что было опубликовано несколько научных работ, посвященных поведению сотрудников, исследование текучести кадров остается актуальной проблемой. Высокая текучесть кадров обходится организациям очень дорого и вредит общей эффективности и успеху организации. Неприятной реальностью является то, что во всем мире высококвалифицированные работники имеют высокие показатели текучести кадров.

Серьезное исследование конкретной темы "Человек – организация" (PO fit) характеризует ее как важнейшую функцию, обеспечивающую прогрессивное отношение к занятости не только работника, но и организации [1]. Определение значения "человек – организация" указывает на "сходство в намерениях между персоналом и организациями" [2]. Проведенные ранее исследования указывают на то, что человек – организация имеют тесную связь с гражданским поведением, приверженностью, удовлетворенностью работой, производительностью труда [3]. Примечательно, что проведенные исследования указывают на отрицательное влияние ценности "человек –организация" на намерения текучести кадров. Исследования показывают, что сотрудники, которые чувствуют, что их организация оказывает им поддержку, имеют низкие намерения уйти [4]. Концепция соответствия "человек – организация" описывает результаты как для сотрудников, так и для организаций. В предыдущих исследованиях были получены убедительные эмпирические данные о положительной взаимосвязи соответствия "человек-организация" организационной приверженности и удовлетворенности работой, которая оказывает негативное влияние на намерения уйти с работы. Согласно теории организационной поддержки [5], у сотрудников формируется ощущение, что организация рассматривает их как активы и оказывает им поддержку как в личных достижениях, так и в организационных. Когда сотрудники чувствуют, что организация оказывает им большую поддержку, они очень активно участвуют в достижении целей и задач организации. Данная работа посвящена изучению влияния адаптации ценности "человек – организация" на профессиональную удовлетворенность, удовлетворенность работой и организационные обязательства; предыдущие исследования показывают, что адаптация "человек – организация" оказывает положительное влияние. Исследования, которые будут проводиться в будущем, должны изучать больше

переменных, таких как модерирующие. Кроме того, было показано, как влияют на отношение работника к организации такие атрибуты, как надежда, и такие контекстуальные составляющие, как LMX и восприятие организации, а в дальнейших исследованиях можно проверить непредсказуемость модерации, чтобы получить полное представление о том, как и каким образом P-O value fit влияет на результаты переменных. В данном документе воспринимаемая поддержка организации модерирует взаимосвязь между ними. Исследование проводилось в условиях Пакистана, где люди испытывают положительное желание работать в государственных секторах. Исследуя эти типы переменных, можно допустить, что модераторы описывают логику отсутствия заметной связи между многими ценностными соответствиями, удовлетворенностью работой и организационной приверженностью. Однако настоящее исследование сосредоточено на выявлении влияния соответствия конкретных ценностей P-O на отношение работников к работе, а дальнейшие исследования могут проверить непредсказуемость модераторов, чтобы дать полное представление о том, как и каким образом соответствие ценностей P-O влияет на результаты переменных. В данном документе воспринимаемая поддержка организации модерирует взаимосвязь между ними.

Сбор первичных данных для данного исследования осуществлялся с помощью закрытой анкеты. Материалы были собраны в ходе личных интервью с работниками совершенно разных уровней управления, предназначены только для понимания феноменов соответствия ценностей человека и организации и воспринимаемой поддержки организации в Исламской Республике Пакистан и не используются для интерпретации результатов. Информация, собранная в ходе исследования для анализа, взята из различных государственных и частных организаций. Для проверки валидности опросника было проведено пилотное исследование. Сто пятьдесят пять анкет были разосланы по организациям, из них пришло 152 анкеты. Доля ответивших составила 98%. Пара анкет была отклонена, так как не давала достаточной информации для проведения анализа. Для окончательного анализа использовалась выборка объемом 150 человек.

Исследование, проведенное Bretz Jr & Judge [6], тоже описывает положительную связь между соответствием ценностей человека и организации и удовлетворенностью карьерой сотрудников организации. Сотрудники, которые чувствуют, что организация и руководство оказывают им поддержку, удовлетворены своей карьерой. Подтверждается, что соответствие ценностей "человек – организация" предсказывает положительную связь с удовлетворенностью работой, а организационная поддержка усиливает эту связь [7]. Исследование показало, что соответствие ценностей человека и организации

положительно влияет на удовлетворенность работой, организационную приверженность и отрицательно на намерение перейти на другую работу. Поддержка со стороны организации оказывает прямое положительное влияние на организационную приверженность и на намерения перевербовки. Результаты исследования показывают, что соответствие ценностей "человек – организация" положительно влияет на все используемые зависимые переменные, включая удовлетворенность карьерой, удовлетворенность работой и организационную приверженность. Исследование определило, что те сотрудники, чьи ценности соответствуют ценностям организации, испытывают большее удовлетворение от работы в организации, в результате чего снижается коэффициент текучести кадров. В данном исследовании воспринимаемая организационная поддержка используется в качестве модератора, во-первых, сотрудники, чьи ценности соответствуют их организации, и они чувствуют, что их организация оказывает им поддержку, включая поддержку руководителя, финансовую поддержку и многое другое, они очень преданы своей организации, они продолжают свою карьеру в ней.

Список литературы

1. Resick, C. J., Giberson, T. R., Dickson, M. W., Wynne, K. T., & Bajdo, L. M. (2013). Person- organization fit, organizational citizenship, and social-cognitive motivational mechanisms.
2. Kristof-Brown, A. L., Zimmerman, R. D., & Johnson, E. C. (2005). Consequences OF INDIVIDUALS'FIT at work: A meta-analysis OF person–job, person–organization, person–group, and person–supervisor fit. *Personnel psychology*, *58*(2), 281-342.
3. Youngs, P., Pogodzinski, B., Grogan, E., & Perrone, F. (2015). Person-organization fit and research on instruction. *Educational Researcher*, *44*(1), 37-45.
4. Jin, M., McDonald, B., & Park, J. (2016). Followership and job satisfaction in the public sector: The moderating role of perceived supervisor support and performance-oriented culture. *International Journal of Public Sector Management*.
5. Eisenberger, R., & Stinglhamber, F. (2011). *Perceived organizational support: Fostering enthusiastic and productive employees*. American Psychological Association.
6. Bretz Jr, R. D., & Judge, T. A. (1992). The relationship between person-organization fit and career success.
7. Chen, P., Sparrow, P., & Cooper, C. (2016). The relationship between person-organization fit and job satisfaction. *Journal of managerial Psychology*.

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

THE ROLE OF THE INTERNET SPACE IN THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL

Г.Ф. Ромашкина,
М.В. Худякова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень
G.F. Romashkina,
M.V. Khudyakova
Tyumen State University, Tyumen

Рассмотрено взаимное влияние включенности в Интернет-пространство и процессов формирования человеческого капитала. Человеческий капитал понимается через накопленные знания, навыки и умения, измеренные через уравнение Минсера. При этом контрольные переменные, кроме традиционных для социологов социально-экономических и социокультурных особенностей, включают индикаторы включенности людей в Интернет.

The mutual influence of inclusion in the Internet space and the processes of formation of human capital is considered. Human capital is understood through accumulated knowledge, skills and abilities measured through the Mincer equation. At the same time, the control variables, in addition to the socio-economic and socio-cultural characteristics that are traditional for sociologists, include indicators of people's involvement in the Internet.

Ключевые слова: киберпространство, человеческий капитал, поколение, социальные сети.

Keywords: киберпространство, человеческий капитал, поколение, социальные сети.

Концепция человеческого капитала объединяет идеи о том, как накопленные в социуме знания, навыки и умения определяю результативность людей в трудовой деятельности [1]. Эта концепция зародилась в экономической науке, но является междисциплинарной. В настоящее время исследования различных аспектов человеческого капитала проводят психологи, социологи, культурологи, педагоги [2]. В частности, авторитетна социологическая традиция изучения влияния различных аспектов социальной действительности и человеческой деятельности на процессы формирования человеческого капитала [3]. Например, подтверждены межпоколенческие различия деятельностных аспектов. Построение функции человеческого капитала на основе модифицированного уравнения Минсера позволяет измерить поведенческие особенности включенности людей в киберпространство, в том числе и по линии поколенческих различий [4].

Интернет – пространство уже захватило внимание всех слоев населения, которые, в принципе, имеют возможность выйти в Интернет. Современный мир не ограничивает людей в том, что они хотят увидеть в этом пространстве. Основные ограничения заключаются в самих людях. Социальные сети являются одним из наиболее популярных в настоящее время инструментом трансфера культурных символов и кодов. Вполне закономерно, что разные поколения обращаются к разным интернет-сообществам. Но в этих Интернет-сообществах можно выполнять различные задачи.

Эмпирические данные подтверждают, что характер включения в киберпространство имеет сильные различия по различным социокультурным и социально-экономическим основаниям. По результатам массового социологического опроса мы показали, например, что не имеют значимых поколенческих различий включенность в Интернет или в социальные сети как таковые. Но важные различия заключаются в том, какие задачи решают люди в киберпространстве. Например, средний возраст тех, кто пользовались за последний год Интернетом для развлечений, – 37 лет (78% выборки в целом), тогда как «нет» ответили 22% выборки, а средний возраст – 48 лет. Посещали социальные сети в последние 12 месяцев 84% выборки, а не посещали 16%, но средний возраст в выборках уже не различается, значимость таких различий нивелируется. Общение в Интернет-пространстве тоже не имеет значимых различий по возрасту, если нивелировать социально-экономические различия. Самые сильные различия наблюдаются по функциям, которые значимы для людей в киберпространстве. Методически можно измерить такие различия через значение индекса человеческого капитала по модифицированному уравнению Минсера. Уровень накопленного человеческого капитала среди работающих людей, невзирая на различия в возрасте, становится существенно выше в группе тех, кто выполняет в киберпространстве рабочие задачи, обучается, ищет специальную информацию.

Список литературы

1. Becker G. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. // Columbia University Press, New York. 1964.

2. Eckardt R., Crocker A., Chou-Yu T. () Clarifying and empirically assessing the concept of human capital resource emergence. // The International Journal of Human Resource Management. 2021. Vol. 32. Iss. 2: 279–306.

3. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Худякова М.В., Печеркина И.Ф. Изучение человеческого капитала: опыт эмпирической

проверки комплексного инструментария // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 3 (13). С. 8–32.

4. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Андрианова Е.В. Взаимовлияние компонентов человеческого, социального и психологического капиталов (на примере Тюменской области) //Социологические исследования. 2022. Т. 4. № 4. – С. 33-43.

РОЛЬ КИБЕРПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ ПОКОЛЕНИЯ Z

THE ROLE OF CYBERSPACE IN THE FORMATION OF THE COMMUNICATIVE QUALITIES OF GENERATION Z

И.Б. Ромашова,
Н.Ю. Журавлева
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород
I.B. Romashova
N.Y. Zhuravleva
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматривается влияние интернета и социальных сетей на профессиональные, в частности, коммуникативные качества современной молодежи, которую принято относить, согласно теории поколений, к поколению Z.

The influence of the Internet and social networks on the professional, in particular, communicative qualities of modern youth, which is usually attributed to generation Z according to the theory of generations, is considered.

Ключевые слова: коммуникации, поколение Z, интернет, онлайн, социальные сети.

Keywords: communications, generation Z, Internet, online, social networks.

Известно, что возрастную группу, которую принято относить к поколению Z, отличает от предыдущих поколений прежде всего гиперсвязь с интернетом. Именно интернет, социальные сети формируют взгляды нового поколения на жизнь, закладывают поведенческие стереотипы отношения к работе и социуму. И обучение, и общение со старшими (родителями, учителями, начальниками), и даже со сверстниками становится все более виртуальным, онлайновым

процессом. Человеческие коммуникации все в большей степени сменяются техногенными [1].

В этой связи актуальным становится изучение возможных последствий влияния киберпространства на поколенческую идентификацию молодежи, на ее коммуникативные качества при общении с работодателем, сотрудниками организации, клиентами и другими контрагентами в повседневной деловой жизни. Насколько эффективными являются виртуальные способы коммуникации с окружающим миром, приводят ли они к ожидаемым результатам?

Современные социологические исследования [2-6] показывают, что представителям «цифрового» поколения гораздо легче устанавливать контакт с компьютером, чем друг с другом в реальном мире. Замеченные специалистами особые качества поколения Z – гиперактивность, «клиповое мышление», неусидчивость и нетерпеливость, определенная инфантильность и избегание ответственности, склонность к аутизации, убегание от реальных проблем современного сложного и хаотичного мира (десоциализация) – отвечают потребностям общества в ярких личностях, способных играть роль лидеров или, по крайней мере, оптимально управлять своей жизнью и жизнью коллектива.

Мышление подавляющего большинства молодых людей ориентировано на то, чтобы перерабатывать информацию короткими порциями, что означает поверхностный подход к анализу информации и к принятию решений. Процесс глобальной «интернетизации» жизни приводит к тому, что все остальные каналы получения информации в глазах представителей поколения Z обесцениваются, не принимаются во внимание. Это порождает определенное искажение информационного пространства [7]. При огромной, казалось бы, информационной перегруженности возникает дефицит надежных и достоверных данных, которые только и могут выступать объективной основой принятия адекватных управленческих решений как в личной, так и в организационной жизни [8].

Более того, когда человек отвлекается от естественной, материальной реальности и живет в среде искусственной, например, виртуальной, им становится легче манипулировать. Опираясь на данные, которые невозможно проверить, молодые люди идут на поводу опытных манипуляторов сознания, которые ведут их к неоправданным поступкам и покупкам, но, главное, к искаженному представлению о взаимосвязях в обществе. Это грозит высокими рисками неадекватного поведения и проявлениями агрессивности и конфликтности в обычных процессах коммуникации.

При интернетизации общения люди становятся более податливыми для целевого воздействия, так как воспринимают информацию некритически. К тому же в роли пользователей социальных медиа становятся друг для друга источниками панического информационного «заражения», распространяя фейки через свои личные каналы коммуникаций. Многие молодые люди начинают воспринимать жизнь как развлечение, как игру. И в этой игре главным становится потребление – информации, товаров, услуг, развлечений. Идея всеобщей геймификации проникла и прижилась даже на уровне многих современных организаций, которые именно через игры на рабочем месте пытаются удержать молодых сотрудников в фирме, заинтересовать их рабочими процессами, усилить вовлеченность в дела коллектива и поднять организационную лояльность.

С психологической точки зрения, это приводит к еще большей инфантилизации Z-поколения. Растет прослойка так называемых кидалтов, или «взрослых детей», для которых характерен известный в психологии «синдром Питера Пэна», или «вечного ребенка»: они не хотят взрослеть и обременять себя обязанностями и ответственностью, настроены вести потребительский образ жизни, проповедуют эгоцентричность.

Кстати, и работать представители Z-поколения предпочитают в режиме онлайн, избегая офисного присутствия и, особенно, рабочих и инженерных профессий, где требуется значительное напряжение сил и повышенная ответственность перед другими сотрудниками [9].

Но самое опасное, что у нового поколения возникает определенное размывание жизненных принципов и жизненных ориентиров. Обесценивается группа ценностей, связанная с духовностью, с развитием семейных отношений. Вместе с тем создается перекос в сторону ценностей материального благополучия и карьерного роста, причем достигаемого с наименьшими усилиями, но с максимальными рычагами власти и подавления других людей. Вместо гуманитарных, мягких психологических подходов к персоналу, цифровое поколение зачастую предлагает авторитарные модели управленческого поведения, что не может не сказаться на определенной деградации организационных культур.

Исследования показывают, что молодые сотрудники нередко претендуют на то, чтобы получать заработную плату не по результату своей деятельности (за надлежащее выполнение своих обязанностей), а просто за сам факт присутствия на рабочем месте, отчасти заполняемого общением в интернете [10]. При этом в компании падает производительность и эффективность труда, ухудшаются финансовые показатели, связанные с реализацией продукции (услуг) и

прибыльностью деятельности. Деградация коммуникативных качеств персонала приводит к ухудшению психологического климата в коллективе, падению приверженности организации и, в худшем случае, к уходу продуктивных работников.

Таким образом, превалирование новых кадров – носителей типичного негативного поведения «зетов» – может приводить к реализации многочисленных кадровых рисков и, в конечном счете, к банкротству компаний. Чтобы минимизировать эти риски, молодых людей Z-поколения лучше привлекать к креативным разовым работам (дизайн, реклама, маркетинг, IT) на дистанционной основе, в онлайн режиме, используя технологии аутсорсинга и аутстаффинга, а также статуса самозанятых.

Список литературы

1. Якимова З.В., Масилова М.Г. Поколение Z как потенциальный сегмент рынка труда // АНИ: педагогика и психология. – 2017. – Т.6. № 4(21). – С. 341-345.
2. Ромашова И.Б., Спирина Е.А. Проблемы деловых коммуникаций молодежи в современной организации// Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2022.- С.339-344 https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49837718
3. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык». М: Манн, Иванов и Фербер. – 2018. – 272 с.
4. Теория поколений в управлении персоналом // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. VI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6. 4 – Режим доступа. URL: (https://sibac.info/studconf/econom/vi/30622) (дата обращения 14.09.2018).
5. Romashova I. B., Novikova V. S., Pertseva L. N., Savinykh L. A., Ter-Semenova E. L. Human capital assessment and monitoring in the organization// Dela Press Conference Series: Economics, Business and Management. 001 (017). Available from: https://doi.org/10.56199/dpcsebm.mjgd5409
6. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг Менеджмент. Режим доступа. URL: (https://psycho.ru/library/2581).
7. [Электронный ресурс]: http://ashkerov.livejournal.com
8. Ромашова И.Б. , Журавлева Н.Ю. О построении оптимальных симметричных иерархических организационных структур // Экономика и

предпринимательство. 6 (143), 2022. С.1212-1216 https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49598898

9. Ромашова И.Б., Лангман И.А. Особенности коммуникаций в российских ИТ-компаниях // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И.Лобачевского, 2022 – С.334-339 https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49837717

10. Stanishevsky A. V., Romashova I. B., Xiao H., Skiba M.A., Gladina T. D. Innovative-integration processes of interaction of subjects of socio-economic relations on the participants of the construction engineering market in Russia and China// Dela Press Conference Series: Economics, Business and Management. 001 (017). Available from: https://doi.org/10.56199/dpcsebm.lkci2126

РОЛЬ КИБЕРПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ СНГ: УГРОЗЫ И РИСКИ

THE ROLE OF CYBERSPACE IN THE PROCESS OF SOCIALIZATION OF CIS YOUTH: THREATS AND RISKS

Д.А. Шпилев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
D.A. Shpilev
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматриваются процессы, протекающие в обществах, переживающих трансформацию, и влияющие на социализацию молодежи. Описаны причины девиантного поведения молодежи, среди которых – высокое темпы технических инноваций в постиндустриальном информационном обществе, приводящие к культурному лагу, развитие киберпространства, формирующего инстант-культуру и изменяющие поведенческие практики, переформатирующие сознание людей. Перечислены задачи родителей в профилактике негативного влияния киберпространства на социализацию молодежи.

The processes occurring in societies undergoing transformation and affecting the socialization of young people are considered. The reasons for deviant behavior of young people are described, including high rate of technical innovations in the post-industrial information society, leading to cultural lag, development of cyberspace, forming instant culture and changing behavioral practices, reformatting people's consciousness. The tasks of parents in preventing the negative impact of cyberspace on the socialization of young people are listed.

Ключевые слова: киберпространство, социализация, молодежь, социальная мобильность, текучая социальная реальность, родительский контроль.

Keywords: cyberspace, socialization, youth, social mobility, fluid social reality, parental control.

В обществах, переживающих трансформацию (к ним относится и современное российское общество, и страны СНГ), каждое следующее поколение проходит социализацию в условиях, отличающихся от старшего поколения, и вынуждено отказываться от нефункциональных социальных институтов. Поэтому каждое следующее поколение разрушает модель социального устройства, в котором жили предыдущие поколения. Это связано с тем, что высокое темпы технических инноваций в постиндустриальном информационном обществе опережают развитие его социокультурных институтов, вследствие чего механизм ретрансляции культурных парадигм от старшего поколения к младшему не срабатывает. В научной литературе это явление получило название культурного лага [1, с. 105-108]. Кроме того, в настоящее время на постсоветском пространстве существует общая основа девиации – системный социально-экономический и духовно-нравственный кризис, население дезинтегрировано и атомизировано, падает жизненный уровень и качество жизни людей, снижается уровень их социальной защищенности. Помимо этого, рост негативных девиаций часто обусловлен менталитетом, культурными традициями. В России и в ряде других стран – это клановость, взаимовыручка, землячество, из-за которых противоправные действия часто остаются без наказания [2, с. 68-76].

А.Г. Терещенко и Н.Г. Васильев отмечают, что рыночная экономика сама по себе предполагает более высокий уровень девиантного поведения, так как вся система взаимоотношений облегчает преступную деятельность. Расслоение общества усиливает противоречия между социальными слоями и формирует мотивацию к свершению правонарушений. В России эта ситуация осложняется блокировкой ряда каналов восходящей социальной мобильности, что побуждает людей реализовывать свои цели, в том числе, нелегальными способами [3, с. 74-82]. Это приводит к тому, что к негативной девиации начинают склоняться социальные слои, которые прежде не ассоциировались с противоправным поведением: преподаватели и учителя, медицинские работники, сотрудники правоохранительной системы и спецслужб, работники искусства, спортсмены [2, с. 68-76].

Важным в данном случае является тот факт, что полноценный процесс девиации запускается, как правило, при ослаблении социальных связей в

обществе и возникновении аномии [4, с. 192-197]. Рост девиантного поведения обусловлен сложностями, возникшими в процессе реформирования экономической, политической и правовой системы, появлением безработицы, резким падением уровня жизни, сопровождающимся усилением поляризации и напряженности в обществе, неравенством, вызванным противоречиями между имеющимися потребностями и возможностью их удовлетворения, переориентацией людей на асоциальный образ жизни [5, с. 59-74], неустойчивостью новых социальных взаимодействий, размытостью общечеловеческих ценностей [6, с. 66-69]. Кроме того, во всем мире произошло экспансивное развитие медиапространства, формирующего совершенно иную реальность, определяющую многие социальные процессы и стимулирующую поведенческие девиации [7, с. 148-156].

В современном обществе распространились так называемые ускоренные практики, то есть, новые способы освоения реальности (социальная реальность – это «социальный мир человека, который воспринимается им как прочное переплетение социальных отношений, систем знаков и символов с их особой смысловой структурой, институционализированных форм социальной организации, систем статуса, престижа и т. д.» [8, с. 5-45]), представленные кратковременными, быстро сменяющими друг друга жизненными проектами. З. Бауман называл это новой текучей социальной реальностью [9, с. 89-94]. Ускоренные практики освоения реальности связаны с инстант-культурой, основанной на принципе «все здесь и сейчас», формирующим склонность к гедонистическому образу жизни. Интернетсреда и киберпространство являются проводниками инстант-культуры, так как именно в виртуальном мире мгновенно распространяются ускоренные практики в форме так называемых лайфхаков и способов обхода социальных запретов [10, с. 429-436]. В настоящий момент можно утверждать, что все формы кибердевиации реальны, латентны, плохо профилактируемы. Постоянно растет доля преступлений, связанных с развитием социальных сетей и киберпространства [7, с. 148-156]. Помимо этого, информатизация общества ведет к возникновению неопределенности и неуверенности в жизни людей, что препятствует реализации потенциала личности [11, с. 60-66].

Чтобы оставаться современным и актуальным, человек должен постоянно осваивать новые ускоренные практики. В ряде случаев это приводит к тому, что в поведении людей начинают преобладать инновационные, отклоняющиеся формы поведения. При этом современное российское общество находится в переходном, трансформирующемся состоянии, приводящем к дисфункции социальных институтов, а следовательно, к утрате ими способности производить

однозначно трактуемые, непротиворечивые социальные нормы. У человека возникает ощущение, что следовать образцам поведения, заданным обществом, необязательно [12, с. 9-17]. Вместо традиционных поведенческих практик люди начинают выбирать «макдональдизированные практики, играизированные стратегии, имитационные стратегии, рискстратегии, симулякры» [10, с. 429-436]. Это становится источником различных форм девиантного поведения. В такой ситуации снизить количество девиаций в обществе может только государство, принимая решения на системном уровне и, тем самым, управляя социальной реальностью, делая ее более понятной и предсказуемой для индивида [13, с. 109-114] (отметим, что в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. Президент обозначил новую стратегию развития страны, добавив к «невидимой руке» рынка «видимую руку», то есть, активную роль государства [14]). В противном случае реальность индивида начинают формировать так называемые значимые другие – интернет-блогеры, лидеры общественного мнения в социальных сетях. Значимые другие могут активно транслировать негативные социальные практики, встраиваться в механизм регуляции социальных взаимодействий [10, с. 429-436]. Это опасно тем, что государственные институты теряют свою значимость в реальности индивида, так как отстали от нее и рассинхронизировались с нею.

В настоящее время внедрение цифровых технологий и информатизация всех сфер жизни общества не только привносит в повседневную реальность большое количество новых терминов, но и серьезно изменяет смысл привычных слов, описывающих традиционные нравственно-этические и ценностные основы жизни человека. В результате происходит переформатирование сознания людей, их представлений о добре, справедливости, совести и семье [15, с. 107-113]. В первую очередь, это представляет опасность для подрастающих поколений, чей социальный опыт ограничен во времени и, в отличие от взрослых, не имеет такого стабилизирующего ресурса, как память о прошлой системе ценностных координат. Ведь прошлая реальность наследуется новым поколением как традиция, а не как индивидуальная память. Таким образом, дети и подростки не могут вернуться к исходному значению института благодаря своей памяти, в отличие от первых творцов социального мира, которые всегда в состоянии реконструировать обстоятельства, в которых создавался весь мир и любая его часть [16, с. 16-23]. Но в этом, с другой стороны, заключается преимущество новых поколений перед прежними.

Практика показывает, что ни в одной стране принятие только лишь рестриктивных законодательных мер не позволяет полностью решить проблему безопасности киберпространства. Поэтому важно, чтобы родители и учителя

своевременно обращали внимание на смену круга интересов подростка, интересовались контентом социальных сетей, в которых ребенок проводит много времени, не теряли контакта с ребенком и находили время на общение с ним [17, с. 808-846]. Это тем более важно, что многие деструктивные молодежные сетевые движения носят тотальный характер, так как предпринимают попытки моделирования большинства важных жизненных сфер сторонников движения, в частности, вероисповедания, сексуально-брачного поведения, отношения к истории своей страны, отношения к представителям других рас и национальностей, занятия спортом, употребления алкогольных напитков, манеры одеваться, отношения к государству, армии и полиции, к представителям других групп в социальных сетях [18, с. 602-629].

Список литературы

1. Чмырева, Т.Ф. Институционально-ресурсный аспект анализа социальных институтов и агентов процесса профилактики подростковых девиаций // Власть. – 2010. – № 12. – С. 105-108.

2. Романенко М.В. Мутации девиантности в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2018. №5. С. 68-76.

3. Терещенко А.Г., Васильев Н.Г. Анализ процесса социальной адаптации личности к правовому пространству // Пролог: журнал о праве. 2013. №1. С. 74-82.

4. Кузнецова В.В. Тенденции девиации в России // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №17. С. 192-197.

5. Перова М.Б., Перов Е.В. Социально-экономическая трансформация российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. №4. С. 59-74.

6. Терещенко А. Г. Психическое здоровье как показатель социальной адаптации личности // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2006. №3. С. 66-69.

7. Коповая О.В. Новые формы девиантного поведения подростков в современном информационном обществе // Пензенский психологический вестник. 2016. №1. С. 148-156.

8. Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Социологический журнал. 2002. №4. С. 005-045.

9. Островская Т.А. Концепция «Текучей современности» З. Баумана и модификация дискурсивных практик элиты // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. №4 (2016). С. 89-94.

10. Сорокин О.В. Изменяющаяся социальная реальность в регуляции девиантного поведения российской молодежи // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2018. №3. С. 429-436.

11. Бугаенко Ю.Ю. Социально-философская интерпретация девиантности молодежи в контексте трансформации правовой культуры современного общества (концепция исследования проблемы) // Теория и практика общественного развития. 2009. №3-4. С. 60-67.

12. Васильев В.В. Социальная неопределенность: о феномене, понятии и актуальности проблемы // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2020. – № 4(36). – С. 9-17.

13. Карепова С.Г., Сорокин О.В., Безвербный В.А. Взаимосвязь современной социальной реальности и уровня девиаций в обществе: возможности и перспективы управления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11-1. С. 109-114.

14. Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. б/н. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902 (дата обращения: 30.08.2023).

15. Камнев А.Н., Пушкина А.С., Фадеев В.В. Девиантное поведение: как организовать профилактику в лагерях и центрах? // Народное образование. 2020. №3 (1480). С. 107-113.

16. Лушников Д.А. Механизмы формирования и поддержания социального порядка // Общество и право. 2005. №4 (10). С. 16-23.

17. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 808–846.

18. Глухова, А. А., Иудин, А. А., Шпилев, Д. А. (2023). Деструктивные социальные движения «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц»: формирование криминальной идеологии // Russian Journal of Economics and Law, 2023. Т17. №3. 602–629.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОТНОШЕНИЕ РАБОТНИКОВ К РАБОТЕ НА ФАБРИКЕ ШЕЛКОВЫХ КРАСОК "НИФАС"

FACTORS AFFECTING WORKERS ATTITUDE IN NIFAS SILK PAINT FACTORY

Алем Меканинт Бирхам
Аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Эфиопия
Alem Mequanint Birham
Lobachevsky University, Ethiopia

Удовлетворенность работой является одной из наиболее важных и интенсивно исследуемых областей в промышленной и организационной психологии. Хотя четкого и непротиворечивого определения удовлетворенности работой не существует. По всей видимости, ученые сходятся во мнении относительно его значения. Под удовлетворенностью работой понимается аффективное отношение человека к своей рабочей роли. Удовлетворенность работой – это понимание индивидом степени привлекательности работы, если взвесить положительные и отрицательные результаты. Это аффективная реакция на работу, возникающая в результате сравнения реальных результатов с желаемыми, ожидаемыми или заслуженными. Статья посвящена планированию исследования удовлетворенностью работой сотрудников фабрики шелковых красок в Эфиопии.

Job satisfaction is one of the most important and heavily researched areas of inquiry in the field of industrial-organizational psychology. Although a concise and consistent definition of job satisfaction is not available. There appears to be a high level of agreement among scholars in respect of its meaning. Job satisfaction refers to a person’s affective relation to his or her working role. Job satisfaction refers to an individual’s understanding of the degree of attractiveness of a job if both positive and negative outcomes are weighed up against each other. It is an affective reaction to a job that results from the person’s comparison of the actual outcomes with those that are desired, anticipated or deserved, The article focuses on the planning of a job satisfaction survey of employees in a silk dye factory in Ethiopia.

Ключевые слова: удовлетворенность работой; трудовая функция; мотивация работника; удовлетворенность работника; отношение к работе

Keywords: job satisfaction; working role; worker motivation; worker satisfaction; attitude towards work

В развитых странах удовлетворенность работой стала объектом многочисленных исследований, а также предметом интереса исследователей и практиков во многих областях, включая организационную психологию, государственное управление, образование и менеджмент [1]. В этих исследованиях было сформулировано множество общих теорий и предприняты попытки объяснить удовлетворенность работой на рабочем месте. В попытке понять природу удовлетворенности трудом существуют три теоретические концепции удовлетворенности трудом: теории содержания или потребностей, теории процесса и ситуационные модели удовлетворенности трудом [2].

Теории содержания или потребностей в основном сосредоточены на определении специфических потребностей (например, в пище, крове, воздухе и отдыхе) или ценностей (уважение, признание и достижения), наиболее благоприятных для удовлетворения работой.

Процессуальные теории делают акцент на мыслительных процессах, определяющих мотивацию и удовлетворенность работников. Они связаны с восприятием индивидами своего рабочего окружения, а также с тем, как индивиды интерпретируют и понимают происходящие события. Процессуальные теории пытаются выявить взаимосвязи между такими переменными, как ценности, потребности и ожидания, из которых складываются мотивация и удовлетворенность работой [3].

Третья теоретическая основа удовлетворенности работой – ситуационные модели – предполагает, что на удовлетворенность работой влияет взаимодействие таких переменных, как характеристики работы (например, характер работы), организационные характеристики (инфраструктура организации, руководство, критерии продвижения и условия) и индивидуальные характеристики (например, пол, возраст и образование). Удовлетворенность работой определяется двумя факторами – ситуационными характеристиками и ситуационными событиями. Работники, желающие устроиться в организацию, прежде чем согласиться на работу, стараются оценить ситуационные характеристики (например, оплату труда, условия работы и возможности продвижения по службе).

Отношение – это организованное опытом психическое и нервное состояние готовности, оказывающее директивное или динамическое влияние на реакцию индивида на все объекты и ситуации, с которыми он связан. Отношение - один из скрытых, трудноизмеримых факторов, от которого в конечном итоге зависит успех компании. Как в лучшую, так и в худшую сторону отношение сотрудников к работе оказывает значительное влияние на производительность предприятия, как напрямую, так и через воздействие на

другие факторы, связанные с работой. Таким образом, целью данного исследования является выявление факторов, влияющих на отношение работников к удовлетворенности работой на фабрике красок Nefas Silk, которая является старейшей фабрикой красок в Эфиопии. С 1967 г. она производит краски и сопутствующие товары для удовлетворения потребностей своих клиентов, и для того, чтобы удовлетворить своих клиентов, организации необходимо оценить факторы, влияющие на отношение работников к удовлетворенности работой, чтобы удовлетворить потребности клиентов и максимизировать прибыль организации.

Вопросы исследования

1. Каков уровень удовлетворенности работой у работников фабрики шелковых красок Nifas?

2. Каковы факторы, влияющие на отношение работников фабрики шелковых красок Nifas к своей удовлетворенности работой?

Цель исследования:

Основной целью данного исследования является оценка факторов, влияющих на отношение работников к своей работе на фабрике шелковых красок Nifas.

Конкретные задачи:

Определить величину удовлетворенности работой у работников фабрики шелковых красок Nifas.

Выявить факторы, влияющие на отношение работников к своей работе на фабрике шелковых красок Nifas.

Результаты данного исследования могут служить исходным материалом для дальнейшего мониторинга изменений факторов, влияющих на отношение работников к удовлетворенности трудом, а также служить доказательством для заинтересованных сторон, участвующих в повышении качества своей продукции путем улучшения факторов, влияющих на отношение работников к удовлетворенности трудом, путем указания целевых областей вмешательства.

Понимание факторов, влияющих на отношение работников к своей работе, может помочь политикам и руководителям разработать эффективную организационную стратегию и оперативный план для общего повышения прибыли и качества услуг организации. Кроме того, данное исследование инициирует дальнейшие исследования в этой области.

Исследование проводилось на фабрике шелковых красок Nefas в Аддис-Абебе, расположенной в подгороде Nefas Silk Lafto, woreda 10. Фабрика шелковых красок Nefas - это производственная компания, в которой работает

793 человека. Она производит краски. Продукция распространяется в Эфиопии. Работники фабрики шелковых красок Nefas

Для определения факторов, влияющих на отношение работников фабрики шелковых красок Nefas, будет применен метод поперечного описательного исследования.

Зависимая переменная: Факторы, влияющие на отношение рабочих к работе

Независимые переменные: профессиональная компетентность, рабочая смена, возраст, пол, образование, рабочая нагрузка, техника, обучение на рабочем месте/в службе.

Критерии инкультурации: Все работники, присутствовавшие во время сбора данных. Критерии исключения: Все работники, которые не присутствовали во время сбора данных.

На фабрике шелковых красок "Нефас" работают 793 сотрудника, из которых 526 - постоянные, 130 - по контракту, а 137 - временные работники. Без какой-либо научной эмпирической формулы в качестве страты использован метод целенаправленной выборки по различным отделам, которые являются ключевыми информаторами для компании, предоставляющей информацию. Было отобрано 20 сотрудников, но правильно заполненных и возвращенных анкет оказалось всего 16. После этого была проведена попытка рассчитать уровень доверия, который составил 80% от всех респондентов. Остальные 20% в анализ не включаются.

Данные, полученные с помощью различных инструментов сбора информации, были проанализированы и интерпретированы в свете вопросов исследования с применением соответствующего метода статистического анализа данных. Все данные были введены и проанализированы с помощью программы SPSS (Statistical Package for the Social Science) версии 24 для Microsoft Windows. Сбор данных и наблюдение за работниками компании проводились тщательно.

Список литературы

1. Rene' V. Dawis and William F. Weitzel, «THE MEASUREMENT OF EMPLOYEE ATTITUDES», NATIONAL TECHNICALM INFORMATION CENTER, Minnesota, 1971.

2. H. Luu, «The Relationship between Employee Attitudes and Organizational Performance: Evidence from Cooperative Retail Stores,» thesis work Colgate University, p. 36, May, 2011.

3. Alok Kumar Srivastav1, Priyanka Das2, «A Study on Employees Attitude Towards The Organization and Job Satisfaction» International Journal of Science and Research (IJSR), p. 6, 2013.

РОЛЬ КАЗАЧЕСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНА

THE ROLE OF THE COSSACKS IN THE SOCIO-CULTURAL LIFE OF THE VOLGOGRAD REGION

Е.О. Беликова
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
E.O. Belikova
Volgograd State University, Volgograd

Представлены результаты количественного социологического исследования по Волгоградской области, посвященного проблеме межкультурного взаимодействия. Анализируется отношение респондентов к казачьей идентичности, социальной роли казачества в современном социокультурном пространстве региона. Делается вывод, что казаки могут участвовать в реализации различных социально значимых функций.

The paper presents the results of a quantitative sociological study on the Volgograd region devoted to the problem of intercultural interaction. The author analyzes the respondents' attitude to the Cossack identity, the social role of the Cossacks in the modern socio-cultural space of the region. And comes to the conclusion that Cossacks can participate in the implementation of various socially significant functions.

Ключевые слова: казачество Волгоградской области, социальные функции казачества, межкультурное взаимодействие в регионе.

Keywords: Cossacks of the Volgograd region, social functions of the Cossacks, intercultural interaction in the region.

История казачества в Волгоградской области имеет длинную и, пожалуй, неоднозначную историю. Острог, который был предшественником современного Волгограда, изначально построен в 1589 г. для обороны рубежей государства и для контроля казаков, да и в дальнейшем ни Царицын, ни, тем более, Сталинград и Волгоград не являлись центром казачества региона. Сами казаки традиционно расселялись в области. Однако, с конца прошлого века ситуация меняется и в социокультурном ландшафте региона в целом, города Волгограда, в частности, все больше появляется точек, связанных с этой культурой, традицией. [1] Одним из главных направлений является возрождение

основ казачьей жизни исходя из реалий 21 века, новая интерпретация культуры и ценностей, а также интеграция в условиях современного и развивающегося социума. Адаптация казачьих объединений к современности вскрывает связанную с этим проблему принятия их обществом. Казаки являются частью этого общества, но и одновременно с этим формируют особую идентичность, которая не всегда однозначно воспринимается представителями большей социальной общности. Для полноценного функционирования важно взаимодействие и обоюдная поддержка этих социальных групп: казачьей организации и общества.

Некоторые считают, что возрождение казачества – не столько дань историческому прошлому, сколько возможность духовно-нравственного подъёма общества, источник патриотического воспитания. Другие отмечают, что современные казаки – это, скорее, этнографическое явление, их принципы и деятельность интересны, с точки зрения обращения к историческим корням и культурного развития.

В июне-сентябре 2021-2022 гг. по заказу Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области было проведено количественное социологическое исследование «Межнациональные отношения на территории Волгоградской области. Оценка уровня межэтнической напряженности». Опрос населения региона проводился по квотной половозрастной репрезентативной выборке. Формирование выборки респондентов осуществлялась методом случайной маршрутной выборки. Выборочная совокупность составила 1500 респондентов. Максимально возможная статистическая погрешность не превышает 1,84%.

Одной из задач исследования стало выявление отношения жителей региона к казачеству, изучение факторов развития казачества в области. Согласно данным опроса, мнения респондентов при ответе на вопрос о роли казачества в Волгоградской области практически разделились поровну. В той или иной мере о значительной роли казачества в регионе сказали 48,6% опрошенных. Среди них 10,5% отметили однозначно значительную роль казачества, а 38,1% – скорее, значительную. 41,5% респондентов, отрицают влияние деятельности казачьих организаций на жизнь общества. При этом каждый четвертый участник опроса отметил скорее незначительную роль, 15,5% считают, что казачество абсолютно не оказывает никакого влияния на жизнь в регионе.

Несмотря на это, практически треть опрошенных относят себя к казачеству (32,4%). Среди них часть принимает активное участие в деятельности казачьих организаций, а остальные отдают дань истории и предкам, которые проживали на территории современной Волгоградской области, но

предпочитают в основном этим и ограничиться. Соответственно, 66,1% не считают себя казаками ни в какой степени, а 1,4% затруднились ответить на данный вопрос.

На практике казачья организация является автономной, и значительная часть происходящих в ней процессов не являются достоянием широкой общественности. Казаки реализуют социальные инициативы внутри общности и за ее пределами, оказывают поддержку своим членам и представителям православной религии, организуют досуговую и спортивную деятельность, а также проводят различные мероприятия, направленные на сохранение казачьих ценностей.

Общественность лишь частично осведомлена о важных функциях казачьей организации для социума и о результатах ее деятельности. Необходимо четко обозначить понимание того, что сегодня казачество не может являться точной копией того или иного уклада, который существовал несколько столетий назад. Казачество тоже прошло через время и эволюционировало. Для казачества важно приобрести признаки современной социальной общности, не утрачивая своей идентичности [2].

Соответственно этой логике, современное казачество по определению не может быть ровно таким, каким оно было, например, в годы революции. Данные тезисы необходимо облекать в понятную для всего населения форму и транслировать с целью воссоздания в мышлении общественности здорового и адекватного понимания, что представляет собой современное казачество и какие общественные функции выполняет.

Казачество может предложить обществу один из вариантов жизнеспособной социальной системы, которая действует внутри организации. Популяризация образа казачества в этом ключе поможет существенно повысить долю тех, кто отводит потомкам славных традиций важную роль и в современном мире.

Информирование населения о том, кто такие современные казаки, что они делают в пределах своей организации, как они помогают становлению и развитию общества в целом, должно стать частью государственной политики. На данном этапе сведения о деятельности казачьей организации настолько не достаточны, что могут вызвать недопонимание между казаками и населением региона и России в целом. Казачью тему используют различные псевдокультурные и политические организации, которых государство и сами казаки отнюдь не уполномочили представлять и выражать их интересы.

Одной из самых значимых функций казачества является сохранение культурных и духовных традиций. В условиях современного динамично

развивающего мира это стало актуальной проблемой. Казаки чтут свою культуру, историю и религию. Из этого складывается целостное мировоззрение члена казачьей организации. Принципы в казачьей организации основаны на взаимной поддержке, честности, религиозности, культивировании семейных ценностей. Таким образом, внутри казачьей организации формируются паттерны, определяющие взаимодействие как в социуме, так и в более узком кругу между друзьями или внутрисемейные отношения. [3]

Участники опроса также высказывали свое мнение и о предназначении казачества в Волгоградском регионе. Половина опрошенных отметили, что казачьи организации способствуют сохранению культурного наследия и традиций (49,2%). 11,0% участников опроса отметили, что казаки являются организаторами культурных мероприятий, праздников и фестивалей

Значимой ролью казачества в регионе респонденты видят в патриотическом воспитании подрастающего поколения (42,8%). Неотъемлемой частью работы с молодежью является спортивно-военная работа с молодежью и организация состязаний. Это отметили 13,3% опрошенных жителей региона.

Данное направление деятельности осуществляется посредством функционирования казачьих кадетских корпусов. В Волгоградской области на постоянной основе действуют четыре казачьих кадетских корпуса: ГКОУ «Казачий кадетский корпус имени Героя Советского Союза К.И. Недорубова» в г. Волгограде, ГКОУ «Урюпинская кадетская школа имени генерал-лейтенанта С.И. Горшкова», ГКОУ «Кумылженский казачий кадетский корпус» и ГКОУ «Алексеевский казачий кадетский корпус имени Героя Российской Федерации генерал-полковника Г.Н.Трошева» [4].

Помимо правоохранительной деятельности казачество реализует функции и контроля межнациональных конфликтов. Цель данной организации – обеспечить безопасность общества в различных ее проявлениях, в том числе в сфере межнациональных отношений. Предупреждение и предотвращение возможных конфликтов на национальной почве помогает сохранить стабильность и устойчивость всего общества. Точечная вспышка агрессии в отдаленном селении может моментально распространиться до широких общественных масс и стать причиной серьезных националистических столкновений.

Примером может служить конфликт между жителями хутора Логовский в июне 2019 г. [5]. Посредством социальных сетей инцидент был предан широкой огласке, что породило острые негативные реакции между представителями двух национальностей. Ситуацию необходимо было решать оперативно, поэтому подключилась казачья организация, силами которой произошло примирение двух сторон, и общественные реакции постепенно затихли.

По мнению опрошенных, меньшее значение оказывает казачья организация, работая в социально-политической сфере региона (4,8%). О работе казачества в органах самоуправления сказали 8,0% респондентов. Несмотря на важность всех перечисленных функций, казачество очень значимо для общества как социально-культурный феномен. Внутри казачьей организации формируется личность с особой социально-культурной идентичностью. В казачьей общине проходит этап социализации, в чем помогают другие члены общности и культурно-символическая среда. Когда человек делает осознанный личностный выбор, он становится счастливым и полноценным членом здорового общества.

Одна из особенностей казачества состоит в культивировании особых нравственных ценностей. Люди, охваченные идеей и общими стремлениями, способны организовать себя к достижению различных целей. Казаки могут участвовать в реализации различных социально значимых функций.

Таким образом, миссия возрождения казачества в регионе заключается в трех аспектах. Первое, это сохранение традиций и ценностей казачьего общества, которые, в свою очередь, являются катализаторами повышения культурного и духовного уровня и самих членов организации, и их внешнего окружения. Во-вторых, необходима финансовая и ресурсная поддержка существующей хозяйственной деятельности казачьей организации и новых инициативных проектов, направленных на социально-культурное благополучие региона. В-третьих, важно содействие в формировании общественного мнения о казаках и их деятельности в целях проявления более лояльного отношения к казачеству со стороны общественности.

Список литературы

1. Плещенко, А.Н. Пространственная идентичность как конструкт социокультурного ландшафта региона (на примере Волгоградской области) / А.Н. Плещенко, Е.О. Беликова, Н.В. Дулина // Primo Aspectu. – 2022. – № 4(52). – С. 31-38. – DOI 10.35211/2500-2635-2022-4-52-31-38.

2. Парамонова, В.А. Отражение казачьей культуры в социокультурной палитре Волгограда / В.А. Парамонова, Е.О. Беликова // Забайкальское казачество: история и современность: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Чита, 30 марта 2018 года / Забайкальский государственный университет; Ответственный редактор Е.В. Дроботушенко. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 159-162.

3. Рвачева, О. В. Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века возрождение, трансформация и культурное конструирование / О. В. Рвачева, П. Г. Ф. Лабрюни // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 197-212. – DOI 10.15688/jvolsu4.2020.5.16.

4. Официальный сайт Всевеликого Войска Донского. Электронный ресурс: http://www.don-kazak.ru (дата обращения: 23.04.2023)

5. Новостной портал V1. Электронный ресурс: https://v1.ru/text/gorod/66131227/ (дата обращения 21.04.2023).

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИНДИКАТОР МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК*

TERRITORIAL IDENTITY OF RESIDENTS OF THE KALININGRAD REGION AS AN INDICATOR OF MIGRATION ATTITUDES

М.И. Кришталь

Социологическая лаборатория Института геополитических региональных исследований Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград

M.I. Krishtal

Sociological Laboratory of the Institute for Geopolitical Regional Studies of I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

В исследовании рассматриваются особенности восприятия территориальной идентичности населением Калининградской области. Основной исследовательский метод – массовый опрос жителей Калининградской области (n=915). Выявлены зависимости между территориальной идентичностью респондентов и их возрастом, длительностью проживания в регионе и миграционными установками.

The study examines the peculiarities of the perception of territorial identity by the population of the Kaliningrad region. The main research method is a mass survey of residents of the Kaliningrad Oblast (n=915). The correlations between the territorial identity of the respondents and their age, length of residence in the region and migration attitudes were revealed.

* Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030»: «Социологический анализ системы ценностей и геополитической картины мира жителей Калининградской области в условиях международной напряженности».

Ключевые слова: Калининградская область, идентичность, территориальная идентичность, миграционные установки.
Keywords: Kaliningrad region, identity, territorial identity, migration attitudes.

Тема исследования территориальной идентичности жителей Калининградской области на современном этапе активно привлекает внимание ученых [1-4]. Столь высокий интерес обусловлен спецификой географического и геополитического положения региона. Затруднение контактов с основной частью России и наличие инокультурного окружения в географическом пространстве являются прямыми следствиями данного положения. Дополнительную актуальность эта тема получила в наши дни по причине роста напряженности во взаимоотношениях России и стран ЕС и, как результат, повышения геополитической значимости Калининградской области.

Результаты исследования опираются на данные стандартизированного интервью и анкетирования, которые были проведены в период с 27 сентября по 14 октября 2022 г. Общий объем выборки – 915 респондентов (45,2% – мужчины, 54,8% – женщины, средний возраст – 45,5 лет). В исследовании был определен иерархический уровень тех общностей, с которыми определялась идентификация населения: глобальный (житель планеты Земля), европейский (житель Европы), национальный (житель России, гражданин РФ), региональный (житель Калининградской области) и локальный (житель города/села проживания).

Чтобы определить степень идентификации жителей Калининградской области с различными территориальными сообществами, были рассчитаны средние значения ответов опрошенных респондентов по шкале от «-2» (почти не идентифицирую) до «2» (сильно идентифицирую). Статистический анализ продемонстрировал существенные различия территориальной идентичности среди возрастных групп населения Калининградской области (рис. 1). Отметим три ключевые закономерности. Во-первых, чем старше респондент, тем сильнее у него выражены различные уровни территориальной идентичности, начиная от локальной и заканчивая глобальной. Во-вторых, исключением в данном случае является идентификация с Европой и ее жителями. Представители старших возрастных групп (36+) в большинстве своем отрицают свою принадлежность к данной части света. Среди молодежи, в свою очередь, зафиксирована крайне низкая степень европейской идентичности. Эти различия вероятно обусловлены тем, что на идентификацию с Европой в условиях роста напряженности между Россией и ЕС оказывает влияние идеологический фактор. Можно предположить, что данный фактор сильнее воздействует на представителей старших возрастных

групп, значительная часть которых застала международное противостояние еще времен Холодной войны. Третья закономерность заключается в том, что молодежь чувствует наиболее сильную степень идентичности с более высокими территориальным уровнями: национальным и глобальным. В это же время респонденты старших возрастных групп в целом аналогично высоко идентифицируют себя с регионом, городом или селом своего проживания. Эту специфику можно интерпретировать тем, что с возрастом происходит укрепление чувственно-эмоциональной связи с непосредственным местом проживания.

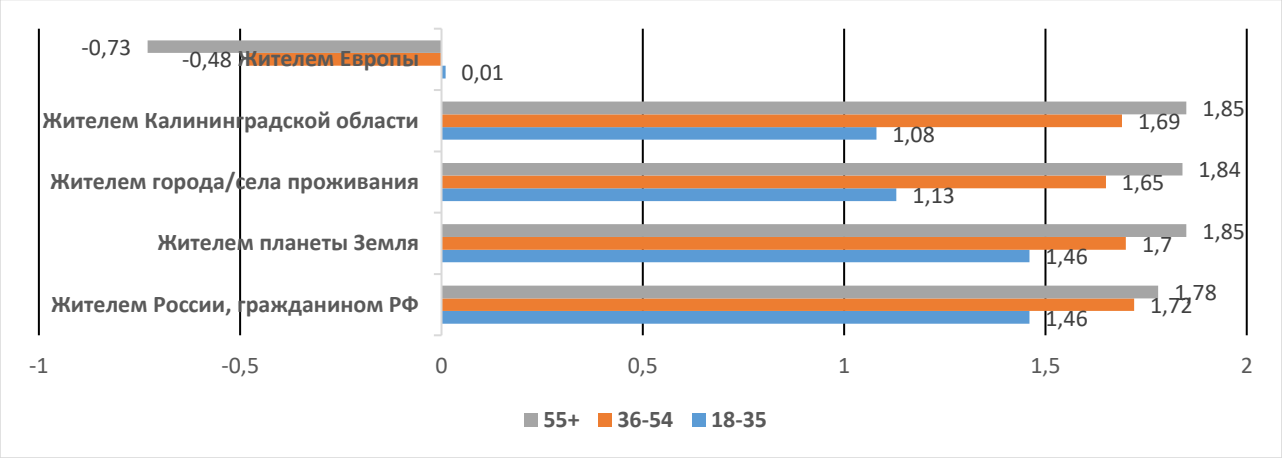


Рис. 1. Территориальная идентичность населения Калининградской области по шкале от «-2» (почти не идентифицирую) до «2» (сильно идентифицирую)

Последнее утверждение подтверждает выявленная связь между длительностью проживания в Калининградской области и степенью идентификации респондентов с регионом (табл. 1). Чем дольше респондент проживает в регионе, тем сильнее он ощущает свою принадлежность к нему.

Таблица 1

Связь между длительностью проживания в Калининградской области и степенью идентификации с ней

	18-35		36-54		55+	
	Менее 10 лет	10 лет более	Менее 10 лет	10 лет более	Менее 10 лет	10 лет более
Почти/скорее не идентифицирую	59,1%	40,9%	66,7%	33,3%	33,3%	66,7%
Скорее/сильно идентифицирую	26,6%	73,4%	12,9%	87,1%	9,8%	90,2%

Расчеты коэффициентов корреляции Пирсона продемонстрировали наличие статистически достоверной связи между идентификацией респондентов и тем, рассматривают ли они в ближайшие 3 года возможность выехать за

пределы Калининградской области на постоянное место жительства. Хотя выявленная связь не является сильной, можно утверждать, что усиление глобальной, национальной и, в особенности, региональной и локальной идентичности отрицательно коррелирует с желанием респондентов покинуть Калининградскую область. Обратный эффект происходит при усилении европейской идентичности (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционная зависимость между миграционными установками и территориальной идентичностью жителей Калининградской области

	Рассматриваете ли возможность переезда за пределы Калининградской области на постоянное место жительства в ближайшие 3 года?
Жителем планеты Земля	-0,174*
Жителем Европы	0,198*
Жителем России, гражданином РФ	-0,215*
Жителем Калининградской области	-0,303*
Жителем города/села проживания	-0,291*

*Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы:

С возрастом у жителей региона растет степень отождествления со всеми уровнями территориальной идентичности, кроме европейской. Последнее является следствием роста напряженности во взаимоотношениях России и Евросоюза, в результате чего принадлежность к европейской идентичности приобрела определенный политико-идеологический контекст.

Молодежь региона ощущает самую сильную степень идентичности с более высокими территориальным уровнями: национальным и глобальным. При этом представители старших возрастных групп сильно идентифицируют себя с регионом, городом или селом проживания. Это во многом является следствием того, что с ростом продолжительности проживания в Калининградской области усиливается региональная идентичность.

Усиление глобальной, национальной и, в особенности, региональной и локальной идентичности отрицательно коррелирует с желанием жителей покинуть Калининградскую область. Усиление европейской идентичности, напротив, имеет обратный эффект.

Список литературы

1. Вендина О.И., Зиновьев А.С. Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 2. С. 118-143. DOI 10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143.

2. Кришталь М.И., Щекотуров А.В. Методология и методика анализа социально-политических настроений: Учебное пособие / Калининград: Страж Балтики, 2021. 128 с.

3. Омельченко Д.А., Омельченко Е.Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6(172). С. 309-332. DOI 10.14515/monitoring.2022.6.2317.

4. Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016-2020 гг. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 3. С. 43-61. DOI 10.24290/1029-3736-2021-27-3-43-61.

ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

FACTORS OF SAVING CULTURE AND ETHNIC IDENTITY OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

Е.Е. Кутявина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
E.E. Kutyavina
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассмотрены условия сохранения коренных малых народов севера как социальных и культурно-языковых групп. Анализируется влияние следующих факторов: традиционные места расселения, родной язык, экологические проблемы, здоровье.

The conditions of preservation of small indigenous peoples of the North as social, cultural and linguistic groups are considered. The influence of the following factors is analysed: traditional places of settlement, native language, environmental problems, health.

Ключевые слова: коренные малые народы севера, этническая идентичность, родной язык.

Keywords: indigenous small peoples of the North, ethnic identity, native language.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [1]. Федеральный закон закрепляет особый статус коренных малых народов и содержит перечень мер, нацеленных на сохранение этих народов. Проблему сохранения коренных малых народов можно рассмотреть в двух важнейших аспектах: сохранение коренных малых народов как групп и сохранение их как культурных единств. Факторы, способствующие либо препятствующие сохранению коренных малых народ севера, находятся в сложной взаимосвязи, могут усиливать действие друг друга, а могут находиться в противодействии. Рассмотрим некоторые из них.

Коллективная привязанность к географически определенной среде обитания, традиционным землям или территориям предков; территориальная автономия. Наличие собственных территорий, привязанность к традиционным местам проживания помогают коренным народам сохранять свою культуру, традиционный образ жизни и традиционные способы хозяйственной деятельности – охота, рыболовство и скотоводство. С другой стороны, это ограничивает для представителей коренных малых народов возможности мобильности, в том числе, восходящей.

Исследователи образа жизни коренных малых народов ставят под сомнение совместимость ведения традиционного хозяйства с принципами рыночной экономики [2]. Консервация традиционного хозяйства, которое являлось основой самообеспечения аборигенных хозяйств, обусловлена не только стремлением к сохранению этнической культуры. Чтобы осуществить модернизацию традиционного хозяйства, необходимо развить производственную инфраструктуру, обеспечить техническую оснащенность и таким образом организовать его функционирование в рыночных условиях, что оказалось делом сложным. Однако без технологических изменений ведение традиционных видов хозяйственной деятельности нерентабельно.

Родной язык. Доступ к качественному образованию, в том числе образованию на родном языке, способствует сохранению языка и культуры

коренных народов. Использование родного языка, наряду с государственным русским, проявляется тоже неоднозначно. С одной стороны, родной язык тесно связан с родной культурой, служит средством межпоколенной трансляции культуры, формой ее воплощения, символом этнической идентичности. С дрогой стороны, русский язык дает гораздо больше возможностей восходящей мобильности. Чем выше уровень образования, тем чаще используется государственный язык. Особенности расселения коренных малых народов севера (проживание в небольших, удаленных друг от друга населенных пунктах) приводят к тому, что получение даже среднего образования связано часто с довольно длительным проживанием детей и подростков вне семьи. Получение высшего или среднего профессионального образования возможно только в крупных поселениях, городах, и можно предположить, что немногие получившие образование возвращаются потом на родину, чтобы вести традиционный образ жизни. Родной язык играет ключевую роль в передаче культурных ценностей, обычаев, традиций и мифов. Когда язык утрачивается, утрачивается и доступ к этим важным аспектам культуры. Это может привести к потере исторической памяти и утрате уникальной культурной идентичности этнической группы. Язык является инструментом общения внутри этнической группы. Потеря родного языка может привести к разрыву социальных связей, межпоколенных связей, снижению солидарности.

Экологические проблемы. Коренные народы Севера традиционно зависят от природных ресурсов для своего выживания, таких как рыболовство, охота, сбор ягод и трав. Загрязнение окружающей среды, климатические изменения и истощение природных ресурсов могут уменьшить доступность этих ресурсов и угрожать их традиционному образу жизни. Загрязнение окружающей среды может порождать риски для здоровья коренных народов, так как они могут быть более уязвимыми перед воздействием изменений в экосистемах, на которых они полагаются. Коренные малые народы Севера обладают некими традиционными знаниями о природе и способах использования ее ресурсов. Экологические изменения и современные технологии могут угрожать сохранению и передаче этих знаний. Знания могут становиться неактуальными; например, традиционный предмет промысла становится исчезающим видом и охраняется государством, или просто лишком редок, чтобы рассчитывать на него в промысловой деятельности.

Здоровье. Условия крайнего севера порождают специфические угрозы для здоровья: полярная ночь, недостаток ультрафиолета, большая амплитуда температур и экстремально низкие температуры зимой повышают уровень заболеваемости некоторыми сердечно-сосудистыми, легочными заболеваниями

и заболеваниями обмена веществ. Средняя продолжительность жизни в регионах крайнего севера на 5-7 лет ниже, чем в средней полосе [3]. При этом приезжее население, проживающее, в основном, в городах, по продолжительности жизни близко к среднероссийским показателям (хотя, казалось бы, суровые природные условия для них не только тяжелы, но и непривычны). Продолжительность жизни коренных малых народов существенно меньше. С.А. Гюрджинян, О.М. Барбаков, М.Л.Белоножко обозначают разницу в продолжительности жизни 10-12 лет; а, например, средняя продолжительность жизни хантов и манси составляет всего 42-45 лет [2].

По данным министерства экономического развития РФ, специфика здоровья и смертности коренных малых народов севера связана как с традиционными северными проблемами (недостаток витаминов, высокая доля детей с рахитом, повышенный риск рождения детей с врожденными аномалиями развития), так и с «привнесенными» глобализацией: изменение пищевого рациона, распространение вредных привычек, приводящие соответственно к увеличению уровня заболеваний сердечно-сосудистой, эндокринной системы (ожирение, заболевания щитовидной железы), числа суицидов, алкогольной зависимости. Значительные проблемы связаны с распространением и такого антибиотико-резистентного заболевания, как мультирезистентный туберкулез [4]. Особо выделяются риски, связанные с употреблением алкоголя.

Сохранение коренных малых народов севера зависит от сложного взаимодействия комплекса различных факторов. Поддержка и уважение их прав и традиций помогают обеспечить сохранение культурно-языкового разнообразия. Для сохранения коренных малых народов Севера и устойчивого развития их обществ необходимо принимать меры по уменьшению экологических проблем, защите их традиционных территорий, поддержке их традиционных знаний и участию их представителей в принятии решений, касающихся природопользования и окружающей среды.

Список литературы

1. Федеральный закон "Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" от 20.07.2000 N 104-ФЗ, (в ред. Федерального закона от 27.06.2018 N 164-ФЗ) URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/2daf50f586c69eac11512c1faa4309699b52ec9b/ (дата обращения: 30.08.2023 г.)

2. Гюрджинян Александр Сергеевич, Барбаков Олег Михайлович, Белоножко Марина Львовна ЗАЩИТА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-korennyh-malochislennyh-narodov-severa (дата обращения: 30.08.2023 г.).

3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31293 (дата обращения: 30.08.2023 г.).

4. https://storage.strategy24.ru/files/vector_report/201707/14ac74917feea5e6005598fbed178137.pdf (дата обращения: 30.08.2023 г.).

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ТРУДОВЫХ ИММИГРАНТОВ ИЗ СТРАН СНГ

SOME ASPECTS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF YOUNG LABOR IMMIGRANTS FROM THE CIS COUNTRIES

Г.Л. Воронин,
А.А. Лакомова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
G.L. Voronin,
A.A. Lakomova
Lobachevsky University

Рассматривается коммуникативная культура иммигрантов как фактор социокультурной адаптации молодых трудовых иммигрантов в России, прибывших из стран СНГ.

The authors consider in the article the communicative culture of immigrants as a factor of socio-cultural adaptation of young labor immigrants in Russia who arrived from the CIS countries.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, молодые трудовые иммигранты, Интернет, общение, коммуникация.

Keywords: socio-cultural adaptation, young labor immigrants, Internet, communication, language.

Молодые трудовые иммигранты, приезжая в другие страны, сталкиваются с различными проблемами в адаптации. Как правило, данные проблемы связаны с социально-экономической, социально-правовой и/или социокультурной адаптацией. Коммуникативная культура является одной из составляющих социокультурной адаптации молодых трудовых иммигрантов.

Исследованием отдельных аспектов социокультурной адаптации занимались такие зарубежные ученые-исследователи, как Г. Гарфинкель [1], Дж. Рекс [2], А. Портес [3], М. Чжоу [4], Р. Румбо [5], Г. Лоури [6], Д. Массей [7] и др., а также отечественные социологи, например, Ю. Арутюнян [8], Л. Дробижева [9], Е.Л. Ситникова [10], Я.Р. Стрельцова [11], Е.А. Назарова [12].

Знание языка, взаимодействие с местными жителями, изучение и понимание традиций, праздников, правил поведения местного населения, общение в социальных сетях, на форумах с соотечественниками и другими лицами составляют коммуникативную культуру трудовых иммигрантов. Ориентация на взаимодействие с местными жителями, значимость взаимоотношений с коренным населением – данная модель свойственна трудовым иммигрантам, приехавшим на длительный срок либо предполагающим получение вида на жительство и гражданства Российской Федерации [12, с.39].

В работе Е.А. Назаровой описаны модели основных каналов коммуникации трудовых иммигрантов (традиционная модель, основанная на непосредственном личном общении людей, характерна для иммигрантов с ограниченными социальными ресурсами; модель «сотовых контактов», когда основным средством коммуникации становится мобильный телефон и у абонента формируется определенный круг общения, который не ограничен территорией пребывания; «сетевая модель», предполагающая оптимальное использование коммуникативных возможностей Интернета и социальных сетей, в большей степени свойственна молодому поколению трудовых иммигрантов [12, с. 40].

В основном трудовая иммиграция характерна для лиц молодого возраста (18-35 лет) как в зарубежных странах, так и в России.

Представлены результаты исследования, проведенного на основе базы данных RLMS-HSE [13], где выборка составила опрос 20 047 молодых трудовых иммигрантов из стран СНГ в возрасте 14–35 лет с 1994 по 2021 гг. (N=20 047). Нижняя граница возраста (14 лет) детерминирована трудовым законодательством РФ, возможностью начальной трудовой деятельности, а также возрастными рамками категории «молодежь».

Успешная коммуникативная культура иммигранта зависит не только от знания языка принимающей страны, но и от того, как иммигрант проводит свое время в Интернет-пространстве (изучает язык коренного населения, общается с соотечественниками для моральной поддержки, ищет работу, проходит курсы повышения квалификации или профессиональной переподготовки, изучает социальную и культурную инфраструктуру страны-реципиента).

Иммигранты в большей степени включены в Интернет-пространство в исследуемый период (с 2016 по 2021 г.), чем коренные жители: в 2021 г. включенность иммигрантов в сеть Интернет составила 83,1% по сравнению с 79,6% россиян. Большая часть как среди местных жителей России, так и иммигрантов используют Интернет для общения. Начиная с 2021 г. процент лиц, общающихся в сети Интернет, составляет свыше 90%. Лидером в интернет-общении выступают молодые иммигранты (практически 100% в 2021 г.).

Небольшое количество иммигрантов и местных жителей использовали с 2016 по 2021 гг. сеть Интернет для обучения на профессиональных курсах. Средний уровень включенности иммигрантов в сеть Интернет для прохождения профессиональных курсов составляет около 2,6%, а средний уровень включенности по данному показателю у представителей местного населения близок к 3,5%.

Местное население РФ чаще используют Интернет для обучения (прохождение курсов повышения квалификации, поиск и изучение информации в образовательных целях) в отличие от иммигрантов (процент первых меньше в 2 раза).

По результатам исследования, почти одинаковое количество иммигрантов и коренных жителей использовали Интернет в тот период для общения и просмотра контента (фотографии, видео, комментарии, новости) в социальных сетях.

Иммигранты, как и коренные жители, часто используют сеть Интернет для общения в социальных сетях, проведения досуга (просмотр контента и новостей), а также в рабочих целях (для поиска подходящей работы, трудоустройства и полезной информации для профессиональной деятельности). Молодые трудовые иммигранты и местные жители России редко используют Интернет в учебных целях, несмотря на развитие ИКТ и высокий уровень включенности иммигрантов в Интернет пространство.

Список литературы

1. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

2. Rex J. The concept of a multi-cultural society // Journal of Ethnic and Migration Studies. 1987. V.14. № 1-2. P.218 – 229.

3. Portes A. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence / A. Portes, P. Fernandez-Kelly, W. Haller// Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009. Vol. 35 (7). P. 1077 – 1104.

4. Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among post-1965 immigrant youth // Annals of American Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 530. P. 74 –98.

5. Portes A., Rumbaut R.G. Immigrant America: A Portrait // University of California Press, 1996. P. 74–98.

6. Loury G. A dynamic theory of racial income differences // Women, minorities, and employment discrimination. / Eds. P. Wallace, A. LaMond. Lexington, Mass: D.C. Health & Company. 1977. P. 153–186.

7. Massey D. Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. № 2. P. 431–466.

8. Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // СОЦИС. 2001. № 4. С. 13 – 21.

9. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // СОЦИС. 2008. № 7. С.85 – 95.

10. Ситникова Е.Л. Социальный портрет трудового этнического мигранта в Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки № 4 (24). 2011. С. 53–59.

11. Стрельцова Я.Р. Адаптация иммигрантов в России: языковой аспект // Россия и современный мир. 2013. №3 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-immigrantov-v-rossii-yazykovoy-aspekt (дата обращения: 24.02.2023).

12. Назарова Е.А. Коммуникативные аспекты социальной адаптации трудовых мигрантов и их интеграции в полиэтническое пространство регионов // Коммуникология. 2018. №4. С. 37 – 44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-aspekty-sotsialnoy-adaptatsii-trudovyh-migrantov-i-ih-integratsii-v-polietnicheskoe-prostranstvo-regionov (дата обращения: 05.09.2023).

13. RLMS-HSE: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms).

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ РЫНКА ТРУДА И МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CURRENT STATE OF THE LABOR MARKET AND MIGRATION ATTITUDES OF THE POPULATION OF THE REGION

Д.О. Мамлев
Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород
D.O. Mamlev
Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod

В статье рассматриваются вопросы оттока населения из городов субъектов Приволжского федерального округа в направлении центральных районов страны. Для изучения данной проблематики автором проводится сравнительный анализ по регионам рассматриваемого полигона в разрезе одной из ключевых детерминант данного процесса – ситуация на рынке труда и степень её влияния на миграционные настроения населения.

The article deals with the issues of population outflow from the cities of the Volga Federal District subjects in the direction of the central regions of the country. To study this problem, the author conducts a comparative analysis of the regions of the polygon in question in the context of one of the key determinants of this process – the situation on the labor market and the degree of its influence on the migration mood of the population.

Ключевые слова: миграционный процесс, миграция, факторы миграции, безработица

Keywords: migration process, migration, migration factors, unemployment

В настоящее время Россия столкнулась с проблемой, которая является отголоском перехода от плановой экономики к рыночной: отток трудоспособного населения из периферийных в центральные регионы страны.

Если в период плановой экономики до 1991 года рассредоточением промышленности, выступающей как источник занятости населения, и вопросами распределения рабочих кадров по регионам страны занималось государство на центральном уровне, закрепляя данные планы и мероприятия в программах, то реконфигурация национальной экономики по рыночному принципу предоставило новые свободы населению, как в части форм организации хозяйственной деятельности, так и в вопросах определения территории своего

проживания. В свою очередь, руководствуюсь снятием директивных ограничений, социальные агенты, видя противоречие между желаемой картиной и действительностью на фоне упадка экономики субъектов ПФО, путём миграционных перемещений вступили в борьбу за распределённые и находящиеся в свободном доступе блага и услуги [1].

Переход к новой форме организации хозяйственной деятельности совпадающий со сменой столетий по инерции запустил процесс адаптации к происходящим изменениям населения страны в различных сферах жизнедеятельности. На данном фоне, регионы, которые в условиях командно-плановой экономики выполняли вверенный узкий функционал и не имели монументальной производственной базы в новых реалиях были подвержены процессу миграционного опустошения [2].

По данным Федеральной службы государственной статистики на протяжении последних 20 лет население Москвы стабильно увеличивается, прибавляя каждый год от 0,18% до 0,76% от общего населения города. Максимальный прирост приходится на 2010 (+0,65%), 2012 (+0,76%) и 2015 (+0,81%) года. При этом уровень безработицы в столице составляет в среднем 1,65% от численности населения региона, в то время как данный показатель по регионам Приволжского федерального округа составляет 6,95%. «Лидерами» по данному показателю являются Чувашская Республика, где среднее значение уровня безработицы за последние 20 лет составляет 8,18% и Республика Марий Эл с показателем 9,04%. Из всех регионов Приволжского федерального округа наилучший результат демонстрирует Самарская область с наименьшим показателем по безработице равным 4,9% и со средним оттоком населения на уровне -0,04%, а также Республика Татарстан с показателями 5,64% и -0,10% соответственно [3].

Отдельно из этого списка стоит выделить Нижегородскую область, которая имеет переменчивый характер межрегиональной миграции населения. В силу небольшой территориальной удалённости в масштабах странах, а также высокий уровень развитости транспортных коммуникаций между Нижним Новгородом и Москвой в данном случае возможно преобладание маятниковой миграции населения, в силу сложности её фактического измерения.

Говоря о мотивах переезда, очевидно, что отсутствие возможности достойно зарабатывать себе на жизнь будет одним из ключевых факторов, в дополнение к уровню жизни в конкретном регионе, удовлетворённости своей жизнью, развитостью социальных благ и инфраструктуры [4].

В ходе проведенного в рамках авторского исследования социологического опроса, основным фактором привлекательности территории респондентами указывался экономический фактор (совокупность широты предложения на

рынке труда и потенциальный размер дохода) – в среднем данный фактор указывали 43% респондентов в городах Приволжского федерального округа.

Другая группа вопросов в рамках указанного исследования была нацелена на измерение миграционных настроений респондентов, проживающих в городах рассматриваемых регионов (субъектов ПФО). Общая картина демонстрирует, что нижегородцы наиболее заинтересованы в поиске работы в другом регионе: 35% респондентов ответили утвердительно на вопрос, искали ли они работу в другом населённом пункте. В г. Казань – 27%, в г. Самара – 26%. Средняя доля утвердительно ответивших на данный вопрос в городах ПФО отмечена на уровне 14%.

По итогам проведённого социологического опроса, отмечена тенденция, согласно которой основной причиной нежелания респондентов оставаться в текущем регионе проживания (около 45% процентов опрошенных в городах ПФО, кроме городов Республики Татарстан и Самарской области) называют низкий уровень оплаты труда, а в частности низкая доля вакансий на рынке труда, заработная плата по которым соответствуют потребностям и ожиданиям индивидов.

Для выявления общих тенденций полученных оценок респондентов осуществлено сопоставление результатов авторского исследования с данными Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, проводимого ежегодного НИУ ВШЭ (далее – РМЭЗ). В ходе данной работы были сформированы 3 ключевые репрезентативные группы: «коренные москвичи», «москвичи-мигранты» и «жители городов ПФО». Необходимо отметить, что общий массив полученных данных коррелирует с результатами проведенного авторского исследования, подтвердив тем самым их релевантность и позволяет использовать для дальнейшего исследования.

В частности, был отмечен значительный разрыв между жителями Московской агломерации и городов ПФО по показателям общей удовлетворённости имеющейся работой. Данная переменная подразумевает интегральную оценку респондентом имеющейся работы, соответствия квалификации, режима труда и отдыха, размера вознаграждения за труд, а также возможностей для профессионального саморазвития.

В рассматриваемый временной отрезок (2007-2019 гг.) наибольшая удовлетворенность текущей работой отмечена среди жителей г. Москва (как коренные, так и мигранты) и варьируется на уровне 70-80%. За аналогичный период оценки жителей регионов ПФО по рассматриваемому показателю не превысили 67%. При этом, если в ранние периоды доля удовлетворенных в регионах Приволжского федерального округа балансировала на уровне 40-45%,

то лишь с 2016 г. в регионах указанного федерального округа прослеживается тенденция незначительного, но устойчивого роста общей удовлетворённости жителей городов имеющейся работой [5].

В ходе проводимого исследования был диагностированный другой наглядный факт, характеризующий не только качественные, но количественные показатели состояния рынка труда в рассматриваемых регионах – время поиска респондентом текущего места работы. Наименьше временя поиска работы было отмечено среди мигрировавших в г. Москва респондентов – в среднем 6 дней. Данное лидерство выглядит закономерным, т.к. в основной массе мигрантами движет стремление обрести в кратчайшие сроки любой приемлемый заработок для обеспечения возможности найма жилья (в отличии от жителей ПФО и коренных москвичей). У коренных жителей Московской агломерации на поиск текущей работы ушло чуть более недели (7-8 дней). Среднее время поиска текущей работы респондентами из Приволжского федерального округа кратно превышает указанные значения по столичному региону в 3-4 раза. В среднем на поиск работы уходил 1 месяц. При этом около 60% всей репрезентативной группы, представляющей г. Москва и ближнее Подмосковье отмечали, что в случае утери текущей работы, смогут в кратчайшие сроки без дополнительных сложностей найти работу не хуже. По городам ПФО доля респондентов с аналогичными прогнозами не превысила 40% [5].

Указанные выше факты позволяют заключить, что наличие работы, отвечающей запросам индивида, является одной из ключевых детерминант при решении о миграции. В современных реалиях, выраженных в оттоке трудоспособного населения из городов ПФО, а также в сравнительно более проигрышным состоянием его рынка труда, проблематика удовлетворенности населения существующими в регионе условиями для обеспечения дохода актуальна не только на уровне научно-исследовательской деятельности, но и на уровне административного планирования и регулирования.

Стоит отметить, что пост-пандемийный мир изменился в части способов организации и ведения хозяйства, но тем не менее основные потребности населения в вопросах заработка и подходах в его обеспечении значительных преобразований не претерпели, что указывает на актуальность проблемы.

Список литературы

1. Бурдье П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение. Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко / – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 33-52.

2. Манаева И.В. Города России: Классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. №7 (454). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/goroda-rossii-klassifikatsiya-i-tipologiya. (дата обращения 10.01.2023).

3. Федеральная служба государственной статистики [сайт] URL: https://www.showdata.gks.ru/finder/ (дата обращения 27.06.2023).

4. Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С. Динамика социально экономического поведения российских домохозяйств (1994-2016 гг.)//Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: сб. науч. ст./отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 8-99. URL: https://www.hse.ru/data/2018/07/04/1152917051/202018.pdf (дата обращения: 23.12.2012).

5. Данные обследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВВШЭ (RLMS-HSE) [сайт] URL: https://www.hse.ru/data/2023/09/13/1543113520/RLMS_HH_1994_2022_v4_DTA.rar (дата обращения 24.05.2023).

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

THE ROLE OF CULTURAL HERITAGE IN THE FORMATION OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY OF YOUNG PEOPLE

Т.Н. Овчарова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
T.N. Ovcharova
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Интерпретируется понятие этнокультурной идентичности, анализируется роль русской философии, как части отечественного культурного наследия в формировании этнокультурной идентичности молодежи. Коммеморация рассматривается как инструмент этнокультурного самоопределения молодежи на примере мемориального музея, посвященного русскому философу А.Ф. Лосеву.

The interpretation of the concept of ethno-cultural identity is given, the role of Russian philosophy as part of the domestic cultural heritage in the formation of the ethno-cultural identity of young people is analyzed. Commemoration is considered as a tool for ethno-cultural self-determination of young people on the example of a memorial museum dedicated to the Russian philosopher A.F. Losev.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, культурное наследие, философское наследие, молодежь, коммеморация.

Keywords: ethno-cultural identity, cultural heritage, philosophical heritage, youth, commemoration.

Изменения в современном мире, связанные с процессами глобализации, цифровизации, трансформации культур, делают актуальной проблему идентичности. Особое значение приобретают вопросы сохранения этнокультурной идентичности, традиционных ценностей народа, которые под влиянием массовой унифицирующей культуры, вестернизации, повсеместного использования английского языка, не всегда корректной работы СМИ подвергаются эрозии, разрушению. Идентичность важна для молодежи, поскольку стремление к самореализации, желание осознать свое место в обществе и в структуре групповой идентификации свойственны ей в большей степени, чем любой другой социальной группе. В силу неопределенности своего положения в обществе, переходности большинства свойственных ее представителям социальных статусов, экономической и другой зависимости, она испытывает определенные трудности в процессе идентификации и наиболее уязвима для манипуляционных воздействий. Приобщение к традициям и ценностям своего народа, его культурному наследию помогает молодым людям преодолеть сложности идентификации, облегчить поиск своего «Я», обрести жизненные ориентиры и обеспечить целостность своего мировоззрения.

В современной литературе существует множество интерпретаций понятия «этнокультурная идентичность». Некоторые исследователи разграничивают этническую и культурную идентичности, акцентируя внимание на том, что первая основана на происхождении, связана с признаком кровного родства, исходит из естественной связи индивидов со средой его обитания, а вторая основана на отождествлении индивида с культурой общества, принятии свойственных этому обществу культурных характеристик, образцов, традиций [1]. Нередко как синонимы используются понятия «национальная идентичность» и «этнокультурная идентичность». Несмотря на близость, отождествление их некорректно. Понятие национальной идентичности более широкое и тесно связано не только с этнокультурной составляющей, но и гражданско-правовой, то есть предполагает осознание себя как представителем какой-либо этнокультурной общности, так и гражданином своего государства, большинство из которых полиэтнические [2]. Формирование этнической и национальной идентичности коррелируют между собой, поэтому, например, Н.Р. Красовская под этнокультурной идентичностью подразумевает осознание своей

принадлежности к этнической общности по четырем критериям: языковому, территориальному, национальному и культурному [3, с. 77].

Каждый человек принадлежит к самым разным социальным группам (профессиональным, политическим, семейным), и это формирует у него разные идентичности. На разных этапах и в разные моменты жизни может быть актуализирована одна из них. Для молодого поколения характерен высокий уровень социальной мобильности, быстрая смена статусных позиций, поэтому идентификация отличается непостоянством и вариативностью. При таком нестабильном положении молодежи в социальной структуре общества опора на этнокультурную идентификацию, которая делает людей японцами, немцами, русскими, способствует появлению у индивида чувства устойчивости своего Я, несмотря на изменения, которые происходят с человеком в процессе взросления. Она имеет большое значение для достижения молодыми людьми социальной зрелости, обретения социальной субъектности.

Культурное наследие – понятие историческое, многоаспектное и полифункциональное, теоретико-методологические подходы к изучению которого проанализированы в [4]. В настоящее время под культурным наследием подразумеваются материальные и духовные ценности, которые были созданы предшествующими поколениями и которые не утеряли своего значения для современников. Не следует воспринимать культурное наследие как нечто застывшее и неизменное. Как отмечает Д.М. Володихин, состав культурного наследия формируется «социальным заказом» образованной части общества. Невозможно сегодня изменить памятник культуры, но взгляд на него на протяжении истории может меняться, поскольку изменчиво отношение социума к своему прошлому. Автор рассматривает несколько трансформаций, которые претерпело содержание отечественного культурного наследия, в связи с изменением критериев включения в его состав компонентов, представляющих ценность, с точки зрения того или иного политического курса [5].

Показательно в этом смысле отношение к русской религиозной философии как части отечественного культурного наследия. Под русской религиозной философией понимается направление в русской философии XIX-XX веков, у истоков которого стоит В.С. Соловьев, а крупнейшими представителями являются П. Флоренский, С. Трубецкой, философы русского зарубежья: Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Карсавин, С. Франк, а также такие мыслители, как А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев, жившие в СССР. В советском государстве русская религиозная философия рассматривалась как утратившая свою ценность для советской культуры и советского человека и не одобрялась государством. Интерес к русской религиозной философии возник после распада СССР,

изменения в социально-политической жизни России открыли доступ к философским сочинениям религиозных мыслителей, в том числе творивших в эмиграции. С 1989 г. российским издательством «Правда» в качестве приложения к журналу «Вопросы философии» стала выпускаться книжная серия «Из истории отечественной философской мысли», знакомившая широкий круг читателей с оригинальными текстами. В настоящее время считается, что цикл развития русской религиозной философии завершен, и она выступает, прежде всего, как духовное наследие, освоение которого необходимо для глубокого осмысления проблем, поставленных современной жизнью.

Необходимо активно включать отечественное философское наследие в современную социокультурную ситуацию, в процесс образования и воспитания молодежи. Изучение русской религиозной философии в высшей школе способствует формированию у слушателей мировоззренческого фундамента, активизирует процесс их этнического самоопределения. Эффективным инструментом этого процесса может выступать участие молодежи в различных формах коммеморативной практики: посещение музеев, выставок, участие в торжествах по случаю памятных дат и др. Об использовании историко-культурного наследия в коммеморативных практиках для формирования исторической памяти молодежи в [6].

Термин «коммеморация» происходит от латинского слова memorialis – памятный и означает сохранение в общественном сознании памяти о значимых исторических деятелях и событиях прошлого, сопровождающихся публичными актами их воспоминания. Посредством коммеморации происходит введение образов прошлого в современную культуру, и многообразные формы коммеморативной практики направлены на формирование коллективной исторической памяти, на то, чтобы не прервалась связь времен, поколений. Важным элементом в коммеморативных практиках являются музеи и музейные экспозиции. В этой связи интересен пример мемориального музея, посвященного А.Ф. Лосеву (1893-1988 гг.) – великому русскому философу, специалисту в области античной культуры, просветителю.

В самом центре Москвы по адресу Арбат, 33, в здании, являющемся памятником истории и культуры, находится «Дом Лосева – научная библиотека и мемориальный музей» [7]. Библиотека ведет большую работу по изучению наследия А.Ф. Лосева и русских мыслителей XIX-XX вв. Основой библиотечного фонда стало 11-тысячное мемориальное книжное собрание философа. Музей А.Ф. Лосева – это уникальный «музей философской мысли», который выполняет не только мемориальную функцию, но и ведет культурно-просветительскую работу, приобщая человека XXI в. к идеям А.Ф. Лосева,

отечественному философскому наследию, содействуя тем самым становлению этнокультурной, а также национальной и гражданской идентичности молодежи.

Список литературы

1. Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 178-180.

2. Грушевицкая Т.Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №12-2 (54). С. 137-139.

3. Красовская Н.Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. Том 28. № 3. С. 75-81.

4. Горлова И.И. О трактовке понятия «культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы / И.И. Горлова, А.Л. Зорин // Культурное наследие России. 2020. № 3 (30). С. 3-13.

5. Володихин Д.М. Культурное наследие: устойчивость и изменчивость // Культура и образование. 2022. № 1 (44). С. 5-15.

6. Пивоварчик С.А. Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи // Современная молодежь и общество. 2022. №10. С. 79-83.

7. Дом Лосева / [Электронный ресурс] // URL: http://domloseva.ru (дата обращения: 08.04.2023).

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КИБЕРСПОРТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

THE DYNAMICS OF CYBERSPORT AND ITS IMPACT ON THE INDIVIDUAL

Р.С. Паренный,
А.С. Опарин
Тюменский государственный университет, г. Тюмень
R.S. Parennyy, A.S. Oparin
Tyumen state university, Tyumen

Исследуется развитие киберспорта в России, показан на примере популярных киберспортивных дисциплин его положительный эффект на развитие личности.

In our theses we want to demonstrate how cybersports are developing in Russia, as well as to show the example of popular cybersports disciplines its positive effect on personal development.

Ключевые слова: киберспорт, развитие, молодежь, цифровизация, киберпространство
Keywords: cybersport, development, youth, digitalization, cyberspace

Киберспорт стремительно набирает обороты в мире, но именно Россия стала первой страной, признавшей киберспорт официальным видом спорта. Киберспорт в России развивается так же, как и во всем остальном мире. У нас есть Федерации компьютерного спорта (ФКС) России, которая позволяет получить доступ к некоторым премиум-турнирам. Кроме того, ФКС России занимается построением полноценной инфраструктуры массового киберспорта: обучением и аттестацией судей, аккредитацией площадок, подготовкой методических материалов, образовательными проектами, развитием клубов и секций.

Компьютерный спорт, как и любой вид спорта, безусловно влияет на человека. Киберспорт в понимании обывателя не представляется в полной мере, в которой он является на самом деле, многие считают киберспорт лишь развлечением, игрушками, но ведь не просто так он называется спортом, в любой игровой дисциплине в данный момент на профессиональном уровне команды имеют строгий распорядок дня, тренеров, диетологов, психологов.

Каковы основные функции киберспорта, в чем же заключается его польза? Один из самых важных навыков, которые со временем появляются у киберспортсменов, аналитическое мышление.

Киберспорт – это чаще всего групповой процесс: надо просчитать ходы соперника, распознать личностные черты других игроков. Но помимо аналитического мышления, у игроков развиваются и другие полезные навыки:

1) скорость реакции;
2) способность работать и общаться в команде, ориентироваться на поведение других;
3) умение взаимодействовать с информацией;
4) спокойствие в стрессовых ситуациях, рассудительность;
5) адаптивность: ребенок учится быстро корректировать свое поведение;
6) развивается пространственное мышление;
7) замедляется возрастное угасание умственных способностей человека.

Так же, как и другие виды спорта, киберспорт развивает дисциплину и самоконтроль.

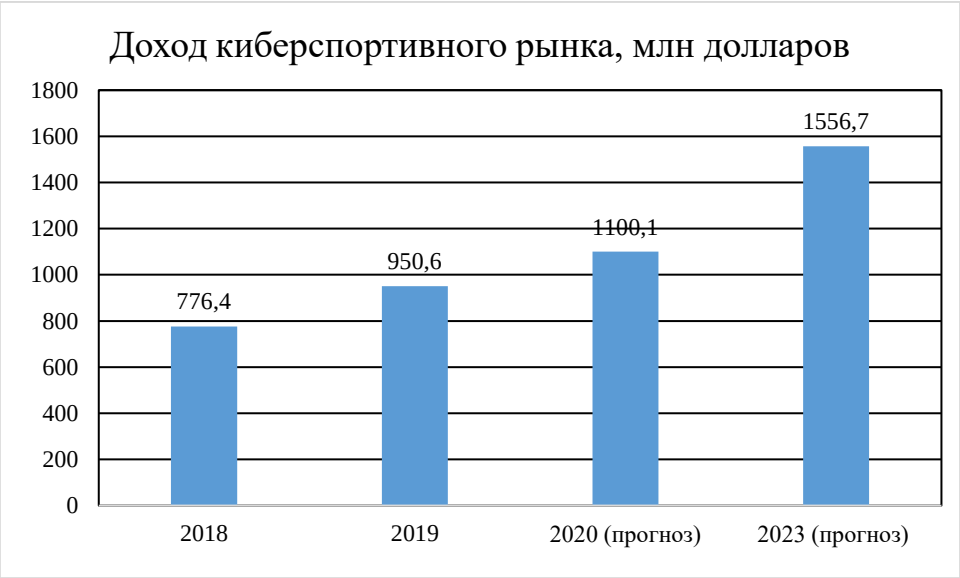


Рисунок 1. Доходы киберспортивного рынка и прогноз на 2023г. [1]

Из рисунка выше мы видим, как за последние 3 года вырос доход от киберспорт, что указывает на рост данного спорта среди рекламодателей и крупных компаний. Основную часть рынка доходов в киберспорте составляет рынок Китая, его доля составляет около 35% всего мирового дохода.

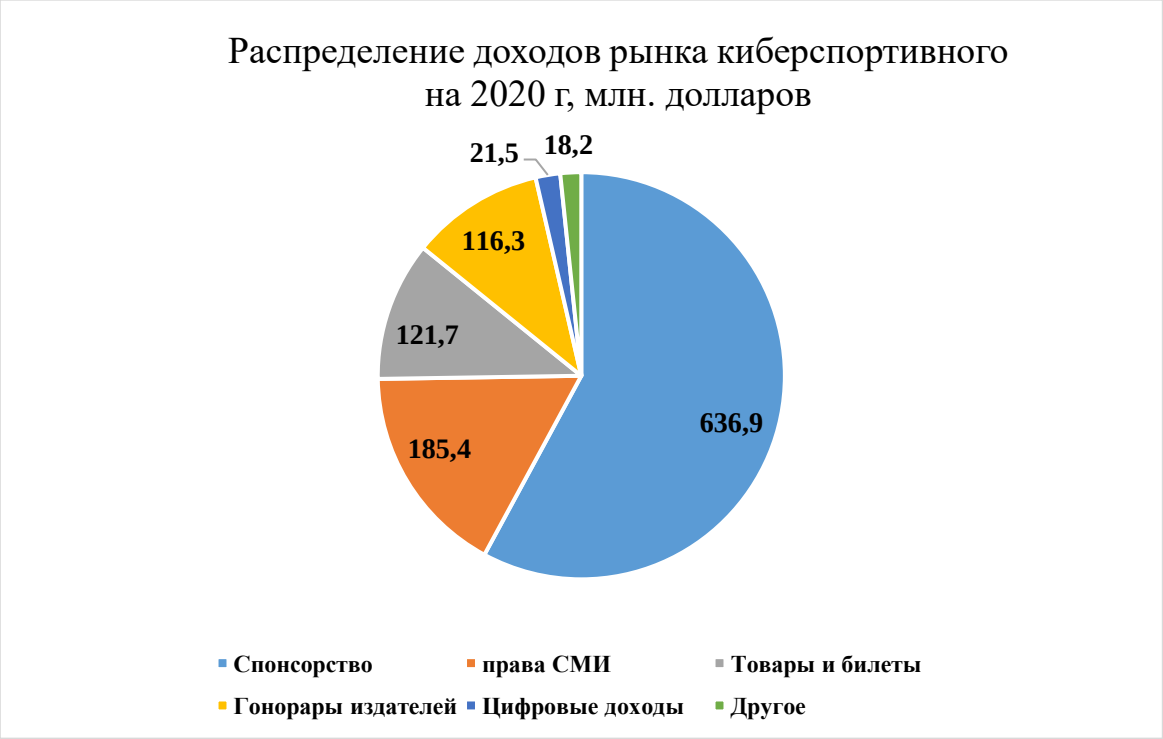


Рисунок 2. Распределение доходов рынка киберспортивного на 2020 г, млн. долларов [1]

Рисунок 2 показывает, из чего складывается доход от киберспорта. Самая крупная доля идет от спонсорства 636.9 млн долларов (57.9%), второй по величине доход от СМИ – это 16.9% от общего дохода, что составляет 185.4 млн. долларов. Третьим по величине является продажа товаров и билетов – это 11.1%, что составляет 121.7 млн. долларов [1].

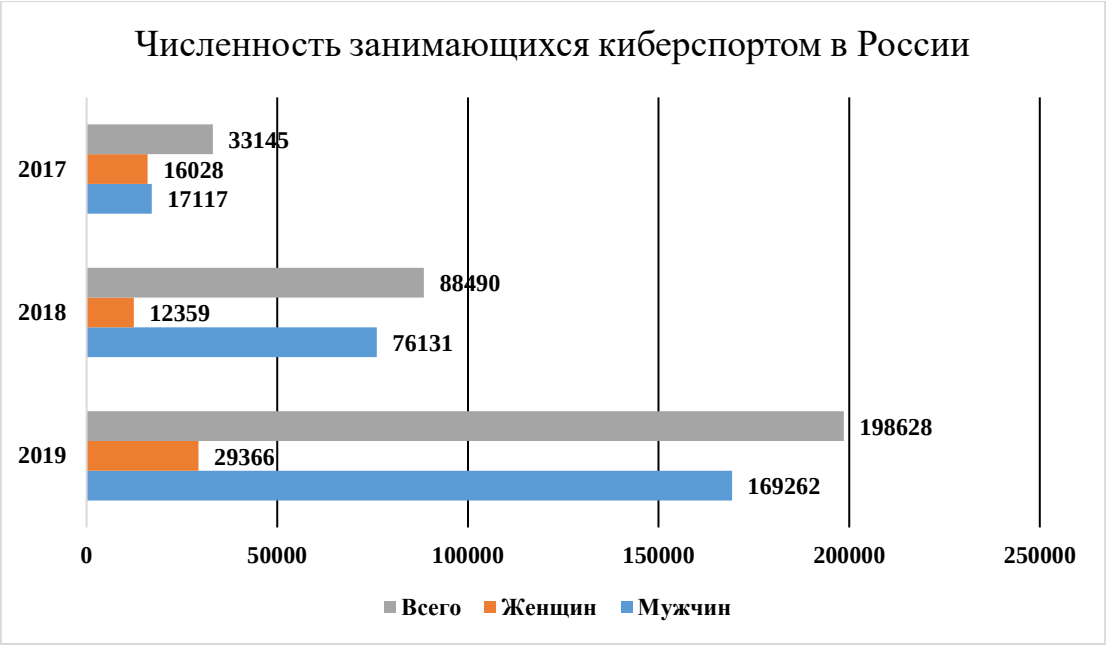


Рисунок 3. Численность занимающихся киберспортом в России [2;3;4]

По данным рисунка видно, что количество людей, вовлеченных в киберспорт, увеличилось в 6 раз по сравнению с 2017 г. Это демонстрирует рост популярности киберспорта и рост заинтересованности население новым видом занятости.

Анализируя вышеприведенные данные, можно сделать вывод, что киберспорт, бесспорно, актуален и активно развивается в наше время. С каждым годом все больше людей интересуются киберспортом. Увеличивается вовлеченность не только мужской части населения, но и женского. Помимо государства в популяризации киберспорта среди женщин заинтересованы и турнирные операторы, которые, в свою очередь, создают турниры для женщин, а крупные киберспортивные организации создают женские составы по различным дисциплинам. Одними из первых, кто создал женский состав по CS: GO были такие команды, как NAVI, G2, Virtus Pro, Furia, NIP, Astralis.

Сейчас почти каждая крупная организация имеет женский состав. Все такие «революционные» нововведения и развивают киберспорт, будь то создание новой соревновательной игры или анонсирование женских турниров, все это развивает киберспорт в России. К сожалению, в начале 2022 г.,

российская сцена подверглась санкционному давлению. Это, конечно, не оттолкнуло нас к самым истокам, но очень затруднило дальнейшее развитие. Российские команды были исключены из мировых лиг, а много профессиональных игроков ушло с российской сцены. Но ФКС России продолжает двигать наш киберспорт вперед, они проводят студенческие лиги, а также самый крупный чемпионат, он же чемпионат России, финал которого пройдет в Уфе. Призовой фонд чемпионата составил 5 млн. рублей, а проводится он по таким дисциплинам как: Dota 2, StarCraft II, Clash Royale, Tekken 7, DCL – The Game, Counter-Strike: Global Offensive. [5]

Список литературы

1. Global esports market report - 2020 // Newzoo [Электронный ресурс]. URL: https://resources.newzoo.com/hubfs/Reports/Newzoo_Free_2020_Global_Esports_Market_Report.pdf
2. 1-ФК свод 2017. Официальный сайт Министерства спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/.
3. 1-ФК свод 2018. Официальный сайт Министерства спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/.
4. 1-ФК свод 2019. Официальный сайт Министерства спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/.
5. Официальный сайт Федерации компьютерного спорта России [Электронный ресурс]. URL: https://resf.ru/news/final-chempionata-rossii-po-kompyuternomu-sportu-2023-proydyot-v-ufe/

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСКЛАВА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ*

TERRITORIAL IDENTITY OF RESIDENTS OF THE RUSSIAN EXCLAVE UNDER INTERNATIONAL TENSION

К.С. Проданцов
Социологическая лаборатория Института геополитических региональных исследований Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград
K.S. Prodantsov
Sociological Laboratory of the Institute for Geopolitical Regional Studies of I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

Сравниваются результаты двух исследований (2020 и 2022 гг.) территориальной идентичности жителей Калининградской области. Метод – личное полуформализованное интервью населения Калининградской области (n_1=1000, n_2=915). В результате зафиксировано усиление пророссийских и «космополитической» идентичностей и на основе проведенного корреляционного анализа выделены новые типы идентификаций: пророссийско-космополитичный и европейский.

The article compares the results of two studies (2020 and 2022) of the territorial identity of the residents of the Kaliningrad region. The method – personal semi-formalized interview of the population of the Kaliningrad region (n_1=1000, n_2=915). As a result, the strengthening of pro-Russian and "cosmopolitan" identities was recorded and new types of identities were identified on the basis of the correlation analysis: pro-Russian-cosmopolitan and European.

Ключевые слова: территориальная идентичность, Калининградская область
Keywords: territorial identity, Kaliningrad region

Изучение территориальной идентичности населения Калининградской области проводилось неоднократно [1-3], а интерес к этой проблеме обусловлен специфичностью географического расположения региона: территория находится в непосредственной близости к европейским странам и не имеет сухопутных границ с основной частью России. Актуальность очередной волны исследований может быть связана с новым этапом международной напряженности, обусловленной началом специальной военной операции на Украине, отменой

* Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030»: «Социологический анализ системы ценностей и геополитической картины мира жителей Калининградской области в условиях международной напряженности».

российской культуры, введением большого количества санкций в отношении России.

В работе используются данные исследований социально-политических настроений населения Калининградской области, проведенных Социологической лабораторией ИГРИ БФУ им. И. Канта в 2020 и 2022 гг. [4]. Методом являлось личное полуформализованное интервью жителей Калининградской области старше 18 лет. В результате в 2020 г. было опрошено 1000 человек (97%; ± 3,5), а в 2022 г. – 915 (95%; ± 5). Выборка – двухступенчатая, квотная для каждого городского округа и муниципалитета. Стратификация генеральной совокупности производилась по двухмерному признаку: пол и возраст.

Анализируя последние данные 2022 г. (табл. 1) в сравнении с предыдущими результатами 2020 г. (табл. 2), отметим, что наибольший приоритет по-прежнему отводится локальной, региональной и национальной идентичностям, причём доля людей, относящих себя к этим категориям, возросла. Последнее, вероятно, связано с тенденцией сплочения населения вокруг государства как ответ на геополитические вызовы, что проявляется в усилении отождествления себя с Россией. При этом наблюдается рост «космополитов», что, возможно, обусловлено пережитым опытом международной борьбы с пандемией коронавируса, а также осознанием последствий нынешнего конфликта для всего мирового сообщества. Для более точной интерпретации требуются дополнительные исследования. В свою очередь, уровень идентификации населения Калининградской области в качестве жителей Европы остался примерно на прежнем уровне. При всем этом важно учесть, что различия в данных могут быть вызваны использованием разных методик.

Таблица 1

Насколько сильно Вы идентифицируете себя с (-2 – почти не идентифицирую, 2 – сильно идентифицирую, 0 – затрудняюсь ответить), 2022 г., в %

	-2	-1	0	1	2	-	+
Жителем России, гражданином РФ	1,3	1,5	5	15,8	76,4	2,8	92,2
Жителем планеты Земля	1,3	0,9	7,8	10,6	79,3	2,2	89,9
Жителем того города, села, где живете сейчас	2,3	2,6	6,8	16,5	71,8	4,9	88,3
Жителем Калининградской области	2,3	4,2	6	13,8	73,8	6,5	87,6
Жителем Европы	38,7	10,8	17,2	17,4	16	49,5	33,4

Таблица 2

Насколько сильно Вы идентифицируете себя с (1 – почти не идентифицирую, 3 – все равно, 5 – сильно идентифицирую, 99 – затрудняюсь ответить), 2020 г., в %

	1	2	3	4	5	99	-	+
Жителем Калининградской области	4,5	2,9	12,2	25	52,3	3,1	7,4	77,3
Жителем того города, села, где живете сейчас	5,8	3,3	11,9	24,8	51	3,2	9,1	75,8
Жителем России, гражданином РФ	4,1	5,3	14,4	26,9	46	3,3	9,4	72,9
Жителем планеты	17	7	16,3	16,8	32,8	10,2	24	49,6
Жителем Европы	31,4	12,1	18	15,7	13,5	9,2	43,5	29,2

По данным 2020 г. исследователями [3] ранее был осуществлен корреляционный анализ (r Спирмена) категорий идентичности между собой. В результате были выделены два типа идентичности: «пророссийский» и «еврокосмополитичный». К первому типу были отнесены локальная, региональная и национальная идентичности, так как существовала положительная сравнительно высокая сила связи между ними. Второй тип обусловлен значимой положительной корреляцией друг с другом причисляющих себя к жителям Европы и жителям планеты Земля. В свою очередь, примененный нами корреляционный анализ (r Спирмена) на основе результатов опроса 2022 года показал новое распределение (табл. 3). Теперь, чем сильнее респонденты относили себя к «космополитам», тем с большей силой отождествлялись, по сравнению с данными 2020 г., с жителями села или города (r = 0,153 против r = 0,086), населением Калининградской области (r = 0,240 против r = 0,080), гражданами России (r = 0,404 против r = 0,265) и тем слабее ощущали себя европейцами (r = -0,088 против r = 0,356). Таким образом, можно выделить два новых типа идентификаций – пророссийско-космополитичный и европейский.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа категорий территориальной идентичности между собой

	Жителем того города, села, где живете сейчас	Жителем Калининградской области	Жителем России, гражданином РФ	Жителем Европы	Жителем планеты Земля
Жителем того города, села, где живете сейчас		0,707**	0,298**	-0,010	0,153**

Жителем Калининградской области	0,707**		0,385**	-0,018	0,240**
Жителем России, гражданином РФ	0,298**	0,385**		-0,166**	0,404**
Жителем Европы	-0,010	-0,018	-0,166**		-0,088*
Жителем планеты Земля	0,153**	0,240**	0,404**	-0,088*	

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя), * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Основные выводы исследования сводятся к следующему:

– Все так же ключевыми идентичностями жителей Калининградской области в условиях геополитической напряженности остаются локальная, региональная и общенациональная, и их роль возрастает. Кроме того, усиливается идентификация населением себя как жителей планеты Земля. При этом самоотождествление жителей региона с Европой остается на том же уровне и является наименее приоритетным.

– Корреляционный анализ позволил выделить новые два типа идентификаций: пророссийско-космополитичный и европейский, что связано с появившейся слабой статистически значимой отрицательной корреляцией между отождествлением себя населением с жителями планеты Земля и жителями Европы, а также с усилением силы связи первой с пророссийскими идентичностями.

Список литературы

1. Жуковский И.И., Фидря Е.С. Восприятие жителями Калининградской области статуса региона: динамика в 2001-2016 гг. и факторы формирования предпочтений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 73-89.

2. Klemeshev A. Fidrya E, Fedorov G. Specific Kaliningrad character of the Russian identity // Bulletin of Geography. Socio-Economic Series. 2017. Vol. 38, No. 38. P. 47-55.

3. Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016-2020 гг // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 3. С. 43-61.

4. Кришталь М.И., Фидря Е.С., Щекотуров А.В. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621183 Российская Федерация. Социально-политические настроения жителей Калининградской

области: № 2020621011: заявл. 25.06.2020: опубл. 10.07.2020; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (БФУ им. И. Канта).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ ОБ УРОВНЕ ДОХОДА УСПЕШНОГО УЧЁНОГО*

THE RUSSIAN STUDENTS' AND POSTGRADUATES' CONCEPTIALIZATION ABOUT THE INCOME LEVEL OF A SUCCESSFUL SCIENTIST

М.В. Прохорова,
А.В. Савичева,
О.Ю. Ангелова,
В.С. Кравченко
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
M.V. Prokhorova,
A.V. Savicheva,
O.Y. Angelova,
V.S. Kravchenko
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Цель исследования – выявить представления российских студентов и аспирантов об уровне дохода ведущего учёного. В исследовании приняли участие 1000 респондентов из 11 российских вузов. Для сбора данных использовался опрос. Установлено, что в представлении студентов уровень дохода успешного учёного соотносится с потребностями роста. Готовность студентов к научной деятельности не влияет на эти представления.

The aim of the investigation is to reveal the Russian students' and postgraduates' cconceptualization about the income level of a successful scientist. There are 1000 respondents from 11 Russian universities took part in the research. A survey was applied to collect the data. It is elicited that in the students' conceptualization the income level of a successful scientist is connected with the needs of growth. The readiness to follow a scientific career does not affect their ideas.

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Ключевые слова: отношение студентов и аспирантов, представления студентов и аспирантов, уровень дохода учёного, научная работа, мотив научной деятельности.

Key words: students' and postgraduates' attitude, students' and postgraduates' conceptualization, scientist's income level, scientific activity motive.

Введение

Согласно статистическим отчётам НИУ ВШЭ, средний возраст российских учёных в 2021 г. составил 46 лет, кандидатов наук – 51 год и докторов наук – 64 года [1, с.53], что указывает на необходимость вовлечения молодёжи в научную работу. Установлено, что молодёжь доверяет своим преподавателям и высоко оценивает имидж учёного, акцентируя важную роль мягких навыков [2; 3]. Это может позитивно отразиться на желании студентов и аспирантов начать карьеру в академической среде, но важно учесть и экономическую составляющую труда, которая особенно актуальна на фоне постэпидемических и геополитических событий [4].

Средняя заработная плата учёных в нашей стране в последние годы демонстрирует тенденцию к росту. В 2021 г. средняя заработная плата учёных в абсолютном выражении равнялась 67 885 р., что на 18% превысило среднюю заработную плату в стране [1, с.137]. Однако только 3,14% российских студентов и аспирантов считают, что учёные занимаются наукой для получения высокой заработной платы [5; 6]. Большинство респондентов представляют, что учёные трудятся, чтобы зарабатывать доход, размер которого находится в среднем диапазоне. В то время как ведущим для учёных выступает генеративный мотив, проявляющийся в стремлении отставить после себя научные труды и научные школы [там же]. Отсюда важным представляется изучение отношения молодых людей к уровню дохода успешных российских учёных. *Цель исследования* – выявить представления российских студентов и аспирантов об уровне дохода ведущего учёного, в том числе в контексте готовности молодёжи к научной деятельности.

Дизайн исследования

Методики исследования. Для проведения исследования использовался опрос, который включал три части. В ходе первой части собирались общие сведения о респондентах, включая их пол, возраст, регион проживания, вуз, уровень образования, направление подготовки и курс обучения. В ходе второй части респонденты делали одиночный выбор из вариантов словесных формулировок, отвечая на вопрос, *«Каков должен быть уровень дохода современного успешного учёного?»* Минимальный уровень дохода

подразумевает возможность покупать продукты питания, оплачивать коммунальные услуги и транспортные расходы, то есть соответствует низшему уровню потребностей в классификации А. Маслоу [7; 8]. Максимальный уровень дохода учёного даёт ему возможность, наряду с оплатой самого необходимого, иметь возможность приобрести личный транспорт, собственное жильё и отложить на будущее, то есть соотносится с потребностями роста по А. Маслоу [там же]. В ходе третьей части опроса респонденты определяли свою готовность к научной деятельности, делая одиночный выбор из трёх вариантов ответа, отражающих желание посвятить науке всю свою жизнь, один из её этапов или заниматься другим видом профессиональной деятельности.

Выборки исследования. В опросе приняли участие 1000 респондентов, являющихся студентами и аспирантами 11 российских вузов, работающих в восьми российских регионах. Средний возраст участников исследования составил 21 год. По итогам ответов на вопросы третьей части опроса все респонденты были разделены на три выборки. В первую группу вошли 79 респондентов, которые готовы заниматься наукой на протяжении всей своей жизни (*выборка* $n_{нд}$*)*. 331 респондент, образовавший вторую группу, планирует вести научную деятельность на одном из этапов своей карьеры (*выборка* $n_{нэ}$*)*. 590 респондентов третьей группы собираются работать вне науки (*выборка* $n_{пд}$*)*.

Результаты и их обсуждение

Все ответы студентов на вопрос второй части с помощью критерия χ^2 Пирсона были разделены на четыре иерархических уровня. Первый (высокий) уровень образован единственным ответом, который дали 64,50% респондентов: *«Доходов хватает на все необходимые нужды, личный транспорт, жильё, есть возможность откладывать на будущее».* Самый высокий уровень по частоте упоминания достоверно различается со средним уровнем (p=0,000**), на который попали три варианта ответов 22,10 % студентов и аспирантов. Выбравшие эти ответы респонденты считают, что доход учёных должен, как минимум, позволить им оплатить *расходы на питание, коммунальные услуги, транспорт, приобретать одежду и крупную технику, путешествовать, приобрести личный автомобиль,* а в лучшем случае – *иметь возможность для покупки собственного жилья*. Третий (умеренный) по значимости уровень (p=0,0310*) образует только один выбор, которые сделали 8,60% респондентов, полагающих, что успешный учёный может *позволить себе оплатить расходы на питание, коммунальные услуги и транспорт, приобретать одежду и крупную технику, а также путешествовать.* И, наконец, четвёртый (низкий) уровень (p=0,000**) включает в себя сразу три выбора, которые сделали всего 4,80% респондентов, соотносящих доходы учёных с возможностью удовлетворить

базовые потребности, *покупая еду, оплачивая коммунальные и транспортные услуги, приобретая одежду и технику.*

С помощью критерия Краскела-Уоллиса достоверно значимых различий между тремя группами респондентов, продемонстрировавших разную готовность к научной деятельности ($n_{нд}$, $n_{нэ}$, $n_{пд}$), в представлениях об оптимальном уровне доходе учёных не установлено. Достоверно значимое большинство респондентов каждой группы сделало выбор в пользу самого высокого уровня доходов учёных.

Заключение

В представлении большинства российских студентов и аспирантов уровень дохода успешного учёного соотносится с его потребностями роста. Заработной платы учёных должно хватать для оплаты всех необходимых нужд и путешествий, а также приобретать личный транспорт, собственное жильё и инвестировать в будущее. Готовность студентов и аспирантов к научной деятельности не оказывает значимого влияния на их представления об уровне доходов успешных учёных.

Список литературы

1. Индикаторы науки: 2023: статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023. 416 с.

2. Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. 2010. № 4(42). С. 10-29.

3. Osipov P., Ziyatdinova J. Professor’s Image as Viewed by Engineering University Students // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2021. Vol. 1329. P. 470-479. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-68201-9_46

4. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ и перспективы исследований // Разработка понятий современной психологии. 2021. Т. 3. С. 503-537. doi: https://doi.org/10.38098/thry_21_0439_15

5. Прохорова М.В., Савичева А.В. Представления студенческой молодежи о мотивации труда ученых: общие и специальные аспекты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1. С. 43-62.

6. Прохорова М.В., Савичева А.В. Представления студенческой молодёжи о мотивации труда учёных // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы: материалы Всероссийского психологического форума: в 2 т.

Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 г./ отв. ред. Л.В. Токарская, М.А. Лаврова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. Т. 1. С. 699-702.

7. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: издательский дом Питер, 2022. 400 с.

8. Прохорова М.В., Баранова А.А. Роль денежной мотивации в потребностной сфере работников фармацевтического бизнеса // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 1. С. 247-252.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

SOCIAL AND PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF STUDENT YOUTH

Н.А. Птицына,
Е.К. Маркова
Ивановский государственный университет, г. Иваново
N.A. Ptitsyna,
E.K. Markova
Ivanovo State University, Ivanovo

Рассматриваются некоторые аспекты социально-профессиональной идентификации студенческой молодежи в условиях обучения в вузе. На основе анализа эмпирического материала выявлены актуальные проблемы социально-профессиональной идентификации студентов, определены задачи вуза, способствующие профессионально-личностному развитию молодежи.

Some aspects of the socio-professional identification of student youth in the conditions of studying at a university are considered. Based on the analysis of empirical material, current problems of socio-professional identification of students have been identified, and the tasks of the university have been identified that contribute to the professional and personal development of young people.

Ключевые слова: социально-профессиональная самоидентификация, студенческая молодежь, образовательное пространство вуза.

Keywords: socio-professional self-identification, student youth, educational space of the university

Трансформация экономики в условиях развития цифровых технологий и средств коммуникации оказывает влияние на рынок труда, структуру занятости, выдвигает новые требования к специалистам разных отраслей знания. Характерной чертой современного общества является поливариантность

объектов и видов идентификации, одна из которых – социально-профессиональная, подразумевающая осознание индивидом своей социальной роли как субъекта профессиональной деятельности.

Особенности самоидентификации студенческой молодежи обусловлены спецификой ее образовательной деятельности. Значительное влияние на самоидентификацию студентов оказывает образовательное пространство высшего учебного заведения, ориентирующее учащуюся молодежь на получение образования и развитие трудовой мотивации, необходимой для успешного освоения профессии.

Практическое вхождение в профессию начинается с установления оптимального соответствия личности студента и требований вуза, перестройки психики индивида под воздействием объективных факторов вузовской среды, например, необходимость активного включения студентов в учебную, научно-поисковую, общественно-полезную деятельность. К числу основных причин, затрудняющих успешное обучение, можно отнести:

– большой объем учебной и научной информации при дефиците времени;

– интенсивность учебной деятельности при отсутствии навыков самостоятельной работы;

– дефицит личностной активности при социальном взаимодействии;

– эмоциональная неустойчивость и отсутствие навыков психоэмоциональной саморегуляции.

В процессе обучения в вузе у студентов развиваются способности к выполнению профессиональных функций, они приобретают новый социальный опыт и осуществляют выбор дальнейшей профессиональной деятельности.

На основании анализа эмпирического материала* можно заключить, что для студентов значимым является получение качественного образования и построения успешной карьеры. В иерархию ценностей входят интересная работа, материальное благополучие, карьерный рост, саморазвитие, включенность в профессиональное сообщество. Ценности студентов как важный психологический ресурс лежат в основе их профессионального самоопределения. Выявлено, что студенты идентифицируют себя с человеком, стремящимся к совершенствованию посредством получения диплома о профессиональной подготовке, нацеленным на построение карьеры, способным принимать самостоятельные решения, осознающим свою принадлежность к студенческому сообществу.

---

* Выводы сделаны на основе анализа 60 эссе студентов – будущих специалистов социальной сферы (Иваново, ИвГУ, июнь 2023).

В этой связи задачи вуза:

– обеспечить включение студенческой молодежи в профессиональное сообщество через взаимодействия с социальными организациями, заинтересованными в привлечении квалифицированных специалистов;

– стимулировать развитие личностной активности и инициативы, профессиональной компетентности для повышения уровня конкурентоспособности на рынке труда.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД С 2010 ПО 2023 ГОДЫ*

DYNAMICS OF VALUE PARADIGMS IN RUSSIAN SOCIETY FROM 2010 TO 2023

К.В. Ракова
Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва
K.V. Rakova
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматривается динамика ценностных установок современного российского общества за последние 13 лет. Представлен сравнительный анализ данных, полученных в ходе проведения 6-й, 7-й и 8-й волн всероссийского мониторинга – 2010, 2015 и 2023 гг., соответственно. Обозначена актуальность необходимости выявления причинно-следственных связей в контексте значительного снижения уровня значимости ценностей в условиях крайнего динамизма и нелинейности социальных процессов современного общества.

The author examines the dynamics of value paradigms in modern Russian society over the past 13 years. The study presents a comparative analysis of data acquired during the 6th, 7th and 8th waves of the All-Russian monitoring – 2010, 2015 and 2023, respectively. The author indicates the need to identify cause-and-effect relationships in the context of a significant decrease in the significance of values in the conditions of extreme dynamism and nonlinearity of social processes in modern society.

Ключевые слова: социальная идентичность, российское общество, индивидуальная идентичность, групповая идентичность, ценности, ценностные установки

Keywords: social identity, Russian society, individual identity, group identity, values, value paradigms

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект №23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

Современное российское общество гетерогенно и дифференцировано, что во многом обусловлено его многонациональностью, многорелигиозностью и многокультурностью. Ценностные установки являются теми латентными «скрепами», которые объединяют представителей разных культур, религий и национальностей, способствуя созданию и поддержанию социальных связей между ними и установлению взаимопонимания на индивидуальном и групповом уровнях. Полагаем, это обуславливает необходимость в сосредоточении нашего исследовательского интереса на индивидуальной и групповой идентичностях современного российского общества в контексте ценностных установок. Нами было проведено онлайн-анкетирование в рамках восьмой волны всероссийского мониторинга и аккумулированы 3 массива данных (Россия N=1000; СЗФО N=225; СКФО+ЮФО N=220). Продолжая многолетнее исследование Н.И. Лапина по изучению ценностей российского общества [1], мы провели сравнительный анализ динамики изменения ценностных ориентаций по уровню согласия в период с 2010 по 2023 гг. (табл. 1). Оценка уровня согласия при онлайн-анкетировании проводилась по 11-балльной шкале, которую для удобства анализа ответов мы сгруппировали следующим образом: «не согласен» соответствует оценкам в 1-3 балла; «отношусь нейтрально» – 4-7 баллов; «согласен» – 8-11 баллов. Сохраняя теоретико-методологический подход Н.И. Лапина с использованием модели ценностей, включающей три культурных типа ценностных установок – традиционные, общечеловеческие и современные, мы внесли небольшие коррективы при соотношении ценностной установки с утверждениями из анкеты (ценности нравственности, семьи и жертвенности).

Таблица 1

Ценностная установка	**Доля респондентов, согласных с ценностной установкой (%)**		
	2010	**2015**	**2023**
Нравственность	66	46	35
Благополучие	86	68	59
Своевольность	25	22	17
Свобода	79	63	66
Работа	74	57	51
Порядок	91	80	77
Общительность	91	79	69
Семья	92	79	69
Независимость	81	64	66
Властность	29	22	10
Жертвенность	67	52	39
Инициативность	66	49	40
Жизнь человека	93	81	77
Традиция	78	61	55

Как следует из таблицы 1, в период с 2015 по 2023 гг. наблюдается увеличение доли согласных респондентов относительно двух ценностных утверждений, а именно тех, которые отражают ценности независимости и свободы. По остальным 12 ценностям наблюдается постепенное снижение уровня согласия, относительно некоторых ценностных установок отмечается более резкое снижение, относительно другие – более плавное. Так как доли согласных респондентов варьируются от ценности к ценности и динамика уровня согласия характеризуется разной направленностью – как в сторону уменьшения, так и увеличения – это позволяет нам опровергнуть гипотезу о влиянии формы опроса на распределения ответов респондентов о ценностных установках.

Рис. 1. Динамика среднего балла по уровню согласия с ценностями в период с 2010 по 2023 гг.

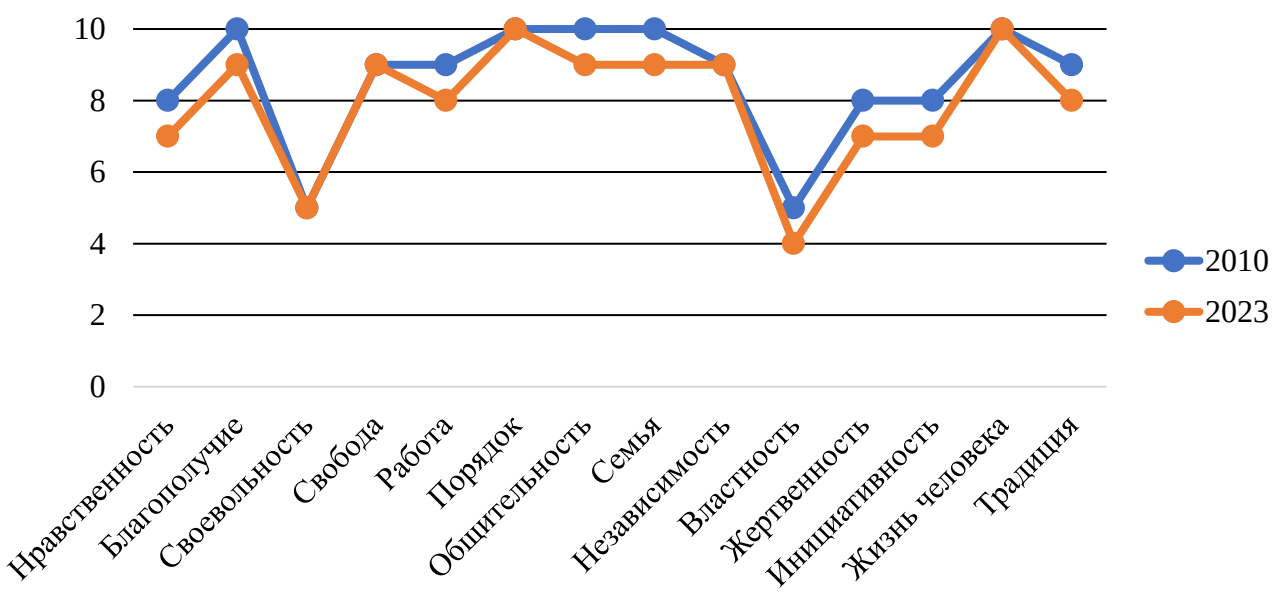
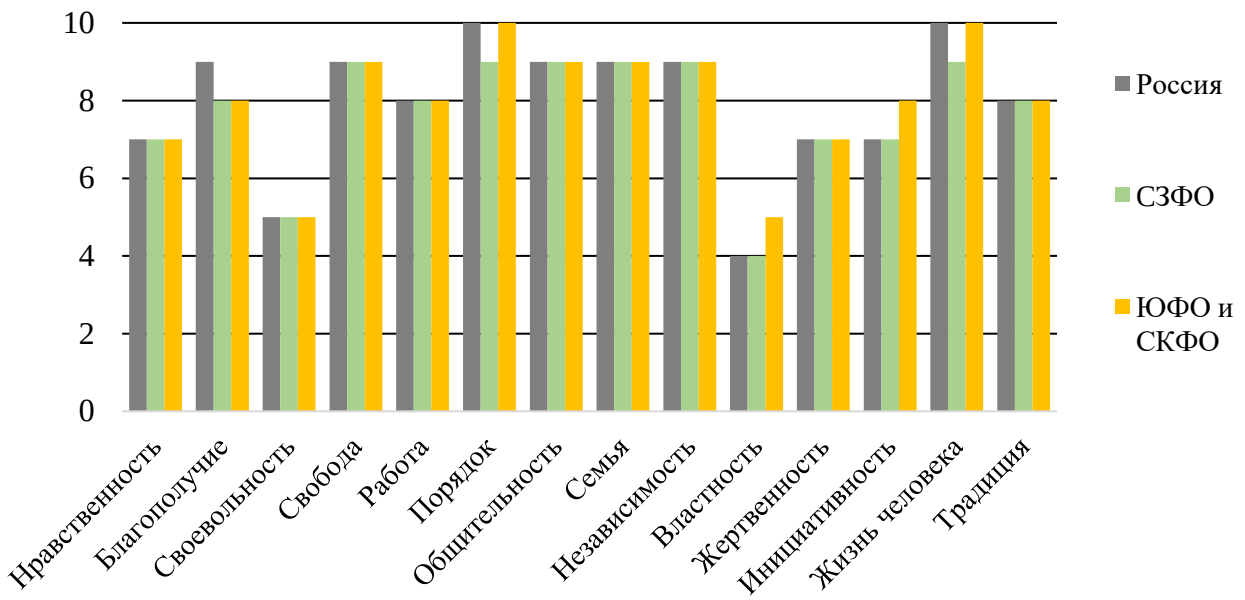


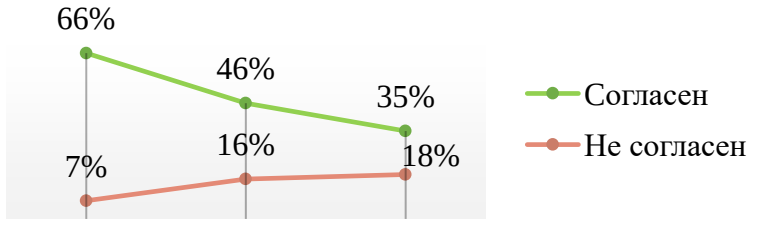
График наглядно иллюстрирует изменения в уровне согласия с ценностными установками, произошедшие в период с 2010 по 2023 (рис.1). Снижение уровня согласия отмечается по ценностям нравственности, благополучия, работы, общительности, семьи, властности, жертвенности, инициативности и традиции. Без изменений сохранилось отношение респондентов к ценностям своевольности, свободы, порядка, независимости и жизни человека.

Рис. 2. Средний балл по уровню согласия с 14 ценностями по России и регионам в 2023 году



Мы наблюдаем незначительные вариации среднего балла в зависимости от территориальной принадлежности (рис. 2). В ЮФО и СКФО более выраженная значимость *порядка*, *стремления к власти*, *инициативности* и *ценности человеческой жизни* по сравнению с СЗФО. По России в целом отмечается более высокий уровень согласия с ценностью *благополучия* по сравнению с регионами. По остальным ценностным установкам значения среднего балла идентичны, независимо от региональной принадлежности.

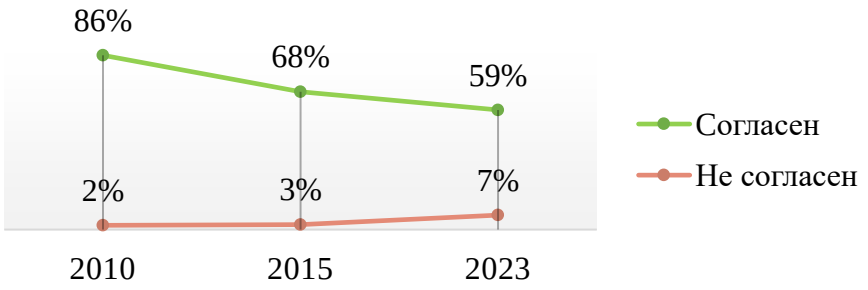
Рис. 3. В любых условиях красота делает человека лучше и чище (Нравственность)



Более подробно рассмотрим те ценностные установки, уровень согласия с которыми за последние 13 лет снизился более чем на 25% (нравственность, благополучие, жертвенность и инициативность). Так, доля согласных с утверждением о том, что в любых условиях красота делает человека лучше и чище, сократилась на 31% (рис.3). Отметим, что красота здесь рассматривается как форма устремленности человека к возвышенному и способности к самосовершенствованию. Полагаем, что ввиду проведения онлайн-анкетирования

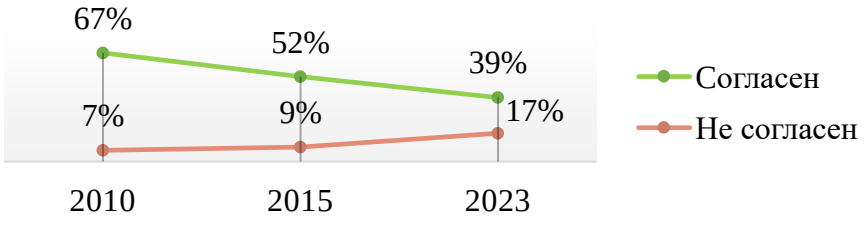
при отсутствии возможности раскрыть понятие «красота», могло иметь место упрощенное восприятие утверждения, что, как следствие, отразилось на снижении уровня согласия. Как показал анализ, ценность нравственности в 2023 г. имеет наименьшую популярность среди молодежи – 27% согласных. Наибольшая доля согласных наблюдается среди респондентов 45-54 лет (45%). Также была выявлена связь ценности нравственности с материальным положением: наибольшая доля несогласных наблюдается среди тех, кому не хватает денег до зарплаты и приходится занимать – 28%; наибольший уровень согласия – среди обеспеченных респондентов, которые практически ни в чем себе не отказывают – 44%.

Рис. 4. Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии (Благополучие)



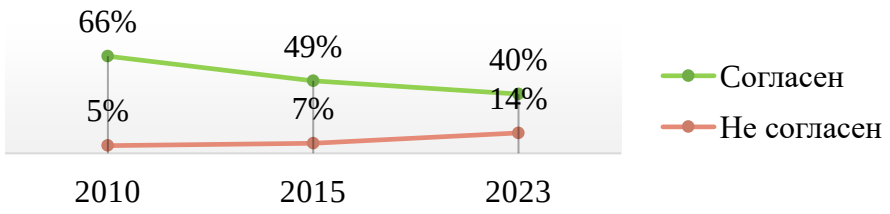
В период с 2010 по 2023 гг. согласие с ценностью собственного здоровья и благополучия снизилось на 27% (рис.4). При этом существенные различия по возрасту, месту жительства, уровню образования и материальному положению в 2023 г. не были выявлены. Одной из возможных гипотез может выступить предположение о том, что динамика изменения доли согласных с ценностью здоровья и благополучия объясняется постепенным увеличением средней продолжительности жизни и/или улучшением качества и доступности медицинского обслуживания и лекарственных препаратов. Или, наоборот, в жизни россиян появились иные, более значимые, трудности, которые перемещают ценность собственного здоровья и благополучия на второй план.

Рис. 5. Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя (Жертвенность)



Доля респондентов, разделяющих важность жертвенности, сократилась на 28% (рис.5). Полагаем, данное ценностное утверждение в большей мере отражает ценность нравственности, нежели установку о красоте, которая в любых условиях делает человека лучше и чище, поэтому предлагаем соотносить его не только с ценностью жертвенности, но и нравственности. Анализ показал, что в 2023 г. наблюдается связь между данной ценностью и возрастом. Так, наибольшая доля несогласных наблюдается среди молодежи 18-24 и 25-34 лет (20% и 24% соответственно). Наибольшая доля согласных отмечена в группе респондентов в возрасте 55-64 лет – 48%. Также выявлена связь ценности нравственности и материального положения: в группе богатых («практически ни в чем себе не отказываем») 56% респондентов согласны и 11% не согласны с утверждением; в группе бедных («денег до зарплаты не хватает, приходится занимать») лишь 38% согласных и 22% несогласных. Отметим, что в условиях роста значимости таких индивидуалистских ценностей как свобода и независимость видится закономерным снижение уровня согласия с коллективистскими ценностями нравственности и альтруизма.

Рис. 6. Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве (Инициативность)



Ценность инициативности и предприимчивости также снизилась в период с 2010 по 2023 гг. на 26% (рис.6). В 2023 г. наблюдается связь между уровнем согласия с ценностью инициативности и материальным положением респондентов. Среди тех, кто практически ни в чем себе не отказывает 59% согласны; в группе, кому приходится занимать, наименьшая доля разделяющих данную ценность – 36%. Если в период с 2010 по 2015 гг. устремление россиян к инициативности и предприимчивости сократилось на 17%, то в период с 2015 по 2023 гг. спад зафиксирован почти вдвое меньше – на 9%. Возможно, это связано с уходом некоторых западных компаний с российского рынка, что способствует росту спроса на отечественные товары и услуги и формирует импульс к формированию предложения посредством индивидуального предпринимательства.

Как показали результаты сравнительного анализа, значительная доля респондентов с течением лет переходит из категории «согласных» в категорию «относящихся нейтрально», что свидетельствует о процессе «размытия» ценностного портрета российского общества. Сегодня наблюдается ярко выраженное увеличение значимости современных индивидуалистских ценностей – терминальной ценности *свободы* и инструментальной ценности *независимости* – в то время как максимальное снижение уровня согласия зафиксировано по инструментальным ценностям *нравственности* (общечеловеческий тип) и жертвенности (традиционный тип). Более того, в обществе трансформируются представления о ценностных установках, меняется их значимость и восприятие, что, наконец, приводит к возникновению новых идеалов и интерпретаций. Основная проблема в связи с утратой ценностного единства населения с течением времени заключается в опасности возникновения «ценностного вакуума» среди россиян, который может способствовать распространению маргинализации общества. Те латентные социокультурные «скрепы» общества, которые зиждились на ценностных установках, постепенно ослабляются под воздействием плюрализма смыслов, что тревожно для нашего общества.

Список литературы

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Российское общество в пути: совмещение разнородного, асимметричный рост. Аналитический доклад по результатам пяти волн всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня»: 1990-1994-1998-2002-2006 гг. Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, 2007. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/analit/analiticheskiy_doklad_2006.pdf

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАПАМЯТИ

REPRESENTATION OF CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF MEDIA MEMORY

К.В. Рафикова
Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, г. Самара
K.V. Rafikova
Samara University, Samara

Проблемы репрезентации наследия анализируется в контексте теории медиапамяти. Процессы цифровизации наследия рассматриваются как форма цифровой ремедиации памяти. Особое внимание уделяется этическим проблемам цифровой ремедиации.

The problems of representation of heritage are being analyzed in the context of theory media memory. The process of digitalisation is regarded as a digital remediation of cultural memory. Special attention is given to ethical issues of digital remediation.

Ключевые слова: теории медиапамяти, культурное наследие, цифровизация, ремедиация.

Keywords: media memory studies, cultural heritage, digitalisation, remediation.

Теория медиапамяти (media memory *studies)* – новое междисциплинарное направление, *которое сформировалось в конце XX века в результате интеграции медиаисследований и теорий памяти (*memory *studies).* К основным идеям новой волны исследований социальной памяти можно отнести следующие положения.

1) Расширительная трактовка медиа, предложенная М. Маклюэном [1]. В качестве медиа памяти рассматривается любое средство, опосредующее память. Это не только средства массовой информации, но и любые средства коммуникации, в том числе объекты наследия и их коллекции, ландшафты, музеи, книги, публикации в социальных сетях, цифровые архивы и выставки.

2) Конструктивистский подход к медиа и памяти: исследуется роль медиа в конструировании социальной памяти.

3) Динамичное представление о памяти, которая постоянно перестраивается в соответствии с актуальной культурой. Медиа памяти, по К.

Китч, рассматриваются как любые средства коммуникации, опосредующие прошлое «с помощью данных, взятых из настоящего» [См.: 2, с. 71].

4) Внимание к цифровым медиа, осмысление специфики которых стало импульсом развития как медиаисследований, так и четвертой волны теорий памяти, ориентированной на использование критических исследований медиа в изучении социальной памяти.

5) Деинституциализация интерпретации социальной памяти. В качестве агентов конструирования памяти рассматриваются не столько классические институты памяти, науки, образования и средств массовой информации, сколько пользователи социальных сетей и сетевые сообщества.

Объекты и институты культурного наследия и ранее попадали в поле зрения исследователей памяти. В частности, в известной концепции П. Нора к «местам памяти» как символическим элементам наследия, соединяющим материальное и духовное, относятся музеи, коллекции, архивы, документы и памятники [3, с. 26]. В контексте теорий медиапамяти исследовательский акцент смещен на более динамичную интерпретацию памяти и наследия.

В теориях памяти третьей и четвертой волны присутствует критика традиционных институтов и практик сохранения наследия. В своей статье «Материальное сохранение и его альтернативы» Д. Лоуэнталь ставит проблему безудержного культа материального сохранения наследия в современной западной культуре [4]. В качестве альтернативы он исследует практики сохранения отдельных фрагментов прошлого и технологий в культурах Китая и Японии.

Следует отметить, что такие практики характерны для традиционных обществ. Для них важны не сами материальные объекты, а то, как они участвует в воспроизводстве живой традиции. Однако в условиях модернизации и быстрых культурных изменений материальное сохранение все же необходимо. Хорошим примером является практика «поновления икон», сложившаяся в России, включавшая запись нового образа поверх нового. В условиях европеизации отечественной культуры это привело к тому, что аутентичное искусство иконописи к концу XVIII века фактически было утрачено: каноны византийской иконописи испытали на себе сильное влияние традиций светского европейского искусства. Только практики коллекционирования и реставрации икон начала XX века, позволили открыть миру шедевры древнерусской живописи.

Альтернативы классическим формам сохранения наследия присутствуют и в современных практиках музеефикации. В последней трети XX века произошел постепенный переход от памятниковедческого подхода, ориентированного на

консервацию отдельных материальных объектов наследия, к системному и динамическому пониманию наследия, ориентированного на сохранение культурных ландшафтов и нематериального наследия.

Новый этап изменения концепции наследия связан с повсеместным распространением практик цифровизации наследия. Цифровая репрезентация, безусловно, не является альтернативой материальному сохранению наследия. Однако цифровизация получает самостоятельное значение в следующих практиках: 1) документирование удаленных и подверженных быстрому разрушению археологических артефактов и объектов (петроглифы, оленные камни); 2) сохранение и презентация нематериального наследия (опыт создания цифрового каталога традиционных ремесел Музея-заповедника Кижи); 3) реконструкция утраченных объектов и ландшафтов; 5) объединение разрозненных коллекций (см. например, сетевой проект «Виртуальный музей российских немцев»); 4) актуализация и интерпретации наследия, в частности, новых цифровых форм экспонирования, опирающихся на принципы иммерсивности и интерактивности [5].

Цифровизация наследия, в отличие от его простой оцифровки, связана с созданием нового цифрового продукта на основе репрезентации и интерпретации объектов наследия. В теории медиапамяти этот процесс анализируется посредством концепции ремедиации. Ремедиация рассматривается как процесс «перезаписи» информации о прошлом с одного носителя на другой, при котором о*собенности нового носителя оказывают влияние на саму информацию*. Примерами ремедиации являются любая репрезентация объектов наследия на выставках, в книгах и фильмах, на сайтах и в социальных сетях.

В исследованиях медиапамяти активно поднимаются этические проблемы ремедиации [6]. Использование новых средств коммуникации изменяет контекст и смысл объектов наследия. Несмотря на то, что художественные постмодернистские эксперименты с классикой уже вошли в историю искусства, общество неоднозначно реагирует на использование шедевров в коммерческом, повседневном или юмористическом контексте. В октябре 2021 года ФАС обязала убрать рекламу одного из самарских баров, изображающую Мону Лизу Леонардо да Винчи с кружкой пива и пеной на губах, как нарушающую нормы морали. В апреле 2023 г. реклама Министерства туризма Италии с использованием образа Венеры Боттичелли, в котором она представлена как современница, делающая селфи на фоне памятников архитектуры, вызвала шквал критики и обвинения в неэтичном использовании классического шедевра [7].

Контекст, в котором объект культурного наследия представлен на выставке, в книге, фильме или меме, может повлиять на то, как аудитория интерпретирует и понимает его. Это заставляет нас задуматься об этических вопросах о границах использования и интерпретации формы и смысла объектов наследия. Если аналоговые медиа могли неточно передавать текстуру, цвет и масштаб оригинального объекта, то проблема цифровизации заключается в быстроте и простоте процесса тиражирования, при котором объект наследия легко отделяется от своего контекста и помещается в новый контекст актуальной культуры. Особенно это касается объектов наследия, связанных со значимыми историческим событиям и личностями, произведений с трагическим, религиозным или историческим сюжетом.

Таким образом, цифровая эпоха вновь ставит проблемы тиражирования, технического воспроизведения и интерпретации объектов наследия. Теории медиапамяти представляют собой новый язык описания процессов репрезентации культурного наследия в цифровом обществе. Они могут применяться при описании, систематизации и типологизации различных практик репрезентации и популяризации объектов наследия, в особенности, их цифровых форм.

Список литературы

1. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. – М., 2003. 464 с.

2. Артамонов Д.С. Медиапамять: теоретический аспект // Galactica Media: Journal of Media Studies 2022, №2. С.65-83. DOI: https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.269

3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.

4. Лоуэнталь Д. Материальное сохранение и его альтернативы // Неприкосновенный запас. – 2017, №4. – С. 133-153.

5. Зубов С.Э., Букина О.В., Рафикова К.В. Модели виртуального экспонирования археологического наследия в сети Интернет // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 244-254. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.12

6. Wertheim D. Remediation as a Moral Obligation: Authenticity, Memory, and Morality in Representations of Anne Frank [Электронный ресурс] // URL: https://www.academia.edu/1265289/Remediation_as_a_Moral_Obligation_Authenticity_Memory_and_Morality_in_Representations_of_Anne_Frank (дата обращения: 20.04.2023).

7. Имам Дж. Венера Боттичелли в образе инфлюэнсера вызвала шквал критики [Электронный ресурс] // URL: The Art Newspaper Russia. https://www.theartnewspaper.ru/posts/20230428-rtwm/ (дата обращения: 28.04.2023).

РАБОТА В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

WORK IN THE CONTEXT OF THE VALUES OF RUSSIAN YOUTH

Е.А. Шинкаренко
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
E.A. Shinkarenko
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

На основе данных всемирного исследования ценностей рассматривается важность различных жизненных сфер (семья, друзья, религия, работа) для двух групп российской молодежи. На основе возрастного критерия выделены группы «студентов» (18-22 года) и «молодых специалистов» (23-28 лет). Сделан вывод о вариативности восприятия работы.

Based on the data of the World Values Study, the importance of various spheres of life (family, friends, religion, work) for two groups of Russian youth is considered. Based on the age criterion, groups of "students" (18-22 years old) and "young professionals" (23-28 years old) were identified. The conclusion is made about the variability of the perception of the work.

Ключевые слова: молодежь, ценности, работа, семья, друзья, религия
Keywords: youth, values, work, family, friends, religion

Период молодости сопряжен с большим количеством жизнеобразующих событий: окончание школы, выбор вуза, поступление, получение образования, выход на рынок труда, создание семьи. Этот период сопряжен с взаимодействием молодежи в новых для нее сферах (работа, политика, высшее образование). Целью материала выступает анализ важности различных социальных сфер для российской молодежи. Для этого были привлечены данные крупнейшего всемирного исследования ценностей (World values survey), разработанного Р.Инглхартом [1]. «Всемирное исследование ценностей», 7 волна была реализована в России в 2017г., объем выборки 1 810 человек

(n=1810) [2]. Для нашего анализа мы выделили несколько возрастных групп молодежи: 18-22 года (n=144), 23-28 лет (n=242). Выбор рамок обусловлен этапами жизненного цикла, связанных с возрастом: 18-22 года – окончание школы, получение высшего образования, 23-28 лет – окончание вуза, выход на рынок труда до создания семьи и рождения первого ребенка.

В таблице 1 представлены результаты расчетов о степени важности семьи, друзей, свободного времени, работы и религии. Для выявления статистически значимых отличий между группами вычислен Хи квадрат Пирсона и Асимптотическое значение хи-квадрата Пирсона.

Таблица 1

Важность различных сфер в жизни молодежи

Ценность	Возрастная группа	Очень важно	Довольно важно	Не очень важно	Совсем не важно	Хи квадрат Пирсона	Асимптотическое значение хи-квадрата Пирсона
Семья	18-22 года	81,9%	16,7%	1,4%	0,0%	0,531	0,767
	23-28 лет	80,7%	16,9%	2,5%	0,0%		
Друзья	18-22 года	58,3%	36,8%	4,9%	0,0%	5,783	0,055
	23-28 лет	46,5%	49,4%	4,1%	0,0%		
Свободное время	18-22 года	49,3%	41,0%	9,0%	0,7%	1,697	0,638
	23-28 лет	43,3%	47,5%	8,8%	0,4%		
Работа	18-22 года	39,0%	36,2%	18,4%	6,4%	10,605	0,014
	23-28 лет	43,6%	44,4%	9,1%	2,9%		
Религия	18-22 года	7,7%	25,4%	38,7%	28,2%	16,106	0,001
	23-28 лет	21,2%	30,3%	27,3%	21,2%		

Формулировка: Скажите, пожалуйста, насколько важно в вашей жизни то, что я сейчас перечислю, (Вопрос 6).

Для обеих возрастных групп совпадают ранги трех важных сфер. Семья важна для 98,6% молодежи в возрасте 18-22 года и 97,5% 23-28 летних. О важности друзей и свободного времени говорят более 90% молодых респондентов. В оценке важности этих сфер между группами нет статистически значимых различий (Асимптотическое значение хи-квадрата Пирсона > 0,05). То есть, можно говорить о семье, друзьях и досуге как универсальных ценностях молодежной группы.

В восприятии работы между группами существуют статистически значимые отличия (Асимптотическое значение хи-квадрата Пирсона < 0,05). Среди молодежи студенческого возраста о важности работы суммарно говорят 75,2% респондентов, при этом для 24,8% молодых людей эта сфера не очень важна или совсем не важна. Такое восприятие может быть связано с тем, что трудовая деятельность на этом этапе жизненного цикла не является основной. Исследователи фиксируют феномен «работающего студента» как нового типа работника [3], а также анализируют проблемы, сопровождающие обучение при наличии у студента работы [4]. В. И. Чупров и Ю. А. Зубок подчеркивают, что совмещение работы и учебы порождается, скорее, стремлением к материальной независимости, нежели выстраиванием профессиональной траектории [5]. По мере вхождения в сферу труда растет ее важность при расстановке жизненных приоритетов. Более 40% молодых людей в возрасте 23-28 лет оценивают работу как очень важную или достаточно важную, лишь 12% респондентов упоминает ее как неважную.

Статистически значимые отличия между группами выявлены в восприятии религии. Только 7,7% людей в возрасте 18-22 года говорят о том, что эта сфера очень важна, среди респондентов в группе 23-28 лет о высокой степени важности упоминают более 20% 23-28. Религию как достаточно важную жизненную сферу характеризуют 33,1%, для группы 23-28 - более 50% говорят о важности.

Итак, по результатам анализа можно говорить о существовании у разных групп молодежи универсально важных жизненных сфер, к которым относится семья, друзья и свободное время. Обнаружена вариативность и в восприятии работы и религии, эти сферы оцениваются как важные более старшей молодежной группой (23-28 лет).

Список литературы

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

2. Всемирное исследование ценностей, 7 волна. 2017г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp. (дата обращения: 14.09.2023).

3. Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы. – М., 2009. – 72 с. –

(Система воспитания в высшей школе: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования / ФИРО; Вып. 12).

4. Мылтасова О.В. Сложности совмещения работы и учебы студентов на примере студентов Уральского региона // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. – Екатеринбург, 2018. С. 986-995.

5. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Проблемы вторичной занятости учащейся молодежи: состояние и перспективы // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 88-95.

ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

FEATURES AND MECHANISMS OF SOCIO-CULTURAL INTEGRATION OF THE REPRESENTATIVES OF THE EURASIAN PEOPLES (ON THE EXAMPLE OF THE PERM TERRITORY)

Р.И. Щукина
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
R.I. Schukina
Perm State national research university, Perm

Актуальность заявленной проблемы заключается в обосновании этнокультурного обустройства евразийских народов в российских регионах сквозь призму философско-теоретических положений Евразийства. Осуществлен анализ опыта этнокультурной интеграции на примере кыргызов, проживающих в г. Перми, роли в этнокультурных процессах общественных организаций.

The relevance of the stated problem lies in the substantiation of the ethno-cultural arrangement of the Eurasian peoples in the Russian regions through the prism of the philosophical and theoretical provisions of Eurasianism. The analysis of the experience of ethno-cultural integration is carried out on the example of the Kyrgyz living in the city of Perm, the role of public organizations in the ethno-cultural processes.

Ключевые слова: евразийские народы, социокультурная интеграция, этнокультурное пространство, пермское полиэтничное сообщество.

Keywords: Eurasian peoples, socio-cultural integration, ethno-cultural space, Perm multi-ethnic community, ethno-cultural values.

Современный дискурс понятия «евразийство» позволяет констатировать, что в условиях глобализации это понятие не утрачивает свою актуальность и

дискуссии о его содержании лишь усиливаются. В связи с данной тенденцией возникает необходимость корреляции содержания евразийства в рамках его гуманистического измерения, определения специфики в аспекте ретроспективного и сравнительно-сопоставительного анализа развития евразийских народов.

Анализ различных идеологических коннотаций евразийства в науке приводит к выводу, что его трактовки в современной науке многовекторны. Это можно объяснить ракурсами рассмотрения социокультурного пространства Евразийского континента в разных условиях трансформации отношений евразийских стран и народов. В этом аспекте еще Л.Н. Гумилев подчеркивал: «К сожалению, в XX веке мы <…> начали руководствоваться европейскими принципами, пытались всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно» [1].

Российские мыслители, политики акцентируют внимание на этнонациональной составляющей содержания этого феномена. Так, на заседании Валдайского клуба в 2013 г. В.В. Путин сделал акцент на евразийстве как приоритете национальной политики: «Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии» [2].

Аргументируя важность ценностного ядра евразийства для этнокультурного развития и взаимодействия стран и народов сегодня, исследователи используют понятие «новой этничности», характеризующееся культурной фрагментацией, ослаблением устойчивости этнических ценностей, размытостью базового аксиологического ядра, неустойчивостью духовных скреп в российском обществе. Данные риски побуждают к трендовому повороту политики нашей страны на Восток. Ключевое достоинство данного тренда в том, что, с одной стороны, появляются возможности по-новому осмыслить особенности выраженности евразийской идентичности России. С другой стороны, нетрадиционность подходов обусловливает активизацию включения в общий контекст взаимодействия новых акторов – национально-культурных общественных институтов, активных проводников идей интеграции в социум.

В аспекте этнонациональной проблематики несомненными актуальными ценностями евразийства сегодня признаны полицентризм как общеметодологический принцип, взаимодействие, взаимодополняемость культур, взаимовлияние и взаимная учеба. На этой ценностной основе

взаимодействие культур разных народов должно выстраиваться в горизонтальном ключе с учетом принципов соборности, равноправия, симфонизма и признания уникальности культур всех национальных этносов, даже насчитывающих несколько тысяч человек [3].

Уникальность ситуации в том, что, зародившись в недрах политической философии в прошлом веке, это понятие сегодня востребовано практикой этностроительства. «Действительно, если мы говорим о том, что на самом деле в основе Евразии лежит некое единство, то без анализа этнических отношений, межнациональных отношений обойтись невозможно. В нашем плавильном тигле получается достаточно неплохо сосуществовать различным этносам, причём основа этого существования – русская культура и русский язык. Именно они становятся универсальным фактором взаимопонимания, взаимопроникновения высокой культуры и науки, где-то даже фактором модернизации. Это принимается большинством народов, которые вовлекаются в орбиту русского влияния» [4]. И это не случайно. Главное предназначение евразийства заключается в недопущении поглощения одних народов и национальных культур другими. В этом аспекте евразийство, провозглашая ключевую ценность – право выбора самим народом своего исконного пути развития, выступает альтернативой «растворения» одних культур и этносов в других. Лишь на основе этого приоритета возможно обеспечить сохранение этнического и цивилизационного многообразия, уважение выбора народов и взаимное обогащение этнокультур. Акцентируя внимание на важности их соразвития на принципах интеграции и выступая альтернативой европоцентризму, оно противодействует нивелированию национальных культур и концепциям однополярности.

Реально ли воплощение этих идей в управленческой практике и возможна ли социокультурная интеграция евразийских народов? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу практического опыта обустройства этносоциальных отношений в Пермском крае, где проживают представители более 140 народов и этнических групп. В их числе и кыргызы как один из евразийских народов.

В историческом ракурсе стоит заметить, что торговые отношения у России с киргизами начали складываться еще в XVIII веке. Но в Пермской губернии представители этого народа появились в период Первой мировой войны. В 1939 г. в Пермской области жили 174 киргиза. В послевоенный период киргизское население области росло за счёт обучающихся в вузах и отслуживших в армии уроженцев Киргизской ССР. С середины двухтысячных годов численность представителей этого народа в Пермском крае увеличилась за счёт трудовой миграции [5]. По данным переписи 2022 г., в Пермском крае

постоянно проживает около тысячи киргизов. Ежегодно число временно проживающих в крае граждан Кыргызстана варьируется от пяти до семи тысяч человек. Это в основном трудовые мигранты, которые вписываются в общее количество мигрантских сообществ из Кыргызстана в Россию. Доля трудовых мигрантов из этой республики в Российскую Федерацию составляет 80 %. По неофициальным данным, в России работает 1 млн. граждан Кыргызстана [6]. Например, уроженцы Кыргызстана, приехавшие в начале 1990-х гг. в Пермский край на заработки, столкнулись с многими проблемами: оформление документов, трудоустройство, жилье. Активизация общественных инициатив по созданию некоммерческих общественных объединений (далее – НКО) диаспоральных сообществ обусловила институализацию этих инициатив. В крае действует более семидесяти НКО, в числе которых общественные институты как традиционно проживающих народов, так и этнических диаспор. Поэтому закономерно, что с целью решения адаптационных проблем в г. Перми и крае наиболее активные кыргызы в 2007 г. создали Пермскую региональную общественную организацию «Союз кыргызстанцев». Устав организации зарегистрирован управлением Министерства юстиции по Пермскому краю 21.08.2007. Миссия НКО – содействие адаптации и интеграции соотечественников в пермском многонациональном сообществе, содействие в удовлетворении этнокультурных потребностей земляков и в укреплении исторических, культурных и других всесторонних связей представителей разных национальностей, проживающих в Пермском крае. В этой организации сегодня на общественных началах работает во главе с председателем А.А. Алымкуловым до 100 активистов. Обретение официального статуса общественной организации кыргыстанцев стало событием для кыргызов. Актив «Союза кыргызстанцев» взял на себя ответственность за решение задач гуманитарной составляющей этнической сферы на основе этнокультурных ценностей и традиций своего народа, продвигая их в публичном пространстве полиэтничного пермского сообщества. Публичная деятельность этого гражданского института, наравне с НКО других этнических групп, включает ряд социально значимых инициатив. Во-первых, это расширение географии деятельности (не только г. Пермь, но и другие муниципалитеты края). Во-вторых, тенденция расширения сотрудничества и развития партнерских отношений НКО кыргызов с органами власти края и г. Перми способствует укреплению репутации и повышает узнаваемость организации в местном сообществе. «Союз кыргызстанцев» вносит вклад в сохранение общественного согласия в регионе, в удовлетворение этносоциальных потребностей и своих земляков, и жителей края в целом. Кроме того, «Союз кыргызстанцев» активно взаимодействует с НКО других этнических

групп и народов и с населением, что позволяет его лидерам на ранней стадии узнавать и минимизировать риски возникающей межэтнической напряженности совместно с муниципальной и краевой властью региона. В рамках интеграционных процессов взаимодействие властных структур региона и организованной общественности осуществляется на основе современных коммуникативных технологий и практик. Так, в 2016 г. в администрации губернатора Пермского края было подписано Соглашение между ПРОО «Союз кыргызстанцев» и Ассамблеей народов Пермского края, куда вошла и организация пермских кыргызов. Партнерскими площадками для диалогов являются общественные советы и экспертные группы. Координационный совет по национальным вопросам Пермского края, в составе которого лидеры НКО, в их числе председатель «Союза кыргызстанцев», утверждается указом губернатора Пермского края. В крае, как и в других регионах, традиционны конкурсы проектов. Проектные технологии являются инструментами позиционирования НКО в публичном пространстве и позволяют отвечать на запросы местного социума. Например, актив «Союза кыргыстанцев», победив в конкурсе социально значимых проектов «Общественное партнерство», обустроил спортивную площадку на территории одной из школ г. Перми с комфортным местом отдыха для жителей микрорайона. Пермские кыргызы содействуют краевым и городским властям в проведении мероприятий по социокультурной адаптации мигрантов, участвуя в проектах «Школа русского языка для мигранта» (в 2012 г. при участии диаспоры записан «Аудиокурс русского языка» с комментариями на кыргызском языке), в работе общественных приёмных по вопросам трудовой миграции. При поддержке администрации губернатора Пермского края издана «Памятка мигранту» на кыргызском языке (перевод осуществлен членами «Союза кыргызстанцев»). Открытость и активность кыргызов Пермского края позволяет им гармонично «вписываться» в пермское многонациональное сообщество за счет участия в различных знаковых событиях. Пермские кыргызы традиционно участвуют в форуме «Мусульманский мир» и ежегодном Всероссийском форуме межнационального единства, в фестивалях и конкурсах. У организации есть свой офис в Общественном центре г. Перми, предоставленный на безвозмездной основе для индивидуальной работы с соотечественниками по вопросам обустройства в крае [7].

Интеграция народа в новое этносоциальное пространство предполагает разные уровни и направления, а также ресурсы для их реализации. В Пермском крае этот алгоритм реализуется. Например, сохранению культуры и ее продвижению содействует коллектив кыргызской песни и танца «Бишкек-59».

Включенность молодых кыргызов в молодежную политику и в спортивные мероприятия обеспечивают молодёжный комитет и спортивная команда. В каждом районе г. Перми есть свои ответственные за работу с соотечественниками.

Позиционированию представителей евразийских народов и их интеграции в местное сообщество способствуют издательские проекты, в которых опыт интеграционных процессов обобщается и публично презентуется. Например, презентация брошюры «Кыргызы Пермского края: нам пять лет» в 2012 г. завершилась торжеством в одном из Дворцов культуры г. Перми. В 2017 г. издана научно-популярная книга М.С. Каменских «Кыргызы Перми: история и культура», пополнив серию книг «Народы Перми», которая востребована в работе с молодежью, в учреждениях культуры, образования Пермского края [8]. Таким образом, широкий диапазон и разнообразие механизмов и форматов реализации интеграционных процессов народов Евразии является уникальным явлением, обусловленным сложной политикой, историей, географией и культурой региона. Анализ опыта показал, что разнообразные формы интеграции лучше всего подходят к евразийским реалиям. Однако при этом следует избегать фрагментации, то есть отсутствия взаимной координации и взаимодействия.

Список литературы

1. Гумилев Л. От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Айрис Пресс, 2008. С. 292.

2. Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема юбилейного заседания клуба – «Многообразие России для современного мира» // [Электронный ресурс]-Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243 (дата обращения: 30.04.2023).

3. О неоевразийской идентичности России // [Электронный ресурс]-Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/15023 (дата обращения: 30.04.2023).

4. Дзермант А.В. Каким должно быть евразийство в XXI веке? // [Электронный ресурс]-Режим доступа: // https://russkie.org/articles/kakim-dolzhno-byt-evraziystvo-v-xxi-veke/(дата обращения: 30.04.2023).

5. Плешакова Татьяна От ужаса до любви – один шаг. Как киргизам живётся в Пермском крае. Еженедельник "Аргументы и Факты" № 46. АиФ-Прикамье 11/11/2020].

6. Торогельдиева Б.В. Миграция кыргызских граждан: возможности и риски // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-kyrgyzskih-grazhdan-v-rossiyu-vozmozhnosti-i-riski] (дата обращения: 30.04.2023).

7. Алымкулов А.А. О деятельности кыргызской общины Прикамья // Пермский край – территория межнационального согласия. СПб., 2013. С. 65.

8. Каменских М.С. Кыргызы города Перми. СПБ. Изд-во: Маматов. 2017. Серия: Народы Перми. 60 с.

СЕКЦИЯ 3

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖПОКОЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ДОКЛАДЫ

«ПРАВОКУЛЬТУРНЫЙ МЕМ» КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕДАЧИ ПРАВОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

"LEGAL-CULTURAL MEME" AS A UNIT OF TRANSMISSION OF LEGAL CULTURAL HERITAGE IN THE MODERN WORLD

М.В. Баранова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
M.V. Baranova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Технологизация меняет ключевые аспекты восприятия человеком информации. Обилие, доступность информационных потоков, скорость смены событийного ряда порой детерминируют поверхностное восприятие, небрежное отношение к сохранению значимых информационных единиц, фиксирующих достижения, в том числе в правовой сфере. Как любой значимый элемент культуры оно трансформируется сообразно изменениям в жизни общества, отвечает на вызовы, стремится соответствовать запросам, а в идеале, действовать на опережение. Право всегда остается главным властным регулятором социальнозначимых отношений, люди в нем нуждаются. В ответ на прогрессивные преобразования специфики восприятия правовая сфера креативно создает новые инструменты, способные в оптимальной форме донести ценностные ориентиры, передать опыт правовой доктрины и юридической практики. «Правокультурные мемы» как единицы передачи правового культурного наследия становятся сегодня эффективным средством передачи правовой информации в предельно компактной форме, влияют на качественные характеристики национальной правовой культуры, общей культуры граждан, позволяют фиксировать, сохранять и распространять доминантные элементы правового культурного наследия.

Digitalization changes key aspects of human perception of information. The abundance, availability of information flows, the speed of change of the event series, sometimes determine the superficial perception, careless attitude to the preservation of significant information units that record achievements, including in the legal sphere. Like any significant element of culture, it is transformed according to changes in the

life of society, responds to challenges, strives to meet demands, and ideally act ahead of the curve. The law always remains the main power regulator of socially significant relations, people need it. In response to the progressive transformations of the specifics of perception, the legal sphere creatively creates new tools that can convey value orientations in an optimal form, transfer the experience of legal doctrine and legal practice. "Legal cultural memes", as units of transmission of legal cultural heritage, are becoming an effective means of transmitting legal information in an extremely compact form today, affect the qualitative characteristics of the national legal culture, the general culture of citizens, allow fixing, preserving and distributing dominant elements of legal cultural heritage.

Ключевые слова: правокультурный мем, право, правовое культурное наследие, цифровизация, преемственность, социум

Keywords: legal cultural meme, law, legal cultural heritage, digitalization, continuity, society

Интенсивная технологизация ключевых сфер жизни современного общества, перманентное внедрение научных инноваций позволили не только ускорить темп социальных преобразований, но создали условия для общения в режиме реального времени на больших расстояниях. Право как значимая часть национальной культуры чутко реагирует на новые реалии, отвечает на вызовы, креативно использует имеющийся технико-юридический инструментарий, создает новые средства и формы регламентации.

Рост объемов информации, ежедневно доступной каждому индивиду, требует сегодня умения лавировать в потоке бесконечных цифр, фактов, видеоряда, извлекая искомое, новое, полезное. В настоящее время интенсифицируется процесс внедрения элементов искусственного интеллекта, вызывая яркую полемику, порой доходящую до идейного противостояния сторонников сбережения традиций и поборников цифровизации. Просматривается эта разница позиций и в сложном диалоге поколений, ведь приверженность гаджетам, порой доходящая до зависимости, отличает в первую очередь молодое поколение. В этих условиях сформировалось столь порицаемое «клиповое сознание» молодежи, возможно, представляющее собой некую защитную реакция мозга на непрерывный поток доступной по множеству каналов информации. Такое восприятие мира позволяет без ощутимых перегрузок сосуществовать с информационными потоками, используя их компактные элементы, имея поверхностное представление о сложной структуре и ценности исторических и текущих социокультурных и политико-правовых процессов. При этом, написание требующего навыка анализа рукописного конспекта, освоение объемного текста или комплексное осмысление

социального правового феномена в историческом развитии неизбежно вызывает сложности.

В этой связи социум требует более креативных и действенных путей упорядочения отношений, доведения правовой информации, ее актуализации, ведь граждане по-прежнему нуждаются в правовой регламентации отношений. Специфика проявляющего себя в интенсивно развивающихся государствах постиндустриального общества предлагает новое видение места и роли права, особенностей его восприятия.

Цифровизация облегчила диалог правовых систем и правовых культур, опыт правового регулирования, примеры устройства и функционирования других национальных правовых систем стали активно оказывать взаимное воздействие. Однако, взаимодействие представляет собой сложный процесс, порой приводящий к неоднозначным последствиям, встречающий сопротивление. В отечественной правовой культуре видны доминантные черты развития права и правовой доктрины, проявляющиеся в преемственности, рецепции и конвергенции научного знания о праве, диффузности изысканий и идей. Вместе с трансдисциплинарностью, свойственной постиндустриальному периоду существования общества, проходит становление специфическая «новая реальность», требующая нового видения правовой науки и практики. В этих условиях, наряду с закреплением историческипривычных элементов, инновациями, модернизацией, происходит генезис новых традиций, закрепляющих видоизмененные элементы юридической практики.

Преемственность, правовая аккультурация, рецепция, конвергенция отражают подходы к восприятию связей во времени и пространстве. Преемственность и рецепция, являясь высокозначимыми элементами правовой культуры современной России, представляют собой специфические технико-юридические средства, каналы, способствующие повышению эффективности правотворческого, правоинтерпретационного, правосистематизационного и правореализационного процессов. Результатом глобального процесса правовой аккультурации является рецепция государственных властных установлений, юридических конструкций, концепций. Формирование новых правовых догматов, преемствование прошлых либо их импорт из иных правовых систем осуществляется за счет конвенциальной договоренности о признании ценности, порой носящей спорный характер. Так, в РФ трендом 90-х годов 20 века являлось заимствование элементов иных правовых систем, обусловленное коренными изменениями в социальной, политической и правовой жизни страны. Возврат исторических юридических ценностей характерен для периода с 2010 по настоящее время. В основе этого процесса лежит стремление к стабилизации

бытия социума, сохранение культурного наследия. Подходы к пониманию преемственных связей колеблются от отождествления преемственности, рецепции, конвергенции, правовой аккультурации до полного размежевания этих понятий.

В условиях постиндустриального общества, где, как предрекал Д. Белл, «индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль под воздействием возрастающей технологизации, где основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает» [1, с.20], формируется «общество программируемых коммуникаций». Технологии упрощают и ускоряют взаимодействие, информационные единицы «архивируются» в удобную для быстрого восприятия форму – мемы. Внедрение в сознание граждан идей, моделей поведения, инноваций, анализ состояния и тенденций модернизации мнений, стереотипов, установок осуществляется через распространение и изучение мемов.

Понятие «мем-идея» впервые увидело свет в работе Ричарда Докинза «Эгоистичный ген». Автор предлагал понимать этот феномен как единицу передачи культурного наследия (единицу имитации), способную передаваться от одного мозга к другому [2, с.295]. Мем-идеи в полной мере присущи правовой культуре, долговечны, распространяемы, широко и довольно точно копируемы. Они способны детерминировать и формировать представление граждан о праве и правовой реальности, влиять на уровень правовой культуры и правосознания. Р.Докинз отмечал долговечность мемов, плодовитость и точность копирования [2, с.298]. Правокультурное наследие транслируется в форме неких единиц информации, мемов-идей. Мемы часто связаны с правом, обусловлены им, детерминируют изменения в праве, влияют на правосознание и правовую культуру, являются частью этой правовой культуры. Таким образом, можно говорить о феномене *«правокультурных мемов» как единицах передачи правового культурного наследия*, то есть именно сжатой до легковоспринимаемого образа, единицы правой информации, способной передаваться от одного мозга к другому. Правокультурные мемы различного уровня и генеза присутствуют в жизни современного социума, в национальной правовой системе. Особо среди них можно выделить:

- Нормативные правовые акты в электронной среде;
- Нормативная составляющая в интерпретационном акте;
- Рецепция элементов иных правовых систем;
- Идеологизация правового регулирования;
- Дробление правовой регламентации;

- Формализация правовой среды;
- Правокультурные единицы, получившие устойчивое словесное, знаковое выражение: «достаточная степень точности», «чувства верующих», «человек со средними умственными способностями», «моральные страдания», «общепринятые моральные ценности» [3].

Современный мир изобилует сложными технологиями, становящимися неотъемлемой частью жизни социума, цифровизация меняет ключевые аспекты восприятия человеком информации. Её обилие, доступность, скорость смены событийного ряда нередко порождают поверхностное восприятие, небрежное отношение к сохранению значимых информационных единиц, фиксирующих достижения. Право здесь не является исключением. Как любой значимый элемент культуры оно трансформируется сообразно изменениям в жизни общества, отвечает на вызовы, стремится соответствовать запросам, а в идеале действовать на опережение. Одно неоспоримо – право всегда остается главным властным регулятором социально значимых отношений, люди в нем нуждаются. Как бы прогресс ни менял специфику восприятия, правовая сфера креативно создает новые инструменты, способные в оптимальной форме донести ценностные ориентиры, передать значимый опыт правовой доктрины и юридической практики. «Правокультурные мемы» сегодня становятся не просто эффективным средством передачи правовой информации в предельно компактной форме, но и влияют на качественные характеристики национальной правовой культуры, общей культуры граждан, позволяют фиксировать, сохранять и транслировать доминантные элементы правового культурного наследия.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 2004. – 783 с.

2. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. 2018. – 509 с.

3. Баранова М.В. Правокультурные мемы в обществе программируемых коммуникаций // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, С.А. Боголюбов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2020. – С. 126-132.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОЦИУМА И ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЙ

INFORMATION SPACE AS A MEDIUM FOR SHAPING THE WORLDVIEW OF SOCIETY AND TRANSFORMING TRADITIONAL VALUES OF GENERATIONS

Е.В. Калинина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород
E.V. Kalinina
Lobachevsky University; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod

Информационное пространство представлено в качестве среды, влияющей на формирование нравственного контекста общества, а выбор средств передачи и распространения информации, равно как содержание и качество контента, как индикаторы уровня правовой культуры и правосознания членов социума, вовлеченных в коммуникативный процесс.

Infosphere is analyzed as the environment that influences the development of moral context of a society. The choice of means for data transfer and dissemination of information, content and its quality are considered as indicators for legal cultural level and legal consciousness of individuals as members of a society involved into communicative process.

Ключевые слова: информационное пространство, традиционные нравственные ценности, этика массовых коммуникаций, социальные сетевые сервисы.

Keywords: infosphere, traditional moral values, mass communications' ethics, social networking services.

Социально значимая сущность информационного пространства проявляется, прежде всего, в ее ключевом компоненте – информации, состоящей из знаков, символов, образов, призванных формировать представление индивидов об окружающем их мире, тем самым, воздействуя на общество в целом, на построение этических стереотипов и системы нравственных ценностей. Некоторые исследователи, говоря об информационно-коммуникативном пространстве, вполне справедливо именуют его «*социокультурным*» [1, с.14], поскольку данная среда, ее контент, инструменты

и поведение участников позволяют судить об уровне этических ориентиров общества.

Современная терминология, отражающая реалии мира высоких технологий, оперирует концептами, недостаточно определенными и разграниченными. Так, до сих пор сохраняется многообразие терминов, используемых для обозначения пространства информационных потоков. Не вдаваясь в детали, следует отметить, что применение таких понятий позволяет сфокусировать внимание на отдельных характеристиках искомого явления. Например, термин «информационное пространство» отсылает к идее оборота информации и ее составляющих без особого акцента на его участниках и инструментах передачи и распространения. С другой стороны, термин «коммуникативное пространство» может восприниматься как обозначение некоего социально-правового поля, где способы передачи информации определяют уровень ее доступности. При этом как информационное, так и коммуникативное пространство включают физическую и виртуальную среду. В обеих средах наблюдаются характерные закономерности социальных трансформаций. Наиболее ярко это проявляется в медиасфере как пространстве массовых коммуникаций, где активно применяются социально-психологические технологии в качестве инструментов социальной инженерии и создающие особый вид реальности – медиареальность [2].

Динамика современных внешне- и внутриполитических событий ставит под сомнение устойчивость ценностных ориентиров национальных сообществ, выявляя неизбежные этические трансформации в мировоззрении новых поколений. Открытость и доступность информации зачастую делают такие изменения неизбежными.

Безусловно, информационное пространство начало развиваться задолго до появления технических средств, устраняющих физические и территориальные границы коммуникаций. Однако, еще в начале XX века были заключены межгосударственные партикулярные соглашения о контроле содержания информации, способной деструктивно влиять на единство и солидарность населения отдельно взятых государств. Например, испано-франко-британское соглашение о запрете пропаганды, враждебной существующему строю (1923 г., Танжер); франко-итальянское соглашение о взаимном воздержании от враждебной пропаганды (1935 г.). Помимо этого, на многостороннем международном уровне были подписаны конвенции о запрете распространения порнографических изданий (1923 г.) и о праве опровержения (1952 г.). Эти и множество других мероприятий косвенным образом подтверждали признание потенциала информации как средства формирования общественного мнения.

Впоследствии государствам и международным организациям пришлось иметь дело с технологическими рисками распространения информации в прогрессивном коммуникативном пространстве, практически не поддающемся контролю со стороны органов власти. За последние десятилетия разработано множество нормативных документов, призванных снизить риски недобросовестного информационного противоборства; опубликованы стратегии национальной безопасности и доктрины информационной безопасности. Однако, быстрое развитие телекоммуникационных технологий провоцирует появление инновационных инструментов внутри- и внешнеполитической борьбы, делающих ставку на манипулирование массовым сознанием. Основной таргет-группой оказывается молодежь, поскольку насаждение искаженных ценностных ориентиров в представлении новых поколений может иметь далеко идущие последствия, особенно ощутимые, когда представители данных возрастных групп окажутся у власти.

Кроме того, побочными симптомами технологического общества становятся признаки его «расчеловечивания». В свободном доступе в Интернете имеется множество записей, демонстрирующих акты насилия и унижения человеческого достоинства [3, с. 65], а объем получаемых сведений, отстраненность и анонимность потребителя информации неизбежно приводят к обезличиванию индивидуального опыта и к равнодушному восприятию человеческих страданий.

Отсюда вытекает необходимость констатации вызовов системам национальных традиционных ценностей в качестве побочного эффекта технологического прогресса. Так, столь популярная современная версия либерально-демократических установок, в частности, свободы слова, печати, права индивидов и коллективных субъектов на информацию и свободное ее распространение, не обремененные идеей ответственности, привели к накоплению в различных сетевых сервисах порочащей и фейковой информации, опасной не только для репутации конкретных акторов коммуникационного пространства, но и разрушающих нравственные ориентиры общества, подрывающих доверие подрастающего поколения к устоям, обеспечивавшим жизнеспособность и стабильность целой нации.

Массовые коммуникации, являющиеся продуктом социума, изначально эксплуатируют его ценностные ориентиры, постепенно «встраивая» новые образы и эталоны в устоявшийся «пантеон» «героев» и «антигероев» [4], нередко в дальнейшем развенчивая ранее почитаемых «героев» и наоборот. Даже поверхностный анализ позволяет обнаружить связь такой смены приоритетов с внутри- и внешнеполитическими изменениями. Тем не менее,

реакция масс на подобную подмену этического идеала, осуществляемую СМИ, позволяет судить об уровне самосознания, правовой культуры, о степени защищенности общества от внешнего и внутреннего деструктивного воздействия и строить прогнозы о его жизнеспособности и стабильности. Так, образ государства становится предметом острой критики в среде массовых коммуникаций, что зачастую приводит к распространению идей о его неэффективности и целесообразности пересмотра объема государственной юрисдикции.

В связи с этим, помимо вышеуказанных рисков коммуникативного пространства, можно также упомянуть такие проблемные вопросы, как эффективная верификация поступающих сведений; манипулятивный потенциал информации; недостаточная эффективность имеющихся регуляторов «экологии» коммуникативного пространства. Эти и иные сложности приводят к осознанию того, что для сохранения культурной идентичности нации/народа требуется *междисциплинарная стратегия* разработки регулятивного механизма, предполагающего ответственность участников коммуникативного процесса и комплекс мероприятий для формирования достаточного уровня правосознания общества, равно как и устойчивости масс к манипулятивному воздействию.

Список литературы

1. Естрина О.В., Дулина Н.В. Социокультурное пространство: определение понятий // Человек. Культура. Общество. – Волгоград. 2007. Вып.5: 13-15.

2. Коробова С.Ю. Особенности массовой, межличностной и массовой Self-коммуникации в современной медиареальности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2017. Т. 10, № 3. С. 96–101. DOI: 10.14529/psy170310

3. Дзялошинский И.М. Этика коммуникации. Ценностные основания бизнес-этики: результаты международного исследования. Монография. М.: АПК и ППРО. 2013. 194 с.

4. Иванова Е. В. Этическая инверсия образа положительного героя современного медиапространства: проблема привлекательности инфернальных героев // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2021. 234-239. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/handle/10995/105650 (дата обращения: 01.02.2023)

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАВОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

TRADITIONAL LEGAL AND CULTURAL VALUES AND CONTINUITY OF GENERATIONS

В.Б. Романовская
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
V.B. Romanovskaya
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Правовое развитие государства, его правовая политика, правотворчество и правоприменение неразрывно связаны с историческим развитием государства, общества, его религии, традиций, менталитета. Одной из задач государства является передача от поколения к поколению базовых традиционных ценностей в целях поддержания преемственности в социуме и защиты от внешних идеологических угроз.

The legal development of the state, its legal policy, lawmaking and law enforcement are inextricably linked with the historical development of the state, society, its religion, traditions, mentality. One of the tasks of the state is the transfer from generation to generation of basic traditional values in order to maintain continuity in society and protect against external ideological threats.

Ключевые слова: правовые ценности, культурные традиции, правопонимание, связь поколений.

Keywords: legal values, cultural traditions, legal understanding, connection of generations.

Проблема передачи следующим поколениям культурных и духовных ориентиров российского общества и ценностных оснований права осознается в настоящее время как одна из самых актуальных. Западноевропейская модель развития гражданского общества привнесла в него много разных, как позитивных и так негативных качеств, приведших, среди прочего, к кризису современного международного права и правопонимания как такового. Сегодня очевиден кризис ценностной системы европейского общества, одной из характерных черт которого стала релятивизация моральных оснований права. Светский взгляд на право вошел в серьезное противостояние с философско-религиозным подходом, господствовавшим в Новое время. Для религиозной философии права было характерно пристальное внимание к вопросам этики, что прежде определяло ее подход к проблемам правопонимания. Сформированный

религиозной философией подход к пониманию права имел в своем основании систему этических воззрений, выходящих за рамки традиционной для новоевропейской культуры гуманистической морали, с ее тенденцией к абсолютизации абстрактно взятой человеческой личности. В Новейшее время самая популярная теория развития человечества зиждилась на идее о научно-техническом прогрессе. Считается, что именно эволюция человеческого сознания привела к развитию науки и техники, и соответственно, к прорыву во всех областях человеческой деятельности. Научно-технический прогресс внес свои коррективы в правовую теорию и философию права. Ряд действующих сегодня на Западе законов никак не отвечает религиозно-нравственным ценностям прошлых столетий. В области искусства человечество «продвинулось» от Гомера, Данте и Шекспира к поп-арту и панк-року, от великого Леонардо к черным квадратам и инсталляциям из мусора. В музыке и театре движение произошло от высокого искусства к эпатажу. Как соотносится научно-технический прогресс и прогресс социальный? Существует ли прямая корреляция? В чем заключается социальный прогресс, можно ли его измерять эстетическими, этическими, духовными и нравственными критериями? Одним из аргументов в пользу социального прогресса выдвигается утверждение о том, что в античных государствах существовало рабство, а в современном мире его нет. Но и это утверждение не в полной мере соответствует действительности. Историю пишут люди, и поэтому она не может не быть субъективной. Нередко бывает, что одни и те же события люди описывают и оценивают по-разному. Любая попытка написать объективную историю развития человечества заведомо обречена на провал. Всегда найдутся ученые, которые увидят этот процесс иначе.

Исторически сложилось так, что вопрос о добре и зле, будучи одним из центральных в теологии, философии, традиционной религиозной гносеологии, был не чужд и правовой науке, которая активно развивалась в Западной Европе в течение всего средневековья, опираясь, в том числе, и на учения античных мыслителей, хорошо разработавших эту проблему. Согласно учению Платона, право вне нравственности является ложью и бессмыслицей, а власть вне причастности к правде – рабством и произволом [1, с. 250]. Указывая на несовершенство законов, Платон в диалоге «Политик» замечает, что «закон не может с точностью и полностью обнять превосходнейшее и справедливейшее, чтобы предписывать всем наилучшее» [2, с. 48]. Эта мысль вовсе не означала, что законам не нужно подчиняться, смысл был в том, что сам законодатель должен устанавливать законы не произвольно, а «более всего имея в виду высшую добродетель» [2, с. 77]. Г.Ф. Шершеневич, анализируя государственно-

правовые воззрения Сократа, указывал, что Сократ не отличал норм права от норм нравственности, а такое смешение может найти себе объяснение в условиях греческого быта [3, с. 18]. Укажем, что право не мыслилось как нечто вненравственное, наоборот, право понималось как мера (или искусство) добра и справедливости (в терминологии римских юристов).

В Старом Свете, начиная с XVII века, философия и политика стали основываться на отрицании сакрального начала во всех его проявлениях. Религия как носитель определенных нравственных идеалов и наука стали конкурентами в борьбе за социум. Победила наука. Постепенно религиозные идеалы уступали место внерелигиозной морали и нравственности. «Человеческое» право развивалось параллельно с техническим прогрессом, что придавало силу идеологам новой юриспруденции, считавшим, что технический прогресс – это и есть прогресс общественный. Количество специальных знаний возрастало, но цельность познания, ранее поддерживаемая единой духовной основой, при этом терялась. И всё же, с большими оговорками, можно сказать, что вплоть до XX века право было нравственно ориентировано.

«В Новейшее время или, как сейчас говорят, в период постмодерна, западное общество, охваченное революционными идеями, постулировало разрыв Церкви и государства, что в XXI веке привело его к отрыву от духовных корней и морали, и семейных традиций, и прежних представлений о благочестии, долге, милосердии, о грехе и добродетели. Отрыв права от его религиозных корней, от его нравственных основ, от его философского содержания, превратило право в обслуживающий механизм решения политических задач и финансовых операций» [4].

Надо признать, что восточный мир уступил западному по многим позициям, прежде всего экономическим. Однако, «не хлебом единым жив человек». Если взглянуть, с точки зрения культуры, духовности, межличностных отношений, национального самосознания, потенциал развития западного мира практически исчерпан. В то время как потенциал востока – неисчерпаем. В культурном пространстве Запада, в музыке, живописи, на сцене, в искусстве процветает так называемый постмодерн, разрушающе действующий на личность. На Востоке, напротив, благополучно живут традиционные формы национального самовыражения. В личных, семейных отношениях, в частной жизни Запада господствует эгоистический индивидуализм, на Востоке же не исчез коллективизм, братское отношение внутри малых сообществ, пропагандируются взаимопомощь, сострадание, реальное добрососедство. Противостояние мировоззренческих парадигм – (первично материальное – духовное вторично, или первично духовное – материальное вторично), осталось

и обострилось, как всегда это происходит в переломные моменты. Стало совершенно очевидным, что западные идеи глобализма не отвечают интересам разных народов.

В российской правовой науке, признающей в целом важность защиты прав человека, с осторожностью рассуждают о соматических правах личности, о правах трансгендеров и разнообразных других сексуальных меньшинств. Это вполне объяснимо и понятно, учитывая тысячелетнюю христианскую традицию, а также и других мировых религий, повлиявших на нравственный климат российского государства и его народа. Следует констатировать, что правовое развитие государства, его правовая политика, развитие законодательства, правотворчества и правоприменения неразрывно связаны с историческим развитием государства, общества, его религии, традиций, менталитета и только в последнюю очередь – с научно-техническим прогрессом. Трансформация западного правопонимания в сторону защиты личного эгоцентризма, политического заказа, навязывания западной модели другим народам с иной культурой и традициями, навязчивое распространение новых стандартов жизни в социумах, исторически не приемлющих подобные нормы, среди народов, имеющих религиозное правопонимание, приведет в итоге к конфликту, далеко выходящему за рамки культурологического.

Мы живем в эпоху открытого идеологического конфликта между правовыми и культурными началами российской и западной цивилизации. Не случайно возникла необходимость заявить открыто на самом высоком уровне о российских правовых и социальных ценностях, среди которых важнейшими являются: превосходство духа над материей, признание самобытности русской цивилизации, противостояние западным влияниям, инструментально используемым для разрушения интегрированной русской (российской) культуры, резкое неприятие низменных штампов и обсценной лексики, унижающих человеческое достоинство.

В условиях резкой конфронтации с Западом именно сфера ценностей приобретает фундаментальное значение. Как пишет Александр Дугин, лидер международного Евразийского движения, главный редактор портала Катехон (https://t.me/RUkatehon): Все дело не только в конфликте интересов, но и в глубоком противостоянии культур: ультралиберальной постмодернистской трансгуманистской культуры глобалистского Запада и основных векторов русской (евразийской) цивилизации, где преобладает совсем иной – традиционный, духовный, общинный – культурный код.

Передача этого кода следующим поколениям через искусство, литературу, право, образование, через семейное воспитание – вот задача первостепенной

важности. Связь поколений крепится именно общими ценностными ориентирами в фундаментальных сферах жизни. Сохранение российских культурных и духовных ценностей от разрушительных глобалистских идей является одной из целей российских образовательных и воспитательных учреждений.

Список литературы

1. Романовская Л.Р. Воспитание добродетели как задача государства в античной философии // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 248-252.
2. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 4. / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. 830 с.
3. Шершеневич Г.Ф. История философии права. – М.: Университетская типография, 1906.
4. Сальников В.П. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна / В.П. Сальников, В.Б. Романовская, В. И. Цыганов // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 193-202.

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

MEDIATION INSTITUTE AS AN INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

С.В. Соловьева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
S.V Soloveva
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Исследуется путь становления института медиации в разных странах на основе существующих традиций, обычаев мирных способов урегулирования споров и конфликтов, которые вполне можно отнести к нематериальному культурному наследию. Медиация, в современном его понимании, впитала особенности национального характера с учетом индивидуального развития опыта разных стран и нашла свое выражение в законодательстве.

The article explores the way of formation of the institution of mediation in different countries on the basis of existing traditions, customs of peaceful ways of settling disputes and conflicts, which can be attributed to the intangible cultural heritage. Mediation in its modern sense has absorbed the peculiarities of the national character, taking into account the individual development of the experience of different countries and has found its expression in the legislation.

Ключевые слова: медиация, нематериальное культурное наследие, традиции, обычаи, мирное урегулирование споров, законодательство о медиации

Keywords: mediation, intangible cultural heritage, traditions, customs, peaceful settlement of disputes, legislation on mediation

Нематериальное культурное наследие, в соответствии с ч.1 ст.2 «Конвенции об охране нематериального культурного наследия», – это обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве – части их культурного наследия [1].

К нематериальному культурному наследию можно отнести, в том числе, определенный опыт, достижения людей в умении выстраивать гармоничные отношения между собой, тем более, что эти навыки формировались практически во всех странах мира, с теми или иными особенностями, в те или иные периоды развития общества.

Речь идет об адаптации людей друг к другу, трансформации умения разрешать конфликты и споры мирным путем, основываясь на традициях и обычаях, до закрепления этих способов в современных нормативно-правовых актах.

Конфликты и споры всегда сопутствовали человечеству на пути развития – это нормальные явления, которые не получается, как бы кто этого ни хотел, обойти стороной или игнорировать. Конфликт сопровождал человека повсюду: внутри семьи, внутри племени, между семьями и племенами, нациями, этническими и религиозными образованиями, между индивидуумами.

От поколения к поколению передавались традиции мирного разрешения конфликтов с помощью третьей стороны, наиболее авторитетной и уважаемой, к мнению которой прислушивалось большинство.

Начиная с деятельности жрецов, вождей, старейшин, к которым обращались люди, складывается нематериальное культурное наследие восстановления мира и стабильности путем примирения.

«В первоначальном обществе, которое не знает другого права, кроме обычного, средства защиты от правонарушений составляют: самосуд, самозащищение и, как высшая, но то же личная или договорная форма разрешения распри – выбор третьего…», – пишет Н.Л. Дювернуа, русский историк права и юрист, заслуженный профессор, доктор гражданского права [2].

Однако содержание процесса примирения путем привлечения третьей стороны для урегулирования споров со временем принципиально менялось, и от посредника уже требовалась помощь в поиске решения обязательно на условиях, удовлетворявших сами стороны, без навязывания решения со стороны.

Так, например, еще в Древней Греции в рамках народного арбитража нейтральный посредник сначала пытался убедить стороны прийти к добровольному соглашению, а уже впоследствии выносился окончательный вердикт [3].

Постепенно обычным становилось, что некто третий, не имеющий полномочий принимать решения, помогает сторонам конфликта самим найти взаимовыгодный выход из сложившейся ситуации.

Со временем, практически во всех странах стали формироваться диалоговые системы регулирования общественных отношений, и медиация – это уже институционально организованная форма, сложившаяся на основе древних и ярких культурно-исторических традиций мирного урегулирования споров и конфликтов. Социальное согласие – жизненная необходимость для каждого общества.

Осознание ценности существующих способов мирного урегулирования споров, необходимость их сохранения и популяризации в обществе привело к тому, что в России, странах ближнего и дальнего зарубежья были приняты законы о медиации, и в конце XX – начале XXI века медиация возрождается как правовой институт на основе существовавших тысячелетиями техник налаживания племенных конфликтов.

Несмотря на то, что предметом регулирования данных нормативно-правовых актов являются спорные общественные отношения, в силу менталитета, традиций, особенностей развития той или иной страны, подходы в них к достижению соглашений, конечно, отличаются.

На постсоветском пространстве, в большинстве стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) тоже приняты соответствующие законы.

Сегодня уже можно говорить о летописи медиации в нашей стране, которая уходит глубоко корнями в недра отечественной истории, она обрела свое место в социально-культурном и правовом пространстве России, федеральный закон о медиации был принят в 2010 г., вступил в силу с 1 января 2011 г.

Вслед за Россией в 2011 г. был принят закон о медиации в Республике Казахстан. Традиции мирного урегулирования споров народа Казахстана тоже прошли насыщенный путь. «Наш народ миролюбивый, загляните в историю, в казахских степях до 19-20 веков не было ни тюрем, ни лагерей. Все решали бии,

аксакалы, казы»[5], – отмечает Ж.А. Жакупов, генеральный директор ОЮЛ «Ассоциация медиаторов Казахстана».

В 2013 г. был принят соответствующий закон в Республике Беларусь.

В Молдове медиация законодательно была закреплена в 2007 г., однако в то время закон так и остался невостребованным на практике, и с 2015 г. здесь действует уже обновленный закон.

Медиация в Кыргызстане встала на «законодательные рельсы» в 2017 г., этому способствовала необходимость разрешения межэтнических конфликтов на юге страны.

В 2018 г. к медиативному пространству СНГ присоединяется Узбекистан, где с 1 января 2019 г. вступил в силу закон о медиации.

Законодательная база Республики Азербайджан тоже пополнилась с 1 июля 2020 г. законом о медиации.

В настоящее время практически по всему миру приняты национальные законы о медиации на основе понимания необходимости сохранения и дальнейшего усовершенствования ценностей этого нематериального культурного наследия.

Список литературы

1. Международная конвенция «Об охране нематериального культурного наследия»// https://docs.cntd.ru/document/901978302 (дата обращения: 08.08.2023).
2. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права //https:// mybook.ru (дата обращения: 08.08.2023).
3. Ковач Кимберли К. Медиация: крат. Курс. – 2 изд. – М.: Инфротропик Медиа/ 2013. С.16.
4. Профессия- миротворец// www. avestnik.kz (дата обращения: 08.08.23).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖПОКОЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

NORMATIVE-LEGAL REGULATION OF INTERGENERATIONAL INTERACTION: TRENDS AND PROSPECTS

В.С. Сэруа
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского, г. Нижний Новгород
V.S. Serua
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматривается межпоколенное взаимодействие как возможный объект нормативно-правового регулирования. Автор приходит к выводу о зависимости нормативно-правового регулирования межпоколенных отношений от их фактического характера и направленности развития социума.

The article considers intergenerational interaction as a possible object of regulatory regulation. The author comes to the conclusion about the dependence of the legal regulation of intergenerational relations in society on their actual nature and the direction of the movement of society.

Ключевые слова: межпоколенное взимодействие, нормативно-правовое регулирование, традиционные ценности, «гендерная» повестка

Keywords: intergenerational interaction, legal regulation, traditional values, "gender" agenda

Проблематика межпоколенного взаимодействия в силу непреходящей общественной значимости и очевидного междисциплинарного характера не теряет своей актуальности и исследуется учеными различной предметной принадлежности.

В социологии поколение рассматривается как социально-демографическая и культурная общность, объединяющая людей приблизительно одного возраста [1]. Содержательное наполнение понятия «поколение» имеет свою специфику, которая обусловливается событиями, переживаемыми его представителями в период формирования, скоростью, характером и глубиной социальных трансформаций, уровнем социально-экономического развития общества, политико-идеологическими факторами, уровнем образования. Некоторые социальные факторы, оказывающие влияние на поколение, могут быть сходными в различных странах и регионах мира, но вся совокупность этих факторов в целом является неповторимой, то есть уникальной. Следовательно,

поколения являются продуктом конкретно-исторических условий и поэтому представляют собой мезоуровневые социальные образования [2, с. 29]. Каждое поколение, последовательно проходя этапы детства, юности, молодости, зрелости, старости и меняя свой внешний облик, сохраняет ценности, заложенные в процессе социализации, определяющие духовный мир, формы общения и поведения, виды деятельности [3,с. 884].

Межпоколенное взаимодействие, объективно реализующееся в разнообразных конкретных видах и формах, представляет собой единичные или множественные связях двух типов: непреднамеренные, то есть обусловленные кровнородственными связями и иными географо-демографическими переменными, и преднамеренные – спроектированные социальными инженерами или спонтанно рождающиеся в результате направленных воспитательных воздействий. Если первые обеспечивают социокультурную функциональную взаимосвязь, то вторые способствуют интенсивному духовно-нравственному взаимодействию, социально-этическому развитию локальных человеческих общностей, формированию их сплоченности. Очевидно, что практики кровнородственного семейного взаимодействия определенным образом отличаются от анонимного межпоколенческого взаимодействия между преднамеренно недифференцированными старшими и младшими поколениями. В то же время между первыми и вторыми существуют неразрывная связь и взаимодополнящий потенциал. В условиях социокультурного кризиса использование социальных практик межпоколенческого взаимодействия, с одной стороны, способствует решению актуальных проблем молодежи, а с другой – позитивным эффектом для пожилых становится избавление от одиночества, достижение эмоционального комфорта [3, с. 889].

При этом, взаимодействие поколений в зависимости от комплекса факторов характеризуется различной степенью плотности и условной позитивности. Современное российское общество демонстрирует понимание ценности межпоколенного взаимодействия, признание важности сохранения и передачи опыта от старшего поколения к младшему и осознание незаменимости прочных внутрисемейных межпоколенных связей. Так, согласно результатам опроса ВЦИОМ, в жизни 78% россиян старше 14 лет есть человек, которого они могут назвать своим наставником и чаще всего эту роль играют близкие члены семьи – родители, бабушки, дедушки, опекуны (38%). Самыми близкими людьми, с которыми у россиян установились по-настоящему сокровенные отношения, помимо супругов, респондентами называются дети (42%) и родители (41%). В настоящее время уважительное отношение к людям пожилого

возраста как обязательную норму принимают 59% россиян, что на 9% больше, чем в 2020 [4].

Для юриспруденции коммуникации с участием представителей разных поколений не все и не всегда будут выступать в качестве объекта нормативно-правового регулирования. Общеизвестно, что нормативно-правовое регулирование призвано упорядочить отношения между лицами с целью придания регулируемым связям прозрачности и устойчивости, а их результатам – предсказуемости и эффективности.

Так, в трудовых отношениях могут быть задействованы лица, принадлежащие к разным поколениям, однако возрастные характеристики не являются юридически значимыми и, соответственно, фактически существующее в трудовой сфере межпоколенное взаимодействие не подвергается нормативно-правовому регулированию. Более того, в российском трудовом законодательстве содержится норма о недопустимости дискриминации по возрасту как категории, не влияющей на деловые качества (ст.3 ТК РФ) [5].

В то же время категория возраста является определяющей не только при формировании понятия «поколение», но в значительной части правовых ситуаций. Например, уже в древнеримском праве сделка с лицом в возрасте от 12 (14) до 25 лет несла для контрагента определенный и весьма ощутимый риск. Римские юристы признавали, что у лиц, не достигших 25 лет, рассудительность является шаткой и непрочной, чаще подверженной обману: «крепость мужа еще не достигнута». В титуле IV 4-й книги Дигест содержится ссылка на эдикт претора, в котором претор обещает оказывать помощь лицам, не достигшим 25 лет, если они заключили, вследствие своей неопытности, неосмотрительности или излишней доверчивости, невыгодную для себя сделку и потерпели ущерб, в том числе упущенную выгоду [6]. Институт реституции содержательно рецепиирован системами права многих современных государств, в том числе России (п. 2 ст. 167 ГК РФ) [7].

Как инструмент нормативного регулирования межпоколенного взаимодействия право наиболее часто и наглядно используется в сфере семейных отношений. В Семейном кодексе РФ закреплена модель семьи, создаваемой мужчиной и женщиной, с традиционным распределением ролей в супружеских и детско-родительских отношениях. Содержание последних воспроизводит проверенную веками схему ребенок – родитель, основанную на глубокой естественной взаимосвязи между ними, лишь в ограниченном формате допускающей вмешательство из вне. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей» к традиционным ценностям, наряду с жизнью, достоинством, правами и свободами человека, патриотизмом, относятся крепкая семья, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений. Сохранение традиционных ценностей, их укрепление и защита объявлены стратегическим национальным приоритетом [8].

Однако в современном мире наблюдаются и противоположные – деструктивные тенденции в регламентации детско-родительских отношений. На протяжении последних десятилетий в законодательство США, Канады и ряда западно-европейских стран планомерно внедряются нормы, искажающие природную гармонию семейных отношений. Опуская новеллы, касающиеся признания нетрадиционых браков, укажем на минимизацию юридического значения родителей в жизни своего ребенка и недопустимое снижение возрастных границ гражданско-правовой дееспособности. Раскачивающая весь западный мир гендерная повестка является разрушительной сама по себе, однако законодательные новеллы названных ранее стран относительно предоставления прав детям принимать самостоятельные решения о смене пола выглядят, как минимум, небезопасными. Одиозный закон, принятый 9 сентября 2022 г. в американском штате Калифорния, предоставляет подросткам, желающим сменить пол, и их семьям законодательную защиту. Документ, вступивший в силу в январе 2023 г., дает гарантию убежища жителям тех штатов, где гендер-терапия считается жестоким обращением с детьми. Этот закон дает возможность ребенку не ставить в известность своих родителей о планах по смене пола [9]. Данные нововведения вызвали широкую негативную реакцию: около 20 штатов намерены максимально ограничить возможность для подростков использовать медицинские процедуры по смене пола. В Техасе, например, родителям, которые будут потакать своим "трансгендерным детям", грозит уголовное преследование. Следовательно, Калифорния фактически приобретает статус пристанища для желающих сменить пол несовершеннолетних американцев [10]. Принципиально аналогичная ситуация, допускающая смену пола несовершеннолетним без согласия родителей, наблюдается в Канаде, Норвегии, Великобритании и других странах. Очевидно, что отстранение родителей от участия в принятии ребенком судьбоносных решений наносит непоправимый вред внутрисемейным межпоколенным отношениям, становится непреодолимым препятствием на пути функционирования семьи как социального института.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование межпоколенных отношений, в силу своей оформительской природы, способно закрепить и обеспечить силой государственного принуждения/защиты противоположные

по направленности и содержанию тенденции движения социума: они могут быть как стратегически прогрессивные, так и стратегически регрессивные/направленные на самоуничтожение общества.

Список литературы

1. Социологическая энциклопедия. https://voluntary.ru/termin/ pokolenie.html (дата обращения: 03.05.2023)
2. Пушина Л.Ю. Поколение как социокультурная общность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2011, № 3 (23), с. 28–34
3. Ярычев Н.У. Межпоколенческое взаимодействие как социальный прогресс// Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-4. – С. 884-890;
4. ВЦИОМ: аналитические обзоры. URL: https://wciom.ry/ analytical-reviews/ analiticheskii-obzor/ nastavniki-v-Rossii-kto-oni; URL: https://wciom.ry/ analytical-reviews/ analiticheskii-obzor/krug-obchenija; URL: https://wciom.ry/ analytical-reviews/ analiticheskii-obzor/zhit–dolgo-zhit-horosho
5. «Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 05.05.2023).
6. Бычкова Г.И. Реституция в римском частном праве (по материалам Дигест Юстиниана) URL:https://zbornik.pf.uns.ac.rs/wp-content/uploads/ 2019/04/doi_10.5937_zrpfns38-0009.pdf (дата обращения: 07.05.2023).
7. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.05.2023).
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 17.06.2023).
9. https://runews24.ru/articles/02/05/2023/02054e8245eff3cd97ee7b1603e42bc1 (дата обращения 04.05.2023)
10. https://rg.ru/2022/10/04/vtajne-ot-mamy-i-papy.html (дата обращения 01.05.2023)

ВЛИЯНИЕ МОДЕЛЬНОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ДЛЯ ГОСУДАРСТВ УЧАСТНИКОВ СНГ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

IMPACT OF THE MODEL CRIMINAL CODE FOR CIS MEMBER STATES ON THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR OFFENCES COMMITTED BY MEDICAL PROFESSIONALS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Е.Е. Черных
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
E.E. Chernykh
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Создание Модельного уголовного кодекса (далее МУК) явилось результатом исполнения постановления Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 28 октября 1994 г. «О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества Независимых Государств». Данный нормативно-правовой акт был принят 17 февраля 1996 г. При этом МУК и новый Уголовный кодекс Российской Федерации создавались параллельно. Многие УК стран СНГ государств-участников были схожи по вопросам ответственности за наиболее опасные посягательства, в том числе, если субъектом выступал медицинский работник. Это неудивительно, так как МУК носил рекомендательный характер. В настоящее время, практически спустя 30 лет, схожих норм стало значительно меньше, но, все-таки, те правила, которые обязывал МУК при формировании норм, зачастую стали фундаментом в рамках формирования огромного количества норм.

На основании ранее проведенных мною исследований было сформировано авторское видение унифицированной дефиниции преступлений медицинского характера:

Преступления медицинского характера – общественно опасные деяния, основанные на оказании медицинской помощи или услуг работниками сферы здравоохранения, посягающие на жизнь и здоровье, свободу личности, интересы семьи и ребенка, здоровье населения, а также установленный порядок осуществления медицинской деятельности, предусмотренные статьями 109, 118, 122, 123, 124, 128, 153, 228^2, 230^2, 233, 235, 238, 293 УК РФ.

В своих работах я неоднократно приводила различные классификации указанной группы преступных деяний. Чтобы отследить, как повлиял МУК на формирование норм об уголовной ответственности медицинских работников, необходимо взять классификацию указанных преступлений в зависимости от объекта.

1) Деяния, наносящие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану жизни и здоровья личности (ст.ст. 109, 118,122, 123,124 УК РФ);

2) Правонарушения, ставящие в опасность общественные отношения, охраняющие свободу личности (ст. 128 УК РФ);

3) Посягательства на общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов семьи и ребенка (ст. 153УК РФ);

4) Преступления, создающие угрозу общественным отношениям, обеспечивающим охрану здоровья населения (ст.ст. 228^2, 230^2,233, 235, 238УК РФ).

5) Противоправное поведение, причиняющее ущерб общественным отношениям, обеспечивающим установленный порядок осуществления медицинской деятельности (ст. 293 УК РФ);

6) Иные общественно опасные деяния медицинского характера.

Конечно, проанализировать все нормы в рамках одной статьи не представляется возможным, именно поэтому постараюсь привести наиболее яркие примеры использования или игнорирования отечественным законодателем положений модельного УК.

«Медицинской» статьей принято считать статью 109 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности. Ее аналогом в рамках МУК выступает статья 116 «Причинение смерти по неосторожности». Длительное время редакция статьи 109 УК РФ имела абсолютно идентичную МУКу интерпретацию, и только лишь в 2011 г. статья дополнена частью второй, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности, вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Однако, несмотря на то что статья 116 МУК не содержит указания на профессиональную деятельность субъекта, данный нормативно-правовой акт содержит специальную норму, предусматривающую ответственность за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником. В части первой указанной статьи предусмотрена ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником, вследствие небрежного или недобросовестного отношения к ним, вызвавшее причинение пациенту по неосторожности тяжкого

или средней тяжести вреда здоровью. Часть вторая предусматривает ответственность за то же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть пациента либо заражение его ВИЧ-инфекцией. Почему на протяжении почти 15 лет российский законодатель не предусмотрел самостоятельной нормы об ответственности медицинского работника за ненадлежащее выполнение своих обязанностей, не понятно и не аргументировано.

МУК содержит норму об ответственности за неоказание помощи больному. Часть первая указанной статьи предусматривает ответственность за неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать, повлекшее по неосторожности тяжкий или средней тяжести вред здоровью больного. Часть вторая предусматривает ответственность за те же деяния, если они повлекли по неосторожности смерть больного. Указанная норма является абсолютным дублером статьи 124 УК РФ.

УК РФ в 2019 г. был дополнен статьей 124.1., которая предусматривала ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, в какой бы то ни было форме. Естественно, что подобной нормы в 1996 г. в МУКе быть не могло.

Абсолютная идентичность прослеживается и в нормах, посягающих на свободу личности. В МУКе содержится статья 141 «Незаконное помещение в психиатрическую больницу», в УК РФ это статья 128, предусматривающая ответственность за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Абсолютную идентичность мы находим и в отношении таких сравнительно спорных «медицинских» преступлений, как подмена ребенка и разглашение тайны усыновления. В УК РФ ответственность за данные деяния предусмотрена статьями 153 и 154, в МУК это статьи 170 и 171.

Глава 19 УК РФ предусматривает ответственность за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Статья 137 данной главы предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. Указанная норма не выделяет в самостоятельный предмет врачебную тайну, хотя именно этот состав применяется в случае распространения указанной информации.

В МУКе же, помимо статьи 151 «Незаконное собирание и распространение информации о частной жизни», имеется специальная норма, которая предусматривает ответственность за разглашение врачебной тайны. В рамках диспозиции статьи предусмотрена ответственность за разглашение медицинским, фармацевтическим или иным работником без профессиональной или служебной необходимости сведений о заболевании или результатах

медицинского освидетельствования пациента. В качестве квалифицированного состава предусмотрена ответственность за те же действия, выразившиеся в сообщении сведений о наличии у лица вируса иммунодефицита человека. Выделение в рамках УК РФ самостоятельной нормы об ответственности за разглашении данных врачебной тайны считаю нецелесообразным, УК РФ и так перегружен огромным количеством специальных норм, что, в свою очередь, усложняе уголовный закон и никак не влияет на эффективность его применения.

В рамках главы 24 МУК, предусматривающей ответственность за преступления против здоровья населения, мы не находим норм, аналогичных ст. 235 и 238 УК РФ. Указанные статьи являются «медицинскими», посягающими не на здоровье конкретного человека, а на здоровье населения, которому оказывались соответствующие медицинские услуги. Это несомненное достижение УК РФ в части защиты прав пациентов.

Статья 235 УК РФ предусматривает ответственность за осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека или его смерть. Появление указанной нормы в УК РФ – это гарантии со стороны государства права на жизнь и охрану здоровья. Указанная норма препятствует появлению на рынке медицинских и фармацевтических услуг лиц, не обладающих достаточными возможностями для оказания качественной медицинской помощи.

Каких-либо еще норм, предусматривающих ответственность за преступления в медицинской сфере, в рамках МУК мы не находим.

Таким образом, Уголовный кодекс Российской Федерации положения Модельного Уголовного кодекса стран СНГ в отношении ответственности медицинских работников использовал для построения собственной системы указанных норм, уделяя более подробное внимание защите не только жизни и здоровья конкретного человека от непрофессиональной деятельности врача, но населения в целом.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

CONTINUITY IN LEGAL SCIENCE: CULTURAL CONTEXT

М.Д. Горбунов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
M.D. Gorbunov
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматривается проблема обеспечения качества научной преемственности в отечественной юридической науке в условиях кризиса идей и практики научного заимствования и плагиата.

The article deals with the problem of ensuring the quality of scientific continuity in domestic legal science in the context of a crisis of ideas and practices of scientific borrowing and plagiarism.

Ключевые слова: философия права, правопонимание, эпистемология, наука, преемственность научного знания

Keywords: philosophy of law, legal understanding, epistemology, science, continuity of scientific knowledge

Требование преемственности научного знания было сформулированного еще Карлом Поппером [1, с. 74-81]. Действующая эпистемологическая доктрина предусматривает постоянный процесс накопления и совершенствования знания и научного опыта. Вместе с тем данный процесс, хотя и является естественным, но достаточно сложен по своему содержанию. Научная преемственность должна отвечать целому ряду принципов и этических стандартов, игнорирование которых создает целый ряд проблем, не только специфически научного, но и общекультурного плана.

Если суммировать общие эпистемологические установки в отечественной правовой науке [2], можно указать, что преемственность научного знания так или иначе должна базироваться на следующих принципах:

1. Непрерывность: научное знание строится на знаниях, полученных в прошлом, и эти знания передаются от поколения к поколению.

2. Кумулятивность: новые знания накапливаются и совершенствуются благодаря обновлению методов и инструментов исследования.

3. Прогрессивность: научное знание постоянно развивается, расширяя понимание мира и углубляя наши знания о познаваемых явлениях и процессах.

4. Объективность: научное знание основано на фактических данных, что делает его объективным, независимо от предубеждений исследователя.

5. Проверяемость: научное знание подлежит проверке и подтверждению, что обеспечивает точность и достоверность результатов научных исследований.

Одна из главных проблем преемственности знаний в науке состоит в том, что не все знания, полученные в прошлом, могут соответствовать современным научным стандартам и требованиям, отвечать новой объективной реальности, подтверждаться и воспроизводиться в существующем онтоэпистемологическом контексте. Методы и подходы научных исследований могут устаревать, что может привести к искажению научных результатов. Кроме того, существуют различные теоретические школы и предпочтения, которые могут повлиять на передачу знаний от одного поколения ученых к другому [3].

Это формирует взаимосвязанные вопросы преемственности научных исследований: плагиата и кризиса научной новизны.

Преемственность знаний означает, что новые поколения ученых стремятся изучать результаты научных исследований, проводимых предыдущими поколениями ученых и продолжить те научные работы, которые были начаты ранее. При этом данный процесс должен отвечать ряду требований качества и новизны, в том числе этического характера. Основным этическим нарушением преемственности является именно плагиат знаний.

Плагиат знаний является незаконным копированием или использованием чужой интеллектуальной собственности без соответствующего разрешения или с единственной целью получения прибыли [4, с. 299-304]. Плагиат включает использование чужих идей, текстов и других материалов без указания источника. Плагиат знаний не только нарушает научную этику, но снижает авторитет научного знания, в том числе в образовательном процессе.

При этом важно понимать, что сама по себе преемственность не равна плагиату. Если преемственность знаний – это процесс передачи и продвижения знаний в открытом научном диалоге посредством количественных и качественных изменений в научном процессе, то плагиат знаний – это незаконное использование чужой интеллектуальной собственности. Разграничение, хотя и является очевидным, однако в рамках научных направлений и родственных отраслях науки имеет некоторые особенности. Исследования в одной области могут иметь большое перекрытие, и ученые могут использовать сходные методы и исследовательские подходы, поэтому необходимо всегда четко указывать, откуда взяты идеи или источники,

используемые в процессе проведения исследования. При этом рамки такого перекрытия в условиях общей источниковой базы и методологии являются достаточно условными, что порождает множество проблем с оригинальностью научных работ и спекуляций по этому поводу как в научном сообществе, так и в обществе [4, с. 299-304].

Кроме того, помимо простого плагиата существует проблема новизны и повторяемости научных результатов. Довольно наглядно эта проблема проявляется в современном правопонимании. За более чем двухсотлетнюю историю предметных теоретико-правовых исследований вполне четко сложилось довольно небольшое число направлений в правопонимании и круг изучаемых проблем понятия права, что на первый взгляд демонстрирует дефицит новых идей и цикличное воспроизведение прежних тезисов без движения вперед. Отсюда появляется вполне справедливое замечание скептиков, что новые научные исследования повторяют тезисы, которые были давно изучены и введены в научный оборот, что, по сути, современная наука занимается переписыванием давно известных идей [5, с. 9-18]. Тем не менее представляется, что это утверждение не совсем верно.

Научные исследования, конечно, могут и должны основываться на ранее изученных идеях или тезисах, но это не означает, что современная наука занимается только переписыванием давно известных идей. Фактически, новые технологии и инструменты обеспечивают ученым возможность углубляться в старые идеи, расширять их и создавать новые знания. Наука постоянно развивается, и новые исследования могут представлять новые способы понимания и изучения старых идей или тезисов, что может привести к новым открытиям и прорывам в научном знании. Кроме того, старые идеи могут быть переосмыслены и применены в новых контекстах, что также является важным вкладом современной науки. Особенно это актуально для социогуманитарной науки и, в частности, правоведения. Общественные отношения и социальные институты являются развивающимися явлениями, и действующая онтоэпистемологическая картина значительно изменяет содержание научных тезисов и категорий, органически требуя их постоянной корректировки.

В каждую эпоху появляются новые вопросы и проблемы в правовой науке, которые требуют совершенствования существующих и разработки новых направлений и идей. В настоящее время можно заметить большой интерес к исследованию новых аспектов права, таких как цифровые технологии, глобализация, экологические проблемы, искусственный интеллект [6, с. 132-134]. В последнее время особое внимание уделяется исследованию новых форм правового регулирования и процессу конвергенции правовых систем. Кроме

того, в последние десятилетия наблюдается интерес к междисциплинарным исследованиям, когда правовая наука соединяется с экономикой, социологией, политической наукой и другими областями, что позволяет получать новые знания, идеи и подходы [7, с. 39-43]. Стоит отметить, что социальногуманитарные науки по своей природе являются более субъективными, чем естественные науки. Это означает присутствие разных точек зрения на одни и те же вопросы, что требует постоянного рассмотрения новых вариантов, концепций и методов исследования [8, с. 59-72].

Можно сказать, что, хотя наука может основываться на предыдущих исследованиях и тезисах, она всегда стремится к развитию и инновациям, направленным на расширение научного знания и создание новых знаний и технологий. Новые правовые исследования могут использовать ранее известные теории, идеи и методы, чтобы проверить их применимость в новом контексте, но это не означает, что они просто повторяют старые. Фактически, в социальных и гуманитарных науках новые исследования часто не только дополняют наши знания о темах и феноменах, но и могут отменять или скорректировать старые результаты.

Действительно, существует довольно устоявшийся круг проблем и направлений в правовой науке, но каждый новый момент истории может внести свои коррективы и требовать новых идей и подходов в данной области. Новые исследования призваны расширить и углубить наши знания, открывая новые перспективы и пути рассмотрения различных тем и вопросов, на основе новых подходов в науке, но только в том случае, когда они являются оригинальными и встраиваются в действующую эпистему. Обеспечение баланса между новым и старым в науке в данном контексте является важнейшей задачей.

Список литературы

1. Голубев А.Е., Уткина Н.В. Современные концепции идентификации научного познания // Modern European Researches. 2022. №1. С. 74-81.

2. Тарасов Ю.Н. Философия науки: общие проблемы. Воронеж: ВИВТ, 2006. 212 с.

3. Беляев М.К. Преемственность научного знания // ЭВР. 2008. №4.

4. Бывальцев В.А., Степанов И.А., Белых Е.Г., Калинин А.А., Бардонова Л.А. Плагиат и академическая добросовестность в науке // Вестник РАМН. 2017. №4. С. 299-304.

5. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Ч. I // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 9-18.

6. Розанов А.Н., Сазонов А.А. Цифровизация в российском институте права: реальность и перспективы // Юридическая наука. 2023. №1. С. 132-134.

7. Лушников А.М. Право и экономика: методологические подходы к междисциплинарным исследованиям // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №1 (45). С. 39-43.

8. Зачиняева Е.Ф. Методология научных исследований понимание субъектности учителя на основе разных типов научной рациональности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. №4. С. 59-72.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ITERDISCIPLINARY APPROACH IN LEGAL RESEARCH

П.С. Жданов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
P.S. Zhdanov
Lobachevsky University, Nizhni Novgorod

Рассматриваются перспективы использования междисциплинарного подхода в исследовании правовых явлений. Необходимость такого подхода определяется сложностью права как социокультурного феномена, а также важностью в процессе его изучения учитывать многообразие контекстов, в рамках которых право функционирует в социальной среде. Указывается на условность и подвижность дисциплинарных границ, на значимость междисциплинарного подхода для предотвращения догматизации науки.

The article discusses the prospects of using an interdisciplinary approach in the study of legal phenomena. The need for such an approach is determined by the complexity of law as a socio-cultural phenomenon, as well as the importance in the process of studying it to take into account the diversity of contexts in which law functions in a social environment. It is also pointed out the conditionality and mobility of disciplinary boundaries, the importance of an interdisciplinary approach to prevent the dogmatization of science.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, право, социокультурный контекст, предмет исследования, постклассическая эпистемология, методология.

Keywords: interdisciplinary approach, law, socio-cultural context, subject of research, postclassical epistemology, methodology.

Исследование социокультурных явлений зачастую связано с привлечением методологических средств нескольких научных дисциплин. Междисциплинарный подход позволяет строить описание общественных институтов и процессов с учетом их сложности, а также разнообразных контекстов, в которых раскрывается их смысл.

Право, безусловно, является одним из наиболее сложных общественных феноменов. Его осмысление может осуществляться в разных плоскостях. Во-первых, как один из значимых аспектов человеческой жизни право может рассматриваться в связи с широким спектром антропологических, психологических, педагогических проблем. Во-вторых, как социальный институт и определенная сфера общественных отношений право, помимо своей значимости для социологических исследований, может становиться предметом интереса экономической, политической и других наук об обществе. В-третьих, как часть культуры, отражающая систему духовных ценностей общества, уровень развития научного знания, характер конкретно-исторической картины мира право может быть объектом исследований этики, интеллектуальной истории, эпистемологии. Из сказанного, конечно, не следует, что предмет юридической науки может быть растворен в предметах других дисциплин. Однако, насколько право в своем реальном общественном бытии не может быть изолировано от других сфер социальной жизни, настолько же и исследование права не может обойтись без обращения к наработкам смежных научных дисциплин.

Отметим, что междисциплинарный подход имеет большой потенциал в открытии новых путей развития науки, предотвращении догматизации ее исходных положений и методов. Опасность догматизма в науке связана с тем, что ученый, мыслящий в рамках сложившейся системы понятий, зачастую бывает склонен подменять реальность условными теоретическими конструкциями. Последние, налагая на жизненные отношения матрицу схематических описаний, существенно их упрощают. Это, безусловно, создает предпосылки для выявления связей и закономерностей в исследуемой области, необходимых для объяснения отдельных явлений и процессов, но при этом помещает исследователя в своеобразный искусственный мир, в котором научный дискурс, замкнутый на самом себе, направляет мышление по заранее проложенному руслу. Эдгар Морен видит в «сверх-упрощении», которое делает нас «слепыми к сложности реальности», современную «патологию ума» [1,

с. 88]. Среди ее проявлений он называет, прежде всего, идеализм, «когда идея затемняет реальность, которую она должна, как предполагается, транслировать, и воспринимает саму себя как реальность». Далее он упоминает доктринерство и догматизм, которые превращают теорию «в самих себя» и парализуют ее. Наконец, еще одним проявлением патологии ума он считает рационализацию, которая замыкает реальность в системе идей, согласованных между собой, но «частичных и односторонних», при этом не принимая во внимание, что определенная часть реальности в принципе не поддается рационализации [1, с. 88]. Избежать необоснованного упрощения реальности и подмены ее исследования механическим воспроизведением научной догмы, на наш взгляд, позволяет задействование возможностей междисциплинарного подхода. Последний позволяет взглянуть на предмет с тех сторон, которые обычно ускользают от внимания ученого, если он привык видеть мир через призму теоретического аппарата определенной научной дисциплины.

Отметим, что проблема междисциплинарности в научных исследованиях приобретает новый смысловой оттенок, если принять во внимание определенную долю условности, характеризующую размежевание научных дисциплин. Предполагается, что оно связано со спецификой подлежащего исследованию предметного поля. Однако, само по себе определение предмета исследования не может быть просто отражением объективных свойств реального мира. Скорее, оно является конструированием предмета, который исследователь целенаправленно вычленяет из некоей среды, обособляя от других явлений. Постклассическая эпистемология исходит из того, что видение предметного поля науки напрямую зависит от мировоззренческих, культурных, социальных характеристик субъекта. И.Л. Честнов считает, что «предмет юридической науки не является заданным, но конструируется субъектом в рамках объекта» [2, с. 140]. По его словам, определение предмета науки, с одной стороны, – это активная деятельность субъекта, но, с другой стороны, – это деятельность, не являющаяся произвольной, поскольку ее обусловливают свойства объекта, а также исторический и социокультурный контекст.

Выдвижение в разные периоды существования юридической науки новых подходов к определению права, которыми очерчивались контуры правоведения, отражает не только изменение правовой реальности, но и – не в последнюю очередь – изменение мировоззренческих установок самих ученых. Предметное поле, а, значит, и границы научных дисциплин в целом детерминированы языком конкретной эпохи и конкретной культуры. Мы мыслим в рамках определенного набора базовых мировоззренческих категорий, посредством которых структурируется доступная нашему осмыслению реальность. Помня об

исторической обусловленности нашей картины мира, мы не можем придавать абсолютного значения теоретическим конструкциям, методам и отдельным понятиям науки. Междисциплинарный подход, до некоторой степени релятивизирующий методологические установки разных сфер научного познания, позволяет увидеть новые грани предмета, расширить горизонт исследования. Можно сказать, что пересмотр существующих дисциплинарных границ есть неотъемлемая часть развития человеческого знания.

Еще раз отметим, что междисциплинарный подход особенно важен при исследовании права, которое может быть охарактеризовано как «mobilis in mobile», как сложная, подвижная, изменчивая совокупность явлений в не менее изменчивой социокультурной среде. Исследователь права, ограничивающий свой арсенал лишь теми инструментами, которые разработаны в рамках юридических дисциплин, рискует упустить из виду многообразие форм, в которых право проявляют себя в жизни общества, а также неразрывную связь правовых явлений с иными сторонами культурной деятельности человека.

Список литературы

1. Морен Э. О сложности. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. 284 с.

2. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

ВОССОЗДАНИЕ НЕКОТОРЫХ ФАТИМИДСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННЫМ ПОКОЛЕНИЕМ ИСМАИЛИТОВ-ТАЙЙИБИТОВ

THE RE-CREATION OF SOME FATIMID EDUCATIONAL PRACTICES BY THE MODERN GENERATION OF ISMAILI TAYYIBITES

Ф.З. Завурбеков
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
F.Z. Zavurbekov
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Описываются методики сохранения многовековых традиций исмаилизма посредством преемства фатимидских образовательных практик. Обозначается, что передача религиозных и других ценностей последующим поколениям

исмаилитов-таййибитов происходило за счет воссоздания фундаментальных педагогических принципов, берущих свое начало в Средневековом государстве Фатимидский халифат.

The article describes the methods of preserving the centuries-old traditions of Ismailism through the succession of Fatimid educational practices. It is indicated that the transfer of religious and other values to subsequent generations of Ismaili Tayyibites occurred due to the restoration of fundamental pedagogical principles originating in the Medieval state of the Fatimid Caliphate.

Ключевые слова: исмаилиты-таййибиты, фатимидский халифат, исламское образование, дар ал-илм, университет ал-азхар

Keywords: Ismaili Tayyibites, Fatimid Caliphate, Islamic education, Dar al-Ilm, Al-Azhar University

Рост влияния религиозного фактора в жизни человека заставляет исследователей обратить более пристальное внимание на особенности религиозного обучения, его трансформирующую роль в истории различных конфессий через призму преемственности поколений.

В этом отношении представляется интересным рассмотрение образовательных практик движения исмаилитов-таййибитов как основных хранителей фатимидской традиции в историческом и современных контекстах. Для представителей этого движения получение религиозного образования – одна из важнейших жизненных добродетелей [1, с. 344].

Основные принципы исмаилитской педагогической системы были разработаны в одном из самых больших государств средневекового Востока Фатимидский халифат. Эта образовательная модель была, в первую очередь, основана на Священных текстах (Коран и Сунна) и теоретических построениях фатимидских юристов, богословов и халифов: Кади ан-Нуман, ибн Дауда аш-Ширази, ал-Кирмани, ал-Мустансира и др. Их идеи, базирующиеся как на общеисламских нравственных ценностях («стремление к познанию») [2, с. 31], так и на специфических шиитских принципах (эзотерическое понимание Священных текстов (*тавил*)) сыграли важную роль в формировании этических и моральных ориентиров добропорядочного мусульманина-исмаилита).

История преемственности в образовательных практиках исмаилитов отсылает нас к начальному этапу становления познавательных институций, когда из бессистемного разнообразия педагогических методик на уровне местных сообществ обучение религиозным основам обрело свои четкие контуры на общегосударственном уровне.

Последние выражались в разных формах: проведение пятничных проповедей, публичных лекций и дискуссий в мечетях (*халк*), специализированных образовательных учреждениях (Университет Ал-Азхар), научно-религиозных центрах (Дом знаний (Дар ал-илм)).

Но наибольшую популярность приобрели специализированные собрания маджалис ал-хикма [3, с. 178]. Известным примером такой практики являются *маджали* (сеансы мудрости) ученого и философа аль-Муайя́д ибн Дау́д аш-Ширази́ (1000-1078). Назначенный имамом-халифом ал-Мустансиром в качестве главы миссионерской организации *ад-да'ва* он проводил еженедельные лекции для слушателей из самых разных слоев населения, включая высших сановников Фатимидского государства. О его продуктивности свидетельствует общий счет проведенных за все время лекций (не менее 800) [4]. Отметим, что содержание лекции предварительно согласовывалось с халифом-имамом.

В конечном итоге, именно «сеансы мудрости» определили фатимидскую традицию обучения на века вперед, используя диалектику и философский дискурс для разработки важных тем исмаилитской теологии и права. Восьмитомный сборник аш-Ширази, известный как «Маджалис аль-Муайядия», считается основополагающим теологическим и философским трактатом эпохи Фатимидов, почитаемым и изучаемым по сей день представителями исмаилитских общин, в том числе таййибитов.

Падение Фатимидского халифата в 1171 г. не привело к прекращению образовательной деятельности в среде бывших подданных. Часть перебралась в Йемен, а затем в Индию, чтобы в резиденции *даи ал-мутлак* (представитель духовного лидера, то есть фатимидского имама) продолжить обучение основам исмаилитской доктрины. Несмотря на различные препятствия, была возобновлена практика «сессий мудрости» под руководством миссионеров и других видных представителей исмаилизма, сумев таким образом, сохранить глубинные культурные и образовательные традиции вплоть до XIX века.

Либерализация индийской религиозной политики открыла возможность для членов общины воссоздать ряд институтов погибшего халифата. Например, в 1810 году в г. Сурат было создано образовательное учреждение ал-Дарс ал-Сайфи, которое позже было преобразовано в религиозно-правовую академию «Ал-Джамияту-с-Сайфия» [5, с. 180]. Сегодня тысячи таййибитов посещают академию, чтобы послушать проповеди, лекции и даже принимают участие в ежегодных экзаменах на знание основ исмаилизма.

С 2017 г. проводится ежегодный съезд представителей общины под названием «Ал-интифада ал-Ильмийя». В рамках мероприятия студенты, профессора и выпускники Ал-Джамияту-с-Сайфия, а также общественные

деятели, от преподавателей и администраторов до *амилов* (лидеров местных общин исмаилитов-таййибитов), приезжают со всего мира, чтобы развивать свои коммуникативные и профессиональные навыки [6].

В соответствии общим духом Фатимидского подхода к образованию, лекции в рамках *ал-интифада ал-илмия* включают не только непосредственное обучение, но и проведение культурно-массовых мероприятий. Проводится оно в форме ежедневных занятий, для которых формируются несколько больших групп в зависимости от уровня образованности. Каждая группа изучает различные тексты по фатимидской теологии, философии и толкованию Корана. Вечерами посетители участвуют в спортивных соревнованиях, межличностном общении, в то время как первая половина дня заполнена семинарами по проблемам коммуникации, педагогики, психологии и менеджменту.

Выпускники академии нередко возглавляют религиозные школы для детей-исмаилитов (медресе) в различных городах Индии и Пакистана и обучают молодое поколение исмаилитов основам веры [1, с. 345].

Таким образом, стремление исмаилитов-таййибитов к сохранению социокультурного наследия объясняет проявление отдельных элементов образовательных институций Фатимидского халифата в XIX-XXI вв: воссоздание исторически обусловленных педагогических практик; выявление специфичных познавательных методик, свойственных конкретному сообществу; опора на позитивный опыт институализации образования.

Список литературы

1. Qutbuddin T. The Da’udi Bohra Tayyibis: Ideology, Literature, Learning and Social Practice //A Modern History of the Ismailis: Continuity and Change in a Muslim Community. – 2011. – 331-354 pp.

2. Хабибуллина, Г. Ю. Педагогическая система образования в исламе / Г. Ю. Хабибуллина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2016. – № 3(42). – С. 31-35. – DOI 10.15382/sturIV201642.31-35. – EDN WLSOHH.

3. Дафтари Ф. Исмаилиты: их история и доктрины / Фархад Дафтари; Ин-т исслед. Исмаилизма //М.: Наталис. – 2011. - 848 с.

4. Verena Klemm, “MOʾAYYAD FI’L-DIN ŠIRĀZI,” Encyclopædia Iranica, online edition, 2004, available at http://www.iranicaonline.org/articles/moayyad-fil-din-sirazi

5. Mukherjee, S. Ismailism and Islam in Modern South Asia. Cambridge University Press. Cambridge University Press, 2017. - 300 p.

6. Al-Istifada al-Ilmiyya: The Dawoodi Bohra Tradition of Learning M. Jamali – […]. – URL: https://www.thedawoodibohras.com/2022/10/24/al-istifada-al-ilmiyya-the-dawoodi-bohra-tradition-of-learning/ (дата обращения: 24.04.2023) – Текст: электронный.

НРАВСТВЕННОСТЬ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ И ЕЁ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА

MORALITY IN THE CONTINUITY OF GENERATIONS AND ITS CRIMINAL LEGAL PROTECTION

Н.Л. Назарова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
N.L. Nazarova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассмотрены причины трансформации нравственного состояния современного общества, разрыв межпоколенческой преемственности. С учетом изменений в социальной сфере жизни представлен механизм криминализации деяний против общественной нравственности. Указана пробельность в положениях отдельных уголовно-правовых норм главы двадцать пятой Уголовного кодекса РФ, определена дефиниция общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны.

The article examines the reasons for the transformation of the moral state of modern society, the gap in intergenerational continuity. Taking into account the changes in the social sphere of life, the mechanism of criminalization of acts against public morality is presented. The gap in the provisions of certain criminal law norms of Chapter twenty-fifth of the Criminal Code of the Russian Federation is indicated, the definition of public morality as an object of criminal law protection is defined.

Ключевые слова: нравственность, духовное опустошение, ценности, объект, охрана, пробельность закона, общественные отношения.

Keywords: morality, spiritual devastation, values, object, protection, law gap, public relations.

Преемственность поколений способствует восприятию младшим поколением традиционных установок и ценностей, а старшим поколением их пересмотру и ориентации на новые. В научных исследованиях неоднократно поднимался вопрос о соотношении нравственности и морали, об изучении нравственного состояния поколений в целях определения более четких

ориентиров на различных этапах развития общества и государства. Нравственность является необходимым компонентом в развитии общественных отношений. Нравственность – это внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами [1].

За последние годы произошли изменения в экономике, политике, идеологии. Многие авторы отмечают нравственное обнищание и духовное опустошение современной молодежи, что несомненно сказывается на межпоколенческой преемственности в нашей стране. Система ценностей изменилась, поскольку на протяжении длительного времени заполнялась чуждыми для нашего общества идеями и установками (искажение семейных отношений, потребительское поведение, стирание половых различий). Как отмечает А.С. Панарин, «главные проблемы вовсе не те, что связаны с поисками новых технологий и новых энергоносителей. Главные проблемы этого развития – этические, к уяснению которых наше сознание готовят и новые виды этики … экологическая, биоэтика, этика межкультурного диалога и др.» [2].

Конституция Российской Федерация в качестве объекта правовой защиты в части 3 ст. 55 указывает на нравственность, что подчеркивает и ее значимость в системе ценностей. Отметим, что общественная нравственность является видовым объектом уголовно-правовой охраны ст.ст. 240-245 главы 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Законодатель выделяет признак общественности, но это излишне, поскольку нравственность всегда социальна. В ранее действующем законодательстве классические виды преступлений в этой сфере относились к главе 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения».

Следует отметить, что в уголовном праве не сформировалось единого подхода к определению общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны. А.В. Агафонов Е.В. Мельниченко, Е.В. Миллеров, А.В. Наумов определяют нравственность через совокупность общественных отношений, норм, принципов и т.д. Например, Е.В. Миллеров отмечает: «совокупность ... представлений об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе» [3].

Другие авторы определяют нравственность через систему взаимосвязанных элементов. А.М. Герасимов указывает на «систему общественных нравов, то есть обычаев, традиций, навыков, запечатлевающих уже достигнутый нравственный прогресс» [4].

В определенном хронологическом интервале система ценностей последующего поколения остается традиционной и почти неизмененной. Но нравственное состояние общества формирует векторы уголовной политики и находит отражение в уголовном законодательстве путем введения запретов на криминальное поведение. Что изменилось? Распространение проституции, потребность в сексуальных услугах несовершеннолетних, детской порнографии, проявление жестокости в отношении животных, вандализм на местах захоронений повлекло и внесение изменений и дополнений в УК РФ (ст.ст. 240, 241.1, 242,1, 242.2, 244,245).

Несмотря на позитивность механизма защиты общественной нравственности в установлении уголовной ответственности за вышеуказанные деяния, в положениях уголовно-правовых норм содержатся множество оценочных понятий, что затрудняет единообразный подход в правоприменительной практике. Например, отсутствие законодательного определения незаконного изготовления, распространения порнографического материала; отсутствие критериев отграничения порнографической продукции от материалов сексуального (эротического) характера (ст.ст. 242, 242.1 УК РФ). Проблемным вопросом остается и отсутствие системы оценивания причиненного вреда животному, определенных критериев, на основании которых можно было бы разграничить увечье и обычный вред, отсутствие критериев определения «жестокое обращение» с животными (ст. 245 УК РФ). Судами неоднозначно квалифицируются хищения предметов с трупов или могильных сооружений (ст. 245 УК РФ).

Таким образом, можно определить нравственность как объект уголовно-правовой охраны – это общепризнанная система ценностей человека в конкретном обществе и базирующаяся на добре, свободе, морали и справедливости.

Устранение пробельности в уголовно-правовых нормах и принятие решения (постановления) Пленумом Верховного Суда Российской Федерации относительно применения отдельных уголовно-правовых норм двадцать пятой главы о преступлениях против общественной нравственности способствовали бы избежанию квалификационных ошибок и усилению защиты общественной нравственности.

Для современного российского общества необходимо сближение, консолидация усилий представителей разных поколений при решении вопросов, связанных с модернизацией всех сфер жизнедеятельности, в том числе правовой защите благ и ценностей нашего общества.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова - 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1999. 944с.
2. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2014. 334 с
3. Миллеров Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва: ПроСофт-М., 2005. С .34.
4. Герасимов А. М. Нравственность в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 27с.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ЧАСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН СНГ: СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

LEGAL CULTURE AS PART OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE CIS COUNTRIES: SOVIET HERITAGE AND MODERN TRENDS

Л.Р. Романовская
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
L.R. Romanovskaya
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Дается анализ правовой культуры как элемента социокультурного пространства стран СНГ, выявляются позитивные и негативные факторы влияния на развитие правокультурного поля на постсоветском пространстве, его особенности и тенденции развития на современном этапе.

The article analyzes the legal culture as an element of the socio-cultural space of the CIS countries, identifies positive and negative factors influencing the development of the legal and cultural field in the post-Soviet space, its features and development trends at the present stage.

Ключевые слова: правовая культура, правовое наследие, правосознание, страны СНГ, юридическое образование

Keywords: legal culture, legal heritage, legal awareness, CIS countries, legal education

Сложные геополитические процессы, происходящие в современном мире, в том числе на Евразийском континенте, актуализируют исследования,

посвященные поиску общего контекста сосуществования народов, долгое время являвшихся соотечественниками, объединенными общей исторической судьбой, единым языковым, культурным и правовым пространством, которое было разрушено событиями, связанными с развалом Советского Союза и выстраиванием собственной государственности бывшими советскими республиками.

Правовая культура – это многоаспектная категория, характеризующая уровень правовой жизни общества, ее качество. Так, например, Д.А. Шевчук дает следующее определение правовой культуры общества: «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [1, с. 193].

При характеристике правовой культуры личности акцент смещается на правовые знания, позитивное отношение к праву и правомерное поведение конкретного человека. В правовой культуре личности выделяются когнитивный, мотивационно-ценностный и поведенческий аспекты. Если же мы рассматриваем структуру правовой культуры общества в целом, то это будут качественные показатели развитости всех основных элементов правовой системы, различных правовых феноменов, формирующих правовую жизнь данного общества: правосознания, правовой науки, юридического образования, юридической практики, самого права и системы его источников, законности и правопорядка.

Рассматривая правовую культуру как часть социокультурного пространства стран СНГ, необходимо отметить, что ее развитие до сих пор находится под влиянием общего советского (и дореволюционного) прошлого, его идеологического, научного, политико-правового и иного наследия.

В числе отрицательных факторов влияния, которые, несомненно, имели место, С.А. Снашков называет следующие: «последствия самодержавной политики, крепостничества, явного приоритета государственной власти над общечеловеческими демократическими правами и свободами, а также последствия социально-экономических кризисов, начиная с момента развала СССР, наиболее яркими из которых являются юридическая неграмотность и правовое бескультурье» [2].

Однако, на наш взгляд, можно выделить и положительные факторы влияния. В советский период был сформирован значительный научный и

педагогический потенциал, который до сих пор реализуется в странах постсоветского пространства. Были созданы научные правовые школы, система юридического образования. К.М. Левитан приводит следующие данные: «В 1980-е гг. в СССР функционировали четыре юридических вуза: Свердловский, Саратовский, Харьковский и Всесоюзный заочный юридический институт. Наиболее крупным их них был Свердловский юридический институт, в котором осуществлялась специализированная профессиональная подготовка юристов на судебно-прокурорском, следственно-криминалистическом факультетах и факультете правовой службы в народном хозяйстве по очной форме обучения, а также на вечернем и заочном факультетах. Кроме того, в указанный период действовали более 40 юридических факультетов государственных университетов». [3]

В результате были подготовлены квалифицированные юридические кадры, достигнут высокий уровень развития юридической техники и правотворчества, структурирована правовая система, реализован комплекс мероприятий по повышению правовой грамотности населения.

Все это несомненно позитивно повлияло на формирование национальной правовой культуры в странах СНГ, провозгласивших независимость после распада Советского Союза и проходивших свой сложный путь государственно-правового строительства.

Однако, необходимо отметить и общие проблемы, вызванные влиянием негативных факторов:

- широкое распространение правового нигилизма в массовом сознании, отрицание ценности права, правовая безграмотность значительной части населения, особенно проживающего вне крупных городов;
- обвинительный уклон правосудия по уголовным делам;
- административное давление на судебную власть, что делает неработающим принцип независимости суда;
- коррупция, непотизм, кумовство, в том числе в системе правоохранительных органов;
- слабая правовая защищенность личности, особенно от произвола со стороны государства;
- проблемы реализации принципов правового государства.

Рассматривая основные тенденции развития правокультурного поля в странах СНГ, можно отметить следующее.

Во-первых, происходит усиление государственного внимания к вопросам правовой политики, правосознания, правовой и политической культуры населения, особенно молодежи. Реализуются комплексные программы по

повышению правовой грамотности, патриотическому воспитанию, развитию юридического образования. Для примера: в 2021 г. Советом Министров Республики Беларусь было принято Постановление «О правовом просвещении граждан в 2021 – 2025 годах». [4]

Во-вторых, в политико-правовом дискурсе большинства стран СНГ, в том числе в России, доминантой становится переосмысление западных правовых моделей и ценностей, с точки зрения их соответствия национальным интересам и традициям. На это, в частности, направлен Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором говорится, что «осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность». [5]

В-третьих, происходит сближение и унификация национальных правовых систем, а значит и унификация правокультурного поля. Следствием этого является усиление интереса к юридическому образованию в России со стороны большинства стран СНГ.

Развивается и научное сотрудничество. Для примера, Нижегородский Государственный Университет им. Н.И. Лобачевского имеет тесные академические связи с ведущими университетами стран СНГ: Белорусским государственным университетом, Гомельским государственным университетом им. Ф. Скорины (Беларусь), Российско-Таджикским (славянским) университетом, Национальным университетом Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкентским государственным юридическим университетом, Казахстанским национальным педагогическим университетом им. Абая, Таджикским национальным университетом, Казахско-Русским международным университетом, Кыргызско-Российским славянским университетом им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Евразийским национальным университетом им. Гумилева (Казахстан), Российско-Армянским (Славянским) университетом и др. Кроме научных связей, с этими университетами реализуются программы академических обменов, международные образовательные программы, в том числе и в области юриспруденции. Это, безусловно, способствует развитию правовой культуры населения наших стран в едином направлении.

Список литературы

1. Шевчук Д.А. Теория государства и права: конспект лекций. – М.: Эксмо, 2009. – 299 с.
2. Снашков С.А. Тенденции развития правовой культуры современного российского общества // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 2-3(116). – С. 56-61.
3. Левитан К.М. Юридическая педагогика: учебник - М.: Норма, 2008. - 432 с. – С. 119.
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2021 г. № 107 «О правовом просвещении граждан в 2021 – 2025 годах» //https://minjust.gov.by/press/news/prinyato_postanovlenie_pravitelstva_o_pravovom_prosveshchenii/
5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

CURRENT PROBLEMS OF THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS IN MODERN RUSSIA

В.А. Силантьева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
V.A. Silantieva
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Исследуется вопрос правосознания студенческой молодежи как важного элемента правовой системы. Особое внимание уделено формированию правосознания студентов юридических факультетов как будущих правопременителей и законодателей, от гражданской позиции которых зависит реализация принципов правового государства и гражданского общества.

The article is devoted to the issues of legal consciousness of student youth as an important element of the legal system. Particular attention is paid to the formation of the legal consciousness of students of law faculties as future law enforcers and legislators, on whose civil position the implementation of the principles of the rule of law and civil society.

Ключевые слова: гражданская позиция, будущие юристы, правосознание, правовая культура
Keywords: civil position, future lawyers, sense of justice, legal culture

В настоящее время прослеживается потребность совершенствования государственной политики в сфере формирования и повышения уровня правовой культуры. Формирование правовой культуры – это важная задача, решение которой напрямую зависит от правовой политики государства и состояния общества. Любое государство осуществляет особую деятельность по распространению знаний о праве и правопорядке, для чего используются церковь, литература, искусство, школа (всех уровней), СМИ, специальные юридические заведения.

Одним из значимых элементов правовой культуры является правосознание. Правосознание присуще каждому индивиду в течение всей жизни вне зависимости, имеет ли он о нем представление или нет. Однако, довольно многие обладают искаженным правосознанием. По мнению А.Р. Хисамова, «чем выше правовое сознание населения, тем более эффективно сформирована в нем и правовая политика, поскольку знание законов, активность граждан в правовой сфере стимулируют государство к принятию необходимых правовых норм, совершенствование законодательства» [1].

Направленность, состояние и темпы формирования правосознания граждан определяются культурой, нравственными установками, нормами, характерными для данного общества, а также экономическими и политическими факторами. Студенческая молодежь, являясь составной частью общества, испытывает на себе влияние всех тенденций, как позитивных, так и негативных, современного государства.

В свете событий, имеющих место сегодня в России и мире, выявилось достаточно много молодых людей, для кого понятия патриотизм, чувство долга, Родина являются значимыми. Однако, есть и те, кто сомневается в этих ценностях или отвергает их, и вряд ли они вспоминают о правосознании. С тем, чтобы не допустить постепенного ослабления права, его организующего начала, следует уделять большое внимание развитию правосознания студенческой молодежи как будущих специалистов, от которых зависит реализация задач, поставленных перед государством и обществом.

По мнению М.Б. Абакачевой, «правовая сфера общественной жизни предполагает накопление студенческой молодежью системы знаний о социальной действительности и о собственной личности, позволяющих адекватно адаптироваться и устанавливать необходимые контакты с другими

людьми, поскольку процесс совершенствования социальной компетентности связан с развитием правовой культуры личности... В этой связи актуализируется задача изучения закономерностей развития правового сознания студенческой молодежи и поиска возможностей оказывать оптимизирующее влияние на его формирование... Развитость правового сознания есть проявление правовой культуры и социальной адаптивности, а значит, является стабилизирующим фактором, способствующим совершенствованию общества» [2].

На формирование и развитие правосознания студенческой молодежи влияют образовательные и государственные учреждения, общественные и политические организации, национальные, региональные, религиозные факторы. Однако важнейшим источником формирования правосознания, на наш взгляд, являются СМИ, среди которых особо выделяется сеть Интернет, оказывающая огромнейшее воздействие на молодежь. Согласно социологическому исследованию, проведенному Н.А. Асваровым, более половины опрошенных молодых людей в Дагестане «не доверяют СМИ в оценке деятельности правоохранительных органов, состояния преступности, осуществляемых государством мер борьбы с преступностью, экономической ситуации в стране»[3]. В качестве причин негативного воздействия СМИ на формирование правосознания современной молодежи можно выделить: преобладание избыточно негативной информации о мерах по борьбе с преступностью; «погоня» СМИ за сенсациями: предоставление эмоционально окрашенной информации без профессионального комментария; недостаток программ и публикаций правового характера. Это вынуждает молодых людей пользоваться непроверенными данными, размещенными в сети Интернет.

Особое внимание следует уделить формированию правосознания студентов юридических факультетов. В недалеком будущем именно они будут защищать закон, жизнь, честь и достоинство граждан, от мировоззрения и уровня правовой культуры студентов-юристов будет зависеть эффективность работы государственных органов и реализация принципов правового государства и гражданского общества. Поэтому правовые ценности должны занимать важное место в системе ценностных ориентаций для студентов юридического факультета, как будущих правоприменителей, а правовое поведение должно стать единственно возможным вариантом поведения. Очень важно воспитывать у студентов-юристов умение преломлять различные интересы обыденного уровня с рамками законопослушного поведения, идентифицировать личные и общественные интересы, осознавать наличие своих прав и уметь их реализовать и защитить, признавать права других людей, разрешать конфликты и споры правовыми методами.

Следует согласиться с мнением М.А. Гусаровой и А.А. Тороповой, что «вузам, осуществляющим подготовку юридических кадров, в рамках воспитательной работы следует, во-первых, уделять особое внимание мерам и мероприятиям, направленным на помощь в формировании ценностных ориентаций студенческой молодежи. Из правильно сформированной системы ценностей вытекает соответствующее поведение индивида в социуме. Во-вторых, в силу того, что граждане так или иначе ориентируются на поведение юристов, для представителя этой социально-профессиональной группы приемлемыми могут быть только законные формы выражения гражданской активности. И, наконец, сами юристы должны в полной мере осознавать ответственность за благополучие общества, стоящую перед ними в условиях становления гражданского общества и правового государства»[4].

На уровень правосознания и развитость правовой культуры напрямую влияет эффективность правового воспитания. Следует выстроить четкую систему организованного правового воспитания. Необходимо сформировать у студенческой молодежи жизненные принципы, основанные на убежденности в необходимости соблюдения правовых предписаний, в то время как закон безнаказанно нарушают другие. Государство обязано добросовестно выполнять свои правоохранительные функции, государственные органы и их должностные лица не имеют права пренебрегать законами, наоборот, они должны стать для рядового гражданина образцом законопослушности, примером для подражания положительного правового поведения.

Студенческой молодежи недостаточно просто знать свои юридические права и обязанности, ей нужно постоянно убеждаться, что правовые нормы как государственные регуляторы общественных отношений являются незыблемыми, их следует уважать и выполнять, ведь их придерживается подавляющее большинство населения.

Список литературы

1. Хисамов А.Р. Правовая культура современной студенческой молодежи: особенности формирования в условиях образовательного поля // Вестник КазГУКИ, 2014. №4-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi-osobennosti-formirovaniya-v-usloviyah-obrazovatelnogo-polya (дата обращения: 08.04.2023).

2. Абакачева М.Б. К вопросу о правовой культуре молодежи как разновидности правовой культуры// Российский электронный научный журнал. 2014. № 4(10). С. 32-39.

3. Асваров Н.А. Особенности правосознания молодежи Дагестана//Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62). Т.5. С. 74-78.

4. Гусарова М.А., Торопова А.А. Проблемы формирования гражданской активности будущих юристов в условиях становления гражданского общества и правового государства в России // Общество: политика, экономика, право. 2012. №2.

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ И ИМПЕРСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ – ЭЛЕМЕНТЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ИМПЕРИИ

IMPERIAL IDEA AND IMPERIAL LEGAL CONSCIOUSNESS - ELEMENTS OF SELF-IDENTITY AND POLITICAL REGIME OF THE EMPIRE

В.В. Фурсов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
V.V. Fursov
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматриваются вопросы имперской идеи и имперского правосознания в контексте понимания политического режима империи. Дается оценка имперской идеи как основание формирования и существования империи и имперской самоидентификации.

The article deals with the issues of the imperial idea and the imperial sense of justice in the context of understanding the political regime of the empire. The assessment of the imperial idea as the basis for the formation and existence of the empire and imperial self-identification is given.

Ключевые слова: империя, политический режим, имперская идея, имперское самосознание.

Keywords: empire, political regime, imperial idea, imperial self-awareness.

Империя представляет собой форму государственного устройства, единое государство, обладающее единой территорией и едиными государственными границами. Территория империи не носит однородного характера и включает разностатусные образования, находящиеся в различной степени зависимости от центра. На территории империи могут быть объединены множество этнических

групп, правовой статус которых в границах империи будет носить неоднородный характер.

В пределах государственных границ осуществляется единый политический режим. В империи он, как правило, носит тоталитарный или авторитарный характер, с зависимостью периферийных территорий от центра. Большой размер территории империй позволяет говорить об их насильственном удержании, что тоже влияет на методы, используемые метрополией по отношению к колониям.

Одним из элементов политического режима в империи можно рассматривать наличие общей имперской идеи, которая помогает сохранять единство государства и которая служит дополнительным объединяющим фактором всех разностатусных частей. Имперская идея носит единый характер на всей территории государства и может быть религиозной, национальной или иной. Такая система убеждений строится на общей истории, традициях, ценностях, образе жизни наций и народов, входящих в состав империи. Традиции и установки воспринимаются всеми народами, входящими в империю.

Высокую оценку существования и влияния имперской идеи на сознание людей дают Л. Панкова и О. Леонова: «Как и всякая идеологема, «имперская идея» выполняет жизнеописательную, регулирующую и предсказательную функции. Посредством их реализации она позволяет направлять развитие сознания масс в рамки целостного, упорядоченного представления об окружающем ее социально-политическом устройстве» [1, с. 97]. Основная политическая идея присутствует при реализации государственной власти в любом государстве. В империях она приобретает значение имперской идеи, предполагающей существование большого государства, выполняющего особые функции. Наличие имперской идеи позволяет сохранить территориальную целостность и границы государства, так как выступает связующей идеей для разрозненных элементов.

С.В. Ткачев относит к базовым компонентам империи не само наличие общей имперской идеи, а носителя такой идеи. «В первую очередь, это должна быть достаточно широкая общность, номинально она должна включать в себя всех членов сообщества метрополии империи» [2, с. 12]. Отметим, что не всегда все народы, входящие в империю, обладают национальной идентичностью. Более того, за счет больших территорий, входящих в состав империи, происходит как раз обратное: народы, в нее входящие, не имеют такой идентичности. И именно здесь проявляется империализм как политика метрополии: новая религия и правила жизни могут насаждаться насильственным путем.

Имперская идея как необходимая принадлежность любой империи оценивается разными авторами по-разному. Одним из подходов является точка зрения об имперской идее как главном основании империи. В то же время, империя – слишком сложное государство, чтобы у него можно было выделить какое-либо одно основание ее существования и развития. При установлении приоритета в формировании империй отрицать значение имперской идеи нельзя. Но и видеть ее главным основанием целостности империи тоже неверно. Мы полагаем, что более правильно рассматривать имперскую идею как дополнительное основание для установления целостности государства. Причем такая идея может носить любой характер и зависит от исторических особенностей самой империи. Так, в Российской Империи такой идеей была формула «Православие. Самодержавие. Народность». Имперская идея может носить правовой характер, религиозный, самодержавный и любой иной. Но ее наличие не означало обязательную и безусловную поддержку её населением. Часто такие идеи обосновывались правящей элитой для обоснования проводимой политики. Мы полагаем, что имперскую идею можно рассматривать как часть политического режима, так как она всегда исходила от государства – центра его управления, формировалась им и поддерживалась силой государственного принуждения. Имперская идея находила отражение в нормативно-правовых актах, действие которых распространялось на всю территорию империи, и таким образом оказывала влияние на всю территорию государства. Отметим, что, говоря о политическом режиме, мы в первую очередь подразумевали его единство на всех территории. Имперская идея как элемент политического режима носит тоже единый характер, она одинакова для всех, входящих в состав империи.

Следствием имперской идеи является формирование имперского самосознания, чувства принадлежности к данному государству. А.В. Серегин видит в имперском правосознании ту основу, на которой базируется вся империя как форма государственного устройства: «имперская форма государственного устройства в качестве элемента формы государства базируется на имперском правосознании» [3, с. 33]. На наш взгляд, нельзя, конечно, не учитывать роль правосознания в формировании имперской идентичности и имперской идеологии, но и преувеличивать его значение, называя его чуть ли не единственным фактором существования империи, тоже не стоит. А.В. Серегин называет ряд признаков, свойственных имперскому правосознанию, и приходит к выводу, что «имперское правосознание представляет собой совокупность взглядов, представлений, чувств, знаний и переживаний, мотивирующих веру в вечность существования империи, ее мессианское предназначение, силу и

могущество политической, экономической, правовой и военной инфраструктуры своего отечества, что и является источником протекционистских настроений граждан империи по отношению к другим государствам и народам» [3, с. 33]. Отметим, что существование подобных моментов в империи отрицать нельзя. Но, как мы уже отметили ранее, видеть в основе существования империи только правосознание, пусть даже и уникального типа, неверно. Мы полагаем, что существование имперского правосознания можно считать одним из признаков империи, дополнительно подчеркивающим ее целостность и существование в качестве единого государства. Имперское правосознание является неотъемлемой частью политического режима, формируемого в государстве. У союза государств предполагать наличие единой сильной идеологии, на основе которой формируется общая идентичность и правосознание, – не верно.

Список литературы

1. Панкова Л., Леонова О. «Имперская идея» как актуальный концепт политической культуры // Обозреватель. 2007. №3 (206). С.92-100;

2. Ткачев С.В. Империя как современная полития: автореф. дис. … канд. полит. наук. Владивосток. 2005;

3. Серегин А.В. Сущность имперского правосознания // Философия права. 2007. №4(23). С.32-34.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ)

INTERETHNIC ASPECT OF THE LEGAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF LEGAL JOURNALS)

Н.С. Щерова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
N.S. Scherova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Представлены межнациональные особенности как часть правовой культуры и правосознания общества. Сохранение исторического культурного наследия народов России, традиций, обычаев, правовых ценностей

рассматривается на примере изучения юридических журналов XIX в. и современности.

The article presents interethnic features as part of the legal culture and legal consciousness of society. The preservation of the historical cultural heritage of the peoples of Russia, traditions, customs, legal values are considered on the example of studying legal journals of the 19th century and modernity.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, средства массовой информации, юридические журналы, межэтнические отношения.

Keywords: legal culture, legal consciousness, mass media, legal journals, interethnic relations.

Для России как многонационального, долгой и обширной истории государства особое значение имеют этнокультурные отношения, преемственность поколений, передача их накопленного опыта. Сохранение традиций и обычаев народов, языка различных национальных групп, правовых ценностей являются составляющими государственной политики в области развития межнациональных и этнических отношений.

Отдельным направлением является формирование и развитие высокого уровня правовой культуры и правосознания как всего общества, так и личности. Для реализации поставленной задачи предлагаются различные способы, в частности, использование средств массовой информации. В современном мире деятельность СМИ охватывает все сферы общественной жизни, в том числе и правовую. Отдельное место в этом принадлежит специализированной юридической периодике.

В структуре правосознания выделяются два элемента – правовая психология и правовая идеология. Правовая психология понимается как переживания, эмоции, чувства, связанные с восприятием явлений правовой жизни, а правовая идеология – совокупность знаний, представлений, убеждений, взглядов о сущности, значении, ценности права. Периодические издания специализированного характера способствуют развитию этих элементов. Включая в свое содержание материалы, посвященные актуальным правовым вопросам действительности, которые раскрывают знания о праве, печатные органы формируют определенные представления о ценности, сущности, значении, необходимости существования права для общества.

В теории права предлагаются несколько разновидностей правосознания. Выделяется научное, профессиональное и обыденное правосознание. Последний вид связан с личным житейским опытом отдельного человека, когда он сталкивается с правом. Обыденное правосознание присуще той части общества,

которая не связана в своей деятельности с правом, то есть не обладает юридическим образованием и не занимается правовой теорией или практической деятельностью. В отношении обыденного правосознания мы можем говорить о воздействии средств массовой информации: периодические издания участвуют в формировании данной разновидности правосознания путем передачи правовой информации.

Под правовой информацией С.С. Пискунова понимает совокупность сведений, данных нормативно-правового характера, которые касаются представлений, идей, концепций, чувств, выражающих субъективное отношение людей к правовым нормам и связанным с ними явлениям, непосредственно воздействующим и влияющим на поведение людей [1, с. 48]. Источниками правовой информации являются официальные юридические издания; лекции на правовые темы и беседы юристов с населением; телевидение, радио, газеты, журналы; научно-популярные юридические издания; юридические консультации; занятия по правовым вопросам в высших и средних специальных учебных заведениях, школах, на различных курсах и семинарах; межличностные правовые контакты граждан [2, с. 15].

В содержании профессионального правосознания и культуры обозначаются различные компоненты. К таковым относят достоверную юридическую информацию [3, с. 66]. Она передается в результате осуществления правового воспитания. Юридическую информацию в XIX в. (в отличие от нынешнего времени) можно было получить из небольшого круга источников: чтение литературы правового характера (как специализированной, так и массовой), обучение на юридических факультетах, периодическая печать. Последнее, на наш взгляд, было наиболее доступным для населения.

Юридическая журналистика, зародившись в XIX в., и в настоящее время продолжает реализовывать функцию правового воспитания, просвещения, формирования правосознания и правовой культуры. Одновременно с этим в юридических журналах отражаются правовые и этнокультурные ценности, принадлежащие различным народам. Ярким примером трансляции национальной культуры и преемственности поколений является журнал «Право и жизнь» («Хокук ва хаят»), который выходил дважды в месяц в Казани в 1913-1914 гг. Издателем и редактором был присяжный поверенный округа Казанской судебной палаты Ш.-А.Х. Иманаев.

Журнал был заявлен как юридический, что было отражено в его программе в ряде тематических блоков (гражданское и уголовное право, наследственное право, брачно-семейные отношения, судопроизводство). Однако, обращает на себя внимание культурно-просветительский характер

издания, направленность на сохранение и распространение национальной культуры, традиций. Это осуществлялось посредством размещения материалов о местной жизни, образовании, литературе, искусстве. Важной задачей журнала было сохранение национального языка, поэтому тексты печатались на русском и татарском языках.

Журнал «Право и жизнь» функционировал до 1914 г., но в 1998 г. он был возрожден как корпоративный печатный орган Министерства юстиции Республики Татарстан. С 2011 г. «Право и жизнь в Татарстане» – общественно-правовое и научное периодическое издание. Журнал продолжает традиции, заложенные Ш.-А.Х. Иманаевым в начале XX в. Все материалы тоже представлены на двух языках. В содержании издания можно выделить две тематические группы, которые взаимно дополняют друг друга: право, законотворчество, деятельность органов государственной власти, а также общественная составляющая, например, материалы, посвященные историческим событиям, спортивным и культурным мероприятиям, юридическому образованию.

Таким образом, межкультурные отношения, преемственность традиций, ценностей, переданных от одного поколения к другому, сохранение национальных особенностей, языка являются важным и необходимым для государства. Об особенном значении этих вопросов свидетельствует и то, что периодические издания способствовали распространению информации о различных народах, проживающих в России. Этнокультурная тематика, заложенная в журналах XIX столетия, продолжает развиваться и в современной периодике, в том числе и специализированного характера.

Список литературы

1. Пискунова, С.С. Правовая информация как средство формирования правового сознания граждан: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пискунова Светлана Сергеевна. – М., 2004. 180 с.

2. Хабалов, В.И. Правовая информация как фактор формирования социалистического правосознания: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хабалов Владимир Ильич. – М., 1988. 23 с.

3. Карташов, В.Н. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. 200 с.

СЕКЦИЯ 4

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ДОКЛАДЫ

АСПИРАНТУРА ДЛЯ ИНДУСТРИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ОПЫТА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

POSTGRADUATE EDUCATION FOR INDUSTRY: RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE SOVIET EXPERIENCE OF TRAINING RESEARCH PERSONNEL

Н.А. Ходеева
Н.В. Рыбаков
Б.И. Бедный
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
N.A. Khodeeva
N.V. Rybakov
B.I. Bednyi
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Целью настоящего исследования стало изучение системы аспирантского образования в СССР, которая была эффективна в части подготовки специалистов высшей научной квалификации в интересах промышленности. Выявлены те элементы советского опыта подготовки аспирантов, которые сегодня могут быть востребованы при организации аспирантских программ на основе взаимодействия университетов и индустрии.

The purpose of this research was to study the system of postgraduate education in the USSR, which was effective in terms of training research personnel in the interests of industry. Those elements of the Soviet experience of postgraduate training which can be in demand today in the organization of postgraduate programs based on the interaction between universities and industry are identified.

Ключевые слова: советская аспирантура, программы индустриальной аспирантуры, связь аспирантуры и промышленности

Keywords: soviet postgraduate studies, industrial postgraduate programs, communication of postgraduate studies and industry

Постановка проблемы. В современной России задача создания эффективной системы подготовки нового поколения исследователей для

высокотехнологических отраслей промышленности является приоритетной. Однако на пути ее решения есть множество проблем. Одной из таких проблем является исключительно академическая ориентация аспирантских программ. Выпускники аспирантуры часто оказываются неподготовленными к работе в наукоемких отраслях промышленности, а их диссертационные работы несогласованными с запросами реального сектора экономики [1-3].

Перспективным шагом в преодолении разрыва между академическими традициями аспирантской подготовки и потребностями современной индустрии является развитие практикоориентированных аспирантских программ, получивших широкое распространение в экономически развитых странах мира [4-6]. Ключевым отличием таких программ от классической академической аспирантуры является адресная подготовка выпускников к работе на неакадемических рынках труда, ориентация на применение исследовательских компетенций в практикоориентированных сферах деятельности, разработка диссертационных проектов, нацеленных на развитие высокотехнологичных производств. Особой формой практикоориентированной подготовки исследователей за рубежом являются программы индустриальной аспирантуры. Такие программы создаются совместно с промышленными предприятиями, заинтересованными как в подготовке высококвалифицированных кадров, так и в решении конкретных научно-технологических задач [1-3,7-10].

Вызовы ускоренного технологического развития не новы для России, богатый опыт решения подобных задач можно найти в советской истории. Советское государство за короткое время смогло добиться впечатляющих результатов в создании и развитии наукоемких отраслей экономики (например, радиоэлектроники, авиационной и космической промышленности), а также обеспечить форсированную подготовку высококвалифицированных исследователей для промышленных секторов экономики. В этой связи интересен опыт СССР в создании уникальной системы аспирантской подготовки, имеющей тесные связи с индустрией.

Целью настоящего исследования стало изучение советского опыта организации аспирантского образования и выявление ключевых элементов, которые позволяли «настраивать» советскую аспирантуру на подготовку специалистов высшей научной квалификации в интересах предприятий реальных секторов экономики. На основе изучения нормативных документов и научной литературы [11-31] мы проанализировали, как с момента появления в 1925 г. в нашей стране института аспирантуры изменялись ключевые аспекты его функционирования, в связи с появлением новых задач научно-технологического и индустриального развития, как происходило становление и

развитие «союза аспирантуры и индустрии». В заключении статьи мы выделили те элементы советского опыта в организации аспирантской подготовки, которые могут быть полезны сегодня для организации программ индустриальной аспирантуры.

Подготовка научных кадров в советской аспирантуре: создание и развитие союза с индустрией. В связи с острой нехваткой научных кадров высшей квалификации в 1925 г. в Советском Союзе была создана аспирантура как основная форма их подготовки [12]. Советское руководство отмечало важность подготовки кадров, способных ускорить научно-технический прогресс в стране. Для достижения поставленной цели была объявлена «борьба за повышение теоретического образования в вузах, втузах и техникумах, при всемерном дальнейшем укреплении их связи с производством» [14]. Государством определялся перечень вузов и научных специальностей, по которым функционировала аспирантура. Подготовка научных кадров осуществлялась только в ведущих вузах и научно-исследовательских институтах, которые были обеспечены необходимыми материально-техническими условиями, а также имели высококвалифицированный штат научно-педагогических работников, способных осуществлять научное руководство аспирантами [15].

Проблемы развития системы подготовки научных кадров были в фокусе внимания советского правительства и в послевоенное время. В 50-60-ые годы был принят ряд нормативно-правовых документов, касающихся совершенствования подготовки кадров высшей квалификации в советской аспирантуре. В совместном Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20.08.1956 № 1174 «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» отмечалось, что существующий порядок подготовки научных кадров не соответствовал «требованиям дальнейшего развития науки и задачам технического прогресса» [16]. Именно в этом документе достаточно четко были зафиксированы три конкретные проблемы взаимодействия аспирантуры и индустрии. Во-первых, дисбаланс между объемами подготовки аспирантов по научным специальностям и потребностями конкретных отраслей экономики в научных кадрах. В частности, отмечалась недостаточная подготовка кандидатов наук по физике, математике, биохимии, биофизике, аэродинамике, вычислительным устройствам, радиотехнике, электронике и полупроводникам. При этом указывалось на избыточность подготовки аспирантов по ряду гуманитарных направлений. Во-вторых, слабая связь тематик диссертационных работ аспирантов с актуальными проблемами науки и практики. В-третьих, низкий уровень подготовки выпускников аспирантуры к самостоятельной исследовательской деятельности. Отмечалось,

что новоиспечённые кандидаты наук «зачастую оказываются по своей квалификации ниже специалистов, не имеющих ученых степеней, но обладающих практическим опытом» [16].

В 1961 г. и в 1967 г. публикуются совместные постановления Совета министров СССР и ЦК КПСС [17,18], в которых обобщаются проблемы в сфере подготовки кадров высшей научной квалификации, а также предлагаются меры по исправлению ситуации. Наряду с общими проблемами аспирантуры (низкая доля защит кандидатских диссертаций выпускниками аспирантуры, несовершенство системы отбора аспирантов) указывалось на оторванность аспирантуры от проблем индустрии и слабое вовлечение промышленности в подготовку кадров высшей научной квалификации. В этой области отмечались следующие недостатки: незначительное число исследований «по проблемам, выдвигаемым промышленностью и сельским хозяйством»; слабое привлечение к работе с аспирантами крупных специалистов промышленности и сельского хозяйства; недостаточное внимание вузов к повышению научной квалификации «специалистов, работающих непосредственно на предприятиях, в совхозах и колхозах».

В 70-80-ых годах продолжается укрепление союза вузов с индустрией. В Постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 06.04.1978 № 271 «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» [19] были запланированы следующие мероприятия:

- создание в вузах отраслевых научно-исследовательских лабораторий для выполнения с предприятиями крупных перспективных работ на основе хозяйственных договоров;
- увеличение численности профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала, уменьшение учебной нагрузки профессорам и преподавателям, активно участвующим в научно-исследовательской работе;
- создание в крупных городах на базе ведущих вузов межвузовских центров обслуживания научных исследований с финансовым обеспечением этих центров на договорных началах за счет средств заказчиков.

Опыт советской системы подготовки исследователей в контексте развития программ индустриальной аспирантуры. Проектирование и развитие программ аспирантуры, нацеленных на подготовку кадров высшей квалификации для наукоемкого сектора экономики, является вызовом для российской системы образования. В поисках фундамента, на котором могли бы быть заложены такого рода аспирантские программы в России, мы обратились к достаточно эффективному советскому опыту организации аспирантской подготовки. На

основе проведенного ретроспективного анализа [11-31] перечислим те элементы и принципы, которые могут быть полезны в современных реалиях при проектировании индустриальных программ аспирантуры:

- целенаправленное воздействие государства на развитие и укрепление связи аспирантуры и индустрии, постоянное внимание к проблемам аспирантуры на самом высоком государственном уровне (Совмин СССР и ЦК КПСС);
- приоритетный отбор в аспирантуру абитуриентов, имеющих практический опыт работы в промышленности и результаты научно-исследовательской деятельности (научные труды, изобретения и т.д.);
- определение тематик диссертаций аспирантов, исходя из технологических задач промышленности;
- интеграция аспирантской подготовки и прикладных проектов индустрии через научно-производственную практику аспирантов, создание совместных научно-исследовательских лабораторий для выполнения с предприятиями крупных перспективных работ на основе хозяйственных договоров;
- сбалансированное соотношение теоретической и практической подготовки аспирантов, фокусировка на исследовательской работе и подготовке диссертации;
- привлечение к проведению занятий в аспирантуре высококвалифицированных специалистов с предприятий;
- обязательное требование для защиты – наличие отзыва о диссертации от промышленного предприятия;
- совместный контроль со стороны вуза и предприятия по выполнению индивидуально плана аспиранта;
- диверсификация форм и сроков подготовки аспирантов, работающих в промышленности (заочная, целевая и годичная аспирантура);
- всесторонняя поддержка государством и предприятиями работников, обучающихся в аспирантуре (предоставление исследовательской базы на предприятии для аспирантов, проводивших диссертационное исследование без отрыва от производства, предоставление дополнительных отпусков, организация подготовки для сдачи кандидатских экзаменов, дифференциация стипендиального обеспечения в зависимости от стажа производственной работы и т.д.);
- возможность присуждения ученых степеней по итогам защиты «опубликованных научных работ по созданию новых оригинальных машин, внедренных в производство, оригинальных возведенных строительных

сооружений и по внесенным коренным изменениям в технологические процессы производства»;

- практики двойного научного руководства и научного консультирования.

Список литературы

1. Тесленко В.А., Мельников Р.М. Перспективы развития индустриальной аспирантуры в России // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 157-167.
2. Бедный Б.И. Об индустриальной аспирантуре (Комментарий к статье) // Высшее образование в России. 2017. №10 (216). С. 122-124.
3. Бедный Б.И., Миронос А.А., Рыбаков Н.В. Профессионально-ориентированные аспирантские программы: взаимодействие университетов и индустрии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1. С. 37-42.
4. Kot F.C., Hendel D.D. Emergence and growth of professional doctorates in the United States, United Kingdom, Canada and Australia: A comparative analysis // Studies in Higher Education. 2012. Vol. 37 No. 3. P. 345–364. DOI: 10.1080/03075079.2010.516356
5. Bao Y., Kehm B.M., Ma Y. (2018). From product to process. The reform of doctoral education in Europe and China. Studies in Higher Education, 43, 524–541. https://doi.org/10.1080/03075079.2016.1182481
6. Assbring L., Nuur C. (2017). What’s in it for industry? A case study on collaborative doctoral education in Sweden. Industry and Higher Education, 31, 184–194. https://doi.org/10.1177/0950422217705245
7. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Киселева К.Н. «Кандидат инженерии» – учёная степень, востребованная временем // Высшее образование в России. 2017. № 10. С. 109-121
8. Бедный Б.И., Бекова С.К., Рыбаков Н.В., Терентьев Е.А., Ходеева Н.А. Профессиональная аспирантура: мировой опыт и российский контекст // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 10. С. 9–21. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-2
9. Бедный Б.И., Рыбаков Н В., Ходеева Н.А. Практико-ориентированные аспирантские программы и профессиональные степени: анализ зарубежного опыта // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 3. С. 70–81. https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.028.
10. Ходеева Н.А. Профессиональная аспирантура для наукоемких отраслей экономики: оценка востребованности в России // Отечественная и зарубежная

педагогика. 2022. Т. 2, № 4 (86). С. 20–27. https://doi.org/10.24412/2224–0772–2022–86–20–27

11. Кузьминов, Я. И., Юдкевич, М. М. Университеты в России: как это работает [Текст] / Я. И. Кузьминов, М. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 616 с.

12. Инструкция Наркомата просвещения РСФСР «О порядке подготовки научных работников при научно-исследовательских институтах и вузах по прикладным, точным и естественным наукам (Инструкция НКП от 8/VII 1925 г.)» URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136674-o-poryadke-podgotovki-nauchnyh-rabotnikov-pri-nauchno-issledovatelskih-institutah-i-vuzah-po-prikladnym-tochnym-i-estestvennym-naukam-instruktsiya-nkp-ot-8-vii-1925-g (дата обращения: 10.08.2023).

13. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «Мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С.8-69.

14. Постановление ЦИК СССР от 19.09.1932 "Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах" // СПС КонсультантПлюс.

15. Постановление СНК СССР от 13.01.1934 № 78 «О подготовке научных и научно-педагогических работников» // СПС КонсультантПлюс.

16. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20.08.1956 № 1174 «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» // СПС КонсультантПлюс.

17. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 13.06.1961 № 536 «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» // СПС КонсультантПлюс.

18. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 16.11.1967 № 1064 «Об улучшении подготовки научных и научно-педагогических кадров» // СПС КонсультантПлюс.

19. Постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 06.04.1978 № 271 «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» // СПС КонсультантПлюс.

20. Ананов И.Н. Правовое положение научных работников. М.: Нижполиграф, 1928. 59 с.

21. Никуленкова Е.В., Скворцов В.Н. Поиски новых форм подготовки научных кадров в советской России в 1920-е гг // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. № 4-2. С. 21-30.

22. Постановление СНК СССР от 31.03.1939 № 415 «Об утверждении Положения об аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах»// СПС КонсультантПлюс.

23. Приказ Минвуза СССР № 637, Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР № 63 от 15.09.1987 «О подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе непрерывного образования» (вместе с «Положением о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе непрерывного образования») // СПС КонсультантПлюс.

24. Приказ Минвуза СССР от 31.07.1962 № 284 «Об утверждении Положения об аспирантуре» (вместе с «Положением об аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях») // СПС КонсультантПлюс.

25. Постановление Совета Министров СССР от 19.02.1953 № 539 «О мерах по улучшению подготовки профессорско-преподавательских кадров для высших учебных заведений СССР»// СПС КонсультантПлюс.

26. Якимович Е.П., Суржик С.С., Доронина Н.А., Семенова Д.В. Развитие системы подготовки кадров высшей квалификации: исторический аспект // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 6. С.1-9

27. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 16.09.1939 № 1469 «О заочной аспирантуре» (вместе с «Положением…»)

28. Матушанский Г. У., Бушмина О. В. Аспирантура и докторантура как образовательные институты подготовки научно-педагогических кадров // Известия вузов. Проблемы энергетики. 2005. № 3-4. С. 110-114.

29. Цеховой Н. П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 111-115.

30. Постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. № 327 «О мерах по улучшению подготовки и использования научно-педагогических и научных кадров»// СПС КонсультантПлюс.

31. Постановление Госкомвуза РФ от 31.05.1995 № 3 «Об утверждении Положения о подготовке научно-педагогических и научных кадров в Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ РЕПРОДУКТИВНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ (НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

STUDENTS ATTITUDE TO ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES (BY THE MATERIALS OF THE IVANOVO REGION)

Н.Б. Гафизова,
Е.О. Цалко
Ивановский филиал РАНХиГС, г. Иваново
N.B. Gafizova,
E.O. Tsalko
Ivanovo branch of RANEPA, Ivanovo

Рассматривается восприятие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) студенческой молодежью Ивановской области. Делается вывод о нейтрально-положительном их восприятии в целом, за исключением суррогатного материнства.

In the article authors explore the perception of assisted reproductive technologies of Ivanovo region students. Authors conclude that students have a neutral-positive perception of ART, apart from surrogate motherhood.

Ключевые слова: репродуктивные установки, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ)

Keywords: reproductive attitudes, assisted reproductive technology (ART)

История вспомогательных репродуктивных технологий (*далее – ВРТ*) или, по крайней мере, первых попыток зачатия живого организма in vitro насчитывает, как считают медики, чуть более 100 лет. Однако знаковым годом является 1978 год – год рождения первого человека, зачатого с помощью экстракорпорального оплодотворения (*далее – ЭКО*) [1, с.7]. В Российской Федерации история ВРТ начинается с 1987 г., когда была официально разрешена искусственная инсеминация, и 1994 г., когда Минздравом были разрешены ЭКО и перенос замороженных эмбрионов [2, с.72]. В начале XXI столетия дети, появившиеся на свет с помощью ВРТ, уже стали вполне привычным социальным явлением, и представители социальных наук заинтересовались их социально-психологическими особенностями, спецификой социализации и взаимодействия в рамках первичных групп. Главный вывод, к которому приходили исследователи, заключался в отсутствии существенных различий. Так, голландские исследователи Х. Бос и Ф. ван Болен не обнаружили эмпирических доказательств того, что психологическая адаптация ВРТ-детей отличается от их сверстников в семьях с естественным зачатием. Они

установили, что родители в семьях с детьми, появившимися в результате использования ВРТ, более эмоционально вовлечены в воспитание, чем родители естественно зачатыми детьми [3].

В контексте демографической ситуации современной России ВРТ предстают как один из способов решения проблемы бесплодия и обеспечения задач демографического воспроизводства. О.Г. Исупова считает, что демографическое значение ВРТ может существенно увеличиться при росте их экономической и демографической доступности. Это, в принципе, уже произошло, поскольку процедуру ЭКО включили в комплект обязательного медицинского страхования россиян [4]. Исследование О.Г. Исуповой и Н.Е. Русановой студенческой молодежи Москвы и Новосибирска показало отсутствие существенных этических/ценностных барьеров для использования ВРТ-методов молодежью и в целом положительное отношение к любым методикам, помогающим родить детей [5;6]. Позитивное восприятие ВРТ подтверждается социологическими исследованиями в других регионах России, например, Мордовии [7].

Ивановская область характеризуется крайне негативной демографической ситуацией. За 2022 год превышение числа умерших над числом родившихся составляет 2,3 раза. Коэффициент рождаемости уменьшился на 5,3%. Коэффициент детской смертности вырос на 72,7% и составил 5,7 умерших на 1000 родившихся [8]. Стимулирование рождаемости – одно из ключевых направлений региональной политики. В связи с этим вопрос использования ВРТ является особо актуальным.

Эмпирической базой исследования выступают материалы четырех фокус-групповых интервью (две – со студентами вузов, две – со студентами колледжей), проведенных в апреле-мае 2022 г. на тему «Репродуктивные установки студенческой молодежи Ивановской области». Фокус-группы формировались с учетом следующих критериев: пол, место учебы (вуз и колледж), место проживания (городской округ, городское поселение, сельское поселение). Все участники интервью – бездетные, 1/5 имеют опыт воспитания в неполной семье. Студенты видят идеальную семью как полную семью с одним-двумя детьми, где родители могут обеспечить детей всем необходимым, растить детей в комфорте. Все участники ориентированы на тщательное планирование рождения детей. Самооценка здоровья у студентов колледжей ниже, чем у студентов вузов (7,2 и 9,1).

Материалы фокус-группового интервью позволяют заключить, что отношение студенческой молодежи Ивановского региона к ВРТ, в целом, нейтрально-положительное. *Я отношусь позитивно. Если люди действительно*

хотят, но по объективным причинам не могут, это хороший шанс для них… я думаю, это хороший выход для тех, кто хотел бы своего ребенка (Мария, студентка ИФ РАНХиГС, 21 год); *Отношусь к этому нейтрально. Считаю, что это очень хорошо, что создаются новые, разные способы, чтобы помогать людям, у которых не получается завести ребенка* (Николай, студент Ивановского технического колледжа, 19 лет). Среди опрошенных встретились и те, кто знаком с семьями, имеющими детей, зачатых с помощью ЭКО: *У меня есть замечательный, очень светлый пример. Коллеги на работе. Это семья, им обоим около 35–37 лет. Очень светлая, добрая семья, у которой есть все те условия, которые мы перечисляли для идеальной семьи, но у них не получалось родить ребёночка. И тогда они сделали ЭКО. И вот родились два месяца назад 2 девочки!* (Полина, студентка ИФ РАНХиГС, 21 год); *Мне знакома такая ситуация, потому что моя мама не может иметь детей, но она хотела довольно давно завести ребёночка, и она прибегла к ЭКО. Всё хорошо, ребеночку сейчас два годика уже. И никто не жалуется на то, что он какой-то там ненормальный. Он здоровый вполне, хотя многие говорят, что после ЭКО уродливые какие-то дети рождаются…* (Анна, студентка Кинешемского политехнического колледжа, 18 лет)

Мы зафиксировали специфику в восприятии различных технологий: ЭКО воспринимается исключительно позитивно, а искусственная инсеминация и суррогатное материнство с большой настороженностью: *Я негативно отношусь к этому. Например, суррогатное материнство. Куда денется девушка, которая родит, что будет с ней? Я не знаю, что с её чувствами материнскими будет. Как-то мне не очень приятно. Ну и по отношению к банку спермы. Наверное, важно смотреть, какие гены у ребёнка будут. Ребенок должен расти. Дети вообще должны рождаться в любящей семье* (Мария, студентка ИГХТУ, 24 года); *Я не понимаю таких людей, потому что отдать своё собственное дитя, которое ты носила 9 месяцев. Ну я к этому не очень хорошо отношусь. Потому что я не понимаю вообще в принципе таких людей* (Анна, студентка Кинешемского политехнического колледжа, 18 лет); *… по поводу суррогатного материнства солидарен, это противоестественно* (Владимир, студент Тейковского индустриального колледжа, 20 лет).

По мнению студентов, ВРТ порождают травмирующие институт семьи последствия – рост неполных семей, распространение нетрадиционных брачных отношений: *Я не могу ничего сказать плохого про ЭКО. Но тут могут быть и очень неоднозначные последствия от этих новых репродуктивных технологий – рост числа неполных семей, воспитание в таких неполных семьях или нетрадиционных, как их называют. Это деформация института семьи в*

сторону увеличения неполных или нетрадиционных семей. Когда ребенок рождается в такой семье? Значит – это нормально? (Иван, студент ИФ РАНХиГС, 19 лет).

Подводя итоги, отметим, что для решения демографических проблем региона важно вести активную просветительскую работу, активно транслировать информацию о вспомогательных репродуктивных технологиях молодежи, содействовать рутинизации ВРТ в общественном сознании. Важно, чтобы молодые люди знали, что современная медицинская наука может помочь справиться с бесплодием и обрести желанного ребенка. Интервью показало, что восприятие ВРТ во многом зависит от уровня образования: студенты колледжей чаще транслировали негативно-настороженное отношение к ВРТ, стереотипы о «плохом качестве» детей, зачатых с их помощью. Студентки, в отличие от юношей, более чувствительны к этическим вопросам ВРТ, в частности суррогатного материнства и его влияния на состояние суррогатной матери.

Список литературы

1. Витязева И.И., Бармина И.И., Мельниченко Г.А. Исторические вехи развития методов вспомогательных репродуктивных технологий, основанных на оплодотворении in vitro // Вестник репродуктивного здоровья. 2011. №2. С. 5–14.

2. Русанова Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. №11. С. 69–86.

3. Bos H., van Balen F. Children of the new reproductive technologies: Social and genetic parenthood // Patient Education and Counseling. 2010. V.81. P. 429–435. URL: Children of the new reproductive technologies: social and genetic parenthood - PubMed (nih.gov) (дата обращения: 31.05.2023).

4. Исупова О.Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. 2017. Том 4. №1. 35–64.

5. Исупова О.Г., Русанова Н.Е. Восприятие вспомогательных репродуктивных технологий российской студенческой молодёжью // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 34–46.

6. Русанова Н.Е., Исупова О.Г. Социально-демографические особенности прокреативного поведения в условиях рутинизации вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 361–369.

7. Дадаева Т.М., Баранова В.В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. 2019. Т. 27. № 1. С. 138–155.

8. Оперативные демографические показатели Ивановской области за январь-декабрь 2022 года. https://37.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demogr_operat_0123(1).pdf

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РФ

CERTAIN ASPECTS OF ATTRACTING AND RETAINING FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA

В.А. Демарева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
V.A. Demareva
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматриваются вопросы привлечения и удержания иностранных аспирантов в российских ВУЗах. Олимпиада Open Doors рассматривается как один из каналов привлечения. Обсуждаются проблемы коммуникации и адаптации иностранных аспирантов, а также предлагается введение локальных грантов для поддержки аспирантов-иностранцев. Подчеркивается важность сотрудничества и усилий для обеспечения успешной учебы и научной деятельности иностранных студентов в российских ВУЗах.

The article discusses the issues of attracting and retaining foreign graduate students in Russian universities. The Open Doors competition is considered one of the channels for attracting them. Communication and adaptation problems of foreign graduate students are also discussed, along with the proposal to introduce local grants to support foreign graduate students. The importance of collaboration and efforts to ensure the successful academic and research activities of foreign students in Russian universities is emphasized.

Ключевые слова: иностранные студенты, аспиранты, привлечение, удержание, олимпиада

Keywords: international students, graduate students, attraction, retention, olympiad

В ННГУ им. Н.И. Лобачевского обучаются представители более чем ста стран. При этом основная доля студентов-иностранцев приходится на программы высшего образования (бакалавриат и специалитет). На программы

аспирантуры приходится лишь несколько процентов. Но количество иностранных аспирантов – это важный ключевой показатель для отчетности ВУЗа, поэтому необходимо искать пути привлечения и удержания иностранных аспирантов в ВУЗах РФ.

Хорошим каналом для привлечения иностранных аспирантов является олимпиада Open Doors [1]. Олимпиада рассчитана на программы магистратуры и аспирантуры, но пока мы открыли для себя лишь аспирантуру. Здесь проще найти аспирантов, так как они сразу закрепляются к будущему научному руководителю на уровне конкретного ВУЗа. Это, в отличие от магистратуры, где абитуриенты – победители олимпиады и потенциальные магистранты – могут бесконечно выбирать из разных ВУЗов и программ подготовки.

В 2023 г. треки олимпиады Open Doors немного изменились. Ранее мы участвовали в треке «Когнитивные нейронауки и психология» [2]. С этого года психологию перенесли к образованию, и получился трек «Образование и психология». Мы не знаем, как это повлияет на контингент, который пойдет к нам в грядущем году олимпиады. Это покажет ближайшее время. Ранее к нам шли аспиранты, которые имеют хороший опыт в биологии и нейронауке, что давало им возможность заниматься когнитивными исследованиями. Специально для таких аспирантов мы открыли англоязычную аспирантуру по междисциплинарным исследованиям когнитивных процессов. Пока что под вопросом – будут ли новые аспиранты (из трека «Образование и психология») подходить под эту программу аспирантуры?

Лаборатория киберпсихологии задействована в олимпиаде Open Doors с 2021 г. Сначала (в 2021 г.) автор статьи работала в составе жюри – оценивала задания олимпиады, которые составила методическая комиссия. В 2022 г. автор работала в самой методической комиссии. В 2023 г. – снова в составе жюри. Каждый год автор участвует и как потенциальный научный руководитель (ПНР) для аспирантов. Те, кто дошел до финала, на последнем этапе олимпиады проходят собеседование с ПНР. Поступить на программу аспирантуры в конкретный ВУЗ можно, только если ПНР из этого ВУЗа согласен взять руководство. Мы оцениваем сотрудничество с Open Doors как крайне позитивное. За первые два года к нам на «Междисциплинарные исследования когнитивных процессов» поступили шесть аспирантов.

Требования к ПНР можно уточнить в отделе, занимающемся вопросами аспирантуры, в своем ВУЗе (конечно, сначала стоит уточнить, является ли ВУЗ участником программы Open Doors). Чтобы финалист олимпиады записался к ПНР, последний должен быть представлен и узнаваем в научном поле. По опыту можем сказать, что потенциальные аспиранты обязательно, как минимум,

смотрят профили ПНР на платформе ResearchGate. Если читатель хочет поучаствовать как ПНР и еще не имеет заполненного профиля на ResearchGate, стоит этим обязательно заняться.

Мы рассмотрели действенный путь привлечения иностранных аспирантов в ВУЗы РФ. Но вопрос их удержания стоит остро. Приезжие аспиранты сталкиваются с разными проблемами, что может привести к их решению отчислиться и покинуть РФ.

Трудности коммуникации – самая общая проблема. При взаимодействии с иностранцами все должно быть четко и без возможности разночтений. Наличие разных чатов без централизованного канала связи приводит к недопониманию и даже недовольству. Если ВУЗ заинтересован в удержании иностранных аспирантов, стоит регулярно проводить и работу с сотрудниками, которые взаимодействуют с иностранцами. Вытекающая следующая проблема – трудности адаптации иностранцев. Здесь может помочь закрепление гида-волонтера за небольшой группой студентов-иностранцев.

По опыту можем сказать, что в работе с иностранцами желательно, чтобы был один конкретный человек, к которому они могут обратиться за помощью в определенной сфере. Если это касается учебного и научного процесса, этим человеком может быть научный руководитель. При отсутствии такого человека аспиранты теряются и начинают сами искать пути решения возникающих проблем, что приводит к негативу как со стороны иностранца, так и со стороны сотрудников ВУЗа (которые не понимают, с чем к ним пришли и по какой причине).

Еще одна важная проблема – это желание иностранных аспирантов обеспечивать себе жизнь в чужой стране. Они приезжают в РФ во взрослом возрасте и хотят зарабатывать. Многие надеются, что смогут получить ставку в ВУЗе, где обучаются, но это далеко не так. Предложение автора статьи – ввести программу локальных грантов (например, в рамках программы «Приоритет 2023») для аспирантов-иностранцев с конкретными KPI, которые будут выгодны трем сторонам – ВУЗу, научному руководителю и самому аспиранту. Например, каждый аспирант – участник программы будет обязан в течение года опубликовать статью по теме своей диссертации в высокорейтинговом журнале.

Выводы

Для привлечения иностранных аспирантов в ВУЗы РФ можно использовать конкурсы, которые предоставляют бесплатные места для обучения. Это дает ВУЗу разные выгоды: собственно увеличение доли иностранных студентов и аспирантов в общем контингенте, хорошие отчетные показатели, развитие компетенций преподавателей, увеличение нагрузки по кафедрам, привлечение новых преподавателей.

Для удержания иностранных студентов стоит проводить регулярную работу с соответствующим персоналом и организовывать мероприятия по поддержке аспирантов.

Список литературы

1. Open Doors. Russian Scholarship Project Association "Global Universities" [Электронный ресурс] // URL: https://od.globaluni.ru/ (дата обращения: 21.09.2023).

2. Демарева В.А. Внедрение англоязычных программ высшего образования: пути и цели в современных условиях // Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества; Гуманитарные науки. VIII Международная научно-практическая конференция; XXVII Нижегородская сессия молодых ученых. Нижний Новгород, 2022. С.112-114.

ПОДГОТОВКА К ВЫХОДУ НА ПЕНСИЮ КАК ЭЛЕМЕНТ ГЕРОНТОКУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА*

PREPARATION FOR RETIREMENT AS AN ELEMENT OF SOCIETY'S GERONTOCULTURE

И.Ю. Киселев,
А.Г. Смирнова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль
I.Yu. Kiselev
A.G. Smirnova
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

Рассматривается проблема подготовки к выходу на пенсию. Показано, что подготовка к выходу на пенсию осуществляется в рамках сложившейся в обществе геронтокультуры, в частности, с учетом устойчивых представлений о жизни на пенсии.

The issue of preparation for retirement is under discussion. It is demonstrated that preparation for retirement is realized in the framework of the established in the society gerontoculture, in particular, keeping in mind the preconceived representations about life in retirement.

Ключевые слова: геронтокультура, планирование выхода на пенсию, представления о жизни на пенсии

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР VIP-020.

Keywords: gerontoculture, planning of retirement, representations about life in retirement.

Актуальность обращение к проблеме подготовки к выходу на пенсию определяется продолжающимся реформированием пенсионной системы в России. В 25 декабря 2012 г. утверждена Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года [1], реализация которой позволит гарантировать социально приемлемый уровень пенсионного обеспечения и сбалансированность и долгосрочную финансовую устойчивость пенсионной системы.

Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы предполагает изменения подхода к пенсии.

Во-первых, согласно рассматриваемому документу, на пенсию не просто «выходят», а готовятся к этому процессу, планируют выход на пенсию. Фактически, положения стратегии отражают современное понимание планирования выхода на пенсию как целостного процесса, который включает финансовый, трудовой, профессиональный, социальный и другие аспекты.

Во-вторых, Стратегия предусматривает уход от уравнительного принципа начисления пенсии. В результате каждый индивид может выбрать и реализовать свою траекторию планирования выхода на пенсию на рынке труда, в профессиональной сфере, в сфере заботы о здоровье, в обеспечении финансового благополучия.

В-третьих, планирование выхода на пенсию предполагает участие представителей всех возрастных групп, а не только тех, кто приближается к пенсионному возрасту.

Теоретико-методологические основания для изучения подготовки россиян к выходу на пенсию представляет концепция геронтокультуры [2]. На макроуровне она проявляется в конкретных программах в русле проводимой социальной политики, образах старости, старения, сложившихся представлений о жизни на пенсии. При этом представления носят устойчивый характер, они исторически обусловлены. На мезоуровне можно говорить о геронтокультуре тех или иных социальных общностей. Представления о старости и ожидания о жизни на пенсии, о необходимости планирования и подготовки к данному этапу может отличаться у мужчин и женщин, у разных возрастных групп, у людей с разным уровнем образования и материального достатка. На микроуровне геронтокультура представлена индивидуализированными представления о старении, старости, жизни на пенсии, а также реализуемыми индивидами

стратегиями подготовки к выходу на пенсию в контексте уникального жизненного пути.

Геронтокультура создает контекст для реализуемой индивидом стратегии подготовки к выходу на пенсию. В частности, она задает представления о периоде жизненного пути, который связан с выходом на пенсию.

Анализ результатов эмпирических исследований позволяет сделать вывод, что в рамках российской геронтокультуры период пенсии наделяется преимущественно негативными смыслами. Например, в исследовании Т.С. Чуйковой и Т.М. Полькиной предпринимается попытка сравнить представления о выходе на пенсию трех групп: студентов, работающих граждан и пенсионеров [3]. Исследователи установили, что студенты ассоциируют выход на пенсию с приобретением новых социальных ролей (бабушка, дедушка), которые в целом оцениваются позитивно. Однако присутствуют и негативные ассоциации: ухудшение материального положения, изменения внешности, наступление старости, появление болезней. Присутствуют положительные ассоциации, связывающие наступление пенсии с отдыхом, возможностью путешествовать, иметь досуг. Однако подобные ассоциации редки.

У работающих респондентов представление о пенсии в целом схоже с тем, которое конструируют студенты. Различие состоит в том, что проблемы изменения внешности упоминаются реже, как и материальное положение. В фокусе внимания находится отсутствие необходимости работать на пенсии. Однако этот конструкт имеет нейтральную коннотацию.

У пенсионеров образ пенсии как периода жизни существенно отличается. Зачастую он ассоциируется с болезнями и низким материальным положением. Наличие свободного времени упоминается, но данная ассоциация имеет нейтральный характер. Изменяются социальные связи. Наряду с приобретением роли бабушки или дедушки (единственная положительная ассоциация) данный период жизни ассоциируется с одиночеством, потерей близких и друзей, ненужностью [3].

Анализ ассоциаций, с одной стороны, позволяет предположить, что разные поколения воспринимаю период жизни на пенсии иначе и, следовательно, обозначат для себя более важные направления подготовки к ней. Например, для молодежи может быть актуальным аспект, связанный со стремлением избежать на пенсии снижения уровня жизни и последствий старения, которые заметны во внешности. Соответственно, они могут рассматривать финансовое планирование и здоровьесбережение как избегание старения в качестве наиболее важных направлений подготовки к выходу на пенсию. У представителей среднего

поколения более значимым окажется направление, связанное с обеспечением занятости и заботой о здоровье. Фактически, негативный образ жизни на пенсии и выявление основных рисков, свойственных этому периоду, может мотивировать на подготовку к данному периоду жизни.

С другой стороны, устойчивый негативный образ жизни на пенсии может приводить к снижению мотивации изменений. Под воздействием социальных ожиданий меняется модель поведения. Если жить на пенсии для большинства – это значит испытывать нужду, болеть, быть одиноким, то эта модель начинает реализовываться в поведении. Пытаться что-то изменить, значит не соответствовать разделяемым смыслам.

В связи с этим подготовка к выходу на пенсию предполагает «работу со смыслами». Например, в англоязычном дискурсе предпринимаются попытки отказаться от слова «retirement», означающее «отставка», «отход», «отступление», и заменить его другими конструктами. В качестве замены предложено слово «renewment», которое образовано от исходного слова «retirement» и «renewal» – обновление, то есть перерождение, выбор, возможности, личностный рост. Фактически выход на пенсию предлагается рассматривать не как отставку, то есть прекращение значимой деятельности, а как время возможностей, изменений, формирования новой идентичности, постановки новых целей [4].

Субъектами конструирования новых смыслов о жизни на пенсии выступает молодежь. Подтверждением может служить появление в ряде стран, в том числе в России, движения FIRE (Financial Independence, Retire Early) – финансовая независимость и ранняя пенсия [5]. Стремление молодых людей сделать сбережения на будущее обусловлены тем, чтобы побыстрей прекратить трудовую деятельность и посвятить себя тому, что доставляет удовольствие, – отдыху, путешествиям, творческим проектам и всему тому, что откладывалось на потом по причине нехватки времени и необходимости работать и зарабатывать.

Конструируя образ жизни на пенсии, с точки зрения новых смыслов, субъекты иначе будут подходить к подготовке к данному этапу жизненного пути.

Список литературы

1. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ № 2425 от 25 декабря 2012 г. // Официальный сайт Минтруд России [Электронный ресурс] // URL: https://mintrud.gov.ru/docs/government/174 (дата обращения: 29.04.2023)

2. Лемиш В.В. Подготовка к выходу на пенсию как элемент геронтокультуры // Омский научный вестник. 2015. № 4(141). С. 126.

3. Чуйкова Т.С., Полькина Т.М. Изучение социальных репрезентаций, связанных с выходом на пенсию: кросс-культурное сравнение // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 89-102.

4. Dennis H., Fike K.T. Retirement Planning: New Context, Process, Language, and Players // The Oxford Handbook of Work and Aging / Ed. by J. W. Hedge & W. C. Borman. New York, NY: Oxford University Press, 2012. Pp. 542-543.

5. Слащинина А.П. Феномен «young retiree» как отражение ценностных ориентаций современной молодежи // Человек в информационном обществе: Сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина, Самара, 28–30 апреля 2021 года. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2021. С. 139-142.

КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТЬ НА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ
CUSTOMER CENTRICITY IN THE MUNICIPAL SERVICE

Т.В. Конкина
Департамент кадровой политики и развития муниципального управления Администрации г.Нижнего Новгорода, г. Нижний Новгород
В.Е. Рак
Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Нижегородской области, г. Нижний Новгород
T.V. Konkina
Department of Personnel Policy and Development of Municipal Administration of the Administration of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod
V.E. Rak
Ministry of Energy and Housing and Communal Services Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod

Рассматривается клиентоцентричность процесса взаимодействия органов местного самоуправления с населением. Обосновывается подбор инструментов для оценки взаимодействия, в связи с чем «Лестница обслуживания покупателей» Дж.Гитомера применяется как один из инструментов анализа этого взаимодействия.

The client-centricity of the process of interaction between local governments and the population is considered. The selection of tools for assessing interaction is

substantiated, in connection with which the “Customer Service Ladder” by J.Gitomer is used as one of the tools for analyzing this interaction.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, клиентоцентричность, взаимодействие с населением

Keywords: municipality, client centricity, interaction with the population

Повышение клиентоцентричности государственного управления, формирование «государства для граждан» является необходимым условием достижения целей социально-экономического развития России [1]. Есть жесткий запрос населения на клиентоцентричность органов власти, особенно органов местного самоуправления. Клиентоцентричный подход предполагает выстраивание государственной политики таким образом, чтобы результативно отвечать на запросы гражданина, предлагать ему услуги и сервисы в конкретной жизненной ситуации. Потребности гражданина должны стоять в фокусе внимания всех государственных структур.

Отсутствие клиентоцентричного подхода проявляется в игнорировании обращений граждан, нарушении сроков предоставления ответов на их запросы, формальном подходе к решению вопросов, в нарушении этики поведения служащих. Изменение ситуации возможно через развитие муниципальных служащих как носителей уровня власти. Именно они непосредственно контактирует с гражданами и решают их проблемы. Клиентоцентричность может так и остаться декларируемым принципом корпоративной культуры органов местного самоуправления, если такие ценности, как служение, лидерство, объединение, не станут ценностями конкретного муниципального служащего.

В Нижегородской области разработана специальная образовательная **программа по человекоцентричности для государственных и муниципальных служащих**, созданная специалистами Центра управления регионом и КУПНО. Целью программы является изменение модели поведения сотрудников органов власти, которые напрямую работают с гражданами и бизнесом, от «выполняю поручения» до «решаю проблему заявителя». Программа реализуется в пилотных муниципалитетах (Министерство спорта, Министерство экологии, Министерство кадровой политики Нижегородской области, муниципалитеты Дзержинска, Бора и Кстово). В дальнейшем её намерены распространить на все районы области.

Однако, только ежедневная практика взаимодействия муниципальных служащих с населением может быть, с одной стороны, показателем достижения клиентоцентричности и, с другой стороны, возможностью сформировать ее. Еще

в начале нулевых Дж.Гитомером, известным специалистом в сфере маркетинга услуг и клиентоцентричности, была предложена «Лестница обслуживания покупателей» [2], позволяющая выявить и понять оценку уровня их лояльности. Дж.Гитомер выделил три ступени удовлетворённости клиента, которые являются минимально приемлемыми. С нашей точки зрения, эта модель может быть удобна для оценки клиентоцентричности муниципальных служащих через характеристики обратной связи. Низшая ступень удовлетворенности может проявляться в удовлетворении покупателя, в повторном обращении за услугой, может рассказать о своем опыте взаимодействия и решения проблем другим людям и будет рекомендовать, если только его спросят. О средней ступени удовлетворенности можно говорить, когда, по оценке обращающегося, он «очень удовлетворен», рассказывает и рекомендуем другим людям и вновь обращается для решения других проблем. Высшая ступень свидетельствует о лояльности обращающего, он рассказывает и активно рекомендует всем и всегда возвращается вновь. Но при этом выделена и «подземная» часть «Лестницы», первая ступень которой предполагает минимально приемлемый уровень взаимодействия, при котором обращающийся никому не рассказывает о результатах взаимодействия, повторное взаимодействие возможно только в случае необходимости. На ступени «Звонок тревоги» обращающийся расстроен, рассказывает о неудачном опыте взаимодействия, как минимум, 10 людям, никому не рекомендует и обращается повторно по истечении длительного срока. На следующих двух ступенях расстроен и считает, что с ним поступили несправедливо, рассказывает всем при любой возможности о неудачном опыте обращения, рекомендует не обращаться, и сам настроен никогда не обращаться. На ступени «Поминальный колокол» обращающийся подает в суд, рассказывает «всему городу» о неприемлемом качестве взаимодействия.

Нет более высокого достижения (ступени лестницы), чем лояльность. Удовлетворение – наименьший приемлемый уровень (ступень) обслуживания. «Подземные» ступени отражают ситуацию недопустимого уровня взаимодействия органов власти (муниципалитета) и граждан. Анализируемые автором индикаторы могут быть использованы и при оценке уровня клиентоцентричности муниципальных служащих в ходе взаимодействия с гражданами.

Государство может тратить средства на обучение представителей органов власти, но проблема в том, что так и остается разрыв между работой в учебном в том числе, тренинговом, режиме и применением знаний на практике. Проводя аналогию между государством и бизнесом, можно констатировать следующее: чем крупнее компания, тем хуже сервис. Работники крупных компаний (за

редким исключением) оказываются невнимательными, думают только о себе, работают строго с 9 до 17 часов и часто повторяют: «это не моя работа», «это не моя вина». Что еще хуже, директора таких компаний с разными интересными должностями полны решимости полностью отстранить человеческие существа от ответов на телефонные звонки. Несмотря на наличие программ повышения квалификации, связанных с клиентоориентированостью в сфере ГМУ, реализация механизма претерпевает большие трудности. Проблема проявляется не столько в сроках и качестве оказания услуг, сколько в организации процесса взаимодействии как с гражданами, так и с коллегами.

На уровне муниципалитета цифровая трансформация создает новые возможности обеспечения клиентоцентричности оказания услуг. Важно учитывать, что деятельность органов власти при осуществлении государственной политики, в ходе регулирования и реализации контрольно-надзорной и разрешительной деятельности предъявляет высокие требования к служащим [3]. Результатами этой деятельности являются как услуги, оказываемые конкретным клиентам (гражданам и бизнесу), так и коллективные общественные блага (например, безопасность, защищенность от определенных видов риска для охраняемых законом ценностей).

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. N 2816-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110070028

2. Гитомер Дж. Удовлетворение покупателя – ничто, покупательская лояльность – все. – СПб.: Питер, 2004. – 256 с. илл. – (Серия «Деловой бестселлер»)

3. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / под ред. О. В. Линник, А. В. Ожаровского, М. С. Шклярук. – Москва: РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. – 180 с.

ДОСТУПНОСТЬ МЕДИАТИВНЫХ УСЛУГ (КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ И ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТЫ)

AVAILABILITY OF MEDIATION SERVICES (CATEGORICAL AND AGE ASPECTS)

А.В. Мигунова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
A.V. Migunova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматриваются виды доступности медиативных услуг в современном российском обществе с учетом отраслей медиации и категорий граждан, обращающихся к данной процедуре.

The types of availability of mediation services in modern Russian society are considered, taking into account the branches of mediation and categories of citizens applying to this procedure.

Ключевые слова: медиация, медиативные услуги, доступность медиации
Keywords: mediation, mediation services, availability of mediation

Внедрение в российском обществе практики применения процедуры медиации для урегулирования споров, возникающих в различных сферах жизнедеятельности, тесно сопряжено с проблемой доступности медиативных услуг для населения. Изучение этой проблемы требует понимания многогранности проявления доступности и, следовательно, различных возможностей или ограничений доступа к медиации. В научной литературе можно встретить выделение следующих видов доступности услуг: географическая, транспортная, физическая, финансовая, временна́я, информационная и, наконец, доступность, формируемая под воздействием социокультурной среды [1]. Рассмотрим их применительно к услугам в области медиации.

Географическая доступность предполагает территориальную близость специалистов и учреждений, предоставляющих медиативные услуги, по отношению к месту жительства потенциальных получателей этих услуг.

Транспортная доступность означает наличие маршрута общественного транспорта, его фактическое функционирование и возможность воспользоваться им для обращения к специалистам и в учреждения, предоставляющие медиативные услуги.

Под физической доступностью подразумевается оснащенность организаций специальными приспособлениями для лиц с ОВЗ и маломобильных граждан.

Финансовая доступность предусматривает наличие денежных средств на оплату медиативных услуг или на затраты, косвенно связанные с получением этих услуг.

Под временно́й доступностью мыслится наличие ресурсов времени для обращения за услугой медиации, в том числе временны́е затраты на поиск информации о медиации и способах ее получения.

Информационная доступность проявляется в распространенности информации о медиации, процедуре обращения и местах проведения, позволяющей гражданам воспользоваться ею.

Доступность, формируемая под воздействием социокультурной среды, может быть связана с социально-психологическими характеристиками человека, способствующими/препятствующими обращению за медиацией, а также с отношением общества к получению медиативных услуг.

Кратко описав смысловое наполнение того или иного вида доступности медиации, перейдем к примерам, отражающим текущее состояние некоторых из них. При этом важно отметить, что последующее изложение будет осуществляться с допущением, что есть профессиональные кадры, как имеющие право осуществлять данную процедуру, так и реально практикующие медиацию. Вопрос количества и, соответственно, достаточности кадров требует отдельного изучения, так как его понимание тесно связано с представлением о востребованности данной услуги. Проблема требований к медиаторам, включая их квалификацию, ее подтверждение, оценки качества работы, будет также вынесена за пределы данного обсуждения.

Географическая доступность медиативных услуг. С одной стороны, на нее может негативно влиять неравномерность развития медиации (в общем и по отраслям медиации, в частности) в разных регионах России, с другой стороны – развитие информационных технологий делает возможным использование онлайн-медиации, которая снимает географические барьеры.

Финансовая доступность медиативных услуг. Воспользоваться услугами медиатора сегодня можно как бесплатно, так и за плату в государственных, коммерческих и некоммерческих организациях. Среди тех, кто может претендовать на бесплатное оказание медиативных услуг, например, учащиеся школ в Школьных службах медиации/примирения или получатели социальных услуг в государственной системе социального обслуживания. Так, в окружных службах медиации, сформированных на базе семейных центров,

подведомственных Департаменту труда и социальной защиты населения города Москвы, «медиация предоставляется бесплатно, если семья признана нуждающейся в социальных услугах. В остальных случаях услуга может быть оказана на платной основе» [2].

Другие категории населения в большинстве случаев могут прибегнуть к процедуре медиации только на платной основе. В качестве примера исключения можно привести выдержку из Правил проведения процедуры медиации АНО «Научно-методический центр медиации и права»: «Медиация осуществляется, как правило, на платной основе. …Для содействия доступу к медиативной помощи социально незащищенных, малообеспеченных, оказавшихся в ситуации социального неблагополучия граждан, а также в целях содействия распространению медиативной практики, при Центре действует Медиативная клиника, предоставляющая медиативную помощь на безвозмездной основе» [3].

Медиативные услуги отличаются дороговизной. Кроме того, существует проблема самостоятельного точного определения потенциальными клиентами суммы расходов на медиацию в связи с разнообразием сборов, степенью сложности случая и индивидуального подхода к оценке стоимости процедуры.

Когда же речь заходит о возможности применения судебной медиации, то вопрос оплаты может стать решающим в ее выборе (а точнее, отказе от нее), поскольку другой альтернативный способ урегулирования конфликта, который может быть использован в суде, – судебное примирение – предоставляется сторонам спора бесплатно.

Информационная доступность медиативных услуг. Говоря о доступе к информации о медиации, стоит различать информацию о медиации как методе разрешения конфликтов и информацию о получении медиации как услуги. Если в первом случае проблем с поиском материала не возникает, и в интернете, например, легко найти подробные и понятные сведения о данной процедуре, то во втором случае есть существенные трудности.

Инструменты обеспечения информации различают по величине охвата аудитории: универсальные, которые направлены на все население, и специализированные, направленные на конкретную социальную группу. Применяя эту классификацию к предоставлению информации о медиативных услугах, к универсальным инструментам, пожалуй, можно отнести сайты учреждений, выступающих провайдерами медиативных услуг, и сайты профессиональных объединений медиаторов (например, сайт Национальной Ассоциации профессиональных медиаторов «Паритет» [4]). Общероссийского реестра медиаторов и/или реестра организаций, предоставляющих медиацию, нет. К специализированным инструментам причислим: для проведения судебной

медиации – сайты судов; для решения коммерческих споров – сайт Торгово-промышленной палаты (например, страница Коллегии посредников (медиаторов) при ТПП Нижегородской области [5]); для разрешения конфликтов с участием несовершеннолетних – Реестр некоммерческих организаций, применяющих восстановительные, а также медиативные технологии на сайте ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» [6].

По способу взаимодействия с гражданами при обеспечении информацией различают прямое (личное) и опосредованное взаимодействие. В качестве примера, предполагающего оба варианта, можно назвать Горячую линию по вопросам урегулирования конфликтов в школе, медиации и примирения в образовательных организациях, организованную на базе ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», куда можно позвонить по телефону, и возможность получения онлайн-консультации через форму обращения на специализированной странице официального сайта этого учреждения.

Итак, обозначив виды доступности медиативных услуг, особое внимание было уделено географической, финансовой и информационной доступности медиации для различных групп населения в современной России. Сделан акцент на проблемах ее территориальной распространенности, конкурентоспособности с учетом стоимости, а также недостатка сведений в открытом информационном пространстве о том, где можно получить услуги медиатора.

Список литературы

1. Управление программами социального обслуживания и социальной помощи/ под ред. А.Л. Александровой. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2007. – С. 184-186.

2. Портал «Мой семейный центр» // URL: https://xn--e1aaancaqclcc7aew1d7d.xn--80adxhks/city-projects/beskonfliktnoe-obshhenie-osnovy-mediativnogo-podhoda/ (дата обращения: 30.06.2023).

3. АНО «Научно-методический центр медиации и права». Правила проведения процедуры медиации // URL: https://mediacia.com/wp-content/uploads/2018/08/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

4. Национальная ассоциация профессиональных медиаторов «Паритет». Список членов Ассоциации // URL: https://mediation-parity.ru/list (дата обращения: 30.06.2023).

5. Коллегия посредников (медиаторов) при ТПП Нижегородской области // URL: https://nnov.tpprf.ru/ru/page12.php?clear_cache=Y(дата обращения: 30.06.2023).

6. ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей». Реестр некоммерческих организаций, применяющих восстановительные, а также медиативные технологии// URL: https://fcprc.ru/mediacia/reestr-2020-tso-2/ (дата обращения: 30.06.2023).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖКИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

REGIONAL PRACTICES OF CHARITY SUPPORT

Т.Э. Петрова
Российский технологический университет – МИРЭА, г. Москва
T.E. Petrova
Russian Technological University – MIREA, Moscow

Рассматриваются вопросы поддержки благотворительности в российских регионах. Анализ мер поощрения участников благотворительной деятельности в субъектах Российской Федерации показал, что в регионах, где содействие развитию благотворительности закреплено законодательно на уровне субъекта Российской Федерации, систематически реализуется более широкий перечень форм поощрения граждан и организаций.

The article deals with the issues of charity support in Russian regions. The analysis of measures to encourage participants of charitable activities in the constituent entities of the Russian Federation has shown that in the regions where the promotion of charity is legislated at the level of the constituent entity of the Russian Federation, a wider list of forms of encouragement of citizens and organisations is systematically implemented.

Ключевые слова: государственная поддержка, взаимодействие, благотворительность

Keywords: state aid, cooperation, volunteers

На 56ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 января 2002 г. была подписана Резолюция ООН A/RES/56/38, которая содержала рекомендации по поддержке добровольчества (волонтерства) – содействовать вовлечению добровольцев в социальное развитие, в частности, поощряя правительства разрабатывать на основе учета мнений всех заинтересованных сторон всеобъемлющие стратегии и программы, повышая уровень информированности

общественности о ценности и возможностях работы на добровольных началах и содействуя созданию для отдельных лиц и других представителей гражданского общества благоприятных условий для участия в добровольной деятельности, а для частного сектора условий, позволяющих ему оказывать поддержку такой деятельности [1].

Направления развития благотворительной деятельности отражены в Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2019 г. № 2705-р) [2].

Минэкономразвития России в 2021 г. проанализировало опыт 76 субъектов Российской Федерации и обобщило практики по взаимодействию региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления с благотворительными организациями и иными участниками благотворительной деятельности.

Анализ показал, что в 17 субъектах Российской Федерации приняты отдельные законы о благотворительной деятельности, в остальных регламентация осуществляется в рамках законодательства о поддержке НКО.

В 8 субъектах Российской Федерации разработаны государственные программы или стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, включающие мероприятия по содействию развитию благотворительной деятельности.

В настоящее время субсидии НКО предоставляются 12 субъектами Российской Федерации, данная практика реализуется в Волгоградской области, Липецкой области (объём субсидий – 2 млн руб. ежегодно), Псковской области, Республике Коми, Самарской области, Тамбовской области (объем субсидий – 200 тыс. руб. ежегодно), Хабаровском крае (общая сумма субсидий – 4 млн руб.).

В большинстве субъектов Российской Федерации приняты законы об имущественной поддержке НКО или порядке предоставления им собственности, в 57 субъектах Российской Федерации предусмотрены различные меры имущественной поддержки.

Дополнительные меры налоговой поддержки благотворительных организаций предусмотрены в 16 субъектах Российской Федерации:

= льготы по налогу на имущество организаций (Московская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Самарская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область);

= установление пониженных ставок налога на прибыль организаций для отдельных категорий СОНКО (Костромская область, Самарская область, Томская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра);

= установление пониженных налоговых ставок при применении УСН (Кемеровская область, Костромская область, Псковская область, Республика Алтай, Республика Хакасия, Удмуртская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область, Чувашская Республика, Ямало-Ненецкий автономный округ);

= льготы по транспортному налогу (Московская область, Республика Адыгея, Республика Саха (Якутия).

В большинстве субъектов Российской Федерации некоторые из перечисленных мер налоговой поддержки появились в 2020 г. в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции.

Образовательные программы и курсы повышения квалификации для представителей благотворительных организаций реализуются в 33 субъектах Российской Федерации на базе образовательных учреждений и региональных ресурсных центров, в том числе при участии экспертов крупных благотворительных фондов.

В 39 субъектах Российской Федерации действуют совещательные (координационные) органы по вопросам развития благотворительной деятельности, в 13 регионах они занимаются исключительно вопросами благотворительности, в 19 существуют межведомственные (координационные) советы по развитию добровольчества (волонтерства) и (или) НКО.

В 64 субъектах Российской Федерации оказывается информационная поддержка деятельности благотворительных организаций посредством размещения соответствующих материалов в региональных государственных информационных системах, на официальных сайтах региональных органов исполнительной власти в сети «Интернет», их официальных страницах в социальных сетях, официальных сайтах региональных ресурсных центров в сети «Интернет», а также в региональных печатных и электронных СМИ.

В 46 субъектах Российской Федерации информационно-консультационная поддержка благотворительных организаций оказывается преимущественно на базе специализированных организаций – ресурсных центров.

Меры стимулирования участия коммерческих организаций в благотворительной деятельности реализуются в 16 субъектах Российской Федерации. Налоговые преференции организациям, осуществляющим пожертвования, предусмотрены в 6 субъектах Российской Федерации (Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Челябинская область) и

предполагают право на инвестиционный налоговый вычет, льготы по налогу на имущество организаций и льготы по налогу на прибыль организаций.

Меры поощрения участников благотворительной деятельности предусмотрены в 57 субъектах Российской Федерации. Наиболее распространенной практикой поощрения участников благотворительной деятельности является вручение грамот, благодарственных писем и почетных званий.

В то же время в субъектах Российской Федерации, где поддержка благотворительной деятельности не выделяется в отдельное направление внутренней политики и рассматривается как одна из составляющих содействия развитию добровольчества (волонтерства) в регионе, поощрение участников благотворительности либо отсутствует, либо осуществляется в рамках поощрения добровольцев (волонтеров) преимущественно в форме награждения грамотами и вручения благодарственных писем [3].

Список литературы

1. Оганесов Г.Л. Волонтерская деятельность в социальной работе// Научный Лидер. 2022. № 29 (74). С. 50-51.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2019 г. № 2705-р.
3. Письмо Минэкономразвития России от 21 октября 2021 г. № 36329-ТИ/Д04и.

ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПРОВЕДЕНИИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

APPLICATION OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS IN CONDUCTING HR POLICY OF THE ENTERPRISE

А.В. Столярова
Акционерное общество «Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт имени академика А.И. Берга», г. Москва
A.V. Stolyarova
JSC «Central Scientific Research Radio Engineering Institute named after academician A.I. Berg», Moscow

Рассмотрены критерии, характеризующие эффективность работы кадровой службы на основании объективных социологических закономерностей в анализе

при отборе трудовых ресурсов, которые должны учитываться кадровой службой для повышения эффективности кадровой политики и обеспечения основных направлений деятельности предприятия.

The criteria characterizing overall performance of HR department on the basis of objective sociological regularities in the analysis at selection of human resources which have to be considered by HR department for increase in efficiency of personnel policy and providing the main activities of the enterprise are considered.

Ключевые слова: кадровая служба; кадровая политика; персонал предприятия; компетенции, каталог компетенций, модель компетенций; резерв кадров, отбор кадров; подготовка специалистов.

Keywords: HR department; personnel policy; personnel of the enterprise; competences, directory of competences, model of competences; personnel pool, selection of frames; training of specialists.

Изменившиеся условия мирового экономического развития вывели персонал на новый уровень и заставили рассматривать его как определенный стратегический фактор, который определяет дальнейшее развитие предприятия.

Основными характеристиками персонала предприятия являются его численность и структура.

Для раскрытия потенциала работников на предприятиях существуют кадровые службы – специализированные структуры с занятыми в них должностными лицами, призванными управлять персоналом в рамках избранной кадровой политики.

Кадровые службы предприятий и организаций действуют в рамках определенных теорий управления персоналом. Кадровые работники занимаются не только приемом на работу, но и планированием потребности в персонале, составлением кадровых резервов, участвуют в разработке стратегий развития предприятия, расширении социальных гарантий работникам.

Управление персоналом через кадровые службы охватывает такие области, как планирование кадров, планирование работы с кадрами, определение кадрового потенциала, оценку персонала, стимулирование трудовой деятельности, организацию труда и множество других аспектов. Кадровые службы и проводимая ими кадровая политика стали методическими, информационными и координирующими центрами работы с персоналом.

Для координации работы с персоналом разрабатываются концепции управления, под которыми понимается система взглядов на понимание и определение сущности, содержания, целей, задач и методов управления персоналом. Такая концепция должна включать методологию управления, систему и технологию управления персоналом. Методология связана с

рассмотрением сущности персонала как объекта управления и подбором определенных методов и принципов управления им. Система кадрового управления связана с разработкой целей и задач, а также функций и организационной структуры управления. Технология управления персоналом предполагает проведение мероприятий по поиску, отбору и приему персонала, его оценке и обучению, а также организации труда, стимулированию трудовой деятельности.

Методология управления связана с применением определенных методов управления, под которыми понимаются способы воздействия на персонал с целью осуществления координации деятельности в процессе функционирования организации [1].

Основными методами управления являются: административные на основе правового регулирования; экономические на основе экономического стимулирования и социально-психологические, на основе создания творческой атмосферы, социальной и моральной мотивации и стимулирования труда.

Названные выше методы позволяют развить внутренний потенциал работника и эффективные коммуникации в трудовом коллективе.

Для проведения исследования применена модель компетенций в оценке работников на предприятии, а также роль человека в процессе производства, были применены теоретические методы научного исследования, основанные на осмыслении, систематизации и переработке полученного материала – получение информации, её социологический анализ, обобщение и классификация, и как результат – выработка аналитического решения по подбору работников на основе модели компетенций по результатам проведения социологического анализа их деятельности.

Подбор работников по модели компетенций предусматривает оценивание фактического уровня развития каждой компетенции у работника с последующим его сравнением с требуемым уровнем путем проведения социологического анализа.

Данное оценочное мероприятие заключается в сборе информации о сотруднике от руководителя, коллег, подчиненных, клиентов, а также сюда включается и самооценка.

Для сбора информации о сотрудниках предлагается использовать опросник, основанный на компетенциях, который уже используется в организации, и модель, разработанную совместно с экспертной группой. Этот подход к оценке и развитию наиболее популярен в мировой и отечественной управленческой практике [2].

Применение Модели компетенций позволяет отсеивать кандидатов,

формировать программы профессионального обучения для устранения пробелов в знаниях, определять уровень оплаты труда в рамках вилки оклада, сравнивать работников по уровню профессионализма, учитывать это при назначении на высшую должность.

Оценка работников на основании Модели компетенций даёт возможность определить дальнейшую работу руководителя с подчинёнными: зачисление в кадровый резерв, развитие недостающих компетенций, увольнение.

Основной целью изложенных материалов является применение их в работе кадровых служб предприятий для совершенствования своей работы в целях повышения её эффективности.

Список литературы

1. Управление персоналом организации: Учебник/ Под ред. А.Я. Кибанова. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА – М, 2010. – 695 с. – (Высшее образование).

2. Флетчер К. Performance Apraisal. Оценка и обратная связь. (Практические аспекты эффективности работы). – М.: HIPPO PUBLISHING, 2016. – 288 с.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОЛЕССКОГО РЕГИОНА*

REVIVAL AND PRESERVATION OF OBJECTS OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF THE POLESSKY REGION

Л.В. Гавриловец
Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина, г. Мозырь
L.V. Gavrilovets
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakina, Mozyr

Анализируются объекты нематериального культурного наследия Полесского региона, получившие на современном этапе развития белорусского государства и общества статус историко-культурной ценности и вошедшие в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, а также потенциальные объекты на включение в данный список.

The article analyzes the objects of the intangible cultural heritage of the Polesie region, which at the present stage of development of the Belarusian state and society have received the status of historical and cultural value and are included in the state list of historical and cultural values of the Republic of Belarus, as well as potential objects for inclusion in this list.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, историко-культурная ценность, Полесье.

Keywords: intangible cultural heritage, historical and cultural value, Polissya.

Нематериальное культурное наследие, или «живое наследие», как правило, представлено обычаями, традициями и связанными с ними предметами, артефактами, которые передаются из поколения в поколение и призваны формировать чувство этнической самобытности и преемственности. На современном этапе развития государства и общества уникальные народные традиции тоже включены как в международные, так и республиканские экскурсионные программы, предусматривающие возможность посетить объекты нематериального культурного наследия.

Наиболее богатым на объекты нематериального культурного наследия в Республике Беларусь является Полесский регион, или Полесье, под которым

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору №1410/2021 от 22.03.2021

понимается Брестская область (Западное Полесье) и Гомельская область (Восточное Полесье). В Брестской области, или Западном Полесье, по состоянию на 1 января 2023 г. насчитывается 23 объекта нематериального культурного наследия. По количеству объектов нематериального культурного наследия Брестский регион в Республике Беларусь занимает первое место и является потенциальным претендентом на включение в государственный список историко-культурных ценностей новых объектов, среди которых можно назвать обряд «Зеленец», блюдо из льняного семени макуха, а также один из местных диалектов «симоновичский язык» [1].

Среди районов Брестской области, где возрождают и сохраняют уникальные традиции белорусов, получившие статус историко-культурных ценностей, можно назвать Березовский, Ивановский, Столинский, Малоритский и Дрогичинский районы. В Березовском районе статус историко-культурной ценности присвоен 6 объектам нематериального наследия.

В Гомельской области, или Восточном Полесье, насчитывается 15 объектов нематериального культурного наследия. В 2022 г. статус историко-культурной ценности был присвоен народной кулинарной традиции приготовления «блюда из тертого картофеля». «Блюда из тертого картофеля» включают такие виды традиционных блюд, как драники, бабка, картофельные блины. В этом же году данный статус получила народная традиция изготовления припятского челна. Традиция изготовления припятского челна сохраняется мастером из д. Переров Житковичского района Л. Швец. Данные челноки используются во время проведения соревнований на этнографическом фестивале «Зов Полесья» [2]. Из 15 объектов Гомельского региона 2 элемента нематериального наследия – «Юрьевский хоровод» (д. Погост, Житковичский район), культура лесного бортничества (Лельчицкий район) включены в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Перечень объектов нематериального культурного наследия Полесского региона представлен в таблице 1.

Таблица 1

Список историко-культурных ценностей Брестской и Гомельской областей

Название объекта нематериального наследия	Место расположения	Дата включения в список ИКЦ РБ
Художественные практики соломоплетения	Брест, Пинск, д. Тельмы Брестского р-на, г.п. Октябрьский, Ельск, Жлобин, Хойники, Мозырь	20.02.2020
Искусство резьбы	Береза, Кобрин, Лунинец, Гомель, Ветка, Калинковичи	20.04.2021

Блюда из тертого картофеля	Ельский, Жлобинский, Добрушский, Пинский, Пружанский, Кобринский Дрогичинский р-ны	14.05.2022
Традиционная роспись по стеклу	Береза, Пружаны, аг. Спорово, Стригин	20.03.2023
Технология изготовления щепной птицы-оберега	Березовский р-н	02.08.2016
Народный танец «Споровская полька»	аг. Спорово, Березовский р-н	02.08.2016
Традиция приготовления рыбы, сушеной в печи на соломе, и блюд на ее основе	Березовский р-н, аг. Пески, Спорово,	10.09.2019
Традиция поминовения предков	Ганцевичский р-н	02.08.2016
Весенний обрядовый хоровод «Стрелка»	аг. Бездеж, Дрогичинский р-н	19.03.2019
Свадебная каравайная традиция	д. Мотоль, Ивановский р-н	02.08.2016
Технология изготовления деревянной бондарной посуды	г. Иваново, Ивановский р-н	10.03.2021
Традиция изготовления и использования наряда леликовской свахи	Кобринский р-н	10.05.2018
Обряд «Вождение Куста»	аг. Лобча, Лунинецкий р-н	02.08.2016
Традиция изготовления гречневого хлеба	Малоритский р-н	20.02.2020
Традиционная технология ткачества «кожушком»	г. Малорита, Малоритский р-н	20.03.2023
Традиция весенних хороводов «Проводы зимы»	д. Пинковичи, Пинский р-н	03.01.2020
Традиции гончарного производства с аутентичными элементами	д. Городная, Столинский р-н	12.09.2011
Обряд «Коники»	г. Давыд-Городок, Столинский р-н	03.01.2020
Обряд «Вождения Сулы»	Гомельский р-н	19.03.2019
Обряд «Вождение и похороны стрелы»	Ветковский р-н	28.10.2022
Неглюбская народная текстильная традиция	Ветковский р-н	02.08.2016
Обряд «Юрьевский хоровод»	д. Погост, Житковичский р-н	14.05.2007
Традиция изготовления припятского челна	д. Переров, Житковичский р-н	19.08.2022
Песенный стиль Туровского междуречья Припяти – Ствиги	Житковичский р-н	02.08.2016
Традиция поклонения каменным крестам («каменная девочка»)	д. Данилевичи, д. Боровое, Лельчицкий р-н	02.08.2016

Лесное бортничество	Лельчицкий р-н	23.11.2017
Обряд «Проводы русалки»	д. Великий Бор, Хойникский р-н	02.08.2016
Обряд гуканне весны «Чырачка»	аг. Тонеж, Лельчицкий р-н	02.08.2016

Источник: [3]

Из приведенного перечня объектов нематериального культурного наследия необходимо выделить традиционную технологию ткачества «кожушком». Она получила свое распространение в Малоритском районе Брестской области и носит местное название «кожушок». Особенность технологии заключается в том, что уточная нить одновременно образует узор и фоновое полотно, которые практически нельзя отличить друг от друга. Изготовленная с помощью данной технологии ткань используется для пошива традиционной женской одежды. Особый интерес вызывает костюм леликовской свахи, который до сих пор изготавливают и носят во время свадьбы женщины д. Леликово и д. Повитье Кобринского района. Отличительной особенностью костюма свахи является орнамент в виде глаз, которые нашиваются на юбку, фартух и сорочку. Костюм дополняет кокошник – необычный головной убор, украшенный разноцветными петушиными перьями. Кроме того, по народной традиции на свадьбе должно присутствовать от 5 до 15 свах, а глаз на их костюмах означает, что нужно все видеть, всеми руководить и хорошо знать свадебный обряд.

Объекты нематериального культурного наследия являются важным источником культурного разнообразия и устойчивого развития Полесского региона, сохранения национальной самобытности, способствуют формированию национального самосознания и развития интереса к народным традициям, в культурном и духовном плане обогащают население региона.

Список литературы

1. Список нематериального культурного наследия в Брестской области пополнился двумя объектами / Савецкае Палессе. – 2023. – 10 марта [Электронный ресурс] // URL: https://www.gants.by/hramadstva/111397.html. (дата обращения: 20.04.2023).

2. Историко-культурные ценности / Главное управление идеологической работы, культуры и по делам молодежи Гомельского облисполкома [Электронный ресурс] // URL: http://gomeloblikm.by/ru/icc-ru/. (дата обращения: 20.04.2023).

3. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс] // URL: http://gosspisok.gov.by/Home/Index. (дата обращения: 20.04.2023).

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ ЭНТУЗИАЗМА У МОЛОДЕЖИ

A STUDY OF NEUROPHYSIOLOGICAL CORRELATES OF ENTHUSIASM IN YOUNG PEOPLE

Гергес Марина Малак Бешара
Аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий ФСН, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Египет
Gerges Marina Malak Beshara
Lobachevsky University, Egypt

Исследование посвящено изучению реакции организма на энтузиазм и его влияние на цели и поведение. Измерялись кортизол, ЭЭГ и ВРС в ответ на стимулы и вознаграждения. Результаты показали, что энтузиазм, вызванный видеороликами и мотивацией, улучшал усердие, что отражалось в психофизиологических данных. Это может помочь повысить мотивацию и эффективность в образовании и работе.

The study focuses on investigating the body's response to enthusiasm and its impact on goals and behavior. Cortisol, EEG, and HRV were measured in response to stimuli and rewards. The results showed that enthusiasm induced by videos and motivation enhanced diligence, reflected in psychophysiological data. This can help boost motivation and effectiveness in education and work.

Ключевые слова: энтузиазм, внутренняя мотивация, ЭЭГ, ВСР, гормон кортизол, аудиовизуальные стимул

Keywords: Enthusiasm, Intrinsic motivation, EEG, HRV, Cortisol hormone, Audiovisual stimuli

Введение

Процесс превращения идей из простых концепций во влиятельные силы, оказывающие глубокое воздействие на общество, представляет большой интерес. Когда человек сталкивается с интересными идеями или заразительным поведением, в действие вступает целый ряд психологических и

физиологических механизмов, влияющих на его принятие, одобрение или пропаганду [1].

Энтузиазм и мотивация – два важнейших фактора, которые в значительной степени формируют поведение человека и определяют его продуктивность. Под энтузиазмом понимается степень увлеченности и заинтересованности человека в решении какой-либо задачи, часто возникающая на основе приятного эмоционального состояния, связанного с удовольствием и любопытством [2]. С другой стороны, мотивация включает в себя внутренние и внешние силы, побуждающие человека действовать и достигать конкретных целей. Целью данного исследования является изучение влияния аудиовизуальных стимулов и мотивации вознаграждения на уровень кортизола, ЭЭГ (электроэнцефалографию) и ВСР (вариабельность сердечного ритма). Изучая эти психофизиологические маркеры, мы стремимся раскрыть глубинные механизмы, связанные с энтузиазмом.

Материалы и методы

Запись ЭЭГ (по 5 минут) проводилась с помощью прибора Neuroplay с шестью каналами, диапазоном окружности головы 53-62 см, частотой дискретизации 125 Гц, монополярным монтажом, полосой пропускания 0-40 Гц, диапазоном входного сигнала ±300 мВ, входным сопротивлением >1 гОм и самошумом <4 мкВ. Для предварительной обработки и анализа данных использовались приложение Neuroplay, среда MNE и библиотека SciPy. Вариабельность сердечного ритма (ВСР) измерялась с помощью приложения Welltory, которое отслеживает ВСР по изменениям кровотока в кончиках пальцев. Для решения пространственных задач использовалась головоломка SOMA, в которой участники решали две головоломки за 10 минут каждая. Исходный уровень мотивации оценивался с помощью ситуационной мотивационной шкалы (SIMS), состоящей из 16 пунктов. Энтузиазм после эксперимента оценивался с помощью 17-позиционного опросника со шкалой Лайкерта. Образцы слюны для анализа кортизола собирались с помощью оральных тампонов Salimetrics и анализировались с помощью набора для иммуноферментного анализа кортизола Salimetrics. Для манипулирования мотивацией и настроением использовались четыре стимула, включая видеоролики с мотивацией и вознаграждением, обещанное вознаграждение и контрольный видеоролик. Участниками исследования (N=30, 20 мужчин/10 женщин, возраст 18-30 лет) были студенты университета, набранные методом случайной выборки. Использовались строгие критерии здоровья. Оценка индекса массы тела обеспечивала постоянство состояния здоровья. Несмотря на меньший размер выборки, для обеспечения внутренней валидности были

применены строгие протоколы и средства контроля с учетом потенциальных ограничений статистической мощности и обобщающей способности.

Результаты

Уровень кортизола. Уровень кортизола измерялся до и после выполнения задания с помощью парных t-тестов. Контрольная группа: не значимо (p=0,1900). Группа вознаграждения: значимо (p=0,0389). Группа мотивации: значимо (p=0,0318). Группа видеороликов с вознаграждением: незначимо (p=0,6799). ANOVA не выявил значимых различий между контрольной группой и группой видео с вознаграждением/вознаграждением. Однако в группе мотивации различия оказались значимыми (скорректированное значение p=0,0223).

ВСР. Положительные тенденции наблюдались в балансе симпатической нервной системы (СНС). В контрольной группе баланс СНС был несколько ниже, чем в других группах, что указывает на возможные различия в реакции на стресс. Однако эти тенденции не достигли статистической значимости, что, вероятно, связано с малым размером эффекта.

ЭЭГ регистрировалась до и после выполнения задания с помощью прибора NeuroPlay-6Cap с 6 поверхностными электродами. В группе вознаграждения наблюдалось увеличение связи между лобными и затылочными областями (4-8 Гц), лобными и височными областями (4-8 Гц, 18-30 Гц), а также височными и лобными областями (30-48 Гц). В группе мотивации наблюдалось увеличение связи между затылочной и лобной областями (4-8 Гц), но уменьшение связи между лобной и височной областями (0,5-48 Гц) и левой лобной областью (4-8 Гц). В группе видео с вознаграждением наблюдалось снижение связности между лобной и височной областями (18-30 Гц, 0,5-48 Гц), лобной и затылочной областями (8-12 Гц), но повышение связности между лобной и затылочной областями (4-8 Гц). Эти изменения в связности свидетельствуют об изменении нейронной координации и обмена информацией во время выполнения заданий, что отражает когнитивные процессы.

Обсуждение и выводы

В данном исследовании изучались физиологические и нейронные основы энтузиазма, вызываемого аудиовизуальными стимулами и мотивацией вознаграждения. Полученные нами результаты проясняют важнейшие аспекты этого явления. В разных группах наблюдались значительные изменения уровня кортизола. В группе вознаграждения наблюдалось снижение уровня кортизола, что свидетельствует о регуляции стрессовой системы. В группе мотивации, напротив, наблюдалось повышение уровня кортизола, что отражает повышенную возбудимость. Анализ вариабельности сердечного ритма (ВСР)

указывал на тенденции в активности вегетативной нервной системы. Как в группе мотивации, так и в группе вознаграждения наблюдались потенциальные сдвиги в сторону повышения симпатической и снижения парасимпатической активности. В группе мотивационного видео тоже наблюдалось усиление вегетативной регуляции. Данные электроэнцефалограммы (ЭЭГ) выявили изменение функциональной связи (ФСС) в группах вознаграждения и мотивации, что свидетельствует об усилении нейронной связи в определенных сетях. Таким образом, наше исследование раскрывает сложную взаимосвязь кортизола, дофамина, мотивации, вознаграждения и энтузиазма. В дальнейших исследованиях следует глубже изучить нейробиологические механизмы, нейротрансмиттерные системы и области мозга, а также увеличить объем выборки для получения более надежных выводов по ВСР.

Список литературы

1. Poggi I. Enthusiasm and Its Contagion: Nature and Function. In: Paiva, A.C.R., Prada, R., Picard, R.W. (eds) Affective Computing and Intelligent Interaction. ACII 2007. Lecture Notes in Computer Science, vol 4738. Springer, Berlin, Heidelberg, 2007.

2. Barrett L.F. How emotions are made: The secret life of the brain. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ИНТЕГРАЦИИ СПОРТСМЕНОВ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ В СФЕРУ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

EDUCATIONAL TRAJECTORIES FOR THE INTEGRATION OF HIGH-PERFORMANCE ATHLETES INTO THE EMPLOYMENT SECTOR

А.В. Ермилова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
A.V. Ermilova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Анализируется проблема интеграции спортсменов высокого класса в сферу занятости населения в соответствии с полученным образованием с помощью социологического исследования, осуществленного методом анкетирования представителей спорта высших достижений (n=400 чел.) кафедрой общей

социологии и социальной работы в 2023 г. Типичной траекторией интеграции в сферу занятости населения спортсменов высокого класса является их реализация преимущественно в сфере ФКС в соответствии с полученным образованием данной направленности. Соответственно, государственные вложения в систему, в частности, высшего образования направленности физическая культура и спорт оправданы, так как большинство аттестованных специалистов функционируют в соответствующей сфере занятости населения.

The problem of integration of high-class athletes into the sphere of employment of the population in accordance with their education is analyzed by means of sociological research carried out by the method of questioning of representatives of high-performance sports (n=400 people) at the Department of General Sociology and Social Work in 2023. The typical trajectory of integration of high-class athletes into the sphere of employment of the population is their realization mainly in the sphere of physical culture and sports in accordance with their education in this direction. Accordingly, state investments in the system, in particular, in higher education in the field of physical culture and sport are justified, since the majority of certified specialists function in the corresponding sphere of employment.

Ключевые слова: спортсмены, траектории интеграции, сфера занятости населения, образование.

Keywords: athletes, integration trajectories, employment, education

В современных условиях модернизации социума ключевую роль в процессе интеграции человека в общество играет уровень его профессиональной компетентности. Повсеместное расширение применения информационных технологий и в целом высокая скорость научно-технического прогресса, естественно, не могут не отразиться на требованиях, которые предъявляются к квалификации специалиста, то есть к уровню его образования. Сегодня любая сфера деятельности готова принять в свои ряды прежде всего грамотных, квалифицированных, образованных специалистов, преимущественно имеющих высшее образование. [1] Возросшие требования к человеку, интегрирующемуся в сферу трудовой деятельности, накладывают отпечаток и на систему образования, которая находится в постоянном движении, адаптируясь к изменившимся потребностям внешней среды. [2] Следовательно, образование является значимым ресурсом развития и функционирования как непосредственно самой личности, так и фундаментом общественного развития государства.

Первостепенное место в жизнедеятельности людей, занимающихся профессионально спортом, должен занимать и процесс их образования. Однако, сегодня существуют сложности совмещения учебы и занятия спортом,

актуализируясь в проблему реализации «двойной карьеры» в восприятии студентов-спортсменов. [3] Следствием существующей ситуации является наличие фиктивного образования у спортсменов высокого класса [4], в связи с отсутствием у них возможности полноценно участвовать в образовательном процессе из-за тренировочно-соревновательной деятельности, что существенно отражается на общественном восприятии их как стигматизированной категории населения. [5] Несмотря на наличие порой предвзятого общественного отношения к образовательному уровню представителей спорта, данная категория населения является образовательно активной и в большинстве своем сосредоточивает свое внимание на спортивных вузах, а также спортивных факультетах, как показывают результаты социологического исследования авторов екатеринбургской социологической школы. [6, с. 826] Данный аспект вызывает исследовательский интерес, который направлен на более глубокое изучение данного явления за пределами г. Екатеринбурга.

Научно-практических разработок, посвященных проблемам интеграции спортсменов в общество после ухода их из спорта, достаточно много. В частности, условия социализации и адаптации спортсменов-профессионалов, завершивших спортивную карьеру, проанализировали М.Г. Янова М.Г и А.С. Григорьев [7]; О.И. Тараканова [8], исследовательский коллектив: Г.Н. Германова, И.В. Машошиной, Е.Г. Цукановой, М.А. Баркиной [9].

Однако образовательные траектории интеграции спортсменов в сферу занятости населения исследованы недостаточно, на что направлено авторское социологическое исследование, осуществленное методом анкетирования представителей спорта высших достижений (n=400 чел.) кафедрой общей социологии и социальной работы в 2023 г. ***Объект исследования*** – процесс интеграции спортсменов в сферу занятости населения. ***Предмет исследования*** – траектории интеграции в сферу занятости населения.

Образовательные траектории интеграции в сферу занятости населения сопряжены с несколькими процессами:

1) Интеграцией индивида в систему образования, в результате чего актор приобретает профессионально-должностной статус. В нашем случае нас интересует вопрос, связанный с наличием у респондентов:

- образования направленности физическая культура и спорт;
- образования иной направленности;
- образования нескольких направленностей, одна из которых имеет отношение к сфере ФКС.

2) Интеграцией специалиста в сферу занятости населения в соответствии с полученной специальностью в системе образования. Исследовательский интерес

в данном случае направлен на выявление занятых в сфере ФКС, работающих по своей специальности либо в иных сферах деятельности, что является целью социологического исследования.

В исследовании приняли участие респонденты разного пола (муж. – 46,5%; жен. – 53,5%), возраст которых варьируется от 16 лет до 83 лет. В выборке присутствуют спортсмены разного уровня профессиональной квалификации: кандидаты в мастера спорта (57,5%), мастера спорта (31,5%), заслуженные мастера спорта (3,3%), мастера спорта международного класса (7,8%), имеющие различный стаж интеграции в спортивное поле деятельности (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение спортсменов по уровню квалификации и стажу занятости в сфере спорта, в % (n=400 чел.)

Стаж	Уровень квалификации спортсменов			
	К.М.С	МС	ЗМС	МСМК
до 10 лет	31,3	13,5	7,7	12,9
10-15 лет	57,8	45,2	15,4	32,3
16-20 лет	7,8	22,2	30,8	19,4
21-25 лет	0,9	11,1	38,5	22,6
более 25	2,2	7,9	7,7	12,9

Наиболее продолжительный стаж интеграции в спортивную сферу деятельности характерен для спортсменов более высокой квалификации – заслуженные мастера спорта и мастера спорта международного класса. Тем не менее, например, среди мастеров спорта международного класса есть спортсмены, имеющие непродолжительный стаж занятости в сфере ФКС, преимущественно являющихся представителями индивидуальных видов спорта.

Желание достичь самых высоких спортивных достижений, как и стаж занятости в сфере спорта, могут негативно отразиться на готовности и возможности получить соответствующий уровень образования. Несмотря на это, большинство участников опроса имеют высокий уровень образования, а именно высшее – 56,5%. При этом, с увеличением возраста участников опроса возрастает численность более образованных спортсменов. Стоит заметить, что независимо от уровня образования (неполное среднее – 11,5%; полное среднее – 16,3%; среднее-специально – 13,3%; высшее – 56,5%; аспирантура – 2,8%), доминирующей его направленностью является сфера физической культуры и спорта (35%). Тем не менее, в выборке также присутствуют и респонденты, имеющие одновременно несколько специальностей (6,5%), одна из которых не

связана со сферой ФКС и была получена, как правило, на этапе завершения спортивной карьеры или после нее, либо специальность иной направленности (26%). Около 30% участников опроса не имеют специальности, так как находятся на этапе получения образования.

Социальным фактом современной реальности является низкий уровень интеграции выпускников вузов РФ в сферу занятости населения в соответствии со своей специальностью. Статс-секретарь заместителя министра науки и высшего образования России П. Кучеренко отметил, что 50% выпускников вузов РФ не трудятся по специальности, которая получена в ходе учебы. [10] Исследовательский интерес направлен на зондирование данной проблемы на примере исследуемой категории. Из 72,2% работающих/работавших спортсменов 73% в настоящее время трудятся в сфере ФКС; 5,2% – имели опыт профессиональной реализации в данном направлении, но сегодняшний день интегрированы в иную сферу деятельности; 3% – планируют трудиться в ней. Немаловажным вопросом занятости данной категории населения является специфика его трудоустройства. Осуществляют ли они трудовую деятельность в соответствии со своей специальностью, полученной в системе образования?

Таблица 2

Специфика занятости спортсменов, в% (n=400 чел.)

Связь занятости со сферой ФКС	Специальность			
	не имею специальности	специальность связана со сферой ФКС	специальность не связана со сферой ФКС	имею несколько специальностей
работаю в сфере ФКС	28,1	81,3	40,4	76,9
работал в сфере ФКС	0,0	7,5	3,8	3,8
планирую работать в сфере ФКС	3,5	0,0	1,9	3,8
работаю в иной сфере	6,1	3,0	38,5	7,7
нет ответа	62,3	8,2	15,4	7,7

Большинство спортсменов, имеющих специальность, связанную со сферой ФКС, осуществляют трудовую деятельность в соответствии с нею (81,3%), что характерно и для респондентов, получивших несколько образований (76,9%).

Следует отметить, что значительная часть участников опроса, имеющих специальность, не связанную с деятельностью в сфере ФКС, тоже интегрированы в данную сферу деятельности (40,4%). Как правило, они трудятся тренерами-преподавателями, учителями физической культуры, спортивными менеджерами, специалистами по адаптивной физической культуре, ведут методическую работу, а также являются профессиональными спортсменами.

Как мы видим, спортивная сфера деятельности – это особая область трудовой деятельности, в которую возможно интегрироваться, не имея профильного образования при наличии особых спортивных заслуг. Тем не менее, в исследовании присутствуют и спортсмены высокого класса, получившие высшее образование иной направленности (38,5%; 7,7%), которые в настоящее время трудятся юристами, инженерами, педогамии-психологами, филологами, журналистами, экономистами, социологами, специалистами в области радиофизики и электроники, а также заняты в системе государственного и муниципального управления, развивают собственный бизнес.

В результате мы можем утверждать, что основной траекторией интеграции в сферу занятости населения спортсменов высокого класса является их реализация преимущественно в сфере ФКС в соответствии с полученным образованием данной направленности. Соответственно, государственные вложения в систему, в частности, высшего образования направленности физическая культура и спорт оправданы, так как большинство аттестованных специалистов функционируют в соответствующей сфере занятости населения. Следовательно, социальная политика в образовании сегодня должна быть направлена на увеличение бюджетных мест по программам обучения, связанных с физической культурой и спортом.

Список литературы

1. Зачем работодатели требуют наличие ВО и почему это оправданно [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://habr.com/ru/articles/688016/

2. Муромцева А.К., Эрфурт Л.Г. Значение высшего образования для формирования современного общества [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2017/RM17/pages/Articles/0704035-.pdf

3. Бабина А.А., Саламатин М.Н., Толстоухова И.В. Проблема реализации «двойной карьеры» в восприятии студентами-спортсменами // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. Выпуск 8, изд. ТулГУ, г. Тула, 2019, с. 58-64.

4. Спортсмены вместо обучения молодежи в политику рвутся [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://comp-pro.ru/pochemu-sportsmeny-idut-v-politiku/

5. Ермилова А.В. Представители спорта как категория, «пораженная» стигмой в системе образования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023;(2 (83)):91-101.

6. Абрамова С. Б. Особенности получения высшего образования спортсменами высокого класса // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22-23 марта 2018 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2018. – С. 822-832.

7. Янова М.Г., А.С. Григорьев Условия социализации и адаптации спортсменов-профессионалов, завершивших спортивную карьеру [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://alley-science.ru/domains_data/files/6oct18/USLOVIYa%20SOCIALIZACII%20I%20ADAPTACII%20SPORTSMENOV-PROFESSIONALOV,%20ZAVERShIVShIH%20SPORTIVNUYu%20KARERU.pdf

8. Тараканова О.И. Необходимость социальной адаптации спортсменов, завершивших спортивную карьеру [электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/User/Downloads/neobhodimost-sotsialnoy-adaptatsii-sportsmenov-zavershivshih-sportivnuyu-karieru.pdf

9. Германова Г.Н., Машошиной И.В., Цукановой Е.Г, Баркиной М.А. Проблемы социально-психологической адаптации высококвалифицированных спортсменов, завершивших спортивную карьеру [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sportfiction.ru/articles/problemy-sotsialno-psikhologicheskoy-adaptatsii-vysokokvalifitsirovannykh-sportsmenov-zavershivshikh/

10. Минобрнауки: практически половина выпускников вузов России работают не по специальности [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/news/2022/12/15/19277791.shtml.

ВЛИЯНИЕ COVID 19 НА ЦИФРОВОЙ МАРКЕТИНГ: СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ АФРИКАНСКИХ СТРАН К ЮГУ ОТ САХАРЫ

IMPACT OF COVID 19 ON DIGITAL MARKETING: A SYSTEMATIC STUDY ON SUB SAHARAN AFRICAN

Исаак Дадзие
Аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Гана
Isaak Dadzie
Lobachevsky University, Ghana

Распространение пандемии COVID-19 оказало огромное влияние на цифровой маркетинг, особенно в странах Африки к югу от Сахары, которые в последние годы был предпочтительным методом маркетинга. Цель данного исследования – определить влияние COVID-19 на цифровой маркетинг в странах Африки к югу от Сахары. Поставленная цель была достигнута с помощью систематического обзора и, в частности, метода быстрого обзора. В результате исследования был сделан вывод, что COVID 19 оказал как положительное, так и отрицательное влияние на цифровой маркетинг в странах Африки к югу от Сахары. Продажи, реклама и продвижение через цифровые каналы увеличились, что является положительным моментом. В результате блокировки и эпидемии коронавируса люди стали чаще вести бизнес в Интернете. Усовершенствованный интернет-маркетинг помог компаниям в странах Африки к югу от Сахары расширить круг клиентов, увеличить выручку и прибыль. Исследование позволило сделать вывод и предложить компаниям и государственным учреждениям стран Африки к югу от Сахары быть клиентоориентированными, использовать цифровой маркетинг и реагировать на запросы потребителей во время таких культурных событий, как пандемия вируса COVID-19. Чтобы удержать потребителей, бренды должны устранять проблему, оставаясь при этом позитивными.

The spread of the COVID-19 pandemic has had massive impacts on digital marketing, notably in Sub-Saharan Africa, which had been the preferred method of marketing in recent years. his study seeks to determine the impact of COVID 19 on digital marketing in Sub-Saharan Africa. Utilizing systematic review and, especially, the quick review approach, this objective was accomplished. The study concluded that COVID 19 had both positive and negative impacts on digital marketing in Sub-Saharan Africa. Sales, advertising, and promotion via digital channels have increased, which is a positive development. As a result of the lockdown and the corona virus epidemic, people are more likely to conduct business on the internet. Enhanced internet marketing has helped firms in Sub-Saharan Africa expand their clientele, revenue, and profits. The study concluded and suggested that Sub-Saharan businesses

and government institutions must be courteous, employ digital marketing, and respond to consumers during cultural events like the COVID-19 pandemic. To keep consumers, brands must fix the problem while being positive.

Ключевые слова: цифровой маркетинг; банковский сектор; практики HRM
Keywords: digital marketing; green policies; environmental performances; banking sector; HRM practices

Цифровой маркетинг стал новым средством маркетинга в наше время, но пандемия COVID-19 имела многочисленные последствия для него, особенно в странах Африки к югу от Сахары. Предприятия используют маркетинг для повышения осведомленности широкой аудитории о преимуществах своих товаров и услуг. В качестве дополнительного бонуса он пытается выделить свои товары на фоне конкурентов.

По данным Purba et al., covid-19 оказал значительное влияние на "цифровой маркетинг", "электронную коммерцию", финансовые показатели и "устойчивость бизнеса (BS)" для малых и средних предприятий. Для обеспечения надлежащих финансовых показателей и устойчивости бизнеса исследование фокусируется и на фактических взаимосвязях между "цифровым маркетингом" и "устойчивостью бизнеса", электронной коммерцией и "устойчивостью бизнеса", финансовыми показателями, цифровым маркетингом, электронной коммерцией и финансовыми показателями [1].

Цель данного исследования – изучить влияние COVID 19 на цифровой маркетинг в странах Африки южнее Сахары. Это будет достигнуто благодаря использованию систематического обзора и, в частности, метода быстрого обзора.

С помощью методологии систематического обзора было исследовано влияние covid 19 на цифровой маркетинг в странах Африки к югу от Сахары. Под термином "систематический обзор" понимается особый вид обзора, в котором для сбора и анализа данных с целью получения выводов по вопросам исследования используется плановая методическая техника. Систематический обзор – это всесторонний анализ и обобщение соответствующей опубликованной литературы по определенной теме или клинической проблеме. Для повышения качества написания научных работ систематически применяется методика проведения систематического обзора. Она не только обеспечивает доказательную базу для таких продуктов трансляции знаний, как пособия для принятия решений пациентами, рекомендации по клинической практике и аналитические записки, но и помогают лицам, принимающим решения, осмыслить результаты отдельных исследований в контексте всей совокупности

данных [2]. В данном исследовании применялся метод быстрого обзора, который является разновидностью систематического обзора. Быстрые обзоры – это своего рода синтез знаний, при котором элементы процесса систематического обзора упрощаются или опускаются для быстрого получения информации. По ключевым фразам исследования (Digital Marketing, Covid 19 и Sub-Saharan Africa) были найдены соответствующие сведения в нескольких ресурсах.

По мнению Ханекома и др., компании, которые в большей степени полагаются на интернет-продажи, имеют доступ к потенциально неограниченной потребительской базе, которая может быть менее подвержена влиянию усилий по борьбе с COVID-19. Возможно, изменение местонахождения клиентов окажет меньшее влияние на спрос.

Удобство, конкурентоспособная цена, возможность одновременного охвата нескольких демографических групп и оптимизация процесса покупки – вот лишь некоторые из преимуществ продаж через Интернет, которые были обобщены Якупом и др. Негативное влияние роста цифрового маркетинга на прибыль может зависеть от уровня комиссионных за транзакции. То есть, влияние роста продаж через Интернет на транзакционную стоимость продаж и цикл конвертации денежных средств определяет, повышает ли данная стратегия финансовую устойчивость.

Пандемия, вызванная COVID-19, привела к изменениям в организационной структуре предприятий. Значительное изменение парадигмы наблюдается в организациях и сообществах как прямое следствие COVID-19. На смену ранее осуществлявшимся физическим транзакциям и взаимодействиям приходят бесконтактные транзакции и взаимодействия.

Цифровой маркетинг принес миру множество преимуществ. Бизнес любого размера может извлечь выгоду из цифрового маркетинга, поскольку он позволяет охватить широкую аудиторию при небольших затратах. В отличие от рекламы на телевидении или в газетах, можно проводить настоящий маркетинг "один на один". Есть и несколько недостатков цифрового маркетинга, о которых следует знать [3]. Несмотря на все преимущества, вспышка вируса "корона роман" оказала большое влияние на цифровой маркетинг.

В результате исследования было установлено, что Covid 19 оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на цифровой маркетинг в странах Африки южнее Сахары. Положительным моментом является рост использования цифрового маркетинга в сфере продаж, рекламы и продвижения. В связи с блокировкой и вспышкой вируса короны люди стали чаще использовать онлайн-платформы для совершения сделок. Это улучшение цифрового маркетинга

также привело к увеличению спроса, числа клиентов, продаж и прибыли предприятий в Африке к югу от Сахары.

С другой стороны, во время пандемии люди использовали многие цифровые платформы для мошеннических действий, что запятнало имя многих компаний, занимающихся цифровым маркетингом [4]. Глобальная пандемия COVID-19 заставила компании и бренды пересмотреть свои рекламные и маркетинговые стратегии, что привело к изменениям в расходах на рекламу, маркетинг, продвижение и СМИ. Бренды стремятся заявить о себе в условиях глобального кризиса здравоохранения, но грядут рыночные потрясения, усиление конкуренции и более смелые рекламные приемы.

Список литературы

1. Purba J, Samuel S, Budiono S. Collaboration of digital payment usage decision in COVID-19 pandemic situation: Evidence from Indonesia. International Journal of Data and Network Science. 2021b;5(4):557-568.

2. Shahabi V, Azar A, Faezy Razi F, Fallah Shams MF. “Simulation of the effect of COVID-19outbreak on the development of branchless banking in Iran: Case study of Resalat Qard–al-Hasan Bank”. Review of Behavioral Finance. 2021;13(1):85-108, DOI: 10.1108/rbf-06-2020-0123.

3. Agus AA, Yudoko G, Mulyono N, Imaniya T. E-commerce performance, digital 25. marketing capability and supply chain capability within e-commerce platform: Longitudinal study before and after COVID-19. Int. J. Technol. 2021;12:360–370. Available: https://doi.org/10.1080/02500160.

4. Holland, Knight. The impact of COVID-19 on your advertising and marketing campaigns. Strategic Questions Companies May Face, Regulatory Issues Companies Must Address and Governmental Agency Interests of Note; 2020.

ПРЕДИКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ В ЭФИОПИИ
PREDICTORS OF STUDENTS' ACADEMIC ACHIEVEMENT IN ETHIOPIA

Демозе Чалахью Кассоу
Аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий ФСН, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Университет Дилла, Эфиопия
Demose Chalahue Kassaw
Lobachevsky University, Dilla University, Ethiopia

Систематический обзор влияния факторов на академическую успешность студентов в Эфиопии выявил, что неадекватная обстановка в аудитории и пользование соцсетями негативно воздействуют, в то время как здоровый сон, высокие баллы на вступительных экзаменах и отказ от психоактивных веществ улучшают успеваемость. Факт обучения в медицинском колледже и возраст 20–24 года тоже влияют на успешность. Улучшение образовательной среды и поддержка здоровых привычек может способствовать повышению академической успешности студентов.

A systematic review of the influence of factors on academic performance in Ethiopia found that an inadequate classroom environment and social media had a negative impact, while healthy sleep, high exam scores, and avoidance of substances improved academic performance. The fact of going to medical school and being 20-24 years old are also associated with success. Improving the educational environment and supporting healthy habits can improve academic performance.

Ключевые слова: академическая успешность, Эфиопия, студенты, факторы
Keywords: academic success, Ethiopia, students, factors

Введение

Академическая успешность отражает достижения студентов в реализации образовательных целей. Образование – это мощный инструмент, способствующий позитивным изменениям в обществе, включая социальную стабильность, экономический рост, улучшение условий жизни и здоровья. Знания и навыки, которыми должны обладать студенты, определяются через оценки предметных областей. ВУЗы играют ключевую роль в создании благоприятной образовательной среды, способствующей развитию глобальных компетенций. Академическая успешность приносит пользу в виде улучшения жизни, повышения производительности и лучших экономических перспектив. Плохая успеваемость может привести к психологическим проблемам и

конфликтам. Вызовы после выпуска и различные трудности в процессе обучения возникают в высшем образовании. Попытки правительства улучшить уровень образования не всегда были успешными. Факторы, такие как финансы, учебные привычки, управление временем, здоровье и связи в семье, влияют на успех в учебе. Исследования выявляют характеристики, такие как образование родителей, общественные привычки, предыдущая успеваемость и употребление наркотиков, как факторы, связанные с академическим успехом [1-2]. Улучшение качества образования в эфиопских учебных заведениях требует анализа академической успеваемости, анализа национальных средних показателей и учета различных предикторов успешности. Этот всесторонний обзор помогает выявить важные факторы успеха студентов и области, требующие дополнительного исследования для улучшения качества образования в стране.

Методология

Систематический обзор проводился с января по февраль 2023 г. и охватывал исследования, проводившиеся в высших учебных заведениях Эфиопии с 2013 по 2022 год. К концу 2023 г. в Эфиопии ожидается наличие 83 частных учреждения, 42 государственных университета и 677 программ обучения. Ежегодно из этих учреждений выпускается более 150 000 человек. Старейшее высшее учебное заведение в Эфиопии – Университет Аддис-Абеба, основанный в 1950 г. и известный под разными именами на протяжении своей истории.

Обзор следовал критериям PRISMA и использовал несколько поисковых систем для выявления опубликованных научных статей об академической успешности и связанных с ней переменных у студентов высшего образования в Эфиопии. В обзоре были проанализированы статьи на английском языке, опубликованные с 2013 по 2022 год, исследовавшие предикторы академической успешности у студентов высшего образования. Был использован средний балл (GPA) как мера академических достижений, и были оценены различные факторы, такие как психологические, эмоциональные, биологические и обустройство учебных помещений. Обзор оценивал качество статей с использованием определенных критериев и извлекал ключевые результаты для анализа. Исследование предоставляет подробную методологию для проведения систематического обзора академических достижений и подчеркивает важные факторы, влияющие на успех студентов.

Результаты

В данном исследовании проведен систематический обзор академических достижений и связанных с ними факторов. Поиск был ограничен научными статьями на английском языке с 2013 по 2022 год из различных баз данных. Из 67 первичных статей 19 были отброшены как дубликаты, а 20 были не связаны с исследованием. После исключения еще четырех статей для обзора были

выбраны 24 статьи, соответствующие критериям включения. Большинство исследований фокусировались на академических достижениях и их факторах среди студентов колледжей Эфиопии. Социодемографические факторы, такие как возраст, различия между полами и ежемесячное карманные деньги, были широко исследованы. Другие факторы, влияющие на академические достижения, включали размеры классов, доступ к интернету, оборудование учебных помещений, методики преподавания, выбор образа жизни, воспринимаемый стресс, социальную поддержку и самооценку. Пол, возраст и гормональные проблемы, в частности дисменорея, тоже имели значительное влияние на академическую успешность.

Заключение

Выявление предсказателей академических достижений в высшем образовании имеет решающее значение для улучшения успеваемости студентов, повышения качества образования и поддержки национального развития. Эта оценка, проведенная за 10 лет в Эфиопии, направлена на установление стандартов академических достижений. Оценка учитывает различные факторы, влияющие на академический успех, включая управляемые проблемы, такие как состояние оборудования, доступ к интернету, ресурсы учебных классов и методики преподавания. Исследование подчеркивает влияние эмоциональных и образа жизни факторов, таких как воспринимаемый стресс, отсутствие социальной поддержки и употребление веществ, на академическую успешность. Проведение лонгитюдных исследований необходимо для отслеживания изменяющихся тенденций в факторах академических достижений. Кроме того, рекомендуется проведение качественных исследований, включающих студентов, преподавателей, политиков и учебных заведений, чтобы учесть многогранные предикторы академической успешности в высшей школе. В итоге повышение академической успешности студентов в высшем образовании имеет важное значение для подготовки квалифицированных специалистов и поддержки общенационального развития.

Список литературы

1. Amhare A.F., Jian L., Wagaw L.M., Qu C., Han J. Magnitude and associated factors of perceived stress and its consequence among undergraduate students of Salale University, Ethiopia: cross-sectional study // Psychology, Health & Medicine. 2021. V. 26(10). P. 1230-40.

2. Getahun A.W. Emotional intelligence and pro-social behavior as predictors of academic achievement among university students // International Quarterly of Community Health Education. 2021. V. 43(4). P. 431-441.

МЕДИЦИНСКИЕ ДИНАСТИИ РЯЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. АКАД. И.П. ПАВЛОВА

MEDICAL DYNASTIES OF I.P. PAVLOV RYAZAN STATE MEDICAL UNIVERSITY

Н.А. Козеевская
Информационно-библиографический сектор Библиоцентра Центра развития образования РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, г. Рязань
N.A. Kozeevskaya
Information and Bibliographic Sector of Bibliocenter of the Center for the Development of Education of I.P. Pavlov Ryazan State Medical University, Ryazan

Представители медицинских династий являются основой медицины и здравоохранения. Генеалогические исследования позволяют выявить наличие в роду представителей медицинской профессии, исследовать их жизненный путь, морально-нравственные принципы, заложенные в основу их деятельности, оказывают влияние на формирование студентов-медиков. В РязГМУ проводится работа по изучению медицинских династий и оценка их практического и научного вклада в российскую медицинскую науку.

Representatives of medical dynasties, remaining faithful to the profession for several generations, are the basis of medicine and healthcare. Genealogical research makes it possible to identify the presence of representatives of the medical profession in the family, to explore their life path, the moral principles underlying their activities, have an impact on the formation of medical students. The Ryazan State Medical University is working on studying medical dynasties and assessing their practical and scientific contribution to Russian medical science.

Ключевые слова: поколения врачей, медицинские династии, медицинская наука, студенты-медики.

Keywords: generations of doctors, medical dynasties, medical science, medical students.

Подготовка специалистов, обладающих умениями и навыками оказания квалифицированной медицинской помощи, моральными, этическими и нравственными основами, выдвигает новые требования к высшему медицинскому образованию. Немаловажную роль при этом могут сыграть генеалогические исследования, позволяющие выявить наличие в роду представителей медицинской профессии, исследовать их жизненный путь и морально-нравственные принципы, заложенные в основу их деятельности, что оказывает влияние на становление будущего специалиста. Воспитание личности будущего врача должно осуществляться на основе принципов гуманизма,

прививаемых как в ходе вузовского обучения, так и внутри семьи. Семейные принципы и нравственные ценности можно познать в ходе ознакомления с историей своего рода, в рамках данного исследования – с представителями медицинской династии.

В современном мире «династией» принято называть людей, выходящих из одной семьи, которые продолжают дела своих родителей, идут по их стопам в профессии. Медицинские династии представляют собой особую форму организации потомственных медиков и соответствуют определенным условиям: наличие медицинского образования и осуществление профессиональной деятельности в лечебных учреждениях, принадлежность к разным поколениям семейного рода, осуществление профессиональной преемственности. Представители медицинских династий, сохраняющие верность профессии на протяжении нескольких поколений, являются основой медицины. Число потомственных медиков в структуре современной системы здравоохранения – около 50 % [1].

Профессиональная преемственность способствует адаптации медиков к трудовой деятельности и ускоряет процесс овладения профессиональными знаниями и мануальными навыками. Студенты, относящиеся к медицинским династиям, более удовлетворены процессом обучения, поскольку выбрали медицинскую профессию самостоятельно и осознанно.

С древнейших времен профессия врача – одна из самых благородных и гуманных. Быть похожим на представителей врачебной династии – это значит взять все самое ценное, развивать, улучшать, совершенствовать, приумножать и передавать его другим поколениям [2].

Целью работы по изучению медицинских династий РязГМУ является расширение знаний об истории вуза на примере жизни и деятельности династий медиков и оценка их практического и научного вклада в российскую медицинскую науку, как достойный пример для формирования личности врача и ученого [1].

Изучение истории Рязанского медицинского института им. акад. И.П. Павлова (РМИ, с 1993 г. – РязГМУ), издание сборников материалов по истории вуза и кафедр «60 лет на рязанской земле», «КНИГИ Памяти РязГМУ им. акад. И.П. Павлова», «КТО есть КТО в РязГМУ им. акад. И.П. Павлова», включающих биографические данные об ученых вуза, последовательно привели меня к выявлению медицинских династий, внесших большой вклад в становление и развитие РязГМУ им. акад. И.П. Павлова [1;2].

В 2013 г. мною был начат новый проект: выпуск изданий из серии «ДИНАСТИЯ». Всего издано 6 выпусков. Каждый из выпусков представляет

собой отдельное издание и включает подробную родословную семьи: создание генеалогического древа, биографии представителей рода, воспоминания, указатель трудов ученых, фото разных лет.

К 90-летию профессора А.А. Никулина, ректора РМИ в 1961–1983 гг., зав. кафедрой фармакологии с 1959 по 1990 гг. и проведению Вторых Никулинских чтений было подготовлено издание «*Династия. Вып.1. Никулины*» [3].

«*Династия. Вып. 2. Узбековы*» посвящена семье Узбековых, в которой 3 профессора – отец, дочь и сын. Отец, Г.А. Узбеков – д-р мед. наук, профессор, заведующий кафедрой биохимии РМИ с 1952 по 1974 гг. Дочь, Д.Г. Узбекова – д-р мед. наук, профессор. Ее брат, М.Г. Узбеков – д-р мед. наук, профессор, биохимик [4].

«*Династия. Вып. 3. Чекурины*» выпущена к 120-летию со дня рождения В.П. Чекурина, д-ра мед. наук, профессора, зав. кафедрой ЛОР болезней (1951–1956) и к 100-летию начала Первой Мировой войны. В.П. Чекурин – участник Первой Мировой войны, Георгиевский кавалер. Четыре поколения врачей семьи Петровых – Чекуриных проработали в медицине 250 лет, а вместе с их близкими родственниками – в общей сложности более 400 лет [5].

«*Династия. Вып. 4. Сауткины*» издана к 70–летию Победы в Великой Отечественной войне. М.Ф. Сауткин, д-р мед. наук, профессор, с 1976–1985 гг. – зав. каф. физического воспитания, лечебного контроля и лечебной физкультуры, тыловик. Три дочери ученого стали врачами, а всего в их роду 19 человек стали медицинскими работниками [6].

Личные воспоминания фронтового врача А.М. Ногаллера (1920-2021), который в 2020 году отметил свое 100-летие, и с которым я была знакома более 40 лет, записаны мною для выпуска издания «*Династия. Вып. 5. Ногаллер*» к 95-летию со дня его рождения и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ногаллер А.М. – д-р мед. наук, профессор, с 1967 по 1993 гг. – зав. кафедрой пропедевтики внутренних болезней, с 1993-1996 гг. – профессор кафедры. Последнее время проживал в Мюнхене (Германия) [7].

Издание «*Династия. Вып. 6. Сутуловы*», посвящено 110-летию со дня рождения Л.С. Сутулова (1906–1981), ректора РМИ в 1953–1961 гг. и заведующего кафедрой биологии и гистологии с 1951 по 1976 гг. [8].

Сутулов Лев Северианович свою трудовую деятельность начал с 14 лет. В 1932 г. окончил ВМА им. С.М. Кирова. С 1927 по 1944 гг. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации заведовал кафедрами гистологии в медицинских вузах Астрахани, Душанбе (бывш. Сталинабад), Рязани. Одновременно в Душанбе был директором медицинского института. В РМИ им. акад. И.П. Павлова заведовал кафедрой гистологии с 1951 по 1976 гг., ректор

вуза – с 1954 по 1961 гг. В 60-е годы XX века при кафедре гистологии была создана научно-исследовательская радиационная лаборатория по изучению биологического действия лунного грунта, доставленного на Землю советскими спутниками, препаратов органов и тканей животных, вернувшихся из Космоса, проводилось исследование органов и тканей животных после их космического полета по трассе Земля-Луна-вокруг Луны-Земля. В 1974 году Главный комитет ВДНХ СССР наградил Л.С. Сутулова серебряной медалью за проведение уникального эксперимента с животными, облетевшими Луну.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден Орденом Красной Звезды (1944), Орденом ”Знак Почета” (1949) и медалями.

Предки *Льва Севериановича Сутулова* принадлежали к дворянскому казачьему роду и проживали на территории *О́бласти Во́йска Донско́го* в станице *Усть-Медведицкая. Донски́е казаки́, Донско́е каза́чье во́йско* – самое многочисленное из казачьих войск Российской империи.

Сутулов Севериан Евфимович (ок. 1850-?)**,** *дед Л.С. Сутулова*, личный почетный гражданин города Пенза, происходил из казаков Войска Донского. После окончания Белгородской учительской семинарии занимал должность директора гимназии в Пензенской губернии. *Имел четырех сыновей – Севериана, Виктора, Николая, Константина и пять дочерей – Нину, Евфалию, Лидию, Зинаиду и Ольгу.* Интересна судьба каждого из них, особенно, мужской части рода.

Сутулов Виктор Северианович **(**ок. 1890)**,** *дядя Л.С. Сутулова,* есаул. Участник Белого движения в России. Окончил Новочеркасское казачье училище. Участник 1-й Мировой и Гражданской войн. Позже переехал в Америку, затем – в Канаду, где и скончался 2 мая 1969 г. в Роудоне.

Сутулов Николай Северианович (ок. 1886-?), *дядя Л.С. Сутулова*. Окончил Ветеринарный институт в г. Казани. Проходил военную службу в Оренбургском казачьем войске.

Сутулов Константин Северианович (1896-1937), *дядя Л.С. Сутулова*. Родился в 1896 г. Директор базы «Заготзерно». Проживал в г. Оренбурге. 21 августа 1937 г. приговорен тройкой при УНКВД по Оренбургской обл. к высшей мере наказания. Реабилитирован в июле 1989 г. (*Источник:* Книга памяти Оренбургской обл.).

Сутулов Севериан Северианович **(**1882–1961), *отец Л.С. Сутулова*. Родился в 1882 г. в Пензенской губернии. Получил высшее образование по специальности «ветеринарный врач» (Казань). Работал заведующим районной ветеринарной лечебницей. Проживал в Новгородской обл., Старорусском р-не, г.

Старая Русса. 2 сентября 1937 г. был арестован и приговорен *к* 10 годам лагерей (*Источник*: Книга памяти Новгородской обл.).

На территории Рязанского Государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова в рамках реализации проекта «Медицинские династии Рязани» появилась аллея династий медиков: представители 35 медицинских династий города высадили липы и рябины. Аллея должна стать символом профессиональной преемственности, а посадили ее семьи рязанских врачей, несколько поколений которых в разные годы учились в «рязанском медицинском». В общей сложности в Рязани существует около 130 медицинских династий [9].

«Династия – это великая ответственность друг перед другом людей, избравших одну профессию. А медицинская династия – это ответственность не только перед своими родными, но и перед тысячами нуждающихся в помощи людей», – сказал Роман Калинин, ректор вуза, который сам является представителем медицинской династии.

Настоящий врач – тот, для кого медицина стала образом жизни, неотъемлемой её частью. Очень часто патриоты своей профессии воспитывают себе достойную смену – детей, которые идут по стопам родителей. Именно так и возникают врачебные династии.

Список литературы

1. КНИГА ПАМЯТИ Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова: посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирюшина; Ряз. гос. мед. ун-т. – Рязань : РИО РязГМУ, 2015. – 330 с.

2. КТО есть КТО в Рязанском государственном медицинском университете им. акад. И.П. Павлова**:** 70 лет на Рязанской земле (1950–2020) / авт. – сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Н.А. Козеевской; ФГБОУ ВО РязГМУ им. акад. И.П. Павлова; науч. б–ка. – Рязань, 2020. – 681 с.

3. Династия. Вып. 1. Никулины: сб. док., воспоминаний и фотографий / Ряз. гос. мед. ун-т; сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирюшина. – Рязань : ООО "НПЦ Информ. технологии", 2013. – 110 с.

4. Династия. Вып. 2. Узбековы: сб. док., воспоминаний и фотографий / Ряз. гос. мед. ун–т; авторы текста Д.Г. Узбекова, М.Г. Узбеков; сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирюшина. – Рязань, 2014. – 144 с.

5. Династия. Вып. 3. Чекурины (к 120-летию со дня рождения проф. В.П. Чекурина и 100-летию Первой Мировой войны): сб. док., воспоминаний и

фотографий / Ряз. гос. мед. ун–т; авторы текста Л.В. Чекурин, Н.В. Кердиваренко; сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирюшина. – Рязань, 2014. – 134 с.

6. Династия. Вып. 4. Сауткины / Ряз. гос. мед. ун-т; авторы текста М.Ф. Сауткин; сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирюшина. – Рязань : РИО РязГМУ, 2015. – 112 с.

7. Династия. Вып. 5. Ногаллер / Ряз. гос. мед. ун-т; авторы текста А.М. Ногаллер, А.А. Шварц (Ногаллер); сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирюшина. – Рязань : РИО РязГМУ, 2015. – 302 с.

8. Династия. Вып. 6. Сутуловы / Ряз. гос. мед. ун-т; авторы текста А.М. Ногаллер, А.А. Шварц (Ногаллер); сост.: Н.А. Козеевская; под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирюшина. – Рязань : РИО РязГМУ, 2019. – 102 с.

9. Библиограф рязанских медиков [К 70-летию Н.А. Козеевской] / М.Я. Дворкина, Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова, М.Ф. Сауткин // Библиография и книговедение. – 2019. – №3. – С.129–138.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРИОБЩЕНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ К КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ

INFORMATION TECHNOLOGIES AT THE WORK OF TEACHERS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN INVOLVING PRESCHOOL CHILDREN TO CULTURAL HERITAGE

А.Ю. Губанова
Исследовательский комитет «Социология детства» Российского общества социологов, г. Москва
Е.А. Колосова
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
A.Yu. Gubanova
Research Committee "Sociology of Childhood" of the Russian Society of Sociologists, Moscow
E.A. Kolosova
Russian State University of the Humanities, Moscow

Освоение новых технологий для специалистов дошкольных образовательных организаций как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности крайне актуально. Дети всё раньше приобщаются к использованию интернет-технологий, являются полноценными участниками интернет-среды и самостоятельно пользуются устройствами, имеющими выход в интернет. Для успешного взаимодействия с представителями интернет-поколения воспитателям детских садов необходимо

использовать ИКТ, включать в свою профессиональную деятельность разнообразные интернет-ресурсы и онлайн-мероприятия.

The development of new technologies for specialists of preschool educational organizations both in everyday life and in professional activity is extremely relevant. Children are becoming more and more involved in the use of Internet technologies, are full-fledged participants in the Internet environment and independently use devices with Internet access. For successful interaction with representatives of the Internet generation, kindergarten teachers need to use ICT, include a variety of Internet resources and online activities in their professional activities.

Ключевые слова: воспитатели; год культурного наследия; интернет; информационные технологии; дети; дошкольники

Keywords: educators; year of cultural heritage; Internet; information technology; children; preschoolers

Повсеместное смешение онлайн и офлайн-реальности диктует необходимость осваивать новые технологии как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности. Роль интернета в жизни подрастающего поколения возрастает не только для достигших школьного возраста, но и для детей, посещающих дошкольные образовательные организации.

Дети всё раньше приобщаются к использованию интернет-технологий, уже в дошкольном возрасте пользуясь интернетом самостоятельно. Цифровая активность дошкольников вполне сопоставима сегодня с активностью учеников начальной школы. По оценкам родителей, две трети дошкольников и половина младших школьников проводят онлайн меньше часа в будние дни, остальные же – 1–3 часа. По выходным дням каждый второй ребенок проводит в Интернете от 1 до 3 часов, а по оценке самих детей – таких уже две трети. [1, с. 30].

Для выяснения отношения воспитателей к разного рода онлайн-мероприятиям и ресурсам обратимся к данным исследования «Роль книжной культуры и детских библиотек в деятельности воспитателей дошкольных образовательных организаций по приобщению детей к культурному наследию народов России». 2022 год был объявлен Годом культурного наследия народов России [2], и в этой связи Исследовательский комитет Российского общества социологов «Социология детства» провел исследование среди воспитателей дошкольных образовательных организаций. В ходе первого исследования онлайн-опрос охватил 3351 респондента. В целевую выборку были включены активные участники профессиональных сообществ воспитателей. Представлены 8 федеральных округов и 54 субъекта РФ. [3, с. 222].

Выбранный авторами исследования метод онлайн-опроса оправдан труднодоступностью изучаемой профессиональной группы воспитателей.

Благодаря преимуществам онлайн-опроса [4, с. 130], который был организован через специализированные сети профессионалов-воспитателей, объединяющих специалистов, работающих в дошкольных образовательных организациях, была обеспечена возможность собрать большой объем выборки; осуществить опрос в короткие сроки (1,5 месяца); оперативно реагировать на этапе пилотажа и контролировать заполнение анкет.

По результатам опроса были выделены три возрастные группы воспитателей: до 35 лет, 36-55 лет и старше 55, а также группы в зависимости от территории проживания – город-миллионник, крупный и малый города, сельская местность.

С целью установления масштабов использования современных интернет-технологий воспитателями в своей работе по приобщению детей к культурному наследию народов России в анкете был задан вопрос о том, в каких культурных мероприятиях принимали участие воспитатели и их воспитанники. Респонденты отдавали предпочтение конкурсам, чтениям и фестивалям. Онлайн-мероприятия оказались в конце списка: в разных возрастных группах они занимают 4ую и 5ую позиции – их указали 20% и 21% опрошенных в возрасте 36-55 лет и старше 55 лет, и 16,6% в возрасте до 35 лет. В группах по территориям проживания данный тип культурных мероприятий занимает 3ью позицию в миллионниках и крупных городах; в малых городах и селах 4ую и 5ую соответственно, что может объясняться качеством доступа в интернет. Отдельно отметим, что четверть воспитателей в возрастной группе до 35 лет не участвовали ни в каких культурных мероприятиях со своими воспитанниками.

Среди разных видов подготовки к деятельности по приобщению дошкольников к культурному наследию использование тематических интернет-ресурсов занимает 1ую позицию среди респондентов в возрасте до 55 лет и 2ую позицию среди старшего поколения (41,5%, 49% и 42% соответственно). Старшее поколение воспитателей (от 55 лет) отдает предпочтение изучению традиций и обрядов – 51,3% указали эту форму подготовки как наиболее предпочитаемую. В городах-миллионниках и малых городах отдают предпочтение интернет-ресурсам чаще, чем в крупных городах и сельской местности, однако отметим, что разрыв минимален: в миллионниках пользуются тематическими онлайн-ресурсами 46,3%, изучают традиции и обряды 45%; в крупных городах и сельской местности разрыв составляет лишь 0,2-0,3%; наибольший интервал наблюдается в малых городах – 2,1%.

В вопросе источников информации о воспитании и приобщении к народной культуре, используемых современными родителями, респонденты единогласно отдали 1ое место Интернету – не было отличий в ответах ни в

возрастных группах, ни в зависимости от территории нахождения детского сада. На 2ое место тоже единодушно поставили беседы с педагогами детских садов (Таб. 1).

Таблица 1

Какие, по-вашему мнению, источники информации о воспитании и приобщении к народной культуре используют современные родители чаще всего? (N=3330 чел.)

№	Вариант ответа	36-55 лет, %	до 35 лет, %	старше 55 лет, %	Город-миллионик	Крупный город	Малый город	Сельская местность
1.	Беседы с педагогами ДОО	61,6	58,5%	70,1%	62,6%	63,3%	61,3%	61,2%
2.	Советы знакомых, сообществ родителей	12,2	17,5%	12,0%	13,2%	12,8%	13,9%	11,8%
3.	СМИ (газеты, журналы)	15,5%	16,2%	17,2%	11,0%	16,6%	16,5%	13,6%
4.	*Интернет (сайты, порталы, соцсети и др.)*	*76,1%*	*70,5%*	*77,7%*	*75,8%*	*74,7%*	*74,4%*	*79,6%*
5.	Рекомендации педагога дополнительного образования	10,8%	13,2%	12,2%	8,8%	12,4%	11,4%	10,7%
6.	Рекомендации библиотекаря	4,7%	5,3%	9,9%	4,4%	5,2%	6,1%	4,1%
7.	Специальная (профессиональная, экспертная) литература, лекции, видео о воспитании	5,7%	8,2%	4,1%	9,3%	5,9%	5,9%	4,7%
8.	Советы старшего поколения, традиции семьи	51,0%	45,3%	50,1%	55,5%	51,1%	47,3%	53,0%
9.	Не знаю, затрудняюсь ответить, никогда не интересовал этот вопрос	2,8%	3,6%	0,9%	2,2%	2,8%	2,5%	3,8%

Респондентам было предложено оценить меры поддержки детства, которые, по их мнению, в настоящее время особо востребованы. Для этого был сформирован следующий список:

1. Поддержка образования (качества, доступности и др.)
2. Защита безопасности детей в общественном пространстве
3. Развитие физической культуры и детского спорта
4. Организация развивающей среды, мест для досуга, игр и развлечения
5. Поддержка традиционных мест (площадок) культуры для детей (библиотек, музеев, театров и др.)
6. Меры по развитию научно-технического и IT-творчества
7. Развитие новых практик воспитания
8. Экономическая стабильность в стране

9. Принятие и соблюдение законодательных актов о детях
10. Поддержка талантливых детей
11. Меры социальной защиты семей в форме льгот, дополнительных пособий и т.п.
12. Признание роли детей в общественной жизни
13. Поощрение государством приобщения к культурному наследию
14. Деятельность единой детской организации
15. Создание государством специальных программ просвещения родителей, вовлечение их в занятия с детьми.

В ходе опроса респонденты отдали наибольшее предпочтение поддержке образования (качества, доступности и др.) – более 60% во всех возрастных категориях и территориях проживания. Меры по развитию научно-технического и IT-творчества в общем списке находятся на 11ом месте (7%), что говорит о том, что данное направление не является приоритетным, по мнению воспитателей. Есть небольшие расхождения в ответах в зависимости от возрастов респондентов: воспитатели в возрасте до 35 лет поставили данное направление на 9ое место (8,5%), более старшая возрастная группа 36-55 лет на 10ое (6,6%) и старше 55 лет на 11ое (3,9%), что может быть связано, в том числе, с уровнем личной цифровой компетентности отвечающего.

В зависимости от места нахождения ДОО только воспитатели, работающие в городах-миллионниках, поставили научно-техническое и IT-творчество на 12ое место (5,7%), крупных и малых городах, так же, как и в сельской местности, – на 11ое (7,6%, 6,4% и 5,6% соответственно).

Можно сделать вывод, что воспитатели в целом готовы использовать интернет как источник информации для подготовки к деятельности по приобщению дошкольников к культурному наследию, в то же время они неактивно участвуют в онлайн-мероприятиях и отдают предпочтение другим, традиционным формам работы, а также не считают необходимым применение особых мер государственной поддержки для развития научно-технического и IT-творчества.

В настоящее время цифровая трансформация всей системы образования ставит перед педагогами всех уровней, включая дошкольный, задачу по адаптации к изменяющимся условиям и поиску стратегий интеграции цифровых технологий в свой педагогический арсенал [5]. В этой связи использование интернет-технологий и уровень технической компетентности воспитателей, работающих с детьми, являющихся полноценными участниками интернет-среды, возрастает и требует изучения.

Список литературы

1. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный к онтекст и когнитивное развитие. – М.: 2022. – 356 с

2. Указ Президента РФ № 745 от 30.12.2021 «О проведении в Российской Федерации года культурного наследия народов России» / Сайт Президента России [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/47407. – Дата обращения: 21.04.2023.

3. Колосова, Е.А., Майорова-Щеглова, С.Н. К вопросу о возможности переконструирования интеллигенции (на примере включения профессиональных групп воспитателей детских дошкольных организаций и библиотекарей) // Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений: сб. научных статей / РГГУ, социолог. фак-т, Центр социолог. исследований; Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; М.: РГГУ. 2023. – 219-229 с.

4. Губанова, А. Ю. Изучение детско-подростковой аудитории в Интернете: преимущества и недостатки онлайн-опросов / А. Ю. Губанова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2018. – № 4(14). – С. 128-133.

5. Уваров, А.Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2018.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

ADDITIONAL EDUCATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EMPLOYEES

О.А. Костина
Нижегородский институт управления РАНХиГС,
г. Нижний Новгород
Е.А. Рак
Западный филиал РАНХиГС,
г. Калининград
O.A. Kostina
Nizhny Novgorod Institute of Management RANEPA,
Nizhny Novgorod
E.A. Rak
Western branch of RANEPA, Kaliningrad

Анализируются вопросы профессионального развития государственных и муниципальных служащих на основе статистических данных об их профессиональном образовании.

The issues of professional development of state and municipal employees are analyzed on the basis of statistical data on the professional education of government employees.

Ключевые слова: государственные и муниципальные служащие, дополнительное образование, профессиональное развитие

Keywords: state and municipal employees, additional education, professional development

В Статье 62. Профессиональное развитие гражданского служащего Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» закреплено, что «...профессиональное развитие гражданского служащего направлено на поддержание и повышение гражданским служащим профессионального уровня и включает в себя дополнительное профессиональное образование и иные мероприятия по профессиональному развитию» [1].

Кадровые проблемы проявляются в том, что в органы власти приходят сотрудники, часто не имеющие опыта работы в сфере государственного и муниципального управления (ГМУ), знаний законодательства в сфере ГМУ, работы с обращениями граждан, документационного обеспечения управления и цифровизации. Потребность в квалифицированных кадрах остаётся высокой. При приеме на работу от потенциального кандидата требуется только подготовленный пакет документов для прохождения конкурсного отбора, который, в свою очередь, никак не характеризует его квалификацию и профессиональные компетенции и носит формальный характер.

Образование по направлению ГМУ есть не у всех государственных и муниципальных служащих. Базового образования служащих органов власти недостаточно, так как оно формирует часть профессиональных компетенций, и зачастую они не связаны с ГМУ. Необходимо постоянное расширение компетенций государственных и муниципальных служащих. Особые требования должны предъявляться к специалистам высших и главных должностей государственной и муниципальной службы. От их квалификации зависит эффективность деятельности и качество работы подчинённых.

Развитие компетенций возможно несколькими путями, с одной стороны, в процессе деятельности, с другой стороны, через получение дополнительного образования или второго образования и путем освоения следующих ступеней образования. Анализ данных сотрудников (690 сотрудников, занимающих высшие, главные, ведущие и старшие группы должностей муниципальной службы муниципалитета г. Нижнего Новгорода

и администраций его районов) в мае 2023 г. показал следующее: только 9% сотрудников имеют профильное образование по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление»; 2% сотрудников получили второе высшее образование по направлению «ГМУ».

У молодых сотрудников до 35 лет (203 из 690 человек) профильное образование по специальности «ГМУ» у 15%, а у более старших от 35 лет и выше (487 из 690 человек) всего 6%. «Образование через всю жизнь» стало реальностью, однако это находит отражение не во всех сферах, и в частности, в ГМУ: второе высшее образование получили всего 22% сотрудников, а третье – менее 1%, имеют учёную степень 9 человек, около 1%.

Получение второго высшего образования требует больших ресурсных затрат, в сложившихся условиях деятельности муниципалитета это сложно вдвойне. Одним из вариантов решения задачи является использование возможностей профессиональной переподготовки и повышения квалификации, что также законодательно закреплено нормативными правовыми документами [1;2;3].

Оценка объективной потребности в получении второго образования, прохождения профессиональной переподготовки и повышения квалификации должна быть в фокусе внимания руководителя. Руководитель должен помочь грамотно сформулировать запрос сотрудника относительно направления, формы и периода обучения. Часто прохождение профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудником воспринимается как дополнительное «обременение», а не как возможность дополнительного профессионального развития и, как следствие, движения по карьерной лестнице. Возможно, более объективная оценка потребности в профессиональной переподготовке и повышения квалификации сотрудников остаётся за органом власти как за заказчиком.

Сложно оценить имеющиеся знания и навыки в сфере ГМУ, которые используются сотрудниками в повседневной деятельности, часто отсутствует какая-либо проверка знаний в профессиональной области, наличие которой позволило бы сразу оценивать квалификацию и уровень подготовки работника. В масштабах государственного управления общий уровень компетенций в сфере ГМУ складывается из знаний законодательной базы, теории и практики ГМУ, знания и навыков работы с документами именно на уровне муниципального управления, так как именно они напрямую взаимодействуют с проблемами граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О муниципальной службе в Российской Федерации».
3. Постановление «Об утверждении Положения о повышении квалификации и профессиональной переподготовке муниципальных служащих в администрации города Нижнего Новгорода (в редакции постановления администрации города Нижнего Новгорода от 08.09.2022 № 4728) № 273 от 20.01.2012. Документ (редакция от 08.09.2022) (nnov.ru).

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА: ТРАДИЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО НАРОДНОГО ПРОМЫСЛА

MENTORSHIP AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL CODE: TRADITIONS OF MUSICAL CRAFTS

О.Н. Мамонова
Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
O.N. Mamonova
Institute of Sociology, Federal Center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматриваются актуальные проблемы наставничества и его роль в трансформирующемся социально-культурном коде России. Согласно данным исследования студенчества, проведенного РОС в 2022 г., народная культура в большей степени сохраняется и транслируется старшим поколением, что акцентирует вопрос ролей современных наставников, особенно в сфере сохранения народных промыслов и создания музыкальных инструментов.

The article explores the current issues of mentorship and its role in Russia's transforming socio-cultural code. According to the student survey conducted by Russian society of sociologists in 2022, folk culture is largely preserved and transmitted by the older generation, which highlights the issue of the roles of contemporary mentors, especially in the maintenance of folk handicrafts and the creation of musical instruments.

Ключевые слова: Наставничество, трансформация, социокультурный код, народные традиции, народные промыслы, профессиональные династии.

Keywords: mentorship, transformation, socio-cultural code, folk traditions, folk handicrafts, professional dynasties.

Фундаментальной частью культуры по-прежнему является народное творчество во всем многообразии его традиций, играющее одну из главенствующих ролей в диалоге культур между поколениями. Эта связь, единство нравственного в традиционном и современном – основной принцип творчества и развития, в том числе в развитии народных художественных промыслов. Трансформация социокультурного кода отражает своеобразное взаимодействие ценностей и эстетики мировосприятия, организации многообразных форм досуга, социализации молодежи, интеракции социальных и этнических групп, раскрытии потенциала наставничества.

Музыкальные инструменты – часть социокультурного кода – можно рассматривать как универсальные элементы культурной жизни человека, начиная с эпохи палеолита. Особым пространством исторической памяти и передачи культурного наследия новым поколениям могут стать центры традиционных художественных производств, в том числе в малых городах (например, в Звенигороде Московской области сейчас реализуется проект по созданию единого пространства музея и центра для проведения мастер-классов и обучения – создания музыкальных инструментов, издавна производимых в данной местности). Особое значение приобретает выявление пространственных связей промысла с учетом реакций мастеров-наставников на культурно-историческую память места. Проблематика памяти и обновления традиции тесно связана с проблематикой среды, социальной идентичности, психо-эмоциональных и личностных связей [1, с. 352].

Несомненный интерес представляет исторический опыт адаптации и изменения художественной традиции. В частности, развернувшиеся в конце XIX в. процессы, в которых проявилась вся неоднозначность профессионального влияния. В советский период новая попытка мобилизации традиции и осуществления идеологического контроля способствовала формированию не только механизмов адаптации, но и стратегий сопротивления народного искусства. В настоящее время динамическая модель развития традиции художественных промыслов испытывает сложное влияние факторов новой экономической и культурной ситуации.

Трансформационные процессы, происходящие во всех сферах российского общества, актуализируют роль наставничества, ведь оно играет решающую роль в жизни наставляемых. Этот процесс – и наука, и искусство, так как наставник выполняет важнейшие функции в жизни наставляемых: «карьерную» и «психосоциальную». Возможности в осуществлении карьерной функции зависят от положения наставника, а реализация психосоциальной функции зависит от качества возникших межличностных отношений. В рамках психосоциальной

функции наставник оказывает психологическую поддержку, помогает ученику сформировать его профессиональную идентичность, способствует повышению уверенности обучаемого в своих силах. Возникшая между наставником и наставляемым синергия дает ощущение комфорта и благополучия как в профессиональной сфере, так и на конкретном рабочем месте. Наставник может служить примером в профессиональной деятельности и, при этом, удовлетворять потребность ученика в принятии и поддержке [3, с. 77], используя активное слушание, обратную связь, беседы о развитии.

В настоящее время наблюдается тенденция смены типов передачи социального и культурного опыта между поколениями и актуализируется проблема преодоления разрыва между ними. В 2023 г. в Год педагога и наставника в России запущен ряд программ развития наставничества для студентов. 21 февраля 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин, обращаясь с посланием к Федеральному собранию, обозначил необходимость изменений, которые должны затронуть сферу образования и, в первую очередь, – высшего образования. В нынешних политических условиях требуется более тонкая настройка реформ российского образования, направленных на развитие наставничества на базе отечественного социокультурного кода.

Пристального внимания заслуживает развитие династий как пример естественного и неформального наставничества [2, с. 166]. Сегодня открываются новые грани этого процесса. Возрождается практика наставничества, и при должной поддержке она может давать высокий образовательный эффект при минимальных затратах. Одним из видов профессиональных династий, который отличается особым алгоритмом формирования и существования, являются творческие династии, династические связи здесь, как ни в какой иной сфере, являются доминирующими. Особенность династий, функционирующих в сфере коллективного освоения и преемственного развития традиций народного искусства в процессе творческого ручного труда мастеров народных художественных промыслов, связана со следующим:

• нарушающиеся династические перспективы в связи с невозможностью следовать в курсе наследования профессии предков в узкоспециализированной области, в связи с отсутствием условий для поддержки процессов преемственности или наличием объективных (прошла мода на лаковые изделия, перенасыщение рынка, ликвидированы мастерские) или субъективных (отсутствие средств на производство, подмена творчества рыночными механизмами) причин, провоцируют членов династий на поиск иных сфер приложения труда (художник народных промыслов трансформируется, например, в художника-мультипликатора, таким образом прерывая одну

династию и возможно, становясь родоначальником другого её профессионального воплощения);

• примеры отсутствия возможности предъявлять своё имя носителем династических связей (клеймо, поставленное на художественных изделиях, не содержит фамилию автора работы, а представляет собой зарегистрированный фирменный знак хозяйствующего субъекта, находящегося с художником в трудовых отношениях) наносит репутационный удар по сложившимся и наследуемым профессиональным траекториям (Федоскино);

• отсутствие государственной поддержки исторически сложившихся центров народных промыслов как историко-культурного капитала российской идентичности на фоне превращения уникального творчества в разновидность обычного ремесла способствует вырождению династий и нарушает процессы накопления и передачи важнейших элементов профессии будущим поколениям;

• процесс возрождения семейной профессиональной преемственности инициируется акциями гражданского общества по поиску специалистов, представляющих последнюю генерацию утраченной династии, организацией мероприятий по популяризации народного промысла или вида деятельности на конкретной территории, помощи по формированию института наставничества и сохранению ремесла (культурное наследие мастеров села Шихово по производству народных инструментов).

Обретая современные формы, изготовление музыкальных инструментов продолжает развиваться в историческом центре промысла (Шихово), так и в других населенных пунктах Московской области. По-прежнему актуальным остается изготовление домр и гитар для Фонда Чайковского, частных коллекционеров и в качестве сувенирной продукции, являясь важным элементом в сфере событийного туризма. К сожалению, современная молодежь не торопится усваивать опыт предков: все мастера являются людьми старшего возраста, а ученики (в основном, студенты колледжей и вузов), желающие освоить нелегкое мастерство, должны посвятить ему не менее 6-7 лет плодотворной работы в паре с наставником. Занимая особую нишу в культуре Звенигородского края, ремесла и промыслы всё же имеют перспективы для дальнейшего развития, если роль наставника будет формально закреплена.

Весной 2022 г. в странах СНГ по решению Президиума РОС было проведено исследование «Культурное наследие и связь поколений». В совокупности опрошенных представлены все Федеральные округа страны (9 751 студент вузов РФ). Согласно полученным данным, народная культура в большей степени сохраняется и транслируется старшим поколением [4, с. 61]. Молодежь, в своем большинстве, осознавая ценность народной культуры в целом,

ранжирует ее элементы по степени их соответствия запросам современности. По мнению большинства опрошенных, «необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее потомкам» (78,2% всей выборочной совокупности по сравнению с 74,2% московских студентов). При общей тенденции уменьшения значимости народной культуры в жизни каждого последующего поколения по сравнению с предыдущим наиболее быстро «уходит» в прошлое игра на национальных музыкальных инструментах (поколение студентов – 11,3% всей совокупности, 8,3% – Москва по сравнению с 28.4% поколениями бабушек и дедушек всей совокупности и 20,7% – Москва). Даже в семьях вышеупомянутых мастеров музыкальных инструментов лишь некоторые внуки занимаются по классу народных струнных инструментов (домра, балалайка при лидирующем положении гитары). Тем не менее, разницы в распределении ответов всей выборочной совокупности и студентов Москвы при ответе на вопрос, «насколько лично для Вас важно сохранение народного искусства», практически не обнаружено (64,7% и 65,3% респондентов).

Сохранение культурного кода, поддержание исторической памяти и ведение летописи промысла народных музыкальных инструментов нуждается во всесторонней поддержке. В связи с этим с 2021г. по настоящее время ряд НКО совместно с Общественным объединением «Шиховские струны» занимется созданием фотолетописи жизнеописания мастеров музыкальных инструментов (д. Шихово Звенигородского района), проводит фотовыставки и концерты с ведущими музыкантами и профессорами Российской академии музыки имени Гнесиных в Москве, Звенигороде и Вязьме, популяризует их творчество в музеях и усадьбах, приобщая юные поколения к народной культуре.

Список литературы

1. Ермишина А.В., Центры художественных промыслов: пространство памяти и обновления традиции. IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. / под ред. В.А. Тишкова. Петрозаводск, 2011. С. 352.

2. Мансуров В.А., Иванова Е.Ю., Колесникова Е.М., Мамонова О.Н., Семенова А.В., Шатрова Е.А., Юрченко О.В., Юрьев П.С., Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: Новый Хронограф, 2022. С. 149-175.

3. Мамонова О.Н., Юрченко О.В. Наставничество в науке: перспективы и вызовы // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.

Культура. 2021. Вып. №5 (88). С. 76-83. Журнал: ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура.

4. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЛЯ ПОМОЩИ ПРИ АДДИКЦИЯХ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

THE PROBLEM OF USING VIRTUAL REALITY TO HELP YOUNG PEOPLE WITH ADDICTIONS

Меисиалла Ланген Нидхана
Аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий ФСН, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Университет Пахлаван Туанку Тамбусай, Риау, Индонезия
Meisyalla Langen Nidhana
Lobachevsky University, University of Pahlawan Tuanku Tambusai, Riau, Indonesia

Оценивалась эффективность VR-интервенций в отношении поведения при курении электронных сигарет или вейпа. Выявлено, что VR-игры повышают знания о вреде вейпов и уменьшают частоту их использования, а информационные сообщения в VR повышают желание отказаться от вейпинга. VR-интервенции имеют потенциал для комплексной терапии аддикций.

The effectiveness of VR interventions regarding electronic cigarette or vape smoking behavior was evaluated. It was found that VR games increase knowledge about the harm of vaping and reduce its frequency of use, while informational messages in VR enhance the desire to quit vaping. VR interventions have the potential for comprehensive addiction therapy.

Ключевые слова: виртуальная реальность, поведение при курении, электронная сигарета, вэйп

Keywords: Virtual reality, smoking behavior, E-cigarette, vapor

Введение

Виртуальная реальность предоставляет уникальные возможности для помощи людям с аддикциями, такими как алкоголь, наркотики, курение или игровая зависимость. Виртуальная реальность может симулировать ситуации и

среды, связанные с аддикцией, позволяя пользователям освоить навыки устойчивости.

В данной статье представлены результаты систематического обзора научных исследований, сфокусированных на использовании виртуальной реальности для воздействия на поведение пользователей электронных сигарет. Основное внимание уделено трём ключевым исследовательским вопросам: в первую очередь, рассматриваются существующие типы сценариев в виртуальной реальности, нацеленные на борьбу с проблемой курения электронных сигарет. Далее следует вопрос о том, насколько удачно виртуальная реальность использовалась для формирования поведенческих изменений, направленных на прекращение курения электронных сигарет. И, наконец, исследуется потенциал виртуальной реальности в качестве инструмента для формирования поведения, направленного на отказ от курения электронных сигарет.

Материалы и методы

Этот обзор придерживается рекомендаций PRISMA. Для поиска использовались онлайн-базы данных Scopus, PubMed и Google Scholar с использованием следующих поисковых запросов: (Виртуальная реальность ИЛИ Смешанная реальность) И (курение ИЛИ вейпинг ИЛИ сигарета ИЛИ никотин ИЛИ пар ИЛИ вейп ИЛИ электронная сигарета ИЛИ электронные системы доставки никотина) И (желание ИЛИ стремление ИЛИ прекращение).

Данные собирались и компилировались в таблицу, включая год, автора, метод и результаты вмешательства. Период исследования охватывал январь 2009 по май 2023 года и ограничивался англоязычной литературой. Поисковый запрос завершен в мае 2023 года и дал 1053 работы: Scopus (n=32), PubMed (n=24) и Google Scholar (n=997). После удаления дубликатов осталось 674 работы. Было проведено три этапа отбора: исключение по заголовку, исключение по аннотации и исключение на основе текста всей статьи.

Критерии включения были следующими: работа должна была рассматривать использование виртуальной реальности для воздействия на курение электронных сигарет; рассматривалось только поведение, связанное с электронными системами доставки никотина (ENDS) или вейпингом с никотином или без него. После трех этапов отбора остались четыре работы. Кроме того, через поиск списка литературы были выявлены три работы, соответствующие критериям включения и исключения [1-3]. Одна из работ была недоступной, но имела зарегистрированный патент.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что виртуальная реальность оказывает значительное воздействие на поведение, связанное с курением электронных сигарет [4], включая формирование психосоциальных определителей потребления электронных сигарет, таких как знание, восприятие вреда [1] и улучшение социальных представлений об использовании электронных сигарет [2]. Было установлено, что виртуальная реальность эффективно повышает намерение и восприятие риска, связанного с курением электронных сигарет, и формирует поведение, убеждающее людей бросить вейпинг. Кроме того, воздействие виртуальной реальности снижает интерес к вейпингу непосредственно после вмешательства и сохраняется на протяжении недели после вмешательства [3]. Признание никотина как вещества, предшествующего зависимости, может привести к решению бросить электронные сигареты.

Ниже мы рассмотрим ответ на исследовательский вопрос о том, какие существуют типы применения виртуальной реальности в отношении прекращения курения электронных сигарет.

Существуют две формы виртуальных реальностей, проанализированные в этой работе: основанные на играх и основанные на сообщениях. Виртуальная реальность, основанная на играх, описана в [1; 2]. Invite Only VR – это виртуальное реальное вмешательство на основе видеоигры, которое информирует о вреде курения электронных сигарет и создает виртуальную среду для подростков в возрасте от 13 до 16 лет, чтобы они учились сопротивляться давлению сверстников.

Другая форма виртуального вмешательства, описанная в [3], представляет собой сообщение, состоящее из трех различных компонентов: виртуальное реальное сообщение, иллюстрирующее воздействие вторичных аэрозолей на себя (VR-Self), виртуальное реальное сообщение, иллюстрирующее воздействие вторичных аэрозолей на других (VR-Other), и печатная реклама. Виртуальное реальное вмешательство было разработано для увеличения знаний о электронных сигаретах, знаний о зависимости от никотина, восприятия зависимости от электронных сигарет, восприятия рисков вреда и социального восприятия потребления электронных сигарет [1; 2].

Все исследования, включенные в этот обзор, были разработаны как методы предотвращения поведения по курению электронных сигарет. Однако они продемонстрировали эффективность формирования поведения, направленного на прекращение курения электронных сигарет или убеждения

сверстников бросить его в будущем. Повышение эффективности виртуальной реальности возможно путем их комбинирования с другими психотерапевтическими воздействиями [1]. Такая комбинация может представлять собой потенциальное направление для использования виртуальной реальности с целью формирования поведения, связанного с прекращением курения электронных сигарет.

Выводы:

1. Существуют как минимум два типа сценариев в виртуальной реальности, применяемых для борьбы с курением электронных сигарет: основанные на играх и основанные на сообщениях.

2. Комбинирование виртуальной реальности с другими психотерапевтическими методами может увеличить их эффективность.

Список литературы

1. Keijsers M., Vega-Corredor M.C., Tomintz M., Hoermann S. Virtual reality technology use in cigarette craving and smoking interventions (I "virtually" quit): Systematic review // Journal of Medical Internet Research. 2021. V. 23(9). e24307.

2. Weser V.U., Duncan L.R., Sands B.E., Schartmann A., Jacobo S., François B., Hieftje K.D. Evaluation of a virtual reality E-cigarette prevention game for adolescents // Addictive Behaviors. 2021. V. 122. 107027.

3. Xu Z., Dam L., Park S. Using Virtual Reality in E-Cigarette and Secondhand Aerosol Prevention Messages: Implications for Emotional Campaign Design // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2023. V. 26(4). P. 279-287.

4. Мейсялла Л.Н., Демарева В.А. Влияние интервенций в виртуальной реальности на поведение при курении электронных сигарет: систематический обзор литературы // Вестник психофизиологии. 2023. №3. С. 75–78.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ

CHALLENGES OF INTERNATIONAL STUDENTS' USE OF APPS TO IMPROVE ACADEMIC PRODUCTIVITY

Олавуо Самуэль Олутунде
Аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий ФСН, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нигерия
Olawuwo Samuel Olutunde
Lobachevsky University, Nigeria

В исследовании рассматривается использование приложений для повышения академической продуктивности. Участвовал 21 студент магистратуры и аспирантуры. Результаты анкеты показали, что 66,73% не используют никаких цифровых приложений для ведения заметок на занятиях. Большинство используют Google Drive, но не используют приложения для задач. Отмечен низкий интерес к новым приложениям для избежания плагиата. Исследование подчеркивает важность признания потенциальных преимуществ таких инструментов администрацией и преподавателями.

The study examines the use of applications to enhance foreign language learning productivity. It involved 21 master's and doctoral students. Survey results indicated that many do not take notes (66.73%) and manually handle literature (45%). Most use Google Drive but do not utilize task management apps. There is a noted lack of interest in new plagiarism and task-related applications. The research underscores the importance of recognizing the potential benefits of such tools by administrators and educators.

Ключевые слова: продуктивность, познание, английский язык, плагиат.
Keywords: Productivity, cognition, English, plagiarism.

Введение

В последние годы Россия стала привлекательной для иностранных студентов, желающих получить высшее образование. Российские университеты предлагают высококачественное образование на разных языках в различных областях, включая науку, технологии, медицину, искусство и гуманитарные науки. Образование в России относительно доступно с финансовой точки зрения для иностранных студентов. Многие университеты предлагают бюджетные программы. Российские университеты предоставляют исследовательские

возможности для студентов в различных областях знаний, что привлекает тех, кто стремится к академическому и научному росту. Однако, стремясь к академическому совершенству и культурной интеграции, иностранные студенты в России сталкиваются с несколькими проблемами, которые могут затруднить их академический прогресс и общий опыт обучения. Это могут быть языковые барьеры, сложности социальной интеграции, культурной адаптации и академические трудности.

Среди академических вызовов, с которыми сталкиваются иностранные студенты, важной проблемой является медленный прогресс в исследовательской работе и трудности с соблюдением сроков выполнения заданий. Это исследование направлено на изучение факторов, способствующих этим проблемам среди студентов магистратуры, посещающих занятия по иностранному языку. Некоторыми из ключевых причин медленного прогресса является недостаточное знание особенностей структурирования академической работы, эффективного управления временем и распространенность "синдрома копипаста", когда студенты прибегают к плагиату из-за неправильных практик цитирования [1].

Для решения этих академических проблем и повышения общей производительности стала актуальной интеграция приложений и инструментов для повышения производительности. Они предлагают широкий спектр функций, направленных на управление временем, организацию задач и эффективные методы обучения. Несколько исследований [2; 3] подчеркивают положительное воздействие таких приложений на академическую успеваемость и уровень производительности, что делает их перспективным средством для повышения эффективности образования иностранных студентов в России. Однако использование множества компьютерных приложений может привести к увеличению стресса во время обучения, что может повлиять на их производительность и успехи в учебе. Поэтому выбор набора технических решений с положительным или нейтральным воздействием на психофизиологическое состояние обучающегося становится актуальным.

Целью данного исследования является изучение практики использования приложений для повышения производительности среди студентов магистратуры и аспирантуры, посещающих занятия по иностранному языку в России. Исследование включает в себя изучение видов используемых инструментов, частоты их использования, а также воспринимаемых преимуществ и сложностей, связанных с ними, что предоставляет ценные исследовательские данные и рекомендации для улучшения академической производительности и общих успехов иностранных студентов в России.

Материалы и методы

В исследовании участвовали студенты магистратуры и аспирантуры (N = 21), обучающиеся на курсах английского языка как иностранного в Университете Лобачевского, Нижний Новгород. Сбор данных осуществлялся с использованием онлайн-опроса "Использование приложений для повышения академической производительности" [4]. Опрос был распространен среди участников через приложение для обмена сообщениями.

Результаты и обсуждение

Данные опроса позволяют получить представление об использовании студентами различных инструментов и приложений для повышения производительности во время учебы.

Взглянув на полученные данные, можно заметить, что касательно инструментов для ведения заметок, Evernote, OneNote и Notability применяют менее чем 15% студентов, в то время как более 66,7% предпочитают не использовать цифровые приложения для заметок во время занятий. В отношении управления ссылками, данные опроса указывают, что 45% студентов по-прежнему предпочитают ручные методы сбора материалов для ссылок, Mendeley (25%) и Zotero (20%) следуют за ними, а Evernote используют лишь 10% студентов. Что касается приложений для академической сетевой деятельности, Academia пользуется наивысшей популярностью (57,4%), за ней следуют ResearchGate и LinkedIn (оба с показателями 52,4%), в то время как значительная часть студентов (23,8%) не использует приложения для академической сетевой деятельности. В области облачного хранения данных Google Drive является наиболее распространенным вариантом (66,7%), затем идет OneDrive (38,1%), а Dropbox используется 23,8% студентов, при этом некоторые (28,6%) вообще не прибегают к использованию приложений для облачного хранения данных. Относительно приложений для управления задачами и списками дел, большинство студентов (66,7%) не применяют такие инструменты, но небольшая доля студентов выбирает Google Task, Minimal List и To-do. Что касается видеоконференций и группового общения, Zoom является предпочтительным выбором для проведения учебных занятий и вебинаров, используемым 95,2% студентов. Google Meet (Classroom) и Skype также имеют свою аудиторию в 33,3% и 23,8% соответственно. Наконец, в области проверки плагиата, Grammarly является наиболее популярным инструментом, применяемым 38,8% студентов, в то время как Turnitin и другие аналогичные инструменты имеют меньшие показатели использования.

Далее рассмотрим, какую ценную информацию предоставляет опрос. В первую очередь, данные опроса раскрывают технологические предпочтения

студентов. Важно отметить, что многие из них предпочитают традиционные ручные методы работы с материалами для ссылок и ведения заметок перед цифровыми приложениями. Кроме того, опрос помогает оценить осведомленность студентов о различных инструментах и приложениях для повышения производительности и в какой степени они внедряют эти инструменты для организации своих учебных материалов и управления расписанием. Данные опроса также предоставляют информацию о том, какие инструменты и приложения студенты обычно используют в своей учебной деятельности. Это дает преподавателям и учебным заведениям понимание о том, какие инструменты эффективны в поддержке обучения и повышении академической производительности. Наконец, опрос выявляет области, где студентам может потребоваться дополнительная поддержка или обучение. Например, значительное количество студентов, не использующих приложения для управления задачами, указывает на необходимость улучшения навыков управления временем и организации учебной работы. Все эти аспекты делают результаты опроса ценным источником информации для всех участников образовательного процесса.

Результаты данного исследования имеют значимость для различных участников образовательного процесса. В первую очередь, они представляют интерес для преподавателей. Понимание технологических предпочтений и паттернов использования студентами приложений позволяет преподавателям более эффективно адаптировать свои методы обучения. Важным аспектом является также значение результатов для образовательных учреждений. Учреждения могут использовать эти данные для оценки эффективности инструментов, интегрированных в образовательные платформы. Это позволяет им лучше понимать, какие инструменты приносят больше пользы студентам, и исследовать способы сделать эти инструменты более доступными и удобными для использования студентами.

Поставщики технологий могут получить представление о поведении и предпочтениях пользователей своих продуктов. Это позволяет им улучшать свои продукты, чтобы лучше соответствовать потребностям студентов и делать их более эффективными в образовательном процессе. Наконец, сами студенты могут воспользоваться результатами опроса. Они могут изучить новые инструменты и приложения для повышения своей производительности, что в итоге улучшит их академическую успеваемость и поможет им успешно выполнять учебные задания. Таким образом, результаты этого исследования имеют практическую ценность для всех участников образования и могут способствовать обогащению учебного процесса.

Выводы

1. Студенты имеют разные предпочтения по использованию цифровых инструментов и приложений в образовательных целях, многие предпочитают традиционные методы.

2. Полученные данные будут полезными для преподавателей и учебных заведений, позволяя им лучше соответствовать потребностям студентов и эффективнее организовывать учебный процесс.

3. Благодаря результатам данного исследования поставщики технологий получат информацию о предпочтениях пользователей, что поможет им совершенствовать свои продукты и делать их более полезными для студентов, способствуя их академическому успеху.

Список литературы

1. Smith J., Johnson M., Williams A. Plagiarism and the Copy and Paste Syndrome: An Analysis of Academic Misconduct Among University Students // Journal of Academic Ethics. 2020. V. 18(3). P. 257-273.

2. Brown R., Jones S. The Impact of Productivity Apps on Academic Performance: A Comparative Study // Journal of Educational Technology. 2019. V. 42(2). P. 135-150.

3. Lee H., Kim J., Park C. Enhancing Academic Productivity through Productivity Apps: A Case Study of University Students // Computers in Education. 2021. V. 28(4). P. 589-602.

4. Олавуо С.О., Демарева В.А. Особенности использования студентами-иностранцами приложений для повышения академической продуктивности // Вестник психофизиологии. 2023. №3. С. 79-82.

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

LABOR VALUES IN THE CONTEXT OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

А.В. Рушева
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород
A.V. Rusheva
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Эффективность деятельности современных организаций определяется многими факторами, среди которых особое место занимает социокультурный. Актуализируется значение трудовых ценностей как составляющих нематериального культурного наследия, являющихся ключевыми регуляторами трудового поведения. Рассмотрены условия формирования структуры трудовых ценностей и их преемственности, а также проблемы в поддержании организационной культуры.

The effectiveness of modern organizations is determined by many factors, among which the socio-cultural factor takes a special place. The article actualizes the importance of labor values as components of intangible cultural heritage, which are the key regulators of labor behavior. The conditions of formation of the structure of labor values and their continuity, as well as problems in maintaining organizational culture are considered.

Ключевые слова: трудовые ценности, культурное наследие, трудовое поведение, культура, работники, руководитель

Keywords: labor values, cultural heritage, labor behavior, culture, employees, manager

Роль культуры в развитии личности, организации, сферы деятельности и общества, в целом, трудно переоценить. Для современного человека, находящегося под постоянным воздействием самых разнообразных и динамичных факторов окружающей среды, в ситуациях неопределённости и выбора, пытающегося при этом сохранить «своё лицо», культура часто является той «спасительной соломинкой», за которую он старается ухватиться, которая ему, как правило, помогает.

Исследователи выделяют несколько важных функций культуры и, организационной культуры, в частности:

- коммуникативная – является условием и результатом общения человека в обществе;

- информационная, отражающая взаимосвязь культуры с процессами накопления, передачи и хранения информации, способствующая распространению в обществе новых ценностей, правил и норм;
- адаптивная – помогает человеку приспособиться к новым жизненным условиям или изменить их в соответствии с формирующимися потребностями;
- социализирующая, предполагающая усвоение личностью ключевых социальных ценностей, норм, традиций, социальных ролей, её успешное включение в инновационные процессы;
- нормативная/регулирующая, координирующая действия людей, их поведение, позволяющая находить оптимальные пути решения конфликтных ситуаций и разнообразных жизненных задач;
- познавательная – реализуется за счёт использования обществом культурологических знаний человечества, социального опыта поколений.

Кроме того, культура выполняет эстетическую, интегративную, мотивирующую, преобразовательную и гуманистическую функции, тоже содействующих повышению уровня качества жизни [1]. Их реализация обуславливает формирование культурного наследия.

В «Декларации прав культуры» академик Д.С. Лихачев выделяет множество компонентов культурного наследия, в числе которых и нематериальные: язык, идеалы, традиции, обычаи, обряды, праздники, памятные даты, фольклор [2]. Заметим, что все они актуальны и востребованы, являются частью организационной культуры предприятий самых разных сфер деятельности. Придадим особую значимость социально-производственной среде и её культурной составляющей.

Наиболее вескими причинами изучения трудовой культуры являются объективные факторы функционирования организаций, а также обусловленные ими проблемы управления. Например, стремительно распространяющаяся цифровизация экономики, появление новых технологий, усложнение решаемых задач, повышение требований к компетенциям не могут не коснуться самочувствия и настроения работников, их мотивов, которые становятся все более разнообразными. Кроме традиционного материального стимулирования, актуальны духовные потребности, творческий характер работы, возможности самореализации в производственной и профессиональной сфере.

Одним из условий эффективного управления современным предприятием является понимание особенностей менталитета работников, специфики их взаимодействия в коллективах, отношения к труду. Данные характеристики могут быть описаны через трудовые ценности, под которыми следует понимать

«сформировавшиеся под воздействием внутренних и внешних факторов субъективные представления работника о наиболее значимых для него в определенный промежуток времени элементах трудовой деятельности и являющиеся основой трудового поведения» [3, с. 499].

Анализ проведенных исследований по выявлению трудовых ценностей позволил определить следующее:

= самыми главными для работающих являются заработная плата, стабильность, хорошие отношения с коллегами, наличие социальных льгот, возможность улучшить жилищные условия и интересная работа;

= существует разница в значимости ценностей труда для мужчин и женщин. Например, последними придается бóльшее значение стабильной работе, наличию социальных льгот, хорошей пенсии в будущем, отношениям с коллегами, в то время как мужчинам особо важны отношения с начальством, участие в управлении, интересная работа и ощущение собственной значимости как специалиста;

= определенную роль в формировании системы ценностей играет уровень образования. Работники с высшим образованием удовлетворенность от труда связывают с интересной работой и приносимой пользой людям (обществу) [3, с. 501-505];

= современный рынок труда представлен разными поколениями, имеющими свои особенности:

- традиционалисты желают постоянства, готовы работать много и длительное время в одной организации, уважают иерархию и власть;
- бэби-бумеры скептически относятся к власти, им присущ индивидуализм и эгоизм, важна командная работа для достижения личных целей, заметно стремление к успеху в работе, в карьере, лояльность к одной компании, ориентированы на обратную связь от руководства, свойственно постоянное самосовершенствование;
- работники поколения X одновременно верны и традициям и склонны поддерживать новые технологии, не отличаются конкурентоспособностью и в то же время самостоятельны и квалифицированны, творческие (ввиду растущего разнообразия), большое значение придают балансу работы и личной жизни, уверены в своих силах, открыты изменениям, предпочитают свободную рабочую среду, общение;
- Y-поколение готово к изменениям, имеет хороший адаптационный потенциал, наделено способностью трудиться в режиме многозадачности, глобально думать, толерантно к лицам других культур, его представители могут

легко сменить работу, ценят полученное образование, непрерывное обучение, активно используют интернет и социальные сети, в работе для них крайне важны духовные ценности;

- цифровое поколение Z обладает такими особенностями, как независимость, свобода, индивидуализм, склонностью к технологиям и к скорости, молодые люди находятся под сильным влиянием социальных сетей, нетерпеливы, как и поколение У, верят в силу технологий, как и «игреки», способны к многозадачности, предпочитают, творчество, нестандартные и персонализированные работы [4].

= на трудовое поведение, удовлетворенность трудом и его эффективность влияет социально-профессиональная позиция работника: «творец, карьерист, формалист, исполнитель», которая «имеет ценностно-смысловой характер и проявляется в системе взглядов и представлений, оценочных суждений и готовности решать профессиональные проблемы тем или иным способом» [5].

Как видим, в зависимости от разных факторов структура трудовых ценностей работников отличается, что затрудняет поддержание организационной культуры на предприятиях. Кроме того, к причинам её дисфункциональности можно отнести:

- распространяющиеся гибкие формы занятости (удаленная работа, фриланс), затрудняющие организационные коммуникации и создание единого коллектива с общими взглядами и системой ценностей;

- особенности работников разных поколений, имеющих, несмотря на некоторые сходства условий формирования базовых жизненных основ, существенные различия в установках, мировоззрении, образе мышления, убеждениях [4];

- динамичность миграционных процессов, в результате которых в организациях формируется мультинациональный коллектив с присущим ему своеобразием разных культур;

- гендерные различия и стереотипы, под влиянием которых формируются ценностные ориентации работников [6].

Перечень вышеприведенных факторов не является исчерпывающим и должен быть дополнен профессионально-личностными характеристиками менеджеров. К десяти ролям руководителей, описанных Г.Минцбергом [7], следует добавить роль хранителя традиционных трудовых ценностей и инициатора разумных и требуемых изменений оргкультуры. Очевидно, что их выполнение невозможно без изучения ожиданий и ценностных ориентаций работников. Сосредоточившись (зачастую вынужденно) на оценке профессиональных компетенций персонала, на прописанном в документах

содержании кадровой работы, руководитель забывает об индивидуальных особенностях работника, его внутреннем мире. Следствием является стихийное формирование трудового поведения подчиненных, ненужные трудовые конфликты.

Заключим, что формирование базовых трудовых ценностей и обеспечение их преемственности должно инициироваться не только экономическими институтами и руководством предприятий. В решении данного вопроса требуется активное участие государственной власти, институтов семьи, образования, у которых есть все возможности для необходимых изменений в культуре и повышения конкурентоспособности российской экономики.

При разработке кадровых стратегий руководству отечественных предприятий следует учитывать многообразие и фактические изменения ценностно-мотивационных установок российских работников.

Список литературы

1. Любина О. Н. Основные функции культуры и их роль в формировании инновационного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-funktsii-kultury-i-ih-rol-v-formirovanii-innovatsionnogo-obschestva (дата обращения: 04.10.2023).

2. Лихачев Д.С. «Декларация прав культуры»/ URL: http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123/ (дата обращения 04.10.2023).

3. Балашова Н.В. Трансформация трудовых ценностей работников в условиях глобальных изменений в экономике // Экономика труда. – 2023. – Том 10. – № 4.

4. Аранжин В.В., Нехода Е.В. Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты теоретического анализа // Экономика труда. – 2022. – Том 9. – № 1. – С. 163.

5. Тарасова С.А. Социально-профессиональная позиция как экзистенциальный выбор субъекта (на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. 2018. №5 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-professionalnaya-pozitsiya-kak-ekzistentsialnyy-vybor-subekta-na-primere-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy (дата обращения: 12.10.2023).

6. Виниченко В.А., Кочергина Т.В., Селезнева М.В. Влияние гендерных различий на формирование трудовых ценностей работника // Экономика труда. –

2022. – Том 9. – № 11. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49891461 (дата обращения: 12.10.2023).

7. Роли руководителя в организации (по Минцбергу). – [Электронный ресурс]. – URL: https://lektsii.org/9-38574.html (дата обращения: 12.10.2023).

РИТУАЛЬНЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В СВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ФОКУС-ГРУППЫ)

RITUAL MAGICAL PRACTICES IN SECULAR DAILY LIFE (FOCUS GROUP RESULTS)

М.В. Цимбал
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Российский Университет Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва
Е.О. Польникова
Российский Университет Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы
M.V. Tsimbal
ISESP RAS
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow
E.O. Polnickova
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

В последнее время наблюдается рост популярности различного рода эзотерических, магических, оккультных практик, вокруг которых формируются соответствующие сообщества. В данной работе раскрывается гипотеза, объясняющая данное явление, а также приводятся результаты фокус-группы, направленной на выяснение соотношения «наука –магия» в мировоззрении и повседневной жизни образованной молодёжи.

Recently, there has been an increase in the popularity of various kinds of esoteric, magical, occult practices, around which appropriate communities are formed. This paper reveals a hypothesis explaining this phenomenon, and also presents the results of a focus group aimed at clarifying the relationship between "science and magic" in the worldview and everyday life of educated youth.

Ключевые слова: ритуал, оккультные практики, социальные потребности, светское общество, фокус-группа

Keywords: ritual, occult practices, social needs, secular society, focus group

Ритуалы – стандартизированные действия, выполняемые для упорядочения жизнедеятельности, придания ей упорядоченного и предсказуемого характера, преодоления стресса [1]. Само по себе слово “ритуал” ассоциируется, в первую очередь, с некими религиозными обрядами, однако современная повседневная жизнь тоже наполнена ритуализированными действиями, имеющими институциональные корни.

Ритуалы оказывают непосредственное влияние на когнитивную деятельность. Так, облачение в определённого стиля одежду оказывает влияние на когнитивные функции, в том числе и самовосприятие [2]. Такого рода ритуалы институционализированы, распространены повсеместно и встроены в повседневную деятельность.

В последнее время набрали популярность различные практики, внешне относящиеся к магическим [3]. Вырос рынок магических и эзотерических товаров, возросла популярность информационных порталов и сообществ, занимающихся публикациями материалов на темы магии, духовности, ведьмовства. При этом эти практики не относятся к определённому религиозному течению, этнической культуре или историческому этапу. Те, кто практикует подобного рода ритуалы, часто не являются последователями конкретной религии, не верят в сверхъестественные силы и не ожидают по-настоящему магических эффектов от проведённых практик. Иными словами, различные обряды не являются обращением к неким потусторонним, магическим, сверхъестественным силам, но направлены на работу с психологическим аспектом личности.

Можно заметить, что разнообразные популярные практики выполняют схожие функции. В основном они связаны с такими потребностями, как принадлежность к группе и/или культуре, эмоциональная стабильность. Большинство ритуалов схожи с психологическими и психотерапевтическими методиками: аффирмациями, визуализацией, различными способами обнаружения эмоциональных проблем и работы с ними. [4].

Сообщество ведьм критически относится к капиталистическим ценностям, современному стилю жизни. Магические практики включают элементы эскапизма, служат своего рода отдыхом от городской среды. Так, практики обустройства собственного алтаря позволяют создать “безопасное пространство”, в рамках которого индивиды могут на время сепарироваться от остального мира, удовлетворить потребность в личном пространстве (что особенно актуально для миллениалов и gen Z, которые не могут позволить себе собственного жилья [5]). Помимо этого, это и возможность потратить время на себя, что не всегда удаётся жителям больших городов.

С другой стороны, данное движение позволяет сформировать сообщество тех, кто по умолчанию критикует определённые аспекты современной жизни и стремится найти альтернативы. Таким образом, сообщество «светских ведьм» позволяет не только удовлетворить личные психологические потребности, но и потребности социальные

Результаты фокус-группы

Для более подробного ознакомления с проблемой было проведено две фокус-группы. Особый фокус исследования был направлен на борьбу противоположностей: вера в науку и обращение к магическим ритуалам. Респонденты, принявшие участие в фокус-группах, выбирались нами по критерию образования: принимали участие учащиеся магистратуры и аспирантуры, что подтверждает наличие у них, как минимум, бакалаврского образования, поэтому данную категорию респондентов мы охарактеризовали как “образованная молодежь”. Был учтён и фактор происхождения респондентов: в фокус-группе приняли участие представители различных стран и субъектов РФ.

Данные, полученные групповым интервью, показывают, что магические ритуалы часто используются для создания ощущения безопасности самими респондентами или их родственниками. Спрос на них в особенности возрастает в переломные моменты и времена кризиса. *“Вообще всегда, когда какие-то такие масштабные события, сразу же начинают плодиться всякие секты, подскакивает интерес вот во всех этих эзотерических практиках,”* – сказал один из респондентов. Повышенный спрос на магические практики тоже отмечается возросшим спросом на эзотерические товары на популярных маркетплейсах.

Опрошенные отрицают веру в эзотерическое, однако отмечают, что, несмотря, на первый взгляд, рудиментарные способы вернуть чувство безопасности в жизнь, многие россияне, по их мнению, прибегают к магическим ритуалам. Они отмечали и личный опыт обращения или опыт обращения своих близких и друзей, но характеризовали это следующим образом: *“Последний шанс… Безысходность… Все перепробовал, ничего не помогает, решил обратиться к высшим силам”*, – такими фразами участники ФГ описывали основные причины обращения к магическим ритуалам.

Подчеркивается гендеризированность и снижение возраста обращающихся к эзотерике. Причем первое характеризуется привилегированным положением мужчины по сравнению с положением женщины: *“Есть вот этот стереотип, что есть бабка-гадалка и есть бабка, которая приходит к ней, а когда мужчины занимаются такими вещами, они более эксклюзированы и их меньше видно. Плюс, мне кажется, там есть лифт, потому что опять же бабка*

гадалка надвое сказала, а если мужчина – это уже ... ууу... это уже шаман, СЕРЬЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭТИМ ЗАНИМАЕТСЯ.”

Относительно возраста особого интереса к магическим ритуалам респонденты указывали на возрастную категории 40 лет, однако отметили, что данная планка снижается. Возможно, опять же в связи с глобальными событиями, происходившими в последние годы, и возрастанием уровня массовой тревожности.

Ритуальные практики связывают с национальными обрядами. В состав участников ФГ входили представители разных республик РФ, они ассоциировали традиционные обряды с ритуальными практиками. В национальных обрядах тоже присутствует элемент эзотерики, поскольку они проводятся в отведенных для этого местах и специализированными людьми.

Таким образом, несмотря на преобладание светского образа жизни образованной молодежи и отрицание собственной веры в магическое и сверхъестественное, ритуальные практики остаются распространённым феноменом, что так или иначе отмечается всеми участниками фокус-групп.

Список литературы

1. Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // ЖССА. – 2010. – №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-sotsialnogo-ritual-emotsii-vospominaniya (дата обращения: 05.12.2022).
2. Michael L. Slepian, Simon N. Ferber, Joshua M. Gold, Abraham M. Rutchick. The Cognitive Consequences of Formal Clothing // Social Psychological and Personality Science – 2015. – Vol. 6(6). – Pp. 661-668. – DOI: 10.1177/1948550615579462 URL: https://www.researchgate.net/publication/277641085_The_Cognitive_Consequences_of_Formal_Clothing
3. Lenta.ru: Руны с Wildberries и порча через TikTok. Как колдуют современные подростки и почему они пытались проклясть Луну? URL: https://lenta.ru/articles/2022/10/31/witchtok/
4. Miller, Chris. 2022. How Modern Witches Enchant TikTok: Intersections of Digital, Consumer, and Material Culture(s) on #WitchTok. Religions 13: 118. DOI: https://doi.org/10.3390/rel13020118
5. ТАСС: Исследование: более четверти молодых людей в России живет с родителями. 2021. URL: https://tass.ru/obschestvo/10441495

РОЛЬ СЛУЖБЫ СОЦИАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИИ В ОКАЗАНИИ СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ СТАРШЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

THE ROLE OF THE SOCIAL COORDINATION SERVICE IN PROVIDING SOCIAL AND MEDICAL ASISTANCE TO THE ELDERLY GENERATION

М.В. Фирсов,
Российский государственный социальный университет, г. Москва
Н.А. Птицына
Ивановский государственный университет, г. Иваново
И.Р. Беставашвили
ГБУ города Москвы «Координационный центр по межведомственным проектам Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы», г. Москва
M.V. Firsov
Russian State Social University, Moscow
N.A. Ptitsyna
Ivanovo State University, Ivanovo
I.R. Bestavashvili
Moscow State Budgetary Institution "Coordination Center for Interdepartmental Projects of the Department of Labor and Social Protection of the Population of Moscow", Moscow

Рассматриваются отдельные аспекты формирования нового направления отечественной социальной работы – социальной координации, известного в зарубежной практике как социальная навигация. Сотрудники службы социальной координации непосредственно в медицинской организации оказывают содействие пациентам в оказании комплексной помощи (особенно 65+), с учетом их интересов и потребностей, способствуя улучшению состояния, помогая адаптироваться к условиям жизни в лечебном учреждении и за его пределами.

Certain aspects of the formation of a new direction in domestic social work - social coordination, known in foreign practice as social navigation - are considered. The staff of the social coordination service assists patients in providing comprehensive care directly in a medical organization (especially persons 65+), taking into account their interests and needs, helping to improve their condition, and helping them adapt to living conditions in a medical institution and outside of it.

Ключевые слова: служба социальной координации, социально-медицинская помощь, люди старшего возраста.

Keywords: social coordination service, social and medical assistance, elderly people.

В современных условиях отечественная социальная работа как теория, направление общественной деятельности, процесс образования меняет свои сущностные исторические характеристики. В числе факторов, вызвавших эти изменения, следует назвать старение населения и пандемию COVID-19. Специфика жизни в период пандемии повлияла как на философию жизнедеятельности человека в обществе, так и на практику и идеологему повседневной социальной работы, что привело к системным изменениям, сдвигу парадигмы, появлению новых форм оказания помощи человеку.

Модернизация социальной работы в этот период была обусловлена рядом обстоятельств. Во–первых, трансформацией философии помощи: произошел переход от дискурсов социальной политики равенства потребления и распределения к философии «биополитики», где концепты «общественного здоровья» становились дискурсами «новой нормы» и «новой патологии». В системе социальной защиты населения «новые нормы» были связаны с введением административных мер по изоляции наиболее виктимных групп населения, прежде всего людей старшего возраста, имеющих мультиморбидные заболевания. Вместе с тем, реализовывались определенные программы, в рамках которых органы власти не только ограничивали пространство жизнедеятельности социально уязвимых категорий населения, но и брали на себя ответственность по обеспечению их жизненных потребностей (например, программы социально-медицинской помощи, терапевтической и консультативной поддержки). Во-вторых, актуализацией цифровых технологий в системе административной практики и институциональной поддержки. В условиях пандемии функционирование социальной инфраструктуры заметно сократилось. Стационарные учреждения социального обслуживания работали в режиме карантина и/или обсервации, центры социального обслуживания населения частично перешли на онлайн платформу, что изменило формат их практической деятельности [1;2]. В практике социальной работы приоритетными становились онлайн-технологии, позволяющие решать или купировать ряд проблем социальной изоляции людей старшего возраста. Однако применение цифровых инструментов не позволило в полной мере осуществлять оценку и контроль положения граждан, входящих в группы риска (например, проявление насилия в отношении представителей старшего поколения, находящихся в условиях длительного пребывания на ограниченной территории).

В-третьих, реализацией деятельности социальных работников в режиме проактивности в новых сферах практики и межведомственного взаимодействия.

Социальная практика во многих мегаполисах мира столкнулась с новыми вызовами в период пандемии, одним из которых становился уход за людьми

старшего возраста в медицинских организациях, а также оказание последующей поддержки на дому. Эти тенденции обусловили необходимость внесения изменений в протоколы медицинской помощи на основе доказательной практики и этических факторов. В результате – в организациях здравоохранения, например в Китае, Индии, социальные работники стали отходить от своих «традиционных форм деятельности», начали реализовывать подходы «социальной навигации», способствующие лечению, выписке и дальнейшему уходу за пациентом вне учреждений здравоохранения.

В этой связи научный и практический интерес представляет отечественный опыт создания службы социальной координации на территории Москвы. Идея инициативной группы о создании социального сервиса родилась в период пандемии, когда возникла острая потребность в объединении усилий сотрудников учреждений здравоохранения и социальных учреждений для предоставления услуг пациентам, нуждающимся в социальном сопровождении. Настоятельная необходимость включения социальных работников в структуру работы медицинских организаций была продиктована такими причинами, как изменение функционирования медицинских учреждений в период пандемии, наличие у пациентов социальных и психосоматических особенностей (последствия изоляции, депрессия, бессонница, тревожность, фобии). Внимание акцентировалось на оказании помощи, в первую очередь, людям старшего возраста (одиноким, имеющим инвалидность, перенесшим сложные операции), лицам БОМЖ, нуждающимся в профессиональном уходе. В постпандемийный период эта практика получила дальнейшее развитие. Взаимодействие органов власти и подведомственных им организаций осуществлялось на основе Приказа Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы и Департамента здравоохранения города Москвы № 53/90 от 03.02.2023 года «О взаимодействии Департамента труда и социальной защиты города Москвы, Департамента здравоохранения и подведомственных им организаций при реализации социального сервиса «Социальная служба в медицинских организациях государственной системы здравоохранения города Москвы». Служба социальной координации начала функционировать в столице с сентября 2021 г.

Сотрудники социальной службы, работая в тесном контакте с медицинским персоналом, оказывают разностороннюю поддержу уязвимым группам пациентов с момента их госпитализации до выписки из учреждения здравоохранения, тем самым освобождая медицинских работников от решения немедицинских проблем. Помощь пациентам непосредственно на территории 38 лечебных учреждений организуется двумя подразделениями: командой

социальных координаторов и командой администраторов службы сервиса. По данным ГБУ г. Москвы «Координационный центр по межведомственным проектам Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы» на 1.09.2023 года, в реализации проекта принимают участие 142 человека (в том числе занимающих должности старших координаторов – 41, социальных координаторов – 187).

В ходе проведения пилотажного исследования с целью изучения опыта и актуальных проблем участников проекта (Москва, июнь 2023, выборочная совокупность – 78 человек) выявлено, что социальные координаторы чаще всего работают с людьми старшего возраста (65+) – 96,2%; инвалидами – 61,5%; лицами БОМЖ – 52,6%, а также участниками, инвалидами и ветеранами ВОВ – 26,9%. Реже среди пациентов встречаются семьи и дети (3,8%), участники СВО и члены их семей (2,6%). Обращает внимание тот факт, что среди пациентов учреждений здравоохранения г. Москвы не только жители мегаполиса, но и других регионов и государств (24,4%).

Диапазон социальных услуг, предоставляемых пациентам службой социальной координации на территории медицинских организаций, достаточно широк: от консультирования до организации выписки из стационара и сопровождения пациента после выписки. По данным исследования, наиболее востребованными у пациентов были такие услуги, как оказание помощи в организации социального обслуживания (39,7%) и сопровождения (33,3%); в установлении связи с родственниками (26,9%); проведении консультаций (23,1%); менее востребованными – организация транспортировки (12,8%) и вызов такси (6,4%). Значительную часть составили услуги, которые респонденты включили в содержание варианта ответа «другие» (23,1%). Среди перечня этих услуг преобладают организация и содействие при оформлении в стационар (снятие тревожности и др.) и выписке пациента (особенно с функциональным дефицитом) и/или при необходимости направления в социальное учреждение (например, ГКУ ЦСА им. Е.А. Глинки); психологическое консультирование (по вопросам преодоления страхов перед медицинскими манипуляциями; затруднений в процессе адаптации к условиям стационара и психологического истощения от длительного пребывания в нем, депрессии и др.); консультирование по социальным вопросам (предоставление мер социальной поддержки, оформление инвалидности и социального обслуживания на дому, в том числе социально-медицинского) [3].

Ролевой репертуар социального координатора обусловливается спецификой профессиональной деятельности. В числе ключевых можно выделить несколько групп ролей. В помогающем процессе – это группы

практических ролей (консультант, организатор /помощник пациента) и посреднических (управляющий делами пациента, защитник интересов и прав). Выделяют также управленческие (администратор, руководитель персонала, лидер команды) и профессиональные роли (наставник; исследователь/эксперт). В некоторых случаях социальный координатор может выполнять ролевую нагрузку, содержание которой определяется особенностями конкретной ситуации (например, так называемую ситуативную ролевую нагрузку «альтруист» или «виноватый»). Чаще всего в практической деятельности социальный координатор занимает интегративную ролевую позицию, совмещая одновременно несколько ролей, например, «консультант» и «управляющий делами пациента», «руководитель персонала» и «наставник».

Социальный координатор в процессе профессиональной деятельности осуществляет полифункциональное взаимодействие с пациентом, в основе которого лежит личностно-ориентированный подход. Под интервенцией в контексте деятельности службы социальной координации понимается вмешательство посредством сотрудничества для стимулирования позитивных изменений; ослабления или устранения патологических форм поведения, препятствующих социальной адаптации и формированию у пациента мотивации к выздоровлению. Основными принципами интервенции являются поддержка, уважение, сотрудничество, коллегиальность, соблюдение принципов этики и деонтологии. Применение социальным координатором практик интервенции способствует актуализации личностных ресурсов пациента, что обусловливает оптимизацию процесса лечения и развитие мотивации на выздоровление. К основным практикам интервенции, используемым социальными координаторами, можно отнести следующие: информирование, социально-психологическое сопровождение, актуализацию личностных ресурсов пациента.

Рассматривая тенденции социальной навигации, которые оформляются сегодня в многополярном мире, необходимо отметить, что российская модель социальной координации складывается в межведомственном взаимодействии системы социальной защиты населения и здравоохранения, формируется в дискурсах социальной интеграции и координации и определяется как интегративная модель социальной координации. Модель базируется на философии заботы о человеке, которая сосредоточена как на проблемах его здоровья, так и проблемах его социального благополучия. Интегративный подход позволяет отходить от моделей болезни, традиционно реализуемых в медицинских учреждениях, дает возможность целостно и системно подходить к человеку с позиций биологических, психосоциальных, экологических и

поведенческих факторов и эффективно реагировать не только на его проблемы и потребности, но и выстраивать индивидуальные стратегии заботы, помощи, социальной реабилитации и ухода в ближней, средней и дальней перспективе.

Результаты проведенного анализа позволили авторам сделать вывод, что создание и функционирование службы социальной координации в медицинских организациях – актуальное направление социальной работы, востребованное в современных условиях, поскольку деятельность социальных координаторов способствует улучшению состояния пациентов, помогая людям старшего возраста адаптироваться к иным условиям жизни, а также восстанавливать и/или сохранять свой социальный статус. Однако по мере развития службы в практике деятельности социальных координаторов возникает множество вопросов, требующих научного изучения и обоснования. В этом направлении предстоит серьезная научно-исследовательская работа.

Список литературы

1. Киенко Т.С., Савина Е.А. Хроники карантина и обсервации в доме-интернате для престарелых и инвалидов //Социологические исследования. 2021. №2. С.103-110;
2. Киенко Т.С., Птицына Н.А. Россияне старшего возраста в условиях рисков COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 91-102.
3. Фирсов М.В., Мкртумова И.В., Птицына Н.А., Бесатавашвили И.Р. Изменение философии и практики социальной работы в дискурсах социальной кооординации: сдвиг парадигмы от менеджеризма к клинике // Отечественный журнал социальной работы, 2023, №2 (93). С.10-26.

ВЛИЯНИЕ ЗЕЛЕНЫХ HR-ПРАКТИК И ЗЕЛЕНОЙ МОТИВАЦИИ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ – ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

IMPACT OF GREEN HR PRACTICES AND GREEN MOTIVATION ON ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY IN THE HOSPITALITY INDUSTRY – BASIS FOR RESEARCH

Хуссейн Достдар
Аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Пакистан
Hussein Dostdar
Lobachevsky University, Pakistan

В связи с ухудшением состояния окружающей среды, вызванным промышленной революцией, страны постепенно начинают проявлять все бóльшую озабоченность предстоящими экологическими проблемами. Они поощряют организации работать над устойчивым развитием. «Озеленение» менеджмента и философии организации стало необходимым, поскольку заинтересованные стороны и ученые заставляют компании разрабатывать стратегию своей деятельности с учетом экологических, социальных и экономических результатов. Приведены цели и значение исследования, а также обозначена его теоретическая основа.

Due to environmental degradation caused by the industrial revolution, countries are gradually becoming more concerned about the environmental issues ahead. They are, therefore, encouraging organizations to work on sustainable development. Greening the organization’s management and philosophy has become essential as stakeholders and scholars have been pressuring firms to strategize their operations, considering the environmental, social, and economic outcomes. Research objectives and significance of the study are given as well as the planned theoretical framework.

Ключевые слова: зеленые HR-практики; зеленая мотивация; экологическая устойчивость; организационный менеджмент; стратегия

Keywords: green HR practices; green motivation; environmental sustainability; organization’s management; strategy

Стремление организаций к устранению производственных отходов и опасностей, создаваемых предприятиями, привлекает все большее внимание, поскольку экологические проблемы заставляют корпорации внедрять экологически устойчивые практики В литературе по экологии появилось много исследований, посвященных изучению влияния "зеленых" HR-практик и

экологического менеджмента [1;2]. Например, в работе [3] изучалось влияние "зеленого" найма, "зеленой" компенсации и "зеленого" обучения. Кроме того, учитывались возраст и пол, чтобы лучше понять устойчивую мотивацию сотрудников в условиях Португалии.

По мнению некоторых исследователей [4], "зеленая" мотивация должна изучаться вместе с "зелеными" HR-практиками в гостиничном секторе. Поэтому в данном исследовании изучается влияние "зеленой" мотивации как независимой переменной с другими аспектами "зеленой" практики управления персоналом на экологическую устойчивость. Лишь в нескольких исследованиях изучался модерационный эффект "зеленой" мотивации на взаимосвязь между "зелеными" HR-практиками и экологической практикой. Данное исследование восполняет этот пробел в изучении гостиничного бизнеса Гилгит-Балтистана (Пакистан).

Устойчивое развитие стало одним из ключевых направлений деятельности многих организаций, в связи с изменением климата, давлением со стороны регулирующих органов и требованиями общества к повышению экологической и социальной ответственности. Различные организации все чаще сталкиваются с экологическими проблемами и испытывают сильное давление со стороны заинтересованных сторон, требующих развивать экологически ответственную деятельность. Экологическая эффективность отражает результат, демонстрирующий степень приверженности компаний защите окружающей среды [5].

Исследования "зеленых" человеческих ресурсов и экологической устойчивости проводились во всем мире, однако в Гилгит-Балтистане, в частности в гостиничной индустрии, было проведено лишь несколько исследований, и именно с учетом этого пробела было проведено настоящее исследование. Цель исследования – установить влияние практики "зеленого" управления человеческими ресурсами на экологическую устойчивость гостиничного бизнеса в Гилгите и Балтистане.

Задачи исследования – изучить влияние "зеленой" практики управления персоналом на экологическую устойчивость гостиничной индустрии Гилгит-Балтистана и оценить влияние "зеленой" мотивации на экологическую устойчивость гостиничной индустрии Гилгит-Балтистана.

Запланированное исследование полезно для тех, кто связан с индустрией гостеприимства, для специалистов по управлению персоналом и менеджеров в целом, поскольку они смогут использовать выводы и рекомендации, представленные в данном исследовании, для повышения эффективности практики "зеленых" человеческих ресурсов. Данное исследование создает

основу для выработки политики, поскольку в нем выделены различные виды практики, оказывающие значительное влияние на экологическую устойчивость.

Планируемое исследование может дать представление о тенденциях и направлениях развития HRM в XXI веке. Это влияет на то, какая политика в области управления персоналом разрабатывается, чтобы обеспечить ее соответствие рыночным тенденциям. Такая политика влияет на достижение Целей устойчивого развития и Концепции 2030.

Руководство гостиничного бизнеса, работающего в регионе Гилгит и Балтистан, вероятно, получит значительную пользу от данного исследования, поскольку его результаты помогут в реализации "зеленого" HRM для повышения экологической устойчивости. Полученная информация позволит им внести необходимые изменения, чтобы привести себя в соответствие с требованиями Vision 2030, предусматривающими экологическую устойчивость.

Предлагаемое исследование имеет и теоретическую значимость, поскольку в нем рассматривается взаимосвязь "зеленой" мотивации с "зеленой" практикой управления персоналом и экологической устойчивостью.

Сфера действия данного исследования охватывает индустрию гостеприимства, работающую в регионе Гилгит-ад-Балтистан. Однако исследование будет сфокусировано на общей задаче сохранения окружающей среды и биоразнообразия. Целевой аудиторией будут сотрудники гостиничного бизнеса, а объектом исследования станут гостиницы, работающие более пяти лет. Цель исследования – изучить различные аспекты "зеленой" практики управления человеческими ресурсами и "зеленой" мотивации; влияние "зеленой" практики найма, обучения и развития, влияние "зеленого" вознаграждения и компенсации, влияние "зеленого" управления эффективностью, влияние "зеленой" внутренней мотивации и "зеленой" внешней мотивации на экологическую устойчивость в гостиничной индустрии, работающей в регионе Гилгит и Балтистан.

Концептуальная схема данного исследования показывает конструкты "зеленой" практики управления наймом и отбором, "зеленой" практики управления обучением и развитием, "зеленой" практики управления вознаграждением и, наконец, "зеленой" практики управления эффективностью, которые непосредственно связаны с экологической устойчивостью.

Одной из основ исследования является теория управления ресурсами (The Resource-Based View, RBV). Эта теория основана на идее экономиста Эдит Пенроуз. Теория утверждает, что ресурсы, включая сотрудников, системы и деловых партнеров, объединяются в редкие, неповторимые, ценные и незаменимые способы работы, которые становятся источниками конкурентных

преимуществ. Системы управления персоналом формируют кадровый резерв квалифицированных специалистов, чтобы они могли поддерживать то, что называется стратегически значимым поведением [6]. Ресурсный подход может быть использован для изучения того, как практика GHR может служить ценным ресурсом, способствующим созданию устойчивой среды в гостиничном бизнесе.

Список литературы

5. Umrani, W.A., Channa, N.A., Yousaf, A., Ahmed, U., Pahi, M.H., Ramayah, T., 2020. Greening the workforce to achieve environmental performance in hotel industry: a serial mediation model. J. Hospitality Tourism Manag. 44, 50–60.

6. Saeed, B.B., Afsar, B., Hafeez, S., Khan, I., Tahir, M., Afridi, M.A., 2019. Promoting employee's proenvironmental behavior through green human resource management practices. Corporate Soc. Responsibility Environ. Manage. 26 (2), 424–438.

7. Jer´onimo, H.M., Henriques, P.L., de Lacerda, T.C., da Silva, F.P., Vieira, P.R., 2020. Going green and sustainable: the influence of green HR practices on the organizational rationale for sustainability. J. Business Res. 112, 413–421.

8. Cabral, C., Jabbour, C.J.C., 2020. Understanding the human side of green hospitality management. Int. J. Hosp. Manag. 88, 102389. Chaudhary, R., 2020. Green human resource manage

9. Lather, A., & Goyal, S. (2015). Impact of Green Human Resource Factors on Environmental Performance in Manufacturing Companies: An Empirical Evidence. Journal of environmental management, 6(3), 23-30.

10. Wright, P. M., Dunford, B. B., & Snell, S. A. (2001). Human resources and the resource based view of the firm. Journal of management, 27(6), 701-721.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И СВЯТЫНИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА (ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ ПО МАТЕРИАЛЬНОЙ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ)

SOCIAL BELIEFS AND SHINES IN MODERN CULTURE OF IRAQI KURDISTAN (FIELD WORK ON MATERIAL AND NON-MATERIAL CULTURE)

Шамал Сидик Мохаммед
Аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского,
Ирак
Shamal Sediq Mohammed
Lobachevsky University,
Iraq

Социальные убеждения имеют глубокие корни, и люди прочно связаны с этими убеждениями, но сейчас мы теряем последнее поколение наших дедов/бабушек и наших родителей и, следовательно, убеждения, в которые они верили. Проведение академического исследования и его документирование будет последним шансом зафиксировать эти верования, особенно их нематериальную сторону, без которой трудно интерпретировать материальную культуру.

The social beliefs in the field of this study are deeply rooted, and people are strongly associated with these beliefs, but now we are losing the last generation of our grandparents and our parents, and therefore the beliefs in which they believed. Conducting academic research and documenting it will be the last chance to capture these beliefs, especially their non-material side, and without this non-material side it will be difficult to interpret material culture.

Ключевые слова: социальные верования, святыни, материальная и нематериальная культура, современная культура Иракского Курдистана, культура.

Keywords: social beliefs, shrines, material and non-material culture, modern culture of Iraqi Kurdistan, culture.

В последние несколько лет в ходе исследования были собраны и изучены данные о социальных верованиях мусульман, христиан, евреев, езидов и общин какайе (кашкайцы?) в разных местах Иракского Курдистана. Объектов в части этой полевой работы были святыни и нематериальная и материальная культура, связанная с этими святынями.

Есть несколько святынь, названных в честь имен библейских / коранических пророков, некоторые из них имеют два имени: в честь христианского святого и в честь мусульманского шейха. Мусульмане и христиане идут к одной и той же святыне, и каждая группа совершает свои ритуалы по-своему, в одно и то же время и в одном и том же месте, такая мирная согласованность, к сожалению, исчезает в большинстве территорий Ближнего Востока, но здесь все так же, как и люди прошлого, живут в мире. Кроме того, есть и другие святыни, которые существуют только в Курдистане –святыни езидов и какаев/ярсанов. Эти две малочисленные религии имеют только святыни, их основные ритуалы и паломничества проходят только вокруг святынь [1].

Вокруг этих святынь люди совершают свои обряды, прося о рождении детей, удаче, женитьбе, исцелении от кожных болезней, исцелении одержимых нечистой силой.

Кусочки одежды определенных цветов, земля из святилища, камни, плоды деревьев вокруг святилища, даже конфеты, оставленные в подарок от предыдущих посетителей, – все это используется как средство исцеления или как амулеты для защиты [2].

Есть несколько причин, побуждающих провести интенсивную полевую работу об этих святынях и задокументировать все нематериальные и материальные аспекты, связанные с ними. Они нуждаются в срочной документации из-за:

- угрозы разрушения, естественной эрозии, террора, мародерства;

- угрозы ухода последних поколений, совершающих обряды в сельской местности, до сих пор следуя в этих ритуалах своим социальным убеждениям. Возможно, через несколько десятилетий эти практики, народные сказки и ритуалы станут частью истории.

Что еще более интересно, археологи обнаружили тесную связь между некоторыми из этих ритуалов и верований с древними месопотамскими ритуалами и верованиями [3].

Актуальной задачей является получение финансирования и поддержка кандидатской диссертации по данной теме, а также ее публикация в виде книги, которая будет переведена на курдский, английский и арабский языки. Результаты научного исследования могут быть доступными в Интернете с описаниями и опубликованными документами на веб-сайте института (например, вашего вуза). Таким образом станет возможно сохранение данных, сделав их доступными для религиоведов, археологов и антропологов.

Рис. 1. Святыня Пирамагруна

Эта святыня Пирамагруна на горе Пирамагрун. Пирамагрун, первоначально названный Пир Омар Гудрун, жил около тысячи лет назад в 11 веке. Он был лидером тариката Исмаила Софи.

Сейчас люди ходят к его могиле с разными целями. Паломники приводят с собой женщин, у которых нет детей, те просят могилу этого старика поднять их просьбу к Богу иметь ребенка. Некоторые люди кладут небольшие камни на надгробную плиту. Если камень остается на надгробной плите, это указывает на то, что их просьба была принята, но если камень падает, это означает, что их просьба не будет выполнена [4].

Те, кто потерял любимого человека на войне или в путешествии, надеются, что их любимый вернется. К могиле приводят сумасшедших, чтобы те спали возле нее и приходили в себя, когда проснутся. Паломники к гробнице считают, что ткани на могиле шейха являются священными, поэтому они берут их кусочки и вешают на грудь, думая, что это защитит их от болезней и поможет решить жизненные проблемы [5].

Рядом с могилой находятся родник, большая река и лес вокруг нее. Многие люди приезжают сюда на отдых и пикник. Недалеко от могилы есть деревня Зеве, название которой, по мнению курдского лингвиста и историка Тофика Вахби, происходит от греческого бога Зиоса – бога гор. Но до сих пор нет археологических доказательств этой точки зрения. Тофик Вахби умер в Лондоне, где и был похоронен [6].

Начало исследования социальных убеждений древних месопотамских и загрозских групп может стать путешествием в самопознание. Изучение связей между древними убеждениями и современными религиозными общинами,

такими как мусульмане, христиане, евреи, язиды и кукуты, является актуальной задачей [7]. Чем глубже погружение в этот мир, тем больше осознание, что это не просто документирование этих убеждений, но также сохранение части своей собственной идентичности и культурного наследия. Однако исследования не прошли без препятствий. Эти социальные убеждения глубоко укоренились, и в то время как проходило их документирование, возникало осознание, что теряется последнее поколение людей, которые придерживаются этих убеждений [8]. Это заставляет осознать важность сохранения наших культурных и религиозных традиций для будущих поколений. Проведенные исследования пролили свет на материальную и нематериальную культуру, связанную с этими убеждениями, обеспечив уникальное понимание социальных структур, которые формируют эти общины. Было увлекательно видеть, как эти убеждения влияют на различные аспекты повседневной жизни, включая образование, благотворительную работу и освещение в СМИ. Взгляд на этот исследовательский проект поражает глубиной социальных убеждений, с которыми пришлось столкнуться, и влиянием, которое они оказывают на жизнь людей в общине, которая была исследована. Это было эмоциональное путешествие, полное сюрпризов и вызовов. Данная работа поможет лучше понимать сложности социальных убеждений и их влияние на культуру.

План исследования:

Глава 1. Теоретические концепции изучения социальной специфики религиозных верований в Иракском Курдистане:

1.1 Социологические подходы к исследованию социокультурных факторов деятельности религиозных общин в Иракском Курдистане.

1.2 Этноконфессиональный состав Иракского Курдистана: разнообразие и динамика.

1.3 Социологический анализ религиозных практик в современном Иракском Курдистане.

Глава 2. Святыни Иракского Курдистана: формирование социального пространства и времени:

2.1 Религиозные общины и святыни: социальная взаимосвязь.

2.2 Паломничество: формирование коллективных практик поклонения.

2.3 Преемственность традиций: межпоколенные отношения вокруг святынь.

Цели исследования:

1. Обнаружение древних связей социальных верований, происходящих от шумеров и других древних групп Месопотамии и Загроса.

2. Пролить свет на современные местные религиозные общины (мусульмане и их разные секты, христиане и их разные секты, курды-евреи, езиды, какайцы).

3. Изучение материальной и нематериальной культуры, связанной с социальными верованиями.

4. Выявление и объяснение социальных убеждений исследуемого сообщества.

5. Формирование образа социальных убеждений исследуемого сообщества.

Проблемы исследования: социальные убеждения имеют глубокие корни, и люди прочно связаны с этими убеждениями, но сейчас мы теряем последнее поколение наших дедов/бабушек и наших родителей, и, следовательно, убеждения, в которые они верили. Проведение академического исследования и его документирование будет последним шансом зафиксировать эти верования, особенно их нематериальную сторону, без которой будет трудно интерпретировать материальную культуру.

Важность исследования:

1. С точки зрения нетворкинга, данное исследование будет одним из источников информации об изучаемом сообществе. Это должно быть первое культурное и религиозное исследование сообщества, которое имеет свои особенности.

2. Это исследование станет началом и воротами для исследований других социологических и религиозных работ об изучаемом сообществе, а также будет использоваться в качестве источника для сравнения его с другими сообществами.

Можно сфокусироваться дополнительно на разных аспектах внекультовой деятельности, если есть желание:

- обучение, просвещение, благотворительность, освещение в СМИ,
- глобальное и локальное в святынях Иракского Курдистана, взаимосвязь местных общин и диаспор.

Список литературы

1. Kormina J. ‘The church should know its place': The passions and the interests of urban struggle in post-atheist Russia // History and Anthropology. 2021. Vol. 32. No. 5. P. 574-595. doi 20202

2. Naumescu V., Kormina J. A new 'Great Schism'? Theopolitics of communion and canonical territory in the Orthodox Church // Anthropology Today. 2020. Vol. 36. No. 1. P. 7-11. doi 20194

3. Kormina J., Heo A. Introduction: Religion and Borders in (Post–)Cold War Peripheries // Journal of Religion. 2019. Vol. 99. No. 1. P. 1-17. doi

4. Кормина Ж. В. Паломники: Этнографические очерки православного номадизма. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. doi 20183 Kormina J. Inhabiting Orthodox Russia: Religious Nomadism and the Puzzle of Belonging, in: Praying with the Senses: Contemporary Orthodox Christian Spirituality in Practice. Bloomington : Indiana University Press, 2018. Ch. 5. P. 143-162. doi

5. Kormina J., Luehrmann S. The Social Nature of Prayer in a Church of the Unchurched: Russian Orthodox Christianity from Its Edges // Journal of the American Academy of Religion. 2018. Vol. 86. No. 2. P. 393-424. doi 20173

6. Shtyrkov S., Kormina J. The Female Spiritual Elder and Death: Some Thoughts on Contemporary Lives of Russian Orthodox Saints // State, Religion and Church. 2017. No. 4 (2). P. 4-24. doi

7. Кормина Ж. В. Православные ярмарки и религиозная модерность // В кн.: Experto crede Alberto. Сборник статей к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 229-247.

8. Кормина Ж. В., Панченко А. А., Штырков С. А. Социальные исследования религии: теория, методы и опыт // Антропологический форум. 2017. Т. 35. С. 129-166.

СЕКЦИЯ 5

ЦЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

ДОКЛАДЫ

НЕКРОПОЛЬ ГОРОДА ВЕРНОГО. МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ, ХРОНОЛОГИИ И ТОПОГРАФИИ

NECROPOLIS OF THE CITY OF VERNY. MATERIALS FOR HISTORY, CHRONOLOGY AND TOPOGRAPHY

Г.А. Афонин
Казахский национальный медицинский университет имени С.Д.Асфендиярова
(Республика Казахстан, г. Алматы)
G.A. Afonin
Asfendiyarov Kazakh National Medical University
(Republic of Kazakhstan, Almaty)

История дореволюционных кладбищ тесно связана с общественной и религиозной жизнью города Верного – центра Семиреченской области и Туркестанской епархии. Анализ данных, полученных при изучении архивных документов, позволил определить основные этапы развития верненского некрополя и установить местонахождение ликвидированных к настоящему времени кладбищ. Данная работа является первым опытом систематизации и публикации истории некрополя города Верного.

Ключевые слова: город Верный, Алма-Ата, Семиреченская область, кладбище, некрополь, захоронения.

The history of pre-revolutionary cemeteries is closely connected with the social and religious life of Verny city – the center of the Semirechie region and the Turkestan diocese. Analysis of archival documents made it possible to determine the main stages in the development of the Verny necropolis and the location of cemeteries that have been liquidated to date. This work is the first attempt to systematize and publish the history of Verny necropolis.

Keywords: Verny city, Alma-Ata city, Semirechie region, cemetery, necropolis, burials.

Геополитическое закрепление России на южных рубежах империи в середине XIX в. послужило основанием для строительства военного укрепления в Заилийском крае. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х.Гасфорд в феврале 1852 г. донес Императору Николаю I о необходимости занятия Заилийского края, а в декабре того же года Министр иностранных дел, в ведении которого тогда находились «киргизы», предложил Гасфорду меры «к упрочению… влияния на Большую Орду…» [1]. Генерал Гасфорд, исходя из политических и торговых отношений с Заилийским краем, в своем отчете 4 апреля 1853 г. отметил, что «впоследствии времени, когда водворится в том крае спокойствие, можно устроить казачье поселение…» [1]. В конце 1853 г. командиру Отдельного Сибирского корпуса было дано разрешение на устройство в Заилийском крае укрепления. Воспользовавшись этим разрешением, Гасфорд вновь представил свои предложения по «колонизации» Семиречья, которые и были представлены Государю Военным Министром 4 февраля 1854 г. Первая партия переселенцев-казаков 6,7,8 и 9 полков для поселения в долинах рек Алматы и строительства укрепления прибыла 1 июля 1855 г. С этого времени начинается основание Большой Алматинской станицы – первого оседлого поселения в Заилийском крае, давшего начало городу Верному. Руководителем устройства поселения был «Пристав при киргизах Большой Орды» Михаил Дмитриевич Перемышльский.

Исходя из того, что военное укрепление и казачья станица были основаны в 1856 г., первое кладбище должно было быть открыто в том же году, одновременно со строительством крепости. Однако, в рапорте исправляющего дела Пристава при киргизах Большой Орды полковника Хоментовского командиру Отдельного Сибирского корпуса от 6 апреля 1856 г. указано, что площадь, предназначенная по генеральному плану для расположения Татарской слободки, «избрана в 1854 г. полковником Перемышльским под кладбище и по настоящее время на ней похоронено до 60 покойников» [2]. По-видимому, это – первое из известных мест захоронений некоренного населения на территории, прилегающей непосредственно к будущему городу Верному.

Первое кладбище (между казачьими станицами и Татарской слободкой) было открыто в укреплении Верном еще до основания города (образован в 1867 г., с 1921 г. – Алма-Ата, современный Алматы). После возникновения в 1856 г. Большой, а затем Малой Алматинской станиц и размещения в крепости госпиталя возникла необходимость устройства места захоронения в непосредственной близости от станиц. Располагалось оно «…между Большою и Малою Алматинскими станицами с южной стороны дороги, ведущей в Малую станицу…» [3]. Согласно Генеральному плану укрепления Верное от 1858 г. и

архивным документам, первое кладбище, где хоронили людей, умерших в крепости, находилось на правом берегу реки Малая Алматинка, севернее Ташкентского тракта, то есть юго-восточнее крепости, севернее места, где впоследствии образовались так называемые «Клеверные участки». Это район непосредственной близости к верненской крепости, между современным проспектом Райымбека и улицей Татибекова, ограниченный с запада речкой Малой Алматинкой, с востока – Кокчетавской улицей. Кладбище было окончательно закрыто для погребений распоряжением Военного губернатора Семиреченской области Г.А.Колпаковского в 1872 г. [4]. В 1908 г. на территории этого кладбища была построена Введенская церковь (архитектор Н.И.Лаванов) [5], а в 1946 г. здание церкви и прилегающая территория были переданы Казахскому Аэрогеодезическому предприятию Главного Управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР [6]. В настоящее время на этом месте находится филиал Национального центра геодезии и пространственной информации Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан.

Точное время открытия кладбища в Малой станице установить не удалось, однако в метрических книгах укрепления Верное за 1858 г. кладбище в Малой станице еще не упоминается [7]. А в метрической книге Больше-Алматинской станицы за 1865 г. уже есть указания на захоронения «на кладбище Больше-Алматинской станицы и на кладбище Мало-Алматинского выселка» (выселком тогда называли Малую станицу) [8]. Кладбище в Малой станице – единственное сохранившееся до настоящего времени кладбище верненского периода (не считая отдельных захоронений рядом с церковью Казанской Божией Матери и в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев), но идентифицировать места захоронений того времени, ввиду уничтожения надгробий, изменения рельефа и плохой сохранности метрических книг, сейчас невозможно.

Относительно быстрое увеличение численности населения станиц как за счет естественного прироста, так и за счет миграции из Западной Сибири и внутренних губерний России привело к исчерпанию территории «станичных» кладбищ. Циркуляром Туркестанской духовной консистории от 22 декабря 1873 г. причту Кафедрального собора предписывалось хоронить умерших на «новом» кладбище, «а отнюдь не на старых, между станицами Больше-Алматинской и Мало-Алматинской» [4]. Это новое кладбище «для города Верного и станицы Большой Алматинской» [9] была устроено в 1869 г., в западном направлении от города и севернее Ташкентского тракта, восточнее улицы Иссык-Кульской (впоследствии – проспект Мира, ныне – проспект Желтоксан), в том же году на кладбище была построена часовня [10]. Некрополь занимал «плоскость,

лежащую от крайних городских строений в расстоянии около двух сот саженей в направлении северо-западном от Алматинской станицы и северном от собственно города Верного» [11]. От этого кладбища начиналась улица Старокладбищенская (впоследствии – проспект Сталина, Коммунистический, современный проспект Абылай хана), которая шла в направлении с севера на юг до головного арыка (ныне – проспект Абая). Предполагалось, что эта территория обеспечит места захоронения для расширяющегося города. Но уже 15 июня 1870 г. предписанием Военного губернатора Семиреченской области Г.А.Колпаковского Комитету по устройству города Верного было указано, что данное кладбище «не удовлетворяет законным условиям погребения», ввиду высокого стояния грунтовых вод [12].

Вследствие постановления Верненского городского комитета было выбрано новое место для кладбища в юго-западной части города. Положение этого места определялось улицей «нового города» (Старокладбищенской), «идущей против ворот кладбища, находящегося на северной стороне города» [13], «выше кварталов нового города примерно саженей в двести, на уступе склонов гор, от завода винокуренного купца Кузнецова в одной версте» [14]. Это место располагается южнее современной Площади Республики (т.н. «Новая площадь»), на небольшой горной террасе, где сейчас расположено бывшее здание ЦК Компартии Казахской ССР (ныне – Алма-Атинская городская администрация (акимат). Однако кладбище на этом месте устроено не было по причине непригодности грунта – «каменистого наноса с песком с большим количеством валунов», препятствовавших захоронению [14]. В сентябре 1871 г. Верненский городской комитет совместно с Строительной частью Семиреченской области начал разведывательные работы по осушению почвы кладбища, расположенного на северной стороне Верного [15], хотя Военный Губернатор Семиреченской области настаивал на избрании для кладбища нового места [16]. Из архивных документов известно, что на протяжении нескольких лет на этом кладбище проводились работы по осушению [17], благоустройству [18], в 1872 г. оно было разделено на разряды. Кладбище продолжало находиться в ведении Городского комитета и содержалось в течение многих лет «весьма не аккуратно» [20].

Как основное городское кладбище это место просуществовало, вероятно, до 1881 г., когда было открыто «новое православное кладбище». Хотя из документов 1898-1899 гг. очевидно, что и в то время кладбище существовало, и на нем были похоронены не только жители самого города, но и жители Больше-Алматинской станицы [21]. Известно, что на этом кладбище был похоронен Н.Н. Куропаткин, брат Военного Министра Российской Империи

А.Н. Куропаткина, служивший в Верном в должности командира 1 батареи 2 артиллерийской Туркестанской бригады в чине полковника [22]. Однако, век и этого кладбища был относительно недолог, как и всех предыдущих. Оно очень быстро обросло промысловыми постройками. Там стали возводиться кузницы, промысловые мастерские, бойни. В настоящее время на территории этого кладбища находится железнодорожный вокзал Алматы-2.

Из архивных документов известно, что т. н. «новое православное кладбище» было открыто в 1881 г. В фонде Больше-Алматинского станичного правления Центрального государственного архива Республики Казахстан отложились документы по переписке об устройстве в Верном православного кладбища. В отношении за № 736 от 19 января 1881 г. исполняющего дела Вице-губернатора Семиречья в адрес атамана Больше-Алматинской станицы значится, что «в 1878 г. был возбужден вопрос об устройстве в городе Верном нового православного кладбища, и Верненская Городская Дума пригласила принять участие в этом предприятии Алматинское Станичное правление, предложив ему разделить расходы, потребные как на устройство, так и на содержание кладбища…» [23].

К этому времени на землях, принадлежащих городу, находилось три «старых» православных кладбища: между станицами Большой и Малой Алматинскими и Татарской слободкой (первое); севернее Ташкентского тракта, около кузниц (современная территория железнодорожного вокзала Алматы-2) (второе); в северо-западной части городского парка (современный парк имени 28-гвардейцев-панфиловцев, участок, ограниченный улицами с запада – Кунаева, с юга – Казыбек би, с севера – Гоголя, с востока – продолжением оси улицы Валиханова) [24]. Точная дата открытия кладбища в западной части будущего городского парка (впоследствии – парка Федерации) не установлена. Но известно, что в 1873 г. кладбище было закрыто для погребений и осенью на его территории по распоряжению исправляющего дела Туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковского и под руководством областного лесничего К.К. Штольца была посажена роща [25]. Возможно, это кладбище было открыто в 1865 г., когда происходил активный приток переселенцев в Семиречье из внутренних губерний России (Тобольской, Воронежской, Вятской) и усилился в 1867 г. с образованием Семиреченской области и обретением городом Верным статуса областного центра. В 1868 г. там началось строительство собора и, возможно, поэтому на этом кладбище захоронения были прекращены, оно было рекультивировано и впоследствии стало частью административного центра города Верного. В составленном 17 мая 1874 г. списке лесонасаждений это место обозначено как «сквер с западной стороны Соборной площади на площади

4-х запроектированных по плану 1868 год кварталов на протяжении 1390 саж.» [26].

Известно, что еще в 1876 г. тогдашний младший чиновник особых поручений по строительной части Семиреченской области П.М. Зенков (будущий почетный гражданин и первый городской голова г. Верного) предлагал избрать для кладбища новое место, «выше тюрьмы», то есть в юго-западном направлении от предыдущего, открытого в 1869 г. [27]. 16 августа 1878 г. Верненская городская Дума единогласно определила избрать место под новое городское кладбище «за первым кварталом, что за тюремным замком, с южной стороны Ташкентской дороги, где находится местность между оврагами около 160 сажен, довольно ровная» [28]. При этом журналом городской Думы № 11 от 20 марта 1878 г. при планировке площади было отмечено, чтобы «середина оной приходилась для въезда против средней улицы, идущей от Конной площади, на которой предполагается жителями постройка приходской церкви». Улица, расположенная с востока на запад от Конной (Покровской) площади (впоследствии – площадь Коминтерна) до кладбища, получила название Церковная, с 1927 г. называлась Кладбищенская. Этот участок в современном городе ограничен с севера проспектом Райымбека, с юга – улицей Макатаева, с запада – улицей Муратбаева, с востока улицей Торекулова.

В 1882 г. утверждается план нового городского кладбища, и через два года оно наносится на план г. Верного поручиком Жуковским. На плане 1884 г. участок, отведенный под кладбище, имеет неправильную четырехугольную форму и ограничен с севера Ташкентским трактом (где находился вход на кладбище), с юга – Станичной улицей, с запада – граничит со свободной городской землей, а с востока – с улицами Петропавловской (южнее) и Степной (севернее) [29]. Впоследствии кладбище представляло собой несколько обособленных участков, находящихся в непосредственной близости: «православное» кладбище, расположенное к югу от Ташкентского тракта, т. н. «Военное кладбище», расположенное напротив первого, севернее Ташкентского тракта, и мусульманское или «магометанское» (называемое также «сартовским»), которое располагалось смежно с православным, западнее последнего, тоже с южной стороны Ташкентского тракта. Это кладбище в течение более 50 лет (с 1881 по 1932 гг.) являлось основным местом погребения жителей города и Больше-Алматинской станицы. Кладбищенская земля была собственностью города, но в административном отношении подлежала ве́дению епархии. По журналу Верненской городской Думы от 15 марта 1894 г. за № 24 оба кладбища («старое», на севере, около кузниц, и новое) были переданы в

управление духовного ведомства, но последнее приняло только новое, открытое в 1881 г., а от старого отказалось [30].

В 1899 г. был создан строительный Комитет по постройке церкви на кладбище, в который вошли члены городского самоуправления, священники, купцы, гражданские и военные чиновники [31]. Проект разработал член Комитета – начальник Семиреченской инженерной дистанции полковник Я.А. Порошин. 12 августа 1901 г. с благословения епископа *Аркадия* совершилась закладка храма, однако к этому времени автор проекта был переведен на службу в Фергану. Ввиду постоянной нехватки денег – церковь строилась на «местные изыскиваемые средства» [32], Комитету приходилось обращаться за дополнительными ассигнованиями к руководству Туркестанского края, которое порекомендовало ограничиться собранными пожертвованиями или же «отложить постройку до тех пор, пока будет собрана необходимая сумма» [33]. Однако стараниями членов строительного Комитета и при активном участии архитектора С.К. Тропаревского церковь, которая, по словам современников, была «стройная, в мотивах византийской архитектуры» [34], и находилась на продолжении Степной улицы, южнее Ташкентской дороги (в настоящее время – на продолжении оси улицы Досмухамедова южнее проспекта Райымбека), достроили. Церковь освятили 2 апреля 1904 г. во имя Всех Святых и приписали к Туркестанскому кафедральному собору [35], и в отчетности кладбищенской церкви за 1905 г. уже присутствовали доходные статьи от продажи восковых свечей и мест на кладбище [36]. В 1906 г. причт собора занимался благоустройством кладбища – консистория разрешила «вырубить с западной стороны Верненского городского православного кладбища карагач и тополи, стесняющие и нарушающие правильность расположения могил» [37]. Позже (после 1909 г.) к храму была приписана часовня в честь иконы Божией Матери «Иверская». В этой часовне находилась особо чтимая в г. Верном икона Иверской Божьей Матери, дарованная в 1908 г. Московским Донским монастырем.

В годы правления Туркестанской кафедрой епископом Димитрием (Абашидзе) новое верненское городское кладбище становится местом устроения первого в Семиреченской области женского монастыря. По замыслу архипастыря наряду со Свято-Троицким Иссык-Кульским мужским и Николаевским женским в Ташкенте новый монастырь в Верном должен был стать еще одним оплотом православия на далекой окраине Российской Империи.

Верненская городская Дума на своих заседаниях несколько раз обсуждала вопрос отвода земли монастырю. 19 октября 1907 г., Дума определила отвести под учреждение в г. Верном женской монастырской общины безвозмездно

участок городской земли площадью в одну десятину (ок. 1 га) из местности, отсуженной городом у общества казаков Больше-Алматинской станицы, находящейся в юго-западной части города за Головным арыком [38]. Однако при голосовании были нарушены некоторые статьи Городового положения, поэтому решение об отчуждении участка городской земли в пользу монастыря было отменено Областным по городским делам присутствием [39]. 16 января 1908 г. городская Управа вынесла на обсуждение Думы предложение о выделении женскому монастырю другого участка земли: «Участок этот находится в непосредственном соседстве с православным кладбищем, где построен Божий храм, поможет общине ежедневно утром и вечером отправлять богослужение…, а также ухаживать за могилами почивших, по желанию их родственников» [40]. Вслед за решением Верненской городской Думы об отчуждении участка земли в пользу женской монастырской общины подобное решение приняли казаки Больше-Алматинской станицы. Приговорами (решениями) станичных сходов от 2 марта и 17 апреля 1908 г. была выделена для создающейся женской монастырской общины в г. Верном одна десятина свободной общественной земли «возле общего православного кладбища и рядом с военным кладбищем» [41]. Правда, здесь тоже не обошлось без оговорок. Казачья земля была отдана в пользование монастырской общины до тех пор, пока существует община, при этом земля оставалась собственностью Семиреченского казачьего войска.

Между тем, уже в 1907 г. встал вопрос об исчерпании территории кладбища для захоронений, и это привело к разногласиям между городом и казачьими станицами. На заседании Верненской городской Думы 2 мая 1907 г. под председательством городского головы А.И. Путолова по заявлению гласного Думы Т.В. Великанова был поднят вопрос «о прекращении погребений на городском кладбище казаков Больше-Алматинской станицы» [42; 43]. В частности, представив доклад Верненской городской Управы, гласный подал заявление следующего содержания: «Ввиду того, что наше православное кладбище быстро заселяется и в скором времени городу придется нуждаться в земле для кладбища, а земли у города нет, <…> я предлагаю не разрешать хоронить на нашем кладбище покойников Б[ольше]-Алматинской станицы, так как они всего платят в доход кладбища <…> 50 руб. …» [42; 43]. До 1878 г. на содержание кладбища производился особый сбор за каждую могилу, а в 1878 г. журналом Верненской городской Думы от 9 января было определено сбор этот отменить и привлечь Больше-Алматинское станичное общество принять половину расходов на содержание кладбища, причем эта часть расходов выражалась в сумме 360 руб. На это предложение станичное общество вместо

согласия предложило со своей стороны разделить кладбище на три части, «…из коих две части отвести для бесплатного погребения – на одной солдат, а на другой – бедных жителей, а 3-ю часть – для погребения чиновников и богатых людей за плату от 1 до 3 руб. за могилу, и если Управа разделит это предложение, то станица, сообразуясь с числом жителей города и Станицы и с доходами их, примет расход в незначительном размере и только лишь на наем сторожа» [43]. Об этом было донесено военному губернатору, а Общим Присутствием Семиреченского областного Правления определено: «…если Б[ольше]-Алматинское станичное общество от участия ½ расходов на содержание кладбища откажется, то погребать на этом кладбище не имеют права…» [44]. Городская Дума, в свою очередь, журналом № 58 от 2 мая 1907 г. предложила городской Управе «…по утверждении сего журнала поставить о сем в известность Туркестанскую духовную консисторию с уведомлением, что погребение лиц казачьего сословия на городском православном кладбище безусловно прекращается с 1 января 1908 года» [44].

Декретом Совнаркома РСФСР «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г. православная церковь и иные конфессии были отстранены от похоронного дела, кладбища превратились из религиозного учреждения в гражданское. «Новое православное кладбище» было национализировано предположительно в 1918 или в начале 1919 г. В фондах Государственного архива Алма-Атинской области (ГААО) сохранились документы, свидетельствующие о процессе национализации кладбищ. 1 октября 1918 г. Верненский уездный исполком под председательством П.М. Виноградова пунктом 4 своего Постановления определил перевод «богадельни» в ведение Серафимо-Иверского женского монастыря с целью приема и организации ухода за инвалидами и неимущими [45]. Вскоре Джетысуйским Губернским исполкомом Советов города Верного в срочном порядке вносится постановление: «…кладбище, как народное достояние, немедленно отобрать из ведения монастыря и доход с него обратить на народные нужды» [46].

Следует отметить, что по прошествии десяти лет после национализации кладбище пришло в полный упадок. Из заявления сторожа этого «европейского городского кладбища» Ивана Логунова, поданного 21 ноября 1929 г. в коммунальную секцию при Алма-Атинском Горсовете, можно составить представление о тогдашнем состоянии кладбища [47]. При том, что захоронения там продолжали производить, на кладбище, по свидетельству сторожа, «со всех четырех сторон открыты проходные и проездные дороги, пасутся стада скота, чем уничтожается мелкорастущий лес разной породы» [47]. В 1929 г. помещения, занимаемые «Домом старчества» на городском кладбище, были

переданы колонии беспризорных детей. Главной опасностью, грозящей кладбищу уничтожением, согласно этому же документу, является «переезд в здания, имеющиеся на кладбище, колонистов, то есть малолетних преступников». Воспитанники колонии разбивали «оставшиеся после революционного времени мраморные памятники и деревянные кресты», уничтожали железные ограды могил. В этих актах вандализма сторож усматривает не стихийное хулиганство, а умысел. «Как видно и слышно из разговоров администрации колонии, с наступлением весны [1930 года] полагают приступить к переработке кладбища и поэтому разрушают оставшиеся памятники и оградки…» [47].

Последнее верненское кладбище было официально закрыто 10 апреля 1932 г., когда на заседании Президиума Алма-атинского Городского Совета было удовлетворено ходатайство городского коммунотдела «о закрытии старых кладбищ – русского и магометанского за полным использованием земельных участков у Ташкентской аллеи и об утверждении нового размещения кладбищ» [48]. Однако, как долго оно просуществовало после закрытия, точно неизвестно. С конца 1942 г. на его месте располагался основанный в том же году машиностроительный завод имени С.М. Кирова, созданный на базе эвакуированного из Махачкалы завода № 182, незадолго до этого объединенного с токмакским (Украина) заводом имени С.М. Кирова № 175. Так завершилась история самого крупного кладбища города Верного, служившего на протяжении более 50 лет местом захоронения жителей центра Семиреченской области и, впоследствии, советской Алма-Аты.

Следует отметить, что все описываемые нами кладбища (за исключением кладбища в Малой станице) к настоящеу времени ликвидированы, сведения о них (история, топография, персональный состав) отсутствуют в коллективной социально-исторической памяти города, многие поколения похороненных на них основателей города Верного и Алмат-Аты преданы забвению.

Список источников

Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный. Типография Семиреченского Областного Правления. 1909. – с. 100.

ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 753. Л. 24.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

Туркестанские епархиальные ведомости. № 5. 01.03.1908. Часть неофициальная. – с. 173.

Государственный архив города Алматы (ГАА). Ф. 174. Оп. 15. Д. 632. ЛЛ. 29об - 30.

Талдыкурганский филиал Государственного архива Алма-Атинской области. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1а.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 845. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 39об-62.

ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 31769. Л. 24.

ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 56117. Л. 3.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 2.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 10.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 15.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 20-21.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 27.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 33.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 35.

ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 47.

ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 59. Л. 68 об.

ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 527. Л. 7.

ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 527. Л. 5 А.

ЦГА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 1.

ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 527. Л. 4.

ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38710. Л. 14.

ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38710. Л. 61.

ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 746.

ЦГА РК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1. Л. 135.

Российский Государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 3.

ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 527. Л. 3.

ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 50691. Л. 2–4.

ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 50723. Л. 9 об.

ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 50723. Л. 22 об.

Туркестанские епархиальные ведомости. № 5, 01.03.1909. Часть неофициальная. – с . 111.

ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 376. Л. 8 об.

ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 385. Л. 1–1об, 4 об.

ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 391. Л. 51.

ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 662. Л. 20.
ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 662. Л. 21.
ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 662. Л. 27 об.
ЦГА РК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1716. Л. 1.
ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 51589. Л. 2.
ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 51589. Л. 2 об.
ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 51589. Л. 3.
Государственный архив Алматинской области (ГААО). Ф. 79. Оп. 1. Д. 96. Л. 82.
ГААО. Ф. 489. Оп. 1.Д. 8. Л. 100.
ГАА. Ф. 174. Оп. 8. Д. 26. Л. 58.
ГАА. Ф. 174. Оп. 11. Д. 50. Л. 115.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

YOUNG PEOPLE'S VALUE PERCEPTIONS AND THE STUDY OF HISTORY: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

В.А. Блонин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
V.A. Blonin
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

На основе сопоставления исторического и социологического подходов рассматривается проблема формирования исторического сознания и ценностных ориентаций современной российской молодежи. Сопоставляются понятия истории как академической науки и исторической/социальной памяти в качестве факторов, влияющих на эти процессы. Социологический подход к проблеме основан на обобщении результатов мониторинговых исследований, посвященных проблемам исторического сознания и ценностных представлений молодежи.

Based on the comparison of historical and sociological approaches, the problem of the formation of historical consciousness and value orientations of modern Russian youth is considered. The concepts of history as an academic science and historical/social memory are compared as factors influencing these processes. The sociological approach to the problem is based on the generalization of the results of monitoring studies on the problems of historical consciousness and value representations of young people.

Ключевые слова: история и социальная память, историческое сознание и ценностные представления молодежи, социологический мониторинг.

Keywords: history and social memory, historical consciousness and value representations of youth, sociological monitoring.

К числу важных функций исторической науки относят функцию социальной памяти – сохранение опыта предшествующих поколений, традиций, обеспечивающих преемственность поколений и национальную самоидентификацию, а также тесно связанную с ней воспитательную функцию, воздействующую на формирование нравственных и гражданских качеств новых поколений, их ценностные ориентации.

Вместе с тем вопрос о роли исторического знания и опыта прошлых поколений в формировании ценностных ориентиров молодежи не так однозначен. Данную проблему можно рассматривать как с точки зрения исторической науки, так и социологической.

В первом случае следует обратиться к тому, что современная историческая науки, в частности представители так называемого историко-антропологического направления, обращают на важные различия между историей как академической наукой и исторической (социальной) памятью, аккумулирующей опыт и традиции предшествующих поколений. Особое внимание на эти различия обратил один из современных представителей французской школы «Анналов» Пьер Нора́, который отмечал, что «память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы – от малой до этноса… История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной…природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается… символическими воспоминаниями, чувствительна ко всем трансферам, отображениям… История как интеллектуальная и светская операция взывает к анализу и критическому дискурсу» [1, с. 20]. В рамках исторической антропологии изучение социальной памяти воплотилось в одно из ее направлений, называемое memory studies. Memory studies – междисциплинарное направление исследований, получившее развитие с 80-х гг. прошлого века, прежде всего усилиями представителей французской школы «Анналов». Объектом исследования является историческое сознание, коллективная память, механизмы формирования и передачи представлений о прошлом. Междисциплинарность этого направления привлекает внимание специалистов в разных областях социо-гуманитарного

знания – социологов, философов, психологов, политологов. Объект исторической памяти – любой исторический феномен (событие, герой, явление), оценочная характеристика которого содержится в источнике формирования исторической памяти (устная традиция, письменные источники, коммеморации, аудиовизуальные источники). Использование данных категорий позволяет выявить локальные объекты исторической памяти, а также прояснить отношение, образ данных объектов, которые транслировались в источниках, созданных с разных позиций. Это, в свою очередь, помогает выявить места консенсуса исторической памяти, а также конфликтные объекты и болевые точки памяти [2].

Таким образом, изучение истории может влиять на молодые поколения многопланово.

Во-первых, с позиций социальной/исторической памяти:

- получая представление об обычаях и традициях разных народов и в разные эпохи, молодежь узнает, как формировались культурные и традиционные ценности, сохраняющие значимость и в современном обществе;

- обращаясь к культурным традициям и ценностям своего народа, молодежь осознает свою национальную идентичность и важность сохранения социальной памяти.

Во-вторых, овладение навыками научного видения прошлого (то есть с позиций исторической науки) способствует развитию критического мышления и аналитических способностей, помогая молодым людям формировать свое представление о прошлом в его многогранности, сложности и противоречивости, в том числе и по отношению к культурно-историческому наследию и национальным ценностям, «болевым точкам» исторической памяти.

Оценивая роль исторического знания и его влияние на формирование ценностей молодежи, важно подчеркнуть, что необходимо учитывать условия, в которых происходит данный процесс:

- базовый этап связан в первую очередь с семейным воспитанием/образованием, а затем с обучением в школе (на данном этапе преобладает личностное ценностное отношение к прошлому, осознание взаимосвязи истории страны с историей своей семьи, с историей родного края, с современной социокультурной ситуацией) [3];

- изучение истории в вузе – иной этап, связанный с формированием у студентов исторического сознания, критического мышления, понимания сложности и противоречивости как исторического процесса, так и исторического познания, необходимости критического отношения к источникам исторической информации.

Соответственно, на втором этапе от личностного, эмоционального восприятия прошлого, традиций, ценностей молодежь переходит к осмысленному, самостоятельному взгляду на историческое наследие, на традиции и ценности предшествующих поколений. И для оценки возможных и реальных результатов воздействия опыта прежних поколений на формирование ценностей молодых людей необходим уже социологический подход, использование инструментария социологической науки.

В современной отечественной социологии подчеркивается, что формирование исторического сознания российской молодежи детерминировано процессами социальных трансформаций в российском обществе, превращающих историческое сознание в форму оценки не столько прошлого, сколько современности, выражая запросы молодежи на легитимизацию и реализацию своих социальных интересов [4].

Изучение ценностных ориентаций современной молодежи является зоной постоянного внимания различных научных социологических центров, проводящих регулярные (в том числе мониторинговые) исследования на общероссийском и региональном уровнях. К их числу следует отнести мониторинговые исследования Института социологии РАН под руководством М.К. Горшкова, итогом которых стала коллективная монография «Молодежь России: социологический портрет» [5], Центра молодежных исследований ИСПИ РАН [6], ВЦИОМ [7] и др.

Сопоставляя материалы, этих исследований, следует обратить внимание на различия в подходах к рассмотрению проблем ценностных ориентаций российской молодежи в контексте исторического сознания и отношения к прошлому. Это отражается в ракурсе рассмотрения, в расставляемых акцентах, в формулировке вопросов для социологических опросов, в интерпретации и презентации полученных результатов.

В исследованиях социологических центров РАН акцент сделан на проблемах отношения молодежи к традициям и ценностям предшествующих поколений. Обращается внимание на то, что традиционные ценности составляют ядро базовых, фундаментальных ценностей социума, являясь условием сохранности генетической идентичности общества. Как отмечает Т.К. Ростовская, «традиционные ценности функционируют на микро- и макроуровнях». Микроуровень – это семья, где осуществляется первичная социализация и формируются базовые ценности личности. Макроуровень – это уровень ассоциации с нацией, государством и определенными политическими, культурными и историческими символами, формирующими нацию [3, с. 42-43].

Следует учитывать и значительные изменения в характере межпоколенных отношений, связанные с заметным обесцениванием накопленного опыта старших поколений в результате кардинальной перестройки всех сфер человеческого бытия в постиндустриальном обществе. Научно-технический прогресс, усложнение социокультурной реальности сопровождаются ломкой традиций и норм, изменением способов и форм передачи ценностного опыта от поколения к поколению. Американский антрополог М.Мид выделила три типа культуры межпоколенных отношений: постфигуративные (в них дети учатся у своих предков); конфигуративные (в которых дети и взрослые учатся у своих сверстников) и префигуративные (когда взрослые учатся у своих детей). В ее концепции, увеличение роли в современном обществе префигуративных отношений предполагает уменьшение значимости межпоколенных трансфертов от родителей к детям и рост обратного информационного потока от детей к родителям [8, с. 235]. Это отражается на отношении молодежи к традициям и ценностям старших поколений, происходит нарушение самих межпоколенных связей, нарастание конфликтности в отношениях между поколениями. И хотя, как отмечал И. Кон, это не означает полного отказа молодежи от опыта прошлых поколений и транслируемой ими культурной традиции [9, с. 109], указанные процессы нарушают универсальные принципы преемственности поколений как одной из основ человеческой цивилизации.

О проблеме сочетания традиционного и либерального в ценностных представлениях молодежи идет речь и по результатам авторского мониторингового исследования И.В. Волоскова: «В условиях трансформации российского общества молодежь неизбежно вписывается, с одной стороны, в традиции, транслируемые старшими поколениями, с другой – адаптируется к новой социальной реальности. В этой противоречивости развития кроется проблема соотношения традиционного/ либерального. В сохранении традиции проявляется традиционная составляющая системы ценностей, в либеральном же проявляется необходимость адаптироваться к новой глобальной реальности» [10].

В диссертационном исследовании В.А. Фролова, напрямую посвященном проблемам формирования исторического сознания российской молодежи, на основе обобщения результатов общероссийских и локальных социологических мониторинговых опросов, а также авторского локального исследования обращается внимание на то, что историческое сознание молодежи как способ самоопределения в обществе зависит от конкретных ценностных предпочтений молодежи и ее жизненного опыта, от ее социально-статусных позиций, от ее отношения к различным ценностно-нормативным моделям истории, от ее

оценки возникших социальных реальностей, и проявляется в тенденциях отвержения или принятия исторических событий, исторических традиций. При таком подходе выясняется, что молодежь с установками на индивидуальный успех и самостоятельность рассматривает историю через призму самостоятельности личности и масштабных перемен, а для молодежи с патерналистскими настроениями характерна солидарность со старшими поколениями, идеализация периодов сильной государственности и соотнесение исторических оценок с протекционистской молодежной политикой государства [4, с. 60-61, 143-144]. В целом же, по его мнению, в условиях ревизии исторического наследия и противоречивости исторических интерпретаций молодежь больше полагается на личный опыт, и не склонна доверять официальному дискурсу, который претендует на статус консолидированной исторической позиции, но таковым не является [11, с. 31-35].

Тем самым В.А. Фролов дополняет оценки М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, которые подчеркивали, что для большей части молодых людей (46%) свойственно убеждение, что сегодня мы живем совершенно в другом мире, отличном от того, который был раньше, что многие существовавшие ранее нормы морали устарели Ни один исторический деятель или образ, взятый из литературы и искусства, не претендует на роль идеала. Отчетливо проявляется деаксиологизация истории: исторические персонажи не являются авторитетными в молодежной среде, и равняться на ушедшие поколения, как образец поведения молодые люди, как правило, не готовы [5, с. 125].

Более оптимистическими выглядят итоги социологических опросов ВЦИОМ (мониторинговые опросы, результаты последнего опубликованы в декабре 2022 г.) и Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (аналитический отчёт «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодёжи в 2022 году»).

По опросу ВЦИОМ 2022 г. особенностью последних лет и месяцев явилось специфическое сочетание глобализации и изоляционизма, и в этих условиях подавляющее большинство молодых россиян 14-35 лет сегодня идентифицируют себя как граждане РФ – 83%. Большинство молодых людей в России хорошо знают историю своей страны (76%) и историю своей семьи (73%), эти показатели остаются высокими во всех возрастных группах молодежи. Среди молодежи сохраняется на высоком уровне авторитет старших членов семьи: показатель составил 44%, лишь треть (32%), напротив, отмечают, что взгляды представителей старших поколений устарели и вряд ли могут помочь с выбором правильных решений. Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи по этому опросу – это высокий уровень благополучия

(58%); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%) и возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26%) [12].

По итогам мониторинга Института изучения детства, семьи и воспитания РАО, больше всего опрошенная молодёжь (65%) ценит здоровье, материально обеспеченную жизнь (41%), счастливую семейную жизнь (40%). Кроме того, в списке ценностей присутствуют активная деятельная жизнь (34%), любовь (36%) и интересная работа (31%). Патриотизм для большинства респондентов – это любовь к Родине, об этом заявили 76% опрошенных. Значительно менее популярны такие мнения: патриот – защитник своей страны и патриот – человек, работающий на благо своей страны. При этом выражение своей активной гражданской позиции важно для 51% учащихся. Молодежь 19–35 лет видит большую значимость своей позиции – о проявлении активной гражданской позиции говорят 62% респондентов [13].

Сопоставление результатов и интерпретаций проведенных социологических исследований показывает, что и проблема формирования исторического сознания молодых поколений, и проблема ценностных представлений российской молодежи крайне сложны и дискуссионны. Наряду с очевидной схожестью в выделении приоритетных ценностей современной молодежи (здоровье, материальная обеспеченность, самореализация и др.), налицо существенные расхождения в оценке отношения молодежи к историческому прошлому. Последнее требует новых углубленных исследований. Весьма важно с учетом мониторингового характера социологических исследований рассматривать поставленные вопросы в динамике, что также определяет перспективы дальнейшего их изучения.

Проблемы формирования исторического сознания и ценностных представлений молодежи остаются и будут оставаться актуальными в контексте продолжающихся трансформаций в российском обществе, сложности и противоречивости межпоколенных отношений при сосуществовании поколений советского периода, переломных 90-х годов (миллениалов), нулевых годов XXI столетия и нового поколения молодежи, воздействия внутренних процессов и внешних факторов в их взаимосвязи. Следует учитывать и влияние на формирование исторического сознания молодых поколений проблемного состояния современной исторической науки в осмыслении прошлого (особенно истории XX века в контексте официальных подходов), уровня и качества преподавания истории в средней и высшей школе.

Соответственно актуальным остается социологический мониторинг ценностных ориентаций современной молодежи (в том числе, с учетом

осмысления исторического прошлого), анализ изменений под воздействием внутренних и внешних факторов, научное (без влияния конъюнктуры) осмысление результатов исследований.

Список литературы

1. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-Память. СПб.: Изд-во СП6ГУ, 1999. С. 17-50

2. Хапаева Д.Р. Прошлое как вызов истории // Франция-Память. СПб.: Изд-во СП6ГУ, 1999. С. 296-323.

3. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. Монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. – Москва: РУСАЙНС, 2019. – 228 с.

4. Фролов В.А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04. –Социальная структура, социальные институты и процессы. Краснодар, 2014. С.8 // https://крду.мвд.рф/upload/site119/document_file/oiMg8NznXL.pdf (дата обращения: 05.09.2023)

5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд. допол. и испр. М.: Институт социологии РАН, 2010. – 592 с.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 170-191. (статья по материалам исследования, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ РАН в 2017 г.)

7. Ценности молодежи: результаты опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде (ВЦИОМ, 14 декабря 2022 г.) // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=lmhfw3bbsn155595088 (дата обращения: 03.09.2023)

8. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С.429.

9. Кон. И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. – 383 с.

10. Волосков И.В. Традиционное и либеральное в системе ценностей российской молодежи // https://znanio.ru/media/sistema_tsennostej_molodezhi-293357?ysclid=lmhh6z4gzr859436073 (дата обращения: 03.09.2023)

11. Столяренко Л.Д., Столяренко В.Е., Фролов В.А. Историческое сознание российской молодежи: особенности и противоречия // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. – С.31-35.

12. Ценности молодежи: результаты опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде (ВЦИОМ, 14 декабря 2022 г.) // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=lmhfw3bbsn155595088 (дата обращения: 03.09.2023)

13. Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодёжи в 2022 году / Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования // https://newizv.ru/news/2023-04-14/monitoring-tsennostnyh-orientatsiy-molodyozhi-68-uchaschihsya-schitayut-sebya-patriotami-404421?ysclid=lmhhfxtz83663041171 (дата обращения: 05.09.2023)

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСТВА РОССИИ

THE PROBLEM OF PRESERVATION OF MONUMENTS CULTURAL HERITAGE IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN STUDENTS

Ю.Р. Вишневский
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
Е.Н. Икингрин
Лаборатория региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН, г. Уфа
А.А. Никифорова
Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск
Yu.R. Vishnevsky
Ural Federal University, Yekaterinburg
E.N. Ikingrin
Laboratory of Regional Studies of the Quality of Life of the Center for the Study of the Regions of Russia, IS FNISTC RAS, Ufa
A.A. Nikiforova
Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk

Посвящено проблеме сохранения культурного наследия. Дается анализ результатов, полученных в федеральных исследованиях Российского общества социологов. В четвертой волне проекта «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» были добавлены вопросы о памятниках, их сохранности и сносу в странах зарубежья. Студентами разных регионов оценивается отношение правительства России к сохранению памяти о подвиге народов Советского Союза в ВОВ и состояние памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ.

The article is devoted to the problem of preservation of cultural heritage. In it, we analyze the results obtained in federal studies of the Russian Society of Sociologists. In the fourth wave of the project "The attitude of students to the Great

Patriotic War", questions were added about monuments, their preservation and demolition in foreign countries. Students from different regions assess the attitude of the Russian government to preserving the memory of the feat of the peoples of the Soviet Union in the Second World War and the state of historical monuments, graves, burials of the Second World War.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм, студенчество, культурное наследие, правительство, памятники, сохранение, вандализм

Keywords: The Great Patriotic War, patriotism, students, cultural heritage, government, monuments, preservation, vandalism

Для современной России изучение и всестороннее использование памятников культурного наследия имеет особое значение, поскольку страна переживает принципиальные социальные, экономические и духовные перемены. Изучение и сохранение культурного наследия являются необходимым условием предупреждения процесса разрушения и уничтожения национального богатства России. Освоение исторического наследия способствует сохранению духовности народа, не позволяя заменять подлинную культуру ложными ценностями [1]. На основании тех знаний, которые заключены в культурном наследии, человек создает для себя определенные жизненные принципы, которыми руководствуется в настоящем и разрабатывает приоритеты будущего.

Охрана и освоение культурного наследия являются одной из приоритетных задач государственной политики всех стран. Всего в России насчитывается около 200 тыс. объектов культурного наследия федерального и регионального значения, из них 31 входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [2].

Для народов Советского Союза Великая Отечественная война – «священная» война. Этот термин мы вправе отнести и к многочисленным памятникам, посвященным подвигу наших предков в военные годы. С начала войны прошло уже более 80 лет, и мемориалы служат напоминаем о том, чего никогда больше не должно повториться.

В России создаются новые, восстанавливаются и реставрируются старые объекты, увековечивающие память о событиях, об участниках и жертвах ВОВ. В мае 2019 г. с. Макарово Ишимбайского района республики Башкортостан открыли памятник легендарному снайперу Ахату Ахметьянову. 30 июня 2020 г. [3] открыт Ржевский мемориал Советскому Солдату, посвящённый памяти советских солдат, павших в боях подо Ржевом.

8 сентября 2022 г. в Донецкой Народной Республике (ДНР) прошла церемония открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могила». Комплекс был разрушен в 2014 г. во время боев с вооруженными силами Украины. Следы от обстрелов 2014 г. на памятнике и фигурах солдат не убирали. Добавили три новых пилона, на которых изображены герои ДНР, участники событий 2014 г. – Воха, Гиви, Моторола и Корса [4].

11 октября 2022 г. в День Республики Башкортостан на Советской площади в Уфе открыли мемориальный комплекс, посвященный легендарному комдиву 112-й Башкирской кавалерийской дивизии – Герою России Минигали Шаймуратову, его знаменитым конникам и всем защитникам Родины: от «северных амуров», отличившихся в Отечественной войне 1812 года, до воинов-интернационалистов.

Без крепкого тыла, труда подростков и женщин на заводах, фабриках, в полях и на лесозаготовках, госпиталях и санаториях победа была бы невозможна. Установка монументов, посвященных труженикам тыла, массово была начата с 2010 г., основная масса монументов появилась в 2012-2015 гг. [5].

В октябре 2015 г. в Уфе открыли самый большой в России памятник труженикам тыла (проект скульптора, народного художника России Андрея Ковальчука). Памятник сооружён за счёт внебюджетных средств. Он включает скульптурную группу, символизирующую основные профессии тружеников тыла: нефтяник, сталевар, жница, швея и другие [6]. А через 5 лет (2-го июля 2020 г.) Уфа была удостоена почётного звания «Город трудовой доблести».

В Федеральном законе «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 22 августа 2004 г. N 122-ФЗ записано: «Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления ответственны за сохранение памятников Великой Отечественной войны, поддержание их в состоянии, соответствующем достойному и уважительному отношению к памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне».

Ниже мы даем анализ результатов, полученных в федеральных исследованиях Российского общества социологов [7]. В четвертой волне проекта «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» были добавлены вопросы о памятниках, их сохранности и сносу в странах зарубежья.

Для изучения проблемы внимания нашего государства к сохранению памяти подвига народа был задан вопрос, «Как Вы считаете, правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружеников тыла времен ВОВ?». Результаты ответов на этот вопрос

даны в таблице 1. Так как исследование федеральное, у нас есть возможность посмотреть ситуацию в разных регионах и городах. Мы выбрали города Волгоград, Санкт-Петербург, Уфу, Нижневартовск и Сургут, расположенные в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

Таблица 1

Как Вы считаете, правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ? * Город ВУЗа, % от Город ВУЗа

Город ВУЗа	КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ ДОСТАТОЧНО УДЕЛЯЕТ ВНИМАНИЯ СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ПОДВИГАХ СОЛДАТ, ОФИЦЕРОВ, ТРУЖЕНИКАХ ТЫЛА ВРЕМЕН ВОВ?				
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Мне лично все равно	ИТОГО:
Волгоград	37,1	31,3	30,0	1,6	100,0
Уфа	35,5	30,9	30,8	2,7	100,0
СПБ	37,1	25,9	30,5	6,6	100,0
ХМАО	38,7	25,4	34,0	2,0	100,0
ИТОГО:	38,8	29,1	29,4	2,8	100,0

Студенты всех этих городов дают примерно одинаковую оценку внимания правительства России сохранению памяти о подвигах в ВОВ, и это закономерно, так как давалась оценка деятельности правительства России. К сожалению, положительных оценок не намного больше отрицательных. Меньше, чем у других, отрицательных оценок у ХМАО и СПБ. Но, если у студентов ХМАО такая оценка за счет большего числа студентов затруднившихся ответить, то у студентов СПБ за счет тех, кто отметил (6%), что ему лично все равно, уделяет ли правительство внимание сохранению памяти о подвигав в ВОВ (при средн. 3%).

Интересные результаты мы получили при анализе ответов на вопрос о внимании правительства России к сохранению памятников героев ВОВ в зависимости от того, как планировали участвовать опрошенные студенты в подготовке и праздновании 75-летия Победы. Среди тех, кто «ни в чем не будет участвовать» при подготовке к празднованию 75-летию Победы, 11% – кому все равно, достаточно ли внимания правительство уделяет сохранению памяти о подвигах времен ВОВ (при средн. показ. 3%). А среди тех, кто примет участие в приведении в порядок памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ в своем городе / регионе, и тех, кто ездил или поедет на места боев (ухаживать за могилами погибших, за памятниками,

поиск останков и мест захоронения погибших в ВОВ), значимо меньше респондентов, затруднившихся дать оценку правительству, соответственно 21% и 24% (при средн. показ. 29%). В то же время среди них несколько больше респондентов давших отрицательную оценку деятельности правительства, соответственно 37% и 35% при сред. показ. 29%. Эти респонденты, хотя и критикуют правительство, сами делают многое для сохранения памяти о героях Великой отечественной войны. Еще один позитивный момент: в ответах на вопрос об оценке правительства и как будут участвовать в праздновании 75-летия Победы дали положительную оценку правительству по 45% опрошенных студентов, которые участвуют(овали) в конкурсе работ, посвященных этой дате (сочинения, рисунки и т.п.), и участвуют(овали) в выставках-продажах с благотворительной целью (деньги будут переданы ветеранам ВОВ). Конкурсы, выставки, обычно организованные администрацией разного уровня, оцениваются студентами очень позитивно.

Мы попросили студентов оценить состояние памятников, могил в своем городе, регионе. Наиболее информированы о состоянии памятников респонденты, которые собираются принять участие в приведении в порядок памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ в своем городе / регионе, среди них затруднившихся ответить всего 4%; чуть больше затруднившихся среди тех, кто ездил или поедет на места боев (ухаживать за могилами погибших, за памятниками, поиск останков и мест захоронения погибших в ВОВ) – 6%, затем – среди тех, кто обычно сам или вместе с родными ходит на кладбище, где похоронены родные – участники войны – 10%. Среди тех, кто ни в чем не будет участвовать, затруднились оценить состояние памятников 27% опрошенных, а среди тех, кто пока не определился, будет ли он участвовать в каких-либо мероприятиях, посвященных Дню Победы, – 18%.

В Международный день памятников и исторических мест, 18 апреля 2023 г., пресс-служба Министерства культуры РФ сообщила, что, благодаря программе «Волонтеры культуры», на 11 тысячах объектов культурного наследия России прошли работы по их сохранению [8]. Отметим, что волонтерское движение стало за последние три года масштабнее и эффективнее. А оно, как ничто другое, способствует росту патриотизма.

По нашему мнению, очень показательна таблица № 2, в которой оценивается работа правительства о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ и состояние памятников в городе/регионе.

Таблица 2

Оценка внимания правительства России сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ и состояния памятников (в % к числу ответивших)

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ ДОСТАТОЧНО УДЕЛЯЕТ ВНИМАНИЯ СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ПОДВИГАХ ВРЕМЕН ВОВ?	КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, МОГИЛ, ЗАХОРОНЕНИЙ ВРЕМЕН ВОВ В ВАШЕМ ГОРОДЕ / РЕГИОНЕ?							
	Все в хорошем состоянии	Большая часть в хорошем состоянии	В основном положительная оценка	Только малая часть в хорошем состоянии	Все в плохом состоянии	В основном отрицательная оценка	*Затрудняюсь ответить*	ИТОГО:
1	2	3	2+3	5		5+6		
Да	21,7	50,1	71,8	17,2	,5	18,7	*9,5*	100,0
Нет	5,7	34,1	39,8	40,2	,5	48,6	*11,6*	100,0
Затрудняюсь ответить	8,2	40,0	48,5	24,9	,6	27,5	*24,4*	100,0
Мне лично все равно	7,8	22,3	30,1	13,1	,8	20,9	*49,0*	100,0
ИТОГО:	12,7	41,7	54,4	26,0	,0	30,0	*15,6*	100,0

За сохранение памятников должно прежде всего отвечать правительство и администрации регионов, городов. Это подтверждается на законодательном уровне. Студенты России тоже так считают. Среди тех, кто считает, что правительство достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах времен ВОВ, две трети (72%) студентов дают положительную оценку состояния памятников, а среди тех, кто считает, что недостаточно, – только 40%.

Президент России В.В. Путин неоднократно обращал внимание на вандализм зарубежных странах по отношению к памятникам и захоронениях героев ВОВ. «Снос памятников советским воинам в ряде стран – это глумление над историей и предательство собственных предков» [9]. Такое заявление 8 сентября 2022 г. сделал президент России В.В. Путин в видеообращении к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса Саур-Могила в Донецкой Народной Республике (ДНР).

В марте-мае 2022 г. Российское общество социологов провело федеральное социологическое исследование «Культурное наследие и связь поколений», посвященное «Году народного творчества и культурного наследия», который объявило Содружество Независимых Государств [10]. Одним из вопросов, который задавали студентам, был: «В настоящее время в странах, входивших в состав СССР, сносят памятники советского времени. Что вы думаете по этому поводу?». В таблице 3 мы приводим ответы на этот вопрос всех студентов, в том числе, студентов Башкирии, Волгограда, Санкт-

Петербурга и ХМАО-Югры. Волгоград и Санкт-Петербург – города герои, Башкирия (Уфа – город трудовой доблести), ХМАО-Югра – регион нового освоения (число жителей в 1939 г. – 92932, в 2022 – 1 713 763 чел.) [11]. Жители ХМАО-Югры в большинстве своем – это приехавшие из разных регионов СССР.

Отношение к «сносу памятников» у студентов разных регионов в той или иной степени разняться. Вариант «Думаю, что это сознательное разрушение общей для народов СНГ памяти, истории» выбрало 49% – волгоградцев, 46% – студентов Югры, 43% – башкирских студентов и 37% студентов Санкт-Петербурга (при средн. показ. 46%). Вариант «Страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным»: Санкт-Петербург – 34%, Башкирия – 27%, Волгоград 25%, ХМАО-Югры – 23% (средн. показ. 25%). «У каждого народа есть свои герои. Не надо пропагандировать чужих» – Санкт-Петербург - 21%, (при средн. показ. 14%), ХМАО-Югры – 10%. 16% – Башкирии, 13% - Волгоград. «Это расплата за несправедливое отношение к республикам во времена СССР» – 12,4% – Санкт-Петербург, Волгоград – 8,6%, Башкирия – 8% (средн. показ. – 8,1%).

Обобщая сказанное, можно констатировать, что студенты Волгограда высказывают более патриотичные суждения по сравнению со студентами ХМАО-Югры, Башкирии и Санкт-Петербурга.

Таблица 3

В настоящее время в странах, входивших в состав СССР, сносят памятники советского времени. Что Вы думаете по этому поводу? (в % к числу ответивших)

Валидные	Значения	Весь массив	Башкирия	Волгоград	Санкт-Петербург	ХМАО-Югры
1	Считаю, что из истории нельзя вычеркивать события в угоду каждой новой власти.	52,1	46,4	54,3	50,3	48,3
2	Думаю, что это сознательное разрушение общей для народов СНГ памяти, истории.	45,7	43,4	49,3	37,3	45,5
3	Страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным.	24,5	27,0	25,2	33,5	22,5
4	Мне лично все равно.	14,2	9,5	12,2	11,8	15,8
5	Полагаю, что это «корректировка» истории после открытия архивов.	10,8	10,9	10,7	20,5	11,1
6	У каждого народа есть свои герои. Не надо пропагандировать чужих.	13,9	15,6	13,0	20,5	10,0

7	Это расплата за несправедливое отношение к республикам во времена СССР.	8,1	7,9	8,6	12,4	7,4
8	Другое	1,8	1,6	1,8	5,6	1,4
	Сумма:	171,0	169,8	175,0	190,1	161,9

В заключение необходимо отметить, что исследования Российского общества социологов, опросы студенческой молодежи свидетельствуют об актуальности проблемы сохранения культурного наследия и сложности ее решения.

Во-первых, почти половина опрошенных не осуждают вандализма по отношению к памятникам, захоронений в зарубежье; во-вторых, наблюдается неблагополучие в самой России в сохранении культурного наследия; в-третьих, наметились положительные тенденции в сохранности памятников, захоронений (растет число «волонтеров культуры», восстанавливаются и открываются новые мемориальные комплексы); несколько увеличилось число осуждающих варварское отношение к памятникам и захоронениям, олицетворяющих подвиг нашего народа в ВОВ. Но, главное – решение проблемы сохранения культурного наследия зависит во многом от уровня и эффективности патриотического воспитания и активности в этом молодежи.

Список литературы

1. Сиволап Т.Е. К вопросу сохранения культурного наследия в России: некоторые аспекты решения проблемы/ Т.Е. Сиволап // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – № 1 (9). – 2012 г. – С. 80-90.

2. Программа «Волонтеры культуры» помогла сохранить 11 тысяч объектов культурного наследия https://news.myseldon.com/ru/news/index/282306214 (дата обращения: 27.09.2023).

3. Ржевский мемориал Советскому солдату. История создания // https://rzhev.histrf.ru/history. *История.РФ*. (дата обращения: 15 октября 2021).

4. Саур-Могила // https://ru.wikipedia.org/wiki/Саур-Могила#

5. Памятник труженикам тыла // https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_труженикам_тыла (дата доступа 10.05.2020).

6. В Уфе появился памятник труженикам тыла https://regnum.ru/news/cultura/1988483.html

7. Дулина Н. В. Молодежь России о Великой Отечественной войне / Н. В. Дулина, Е.Н. Икингрин, В.А. Мансуров // Социологические исследования. 2020.

№ 5. С. 162-163. DOI: 10.31857/S013216250009394-6; Спасибо прадеду за Победу… Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» : коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского : Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 352 с.;

8. Программа «Волонтеры культуры» помогла сохранить 11 тысяч объектов культурного наследия // https://news.myseldon.com/ru/news/index/282306214 (дата обращения: 27.09.2023).

9. Путин назвал глумлением над историей снос памятников советским воинам https://iz.ru/1392774/2022-09-08/putin-nazval-glumleniem-nad-istoriei-snos-pamiatnikov-sovetskim-voinam

10. См.: Н.В. Дулина, Народная культура в оценках российской студенческой молодежи / Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

11. Последние официальные данные от Росстата //https://gogov.ru/population-ru/hmao

12. Икингрин Е.Н., Неганов Ф.М. Социальная защита населения северных городов России: теория, методология, практика / М-во образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т, Нижневарт. гос. пед. ин-т. – Уфа: Башк. ун-т, 2001. – 140 с.: ил., табл.; 20 см.; ISBN 5-7477-0509-0

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОМУ НАСЛЕДИЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ATTITUDE OF YOUTH PEOPLE TO THE CULTURAL AND VALUE HERITAGE OF THE SOVIET UNION

Н.Н. Ивашиненко,
В.В. Шаталина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, RCS Haven, Шотландия
N.N. Ivashinenko, V.V. Shatalina
Lobachevsky University, RCS Haven, Scotland

Отношение молодежи к СССР находится под влиянием множества факторов, начиная от уровня межличностного взаимодействия в семье, отношения к истории страны и восприятия изменений в текущем процессе трансформации ценностей россиян. На базе первичного анализа пилотажного

всероссийского исследования ценностей россиян предлагается рассмотрение диалектики отношения молодежи к СССР и роли этого дискурса в системе коммуникаций со старшим поколением.

The attitude of young people to the USSR is influenced by many factors, ranging from the level of interpersonal interaction in the family, the attitude to the history of the country and the perception of changes in the current process of transformation of Russians' values. On the basis of the initial analysis of the pilot all-Russian study of the values of the Russian population, it is proposed to consider the dialectics of the attitude of young people to the USSR and the role of this discourse in the system of communication with the older generation.

Ключевые слова: ценности молодежи, СССР, поколенческий разрыв,
Keywords: values of youth, USSR, generation gap

Взаимоотношения поколений находится в фокусе социальных исследований длительное время, но не теряют своей актуальности как в связи с постоянно увеличивающимся разрывом в межпоколенческих ценностях [1], с одной стороны, так и с трансформацией ценностной структуры общества в целом [2]. Увеличение разрыва в ценностях поколений объясняется с использованием различных подходов и парадигм, подчеркивающих возрастание скорости социаетальных изменений [3]. Ряд исследовательских работ фокусируются на изменениях, вызванных переходом к экономике нового типа и более высокой скоростью адаптации к этим инновациям в среде молодежи [4]. Другим направлением исследований выступает внимание к стабилизирующей роли, выполняемой старшим поколением как носителем традиций, предохраняющим общество от аномии и отдельно – по сохранению установок к брачно-семейным ценностям [5].

На фоне универсальной тенденции нарастания поколенческого разрыва во всем мире особую важность начинают приобретать страновые контексты и реакция национальных сообществ на глобализацию. В России в последние годы отмечается значительный трансформационный сдвиг отхода от либеральных ценностей в сторону традиционных, объединяющих социум [6].

В рамках конференционных тезисов предлагается первичное обсуждение результатов исследований ценностей россиян, проведенного в 2022 г. В ходе исследования была реализована серия фокус-групп и опрошено 3000 респондентов в трех регионах России: Нижегородской, Новосибирской и Белгородской областях. Осознавая ограничения, накладываемые кросс-секционным исследованием пилотажного типа, тем не менее можно сделать определённые выводы, которые будут верифицироваться на следующих этапах проекта.

Советский Союз и ассоциируемая с ним ценностная система играют значительную роль в формировании мировоззрения россиян, задавая рамку как оценки перестройки, так и дальнейших этапов постсоветского государственного строительства [6]. Тем не менее, как показывают результаты исследования, значимость данного основания ценностной системы весьма различна. Анализ отношения к распаду Советского Союза показывает различия в точках зрения поколений. Для половины людей пенсионного возраста это событие до сих пор воспринимается как трагедия и ошибка (табл. 1).

Таблица 1

Отношение к распаду СССР, %

Варианты	Население в целом	Молодежь до 35 без детей	Пенсионный
Отрицательно, это была трагедия и ошибка	31	10	**52**
Скорее отрицательно, это можно было предотвратить	24	21	24
Нейтрально, это уже история	32	**51**	17
Скорее положительно, это был выход из застоя	8	**11**	5
Положительно, Россия смогла выйти на новый этап развития	5	**8**	2

Старшее поколение на фокус-группах рассматривало опыт проживания в СССР как базу для формирования жизненных ценностей, которые сохранились, несмотря на все произошедшие в стране события.

Ну дело в том, что мы здесь все поколения Советского Союза, поэтому, естественно, какая-то ностальгия все равно присутствует. Да, прошло много лет, мы понимаем, мы живем в другой обстановке, но Советский Союз, он где-то в нас внутри (женщина, 54 года).

Трудности передачи ценностей СССР молодежи старшее поколение во многом увязывает с изменением системы преподавания и истории в школах.

Другое дело, что нас по-другому воспитывали в школах. Я помню, были всевозможные эти герои войны, они просто их не знают. У меня старшая вот заканчивает, историю сдавала, вот то, что показывает Михалков, действительно, так оно и есть: мальчик не знает, кто такой Дзержинский. (мужчина, 64 года)

Для половины молодежи, не имеющих детей (51%) распад СССР – это уже формализованная история, а не проживаемый опыт. Это событие уходит в прошлое и волнует их значительно меньше, чем старших. Старшее поколение, апеллируя к опыту своего прошлого, сталкивается с неоднозначной реакцией

молодежи. Адресуясь к позиции старших, участники молодежных групп, как и старшие, отмечали важность опыта жизни в СССР как обобщающего качества, интегрирующего ценностные позиции старшего поколения.

Общие черты пенсионеров, по мнению молодежи, во многом формируются под влиянием этого общего унифицированного прошлого. В частности, участники молодежных групп использовали понятие «СССР-овское воспитание», с которым связывались нормативные, но суженные представления старших о работе и образовании, двух основных институтах по поводу которых шли обсуждения в семьях.

Старшее поколение, у них такое СССР-овское воспитание: у тебя должна быть стабильная работа. Все. На которой ты должен проработать всю жизнь. Это единственное, чего они хотят. И должно быть образование. Не важно, какое, оно должно быть. Сама корочка, без разницы какая, но нужна. СССР-овское воспитание вот это: «где родился, там и пригодился». (женщина, 24 года)

Молодежь более критично и недоверчиво воспринимает прошлое, опыт СССР, которые они знают либо из книг, либо со слов родных и близких.

Я просто другой жизни не знаю. Я живу сейчас, поэтому рассуждать об этом трудно. Со слов родителей, у них все было прекрасно, но я все равно какие-то минусы в этом вижу. Какое-то вот это, наоборот, однообразие, застой. Я бы это так назвала, то есть, все однообразно, все стабильно, скучно. Это лично мое мнение. (женщина, 19 лет)

Я представляю СССР вообще черно-белым, как будто там даже не было ничего цветного. Было скучно и грустно. (женщина, 20 лет)

Я думаю, что там тоже нелегко жилось. Даже хуже, чем сейчас, я думаю. (мужчина, 26 лет)

Мне кажется, что сама суть СССР какая-то устаревшая. (мужчина, 20 лет)

Сам факт, что для молодежи СССР – это прошлое, вызывает критику в его адрес как устаревшей модели ценностей, не отвечающей требованиям разнообразия современного мира.

В то же время по мере взросления и приближении к границе среднего возраста у поколений снижается негативизм и растет потребность в стабилизации и опоре. В этом случае, у более старших участников фокус-групп возникали дискуссии, насколько Советский Союз и его система ценностей была свободна от реалий коммерциализации современного капитализма.

Если сравнить, сейчас мы живем все в кредитах и в ипотеках, а раньше наши родители получали квартиры, и у них не было ни кредитов, ни ипотек. Они

не знали, что такое кабала денежная. Я бы только из-за этого туда (в СССР) вернулась. (женщина, 34 года).

Таким образом, разность восприятия исторического прошлого своей страны становится одой из магистральных линий поколенческого разлома. Этот разлом начал формироваться во многом как результат множественных интерпретаций прошедших 90-х, и отражения в школьных программах. СССР выступает синтезированной комплексной метафорой российского дискурса, к которому постоянно апеллирует общественное сознание. Молодежь критикует СССР с позиций соответствия этой ценностной модели разнообразию современного мира и точек зрения. В то же время, ностальгические настроения возникают в ходе поиска точек стабилизации и опоры. Трансформация ценностей, наблюдаемая сегодня, ставит старшее поколение в более благоприятную позицию, позволяющую открыто выражать свое мнение. Молодежь предпочитает уходить от прямого столкновения мнений со старшими, скорее скрывая, чем демонстрируя свою точку зрения.

Мы также полагаем значительную динамику в отношении многих затронутых в исследовании аспектов при выявлении личного (экономического, образовательного и семейного или партнерского опыта) молодых представителей обследуемых регионов. В планируемом исследовании будут учтены скрытые позиции молодежи.

Список литературы

1. Elza Venter (2017) Bridging the communication gap between Generation Y and the Baby Boomer generation, International Journal of Adolescence and Youth, 22:4, 497-507

2. Fomicheva, T., Sulyagina, J., Kataeva, V., Kryukova, E., & Dusenko, S. (2017). Transformation of values in global society: managerial aspect. Revista ESPACIOS, 38(33).

3. Foster, Karen R. Generation, Discourse, and Social Change, Taylor & Francis Group, 2013. ProQuest Ebook Central

4. Федотова В.А. «Жизнестойкость поколений современной России»: – Монография. – Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2019. – 170 с. ISBN 978-5-4379-0629-3).

5. K. L., Huo, M., & Birditt, K. S. (2020). A decade of research on intergenerational ties: Technological, economic, political, and demographic changes. Journal of Marriage and Family, 82(1), 383-403.

6. Ильин, В. А. В стране формируются контуры нового Общественного договора / В. А. Ильин, М. В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 9-34.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА КАК ВАЖНЕЙШЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

SELF-IDENTIFICATION OF THE PEASANTS AS THE MOST IMPORTANT SOCIAL GROUP OF THE RUSSIAN SOCIETY: HISTORY AND MODERNITY

А.А. Куренышев
РГСУ, г. Москва
A.A. Kurenyshev
RSSU, Moscow

В публикации идет речь о значении крестьянства в истории России, стихийно-бессознательном осознанном понимании крестьянством и выразителями его сущностных интересов роли, влияния этого слоя на историю страны и ее современное развитие.

The publication deals with the role of the significance of the peasantry in the history of Russia, the spontaneously unconscious conscious understanding of the peasantry and the spokesmen for its essential interests of the role, the influence of this layer on the history of the country and its modern development.

Ключевые слова: Крестьянство, сознание, история, экономика, политика.
Keywords: Peasantry, consciousness, history, economics, politics.

Самоидентификация крестьянства? Термин, который предполагает самовыражение, самопризнание, самооценку. Возможно ли такое в отношении такого социального слоя, класса-сословия, как крестьянство?

Казалось бы, кроме фольклора, естественного полумистического самовыражения большинства народов на стадии их исторического младенчества, сказок, пословиц, поговорок, песен, ничего от крестьян получить нельзя. Так, кстати говоря, относится к крестьянству такая ставшая благодаря Теодору Шанину отрасль научного познания, как «крестьяноведение».[1] Хотя сам Шанин в своих работах под влиянием В.П. Данилова и позднее советской школы изучения крестьянства старался представить крестьянство не только объектом воздействия иных, более развитых социальных сил (интеллигенция, рабочие и даже дворяне-помещики), но и субъектом исторического процесса,

крестьяноведческая закваска продолжала действовать и влияла и на Данилова, который выдвинул теорию Крестьянской революции и сформулировал тезис о «новом российском крестьянстве». Данилов, однако не смог наполнить этот термин реальным содержанием, предоставив сделать это другим историкам.

Несмотря на отмеченные подвижки последних лет в изучении российского крестьянства, оно оставалось немым, предоставляя право выступать от своего имени другим социальным слоям и группам. Тем не менее помимо устной истории, опросов свидетелей тех или иных событий (коллективизация, раскулачивание и т.п.), напрямую связанных с историей крестьянства, очень популярной в конце 1980-х – начале 2000 гг., появлялись и воспоминания крестьян и даже крестьянские дневники или ссылки на них [2]. По мнению составителей сборника «Судьбы Российского крестьянства», «…устная история – это одновременно процесс и форма обретения обществом и личностью своей идентичности» [3]. Скажем сразу, мы восторгов по поводу устной истории никогда не разделяли, впрочем, как и от сводок вчк-огпу-нквд, считавшихся некоторыми историками сверхобъективными и достоверными источниками. По нашему мнению, все источники, исходящие из человеческого общества, личные и государственно-казенные, несут на себе печать субъективизма, предвзятости. Объективными, и то с оговоркой, можно считать лишь те источники, которые отражают коллективно-бессознательно, то есть архетипы, то есть коллективно-бессознательное восприятие и отражение действительности: прошлого и настоящего.

Исследователи считают, что крестьянство влияло на выбор пути страной в сторону традиционализма, свих корней и особенностей. В этой черте исторического развития России можно видеть и объективное проявление самоидентификации крестьянства. Крестьянское коллективное бессознательное, по мысли некоторых обществоведов и политиков, стало основой создания того, что называлось социализмом в одной стране и что на самом деле было сохранением архаики и традиционализма в России.

В связи с выше сказанным, следует обратить на то, что общие проблемы исторического развития, причем не только в марксистской парадигме (генезис капитализма в крестьянской стране, социальное и классового расслоение того же крестьянства), но и в иных общих моделях, заслоняли конкретику социального бытия и его отражения в сознании того или иного социального слоя. В нашем случае – крестьянства. Причем, опять же не узко производственного, сельскохозяйственного, а и географического, и климатического бытия крестьянина, вынужденного добрую половину года забыть о сельском хозяйстве и заниматься многим другим, о чем его европейский собрат и понятия не имел.

Мы хотим обратить внимание на то, что, с одной стороны, крестьянин – оплот косности, патриархальщины, традиционализма, а с другой – он необыкновенно смышлен, сообразителен, восприимчив к новому. И самое главное, что крестьяне это понимали и, будучи в качестве солдат, лакеев за границей, отмечали это в себе. Немецкий бауэр был гораздо ограниченнее, нежели, казалось бы, забитый и угнетенный русский мужик, причем не только зажиточный, а, скорее, не слишком хозяйственно процветающий, а потому мобильный не только физически, но и умственно.

Отношение крестьян к власти, своему положению, событиям окружающей действительности проявлялось не только и не столько в мифах, легендах, пословицах и поговорках, но и в прямых обращениях к власти в челобитных прошениях, затем в форме ходоков, которые так или иначе добирались до столицы и находили поддержку у одной из противоборствующих группировок знати, боровшихся за влияние при дворе.

Естественно, что крестьянское движение в России спонтанно формировалось на основе фундаментальных крестьянских требований «Земли и воли». Под требованием «земли», естественно, предполагалась передача земли крестьянам, в реалиях тех времен – крестьянским общинам. Под «волей» долгое время подразумевался перевод всех крестьян в казацкое состояние. Вопрос о верховной власть вплоть до революции 1905-1907 гг. не ставился. Предполагалось, что Царь а приори на стороне крестьян, а его окружение – бояре и дворяне, а затем к ним присоединялось чиновничество и иногда грамотеи-интеллигенты в целом мешают самодержцу идти навстречу чаяниям простого люда. Такими были чаяния и даже что-то вроде программы «крестьянских войн» Разина и Пугачева, революционный потенциал которых усиливался самозванчеством, то есть признанием факта узурпации царской власти, нахождение ее незаконно в чуждых народу руках. Мирные формы выражения крестьянами своей позиции в форме прошений, жалоб, а затем приговорного движения, дополнялись вооруженной борьбой в форме погромов помещичьих экономий и время от времени крестьянскими войнами, то есть своего рода разновидностью гражданской войны.

Мы не касаемся религиозного оформления протестных акций и движений крестьян. Отметим только, что самым масштабным из них был раскол, который коснулся и правящих классов, но сделался со временем массовым низовым протестным движение. Сюда можно добавить и различные виды сектантства, включая и «толстовство». [4]

Сектантство, наряду с народничеством, было формой отражения глубинных, духовных чаяний крестьянства. Земля и воля, Народная воля,

Черный передел – название нелегальных революционных организаций, которые говорят сами за себя, о том, чьи интересы собирались защищать молодые представители разных классов и социальных групп, объявивших войну царизму в том числе и при помощи «хождения в народ». Эта акция не привела к крестьянской революции, но многие ее участники остались в деревнях в качестве учителей, врачей, земских статистиков и агрономов. Многие из них не только продолжали просвещать крестьян, но стояли у истоков крестьянских организаций: братств, кооперативов и первой всероссийской организации – Всероссийского крестьянского союза, ставшего в 1905-1906 гг. в один ряд с другими профессионально-политическими организациями, объединившимися в союз союзов, организацию, которая пыталась оказывать мирное давление на власть с целью ее демократизации и реформирования страны в целом.

Эта же тактика использовалась и в дальнейшем, когда появились дополнительно такие мощные рычаги давления на власть, как Государственная дума, в которой важную роль играли крестьянские депутаты. Особенно это касалось Дум первого и второго созыва, где выразителями интересов крестьян были кадеты (первая дума), трудовики, эсеры и энесы во второй. Ими вносились проекты земельных законов, требовавших полной или частичной ликвидации всех форм землевладения и землепользования, отмены частной собственности на землю. В противовес этим требованиям правительство стало осуществлять аграрную реформу, направленную на создание крупной и средней крестьянской собственности на землю, путем разрушения общинной системы земледелия, создания частновладельческих хуторов и отрубов, переселения крестьян на окраины страны. Там, на удивление властей и их противников, крестьяне часто возрождали общинные порядки, ибо без них труднее было выживать на новых местах.

Революция 1917 г. дала толчок так называемой «общинной революции», уничтожавшей не только помещичьи хозяйства, но и хозяйства крестьян выделенцев, втягивая их обратно в общину. Царское правительство уже с 1915 г. прекратило аграрную реформу.

Аграрная общинная революция, подстегнутая Декретом о земле, принятом на II съезде советов, включившим сводный наказ крестьян, переданный в ЦК партии Социалистов-революционеров, покончил с формальным существованием частной земельной собственности. Закон «О социализации земли», принятый левоэсеровским наркоматом земледелия, вызвал черный передел всей земли.

Общинность крестьянства оказывала воздействие на власть и в дальнейшем, вплоть до коллективизации, которая тоже опиралась и на общинные во многом настроения значительной части крестьян. [5]

Антикапиталистическое общество, созданное в России и вследствие сохранения в стране значительного слоя крестьян, во многих своих проявлениях сохраняется и поныне.

Список литературы

1. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910-1925 / Шанин перев. с англ. А.В. Соловьева под научной редакцией А.М. Никулина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2019. 408 с.
2. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах – М.: Аспект Пресс, 1996. 413 с.
3. Судьбы российского крестьянства. М.: Российский гос. гуманит. ун-т. 1995. 624 с.
4. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930 годы. М.: «Книга» 1989. 480 с.
5. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль.1983. Тт. 1-3.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ РЕЦЕНЗИЙ НА РОССИЙСКИЕ ФИЛЬМЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

CONTENT ANALYSIS OF THE RUSSIAN FILMS ABOUT THE WORLD WAR II

И.В. Привалов,
А.В. Комелькова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
I.V. Privalov,
A.V. Komelkova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Представлены результаты контент анализа рецензий на фильмы о Великой Отечественной войне с сайта Кинопоиск.ру. Обсуждаются темы сохранения памяти о Великой Отечественной войне, исторической точности в фильмах и критики современного российского кинематографа.

* Подготовлено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиатизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

The thesis reports the results of a content analysis of reviews of films about WW II from kinopoisk.ru. We discuss the topics of preserving the memory of the war, historical inaccuracies and criticism of modern Russian cinematography.

Ключевые слова: рецензии, контент анализ, историческая память, достоверность, коммеморация
Keywords: reviews, content analysis, historical memory, credibility, commemoration

Исторические фильмы, в частности фильмы о Великой Отечественной войне, являются инструментами конструирования исторической памяти и предлагают зрителям определенный исторический нарратив и вариант интерпретации исторических событий. Исследования зрительских предпочтений показывают, что фильмы о войне популярны и любимы среди россиян, кроме того, для многих они выступают источником исторической информации. Анкетный опрос не может дать достаточно полную и глубокую информацию о том, как зрители воспринимают эти фильмы, на какие аспекты обращают внимание, как конструируют проблему памяти, какую риторику используют для описания исторических событий, совпадают ли их представления об истории с теми, которые предлагаются в фильмах. На эти вопросы можно ответить с помощью контент-анализа.

Исследование проводилось методом анализа документов с использованием лексико-семантического текстового анализатора Лекта (Lekta). Объект исследования – рецензии на современные российские фильмы о Великой Отечественной войне на сайте Кинопоиск. Генеральной совокупностью документов являются все рецензии на сайте Кинопоиск на все фильмы о Великой Отечественной войне, выпущенные в период с 2002 по 2022 (октябрь) год, всего 172 фильма и сериала, 3807 рецензий (в момент сбора данных). В выборочную совокупность попали рецензии на фильмы с наибольшим количеством отзывов (больше 40), так как эти фильмы вызвали наибольший отклик со стороны зрителей, спровоцировали людей высказать свое мнение, возможно, породили дискуссии. Это 22 фильма и 2798 рецензий ни них. Рецензии были собраны в феврале 2023 г.

В ходе работы со словарем была получена 821 группа слов (параметров) для анализа текстов. Для снижения параметрического пространства был проведен факторный анализ, по его результатам было выделено 155 факторов. Факторы тоже были объединены в 3 тематических группы, которые наиболее значимы и популярны в анализируемых текстах, условно их можно обозначить следующим образом:

1. Критика популярных современных фильмов о войне.
2. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне.
3. Историческая достоверность фильмов о Великой Отечественной войне.

Первая тема включает критику конкретных фильмов. Отобраны факторы по следующим наиболее популярным фильмам: Несокрушимый, Собибор, Сталинград, Белый тигр, Битва за Севастополь, А зори здесь тихие, Красный Призрак, 28 панфиловцев.

Анализ отзывов показал, что зрителям важны те события, которые легли в основу фильма, в случае, если фильм позиционируется как основанный на реальной истории; так же оценивается репрезентация в кино исторических личностей. Единого мнения по поводу необходимости точного изображения истории нет. Некоторые рецензенты считают допустимым искажение исторических фактов в художественных фильмах и некоторую мифологизацию прошлого, чаще же рецензенты относятся к этому скорее негативно. Символическое и фантастическое изображение войны в фильмах вызывает споры, вероятно, здесь имеет место дихотомия коммеморативного и ревизионистского кино, и то, какой вариант предпочитают зрители. Обсуждению подлежит в большей степени фактологическая и сюжетная составляющая, технической реализации уделяется меньше внимания.

Тема памяти о Великой Отечественной войне прочно связана с праздником Дня Победы 9 мая. В этот фактор вошли слова *праздник, мая, Победа, великой, ветераны, реальная-история, Великая-война.* Многие смотрят военные фильмы специально 9 мая или в преддверии, чтобы эмоционально настроиться на этот праздник. Отмечается, что и сами фильмы выпускают ко Дню Победы, и это стало ежегодной традицией, однако некоторые скептически к ней относятся.

Общим для всех является чувство гордости и уважения, а также признание необходимости фильмов о войне для сохранения и передачи памяти следующим поколениям, часто говорится о том, что такие фильмы необходимо показывать детям. Тема воспитания молодого поколения довольно часто поднимается рецензентами. Авторы пишут, что необходимо передавать молодому поколению память о войне, прививать уважение к предкам, а также воспитывать патриотизм, который заключается в том числе в почтительном отношении к Великой Отечественной войне. Военные фильмы должны выполнять воспитательную функцию и приобщать молодежь к ценностям старших поколений, так как считается, что для молодежи кино – главный или даже единственный источник представлений о мире. Воспитательный потенциал – один из критериев оценки качества фильма для авторов рецензий.

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в фильмах подразумевает получение исторической информации, наличие определенных знаний. Авторы рецензий пишут о необходимости сохранять, получать и распространять достоверную информацию о войне, чтобы противостоять утрате памяти. Фильмы о войне рецензенты определяют как источники такой информации или как повод искать информацию в других источниках. Отмечается, что фильмы могут давать и ложные представления о войне. Но есть и те, кто считает, что просмотренный фильм изображает события Великой Отечественной войны не достойно, что приводит к искажению памяти о важных исторических событиях, критикуются и отдельные фильмы, и современное российское кино в целом, которое сравнивается с советским.

Тема исторической достоверности и соответствия реальному прошлому – один из ключевых аспектов, на которые обращают внимание зрители в исторических фильмах в целом и, в частности, в фильмах о Великой Отечественной войне.

Рецензии в этой группе в большей степени посвящены историческим деталям времен Великой Отечественной войны, таким как военная форма, оружие, техника, боевые действия. Даже при том, что фильмы являются художественными, а не документальными, историческая достоверность – один из самых важных критериев оценивания.

В целом соответствие фильма историческим фактам важно почти для всех авторов рецензий, однако некоторые обращают внимание на детализацию и требуют точной реконструкции. В основном все признают наличие ошибок, но авторы рецензий делятся на две группы. Первые крайне негативно воспринимают любые расхождения с историческими фактами и отмечают множество неточностей, как правило это касается несоответствия военной формы, вооружения и прочих деталей тому времени, в котором происходят события фильма. Вторые считают, что в любом фильме есть недочеты, которых нельзя избежать, но на это можно закрыть глаза, наличие незначительных исторических ошибок не делает фильм плохим. При этом сторонники нестрогого соблюдения всех исторических деталей часто негативно относятся к противоположной точке зрения, так как считают, что ключевое значение в кино имеет художественная и смысловая часть, а не мелкие детали.

Многие фильмы о Великой Отечественной войне позиционируются создателями как основанные на реальных событиях. К таким заявлениям зрители относятся очень внимательно, это отдельная тема в обсуждении фильма. Несмотря на то, что отмечается важность исторической основы фильма, и авторы рецензий всегда указывают это в случае, если есть заявка на

достоверность, пометка «основано на реальных событиях» не вызывает доверия у зрителей. Отмечается, что в любом случае в фильме будет иметь место художественный вымысел. В основном отношение к этому утверждению негативное (одна из причин – слишком большое количество фильмов, «основанных на реальных событиях»), оно воспринимается как маркетинговый ход, намеренная ложь для продвижения фильма. Фильмы, которые позиционируются как основанные на реальной истории, оцениваются намного строже, чем те, которые изначально не претендуют на полную достоверность.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ ОНТОСА И ГНОЗИСА В ЦИВИЛИЗАЦИИ ФАЛЬШИЗМА

THE DEVALUATION OF ONTOS AND GNOSIS IN THE CIVILIZATION OF FALSEHOOD

А.С. Тимощук
ВФ РАНХиГС, г. Владимир
A.S. Timoshchuk
Vladimir branch RANEPA, Vladimir

Предсмертная книга В.А. Кутырёва подводит итог его плодотворной творческой жизни. Ведущая тема философа – скептицизм по отношению к технологической рациональности, протест против нового утопизма «сверхразума машин». Критическое мышление Кутырёва опирается на два рельса – собственно позитивисткое мышление и, во-вторых, на духовную интуицию. Скептицизм и критическое мышление Кутырева преподают нам важный урок: особые заявления требуют особых доказательств, а корреляция не подразумевает причинно-следственной связи. Не относитесь к идее власти машин слишком серьезно.

The dying book of V.A. Kutyreva sums up his fruitful creative life. The leading theme of the philosopher is skepticism in relation to technological rationality, a protest against the new utopism of “ultrasound of machines”. The critical thinking of Kutyrev is based on two rails-in fact, positivist thinking and, secondly, on spiritual intuition. Skepticism and critical thinking of Kutyrev teach us an important lesson: special statements require special evidence, and the correlation does not imply a causal relationship. Do not treat the idea of the power of cars too seriously.

Ключевые слова: цифровое слабоумие, техноскептицизм, искусственное и естественное.

Keywords: digital dementia, technoscope, artificial and natural.

4 октября 2022 г. ушёл из жизни великий антропоконсерватор, методолог гуманитарного познания, замечательный российский учёный и гражданин Нижнего Новгорода, Кутырев Владимир Александрович. Его последняя монография проблематизирует технологию как судьбу, Технос как благо. Книга неожиданно стала итогом целой серии антропологических штудий Владимира Александровича: Человеческое и иное: борьба миров (2009), Бытие или ничто (2010), Время Mortido (2012), Последнее целование. Человек как традиция (2015), Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире (2016), Сова Минервы вылетает в сумерки (2018), Человечество и Технос: философия коэволюции (2020) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Последняя монография предлагается как разработка практической, жизненной философии (field philosophy) для укрепления в духе всех, кто не желает становиться открытой целостностью, превосходящей границы вида.

На злобу дня сыграло второе название книги «цивилизация фальшизма». Игра слов намекает на пагубность не только техноутопизма, но и бутафорского постмодерна. Мнимость, фиктивность, фальшь, манипулятивность, паразитизм, демонстративность, политкорректность – таков стандарт постчеловеческого и постклассического [9].

Почему самообман стал технологией развития? Фальшизм – это удобно. Для поддержания веры в монетаризм нужно блефовать, используя любую декорацию, от самой институциализированной (демократия, права человека) до самой маргинальной (фашизм, терроризм, нацизм). Это новая нормальность, патология нормы [8, с. 159]. Постмодернистская риторика, где стирается граница между текстом, интертекстом и контекстом, произведением искусства и штампованным изделием, конструкцией и деконструкцией. Постмодернистские конструкции – это структуры созидания в условиях новой нормальности, информационной разобщенности, фиктивных социокультурных объектов, цифровизации онтичности, провокативности и быстрой реактивности медийной среды. Постепенный отказ от бытийности вещей осуществляется от замены текста грамматологией до трансцендентализма и меонизма [9].

Суррогаты, симулякры, фейки, управление хаосом – многоходовая игра требует неординарных решений, вроде переворачивания шахматной доски и введения туда новых фигур, правил и тактик. Фактически, вместо классической игры мы получаем «мерцающие шахматы», когда в любой момент фигура может поменяться или любая фигура может вести себя как угодно. Усложнение правил игры вызвано достижением границ роста глобальной экономической системы. Мировые игроки ради замедления кризисных процессов готовы использовать

серые схемы в виде нацизма, терроризма, фашизма, постмодернизма, идеологии бестиализма или «белокурого зверя» [8. с. 127].

Постчеловеческое существование основано на экономиксизме или такой теории хозяйствования, где учат не как работает экономика, а как двигаются финансовые потоки. Цифровая экономика требует дигитального человека. При этом сохраняется трансмодернистская монополия на экономическое образование [8, с. 185].

Механизмы финансового кризиса основаны на кумулятиве процессов и действий: девальвация доллара, закредитованность, отказ от золотого эквивалента, виртуализация экономики, создание фиктивных активов через фондовые рынки, скрытые финансовые махинации, разрастание финансовых инструментов (фьючерсов, опционов, свопов), подавление конкурентов с помощью государственного влияния, использование локальных и рейдерства войн как антикризисных сценариев. Искусственная мультипликация денег не может быть основой глобальной устойчивости, а пузырь фиктивных капиталов рано или поздно должен был лопнуть [11].

Кутырев концептуализирует постмодерн как инструмент разрушения архаики, как метатеорию неустойчивости, транспозитивности социальных отношений. Деконструкторский характер постмодерна проявляется в преодолении тео – онто – фоно – фалло – лого центризма или вообще идеи центра как культуремы, когда социальная сложность описывается как ризома, хаосмос, номадизм, разрыв, метаязык, складка, лабиринт, игра, постправда, контекст, проективность, интертекст, симулякр, бриколаж, шизоанализ, гибридность, янусовидность.

Для благополучной и счастливой жизни золотому миллиарду не хватает средств. Количество благ выросло благодаря дешёвым кредитам США, дешёвым азиатским рабочим ресурсами и доступным ценам на углеводороды. Мультипликация необеспеченных активов, надувание пузыря спекулятивной экономики сделали нас жертвами фальшизации общества, повторяющими мантру «прогресс не остановишь» [8, с. 22-23]? В этой фразе фатализм и скрытое зло. Как можно радоваться тому, что нас отрицает. В.А. Кутырев исходит из того, что философ сопротивления должен сдерживать бездумный прогресс через восстание против постмодерна, деконструкции, метафизики присутствия, децентрации ради сохранения жизни и людей на Земле [10].

Старая классическая нормальность – уходящая натура [8, с. 67]. Новая нормальность – это попытка примирить усложняющуюся социальную природу с классическими антиномиями: «привитые не болеют, но опасность сохраняется», «вакцинация добровольна, но у Вас нет права отказываться от прививки»,

«следите за обонянием, хотя это симптом многих инфекций», «коррупция – зло, но это признак государства». Ранее для описания сложности в политике использовался акроним VUCA, который фиксировал неустойчивость среды (volatile), неопределённость (uncertain), сложность (complex) и многозначность (ambiguous). Гибридизация – это форма сохранения. Гибридность новых войн как раз заключается в избирательном, комбинированном отношении к противнику: здесь торгуем, здесь воюем; этот союзник хорош в одном, но вредит нам в другом; асимметричный удар по противнику в экономической сфере повлиял на состояние энергобезопасности союзника.

Постчеловеческие технологии паразитируют на эмоциональности потребителя, провокативности, хаосмосе, сарказме, гибридизации, симулякрах, фиктивности, лицемерии, фальсификации. Эту реальность можно назвать «виртуальный реализм», «синтетический реализм» [8, с. 47].

Добавление постмодернистского оператора смыслов призвано скрыть ухудшение качества жизни, снижение качества информации. В условиях деградации классического бытия образцы культуры деконструируется не просто в помои, а симулякры помоев.

Поскольку постмодерн является хаосмосом для современной политической среды, специальная военная операция выступает инструментом разрушения этой игры. Отдельные произведения и артефакты не так существенны в сравнении с системой обоснования артефакта или его деконструирующего оспаривания. В постмодерне структуры, в том числе структуры производства и восприятия, и становятся предметом теоретического рассмотрения, тогда как отдельные произведения и жанровые традиции понимаются как частные следствия структур, где глобальный сильный машинный интеллект и объектноориентированная онтология должны были преодолеть гоминида. Преодоление человека – сингулярность, намечена технократами Курцвейлером и Харари с их системой слежения, отменой пола, загрузкой сознания на сервера.

СВО вернула нас к реальности. Пока футурологи проектируют такие неклассические занятости, как медиаполицейский, продюсер смыслового поля, дизайнер эмоций, архитектор виртуальности, в России не хватает швей, агрономов, ветеринаров, зоотехников, механизаторов, инженеров, штурмовиков, связистов и артиллеристов. Труды Кутырёва пробуждают разум, заставляют встать на путь рационального традиционализма.

Скептицизм в отношении техногенного и трансгуманистического изменения человечества формируется во многом консервативной идеологией. Использование этой риторики не привело к формированию широкой социальной

коалиции, однако консерватизм обеспечивает идеологическую преемственность философии. Так, догматизм в праве – это спасение от скептицизма, радикального критического мышления и конструктивизма. Если мораль и право – это лишь конструкты, то тогда гомосексуализм, смена пола, педофилия, каннибализм, инцест, фашизм, нацизм, терроризм, геноцид, радикальная ювенальная юстиция, зоофилия, обязательная эвтаназия для слабых и нищих вполне могут быть оправданы в рамках некоей правовой конъюнктуры. Это и продвигают современные постчеловеческие мыслители вроде Шваба и Харари: «закончилась эра людей», – возвещают они, будто орки из «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина.

Охранительская позиция В.А. Кутырёва не распространяется на критику европоцентризма, а концентрируется на глобальном технократическом коллапсе: небиологический интеллект, технологическая Сингулярность, исход в постчеловеческое, биокапитализм.

«Вечное присутствие» Кутырёва в отечественной философии воплощает время, которое самостоятельно осуществляет торможение, протестуя против самодовольного безальтернативного прогрессивизма. Кутырёв противопоставляет фатальному трансгуманизму антропологию традиции. Миссия Человека во Вселенной должна быть выполнена до конца, и Кутырев надеется, что содействовал её осуществлению. Нам он завещает в своей итоговой книге оставаться человеком и иметь мужество быть. «Девиз глобального антропоконсерватизма: Живые люди всех стран – соединяйтесь!».

Список литературы

1. Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. – СПб.: Алетейя, 2009. – 262 с.

2. Кутырев В.А. Бытие или ничто. – СПб: Алетейя, 2009. –496 с.

3. Кутырёв В.А. Время Mortido. – СПб: Алетейя, 2012. – 336 с.

4. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.

5. Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. – СПб.: Алетейя, 2016. – 300 с.

6. Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). – СПб.: Алетейя, 2018. – 526 с.

7. Кутырёв В.А., Хусяинов Т. М., Слюсарев В.В. Человечество и технос. Философия коэволюции. – СПб.: Изд. Алетейя, 2020. – 260 с.

8. Кутырев В.А. Чело-век технологий. Цивилизация фальшизма. – СПб: Алетейя, 2022. – 288 с.

9. Кутырев В.А. Философия Чистого Разума Канта как спекулятивная предпосылка космизма, виртуальности и искусственного интеллекта (трансцендентальный дигитализм contra теллурический реализм) // Философия хозяйства. – 2022. – No 5. – С. 143-159.

10. Кутырев В.А. Науку и технологии – под контроль общества! (опыт философско-практического противостояния фальшизму цивилизации постмодерна) // Философия хозяйства. – 2022. – № 1 (139). –С. 113-126.

11. Тимощук А.С. Рецензия на книгу: Кутырёв В.А. Последнее целование. человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с. // Вестник Омского университета. – 2016. –№ 3 (81). – С.118-121.

ИСТОРИЯ И ЖИЗНЬ: ИХ ОППОЗИЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY AND LIFE: THEIR OPPOSITION IN THE MIRROR OF INTERGENERATIONAL RELATIONS

А.Н. Фатенков
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
A.N. Fatenkov
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

В центре внимания автора оппозиция истории и жизни, рассматриваемая в контексте межпоколенных отношений. Два главных тезиса. 1. Жизнь – первична, история – вторична и предрасположена к спекуляциям. 2. Межпоколенные барьеры возводит жизнь; история кратно множит и укрепляет их.

The author focuses on the opposition of history and life, considered in the context of intergenerational relations. Two main theses are: 1. Life is primary, history is secondary and predisposed to speculation; 2. Intergenerational barriers are built by life; history multiplies and strengthens them manifold.

Ключевые слова: жизнь, история, податливость истории, межпоколенные отношения, межпоколенные барьеры

Keywords: life, history, malleability of history, intergenerational relations, intergenerational barriers

Не удивлюсь, если дипломированный историк моего поколения сегодня сгорит со стыда. За свою науку, за своё ремесло. Начинал он с советских учебников и методик. Потом ему и его детям всучили постсоветские либеральные пособия. А теперь ему и его внукам вручают единый умеренно-консервативный «краткий курс». Прошлое, конечно, не мумия, но и не трансформер. Оно живёт в памяти людей, и в каждом из нас живёт особенным образом. История нацелена на унификацию прошлого, исходя из того или иного идеологического заказа. В эпоху перемен (а этих самых перемен история, собственно, и жаждет) заказы выстраиваются в трагикомичную очередь. Совестливому человеку не остаётся ничего, как только переключиться на изучение и преподавание внемировоззренческих артефактов-крох далёкого прошлого, разумеется, в случае отыскания таковых.

Трезвый взгляд на актуальную чехарду исторических разворотов ведёт к неутешительной констатации: три поколения, составляющие основу нынешнего населения страны, будут жить вскоре в трёх разнонаправленных исторических ретроспекциях: просоветской, пролиберальной, проконсервативной (если «уроки о важном» принесут свои плоды). И сочленение этих дивергентных установок станет возможным лишь на площадке эклектики и бессодержательной эффективности. (Подробная критика принципа эффективности в его приложении к социальной реальности представлена автором в работе [1]). Фрагментарно ситуацию спасает то, что в каких-то семьях идеологический прессинг демпфируется – как раньше, так и сейчас – нравственными устоями (либо попросту характером и упрямством), которые, в отличие от общественной морали и пропагандистских клише, расшатать и переформатировать куда труднее.

Нет никаких сомнений, межпоколенные барьеры – не заметить их нельзя – детерминированы самой жизнью: возрастными психосоматическими особенностями людей и различием в их собственно жизненном опыте. К нему всегда добавляется в той или иной степени опыт исторический, который скорее множит и укрепляет межпоколенные барьеры, нежели сглаживает их: одна линия унификации прошлого натыкается на другую.

Задумаемся: если история из раза в раз сравнительно легко переинтерпретируется и перепродаётся массовыми тиражами своих дисциплинарных книг, значит, что-то сомнительное есть и в её объективной составляющей. Не списывать же весь негатив на конформизм историографов или на объективистски подаваемое доктринальное положение о содержательном приоритете позднейших по времени смыслов над ранними. Постараемся разобраться.

История проявляется цепью хронологически связанных событий, сопрягающих в себе материальное и идеальное, объективное и субъективное, физическое и психическое. В событийности невозможно полностью отделить друг от друга неизменную в последующем фактичность и меняющееся с течением времени её смысловое наполнение. Точнее, они рассекаются исключительно на уровне теоретических спекуляций, когда берёт верх либо односторонний объективизм, либо односторонний субъективизм. Если, однако, история всё же выказывает склонность к смене интерпретаций (а наличие данной склонности удостоверяется без труда), то следует признать, что идеальное в ней доминирует над материальным, а истолкование фактов – над самими фактами. Подобное положение дел не случайно.

Идея истории, перетекающая в принцип историзма, – детище классического немецкого идеализма. И сколько ни пытался марксизм объективистски перенести историзм на платформу материализма, до конца этого сделать не удалось. История так и осталась отчуждённой формой жизни, идеалистическим поводырём материальной общественной практики. Парадокс в том, что К. Маркс видел отчуждённость в стихийной, релевантной программному материализму, предыстории, но не заметил в побеждающей стихийность истории как таковой, с торжествующим в ней рационалистическим тождеством бытия и мышления, ни идеалистического реванша, ни возможности новых форм отчуждённости, связанных с осознанным воздействием на человеческое сознание.

Казалось бы, с историческим идеализмом должен был разобраться витализм. И поначалу, действительно, всё к тому вроде бы шло: Ф. Ницше высказался не столько о пользе, сколько о вреде истории для жизни. Его «несвоевременные размышления» за помпезным фасадом историзма позволяют обнаружить шаткость хронически возводимого здания. То, чем владели наши отцы, теперь овладевает нами. В том, чему мы оказываемся подчинёнными, изрядная доля вымысла. При том, что объективный взгляд на прошлое претенциозен и нелеп: объективность одновременно выступает тут и ценностно нейтральной, и ценностно приоритетной. Историзированное сознание, априори устремлённое к надысторической точке обзора, неизбежно формирует представление о старости человечества и скором конце времён (см.: [2]).

Очень быстро, однако, «вред истории» из витализма улетучился. И не столько из-за крена в натуралистическое толкование смычки биологической эволюции и социального развития, сколько вследствие отрыва их друг от друга и приписывания «жизненной силе» сверхъестественного характера. У Х. Ортеги-и-Гассета мы встречаем уже пафосную, стилистически изысканную, но

однобокую по существу, апологию историзма: человек, дескать, это прежде всего, его убеждения и верования; у человека нет природы, есть только история; и нелепо обвинять последнюю в перманентной изменчивости (см.: [3]).

Возражая, займу существенно иную позицию: жизнь человека изначально связана с природой, тогда как с историей – во вторую очередь. Или даже – в третью, если не уравнивать с историей культуру. Та своими шедеврами свергает диктатуру времени и рвёт тем самым цепи историзма. Игнорирование или принижение природной основы (развивающегося организма с его задатками) есть нелепость, продуцируемая отвлечённым рационализмом, против отдельных форм которого выступал, кстати, сам испанский рацио-виталист.

Вытеснение жизни историей начинается с их спекулятивного сближения, подпитываемого возвышением временно́го в параллель с умалением пространственного. Да, и жизнь, и история длятся во времени – и этим они действительно схожи. Но в пространственном существовании они принципиально разнятся. В пространстве как таковом, в его трёхмерном измерении, нуждается именно жизнь; расплющиваясь, она гибнет. Для истории – идущей, скажем, гегелевским маршрутом с востока на запад – достаточно плоскостной проекции. Луч времени тоже может расползтись в плоскость, легитимируя «нелинейность» истории: уподобляя её траекторию кривой или ломаной линии, а то и разбивая ту на нестыкуемые двумерные фрагменты-кванты. Объёма же ни времени, ни истории никогда не набрать. Трёхмерные «исторические реконструкции» лишь имитируют историю, нередко – забавы ради.

Жизнь – это то, что всерьёз происходило и происходит с тобой и твоими близкими. История – то, что случалось и случается с другими и что детерминирует жизнь извне, со стороны. Жизнь упряма. И в своих переменах, и в сопротивлении переменам. И в своём рождении, и в смерти. И во взаимосвязи содержательной и формальной своих граней. История податлива в своём содержании и капризна своими формами: фактическая непоправимость произошедшего тонет в море оценочных поправок, и каждая последующая поправка нетерпима к предыдущей. Поддержать и укрепить жизнь несравнимо сложнее, чем переписать и подчистить историю. В «воле к жизни» пульсирует сгусток буквального смысла. В «воле к истории» рекламирует себя оксюморон. Жизненный приоритет – в близости. Исторический приоритет – в системе отношений. Близость отторгает спекуляции и манипуляции. Система отношений, напротив, предрасположена к ним, подыгрывая этой склонностью закату исторических пертурбаций. Он, словами М. Хайдеггера, наступает тогда, «когда относящееся к истории лицедейство обращается на нее саму» [4, с. 319].

В жизни важнее то, *что* всё-таки случилось; в истории – *как* к случившемуся отнестись. Известная рекомендация стоиков – «Не способен изменить жизнь, имени своё отношение к ней…» – уже обращена к индивиду, вот-вот готового озаботиться историей.

Очевидный изъян истории (не важно, исповедующей необходимость или вариативность) – в её чрезмерной политизированности. Она готова пожертвовать миллионами человеческих жизней, но не этим своим форменным капризом. Он обретает зримые нигилистические очертания, когда у трёх ближайших друг к другу поколений содержательно разная политическая детерминация. Всё чаще перед глазами неоптимистическая строка А. Камю: «История – земля бесплодная, вереск на ней не растёт» [5, с. 436].

Как избежать катастрофы? В общем, понятно: отвергнуть соблазны исторического существования (в нашем, русском, смысловом значении «существования» как конформистского подобия жизни) и всеми силами держаться за жизнь. Удастся ли? Не знаю…

Список литературы

1. Фатенков А.Н. Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 135–145.

2. Ницше Ф. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни / Пер. с нем. Я. Бермана, А. и Е. Герцык // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2005–2013. Т. 1/2. С. 83–172.

3. Ортега-и-Гассет Х. История как система / Пер. с исп. Л.Е. Яковлевой; общ. ред. А.М. Руткевича // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М: Весь Мир, 1997. С. 437–479.

4. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Чёрные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.

5. Камю А. Прометей в аду / Пер. с фр. Н. Галь // Камю А. Сочинения: В 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 3. С. 435–437.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ОБРАЗ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ МЕДИА-ИНФОРМИРОВАНИЯ
THE IMAGE OF BETRAYAL IN THE MEDIA INFORMATION SYSTEM

Л.И. Грошева,
Н.В. Вершинин
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень
L.I. Grosheva,
N.V. Vershinin
Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen

Рассматриваются механизмы и методы представления предательства в системе средств массовой информации. Авторами представлены проблемы нормализации девиантного поведения посредством актуализации примеров публичных деятелей. Результаты авторского исследования показывают риски некорректного отражения данного феномена в условиях нестабильной геополитической обстановки.

The article discusses the mechanisms and methods of representing betrayal in the media system. The authors present the problems of normalizing deviant behavior by updating examples of public figures. The results of the author's research show the risks of incorrect display of this phenomenon in an unstable geopolitical situation.

Ключевые слова: молодёжь, ценности, медиасреда, предательство, патриотизм, воспитание молодёжи.

Keywords: youth, values, media environment, betrayal, patriotism, youth education.

Современная медиасреда в значительной мере ориентирована на создание инфлюэнсеров, позиция которых задаёт определённые установки в молодёжной среде. Возможности медиа-личностей активно использовали заинтересованные стороны конфликта, в особенности те, кто стремился посредством общественного мнения изменить внешнеполитическую стратегию страны. В наибольшей степени эффективность информационного воздействия отмечается в отношении молодёжи как наиболее активной части виртуальной аудитории сообществ [1, с. 83]. Этот факт подтверждается и классиками социологической мысли: К. Мангейм отмечал, что именно молодёжь выступает в качестве потенциала социального развития, который необходим для повышения

адаптивности общества к внешним и внутренним изменениям устоев, норм и технологического сопровождения жизни [2, с. 82]. Учитывая, что скорость и интенсивность изменений характеризуется устойчивым ростом, востребованность молодых людей для реализации инновационных принципов и технологий тоже будет актуализироваться.

Отсутствие возможности проверить фактологическую базу стимулирует источники применять манипулятивные техники, конструируя контент того содержания, которое обеспечивает реализацию их целевых ориентаций. Таким образом, формируемая реальность может не только выступать в качестве фантомного конструкта, но и накладываться на другие объяснительные системы иных источников, что создаёт условия для фрустрации аудитории и принципиального её отказа от критического анализа представляемого факта [3, с. 226]. Указанный факт в отношении феномена предательства, в свою очередь, актуализирует риски и возможность социального принятия феномена предательства, ввиду отсутствия эффективных инструментов его объективной диагностики.

Существенное увеличение объёма транслируемой информации, наряду с расширением доступа к виртуальной среде и возрастанием объёма накопленного общественного мнения (комментарии, авторские посты), для рядовых граждан делает практически невозможным формирование объективной оценки происходивших ранее или происходящих сегодня событий [4, с. 194]. В особенности данный факт усугубляется переходом транслирующей роли от преподавателей, учителей и родителей к частным просветителям и медиа-инфлюэнсерам, которые несут ограниченную ответственность за предоставляемый материал.

В ходе рассмотрения феномена предательства следует отметить, что оценка геополитических событий блогерами и популярными интернет-сообществами в значительной мере формирует общее настроение граждан по поводу самореализации себя в качестве патриота [5, с. 106]. Специфическая рефлексия образуется также ввиду ориентации медийных личностей на финансирование собственной деятельности.

Авторами в составе исследовательской группы было проведено исследование с целью определения структуры образа предательства, формируемого средствами массовой информации, методом контент-анализа (N=294 статьи за период март-октябрь 2022 года, объёмом не менее 3000 знаков), в рамках которого рассматривались источники общего информирования (исключались специализированные военные или исторические порталы) в социальных сетях, с численностью аудитории не менее ста тысяч пользователей

(Пикабу, Инфомания, Инфобум и др.). Из исследуемой совокупности исключались сообщества, в которых доля удалённых аккаунтов превышала показатель в 10 %, чтобы снизить ошибки, ввиду включения бот-систем в процесс обсуждения и формирования постов. В ходе анализа уделялось внимание наиболее актуальным образам, методике их описания и системе построения аргументации, что потребовало производить верификацию представленных данных в соответствии с официальными источниками (архивные данные, нормативные документы).

Наиболее востребованными образами предательства выступали известные медийные личности, покинувшие территорию страны после начала специальной военной операции (59,4 %). Необходимо подчеркнуть, что данные статьи характеризовались высоким уровнем персонализации поступков. Таким образом, предательство рассматривалось, скорее, не как массовая тенденция, а характеристика конкретного типа личности. Следует отметить, что в указанном массиве более значительное внимание уделялось представителям эстрады (38,2 %), общественным деятелям политической и благотворительной сфер (32,7 %) и медиа-блогерам (25,3 %). В то же время представителям интеллектуальной элиты было уделено значительно меньшее внимание, их установки, как правило, описывались посредством обобщения в рамках профессиональных групп или регионального фактора эмиграции.

В значительной мере исторические деятели утратили лидирующие позиции в данном отношении (при сравнении с численно равным массивом за 2021 год частота их упоминания сократилась в 4,5 раза). Среди сохранивших свою актуальность деятелей отмечались такие персоналии, как А.А. Власов, И.С. Мазепа, что объяснимо, ввиду характера современных состояний. С другой стороны, возрос объём статей, рассматривающий в качестве предателя полководца Г.К. Жукова (8,4 % от всего массива), ввиду характера его высказываний и ряда управленческих решений. В целом, доля военных руководителей времён Великой Отечественной войны, упоминаемых в качестве не вызывающих доверие, продемонстрировала рост (на 9,8 %). Однако выдвигаемые позиции в статьях рассматриваются, скорее, в сослагательной коннотации, то есть не сопровождаются чётко сформулированными аргументами.

Наиболее значимыми аспектами предательства, с точки зрения гражданской позиции, выступил факт эмиграции (без уточнения её временно́й длительности и территориальной удалённости) – 38,2 % статей. Вторым по значимости фиксируется факт публичного осуждения страны (22,1 %) или её жителей (18,3 %). В то же время факты передачи секретной документации или

иные действия, наносящие прямой ущерб безопасности страны, упоминались значительно реже (10,3 %), в большинстве случаев – без указания на конкретных людей, заменяя их образ профессиональной группой (руководитель, инженер).

Полученные данные подтверждают факт смещения образа предательства в сферу социально неопределённого конструкта, конструктивность или деструктивность которого необходимо определять, исходя из контекста каждой ситуации в отдельности. Дробление образа предательства на частные случае позволяло СМИ сместить акцент с недопустимого поведения на каузальные связи, побудившие человека к предательству. Ещё одной рисковой особенностью изучаемого феномена стало превалирование в качестве носителей деструктивных установок лиц медийной направленности, ориентированных на молодёжь и подростковые группы. Проблема выявленного тренда заключается в изначальной поддержке целевой аудиторией инфлюэнсеров, что позволяло им получать оправдание своих поступков без дополнительной аргументации. По этой причине образ асоциального поступка заменялся на неопределённую ситуацию либо на оправдательный комплекс субъективных факторов.

Список литературы

1. Грошева И.А. Модальная личность: портрет с отклонениями / И.А. Грошева // Социологические исследования. 2009. № 3. – С. 82–88.

2. Манхейм К. Идеология и утопия / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. 693 с.

3. Скворцов Л.В. Феномен предательства: культурологический аспект // Вестник культурологии. 2010. № 4. – С. 225–234.

4. Шарыгин В.Г. Феномен предательства в новой и новейшей истории России (криминологический взгляд) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. №2 (15). – С. 190–199.

5. Емельянова Н.Н. Метафизика предательства // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2019. № 3. – С. 104–111.

ФИЛЬМЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ПРОВОДНИК КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ*

FILMS ON THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE MEDIUM OF CULTURAL MEMORY

Д.В. Зернов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
D.V. Zernov
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

На материалах двух анкетных исследований (осень 2021 г., n=849 и осень 2022 г., n=1525) и десяти фокус-групп (весна-осень 2022 г.) делается вывод, что для российской молодёжи просмотр фильмов о Великой Отечественной войне является ритуализированной практикой семейного просмотра. Обсуждение этих фильмов включено в активную социальную коммуникацию, а сами исторические фильмы являются для молодёжи важным источником знаний о прошлом.

Based on the materials of two questionnaire surveys (autumn 2021 N=849 and autumn 2022 N=1525) and ten focus groups (spring-autumn 2022), it is concluded that for Russian youth, watching films about the Great Patriotic war is a ritualized family viewing practice. The discussion of these films is included in active social communication, and historical films themselves are an important source of knowledge about the past for young people.

Ключевые слова: военные и исторические фильмы, культурная память, ремедиация, историческое сознание, социологические исследования, учащаяся молодёжь

Keywords: military and historical films, cultural memory, remediation, historical consciousness, sociological research, youth

Посвященные событиям Великой Отечественной войны кинофильмы сегодня стали полем столкновения двух идеологий: с одной стороны, российские производители фильмов стремятся использовать социальные функции кино для просвещения и воспитания патриотизма; в этом смысле просмотр военных фильмов является важной коммеморативной практикой и проводником культурной памяти. С другой стороны, являясь коммерческим продуктом, кино ориентировано на массовые сборы и старается удовлетворить ожидания зрителей, во многом сформированные под влиянием форматов и стандартов

* Подготовлено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиатизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

голливудского кино, использующего этот медиапродукт как «мягкую силу», продвигающую ценности американской массовой культуры.

Кинопросмотр сегодня остаётся важной составляющей досуга молодёжи: довольно часто художественные фильмы и сериалы смотрят 57% молодых людей (не смотрят или смотрят крайне редко – лишь 3%). При этом фильмы о Великой отечественной войне в кинопредпочтениях молодёжи не занимают лидирующих позиций: часто смотрят такие фильмы лишь 7% молодых людей, время от времени – 28%, скорее, редко – 37%. Более четвёртой части молодёжи заявила, что смотрит подобные фильмы крайне редко или не смотрит совсем. По очень приблизительным подсчётам, примерно за год молодёжь в среднем смотрит менее трёх фильмов о Великой Отечественной войне.

То, что молодые люди смотрят фильмы о Великой Отечественной войне время от времени или, скорее, редко, чем часто, не свидетельствует, что эти фильмы не популярны в молодёжной среде. Большинству молодых людей нравится их иногда смотреть, хотя они и не относят себя к поклонникам этого жанра (67%). Поклонниками этих фильмов и сериалов назвали себя 10%, а это весьма большая часть молодёжи. Кроме того, даже те, кто не любит или, скорее, не любит смотреть фильмы про войну, эти фильмы всё-таки иногда смотрят. Так, среди тех, кто однозначно не любит этот жанр, не менее 40% за последние полгода–год посмотрели один или несколько фильмов и/или сериалов о Великой Отечественной войне, а среди тех, кто, скорее, не любит, таких почти 70%.

Обратим внимание и на такой момент: для современной учащейся молодёжи художественные фильмы и сериалы сегодня выступают важным источником знаний о прошлом, который вполне конкурирует с учебным процессом. В рейтинге источников, которыми молодые люди пользуются для получения исторических знаний, художественные фильмы и сериалы занимают шестое место (36%), совсем незначительно уступая Википедии (37%), документальным фильмам (39%), учебной и научной литературе (39%), школьным урокам или вузовским занятиям (42%), а также разговорам с учителями или преподавателями (43%). Кроме того, художественные фильмы однозначно лидирует в качестве предпочтительного источника дополнительной информации исторического характера (35%), значительно опережая лекции профессиональных историков (20%) или научные книги (5%).

Фильмы о Великой Отечественной войне занимают особое место среди различных кинематографических жанров. В частности, просмотр подобных фильмов в современной России является ритуализированной практикой семейного просмотра, а также элементом учебно-воспитательной работы с

молодёжью. Поэтому фильмы о Великой Отечественной войне, в отличие от фильмов других жанров, часто пересматриваются.

Фильмы о Великой Отечественной войне молодёжь начинает смотреть в раннем возрасте. Более десятой части молодых людей впервые посмотрели фильм о Великой Отечественной войне в возрасте до 7 лет. Ещё 15% его посмотрели в возрасте 7–8 лет, 18% – в возрасте от 9–10 лет. Об этом также свидетельствует большинство ответов, полученных на фокус-группах:

«Первые какие-то сцены, особенно баталии, я воспринял для себя в дошкольное время – в шесть или семь лет».

«Я начала смотреть фильмы про войну лет в семь–восемь».

«Я была совсем маленькая, мне было лет восемь, наверное. Я в этот момент играла в игрушки, и я помню, что я в этот момент смотрела, как военные действия идут, и я начала эти военные действия переносить на свои игрушки: то есть, они там начали, как танки, ездить друг друга бить, убивать, сражаться».

«Да, у меня тоже примерно похожая ситуация, я даже сказала бы, что пораньше даже лет в семь, может быть, у меня такой опыт был, что впервые я посмотрела фильм о Великой Отечественной войне».

Следующий важный момент – подавляющее большинство молодёжи посмотрели свой первый фильм о войне вместе с родителями или другими родственниками (67%). То есть, родители не просто разрешали своим детям смотреть подобные фильмы, но даже поощряли:

«У нас с родителями давно есть традиция: в выходные смотреть вместе фильмы по телевизору. ... Мы смотрели в основном советские фильмы, меня на них больше воспитывали. Это был фильм «Командир счастливой “Щуки”». Про подводные лодки, морской флот во Вторую мировую войну. Этот фильм не очень мне был понятен, потому что я была не очень взрослой, поэтому родители мне объясняли, комментировали по ходу фильма».

«У меня папа, потом отчим, очень любили телеканал «Звезда». На телеканале «Звезда» обычно идёт что-то военное, но я видела это мельком, когда приходила из детского сада или школы».

Гораздо реже молодые люди говорят, что посмотрели свой первый фильм о войне самостоятельно (13%) или с классом (7%). Причем в последнем случае это не всегда положительный опыт:

«Если говорить о первом опыте, то, наверное, он был не совсем удачный. Это были первые классы, и туда загоняли, можно сказать, силком. Нас всех повели в ДК огромный вот этой кучей детей. И фильм был не какой-то динамичный и яркий, что интересно детям, а, наоборот, черно-белый и

затянутый. И для меня, как для ребенка шести–семи лет, это было воспринимать очень тяжело. Я помню, как сейчас, что я просто вся извозилась на этом кресле, что мы уже не смотрели, а болтали».

«Нас собрали в актовом зале, пригласили ветеранов, они рассказали какие-то определенные вещи. Потом нам включили в фильм. Я помню, что все, о чем я думала, это меня раздражает, что нам пытаются привить какой-то патриотизм путем просмотра фильмов о войне».

И ещё важный момент, практически пятая часть молодёжи ответила, что посмотрели свой первый фильм с родственниками на 9 мая. Материалы фокус-групп тоже свидетельствуют, что это весьма распространённое явление:

«Я помню день, как раз вот майские праздники и на канале Россия 1 подряд шли фильмы. Там были «Летят журавли» и другие».

«Как и у многих на 9 мая телевизор включен, и там волей-неволей идут «Офицеры», «В бой идут одни старики» и так далее. Классический кинематограф. Меня довольно сразу заинтересовали подобные сюжеты, то есть я прямо сидела и смотрела, мне было интересно. У меня потом началось увлечение всей этой военной тематикой».

«У нас в кругу семьи была как бы традиция [просмотра фильмов о войне] на 9 мая. Мы всегда сначала смотрим парад в Москве, и потом просто транслируются эти все фильмы. То есть, мы сидим там, можем обедать, ужинать вместе в кругу семьи и параллельно смотрим военные фильмы».

Большинство молодых людей считают, что мало кому из их друзей нравятся фильмы и сериалы о Великой Отечественной войне. Некоторым нравятся, но таких немного – 61% молодых людей, никому не нравятся – 10%. Только 10% считают, что такие фильмы нравятся многим или даже всем их друзьям. Оценки отношения к подобным фильмам со стороны друзей отчасти пересекаются с собственным отношением к многообразию самих фильмов последних лет, многие из которых, по мнению молодёжи, несмотря на высокое качество картинки, динамизм сюжета, участия в них популярных актёров, не справляются со своей главной функцией – предоставлять достоверную историческую информацию.

Ситуация с родителями, а также бабушками и дедушками, совершенно иная. То, что их родители очень любят смотреть фильмы о Великой Отечественной войне, сказали 46% молодых людей, а любят смотреть дедушки или бабушки – 52%. На остальные проценты приходятся те родственники, кто какие-то фильмы любит смотреть, а какие-то нет. Тех, кто не переносит этот жанр среди родителей, по мнению молодёжи, крайне мало. Это возможно

связано с тем, что здесь речь идёт об оценке проверенных временем советских военных кинолентах.

И как показывают данные исследований, молодые люди достаточно активно обсуждают фильмы о Великой Отечественной войне со своим ближайшим социальным окружением: с родителями (43% часто или время от времени), со своими дедушками и бабушками (32%) и даже со своими друзьями при личной встречи или в социальных сетях (30%). И только десятая часть молодых людей сказали, что никогда и ни с кем не обсуждали просмотренные фильмы о Великой Отечественной войне, почти все они не смотрят или редко смотрят подобные фильмы.

Таким образом, кинофильмы исторической тематики, посвященные событиям Великой Отечественной войны, являются важной коммеморативной практикой и воспринимаются молодыми людьми не только как вариант досуговой практики и развлечения, но и как источник знаний о прошлом, а также одобряемое поведение. На макросоциальном уровне эта практика поддерживается и укрепляется государством в рамках ритуализированного кинопоказа военных фильмов на государственных каналах в привязке к национальным праздникам; институтом образования – в форме просмотра фильмов на учебных занятиях по истории и литературе и во время внеурочных занятий. На микросоциальном уровне эта практика получает одобрение и закрепление со стороны института семьи в режиме совместных просмотров фильмов по телевизору на 9 мая или походов с родителями в кинотеатры.

О ФАКТОРАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЧЕЧЕНЦЕВ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

ON FACTORS IN THE CONSTRUCTION OF CHECHEN HISTORICAL MEMORY (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

С.Ш. Жемчураева
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И.Ибрагимова РАН, г. Грозный
S.Sh. Zhemchuraeva
Integrated Research Institute named after K.I. Ibragimov RAS, Grozny. Kh.I. Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

Предпринята попытка социологического анализа факторов конструирования и воспроизводства исторической памяти чеченцев. Историческая память рассматривается как один из ключевых маркеров

этнической и конфессиональной идентичности чеченцев. На основе эмпирических социологических данных определяется иерархия значимых событий в истории этноса в восприятии чеченцев. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что геноцид чеченцев в 1944 году и сегодня остается стержнем исторической памяти.

The article attempts a sociological analysis of the factors of the construction and reproduction of the historical memory of Chechens. Historical memory is considered as one of the key markers of ethnic and confessional identity of Chechens. On the basis of empirical sociological data, the hierarchy of significant events in the history of the ethnos in the perception of living Chechens is determined. The analysis of the data allows us to conclude that the genocide of the Chechens in 1944 remains the core of historical memory today.

Ключевые слова: идентичность чеченцев, историческая память чеченцев, геноцид чеченцев в 1944 году.

Keywords: identity of Chechens, historical memory of Chechens, genocide of Chechens in 1944.

Идентичность, как известно, складывается из множества связанных компонентов. Этническая идентичность, в свою очередь, вариативна, она формируется, устанавливается и трансформируется на протяжении жизни человека с детства до глубокой старости. Существуют разные точки зрения социологов, психологов, философов о понятии и ключевых слагаемых этнической идентичности. «Этническая идентичность – это осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу, осознание себя представителем этого этноса, благодаря чему достигается удовлетворение потребностей в самобытности, с одной стороны, а также защите и принадлежности к своей общности – с другой» [1, с. 399].

Рассмотрение исторической памяти в качестве важнейшей основы идентичности чеченцев уместно в комплексе социокультурных, этноконфессиональных, социолингвистических слагаемых. Результаты социологических исследований, проведенных автором в разные годы, свидетельствуют о фундаментальной составляющей этнической идентичности – религии. В этой связи обосновано положение о неотделимости этничности и религиозности в структуре идентичности чеченцев [2, с. 150]. Вместе с тем актуальным является исследование основополагающих маркеров, формирующих этноконфессиональную идентичность чеченцев. Ключевое значение здесь имеет историческая память.

Социологическое исследование исторической памяти чеченцев, проживающих в Чеченской Республике, о наиболее значимых событиях в

истории этноса было проведено сотрудниками Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук в марте-октябре 2022 г.: «Историческая память чеченцев: факторы конструирования и воспроизводства» методом полуформализованного опроса. При формировании двухступенчатой квотно-стратифицированной выборки по территориальному, возрастному и гендерному признакам нами были использованы данные пропорциональных распределений в рамках официальной статистики [3]. В выборке представлены горожане (гг. Грозный, Аргун), жители районных центров (гг. Урус-Мартан, Шали, Гудермес, Курчалой), сельское население (жители сел). С учетом валидных данных анкет, заложенных на корректировку выборки, итоговая совокупность опрошенных составила 456 человек. Распределение по половой принадлежности отражает пропорции генеральной совокупности: мужчин – 49%, женщин – 51%.

Результаты полученных эмпирических данных определяют, что лидирующие места по величине значимости в сознании ныне живущих чеченцев занимают: геноцид чеченцев в 1944 году (44% опрошенных), Кавказская война (19 век) – каждый пятый респондент (20%), национально-освободительное движение под руководством Шейха Мансура (1785-1791 гг.) (13%). Первая и вторая полномасштабные войны на территории региона, имевшие колоссальные последствия для чеченского этноса, вызвали отклик у меньшего числа опрошенных (6 и 8% соответственно). Реабилитация чеченцев и возвращение на родину (1950-е годы) отметили 5% опрошенных, Великая Отечественная Война (1941-1945 гг.) имеет популярность для 2% чеченцев, затруднились ответить 2% респондентов. Акт насильственной репрессии в 1944 году в отношении чеченского народа, унесший жизни десятков тысяч этнических чеченцев, остается эмоциональным ядром исторической памяти.

Таким образом, конструирование исторической памяти ныне живущих чеченцев на основе наиболее значимых событий (что следует из эмпирических данных) можно представить в иерархическом порядке:

1. Насильственное переселение, геноцид этноса в 1944 г.
2. Кавказская война в 19 веке.
3. Национально-освободительное движение под предводительством Шейха Мансура в 1785-1791 гг.
4. Первая и вторая полномасштабные войны на территории Чеченской Республики в 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг.
5. Возвращение чеченцев из ссылки (1950-е годы).
6. Великая Отечественная Война (1941-1945 гг.).

Следовательно, иерархия основных исторических событий в сознании опрошенных представителей чеченского этноса лишена хронологической последовательности и выстроена, на наш взгляд, по степени «яркости» впечатлений.

Как видно из полученных социологических данных, гуманитарные катастрофы, борьба за свободу, выживание и бедствия, постигшие чеченцев в конкретные этапы развития этноса, более ярко воспринимаются респондентами, нежели позитивные процессы долгожданной репатриации в 1950-е гг. В ходе социальных потрясений, войн чеченский народ терял до половины своей численности, вместе с тем, вопреки колоссальным препятствиям, неимоверными усилиями возрождался, не теряя достоинства. Должно быть, именно бедствия играли ключевую роль в консолидации чеченского этноса и являлись факторами формирования социокультурной и этноконфессиональной идентичности.

Использование потенциала исторической памяти в качестве этноконсолидирующей силы имеет для чеченцев серьезное значение в условиях глобальной турбулентности. В этой связи в опросник включен вопрос, «Как Вы считаете, какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей?». Ответы показали, что опрошенными чеченцами в значительной степени осознается уязвимость этноконфессиональной и социокультурной идентичности в ситуации глобального переустройстройства, в связи с чем обнаружилось их стремление к сохранению и укреплению этнических ценностей, традиций, языка, культуры. Такая позиция обозначена почти половиной респондентов (49%). Каждый четвертый (27%) считает возможным решить проблемы человечества, объединившись. Идею особой миссии чеченского народа поддержали 14% опрошенных. Затруднились с вариантом ответа 10% респондентов. Вероятно, в ответах респондентов предполагается консолидация в глобальном смысле, ведь представители чеченского этноса сегодня проживают многочисленными диаспорами во многих странах мира.

Разброс этнических единиц по миру сегодня можно определить как очередное бедствие, постигшее чеченцев на их историческом пути. Территориальная разобщенность представителей этноса становится препятствием в следовании этническим традициям, обычаям, преемственности, сохранении языка и культуры. Этноконсолидирующие позиции чеченцев подвергаются серьезным испытаниям, но, вместе с тем, полное осознание масштабов угроз этнической самобытности предполагает импульс к интеграции.

Социологический анализ проблемы исторической памяти чеченцев актуализируется в настоящее время с учетом размытости представлений о важнейших этапах в новой и новейшей истории чеченского народа,

сопряженных со многими тысячами жертв. Конструирование исторической памяти, согласно полученным данным, основывается на иерархии эпохальных исторических событий в сознании опрошенных представителей чеченского этноса и лишено хронологического формата, а сформировано с учетом «яркости» впечатлений.

Список литературы

1. Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной истории. – 2020. – Вып. IV. – С. 396–408.

2. Жемчураева С.Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики чеченцев в полиэтнической среде. Дисс. на соик. уч. степ. канд. социол. наук. Саратов, 2010.

3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике. – URL: https://chechenstat.gks.ru (дата обращения: 20.04.2022).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ ОРИЕНТИР ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

THE HISTORICAL PAST AS A SOCIAL AND MORAL REFERENCE POINT FOR TODAY'S YOUTH

В.В. Лобанов
АО «Научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта», г. Москва
Е.Е. Русинова
ООО «Ипсос Комкон», г. Москва
V.V. Lobanov
JSC «VNIIZHT», Moscow
E.E. Rusinova
LLC «Ipsos», *Moscow*

Исследуются проблемы значимости исторического прошлого своей страны как социально-нравственного ориентира для современной молодежи. Безусловно, историческая память о великих вехах нашей истории неразрывно связана с многими знаменательными и трагическими датами нашей страны. Но все же в памяти народа и современных граждан России существуют события, которые связаны, как с проявлением мужества и стойкости многонационального российского народа, так и с проявлением яркой враждебности со стороны европейских государств ко всему русскому. Ярким примером для всех нас

являются события Отечественной войны 1812 -1814 годов и Великой Отечественной Война 1941-1945 годов. Стоит задача определить и понять, какие события в стране и нравственные ценности являются в настоящее время приоритетными для современной молодежи.

Ultimately, the article is devoted to the study of the problem of the significance of the historical past of one's country as a social and moral guideline for today's youth. Undoubtedly, the historical memory of the great milestones of our history is inextricably linked with many significant and tragic dates in our country. But nevertheless, in the memory of the people and modern citizens of Russia, there are events that are associated both with the manifestation of the courage and resilience of the multinational Russian people, and with the manifestation of bright hostility on the part of European states to everything Russian. A striking example for all of us are the events of the Patriotic War of 1812-1814 and the Great Patriotic War of 1941-1945. And we are faced with the task of determining and understanding what events in the country and moral values are currently a priority for today's youth.

Ключевые слова: историческая память, патриотизм, Великая Отечественная Война, молодежь, либеральные ценности.

Keywords: sociological sciences, historical memory, patriotism, Great Patriotic War, youth, liberal values.

Введение. Существует много высокопарных слов о знании истории своей Земли и страны. У каждого народа есть те или иные особенности и взгляды, касающиеся данной проблематики.

Но все же необходимо привести слова великого русского ученого и гражданина М.В. Ломоносова: «История дает государям примеры правления, подданным повиновения, воинам мужества, судиям правосудия, младым старых разум, престарелым сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанной пользою соединенное» [1].

Роль и функциональная значимость «Истории» определена для каждого отдельно с информационным посылом к обязательным действиям «правлению», «повиновению», «мужеству», «осознанности», «получению опыта и разума», «передаче опыта/наставничеству для младых», «веселию в части оптимизма, а не злобного разгула, как стихийного бедствия». М.В. Ломоносов четко утверждал, что «история» для общества имеет воспитательное значение, и она «на генном или космическом уровне» связана с действительностью страны. Единственное и строгое требование к «историкам» – «не искажать исторической правды/истины». Хотя мы с вами неоднократно видели случаи искажения истории как со стороны «наших либеральных ученых», так и со стороны «западных и заморских» фантазеров.

Ярким примером служит тема «Великой Отечественной войны». Можно даже не брать Отечественную войну 1812 года, дабы не огорчаться за отсутствие знаний у большинства опрашиваемых респондентов (особенно, когда анкеты не раздавались ранее, или не было неких намеков о теме опроса). Наверное, немногие ответят на вопрос о событиях 13 июля 1826 года и правильно перечислят имена казненных на кронверке Петропавловской крепости. Что остается нам потомкам о тех далеких и трудных, но интересных годах – только память. Память о Великой Отечественной войне – в настоящее время одно из немногих, объединяющих россиян исторических событий, поддерживающих дух нашего народа, его веру в свои силы [2].

Возвращаясь к теме «Великой Отечественной Войны (ВОВ), следует отметить, что у большинства ранее опрашиваемых, около 80% данный период мировой истории имеет высокий уровень значимости. Эмоционально-ценностную картину описывает «генетическая память о потере близких и родных в те годы», а также в большинстве случаев пример «героических дедов и отцов», который служил ориентиром для многих и многих поколений. Если рассматривать те 20 %, которые сомневаются, не знают или не хотят знать «Настоящую историческую правду». Вышеизложенные данные получены по результатам анализа исследований в рамках «четвертого этапа межрегионального мониторинга студенческой молодежи (2005-2020гг.) под девизом «Что мы знаем о Великой Отечественной войне?» Историческая память носит ценностно-позитивный характер. Прежде всего это связано с тем настроем и отношением в семьях, которое передавалось от более старшего и уважаемого поколения, с их правильной информационной подачей, «чистыми слезами» на честных лицах, болью и переживаниями за нашу Родину и своей самоотверженной отдачей при восстановлении страны и жизни в «эпоху И.В. Сталина и период руководства страной Л.И. Брежневым».

Следует отметить прежде всего, что это «экземпляры постобработки», что было ярко выражено на территории современной Украины и стран Прибалтики, так и «неблаговидная», а порой «либерально-прозападная», в части обеспечения финансирования или будущего проката данных «киношных поделок». Становится непонятным, когда за деньги российских налогоплательщиков «наши самоделкины от кино» создают свои «прозападные шедевры».

Следующим неприглядным фактом, влияющим на уровень самосознания и нравственной ответственности, являются акты вандализма и осквернения воинских захоронений солдат Красной Армии, как в вышеперечисленных бывших советских республиках, так и в странах Западной Европы. Данная вседозволенность со стороны властей и общий фоновый посыл создает иллюзию

безнаказанности и правильности данных деяний, что стало неким трендом у «невоспитанной родителями» молодежи и случаев осквернения мемориалов «Вечного огня» и непотребных выходок в зданиях Церквей. Это, безусловно, говорит о снижении уровня нравственности, общего воспитания и уважения к окружающим.

Необходимо отметить, что замена и подмены ценностных и нравственных ориентиров является актуальной проблемой для современной молодежи. Следует думать и ожидать, что в скором времени будущее Страны и Родины будет в руках тех, кто вырос и являлся поколением интернета и миллениума, социальных сетей и виртуальной среды. Проблемы «компьютерной и сетевой зависимости» известны как с учетом западно-европейского «опыта», так и китайских реалий. Но следует учитывать восточный менталитет в части отношения к старшим и бескомпромиссный и всеобъемлющий опыт КНР по борьбе с «Covid-2019», когда были изолированы многомиллионные города и уровень соблюдения указаний правительства и государственных органов превысил все нормы ожидания, что в конечном итоге и привело к победе над вирусом в данной стране. Так же обстоит дело и с ограничением «сетевых свобод» у граждан младше 18 лет, имеющих зависимость от компьютерных игр и использования сетевых порталов. Следует отметить, что не более трех часов в неделю китайские подростки могут потратить на онлайн-видеоигры. Данное своевременное и мудрое решение приняло Главное управление печати и публикаций и Национальный комитет индустрии видеоигр КНР. По данным данных организаций, общее число граждан, играющих в видеоигры, достигло боле 700 млн. человек, что весьма беспокоит Компартию КНР. Основное опасение в том, что «интернет-ценности» не коррелируют с традиционными китайскими ценностями. Стоит отметить, что бизнес-индустрия видеоигр правильно оценила государственный вектор и не стала вступать в конфронтацию, а приняла «правила игры» государства в части воспитания или ограничения влияния интернета, поступившись своими финансовыми выгодами, что в конечном итоге весьма верно. У китайского правительства и руководства страны есть богатый положительный опыт борьбы и победы над финансовыми «империями» и «акулами бизнеса» с учетом соблюдения «квазиправовых» норм и штрафных санкций. Нашим руководителям Россвязьнадзора, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и руководителям коммерческих медиасредств и сетевым операторам необходимо учесть положительный опыт КНР по сокращению «детской и молодежной игровой аудиторию» и не способствовать бесконтрольному распространению влияния интернета, в том числе его западного контента на российскую сетевую

аудиторию. Хотя от «наших западников» и «псевдолибералов» мы можем услышать слова о запрете слова и печати, свобод и инакомыслия. Эти действия необходимо проводить в оперативном порядке, так как большая часть жизни молодежи проходит в виртуальной среде и на сетевых порталах различной направленности.

Прежде всего это связано с сохранением физического здоровья (зрение, паталогическая усталость, искривление позвоночника, снижение показателей физической нагрузки), и получением психологических расстройств и трав, в том числе и зависимости от посещения интернет пространства и порталов с «информационным мусором» и контентом «для взрослых мужчин и женщин». И это отдельная история, которая требует определенного внимания со стороны «интернет-властей».

В результате мы имеем деградацию традиционных ценностей, смену идеалов и нравственных ориентиров и формирование искаженного мировоззрения и нравственного-психологических порогов норм сознания и поведенческих функций. В конечном итоге в большинстве случаев у молодежи возникает «эффект подражания успешности» или желание быть тождественно похожим или входить в их группу. «Поклонению и подражанию», по их убеждению, достоин тот, кто достиг популярности и известности, обладает значительными средствами и может позволить себе и близким в материальном плане больше, чем молодой человек со средним достатком. Нравственные «условия и формы» достижения данных показателей успешности для данной категории «успешных молодых людей» меньше всего их заботят и беспокоят. Здесь работает девиз – «любой ценой». Порой цена может быть весьма велика, но это все потом. А сейчас ориентиры, сформированные «западными» и не только «успешными» молодыми людьми, заменили порой такие государственные и общенациональные и человеческие понятия, как Родина, патриотизм, страна. В большинстве случаев это не модно в данной социальной и молодежной среде или в соответствующем сетевом пространстве [3]. Наверное, это грустно, но является фактом или, точнее сказать, «социальным портретом» части современной молодежи, но, конечно же, не всей. У другой части молодежи при проведении исследований (молодежь до 14-35 лет) были выявлены следующие приоритеты:

- Самореализация (как наивысший критерий при оценке успешности). Однако это самый сложный показатель с учетом психо - физических свойств личности и является постоянным источником внутренних опасений и страхов;
- Семья – одна из важнейших ценностей молодежи;

- Образование, данный тренд для молодежи вырос с 48,2 % в 1977г., до 51,1 в 2018г);
- высоко оплачиваемая работа, как некая форма самореализации и безусловный источник финансовых средств;
- материальное благополучие.

Результаты исследований свидетельствуют, что современная российская молодежь сохраняет приверженность консервативным ценностям, рационально или интуитивно, считая их защитой от угроз со стороны представителей неолиберализма, других идеологий [4].

Все же стоит отметить, что весьма часто при опросах респондентов имели место ответы – «затрудняюсь ответить». В первую очередь, это говорит о наличии сомнений, а во втором случае, о наличии высокого уровня молодежного инфантилизма, наличие или нежелание брать ответственность за любое порученное дело или полное безразличие к происходящим событиям в стране и полное погружение в свое «внутреннее – Я».

Заключение и выводы. Мы не привели примеров из газетных статей и информационных сообщений о молодых людях, девушках и взрослеющих юношах, студентах и курсантах, волонтерах, рабочих и представителей «офисных профессий» и промышленного производства, участвующих так или иначе в событиях, связанных с зоной СВО. Они, безусловно, там оказались по зову страны и сердца и наличия веры в необходимое и нужное дело – отправились отстаивать идеалы «Русского мира». Это не пафосные слова и бравада, а это юридические события и правовые факты. Что это, если не патриотизм и любовь к Отечеству. А бескорыстный порыв движения волонтеров всей страны, связанный с бескорыстной помощью пожилым и больным людям, сбор средств и их доставка в неспокойные новые территории России, подвиги молодых командиров и медицинских сестер? Что это, если не патриотизм, пожертвование ради других и человеколюбие всех и вся.

Да, безусловно у каждого времени свои герои и свои ценности. Но граждан России, в том числе и молодежь, выделяло и выделяет среди всех стран и народов одно – любовь к Родине, преданность стране и ее нравственным идеалам и некоторые «либеральные ценности», но они у нас на генном уровне от времен Разина и Пугачева. Однако, наша молодежь требует высоконравственных идеалов и ориентиров, добрых и мудрых наставников и честных и бескорыстных правителей.

Список литературы

1. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. Вступление // Ломоносов М.В. Соч. М.; Л., 1961. С. 459.

2. Саралиева З.М., Широкалова Г.С., Куконков П.И. Учащиеся о Великой Отечественной войне // Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. С-9.

3. Лебедев С.Д., Шаповалова И.М., Рощупкина Н.А., Шкапенко А.А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная Война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление // 2020. Т.6. №2. С. 3.

4. Котляревич А.Н. Ценности современной российской молодежи: неолиберальный тренд // Философская антропология философские культуры.

ВОЗРАСТНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОЖИЛЫХ О ВОЗРАСТЕ И СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ*

AGE SELF-IDENTIFICATION: RECONSTRUCTION OF THE ELDERLY'S IDEAS ABOUT AGE AND SOCIAL STATUS

И.С. Петухова
Институт социологии РАН (Филиал ФНИСЦ РАН); Петрозаводский государственный университет
I.S. Petukhova
Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Petrozavodsk State University

Посвящено предварительному анализу того, каким образом пожилые конструируют свои представления о пожилом возрасте и социальном статусе. Мы опираемся на результаты полуструктурированных интервью с лицами старше 60 лет (N=34). Приходим к выводу, что возрастная самоидентификация связана не с хронологическими рамками, а с образом жизни и состоянием здоровья.

Our article is devoted to a preliminary analysis of how the elderly construct their ideas about old age and social status. We rely on the results of semi-structured interviews with persons over 60 years of age (N=34). We come to the conclusion that

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (https://rscf.ru/project/22-18-00461/).

age-related self-identification is not related to chronological frames, but to lifestyle and health status.

Ключевые слова: старение, старший возраст, поздняя взрослость, социально-возрастная группа пожилых, возрастная самоидентификация

Keywords: aging, older age, late adulthood, socio-age group of the elderly, age self-identification

Демографические процессы, происходящие в современном мире, способствуют увеличению интереса исследователей к понятию возраста. Многие социологи отмечают, что возраст сегодня выступает в роли социального конструкта, определяющего время наступления тех или иных событий [1]. Например, установлены хронологические границы периода детства, молодости, старости. Последние ассоциируются с возникновением права на получение «пенсии по старости», закрепленного в российском законодательстве. При этом в научной среде уже давно развиваются идеи неоднородности социально-возрастной группы пожилых. В частности, на эту неоднородность одними из первых обратили внимание американские геронтологи Б. Нейгартен и Э. Шанас, которые обозначили разницу между «молодыми стариками» (the Young Old) и «старыми стариками» (the Old Old) [2]. Затем, П. Ласлетт, подчеркивая возрастную неоднородность, предложил разделить поздний период жизни человека на «третий» и «четвертый» возраст (пожилой возраст и возраст старости, соответственно).

Дискуссии о «нелинейности» жизненного цикла и возможностях наступления тех или иных социальных событий в любом возрасте [3] (например, пожилыми молодоженами или «молодой бабушкой» сегодня мало кого удивишь) в целом подрывают наше представления о возрастных границах. Исследователи показывают, что возрастная самоидентификация отнюдь не всегда связана с хронологическими характеристиками, а скорее, с социальными и влияет на организацию жизни в старшем возрасте [4]. Поэтому целью нашего исследования стало изучение того, какие представления о возрасте и социальном статусе пожилого человека сложились у современных российских пожилых.

Наше исследование является частью большого проекта, посвященного отложенному старению. В данной работе мы опираемся на результаты 34 полуструктурированных интервью с пожилыми, среди которых 21 женщина и 13 мужчин. Под пожилыми в нашем исследовании понимаются люди старше 60 лет. Большая часть информантов имеют высшее образование и трудовую занятость. Информанты проживают (проживали) преимущественно в городах Санкт-Петербург, Петрозаводск, Тюмень, Салехард, Казань. Часть информантов

проживает (проживали) в сельской местности (Республика Карелия). В основном, все данные были получены офлайн, записаны на аудионосители и расшифрованы дословно.

Предварительные результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что у старших не сложилось единого понимания хронологических границ пожилого и старого возраста. В оценках наших информантов, «начало» пожилого возраста и возраста старости не связано с моментом возникновения права на получение пенсии по старости. В целом, в своих ответах наши информанты ссылались на дискуссии в СМИ о возрастных границах и делали попытки «отнесения» себя к тем или иным социальным группам. С точки зрения наших информантов, на СМИ лежит ответственность за формирование образа пожилого человека. Подчеркивается, что сегодня средства массовой информации показывают образ некрасивой старости: бедной и больной. Это существенно влияет на социальный статус в пожилом возрасте и (не) желание отождествлять себя с этой социально-возрастной группой.

Самыми интересными, с нашей точки зрения, являются попытки наших информантов оценить, кого можно назвать пожилым человеком. Пожилому человеку приписываются атрибуты немощности и старости, внешний образ пожилого, конструируемый нашими информантами, соотносится с безразличием к одежде, внешнему виду, прическе. Интересны рассуждения информантов о некоторых характеристиках образа жизни именно пожилых: скандинавских палках и тележке для продуктов. Пожилому человеку уступают место в общественном транспотре, в пожилом возрасте меняется походка, есть определенный «запах старости» – вот те маркеры, которыми наши информанты наделяют пожилой возраст. При этом неоднократно звучала негативная оценка праздника – День пожилого человека. Наши информанты отметили, что обижаются, когда кто-то их поздравлял с этим праздником.

При этом, с точки зрения наших информантов, процесс старения очень индивидуален, зависит от образа жизни человека и от среды. Происходит некоторое «отодвижение» возрастных границ в сторону продления деятельности и активности. Наши информанты считают, что их родители и прародители старели гораздо раньше, в первую очередь, связывая это с тяжелыми условиями трудовой деятельности и жизнедеятельности. Многие информанты не представляли себя никогда в возрасте своих родителей, не отождествляли себя с каким-либо литературным героем. Продлить активный период жизни помогает работа, ответственность, занятия, спорт, активность и вовлеченность – вот те характеристики, которые обеспечивают социальную инклюзию и интерес к жизни, а значит, отодвигают старость, считают наши информанты.

Рассуждая о преимуществах и недостатках позднего возраста, информанты отмечают, что с возрастом приходит больше опыта и мудрости, спокойствия и самодостаточности (отсутствуют обязательства, дети уже взрослые, можно позволить себе делать то, что хочется). При этом, перечисленные преимущества, как правило, соотносились с понятиями «поздний возраст» или «поздний период жизни». Недостатки, соотносимые уже с понятиями «старость» и «пожилой возраст», связываются с физиологическими изменениями и состоянием здоровья, а также надвигающейся опасности зависимости от посторонней помощи. К недостаткам наши информанты относят потерю близких и сокращение социальных контактов. Размышляя о социальном окружении в старшем возрасте, наши информанты подчеркивали их важность, в том числе для осмысления собственной жизни и происходящих событий. Близкие люди – это свидетели жизни, тех событий, которые с нами происходят, это дает человеку осознание, что такие события действительно случались в его жизни. Осмысление ухода сверстников, близких нашими информантами связывается с потерей не просто людей, но и общих воспоминаний, свидетельств социальных ситуаций.

Переломным моментом между независимостью и зависимостью, «нестаростью» и старостью выступает именно оценка состояния здоровья. При этом информанты не связывают плохое здоровье, зависимость именно с хронологическими рамками, а опираются на организацию жизни и жизненные установки. Интересно также отметить некоторые попытки отказа от медикализации старения. Наши информанты считают, что болезни встречаются в любом возрасте и не являются обязательным атрибутом старения. Именно индивидуальные установки, правильное питание, позитивный настрой, физические упражнения – вот что помогает сохранить здоровье как можно дольше. Мы также заметили, что много кто из наших информантов не знает, как себя назвать, к какой социально-возрастной группе себя определить. С одной стороны, встречаются противопоставления с молодым возрастом, с другой – нежелание или сомнения соотнесения себя с пожилыми. Наши информанты все чаще относили себя к социально-возрастной группе взрослых.

Таким образом, возрастная самоидентификация связана не с хронологическими рамками, а с образом жизни и состоянием здоровья. Необходимы дальнейшие исследования, направленные на изучение социального статуса и характеристик «поздних взрослых», тех, кто не идентифицирует себя с пожилым возрастом, продолжает работать и активно участвовать в жизни.

Список литературы

1. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. №2. С. 187–211. DOI 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
2. Neugarten B. L. Age groups in American Society and the Rise of the Young Old // Political Consequences of Aging, Annals of the American Academy of Social and Political Science. 1974. Цит. по: Тихая революция. Михаил Денисенко // ДЕМОСКОП Weekly: [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/analit01.php (дата обращения: 18.10.2021).
3. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем / И. А. Григорьева, Л. А. Видясова, А. В. Дмитриева, О. В. Сергеева. - СПб: Алетейя, 2015. - 336 с.
4. Шмерлина И.А. Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 72-86.

ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ОБ ИСТОРИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

TECHNICAL STUDENTS' AWARENESS OF THE HISTORY OF NIZHNY NOVGOROD

А.А. Попель
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.A. Popel
Lobachevsky University

Знание истории родного города и края – необходимое условие формирования социальной и культурной самоидентичности личности, ее «культурно-географического кода». Автор размышляет над причинами неудовлетворительного качества краеведческих знаний студентов технических специальностей, предлагает способы его повышения.

Knowing your homeland is part and parcel of forming social and cultural self-identity of individuals, their "cultural and geographical code". The author reflects on the reasons why students from technical specialties know the history of their homeland so badly and suggests ways to improve it.

Ключевые слова: краеведение, история, студенты технических специальностей.

Keywords: local history awareness, history, students of technical specialties.

В очередной раз взяться за ручку и представить свои скромные размышления благодарному читателю о том, насколько хорошо будущие инженеры знакомы с историей Нижегородского края, меня побудил весьма неприятный, но в то же время показательный случай, который недавно произошел со мной в одном из технических вузов Нижнего Новгорода.

Являясь куратором группы первокурсников, я предложил студентам принять участие в небольшой викторине по истории Нижегородского края в качестве внеаудиторного мероприятия. Приятно отметить, что мое предложение вызвало искренний интерес с их стороны, поэтому я подготовил серию из 20 вопросов из прекрасной книги «785 вопросов и ответов о Нижнем Новгороде» [1].

Однако в день проведения викторины меня ожидал довольно неприятный сюрприз: мои замечательные подопечные, многие из которых успешно сдали первую сессию, а некоторые даже успели заявить о себе на студенческих научных конференциях, практически полностью ее провалили, ответив только на пять вопросов из двадцати…

Данный случай заставил меня глубоко задуматься о причинах того, почему же вполне успешные в плане обучения студенты так плохо знают историю родного края? Я провел небольшое исследование и готов поделиться выводами.

Как оказалось, истоки проблемы начинаются еще на уровне школьного образования, поскольку в большинстве субъектов Российской Федерации занятия по региональной истории включены в предмет «История» по усмотрению преподавателя, поскольку данный курс отсутствует в образовательных стандартах и, следовательно, дополнительные часы на него не предусмотрены.

Ситуация в высших учебных заведениях оказалась не лучше, так как в большинстве из них региональная история как самостоятельная дисциплина тоже полностью отсутствует.

Можно подвести неутешительный итог о крайне неудовлетворительном состоянии изучения региональной истории как на уровне школьного, так и вузовского образования.

В 2022 г. на данную проблему обратил внимание Президент России Владимир Путин и распорядился проанализировать вопрос изучения истории родного края в рамках курса истории для школьников. Предложения должны

предусматривать возможность проведения соответствующих занятий в краеведческих музеях [2].

Идея Президента была поддержана Комитетом Совета Федерации по науке, образованию и культуре, который предложил Минпросвещения ввести в школах обязательные уроки по истории родного края и разработать примерную программу таких курсов. Курсы должны быть обязательными, разными по содержанию, но с одинаковыми блоками [3].

Следует с гордостью отметить, что ситуация с изучением краеведения в Нижегородской области находиться на достаточно хорошем уровне: благодаря усилиям сотрудников НИРО регулярно совершенствуются методики преподавания и издаются учебники по региональной истории, преподавание ведется в среднем и старшем звеньях общеобразовательной школы [4-6].

Для определения качества знаний по истории Нижегородского края мы провели опрос студентов первого курса технических специальностей Самарского государственного университета путей сообщения, филиал в г.Н.Новгород. Общее количество респондентов – 42 чел., возраст – 17-18 лет. Предлагаем Вам ознакомиться с ответами на вопросы анкеты.

Вопрос 1: Является ли Нижний Новгород или Нижегородская область местом Вашего постоянного проживания?

Таблица 1

Является ли Нижний Новгород или Нижегородская область местом вашего постоянного проживания?

Да	Нет
86%	14%

Таблица 2

Как Вы оцениваете качество своих знаний по истории Нижнего Новгорода и Нижегородской области?

Жители Н.Новгорода и Нижегородской области (36 чел.)		Жители других городов и областей (6 чел.)	
Отличное	3%	Отличное	0%
Хорошее	53%	Хорошее	0%
Удовлетворительное	39%	Удовлетворительное	33%
Неудовлетворительное	5%	Неудовлетворительное	67%

Таблица 3

Откуда Вы получаете (-ли) знания по истории Нижнего Новгорода и Нижегородской области (42 чел.)?

Интернет	45%
Друзья	21%
Школа /университет	14%
Родители	12%
Книги	5%
Телевидение	2%

Затем студентам было предложено пройти тест из 15 вопросов по истории Нижнего Новгорода и области. Каждый вопрос имел 4 варианта ответов.

Пример: В каком году был запущен завод ГАЗ?

Варианты ответов: 1.**1932** 2.1917 3.1941 4.1945

Тест считается пройденным при количестве правильных ответов более 8.

Таблица 4

Справились	Не справились
17%	83%

Таблица 5

Было бы Вам интересно узнать что-то новое по истории Нижнего Новгорода и области?

Да	Нет
88%	12%

К сожалению, опрос выявил крайне поверхностные знания студентов об истории нашего города и Нижегородской области, несмотря на их достаточно оптимистичные самоожидания.

Однако, с другой стороны, региональная история безусловно интересна студентам-первокурсникам, причем как постоянно проживающим на территории Нижегородской области, так и приезжим.

Таким образом, у студентов существует потребность в получении новых краеведческих знаний, однако, как видно из представленных выше результатов, вузы в недостаточной степени способны ее удовлетворить.

В отсутствие специальных дисциплин в вузе, призванных заполнить этот вакуум знаний, особое место отводится работе кураторов групп первого и второго курса, которым следует более активно проводить внеурочные мероприятия по расширению краеведческого кругозора своих подопечных, например, в виде викторин, квестов и иных форм совместной досугово-познавательной деятельности.

Список литературы

1. Нижний Новгород: 785 вопросов и ответов: справ. информ. темат. изд.: путеводитель / Т.П.Виноградова и др. 4-е изд. – Н.Новгород: Кварц, 2008. – 288 с.

2. https://tass.ru/obschestvo/16577047 (дата обращения: 18.09.2023)

3. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/12/931054-istoriya-rodnogo-kraya (дата обращения:18.09.2023)

4. История Нижегородского края XX-XXI века: учебное пособие для учащихся.10 класс / В.К.Романовский, Ф.А.Селезнев, Э.С.Иткин, Б.Л.Гинзбург: под ред. В.К.Романовского. – Нижний Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2020.

5. История Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: рабочая программа учебного курса для 6-10 классов образовательных организаций / авт.-сост. В.К.Романовский, Ф.А.Селезнев, Э.С.Иткин, Б.Л.Гинзбург. Н.Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2016.

6. История Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: методическое пособие для учителя / под общей редакцией В.К.Романовского – Н.Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2016.

МЕТАФОРА «КАРИБСКОГО КРИЗИСА» В ОБЪЯСНЕНИИ КОНФРОНТАЦИИ ДЕРЖАВ В СОВРЕМЕННХЫХ РОССИЙСКИХ СМИ*

METAPHOR OF «THE CARIBBEAN CRISIS» IN EXPLAINING THE CONFRONTATION OF THE POWERS IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA

И.А. Туркин
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
I.A. Turkin
The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg

Анализируется, как метафора «карибский кризис» используется отечественными СМИ в современном международном контексте. Проанализированы причины использования лексики времён холодной войны для описания текущего конфликта великих держав. Сделаны выводы о гибкости и адаптивности метафоры «карибский кризис».

This paper analyzes as a metaphor «The Caribbean Crisis» is used by domestic media in the contemporary international context. The reasons for using the vocabulary of The Cold War to describe the current conflict of the great powers are analyzed. Conclusions are drawn about the flexibility and adaptability of «The Caribbean Crisis» metaphor.

Ключевые слова: карибский кризис, холодная война, символическая политика, внешнеполитический дискурс, кризис международной безопасности.

Keywords: The Caribbean crisis, The Cold War, symbolic politics, foreign policy discourse, international security crisis.

В современном культурно-политическом контексте разговоры о ядерной войне снова стали актуальными. Сегодня часы судного дня показывают 90 секунд до «ядерной полуночи», учёные анализируют, как конвенциональные конфликты могут переходить «ядерный порог» [1]. В официальном дискурсе России активно используется символ «холодная война» для объяснения конфронтации с Западом [2].

В данной работе мы рассмотрим, как одна из ключевых метафор противостояния XX-го века – «карибский кризис» – применяется в

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, https://rscf.ru/project/22-18-00305/ «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

отечественных СМИ для характеристики противостояния между державами. Важно сказать, что сама метафора не является самостоятельной, она включается в системообразующий символ «холодная война».

Мы проследим, как метафора «карибский кризис» используется в российских СМИ после февраля 2014 г. Материалом для анализа стали статьи в СМИ, различающиеся своими политическими предпочтениями (Коммерсантъ, Ведомости, Независимая газета, Russia Today, РБК). Выборка сплошная. В качестве главного метода исследования был выбран критический дискурс анализ. Мы анализируем метафору «карибский кризис» в контексте символической политики, то есть производства различных способов интерпретации социальной реальности и борьбы за их доминирование [3].

Почему необходимо изучать метафорику холодной войны во внешнеполитическом дискурсе России?

Во-первых, современный внешнеполитический дискурс Российской Федерации с 2014 г. сильно изменил свой вектор. Академик В.Г. Барановский считает, что с 2014-2015 гг. российская внешняя политика приобрела существенно новое качество [4]. Сравнительный анализ концепций внешней политики от 2013 и 2016 гг. показывает, что во второй редакции гораздо большее значение уделяется роли силы в международных отношениях, отдельно выделяется кризис между Россией и НАТО [5]. Актуальная Концепция внешней политики Российской Федерации продолжает логику противостояния с Западом. Например, в пункте 4 Россия определяется как «государство-цивилизация», а в пункте 13 политика США и «их сателлитов» характеризуется как явно антироссийская [6].

Во-вторых, современный внешнеполитический дискурс Российской Федерации активно подвергается секьюритизации, то есть дискурсивно становится объектом безопасности. Поэтому В. Путин в своей речи от 21 сентября 2022 г. говорил, что «цель Запада – ослабить, разобщить и уничтожить в конечном итоге нашу страну» [7]; один из самых влиятельных российских экспертов по международным отношениям С. Караганов, оценивая современный кризис международной безопасности, считает, что «для нас это вопрос выживания страны, а для Запада – вопрос выживания элит» [8]; помощник президента В. Мединский прямо заявил, что «на кону сегодня само существование России как русской цивилизации» [9]. *Анализ риторики первых лиц государства показывает, что современный кризис международной безопасности рассматривается как экзистенциальная угроза*.

В-третьих, в современном российском обществе устойчиво фиксируется высокий уровень антизападничества. Согласно опросу Всероссийского центра

изучения общественного мнения (ВЦИОМ) от 06.04.2022 г., пики антиамериканизма в России приходятся на 2014 и 2022 гг.; 66% и 71% опрошенных ответили, что «плохо» относятся к Соединенным Штатам Америки (США) [10]. Колебания в оценках по отношению к Европейскому союзу (ЕС) совпадают с колебанием в оценках по отношению к США [11].

В условиях международной напряженности необходимо изучать, какие символы и метафоры становятся актуальными для описания настоящего. Актуальные символы формируют область дискурсивности, которая становится резервуаром значений для политических элит.

Анализ использования метафоры «карибский кризис» в современных российских СМИ показал, что она имеет две стадии употребления. На первой с ее помощью объясняется противостояние между державами. На второй стадии метафора «карибский кризис» становится одним из самых ярких маркеров угрозы ядерной войны. Эффективное функционирование метафоры возможно только на второй стадии.

Сквозь призму метафоры социальная реальность интерпретируется как экзистенциальная угроза не только для России, но и для всего мира. Таким образом, дискурс создаёт «дилемму угрозы» для контрагента, когда ему необходимо или согласиться с позицией оппонента, или выбирать угрожающее будущее в виде ядерной войны. В случае отсутствия оценки угрозы как реальной метафора тривиализируется, происходит семантическое насыщение, то есть девальвация символического ресурса.

Исследуемая метафора употребляется в первую очередь для описания взаимоотношений России и США, так как содержит исторический опыт соперничества именно этих держав. В контексте специальной военной операции метафора используется в 44% процентах случаев. Это связано с тем, что, во-первых, противостояние США и России приобрело качественно новый характер, во-вторых, с тем, что угроза ядерной эскалации стала особенно актуальной. Именно кризис 1962 г. часто является метафорой, через которую раскрывается дискурс о новой холодной войне [12]. Проводятся прямые аналогии между политиками, например, между Путиным и Хрущёвым [13]. Карибский кризис может также рассматриваться и как пример дипломатического разрешения конфликта [14].

Помимо украинского кризиса, метафора используется в контексте проблем Договора о ракетах средней и меньшей дальности [15], Ближневосточного урегулирования [16], ядерной программы КНДР [17], встреч В. Путина и Д. Трампа [18], желания размещения США ядерного оружия в Восточной Европе [19].

Подведём итоги. Из-за общего кризиса международных отношений в отечественных СМИ для описания сложившихся противоречий часто употребляются метафоры, которыми описывали период холодной войны. Было выявлено, что метафора «карибский кризис» может адаптироваться под культурно-политический контекст. Метафора эффективно используется только в ситуации, когда угроза ядерной войны воспринимается контрагентом как реальная.

Список литературы

1. Барановский В.Г. Бужинский Е.П., Загорский А.В., Никитин А.И., Ознобищев С.К. 2022. Избежать ядерной войны. Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к “ядерному порогу”. Полис. Политические исследования. № 6. С. 114-134.
2. Туркин И.А., Рябова Т.Б. «Холодная война» в символической политике современной России: официальный дискурс // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Т. 7. Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. С. 323–325.
3. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 207 с.
4. Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 5-15.
5. Сургуладзе В.Ш. Концепция внешней политики Российской Федерации – целеполагающий документ государственного стратегического планирования // Власть. 2017. № 1. С. 84-86.
6. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Кремлин.ру. 31.03.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70811. (дата обращения: 01.04.2023).
7. Путин: цель Запада – ослабить, разобщить и уничтожить Россию [Электронный ресурс] // ТАСС. 21.09.2022. URL: https://tass.ru/politika/15816309. (дата обращения: 31.03.2023).
8. Сергей Караганов: «Это прямо надо называть Отечественной войной» [Электронный ресурс] // Профиль. 26.09.2022. URL:

https://profile.ru/politics/sergej-karaganov-eto-nado-pryamo-nazvat-otechestvennoj-vojnoj-1167557/ (дата обращения: 31.03.2023).

9. На кону сегодня само существование России, заявил Мединский [Электронный ресурс] // РИА Новости. 24.03.2022. URL: https://ria.ru/20220324/medinskiy-1779803336.html (дата обращения: 31.03.2023).

10. Россияне об Америке: новый «ледниковый период»? // ВЦИОМ. 06.04.2022. [Электронный ресурс] – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-amerike-novyi-lednikovyi-period. (дата обращения: 24.03.2023)

11. Россия и Европа: на расходящихся курсах // ВЦИОМ. 29.04.2022 [Электронный ресурс] – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-evropa-na-raskhodjashchikhsja-kursakh. (дата обращения: 24.03.2023)

12. «Холодная война 2.0.». Кубинский кризис 1962 года покажется нам детской забавой. [Электронный ресурс] // Независимая газета. 21.10.2019. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2019-10-21/9_7707_coldwar.html. (дата обращения: 31.03.2023).

13. Кремль призвал не сравнивать Путина с Хрущевым из-за Карибского кризиса [Электронный ресурс] // РБК. 22.11.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/22/11/2022/637cae629a79477ced79b71d. (дата обращения: 01.04.2023).

14. В Совбезе назвали Карибский кризис примером урегулирования противоречий [Электронный ресурс] // РБК. 23.09.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/09/2022/632da65c9a79477cd4e84994. (дата обращения: 01.04.2023).

15. Как война возвращается в головы [Электронный ресурс] // Ведомости. 03.02.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/03/793136-voina-v-golovi. (дата обращения: 31.03.2023).

16. Как эскалация угроз приближает реальный кризис [Электронный ресурс] // Ведомости. 10.04.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/04/10/764381-eskalatsiya-priblizhaet-krizis. (дата обращения: 31.03.2023).

17. В КНДР сравнили санкции с блокадой Ленинграда и пригрозили США «ответным ядерным ударом [Электронный ресурс] // Ведомости. 04.04.2016. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/04/04/636273-kndr-sanktsii-leningrada. (дата обращения: 31.03.2023).

18. Зачем встречаться Путину и Трампу [Электронный ресурс] // Ведомости. 26.09.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/11/28/787700-zachem-vstrechatsya-putinu-i-trampu. (дата обращения: 31.03.2023).

19. Лавров заявил о тревогах из-за желания Польши разместить ядерное оружие США [Электронный ресурс] // Ведомости. 30.10.2022. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/10/30/948051-lavrov. (дата обращения: 31.03.2023).

АКАДЕМИЧЕСКИЕ И НЕАКАДЕМИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

ACADEMIC AND NON-ACADEMIC SOURCES HISTORICAL KNOWLEDGE OF STUDENT YOUTH

Н.В. Шалютина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
N.V. Shalyutina
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Исследуется проблема источников исторической информации, которыми пользуются студенты. Выбор источника зависит от получаемой специальности и мотивации обращения к источнику. Проведенный анкетный опрос студентов Н.Новгорода (n=849) позволяет сделать выводы, что студенты-историки в большей степени используют академические источники, студенты, получающие неисторическое образование, пользуются и академическими и неакадемическими источниками. Что же касается предпочитаемых источников, не зависимо от получаемой специальности, студенты рассматривают художественные фильмы как источник исторической информации.

The article explores the problem of sources of historical information used by students. The choice of the source depends on the speciality and the motivation for referring to the source. The questionnaire survey conducted among students of N.Novgorod (n=849) allows us to conclude that history students use academic sources to a greater extent, while non-history students use both academic and non-academic sources. As for the preferred sources, regardless of their speciality, students consider feature films as a source of historical information.

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект №22-18-00311 «Медиатизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

Ключевые слова: историческая память, социальные медиа, медиатизация.
Keywords: historical memory, social media, mediatisation.

В условиях медиатизации исторической памяти доступ к её конструированию, фиксации и трансляции получают разнообразные субъекты – история становится коммуникативным процессом. Если в доцифровую эпоху историческая память конструировалась в относительно замкнутом академическом пространстве (интеллектуальной элитой и профессиональными историками) на основе различных документальных свидетельств, то в цифровой медиасреде формируется медиатизированный мир исторической памяти, открытый для творчества, в котором «массмедийное развлечение способно косвенным образом воздействовать на то, что конструируется в виде реальности» [1, с.141]. Существенную роль в формировании исторической памяти играют не только традиционные академические тексты, но и образы прошлого в медиапространстве: репрезентация исторических исследований, художественные произведения, публицистика, фото- и видеоматериалы, мемы, оцифрованные архивные документы, компьютерные игры, пользовательские публикации в социальных медиа различного жанра.

Чтобы определить, какие источники информации востребованы у студентов, мы использовали результаты авторского исследования «Историческая память и медиа в представлениях студентов исторических и неисторических специальностей», проведённого в сентябре 2021 г. Метод исследования – анкетный опрос студентов Нижнего Новгорода (n=849).

Источники, которыми учащаяся молодёжь пользуется для получения знаний по истории, разнообразны, и среди них невозможно выделить однозначного лидера (рис. 1). Практически одинаково часто молодые люди получают историческую информацию из разговоров с учителями или преподавателями (43%), на лекциях и семинарах в вузе (40%), документальных или научно-популярных фильмов (39%), Википедии (37%), художественных фильмов или сериалов (37%), учебников или научных книг (37%).

Чуть реже – из разговоров со своими родителями или другими родственниками (32%), ещё реже – из художественной литературы (26%), разговоров с друзьями (25%), от блогеров, рассказывающих об истории (23%), телепередач на исторические темы (22%) и даже компьютерных игр исторической тематики (20%). Читают историческую научно-популярную литературу 19% молодёжи, примерно столько же – читают исторические паблики в социальных сетях, заходят на специализированные сайты, посвящённые истории, или слушают лекции историков в интернете. Проходили

или проходят в настоящее время учебные интернет-курсы по истории 7% молодых людей, а 5% – иногда ходят на очные лекции профессиональных историков.

Рис. 1. Источники, которыми пользуется молодёжь для получения исторической информации

То есть, среди источников исторических знаний у молодёжи практически в равной степени представлены и связанные с учебным процессом, и повседневные знания: информация, полученная во время живого общения, и знания, опосредованные медиа.

Конечно, мало кто из молодых людей получают исторические знания только из какого-то одного источника, обычно с разной степенью интенсивности задействованными оказываются практически все из перечисленных.

Выбор источника информации, согласно теории «использования и удовлетворения», зависит от мотивации пользователей. С точки зрения транзактной модели [2], разработанной в рамках этой теории, выбор участников коммуникационного процесса обусловлен комбинацией двух факторов: характеристиками медиаинформации и потребностями пользователей. Специфика обращения к различным источникам исторической информации связана с тем, получает ли молодой человек профессиональные знания по истории, или это личный интерес, близкий к досуговой практике.

Поэтому целесообразно рассмотреть источники, которыми пользуются студенты исторических и неисторических специальностей для получения информации по истории (табл. 1). · Для сравнения групп выделены студенты, получающие историческое образование в Мининском университете (n=133), и студенты других факультетов ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Приволжского исследовательского медицинского университета (n=340).

Для получения исторических знаний студенты-историки чаще студентов неисторических специальностей пользуется учебными источниками. Основным источником исторической информации для студентов исторических специальностей являются лекции и семинары в вузе (72%). На втором месте – учебники и научные монографии (59%), на третьем – разговоры с преподавателями (54%). Для студентов неисторических специальностей разговоры с преподавателями, а также лекции и семинары в вузе тоже являются главными источниками исторических знаний (48% и 44% – соответственно), кроме того в тройку лидеров вошли художественные фильмы и сериалы как источник исторической информации (43%).

Таблица 1

Предпочтительный для студентов источник информации, %

Предпочтительный источник информации	*1**	*2*
Лекция профессионального историка	35	16
Художественный фильма на эту же тему	35	39
Научная книга по этой теме	10	4
Компьютерная игра, связанная с этим историческим периодом	9	12
Посвященный этому блог в интернете	5	13
Художественная книга по этой теме	4	12
Ничего из перечисленного	2	3

**1 – Студенты исторических специальностей*
2 – Студенты неисторических специальностей

Если речь заходит о предпочтительном источнике информации, то будущие историки с одинаковой частотой говорят, что послушали бы лекцию профессионального историка (35%) и посмотрели бы на эту же тему художественный фильм (35%). Десятая часть предпочла бы научную книгу и практически столько же – компьютерную игру, связанную с этим историческим периодом. У студентов неисторических специальностей художественный фильм по интересующей их исторической теме однозначно является лидером из предпочтительных источников (39%). На лекцию профессионального историка указали только 16%. За ней следует посвящённый данной теме блог в интернете (13%), компьютерная игра (12%) или художественная книга (15%). По сравнению с художественной литературой научно-популярную называют втрое реже (4%).

Таким образом, используемые молодыми людьми источники информации отражают процессы медиатизации исторической памяти, причем востребованными оказываются как источники культурной, так и коммуникативной исторической памяти. Для молодёжи неформальные повседневные источники представляются более предпочтительными, чем те, к которым бы пришлось обращаться целенаправленно, пусть и за авторитетным знанием. Не зависимо от получаемой специальности, художественный фильм рассматривается молодежью как более предпочтительный источник, нежели лекции профессионального историка. Хотя для студентов исторических специальностей и велико значение авторитетных академических источников, но они не снижают роль повседневного знания, полученного случайным образом и воплощенного в образную развлекательную форму.

Список литературы

1. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 240 с.

2. McLeod J.M., Becker L.B. Testing the validity of gratification measures through political effects analysis // The uses of mass communications: Current perspectives on gratifications research. Ed. by J.G. Blumler, E. Katz. Beverly Hills. CA: Sage. 1974. P. 137–164.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ПРОЕКТЫ НА YOUTUBE: МОТИВАЦИЯ И СПЕЦИФИКА ПРОСМОТРА СТУДЕНТАМИ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ*

POPULAR SCIENCE PROJECTS ON YOUTUBE: MOTIVATION AND SPECIFICS OF VIEWING BY STUDENTS OF DIFFERENT SPECIALTIE

Н.В. Шалютина,
А.В. Зеленова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород
N.V. Shalyutina,
A.V. Zelenova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Представлены результаты социологического исследования «Отношение студентов разных специальностей к научно-популярным проектам на YouTube» (n=202). Практики и режимы просмотра студентами научно-популярных каналов на YouTube связаны с мотивацией просмотра и получаемой специальностью. Студенты склонны рассматривать научно-популярные ролики как совмещение образовательной и досуговой практик, при этом критично относятся к полученной информации.

The article presents the results of the sociological study "Attitude of students of different specialities to popular science projects on YouTube" (n=202). The practices and modes of students' viewing of popular science channels on YouTube are related to the motivation of viewing and the speciality received. Students tend to view popular science videos as a combination of educational and leisure practices, while being critical of the information received.

Ключевые слова: научно-популярные каналы на YouTube, популяризация науки, досуговые практики студентов, медиатизация образования, образовательные ролики.

Keywords: popular science channels on YouTube, popularization of science, leisure practices of students, mediatization of education, educational videos.

В современном информационном обществе возрастает роль непрерывного образования, повышения профессиональных компетенций, что обусловлено вызовами «текучей современности» [1]: скоростью прироста знаний, индивидуализацией, усилением конкуренции на рынке труда, изменениями его структуры. Ответом на эти вызовы становится беспрецедентное расширение

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиатизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

источников знаний, ростом числа участников образовательных процессов, разнообразием форм представления и получения информации и хабитуализацией онлайн обучения. Эти процессы – результат медиатизации образовательной деятельности: взаимовлияния институтов образования и медиа. Мультимедийные обучающие материалы становятся неотъемлемой частью методического и информационного обеспечения образовательного процесса, а различные формы и способы представления обучающей информации позволяют обращаться к ней как с целью повышения образовательного уровня, так и для проведения досуга.

Одна из наиболее популярных площадок размещения информации – видеоплатформа YouTube. Согласно данным ВЦИОМ, в России почти 60% опрошенных людей активно пользуются данным видеохостингом (около 90 млн человек) [2]. Ежедневно она пополняется новыми видеороликами различного характера, в том числе и образовательного. Многие каналы на YouTube предлагают качественный контент, который помогает получить новые знания и навыки. Видеохостинги становятся средством коммуникации, в которых формируется особая культура интернет-общения, обладающая своим собственным языком [3].

С целью выявления специфики отношения студентов разных специальностей ННГУ им. Н.И. Лобачевского к научно-популярным проектам на YouTube в апреле-мае 2023г. было проведено социологическое исследование «Отношение студентов разных специальностей к научно-популярным проектам на YouTube». Метод исследования – анкетный онлайн-опрос студентов ННГУ (n=202).

Большинство студентов, не зависимо от направления обучения, смотрят научно-популярные ролики, чтобы узнать что-то новое, даже если это не связано с их специальностью. Однако, почти четверть студентов технических направлений отметили, что с помощью просмотра таких проектов узнают новую информацию и по своей специальности.

Таблица 1

Мотивация просмотра научно-популярных проектов на YouTube, %

	Гуманитарное направление	Естественно-научное направление	Техническое направление
Узнать что-то новое по своей специальности	12	9	24
Не хватает информации на занятиях в университете	0	2	3
Интересно узнавать что-то новое, даже если это не связано с моей специальностью	66	75	64

Чтобы найти материал для написания курсовой работы	3	0	0
Для подготовки к экзаменам	1	3	2
От скуки	6	5	4
Просто, чтобы что-то играло на фоне	7	2	3
Другое	4	5	0

Студенты всех направлений подготовки указывают, что научно-популярные проекты позволяют расширять кругозор. При этом студентам-гуманитариям в большей степени нравится получать новые знания. А студентов технических и естественно-научных направлений отличает запрос на качественную визуализацию контента, позволяющую лучше понимать сложные научные концепции и явления.

Рис. 1. Потребности, которые студенты удовлетворяют с помощью научно-популярных проектов на YouTube, %

Мотивация просмотра обучающего контента студентами разных специальностей определяет и режимы вовлеченности в просмотр. Доля студентов, которые внимательно слушают научно-популярные ролики на YouTube, выше среди молодых людей, обучающихся на технических направлениях.

Таблица 2

Режимы просмотра научно-популярных проектов на YouTube, %

	Занимаетесь параллельно другими делами	Внимательно слушаю	Делаю заметки по прослушанной информации
Гуманитарное	55	31	14
Естественно-научное	47	41	13
Техническое	47	45	8

Популярность фонового просмотра образовательного контента свидетельствует о том, что студенты всех направлений подготовки рассматривают его как досуговую практику.

Таблица 3

Просмотр образовательных роликов в качестве способа досуга, %

	Да	Скорее да, чем нет	Затрудняюсь ответить	Скорее нет, чем да	Нет
Гуманитарное	59	34	7	0	0
Естественно-научное	55	36	3	5	2
Техническое	56	33	3	3	5

Важным, по мнению студентов, является разнообразие форматов. Наиболее популярным из них является видеоряд с различными материалами, с комментариями спикера, которого тоже можно видеть в ролике.

Большинство студентов технических направлений считают, что просмотр научно-популярных проектов на YouTube помогает им лучше понимать учебный материал, с ними согласны около половины студентов гуманитарного и естественно-научного профиля.

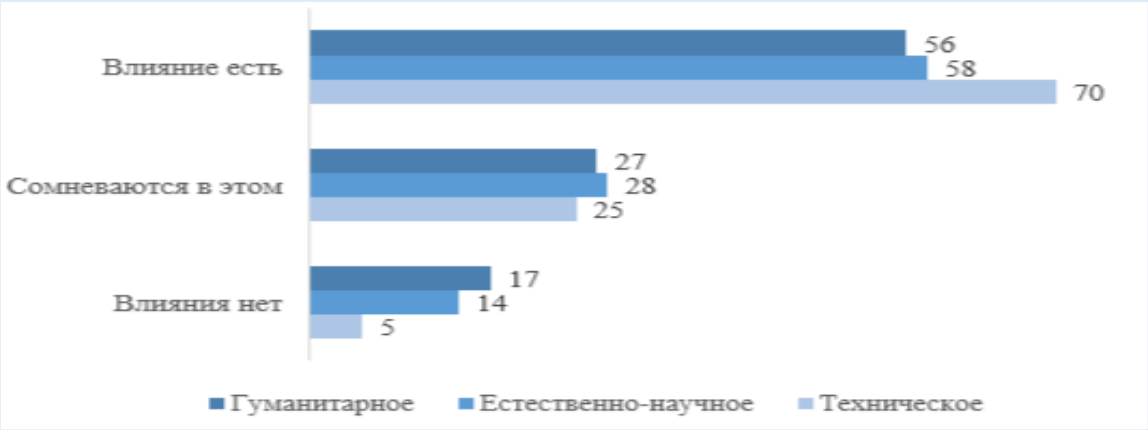


Рис. 2 Влияние просмотра научно-популярных проектов на YouTube на понимание учебного материала, %

Не зависимо от направления подготовки студенты готовы рассматривать потребление научно-популярного контента как досуговую практику. Однако, несмотря на это, молодые люди относятся к информации, полученной таким образом, очень внимательно: с одной стороны, студенты всех направлений подготовки в большей степени доверяют профессионалам, чем блогерам или журналистам; с другой – большинство студентов проверяют полученную информацию самостоятельно.

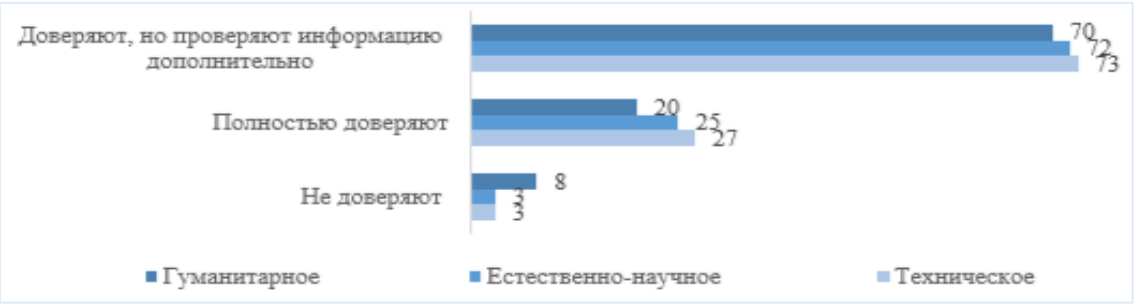


Рис. 3 Уровень доверия к информации, полученной из научно-популярных роликов на YouTube, %

Таким образом, информационные технологии играют важнейшую роль в популяризации науки и в образовательном процессе: прежде всего, они востребованы как форма расширения кругозора, кроме того, благодаря визуальной ясности материала и техническим возможностям медиаформата (повтор, пауза), позволяют лучше понять сложные концепции. Студенты технических направлений в большей степени мотивированы углублением знаний в рамках получаемой специальности, для них особенно важна качественная визуализация материала. Для студентов гуманитарных направлений визуальная составляющая ролика не имеет принципиального значения: они в большей степени склонны просматривать научно-популярные видео в фоновом режиме, с целью узнать что-то новое, повысить общую осведомленность. Режимы просмотра научно-популярных видео отражают процессы медиатизации образовательной деятельности: вне зависимости от направления подготовки студенты склонны совмещать досуговые практики и процессы образования, но, несмотря на это, они критично относятся к полученной информации и проверяют её.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240с.
2. Пресс-выпуск ВЦИОМ: «YouTube – «телевидение» XXI века». [online]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka. (дата обращения: 15.08.2023).
3. Горшкова, Л. А. Коммуникативные особенности социального медиа YouTube в современном информационном пространстве // Медиасреда. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-osobennosti-sotsialnogo-media-youtube-v-sovremennom-informatsionnom-prostranstve (дата обращения: 15.08.2023).

СЕКЦИЯ 6

СЕМЬЯ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

ДОКЛАДЫ

ВОЗМОЖНО ЛИ СОХРАНЯТЬ СВЯЗИ В «БОЛЬШОЙ» СЕМЬЕ СЕГОДНЯ?
IS IT POSSIBLE TO KEEP CONNECTIONS IN A “BIG” FAMILY TODAY?

Н.Ю. Егорова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
N.Yu. Egorova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

На основании статистических данных определяются изменения родственной структуры семьи в течение 20-го – 21-го столетий, делается вывод о стабилизации процессов в последние десятилетия. Тем не менее, о функциональных связях внутри «большой» семьи в новых условиях известно мало, что требует внимания и важно для социальной работы, социальной помощи и поддержки.

Based on statistical data, changes in the kinship structure of the family are determined during the 20th – 21st centuries, and a conclusion is made about the stabilization of processes in recent decades. However, little is known about functional connections within the “big” family in new conditions, which requires attention and is important for social work, social assistance and support.

Ключевые слова: нуклеаризация семьи, роственная структура, «большая» семья, функциональные связи

Keywords: nuclearization of the family, family structure, “big” family, functional connections

В течение 20-го столетия два основных масштабных демографических процесса – нуклеаризация, с одной стороны, и снижение рождаемости – с другой, превратили некогда большую, территориально и функционально единую семейно-родственную группу в несколько маленьких, где супружество, родительство, родство стали самостоятельными социальными структурами.

Расширенная, многодетная семья постепенно уступает место малой нуклеарной сначала в странах Западной и Центральной Европы [1], затем и в

России. По материалам исследований Б.Н. Миронова, в первой половине 20-го века небольшая семья становится доминирующей социальной семейной структурой не только в условиях города, но и на селе [2, с. 236]. Параллельно происходит ограничение числа рождений и, как следствие, уменьшение числа детей в семье. Если вплоть до второй половины 19-го столетия как для сельского населения, так и для городского была характерна очень высокая рождаемость (50-55 детей на 1000 населения, или 6-8 рождений на один брак), то в начале 20-го века в городе эти показатели снизились в 1,5 раза [2, с. 179].

Данные демографической статистики, в том числе переписей населения, 21-го столетия дают основания говорить о сформировавшейся в результате этих процессов относительно стабильной родственной структуры семьи, исключающей в большинстве случаев совместное проживание нескольких поколений, горизонтальные родственные связи.

Сегодня большинство семей в России имеют нуклеарную структуру, то есть состоят из супружеской пары с детьми или без них (табл.1). Доля таких семей, согласно данным последней переписи населения 2020 г., сохраняется на уровне 56% и в течение двух последних десятилетий остается фактически неизменной. Значительное число домохозяйств, состоящих из матери (отца) с детьми, делают простую семейную структуру доминирующей в современной российском обществе, общая численность которой достигает почти 75% от общего числа домохозяйств. Только каждое 7-ое домохозяйство в 2020 г. (13%) можно отнести к сложным, составным. Нельзя не отметить расхождения данных последней и предыдущих переписей: существенно уменьшилась доля составных домохозяйств и, напротив, увеличилось число отцов с детьми и «прочих» семей. Что стало причиной таких изменений, сказать однозначно пока сложно.

Таблица 1

Численность и состав домохозяйств, состоящих из 2 и более человек, % (данные переписей населения, Российская Федерация) [3]

Тип домохозяйства	2002	2010	2015	2020
с одной супружеской парой с детьми и без детей	54,9	52,1	59,8	56,1
с одной супружеской парой с детьми и без детей и другими родственниками (или без них) и не родственниками (или без них)	13,6	13,8	11,1	5,1
с двумя и более супружескими парами с детьми и без детей, родственниками (или без них) и не родственниками (или без них)	3,3	3,3	2,3	1,9
матери с детьми	13,7	13,8	14,8	15,4
отца с детьми	1,5	1,7	1,7	2,8

матери (отцы) с детьми с одним из родителей матери (отца) (или без него), прочими родственниками (или без них) и не родственниками (или без них)	6,4	5,6	4,6	6,3
прочие домохозяйства	6,6	9,7	5,7	13,6

Изменение структуры родства происходит и вследствие снижения рождаемости. Отсутствие братьев/сестер в семье становится вполне распространённым явлением, судя по имеющимся данным. В настоящее время показатель среднего числа детей, рожденных одной женщиной в течение ее жизни (суммарный коэффициент рождаемости), составляет 1,4 против 2,5 в 1960-61гг. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика суммарного коэффициента рождаемости (число рождений, приходящихся в среднем на одну женщину за всю жизнь) [4]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1960-1961	2,5	2,0	3,3
1970-1971	2,0	1,8	2,6
1980-1981	1,9	1,7	2,6
1990	1,9	1,7	2,6
2000	1,2	1,1	1,6
2005	1,3	1,2	1,6
2010	1,6	1,4	2,0
2015	1,8	1,7	2,1
2020	1,8	1,7	2,1
2022	1,4	1,4	1,6

В то же время стоит обратить внимание на положительную динамику, связанную со структурой домохозяйств по количеству детей в семье, которая в течение 15 лет оставалась стабильной. Сегодня доля однодетных уменьшилась до 55%, а многодетных возросла до 12% (табл. 3).

Таблица 3

Распределение домохозяйств по числу детей до 18 лет, % [3]

Количество детей	2002	2010	2015	2020
с 1-м ребенком	57	65	51	55
с 2-мя детьми	32	28	35	33
с 3-мя и более детьми	11	7	14	12

Как следствие, тенденцией, имеющей долгосрочный характер, стало снижение средней величины семьи, которое становится все заметнее во второй половине 20-го века. Если в 1939 г. средняя величина семьи в России составляла

4,07 чел., то в 1989 году лишь 3,21. Согласно первой переписи 21-го столетия, средний размер домохозяйств, состоящих из 2 и более человек, составил 3,18 чел. [5, с.37-38]. Что касается последних данных, то и здесь можно говорить о стабилизации: маленькое семейное домохозяйство, состоящие в среднем из 3,1 чел., – типичный облик современной российской семьи в 2020 г.

Актуальным становится вопрос, как влияют структурные преобразования семьи на функциональные связи внутри «большой» семейной системы? Юридически права и обязанности не зависят от места проживания людей, связанных родственными узами, к которым относятся родители и дети, бабушки и дедушки, братья и сестры [6]. Но, скорее всего, близость отношений, готовность к поддержке, уходу за пожилыми будет определяться различными обстоятельствами и выстраиваться по-разному. Уже сейчас существуют разные мнения на этот счет. Исследователи, склонные оценивать современное состояние семьи как кризисное, указывают на ряд негативных последствий: разрыв ценностей поколений, утрата интереса молодых к опыту старших, неприятие пожилыми людьми образа жизни молодых [7]. Другие отмечают, что, несмотря на распространение нелокального варианта семьи, материальная, эмоционально-психологическая, физическая зависимость поколений друг от друга сохраняется, и часть нуклеарных семей можно считать функционально расширенными [8; 9].

Список литературы

1. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.) / пер. с нем. Л.А. Овчинцевой; науч. ред. М.Ю. Брант. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 302 с.

2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. – 3-е изд., испр., доп. – СПБ: «Дмитрий Буланин», 2003. 548+583 с. Т.1.

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Статистика / Переписи населения 2002, 2010, 2015, 2020гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya. (дата обращения: 30.08.23). Рассчитано автором.

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Статистика / Официальная статистика / Население / Естественное движение населения / Суммарный коэффициент рождаемости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 30.08.2023).

5. Егорова Н.Ю. Современная семья в системе супружества-родительства-родства // Семейная экосистема человека: монография /

З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судьин, Д.А. Шпилев и др. Н. Новгород, Изд-во НИСОЦ, 2018. С. 34-53.

6. Семейный Кодекс РФ от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). Раздел IV-V. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982. (дата обращения: 30.08.2023).

7. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. 2014. №1. С.3-20.

8. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы. Н.Новгород, 2003. 287 с.

9. Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е. Молодая семья в контексте социологических исследований // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 1 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н., Ростовской Т.К., д.с.н., Зубок Ю.А. – М.: Изд-во «Экон-информ», 2019. С.146-151.

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ СЕМЕЙ С РЕБЕНКОМ-ИНВАЛИДОМ
CULTURAL CAPITAL FOR FAMILIES WITH A DISABLED CHILD

М.В. Курникова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород
M.V. Kurnikova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассмотрены общие особенности культурного капитала семьи ребенка-инвалида. Выявлено, что воспитание ребенка-инвалида не меняет качественную структуру культурного капитала, но существенно ограничивает интенсивность его прироста. Обнаружено крайне низкое стремление родителей к активному накоплению культурного капитала независимо от состояния здоровья детей.

The general features of a cultural capital of a family with a disabled child are considered. It has been revealed that raising a disabled child does not change the cultural capital's qualitative structure, but significantly limits the intensity of its growth. An extremely low parents desire to actively accumulate cultural capital was discovered, regardless of the health status of their children.

Ключевые слова: культурный капитал, семья с ребенком-инвалидом.
Keywords: cultural capital, family with a disabled child.

Культура – это основа общественно-экономического развития, аккумулирующая ресурсы личности и общества, исторически накопленные возможности, источники, доступные и мобилизуемые как «культурный капитал». Дефиниция «культурный капитал» раскрывается современной социальной теорией как разновидность прочих капиталов – социального, символического, общественного. Подробно концепция культурного капитала разработана Пьером Бурдье как одна из форм капитала, основу которого составляют ресурсы, интегрированные в сущностную природу культуры: габитус, произведения искусства, книги, образование и собственно культурный уровень самого индивида [1].

Основной действующей силой воспроизводства культурного капитала является семья и система образования, поддерживающей силой – система рекреации, система здравоохранения, средства массовой информации. Семья обеспечивает трансфер культурных позиций от поколения к поколению. При этом исследователи выделяют особую роль женщин в процессе трансляции и усвоения членами семьи главных культурных и социальных ценностей [2].

Самоограничения семьи ведет к появлению у нее особой совокупности норм, правил общения супругов, родителей и детей. Наличие в семье «особого ребенка» приводит к хроническим деформациям личности членов семьи, формирует специфические семейные отношения и жизненный уклад и преимущественно негативно влияет на возможности накопления культурного капитала [3].

Цель работы – исследование особенностей культурного капитала членов семьи ребенка-инвалида.

Материалы и методы. Анкетный опрос, целевая выборка: родители ребенка-инвалида (N=322: отцы N=106, матери N=216), контрольную группу составили родители здорового ребенка (N=322: отцы N=86, матери N=236).

Нами были выбраны следующие маркеры культурного капитала: уровень образования родителей; мотивация к получению дополнительного (или нового) образования; формы проведения досуга; здоровьесберегающее поведение; участие в культурной жизни.

Результаты и их обсуждение. Основной массив выборки (91.8%) составили семьи, воспитывающие одного ребенка-инвалида, при этом у 32.8% семей данный ребенок был единственным. Остальные семьи воспитывали двух (47%), трех (15.7%), четырех и более (4.5%) детей.

Большинство родителей, не зависимо от состояния здоровья ребенка, указали полное высшее и среднее специальное образование; неполное среднее зарегистрировано единично.

Желание повысить свою квалификацию или уровень образования для получения новой профессии выказали 41.7% матерей детей-инвалидов (57.6% матерей здоровых детей, $p<0.001$) и 22.6% отцов детей-инвалидов (23.3% отцов здоровых детей). Более, чем половина, матерей и отцов детей-инвалидов (60.25% и 58.5% соответственно) имеют хобби или другие самостоятельные занятия и увлечения по интересам для проведения свободного времени, и репертуар их расширился за последний год у трети родителей (33.3% матерей и 35.8% отцов). У родителей здоровых детей ответы на данные вопросы распределились аналогичным образом, и статистические значимые различия между группами семей не выявлены.

Все семьи, не зависимо от состояния здоровья детей, обнаружили крайне низкое стремление к активному накоплению культурного капитала. Посещают театральные премьеры, художественные выставки, читают новые книги лишь 15.7% матерей и 5.7% отцов детей-инвалидов (13.5% и 11.6% родителей здоровых детей соответственно). Но, если в семьях со здоровым ребенком большинство родителей (63.5%) участвуют в культурной жизни, хотя бы пассивно, посещая данные мероприятия «за компанию, когда позовут знакомые», то в семьях с ребенком-инвалидом этот показатель составил менее 40%. Совсем не занимаются своим культурным развитием и не смогли вспомнить, когда последний раз были на каком-либо соответствующем мероприятии, треть матерей детей-инвалидов (11.0% матерей здорового ребенка, $p<0.001$) и более половины отцов детей-инвалидов (32.6% отцов здорового ребенка, $p<0.001$).

Выводы. Воспитание ребенка-инвалида не меняет качественную структуру культурного капитала членов семьи, но существенно ограничивает интенсивность его накопления. Структура и объем культурного капитала матерей богаче, чем у отцов, за счет практик здоровьесбережения, ответственного отношения к планированию досуга и самообразованию. Наименьший объем в структуре культурного капитала занимают эстетическое развитие и активное потребление традиционного культурного контента (книги, художественные произведения).

Увеличение объема культурного капиталов членов семьи ребенка-инвалида может быть реализовано за счет мотивации к получению дополнительного образования, формирования тематических сетевых семейно-ориентированных коммуникаций с общественными и благотворительными организациями, государственными учреждениями социальной поддержки, реализующими активные рекреационные и образовательные программы.

Список литературы

1. Бурдье П. Культурное производство // Контексты современности – I: Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 51-56.
2. Silva E. Gender, home and family in cultural capital theory // Brit J. of sociology. 2005. Vol. 56, N 1. P. 83–103.
3. Chiu C.Y., Seo H., Turnbull A.P., Summers J.A. Confirmatory Factor Analysis of a Family Quality of Life Scale for Taiwanese Families of Children With Intellectual Disability/Developmental Delay // Intellect Dev Disabil. 2017. N. 55(2). P. 57-71.

СЕРБСКАЯ СЕМЬЯ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
SERBIAN FAMILY IN INTERGENERATIONAL INTERACTION

Мария Мишлянов
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Республика Сербия
Maria Mishlyanov
Lobachevsky University,
Republic of Serbia

Рассматриваются вопросы взаимодействия традиционных ценностей сербской семьи, с одной стороны, и влияния современных тенденций (задержки формирования вторичной семьи и сокращение рождаемости). Мы являемся свидетелями глобальных изменений, которые также отражаются на семье. Об этом говорит и официальная статистика Сербии, которая анализируется с 1950-х годов до наших дней. Как и в большинстве развитых стран, в Сербии заметна тенденция депопуляции. Тема актуальна, учитывая, что описанные современные тенденции необратимо происходят в развитых и развивающихся странах. Многие ученые занимаются темой трансформации семьи, и мнений, с точки зрения оценки тенденций, наблюдаемых в семье, разнообразны: от пессимистического о кризисе семьи до более оптимистичных взглядов и размышлений о положительных сторонах изменений, которые происходят на наших глазах. Статистические данные, приводимые на государственном уровне, являются всеобъемлющими и важными для нашего анализа. Специфика Сербии заключается в том, что детям даже в тридцатилетнем возрасте трудно разлучиться со своими родителями, чему способствует низкий экономический уровень населения, часты совместно проживающие расширенные семьи с несколькими поколениями. Взаимодействие между поколениями находится в этом контексте, и время перемен является важным фактором как поддержки семьи, так и конфликта.

The issues of interaction between the traditional values of the Serbian family, on the one hand, and the impact of modern trends in delaying the formation of secondary family and reducing the birth rate are considered. We are witnessing global changes that also affect the family. This is evidenced by the official statistics of Serbia, which are analyzed from the 1950s to the present day. As in most developed countries, there is a noticeable trend of depopulation in Serbia. The topic is relevant, given that the described modern trends are irreversibly occurring in developed and developing countries. Many scholars are dealing with the topic of family transformation and opinions in terms of assessing the trends observed in the family are diverse: from pessimistic views on the crisis of the family to more optimistic views and reflections on the positive aspects of the changes that are clearly taking place before our eyes. Statistical data conducted at the state level are comprehensive and important for our analysis. The specificity of Serbia is that it is difficult for children, even in their thirties, to be separated from their parents, facilitated by the low economic level of the population, and frequent extended families with several generations. Intergenerational interactions are situated in this context, and times of change are an important factor in both family support and conflict.

Ключевые слова: семья, Сербия, межпоколенное взаимодействие, тенденции, трансформации социальных институтов, государственная статистика

Keywords: family, Serbia, intergenerational interactions, trends, transformations of social institutions, state statistics

Введение

Сегодня Сербия, как и большинство европейских стран, сталкивается с изменением структуры населения, вызванным увеличением продолжительности жизни и низким уровнем рождаемости. Люди живут дольше и дольше остаются активными, что является одним из величайших достижений цивилизации, но и одним из величайших социальных преобразований. По прогнозам, в 2052 г. в Сербии число людей в возрасте 80 лет и старше утроится, и они составят четверть от общего числа пожилых людей, а это означает, что сейчас момент, чтобы обратить внимание на развитие сбалансированных отношений между поколениями, основанных на взаимном уважении. [1]

Семьей как социальной группе занимаются многие науки, рассматривают ее функции, которые подразумевают биологическую, материально-экономическую функцию, эмоциональную поддержку между членов и так далее, а с точки зрения общества возникла необходимость определения семьи законом. В Сербии Закон о семье (2005) предусматривает, что семья пользуется особой защитой государства. [2] В Сербии часто бывают домохозяйства с несколькими семьями, что отражается на всех перечисленных функциях семьи, особенно на ее эмоциональной и экономической функции. Наиболее распространенным

случаем является то, что женщина живет с мужем в его основной семье. Таким образом, в одном доме живут минимум три поколения. [3]

Когда мы думаем об изменениях в обществе, важно посмотреть и на исторический фактор. Традиционные ценности важны для культуры Сербии. Исторически и культурно страна прошла через фазу социализма как социального порядка, за которой последовал переходный период, который учитывает ценности и капитализма. Кроме того, в религиозном плане православная церковь имела большее влияние на протяжении всей истории. Цель статьи- проанализировать основние тенденций развития современной семьи в межпоколенном взаимодействии в Сербии.

Методология (Теоретико-методологические подходы)

Если мы посмотрим на тенденции в мире, увидим, что цифры отличаются, и что в странах, где традиции все же оказывают бóльшее влияние, таких как арабские страны, изменения в семье не выражены в столь значительной степени. В европейских странах цифры аналогичны показателям в Сербии. [4]

О современных тенденциях в обществах, склоняющихся к капитализму, писал выдающийся немецкий социолог Эрих Фромм, который в своей книге «Бегство от свободы» указывал на иррациональные попытки избежать или принизить невыносимое чувство одиночества современного человека, которое, по сути, только еще больше усиливает ощущение потерянности. Э. Фромм выделяет три основных механизма побега: авторитаризм, деструктивность, конформизм. Первые два механизма характерны для тоталитарного общества, а третий для современного демократического общества. [5] В книге «Здоровое общество» Э. Фромм исследует бегство человека в частную жизнь, а также опасность роботизации в современном индустриальном обществе. [6] Современные тенденции во многом подтверждают теорию Фромма. Таким тенденциям способствует на Западе распространение ценностей индивидуализма и доминирование рациональных регуляторов поведения над нормативными. [7]

Представления об изменениях, происходящих в сфере семейной жизни, согласно исследованиям, проведенным в Сербии в начале 1990-х годов. Исследователи в этой области уже заметили медленную модернизацию семьи и брака [8]. Они обнаружили, что процессы депатриархализации и детрадиционализации, начатые во второй половине 20-го века, прекратились в начале 1990-х годов. Социальные потрясения привели к возвращению старых моделей семейной жизни, возвращение молодых людей в родную семью или проживание с родителями после вступления в брак. Создание семей из нескольких поколений из-за неблагоприятных социальных обстоятельств

привело к нарушению взаимодействия, увеличению числа конфликтов, изменению ролей, требуемых совместной жизнью. [9]

Исследование влияния макросистем на семью в Сербии получает свое особое выражение в молодежных исследованиях. Одним из них является исследование Young Our Present [9; 10]. Сравнивая результаты этого исследования с проведенными девятью годами ранее, отметим, что значительное число молодых людей по-прежнему финансово и жилищно зависят от своих родителей и что ретрадиционализация в жилищных стратегиях (проживание с родителями в расширенной семье) фактически является вынужденным решением. Из-за отсутствия мер государственной поддержки молодежи наиболее важными источниками поддержки являются родительские материальные и социальные ресурсы, на которые они опираются даже при трудоустройстве. Когда дело доходит до субъективного измерения взрослой жизни, в одном исследовании в Сербии было обнаружено, что важную роль в понимании себя как (не)взрослого человека играют как объективно существующие социальные ограничения, которые стоят перед молодыми людьми, так и особенности семьи. Стоит отметить, что молодые люди, чьи семьи экзистенциально более уязвимы, более склонны к общению, в то время как их сверстники из более обеспеченных семей более ориентированы на индивидуализацию [9].

В Сербии в так называемый переходный период, то есть в период перехода от социалистического к капиталистическому общественному строю, наблюдалась дополнительная экономическая нестабильность и многие люди теряли работу. В период до этого Сербия пережила войны и санкции. С учетом всего вышесказанного, а также тенденции демографического старения наблюдается увеличение числа семей, состоящих из нескольких поколений. Эту тенденцию можно выявить через теории солидарности и амбивалентности отношений между поколениями. Бобич указывает, что в дополнение к наиболее часто приводимым характеристикам «второго демографического перехода» наблюдается на семейном уровне – 1. переход от брака к сожительству, 2. от «детерцентричной» семьи к партнерскому союзу, 3. от так называемой «профилактической контрацепции», которая относится к избеганию рождения третьего и четвертого детей, к «концепции самореализации», которая включает в себя планирование зачатия, 4. от однородных семей и домашних хозяйств к различным формам – и тенденция демографического старения вызывает изменение отношения к традиционному институту брака [11], что содержит потенциал для усложнения отношений между поколениями. Тенденции в Сербии указывают на растущее значение родственных и расширенных семейных

отношений как большого ресурса, когда речь идет об экономической и эмоциональной поддержке семьи. Создание новых источников солидарности между поколениями часто ускользает из поля зрения теоретиков, которые в рамках консервативного дискурса о «кризисе семьи» и «исчезновении семейных ценностей» опасаются, что переход от коллективистских к индивидуалистическим ценностям и появление «культуры нарциссизма» [11] может подорвать идеологию фамилизма и привести к упадку сыновней и родительской ответственности. С учетом того, что демографические тенденции в значительной степени формируют семейные структуры, модели, существующие на уровне населения в целом, тоже отражаются на составе семей. На примере современных многопоколенческих семей наблюдается логическое и эмпирическое разграничение понятий «семья» и «домашнее хозяйство», где ключевой детерминантой первого является родство, а второго – место жительства. Темпы переходов, то есть продолжительность и последовательность ключевых событий в социальной биографии, тоже рассматриваются в контексте «родственных жизней» и имеют первостепенное значение для изучения отношений между поколениями. Эта тенденция проявилась с опозданием в постсоциалистических обществах, и с учетом результатов исследований по переходу к взрослой жизни в Сербии за последние два десятилетия [11], возникают вопросы о его долгосрочном влиянии на отношения между поколениями. Феномен «длительной молодости», труднодоступность основных материальных ресурсов, различные культурные ограничения – патернализм и инфантилизация ребенка, задержка в формировании семьи, ориентации на более длительное пребывание молодых людей в семье происхождения – вот некоторые из выводов этих исследований, свидетельствующих о неизбежном наличии межпоколенческой амбивалентности. Именно благодаря признанию структурно и нормативно обусловленной амбивалентности в семейных отношениях теория амбивалентности между поколениями может быть полезна для понимания специфики межпоколенческих отношений в постсоциалистических обществах. Поскольку период реставрации капитализма в Сербии отмечен крахом системы социальной защиты, слаборазвитая система институциональной поддержки и дефицит различных ресурсов компенсировались передачей ответственности отдельным групповым и индивидуальным акторам, что обеспечивается специфическим нормативным контекстом – прежде всего семейной идеологией, т.е. рассуждения о семье как бесспорном центре тотального человеческого существования [11]. Поскольку нормативные предпосылки фамилистской идеологии символически обобщают патриархальность и традиционалистские ценностные ориентации, фамилизм и опора на взаимодействие поколений и

принудительная семейная солидарность становятся молчаливой государственной стратегией, которая маскирует неэффективность и недоступность государственных услуг. Одним из следствий этого социального контекста является стратегия опоры молодых людей на финансовые, жилищные и другие ресурсы семьи происхождения [11].

В Сербии в 2003 г. в рамках проекта "Трансформация социальных групп в Сербии" было проведено обследование репрезентативной выборки домашних хозяйств, с целью изучения некоторых особенностей преобразования системы воспитания детей в Сербии. Концепциями, на которых основано исследование, являются культурный и социальный капитал. В Сербии происходят изменения в составе современной семьи – дезагрегирование ядра ядерного родства в результате развода, внебрачные рождения и отказ от родительства, а также процессы, детрадиционализации и индивидуализации. В этих условиях изменений есть три разных мнения. Первое мнение заключается в том, что изменения оказывают негативное влияние – в семейной жизни происходит распад и деморализация, процессы детрадиционализации и индивидуализации ослабляют социальные связи и наносят ущерб социальной сплоченности (разводы, незарегистрированные сожительства). Согласно другому, напротив, изменения оказывают положительное влияние – трансформация характеризуется демократизацией и эгалитаризмом; изменение опыта любви, сексуальности и семейной жизни; переход от «сообщества нуждающихся» к «выборным сходствам»; дружба занимает центральное место в человеческих отношениях, обеспечивая социальную и эмоциональную поддержку и чувство коллективности. В третьем мнении, по существу ничего не изменилось, – любые изменения ставятся под сомнение; подчеркивается преемственность разделений, социальных дифференциаций, властных отношений и неравенства как ключ к пониманию интимных отношений и социального капитала. Согласно исследованиям по воспитанию детей в постсоциалистической трансформации в Сербии, семья, с одной стороны, нестабильна, с другой стороны, обеспечивает поддержку и, таким образом, облегчает трудности, с которыми сталкивается человек. Семьи в Сербии принадлежат к южноевропейской культурной модели из-за интеграционной связи и поддержки, которую родители оказывают детям на протяжении всей их жизни (финансовая помощь, жилье, уход и уход за детьми). Из-за этого часто формируется жертвенная модель воспитания. Она играет ключевую роль женщин в поддержании и развитии неформальных сетей поддержки и помощи. Материальный дефицит является источником конфликтов в семье и причиной разочарования. Некоторые авторы [См.: 10] считают, что такие концептуализации затрудняют изучение семьи. В обществе, даже в

академическом дискурсе последних полутора веков, часто можно услышать причитания консервативных мыслителей об упадке традиционной или более поздней, буржуазной семьи, а также последующие призывы к ее сохранению и укреплению. На другом конце идеологического позиционирования находились радикальные требования новых левых и феминисток отвергнуть понятие семьи как идеологической конструкции, ссылаясь на устаревший институт угнетения личности [См.: 11].

Результаты (Результаты и обсуждение результатов)

Источником социологической информации в контексте исследования была определена база данных Государственой статистики Сербии [13].

Согласно официальной статистике Переписи населения, общее число жителей Республики Сербия значительно сократилось за последние тридцать лет. Переписи 1991, 2002, 2011 и 2022 годов не содержат данных по АП Косово и Метохия.

Таблица 1

Население по полу по данным переписей 1948–2022 годов

Год Пол	1948	1953	1961	1971	1981	1991	2002	2011	2022
М	3171201	3411534	3757437	4173735	4629327	3841717	3645930	3499176	3231978
Ж	3356765	3567620	3884790	4272856	4684349	3981078	3852071	3687686	3415025
Все	**6527966**	**6979154**	**7642227**	**8446591**	**9313676**	**7822795**	**7498001**	**7186862**	**6.647.003**

Согласно официальной статистике Переписи населения, средний возраст населения со временем значительно увеличивается. Данные показаны в таблице №. 2 [12]

Таблица 2

Население по среднему возрасту по переписям 1948–2022 гг.

Средний возраст **Пол**	1948	1953	1961	1971	1981	1991	2002	2011	2022
М	28,0	28,4	29,5	31,4	32,7	36,0	39,0	40,8	42,4
Ж	29,8	30,3	31,3	33,2	34,6	38,1	41,5	43,5	45,2
Все	**28,9**	**29,3**	**30,4**	**32,3**	**33,7**	**37,1**	**40,2**	**42,2**	**43,8**

Прогнозы для Сербии говорят, что к 2041 г. население сократится на 12%, что актуализирует дальнейшее рассмотрение темы межпоколенческой солидарности и сотрудничества. По результатам проекта республиканского Пенсионного фонда и Министерства, отвечающего за социальную политику, требуется синергия опыта и знаний старших поколений, а также энергии и знаний молодых поколений, потому что без этого сочетания энергии, опыта и знаний нет построения общества, основанного на уважении, понимании, терпимости и доверии. Необходимо создание государственной политики и конкретных решений, которые способствуют улучшению положения пожилых людей. Население мира быстро стареет и к 2050 г. процент людей старше 60 лет увеличится на 50% в развитых странах, утроится в развивающихся странах. Основной проблемой, с которой сталкивается Сербия, является старение населения и его демографический спад, и важно, чтобы государство признало риски и разработало меры профилактики [1].

Согласно *housekeeping* концепции ведения домашнего хозяйства, домашними хозяйствами считаются лица, которые живут вместе и совместно владеют доходом для удовлетворения основных жизненных потребностей. Домохозяйство может состоит из 1 члена (человек, проживающий один и не являющийся членом другого домохозяйства, независимо от того, проживает ли он в отдельной квартире или с другим лицом) и многочленный (несколько лиц, независимо от того, являются ли они родственниками или нет, делят расходы на жилье и питание). В одной квартире может проживать одно или несколько домохозяйств. В Сербии наиболее распространенными являются односемейные домохозяйства состоящих в браке/незарегистрированных пар с детьми (каждое третье домохозяйство), за которыми следуют одинокие домохозяйства и домохозяйства состоящих в браке/незарегистрированных пар без детей [2].

В исследовании, которое проведенно в Сербии в 2004 году, в выборке приняли участие 1638 респондентов. Тип семьи: нуклеарная 57,6%, 42,4% расширенное домохозяйство. Чаще всего у них двое детей – 57,6%, за ними следуют один – 28,7%, трое – 11,3%, а самые редкие четверо-пять детей – 2.6%. Среди опрошенных родителей есть согласие в том, что семья очень важна – 91,6% Когда речь заходит о том, чтобы полагаться на чужую помощь, родители чаще всего обращаются, когда им нужна помощь в виде денег, совета или эмоциональной поддержки. Среди родителей нет единого мнения о том, получают ли родители сегодня больше, меньше или такую же помощь от своих семей, чем в прошлом (35,4% меньше, 27,8% больше, 36,8% столько же). Вид ожидаемой помощи, о которой заявляли респонденты, во многом зависел от их материального положения. С увеличением ожидания этого вида помощи

уменьшалось, а ожидание эмоциональной поддержки увеличивалось (аналогичные результаты были получены при сравнении образования обследованных родителей). Исследование показало, что собственная семья и воспитание детей важны для самоидентификации и самореализации личности [3].

Заключение (Выводы)

Изменения, происходящие в сербской семье, происходят и в соседних странах. Традиционная семья переживает изменения в соответствии с мировыми тенденциями развитых стран. Среди прочего количество детей в семье меньше, что сказывается на более высоком уровне жизни семьи. По результатам многих исследований, что семья и дети остаются в числе значимых ценностей современного человека. Большинство людей хотят создать семью и стать родителями. Число молодых людей, живущих с родителями, является значительным из-за низкого экономического стандарта, а также из-за традиционных ценностей и роли жертвы родителей, особенно матери, которая продолжает заботиться о своих взрослых детях. Можно сделать вывод, что старшее поколение в Сербии оказывает большую экономическую и эмоциональную поддержку молодому поколению. С другой стороны, сосуществование нескольких поколений в одном доме может привести к частым конфликтам и недопониманию.

Список литературы

1. Республиканский фонд пенсионного страхования и страхования по инвалидности [Электронный ресурс] URL: Међугенерацијска солидарност | Републички фонд за пензијско и инвалидско осигурање (pio.rs) (дата обращения: 05. 09. 2023).

2. Семейный закон Республики Сербия, 2005. *Porodični zakon*, Službeni glasnik RS, br. 18/2005, 72/2011- dr. zakoni 6/2015.

3. Милич А. Социологија породице: критике и изазови // Чигоја штампа, 2008, 354 с.

4. Александровна Б. К., Владимирович, Ц. О. История понятия развода и прекращения брака в России // Международный научный журнал «Синергия наук» 2019, № 41. с. 409-413 https://yandex.ru/search/?text=История+понятия+развода+и+прекращения+брака+в+России+Александровна+Б.+К.%2C+Владимирович%2C+Ц.+О.+%2F%2F+Международный+научный+журнал+«Синергия+наук»+2019%2C+№+с.&clid=2261451&banerid=1299000034%3ASW-70b1158deb29&win=611&lr=47 (дата обращѐния: 26. 11. 2022).

5. Фромм Э. Бегство от свободы // АСТ, 2021, 288 с.

6. Фромм Э. Здоровое общество // АСТ, 2021, 267 с.

7. Гурко Т. А. Трансформация института современной семьй // СОЦИС, 1995, № 10, с. 95-99.

8. Бобич М. Перестройка брака, партнерства и семьи в современных обществах // BIBLID 0038-982X(2003): 1-4 с.65-91 (PDF) Reorganization of marriage, relationships and family in contemporary society (researchgate.net) (дата обращѐния: 26. 11. 2022).

9. Любичич, М. И. Драгишич Лабаш, С. Значение социологических исследований, проводимых в Сербии, для развития системной теории и терапии семьи // Белградский университет, философский факультет, 2019, № 3 с. 779-791.

10. См.: Влаич М. Доминирующие теоретические подходы в изучении отношений между поколениями в семье // Белградский университет, философский факультет, 2021, № 4 с. 708-727.

11. Томанович С. О чем мы говорим, когда говорим о семье. Контекстуализация концепции // Белградский университет, философский факультет, 2019, № 3 с. 301-322.

12. Республиканское статистическое управление (2022): *Статистический ежегодник,* Белград. [Электронный ресурс] G20222055.pdf (stat.gov.rs) (дата обращѐния: 26. 11. 2022).

«КАВКАЗСКИЙ РЕЦЕПТ» УСТОЙЧИВОСТИ ОБЩЕСТВА
THE «CAUCASIAN RECIPE» FOR THE SUSTAINABILITY OF SOCIETY

М.М. Муртузалиев
Дагестанский государственный медицинский университет, г. Махачкала
M.M. Murtuzaliev
Dagestan State Medical University, Makhachkala

Устойчивое функционирования государства – это одна из основных задач любого правительства. Зависимость его от многих различных факторов не равномерна. Задача – поиск факторов, от которых в наибольшей степени сильно зависит эта устойчивость. Одним из значимых и способных обеспечить детерминированность является фактор преемственности поколений, в частности в сфере культуры. Работа посвящена поиску такого «рецепта».

The sustainable functioning of the state is one of the main tasks of any government. It depends on many factors. The dependence on various factors is not

uniform. The task is to find the factors on which the stability depends most strongly. One of the most significant and capable of ensuring determinism is the factor of continuity of generations, in particular in culture. The work is devoted to the search for such a "recipe".

Ключевые слова: Кавказ, семья, устойчивость, общество, идентичность, культура**.**

Keywords: Caucasus, family, sustainability, society, identity, culture.

На протяжении многих лет в России идут дискуссии о новой общегражданской идентичности, о выполнении некоей общей для страны мегазадачи, об объединительной идеологии и особой миссии нашей страны. Но, скажем честно, во многом эти важные темы оставались на периферии общественного интереса. Пока не были исчерпаны возможности для экстенсивного экономического роста, в этих разговорах не хватало главного – мотивации. И вот теперь ситуация изменилась. Что же, давайте признаем наличие глубокого кризиса. Это тоже важное действие, важный этап. Ведь лечение любой болезни не может начаться без признания самого факта болезни. Те действия, которые я хочу предложить для преодоления кризиса, условно можно назвать «кавказским рецептом». На Кавказе не принято решать сложные проблемы «лобовой атакой», особенно если нет твердой уверенности в возможности быстрого решения. Может быть потому, что у нас много высоких гор, мы всегда ищем обходное решение.

Не секрет, что сегодня к Кавказу порой относятся как к источнику многочисленных проблем для России. Возможно, мы, кавказцы, в какой-то момент сами подыграли в этом, то жалуясь на нехватку денег, то рассказывая о «бедности» и «уникальности» нашей ситуации. Но на самом деле всё обстоит несколько иначе. *Кавказ несет с собой и ключ, исходный код к решению всех своих собственных проблем. Выживая на протяжении столетий в очень сложных условиях, народы Кавказа давно выработали пути компенсации недостатка материальных ресурсов, немодернизированности своего общества и пути преодоления внешних трудностей.*

Возможно, я скажу что-то совсем непривычное. Но наши «кавказские рецепты» очень важны и для России и шире, для Европы, да и для Азии. Всмотритесь и поймите Кавказ – и вы найдете очень важные ответы на актуальные проблемы всех регионов России и даже многих других регионов мира.

Каким бы я хотел видеть в перспективе отношение к Дагестану, к Кавказу? Я считаю, что прежний подход, когда кавказские республики говорили: «дайте

нам денег на бедность, а мы сделаем так, как вы скажете», унизителен и бессмысленен. Кроме того, он дорогой. И тем более в условиях глубокого экономического кризиса, когда финансовые доходы резко иссякли, он стал невозможен. Я бы хотел, чтобы отношение федерального центра и Кавказа сместились с сугубо экономической плоскости в плоскость социального взаимодействия. К формированию той самой «общероссийской идентичности», о которой долго говорили, но так ни до чего и не договорились.

Кавказу есть чем поделиться с Москвой, со всей Россией, если угодно – даже с Европой и Азией. Да, у нас нет богатых залежей природных ресурсов, минералов, нефти, газа. Зато у нас есть другие богатства. Например, есть крепкие устои семьи, традиции, обычаи, влиятельные общины, что, в конечном счёте, выливается во вполне осязаемый и вполне себе экономически важный фактор: наличие демографического роста и наличие свободных рабочих рук. А ведь без рабочих рук невозможно освоить запасы даже в тех регионах, где есть богатые залежи минеральных ресурсов. Как известно, сегодня дагестанцы, кавказцы работают по всей России.

Крепость социальных институтов типа семьи и общины на Кавказе признавалась и до сих пор. Да, говорили нам, это вам «повезло», это у вас хорошо. Хорошо, но – неправильно, несовременно. А правильно во всем давать приоритет правам личности. И правам государства, конечно.

Например, в Конституции России четко прописаны права личности. Им посвящена Вторая глава – самая большая по объему. Особенно детально расписаны права и обязанности государства, всех его основных институтов – Главы первая, и с третьей – по девятую. Семья же упоминается только одним словом, вскользь в статье 38 второй главы. А общины, родственных связей словно бы нет в природе! Они как бы нелегитимны, их словно не существует. Примерно по этой кальке строится и древо российских законов. Надо понимать, что чем выше социализация человека, чем дольше длится его социализация – 11 лет в школе, потом 5 – в институте, тем меньше места в голове остается для таких важных институтов, как семья или община. И вот поэтому в человеке образуется четкое осознание основного противоречия бытия: вроде бы самое важное, приятное и близкое – это семья. Вместе с тем, все отношения, кроме работы в жизни человека – как бы не узаконены, едва ли не «антисоциальны». И человек начинает метаться, и кто-то приходит к участию в антисистеме. Вдумайтесь: он хотел всего лишь найти мир в себе самом, а нашел войну с нами со всеми!

Кстати, это проблема общемировая. Давно известно, что все ключевые проблемы человечества носят универсальный характер. По идее, универсальный

характер должны носить и решения. С небольшими отличиями, отражающими национальный колорит. Образно говоря, если идет дождь, то мы все достаем зонтики, а вот у кого какого цвета этот зонтик – пусть каждый решает самостоятельно. Вроде бы простая и правильная логика. Но на деле все гораздо сложнее. Тайная борьба правительств и корпораций сразу выводит это решение, условно говоря, на уровень борьбы технических регламентов к зонтикам. 9/10 мирового объема зонтиков сразу объявляются «неправильными», и в их обладателях уже видят не людей, страдающих от непогоды, а рынок сбыта для технологически правильных зонтиков. Такая «универсализация» не решает проблемы, а создает новые.

Давайте отходить от навязанной нам формы «универсализации» и искать свою, собственную, российскую идентичность. Возьмите у Кавказа то, что он может дать: наше понимание жизненных приоритетов, наше отношение к институтам семьи и общины. Дайте нам то, чего не хватает в нашем миропонимании. И вместе мы построим новое, лучшее общество. Но эти слова – для широкого круга обывателей, не интересующихся проблемой, для пропаганды. Чистое, здоровое общество, здоровая семья, здоровая община, единые и понятные для всех правила игры, жизнь без гонки за соблазном – вот что надо молодым людям. Важно указывать, на те недостатки, которые есть в современном обществе – разврат, пьянство, жадность, наркомания, неравенство, лицемерие, коррупция. А что если бы нам, всей России, существующему у нас строю было что-то лучшее чем то, что могут (только в теории) обещать «друзья» России? Если бы у нас было более здоровое общество, более высокие семейные ценности, урегулированный баланс интересов индивида и общества? Тогда идеологи «друзей» просто не сможет вербовать в свои сети новые жертвы.

Культурное наследие, в частности дагестанцев, таково, что выбор за сердцем, а когда говорит сердце, мозг, сколь бы умным он ни был, молчит.

Мы вполне можем оздоровить общественные отношения, дать ищущим правду молодым людям альтернативу. А для этого в российских законах надо дать больше прав семьям и разного рода общинам, узаконить их положение в обществе, легитимизировать их как основу общества. Эти действия не требуют никаких инвестиций или инноваций. Они практически бесплатны. Зато, как представляется, вполне могут помочь искоренить внутреннюю смуту. Я даже больше скажу. Сегодня вся Европа, а шире – весь мир ждет, что Россия действительно станет более консервативной страной. Кстати, в период кризиса на Украине все правые партии поддержали нас, можно сказать авансом, возможно оттого, что незадолго до кризиса Россия отказалась разрешить пропаганду гомосексуализма. Они, насколько могли, задержали введение

санкций против России. Сформировали общественную дискуссию по теме санкций, противились «официальной линии» ЕС и давлению США. А все потому, что они надеются увидеть, как Россия продемонстрирует Европе выход из нынешнего тупика. В глубине души европейцы понимают, что надо что-то противопоставить физическому старению и вымиранию коренных народов Европы. И, как всегда, в критические моменты своей истории Европа смотрит на Россию, ждет от нас совета, рецепта и путей выхода. Потому что у них собственной идеологии, альтернативной нынешней модели, давно нет. Что левые, что консерваторы, что либералы – они в массе способны только на продолжение нынешней линии единой бюрократической Европы. С этим, кстати, связан быстрый рост ультраправых, экстремистских антисистемных настроений. Но и правые в тупике: они могут предложить только национализм и разрушение ЕС, но никак не оздоровление общества. Они сами ждут от России какой-то идеи, которую могли бы принять как свою.

Мне кажется, что Россия и исламские страны мира в XVI–XIX веках оказались примерно в одинаковой ситуации: им приходилось сдерживать растущие военно-политические возможности Европы, которая испытывала техническую революцию и быстрый прогресс. Они стали своего рода «санитарным кордоном» на пути европейцев, имеющих хорошее оружие и плохие мысли. Что случилось там, где такого «санитарного кордона» не было, мы видим на примере индейцев обоих Америк или коренного населения Австралии. Но вот сдерживание это пошло по разным путям. Россия более активно перенимала не только оружие Европы, но и копировала социальные институты Европы, потому что без этого разнозначную промышленность было не создать. *Исламский мир в этом не преуспел, был завоеван, зато сохранил здоровые отношения в семье, обществе и хорошую демографическую динамку. И на нынешнем этапе, возможно, это ещё более важно*.

Россия сегодня может частично вернуть те социальные институты, которые существовали в русской общине ранее. Особо хочу отметить, что если мы будем внедрять и адаптировать опыт традиционных социальных институтов для России, мы не просто научимся внутри страны лучше понимать друг друга и взаимодействовать, мы получим реально новую идентичность. Этот опыт очень важен всему миру, всем «старым» странам, которые накопили приличное богатство, но утратили способность адекватно воспринимать мир, чтобы порождать новую жизнь.

Мы видим, что сегодня Россия как бы застыла не перепутье, пытаясь определиться с выбором дальнейшего пути. С одной стороны, часть общества хотела бы услышать что-то новое и интересное от экономистов-сторонников

либерального пути развития, которые знают пути «раскрепощения» механизмов экономического роста. Они уверяли нас, что стоит провести те или иные реформы, и экономический рост возобновится. Снятие социальных ограничений уже не ведет к «раскрепощению» скрытых ресурсов. Например, мы видим, что Европа узаконила эвтаназию или гомосексуальные браки. И что, экономический рост возобновился?

А отдельные предлагаемые рецепты прямо противоположны реальным запросам общества. Например, одна из идей (не вписывается в политику нашего государства) – отказ от материнского капитала, обеспечившего ускорение демографического развития России в предыдущие годы. После недавних президентских инициатив по стимулированию рождаемости соответствующие разговоры пока попритихли, на надолго ли? И разумно ли это? Получим ли мы хоть какую-то отдачу, если устраним материнский капитал, и не слишком ли высока будет социальная цена этого решения?

Тысячелетия кавказской истории учат другому, а именно – способности выживать в трудных условиях, находить по-настоящему мудрое решение. «Кавказский рецепт» – это способность находить путь не только в пространстве, но и во времени. Для нас правильное решение – вовсе не то, которое даст быструю экономическую отдачу. Правильное решение – то, которое останется правильным в длительной исторической перспективе, основа которой надежный фундамент. В Дагестане этот фундамент сформировался давно и основан на наследие от поколения к поколению. Давайте вместе искать такое правильное решение.

ФЕНОМЕН ПОСТМНОГОДЕТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
THE PHENOMENON OF POST-MULTI-CHILDHOOD IN MODERN RUSSIA

Т.Ю. Петрова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
T.Yu. Petrova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Поднимается вопрос о малоизученном явлении: постмногодетности. В исследованиях, посвященных многодетной семье, обычно концентрируются на формально многодетной семье, игнорируя пожизненную протяженность родительско-детских и сиблинговых отношений.

The paper raises the question of a little-studied phenomenon: the post of having many children. Studies on a large family usually focus on a formally large family, ignoring the lifelong length of parent-child and sibling relationships.

Ключевые слова: многодетная семья, постмногодетность, многодетные матери, большая семья
Keywords: large family, post-large family, mothers with many children

Проблема повышения рождаемости и количества многодетных семей признана одной из самых актуальных в современной России, начиная с послания Федеральному Собранию Российской Федерации 2006 г. В.В.Путина. Достаточно успешно начавшись, программы повышения рождаемости стали терять свою эффективность, и в последние годы число рождений снижается [1].

Одной из причин снижения эффективности воздействия программ является, на наш взгляд, отсутствие внимания к многодетным семьям, которые формально перестали быть многодетными и отсутствие внимания в научном и социальном поле к такому явлению как, постмногодетность.

В современной России отсутствует единое определение многодетности. Многодетной семьей является семья минимум с 3 несовершеннолетними детьми, конкретное определение многодетной семьи и мер социальной поддержки отдается на определение регионам [2]. В большей части регионов России многодетной считается семья с 3 несовершеннолетним детьми (в ряде случаев до 21 года ребенка, если он обучается на очном отделении профессионального образовании). При этом основной фокус социальной поддержки, начиная с федеральных и региональных пособий, приходится на младший возраст детей для частичной компенсации потерь семьи от временной нетрудоспособности матери. При этом понятие родительского труда и возможность получать помощь от государства для семей с одним неработающим родителем появилось недавно и достаточно сильно ограничены в реализации на практике.

Поскольку подавляющее большинство многодетных семей в России – это семьи с тремя детьми, в момент совершеннолетия старшего ребенка семья фактически лишается статуса многодетной семьи и большей части (в ряде регионов вообще всех) мер социальной поддержки многодетных семей. Семья фактически остается многодетной еще достаточно длительный период, но она уже находится вне поля внимания общества и государства.

Можно говорить о нескольких этапах постмногодетности. Ранний этап – в семье остается двое несовершеннолетних детей (с момента достижения старшим/старшими детьми 18 лет). В этот момент семья оказывается в ситуации наивысшей нагрузки: расходы на содержание учащихся среднего и высшего

профессионального образования достаточно велики, продолжает действовать материнский «штраф», а помощь со стороны фактически отсутствует.

Начало второго этапа постмногодетности связано с совершеннолетием всех детей в многодетной семье. Родительство – это фактически пожизненный феномен, взаимодействие родителей и детей продолжается до окончания жизни, при этом многодетные матери оказываются в наихудшей ситуации. В силу материнских обязанностей они соглашаются на меньшую оплату, подвергаются действию материнского штрафа [3], в итоге оказываются с более низкой пенсией, сталкиваются с более низким уровнем здоровья из-за продолжительной сверхвысокой нагрузки, более продолжительное по времени родительство часто совмещается с оказанием продолжительной помощи с внуками.

Феномен постмногодетности еще более сложен, чем феномен многодетности, обладает большим разнообразием и затрагивает обычно гораздо более длительный срок, чем сама многодетность, при этом абсолютно не затронут как в общественном мнении, так и в научных исследованиях.

Список литературы

1. Путин заявил о сложной ситуации с демографией и падении рождаемости [Электронный ресурс]// Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/22/08/2023/64e4cdcd9a7947455d982fa6 (дата обращения: 03.09.2023)

2. Петрова, Т. Ю. Критерии многодетности в России и за рубежом // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии, Нижний Новгород, 15–16 сентября 2016 года / Министерство образования и науки РФ; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского»; Центр исследований социально-трудовой сферы Социологического института РАН; Межрегиональная общественная организация «Академия Гуманитарных Наук». – Нижний Новгород: ООО "Научно-исследовательский социологический центр", 2016. – С. 200-204. – EDN XFBFJV.

3. Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. Оценки «штрафа за материнство» в России // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 50-70.

ВЛИЯНИЕ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТИПА РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ НА СЕМЕЙНО-ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

THE INFLUENCE OF INTERGENERATIONAL RELATIONSHIPS AND THE TYPE OF PARENTAL FAMILY ON THE FAMILY ORIENTATION OF SCHOOLBOY

Г.П. Сайфуллин,
А.В. Сайфуллина
Агентство социально-демографического развития,
г. Нижний Новгород
G.P. Saifullin,
A.V. Saifullina
Agency for Socio-Demographic Development, Nizhny Novgorod

Рассматриваются особенности влияния типа родительской семьи на семейноориентированность молодежи. Старшеклассники из полных семей имеют более положительные установки в отношении супружества и родительства, чем респонденты из неполных семей. Помимо типа семьи, большое значение имеют дополнительные признаки родительской семьи, в особенности качество супружеских и детско-родительских отношений.

The peculiarities of the influence of the type of parental family on the family orientation of young people are considered. Shoolboyfrom full families have more positive attitudes towards marriage and parenthood than subjects from single-parent families. In addition to the type of family, additional signs of the parent family play a great role, especially the quality of marital and child-parent relations.

Ключевые слова: семья, семейно-ориентированность, межпоколенческие отношения, детско-родительские отношения, родительская семья, идеал семьи

Keywords: family, family orientation, intergenerational relations, child-parent relations, parental family, the ideal of the family

Семья играет важную роль в жизни каждого человека, в ней формируются основные моральные принципы, ценности и установки. А.И. Антонов отмечает важное значение родителей и межпоколенных отношений в формировании представлениях об идеале семьи, в том числе, количестве желаемых детей [1].

Благодаря развитию социальных связей в семье и близком окружении естественным образом усваиваются модели поведения в семье, представления о супружеских и детско-родительских отношениях. И.В. Павлюткин и М.И. Голева отмечают, что особое влияние на формирование репродуктивных установок имеет "опыт детодержания" через непосредственное взаимодействие с

маленькими детьми (сиблингами, детьми родственников и друзей) [2]. В то же время В.М. Карпова и Е.В. Филиппова отмечают, что сценарий родительской семьи может проявляться по-разному [3].

Ориентация на семью часто формируется неосознанно ещё в раннем детстве во-многом под воздействием примера родителей, моделей их поведения и взаимоотношений. В родительской семье ребенок идентифицирует слова и реакции родителей, модели семейных взаимоотношений. Долгое время ребенок может считать свою семью идеальной и только в подростковом возрасте начинает сравнивать и анализировать модель взаимоотношений родительской семьи с образом идеальной семьи, который был бы для него наиболее предпочтительным [4].

В подростковом возрасте, оказываясь вне влияния родителей и приобретая собственный опыт, ребенок сталкивается с разными ситуациями, которые разрушают сформированные стереотипы. Возникает противоречие: идеального и реального, установок на супружество старшего поколения и молодежи. В.И. Чупров и Ю.А. Зубок пишут, что для современной российской молодежи характерны одновременное восприятие традиционных и современных представлений о семейной жизни, а среди смысла семейных отношений – возрастание значения любви [5].

С 2010 по 2020 гг. количество неполных или монородительских семей России в общей структуре семей увеличилось с 32,6% до 38,5%, в том числе: неполные семьи с матерью с 28,9% до 31,2%, неполные семьи с отцами – с 3,7% до 7,3% [6].

К числу основных трудностей социализации в неполных семьях с матерью можно отнести недостаточность мужского влияния и контакта с отцом и в целом уделяемого времени на воспитание детей, сложное психологическое состояние матери, материальные трудности. Подобная среда может оказывать влияние на формирование у девочек стереотипов одиночного брачного поведения, а у мальчиков – затруднений в идентификации своего семейного статуса в будущей семье.

В 2019-2020 гг. среди учащихся 10-11 классов трёх образовательных учреждений Нижнего Новгорода было проведено социологическое исследование (n=102) для изучения влияния типа родительской семьи на семейноориентированность молодежи [7].

52% респондента проявляют высокую степень согласия с утверждением "Создание и развитие крепкой и счастливой семьи является для меня важнейшей жизненной целью" (от 8 до 10 по шкале), 37% – среднюю (от 4 до 7), 12% – низкую (от 0 до 3). Распределение ответов респондентов в разрезе типов

родительских семей является схожим, значимые различия отсутствуют. Иными словами, в данной группе молодежи для респондентов с разным типом родительской семьи ценность семейной жизни является жизненно значимой. При этом ярко проявляются различия в представлениях об идеальном образе семьи. Большинство респондентов (86,5%) из полных семей считают свою семью примером; среди респондентов из неполных семей в качеств примера отметили свою семью лишь 10,8%.

Дополнительно исследовалось отношение респондентов к своим родителям с помощью метода неоконченных предложений. 60% опрошенных из полных семей считают идеальным отцом своего отца (против 10% опрошенных из неполных семей). Обращают внимание ответы школьников из неполных семей, которые часто считают идеальным отцом своего дедушку, описывают идеал отца как "не угнетающего, не избегающего мать", "который не оставит семью". Проявление подобных ответов компенсации отцовской роли согласуется с данными статистики, согласно которой в 2020 г. в России 36% монородительских семей с несовершеннолетними детьми проживало вместе с родственниками в составе сложных домохозяйств [8].

Среди респондентов из полных семей чаще проявляется положительное отношение к родителям. В ответах испытуемых из неполных семей на вопросы "Никогда не забуду, как мой папа…" и "Никогда не забуду, как моя мама" чаще проявляются ответы с негативной окраской: как в отношении отца ("покинул, ушел от меня в детстве, подал на развод" (35%), "говорил, что я никто" (5%), "не воспитывал, не принимал участия в моей жизни (5%)"), так и в отношении к матери ("долго пропадала на работе", "не поддержала меня").

В то же время в обеих группах превалируют положительные оценки в отношении к матери: 52% считают свою маму идеальной, 48%, хотя и не называют в качестве идеальных своих матерей, всё же дают им положительные характеристики. Среди респондентов из неполных семей прослеживается и благодарность к матери за родительский труд: "воспитывала, растила меня (20%)", "взяла всю ответственность за отца" (5%). Среди респондентов из полных семей 98% ответов в отношении к матери имеют положительную окраску.

В отношении будущего супружества у респондентов из неполных семей чаще проявляется негативный оттенок: "трудный шаг", "формальность", "нечто пугающее" по сравнению с респондентами из полных семей. Отвечая на вопрос, "Когда у меня появится своя семья, моя жизнь…", они чаще формулируют негативные окраски: "сильно пошатнётся (5%)", "усложнится (5%)". При этом

35% школьников из неполных семей надеются, что с появлением семьи их жизнь станет лучше, ярче, счастливее.

В отношении будущего родительства отражаются схожие характеристики: 30% старшеклассников, воспитывающихся только с матерью, считают, что родительство станет для них "тяжелым испытанием, трудным периодом, большим стрессом", "сложностью", обузой". Однако, в ответе на вопрос, "Когда я стану родителем, моя жизнь...", нет явных полярных особенностей, вне зависимости от состава семьи половина старшеклассников (50%) видят положительные стороны родительства.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что старшеклассники вне зависимости от типа родительской семьи определяют семью в числе значимых жизненных ценностей и надеются, что с созданием семьи их жизнь станет лучше и счастливее. Негативными факторами в формировании семейноориентированности может выступать не только состав, социальный и материальный статус, но и качество межличностных отношений в семье. Испытуемые из полных семей, в целом, имеют более положительные установки в отношении к супружеству и родительству, чаще считают идеальной семью своих родителей, чем испытуемые из неполных семей, в ответах которых часто проявляется обида на отца и травмирующие события из жизни семьи.

Список литературы

1. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова [и др.]; Под редакцией А.И. Антонова. – Москва: ООО "МАКС Пресс", 2020. 486 с.

2. Голева М.А., Павлюткин И.В. Социальные сети и рождаемость // Экономическая социология. – 2016. – Т. 17. – № 1. – С. 83-98.

3. Карпова В.М., Филиппова Е.В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 4. – С. 84-96.

4. Сайфуллин Г.П., Сайфуллина А.В. Особенности коммуникативных практик в процессе подготовки молодежи к семейной жизни // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 15–16 сентября 2022 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 257-260.

5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к семье в изменяющейся социальной реальности // Семья в современном обществе, Москва, 18 мая 2018 года / Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Экон-Информ", 2018. – С. 103-108.

6. Росстат. Переписи населения: сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 20.09.2023)

7. Сайфуллин Г.П. Социальные практики семьеведения в развитии готовности молодежи к браку и семейной жизни: востребованность и потенциал // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 2(94). – С. 60-66.

8. Смирнов В.М., Селиванова О.В. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. – 2023. Том 10. № 5. – С. 695-714.

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЫ ВИРТУАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ*

PARENTAL INVOLVEMENT IN THE PROCESSES OF VIRTUAL SELF-PRESENTATION OF STUDENTS

А.В. Щекотуров,
А.М. Соколова,
А.А. Норина
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
A.V. Shchekoturov,
A.M. Sokolova,
A.A. Norina
Immanuel Kant Baltic Federal Univeristy, Kaliningrad

Рассматриваются практики участия родителей в виртуальной самопрезентации своих детей, обучающихся в университете. Метод исследования – онлайн-анкетирование студентов (n=195). Показано, что поддерживающее и участвующее отношение со стороны родителей способствует позитивному восприятию как виртуальной самопрезентации студентов, так и самих межпоколенческих коммуникаций.

Practices of parents' participation in virtual self-presentation of their children studying at the university are considered. The research method was an online

* Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030»: «Социологический анализ системы ценностей и геополитической картины мира жителей Калининградской области в условиях международной напряженности».

questionnaire survey of students (n=195). It is shown that a supportive and participating attitude on the part of parents contributes to a positive perception of both the virtual self-presentation of students and intergenerational communications themselves.

Ключевые слова: виртуальная самопрезентация, студенты, ВКонтакте
Keywords: virtual self-presentation, students, VKontakte

Цель данной работы – выявить различные практики участия родителей в процессе самопрезентации их детей-студентов в социальной сети «ВКонтакте».

Такая постановка вопроса обусловлена в целом сложностью детско-родительских отношений в условиях информатизации и гаджетизации современного общества [1] и отсутствием понимания роли института родительства в процессах виртуальной самопрезентации своих детей, особенно в период их перехода к активной социализации и самостоятельной жизни вне родительского гнезда [2; 3]. С намерением получить первичные данные по этим вопросам было принято решение о проведении разведывательного исследования.

Метод исследования – онлайн-анкетирование студентов БФУ им. И. Канта, проведенное с 17 по 27 апреля 2023 г. В опросе приняло участие 195 респондентов, использующих социальную сеть ВКонтакте, в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст 19,5 лет, стандартное отклонение – 2,1), из них 78,5% девушки и 21,5% – юноши.

Опрос показал, что почти для каждого второго студента (44,1%) мнение родителей в процессе публикации контента в ВКонтакте не является важным, а для 29,7% оно и вовсе абсолютно не важно. Отсюда вполне логично, что 64,6% студентов никогда не обсуждают с родителями, что следует и не следует публиковать в социальных сетях, лишь 11,3% делают это иногда. Однако студенты, чьи родители в целом одобряют и поддерживают их виртуальную самопрезентацию, вдвое чаще затрагивают эту тему по сравнению со студентами, чьи родители не обращают внимания на их онлайн активность в социальной сети (15,1% и 8,2% соответственно). Эта связь свидетельствует об актуальности заявленной в исследовании цели.

По мнению трети опрошенных студентов (33,8%), их родители в целом поддерживают и одобряют публикации в социальной сети ВКонтакте. При этом еще 56,4% указали, что они не обсуждают эти вопросы с родителями, либо последние не обращают внимания на социальные сети. Примерно такое же распределение мы получили, попросив студентов выразить свое отношение к реакции родителей на посты в ВКонтакте: 43,6% опрошенных все устраивает,

52,8% студентам безразлично и только 3,6% в целом имеют негативные оценки. Сопрягая эти ответы друг с другом, мы обнаружили следующие связи: 1) чем более поддерживающее и одобрительное отношение со стороны родителей, тем и студенты более склонны положительно воспринимать их реакцию (74,2%); 2) чем чаще родители критикуют или вовсе не обращают внимания, тем более склонны и студенты относиться более безразлично к их реакции (66,7% и 70% соответственно).

Наиболее распространенными формами вовлеченности родителей в виртуальную самопрезентацию своих детей-студентов стали реакция «мне нравится» на публикуемые посты (53,4%), высказывание мнения лично офлайн (31,2%), комментирование контента в социальной сети (16,9%) или обсуждения в личных сообщениях (13,2%). При этом среди студентов, чьи родители в целом поддерживают и одобряют их виртуальную самопрезентацию, наблюдается наиболее активная обратная связь со стороны родителей: 90,6% ставят «лайки», 34,4% комментируют посты, 28,1% пишут в личные сообщения, 50% обсуждают лично офлайн и лишь 12,5% не рефлексирует на эту тему с детьми.

Большинство студентов сообщили, что у них никогда не случалось разногласий с родителями по содержательным вопросам их виртуальной самопрезентации (64,4%). Здесь стоит обратить внимание на два аспекта. Во-первых, поддерживающие или отсутствующие отношения по поводу публикуемого в сети контента не оказывают значимого влияния на частоту разногласий с родителями (в каждой группе студентов по 8% опрошенных, которые часто или иногда сталкивались с непониманием со стороны родителей). Во-вторых, высокие доли ответов набирает группа студентов, родители которых всегда по-разному относятся к публикациям во ВКонтакте. В частности, 12,5% и 18,8% этих студентов сообщили о том, что разногласия случались часто или иногда, соответственно. В основном семейные споры относительно виртуальной самопрезентации касались таких вопросов, как демонстрация романтических отношений, политической цензуры или запрета на определенные формы телесной самопрезентации. В таблице 1 представлены примеры активной вовлеченности родителей в подобные темы и способы выхода студентов из них. Условно все описанные ситуации взаимодействия можно отнести к трем группам: 1) конструктивный диалог, когда родители и дети учитывают мнения друг друга и выбирают общее решение; 2) принудительный монолог, когда родители навязывают свое решение, что, как правило, приводит к тому, что ребенок закрывается и ситуация не меняется; 3) аргументированный консенсус, когда ситуация сохраняет статус-кво, но все спорные вопросы урегулированы.

Таблица 1

Типы межпоколенческих отношений в вопросах виртуальной самопрезентации

Конструктивный диалог	Принудительный монолог	Аргументированный консенсус
«В 2017 году, когда было движение «Синий кит», родителей напрягали мои публикации в ч/б цвете, они проводили со мной беседы о суициде, ментальном состоянии и идентичности, хотя проблем для беспокойства за мной не наблюдалось»	«В возрасте 10-ти лет наругали из-за переписки и подписок во ВКонтакте. Итог – скрыл страницу от родителей и не открывал до сих пор»	«В форме шутки родители спрашивали, что это такое. Вместе отшучивались, и все оставалось на своих местах»
«Не понравилась фотография. Мы поговорили с родителями. Мне спокойно объяснили, почему такое не стоит выкладывать, вследствие чего фото было удалено»	«Они против того, чтобы чрезмерно открывать свою жизнь. Я занимаю нейтральную позицию и не понимаю такого яростного осуждения. Закончилось все тем, что каждый остался при своем мнении»	«Негативная реакция последовала на мой слишком откровенный вид на фотографии. Но я аргументировала, почему с моим видом все нормально. И вопрос закрылся»
«Суть батлы в том, что не нравилась поза в фотографии. Просто вместе выбирали в итоге»	«Мама расстроилась и вся семья наругала меня, когда выкладывала строчки из песен icepeak «кровь моя чище чистых наркотиков», а я просто прикидывалась дединсайдом. Я назло не удаляла это неделю, но потом мне самой надоело и я удалила этот кринж»	У друзей папы возникли вопросы к моим репостам со скринами из фильмов / сериалов на военную тематику. Они усмотрели в этом определенный политический подтекст. Папа в ненастойчивой манере сказал удалить записи, я отказалась, указав свою точку зрения. Мама меня поддержала, папа спорить не стал, да и не особо хотел. На этом все и разрешилось»

Выводы. Поддерживающее и участвующее отношение со стороны родителей благоприятствует позитивному восприятию как виртуальной самопрезентации студентов, так и самих межпоколенческих коммуникаций.

1. Реакция родителей на виртуальную самопрезентацию детей, как правило, включает одобрение публикации значком «мне нравится» либо обсуждение записи лично офлайн. Такое разделение реакции на публичную и приватную вполне логично именно для родителей, поскольку способствует сохранению связи в каждой коммуникационной среде.

2. Тот факт, что поддерживающие отношения не влияют на частоту разногласий в вопросах публикуемого в социальных сетях контента, говорит о

том, что а) тема виртуальной самопрезентация является довольно чувствительной для детско-родительских отношений, которые б) являются пластичными, особенно в виду быстрой смены социально-статусных позиций и ролей в студенческой среде.

3. Три типа выхода из конфликтной ситуации, на наш взгляд, отражают модели межпоколенческих отношений внутри семьи. Очевидно, что бóльшая палитра возможных сценариев разрешения подобных споров способствует нахождению такого пути, который удовлетворил бы обе стороны.

Список литературы

1. Исакова И.А., Янак А.Л. Информатизация и гаджетизация современного общества и детства / И.А. Исакова, А.Л. Янак // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 1. С. 131-145.

2. Глухов А.П. Менеджмент и ресоциализация межличностных отношений молодежи в социальных сетях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 1. С. 89-124

3. Солодников В.В., Зайцева А.С. Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 23-42.

ИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ РОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

THE INTEGRATING ROLE OF KINSHIP IN THE MODERN FAMILY: PROBLEM STATEMENT

А.Л. Янак
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
A.L. Yanak
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Представлена попытка переосмысления функциональности родства в современной семье, прежде всего, с позиций его интегрирующей силы. Сегодня родство может рассматриваться как конструкт, а сохранение или развитие родственных связей как результат мотивации, стечения обстоятельств, определенных усилий. Выделены некоторые факторы, способные интенсифицировать или, напротив, ограничить интегрирующую роль родства в семейных отношениях.

The article presents an attempt to rethinking the functionality of kinship in the modern family, first of all, from the perspective of its integrating power. Today, kinship can be considered as a construct, and the preservation or development of kinship ties – as a result of motivation, coincidence of circumstances, and certain efforts. Some factors that can intensify or limit the integrating role of kinship in family relations have been identified.

Ключевые слова: современная семья, альтернативные типы семьи, семейные отношения, родство, родственные связи, функции родства, интегрирующая функция родства

Keywords: modern family, alternative family types, family relations, kinship, kinship ties, functions of kinship, integrating function of kinship

Актуальные тенденции в семейной сфере – разделение субинститутов брака и родительства, нуклеаризация семьи, высокий уровень разводимости, распространение повторных союзов и сводных семей, сожительств, тревожное сохранение численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, востребованность вспомогательных репродуктивных технологий – обусловливают обращение к отнюдь не новой, но несколько забытой, проблеме родства. В связи с плюральностью семейного ландшафта требуется переосмысление сущности и роли родства в современной семье. В данном контексте особую важность приобретают вопросы о том, как и в зависимости от каких факторов сегодня меняются родственные связи, какие функции выполняет родство, каковы его ресурсные возможности. Подвижность границ семейных систем заставляют задумываться о родстве как категории демаркации границ семьи и источнике идентичности, нуклеаризация и преодоление семьей разных этапов жизненного цикла – об интегрирующей/ дезинтегрирующей функции и инклюзивной/ эксклюзивной роли родства, качестве родственных отношений.

Т. Парсонс применяет возможности функционального анализа к изучению родства, выделяя его статусно-ролевую, социализирующую, коллективистскую ((само)отнесение индивида к тому или иному коллективу/ социальной группе, самоидентификация с этой группой) функции и функцию половой регуляции [1].

Э. Гидденс рассматривает систему родства как «относительно стабильный способ организации «связанных» социальных отношений в пространстве и времени», анализирует родство в контексте категории доверия и затрагивает его ресурсную составляющую. Речь идет о наличии определенных прав и обязательств перед родными, зачастую независимо от качества взаимоотношений, обеспечении более или менее стабильных доверительных и дружеских социальных связей, которые остаются в той или иной мере

актуальными, даже несмотря на трансформацию жизненного и семейного укладов индивидов [2]. Ю. Литвак [3] и М. Грановеттер [4] тоже обозначают потенциал родственных связей как ресурса семей, особенно тех, чьи коммуникативные возможности ограничены за пределами семьи или района ее проживания.

Ф. Теннис использует категорию родства и родственных отношений для объяснения границ общности, подчеркивается идентификационная и охранительная функции родственных связей [5]. Исследования 1950-х и 1960-х гг. М. Янга, П. Уиллмотта [6] показали, что семьи по-прежнему глубоко укоренены в расширенных родственных сетях, поддерживающих нуклеарную семью.

Интегрирующую роль родства характеризует Д. Рид, отмечая, что отношения родства включают в себя, в их культурном значении, права и обязанности родственников, в том числе ожидаемое (но не всегда реализуемое) взаимопомогающее поведение родственников. «… Система родственных отношений обеспечивает рамки родства, в которых индивиды формулируют способы взаимодействия со своими родственниками и основу для интерпретации смысла и последствий поведения своих родственников для них. …Представления группы о деторождении, как и представления о родственных связях в целом, обеспечивают социальную идентичность новорожденного через семейную ячейку (варьирующуюся в зависимости от формы – от одного родителя до расширенной семьи), в которой он рождается, и его положение в уже существующей сети родственных связей, в которую он входит через родственные связи, признаваемые при рождении» [7].

Можно утверждать, что родственная интеграция связана с функциональными и ресурсными возможностями родства и, пожалуй, прежде всего правами и обязанностями родственников, социальным капиталом семьи, потенциалом взимообменов и взаимопомощи между родственниками. Таким образом, сегодня интегрирующая роль родства перестает быть аксиомой и универсальной единицей, появились различные факторы, способствующие ее пересмотру. Речь идет о факторах, интенсифицирующих, ограничивающих или качественно трансформирующих родственные связи.

Глобальные тенденции и институциональные факторы. Интенсификация родства («родственного обременения») может происходить на фоне старения населения и увеличения иждивенческой, уходовой нагрузки среднего поколения, вынужденного рано или поздно компенсировать небезграничные возможности системы социального и пенсионного обеспечения в отношении пожилых и больных родственников [8]. Однако, возникает вопрос, требующий глубокого

изучения, – означает ли интенсификация функциональной составляющей родства сохранение и/или увеличение его ценностной, эмоциональной компоненты?

С другой стороны, столкнувшись с демографическим старением населения, правительства развитых и ряда развивающихся стран решаются на пенсионные реформы, предполагающие повышение пенсионного возраста. Пролонгация профессиональной деятельности старшего поколения может сказываться на родственных контактах с внуками и взрослыми детьми, объективно снижая их частоту или качество. При этом продолжение трудовой занятости, а значит, полноценного пребывания бабушек и дедушек в публичном пространстве, тоже делают их более эмансипированными [9]. Работающие бабушки и дедушки перестают быть надежным источником помощи в присмотре за детьми.

Нуклеаризация семьи трансформирует потенциал «большой», расширенной родственной группы. Порой относительная, но, как правило, добровольная, интенциональная изоляция младших поколений от старших обусловливает дистанцирование и от «других»/ «побочных» [10] родственников (дяди, тети, двоюродные и троюродные братья и сестры) и «приобретенных» родственников (свекровь и свекор/ теща и тесть, золовка и деверь/ свояченица и свояк и т.д.). То есть, жилищная и материальная автономии промежуточных поколений в рамках собственных домохозяйств могут рассматриваться в качестве ограничителей интегрирующей роли родства в системе «большой» семьи.

Государство, несмотря активно взятый курс на поддержку семьи, родительства и детства, традиционных семейных ценностей, приоритет семейных форм жизнеустройства детей, пока не очень четко позиционирует свое понимание значения родства, фактически продуцируя инструменты, ограничивающие его. В первую очередь, обращаем внимание на отсутствие в России института совместной физической опеки (которая могла бы нивелировать фрагментацию и/или разрыв родственных связей между детьми и нерезидентным родителем и его родней после развода [11]), неоформленное понятие «со-родительство» (способное концептуально и практически объяснить и в какой-то мере защитить родственные связи в конфигурации генетического и социального родительства, возникающего, вследствие, например, применения вспомогательных репродуктивных технологий [12] или по обоюдному согласию партнёров, не проживающих совместно и/или не состоящих в браке) и прецедентов судебных отказов в опеке над осиротевшими детьми и детьми, оставшимися без попечения родителей, ближайшими родственниками

(например, бабушками и/или дедушками) в случаях неудовлетворительности или ограниченности их материально-бытовых условий, по медицинским или иным основаниям [13].

Современные семейные структуры и семейные отношения. Диверсификация типов семьи детерминирует противоречивые процессы, связанные с родством: расширение его «инклюзивного» потенциала, с одной стороны, оформление его функций конструирования и демаркации границ семьи – с другой. В-третьих, некоторые внутри- и внешнесемейные процессы проверяют родство на прочность. В контексте изучения практик родства Ф. Фюрстенберг с коллегами выделили три группы альтернативных форм семьи: первая группа возникает в результате вариаций официального брака или его отсутствия (включая повторные союзы, многоженство, сожительство, монородительство, однополые браки и партнёрства), вторая – формируется вследствие вмешательства в естественный процесс рождения, а точнее, зачатия детей (появление ребёнка в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий), третья – формируется за счёт образования связей, считающихся родственными, но при этом не имеющими ни биологических, ни юридических оснований (в том числе, неформальное усыновление в повторном сожительстве, «добровольное» и «желаемое», например, с крестными родителями или, напротив, вынужденное родство, например, с соседями по комнате в общежитии, нянями) [10; 14; 15]. Исследователи полагают, что каждый из представленных механизмов формирования семьи расширил возможности выявления потенциальных родственников, в значительной степени оставляя за членами семьи право решать, кого и когда включать в структуру родства, а кого – исключать из нее. Так, развод может продуцировать различные сценарии развития родства: прервать родственные связи с отныне «отколовшимися», нерезидентными членами семьи или же сохранить, но трансформировать качество отношений с ними; в то же время процесс вступления в повторные браки/ партнерства создает не только «смешанную» семью, но и способен растянуть границы родства за пределы домохозяйства – так появляются «вторые» (и т.д.) мужья и жены, отцы (реже матери), бабушки и дедушки, свекровь и свекор, теща и тесть. Разумеется, замещающее родительство тоже существенно меняет матрицу родства, обнаруживая в нем как разрушающее (с членами «прежней» семьи), так и объединяющее (в новообразованной семье) начала. Кроме того, наличие различные семейных конфигураций дает понять, что чувство родства обладает свойствами развития и избирательности.

Предполагается, что в контексте интегрирующей функции по-прежнему имеет значение линия и степень родства. Обычно, близость родства выше в отношениях по прямой линии (с биологическими родными) и первой степени семейно-родственных связей (между родителями и детьми). Кроме того, интенсивность выстраивания и воспроизводства родственных связей имеет гендерную специфику (как правило, по материнской линии) [16-18].

В рамках развития, сохранения или прерывания родства наш исследовательский интерес вызывают даже не столько сами эти процессы и изменение практик родства, сколько их обоюдность и уровень симметрии, поскольку они могут служить доказательствами добровольности, инклюзивности и самостоятельности (в системе семейных отношений) родства.

Факторы образования и мобильности. Современные общества и молодежь заинтересованы в получении высшего профессионального образования, сроки которого увеличены за счет магистратуры, аспирантуры, продолжения обучения в вузах после колледжей и техникумов и получения второго высшего образования. При этом сохраняется тенденция разделения молодыми людьми своих образовательного и семейного жизненных проектов. Соответственно, возраст отделения детей от родителей растет в связи с задержкой выхода на рынок труда, перехода на полную профессиональную занятость и получение жилищной и финансовой независимости [8; 19]. Данные обстоятельства могут служить фактором как сохранения и консолидации семьи, так и напряжения и дестабилизации отношений.

Исследователи утверждают, что частота родственных контактов соответствует принципу генеалогического порядка: после супругов или партнеров и детей, с которыми проживают совместно, люди больше всего взаимодействуют с родителями (вне дома), и наоборот, пожилые родители проводят больше всего времени с детьми, затем со взрослыми братьями и сестрами, за которыми следуют другие родственники. Характер проживания членов семьи является одновременно показателем важности родственных связей, а непосредственная географическая близость способствует высокому уровню взаимодействия и, соответственно, интеграционному потенциалу [8]. В связи с этим для последующего исследования родства важно современное переосмысление, причем как социологическое, так и социолингвистическое, категории «дальние родственники»: «дальние» по степени удаленности проживания, по степени родства или по уровню духовной, эмоциональной близости?

Итак, родство выполняет системоообразующую, статусно-ролевую и защитную функции, а также функции демаркации границ семьи, обмена ресурсами, накопления и сохранения социального капитала, и не только. Важнейшей функциональной компонентой родства изначально является его интегрирующая сила, которая, тем не менее, качественно меняется под натиском отдельных явлений и процессов – факторов, способных повлиять на вектор данных изменений. Среди таких факторов – глобальные тенденции в сфере брачно-семейных отношений, в том числе трансформация и плюрализация форм семьи; институциональные (макрофакторы), связанные с государственным регулированием родственных отношений и правоприменительной практики родства; продолжительные образовательные траектории молодежи и трудовая мобилизация людей предпенсионного и пенсионного возрастов; географическая мобильность. Перечисленными выше не исчерпываются потенциальные ограничители или катализаторы родства, требуется дальнейшая проработка вопроса и выделение его эмпирических индикаторов.

Список литературы:

1. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: «Праксис», 2011. 352 с.
3. Litwak E. The use of family groups in the achievement of social goals: Some policy implications. *Social Problems.* №6. 1959. P. 177-187.
4. Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology.* Vol.78. №6. 1973. P. 1360-1380.
5. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб: «Владимир Даль», 2002. 452 с.
6. Family and kinship in East London / M. Young, P.Willmott. – London etc.: Routledge & Kegan Paul, 1986. 234 p. ISBN 0-7102-0914-2.
7. Read D.W Kinship Systems. The International Encyclopedia of Anthropology. 2018. P. 1–16. doi:10.1002/9781118924396.wbiea1879.
8. Furstenberg F.F. (2020) Kinship Reconsidered: Research on a Neglected Topic. *Journal of Marriage and Family*. №82(1). P. 364-382. doi: 10.1111/jomf.12628.
9. Долгая эмансипация прародителей. Почему современные бабушки отказываются от воспитания внуков? // Научно-образовательный портал НИУ «Высшей школы экономики» IQ.HSE.RU [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/365980068.html. (дата обращения: 27.09.2023 г.).

10. Furstenberg F.F., Harris L.E., Pesando L.M., Reed M.N. (2020) Kinship practices among alternative family forms in Western Industrialized Societies. *Journal of Marriage and Family*. №82(5). P. 1403-1430. https://doi.org/10.1111/jomf.12712.

11. Зыков С.В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. №1. С. 92-111.

12. Сыманюк Э., Полякова И., Меньшиков А. Трансформация семейных связей под влиянием вспомогательных репродуктивных технологий // Quaestio Rossica. 2022. Т.10. №2. С. 657–676.

13. Скокова Т. С кем останется ребенок в случае гибели родителей, и что предпринять, чтобы он не оказался в детском доме // Тинькофф Журнал [эл. ресурс]. Режим доступа: https://journal.tinkoff.ru/guide/guardian-choice/]. (Дата обращения: 26.09.2023 г.).

14. Kavanagh M.M. Rewriting the Legal Family: Beyond Exclusivity to a Care-Based Standard. *Yale Journal of Law and Feminism*. №16. 2004. P. 83-131.

15. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2014. №2. С.118-123.

16. Багирова А.П., Бледнова Н.Д. Содержание и результаты прародительского труда в оценках уральских родителей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. №1(65). С. 66-73. DOI 10.52452/18115942_2022_1_66.

17. Синявская О.В., Козлов В.А., Гудкова Т.Б. Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых респондентов в России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. №2(174). С. 186-211.

18. Янак А.Л. "Нереализованные" бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. №1(57). С. 54-69. DOI 10.21685/2072-3016-2021-1-6.

19. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. №3. С. 19-43.

ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ МОЛОДЁЖИ

INTRA-FAMILY COMMUNICATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF FINANCIAL LITERACY OF YOUNG PEOPLE

В.П. Головачев,
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск
Т.Г. Мухина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань; Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург
V.P. Golovachev,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk
T.G. Mukhina
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod; Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan; St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops Russian Federation, St. Petersburg

Актуальность данного материала заключается в том, что для обеспечения будущей успешности гражданина нашей страны финансовая грамотность имеет важное значение и поэтому внутрисемейная коммуникация играет основополагающую роль в формировании финансовой грамотности молодёжи, выступает фактором её развития и совершенствования. Особенно это важно для молодых людей, выбирающих профессию офицера, так как формирование финансовой грамотности в образовательном процессе военных институтов, как показывает педагогическая практика, находится на недостаточном уровне и требует интенсификации и актуализации в обучении курсантов.

The relevance of this article lies in the fact that in order to ensure the future success of a citizen of our country, financial literacy is far from the last place, and therefore intra-family communication plays an important role in the formation of financial literacy of young people, acts as a factor in its development and improvement. This is especially important for young people choosing the profession of an officer, since the formation of financial literacy in the educational process of

military institutions, as pedagogical practice shows, is at an insufficient level and requires intensification in the training of cadets.

Ключевые слова: внутрисемейная коммуникация, финансовая грамотность, информация, управление личными финансами, семейный бюджет.

Keywords: intra-family communication, financial literacy, information, personal finance management, family budget.

В современном обществе финансовая грамотность является одним из важнейших навыков, необходимых для успешной жизни. Финансовая грамотность позволяет людям планировать свой *семейный бюджет*, управлять своими *личными финансами*, принимать осознанные решения о покупках и инвестициях на основе анализа поступающей *информации*. Однако, не все молодые люди обладают достаточным уровнем финансовой грамотности.

Наша цель – рассмотреть внутрисемейную коммуникацию как фактор формирования финансовой грамотности молодёжи.

Внутрисемейная коммуникация – это обмен информацией между членами семьи в рамках семейных отношений. Внутрисемейная коммуникация включает такие аспекты, как общение, доверие, поддержка, эмоциональная связь и взаимодействие между членами семьи.

Финансовая грамотность – это навык управления своими финансами, который включает знание финансовых терминов, умение планировать бюджет, управлять долговыми обязательствами, инвестировать и принимать осознанные решения в области финансов в различных жизненных ситуациях. В Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 годы под финансовой грамотностью понимается результат процесса финансового образования, который определяется как сочетание осведомленности, знаний, умений и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений и, в конечном итоге, для достижения финансового благосостояния [1].

Как подчёркивает Н.В Аликперова, финансовая грамотность в области финансового рынка и финансовых инструментов становится необходимым условием для успешного решения государством социально-экономических задач, а определение и классификация целевых групп – важной задачей в построении эффективной системы просвещения [2]. При чём, если не будет заинтересованности граждан в развитии экономики собственной страны, а преследоваться будут только меркантильные интересы, это приведёт только к накопительско - потребительской конъюнктуре в «хорошие» для страны времена

и беспринципное бегство капитала за рубеж в «плохие времена» тотального санкционного давления на страну [3].

Внутрисемейная коммуникация может играть важную роль в формировании финансовой грамотности молодёжи. Как показывают исследования, когда члены семей говорят открыто о своих личных финансах и семейном бюджете в целом, и общаются друг с другом на тему управления деньгами, дети и молодёжь обычно имеют более высокий уровень финансовой грамотности к моменту поступления в высшие учебные заведения. Важно, чтобы и внутрисемейная коммуникация была основана на доверии и взаимопонимании, так как это создает благоприятную среду для обсуждения финансовых вопросов и решения возникающих финансовых проблем.

В процессе внутрисемейной коммуникации родителям необходимо формировать личную ответственность своих детей за принимаемые финансовые решения, формировать умение принимать их на основе грамотного анализа факторов финансового рынка [4].

Важно, чтобы внутрисемейная коммуникация была основана на доверии и взаимопонимании между родителями и детьми. Если молодые люди не чувствуют, что могут открыто общаться с родителями и другими членами семьи по поводу своих финансов, они могут испытывать страх или неуверенность в управлении своими деньгами.

Чтобы более глубоко раскрыть тему внутрисемейной коммуникации как фактора формирования финансовой грамотности молодёжи, можно рассмотреть некоторые аспекты, повлияющие на качество такой коммуникации.

Во-первых, важно отметить, что внутрисемейная коммуникация должна быть не только регулярной, но и конструктивной. Это означает, что в ходе общения необходимо учитывать мнение и пожелания других членов семьи, стремиться к общему согласию и пониманию. Если коммуникация внутри семьи строится на конфликтах и недоверии, упрёках и взаимных претензиях, это может привести к негативным эмоциям и непродуктивности общения, что заводит эти отношения в психологический «тупик».

Во-вторых, важно учитывать различия в возрасте и опыте членов семьи, использовать принцип природосообразности. Детям до 12 лет могут потребоваться более простые и доступные объяснения, чем родителям или старшим братьям и сестрам. Кроме того, молодые люди могут иметь собственные цели и приоритеты, отличающиеся от целей других членов семьи. Важно учитывать эти различия и искать компромиссы при общении внутри семьи.

В-третьих, важно, чтобы внутрисемейная коммуникация была основана на принципах взаимоуважения и поддержки. Если молодые люди чувствуют, что их мнение не уважается или их идеи не принимаются достаточно серьёзно, это может привести к негативному отношению к финансовым вопросам и уменьшению мотивации к участию в общении с родителями.

Наконец, важно учитывать, что формирование финансовой грамотности молодёжи является длящимся процессом, требующим постоянной поддержки и усилий со стороны родителей. Внутрисемейная коммуникация может стать лишь одним из факторов в этом процессе. Важно также обеспечить молодым людям доступ к различным источникам информации и обучению, которые помогут им развивать свои финансовые знания и навыки. Непосредственное обучение финансовой грамотности может быть организовано внутри семьи в различных формах – объяснение (беседа), игрофикация, то есть использование в процессе обучения молодёжи настольных обучающих игр по финансовой грамотности («Денежный поток», «Brainy Trainy „Финансовая грамотность“», «Юный финансист»), а также программного обеспечения в виде компьютерных игр для неигровых финансовых процессов, что должно способствовать привлечению внимания и повышению интереса молодых людей в процессе формирования у них финансовой грамотности; совместное изучение литературы в области финансов и её последующее обсуждение, практическое ведение молодым человеком личного финансового плана и ежемесячный анализ финансового результата, совместный просмотр обучающих видеокурсов по финансовой грамотности. Важно обращать внимание на использование современных технологий и инструментов в области финансовой грамотности. Например, мобильные приложения для управления финансами, онлайн – сервисы для выбора финансовых продуктов. Такие инструменты могут помочь молодежи лучше ориентироваться в современном финансовом мире и эффективнее использовать свои ресурсы.

Данные мероприятия помогают не только повысить уровень финансовой грамотности участников, но и укрепить взаимоотношения между членами семьи.

Важно отметить, что формирование финансовой грамотности молодёжи должно начинаться как можно раньше. Семья, школы, университеты и институты могут предоставлять учащимся знания и навыки в области финансовой грамотности через специальные уроки, программы и курсы. Эти мероприятия могут помочь молодым людям научиться планировать свои финансы, управлять своими сбережениями, выбирать финансовые продукты и услуги.

Важно обратить внимание на развитие личных качеств молодёжи, которые тоже могут повлиять на их финансовое поведение: ответственность, трудолюбие, целеустремлённость, терпение, разумный скептицизм для противодействия финансовому мошенничеству. Развитие этих качеств может способствовать более осознанному и эффективному использованию финансовых ресурсов.

В целом, формирование финансовой грамотности молодёжи – это долгосрочный процесс, который зависит от многих факторов, в том числе от конструктивной внутрисемейной коммуникации, чтобы достичь максимального эффекта в формировании финансовой грамотности молодёжи и создании финансово ответственного поведения молодёжи.

Рекомендуется применять комплексный подход при формировании финансовой грамотности молодежи, то есть необходимо учитывать не только аспекты управления денежными средствами, но и другие важные факторы – налоговое и банковское законодательство, инвестирование, страхование. С помощью комплексного подхода молодёжь может получить полную картину в области финансов и научиться принимать взвешенные решения в этой области.

Необходимо отметить, что формирование финансовой грамотности молодёжи должно быть постоянным процессом. Это означает, что молодежь должна постоянно актуализировать свои знания и навыки в этой области, следить за изменениями на рынке и адаптироваться к новым рыночным условиям. Только так молодёжь сможет стать финансово грамотной и эффективно управлять своими ресурсами в будущем.

И в заключение – внутрисемейная коммуникация является важным фактором формирования финансовой грамотности молодежи. Конструктивная и эффективная коммуникация внутри семьи должна способствовать лучшему пониманию важности управления личными финансами и взвешенных, обоснованных решений, созданию основы финансово ответственного поведения в будущем.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» № 2039-р от 25 сентября 2017 года. – URL: http://static.government.ru/media/files/uQZdLRrkPLAd EVdaBsQrk505szCcL4PA.pdf (дата обращения: 04.04.2023г.).

2. Аликперова Н.В. Финансовое просвещение россиян: классификация целевых групп // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – №2. – С. 42-50.

3. Головачев В. П. Компоненты финансовой грамотности курсантов военных институтов / В. П. Головачев // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2022. – № 4(62). – С. 251-256.

4. Иванова И.В. Финансовая грамотность обучающихся: современные подходы к формированию финансовой грамотности как образовательного результата // В сборнике трудов Всероссийской научно – практической конференции «Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы». – Уфа. – 2019. – С. 242-245.

РОЛЬ ЦЕРКВИ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

THE ROLE OF ORTHODOX CHURCH IN NATIONAL AND CULTURAL IDENTIFICATION OF MODERN YOUNG PEOPLE

Монахиня Фекла
(Ю.А. Кудасова)
Городецкая епархия Русской Православной Церкви Московского Патриархата;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Городец
nun Thekla
(Y.A. Kudasova)
Gorodetsky Diocese of the Russian Orthodox Church
Lobachevsky University, Gorodets

Рассматривается роль и влияние института Церкви на самосознание населения, культурные традиции и традиционные ценности в молодежной среде. Изменения в преемственности поколений при отстранении религиозного фактора вследствие трансформации политического и государственного устроения. Рассмотрены текущие статистические данные о национально-культурной идентификации современной молодежи.

The article addresses the role and influence of Orthodox Church as institution on national consciousness, cultural traditions and traditional values among youth. It regards alterations in continuity of generations because of removal of religion due to transformations in policy and form of government. The paper also addresses current statistical data on national and cultural identification of modern young people.

Ключевые слова: роль Церкви, культура, цивилизация, искусство, секуляризация, чистота русского языка, виртуальное пространство, традиционные ценности, семья.

Keywords: The role of Church, culture, civilization, art, secularization, purity of Russian language, virtual space, traditional values, family

«Культурной традиции народа всегда соответствует определенная религия. В современной науке можно видеть много школ и направлений, которые решающую роль в объяснении исторического процесса отводят не прогрессу разума, а прогрессу морали и чувства, воплощенному в религиозных системах» [1].

За многовековую историю человечества сформировался уклад жизни народов на своих территориях, повторяющийся из поколения в поколение, который принято называть традиционным. Роль института Церкви в нем имеет огромную значимость, как носитель моральных, нравственных, духовных, семейных ценностей, являясь неотъемлемой частью любого народа, нации [2]. Например Православие, которое шло вровень с традиционной русской культурой, периодами сливаясь с ней [3], давало в Заповедях Православной веры описание всех основополагающих моментов жизни человека: как общаться между собой, нормы позволительного поведения в обществе, как относиться к родственникам, супругу, природной среде или государственной власти, как создавать брак и жить в нем. [4] Роль Церкви заключается, как и прежде, в воспитании внутренней осознанности и морально-нравственных ценностей человека. «…Ибо Царствие Божие внутрь вас есть» (Ев. от Луки 17:21).

Великий подвижник Русской Православной Церкви преподобный Серафим Саровский

наставлял своих духовных чад словами: ««Радость моя, Молю тебя стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя»» [5, с. 8], ведь наш внутренний мир влияет на то, что мы созидаем вокруг себя, и как смотрим на мир, и что определяем как ценность. Церковь учит смотреть не на других, а на себя, а точнее – внутрь себя, в свой внутренний мир совершенствовать и преображать. Как следствие – изменять мир вокруг, быть деятелем, а не созерцателем, служить Богу и ближним. [2;4]

По указу Президента от 30.12.2021 № 745 2022 год был объявлен Годом культурного наследия народов России. Для начала нужно определить само понятие «культура». В слове культура "культ" – это Бог, почитание, а "ура"– свет, сияние. Данный термин впервые обозначен во втором веке до н.э. в трактате о земледелии Марка Порция Катона Старшего (234-149 до н.э) в значении возделывания земель. В 45 году до н. э. римский оратор и философ Марк Туллий Цицерон в своих "Тускуланских беседах" употребил слово "культура" в переносном значении, назвав философию "культурой души". [6]

Я разделяю взгляды и понимание данной темы с современным миссионером и проповедником епископом Городецким и Ветлужским Августином (Анисимовым), что культура – это возделывание природы самого человека (не только души, но его духа, чувств, тела, воли, нрава), которое совершается через отношения с Богом в Его Церкви и в традиционном укладе народной жизни. Мы понимаем, что для всестороннего возделывания природы человека и внешнего и внутреннего мира необходима интеграция Церкви как социального института и иных государственных, общественных и законодательных систем.

В списке традиционных Российских морально-нравственных ценностей значатся те, которые являются неотъемлемой частью любой религии: «приоритет духовного над материальным, жизнь, патриотизм, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, и проч.» [7]

Представители Государственного центра русского фольклора считают, что «люди не могли просто забыть свою культуру, что во многом это следствие государственной политики. Русский народ, который в основе своей православный, к власти относится с уважением, склонен поддерживать ее и верить ей.» [3]

Исключив Бога в секулярном мире из культуры, осталась одна лишь цивилизация (от лат. «civilis» гражданский, государственный.), в которой сегодня преобладает преобразование сфер естественной жизнедеятельности человека в «индустрии»: индустрия моды, индустрия развлечений, индустрия питания. Индустрии навязывают нам удовольствия для органов чувств, но вовсе не окультуривают нас. Традиции вытесняются быстрой сменой веяний мировых тенденций. Быстрое питание (fast food), быстрая мода (fast fashion), а далее быстрые отношения, быстрая смена места работы, места жительства при быстрой перемене чувственно-эмоционального состояния. Модные тренды, чувственные тенденции, факторы, определяющие успешность и современность молодых людей, чаще всего связаны с обладанием одеждой, обувью, аксессуарами иностранных брендов (до данным от 07 апреля 2022 г. Института общественного мнения, 76% респондентов предпочитают покупать обувь и одежду зарубежных производителей) [8], традиционных блюд иных народов, лексики (к чему 72% респондентов в возрасте от 18-24 лет спокойно относятся, по данным всероссийского опроса) [9], форм отдыха, развлечений и прочих аспектов уклада жизни, не принадлежащих национальному достоянию и

российскому культурному коду (Глава комитета Госдумы по культуре Елена Ямпольская отмечает, что на центральных улицах Москвы на 30–50% больше вывесок на английском языке или набранных латиницей, чем на русском») [10]. За последние десять лет количественные и материально-технические показатели культурной сферы жизни населения растут, но качественное состояние населения продолжает нести потери [11, с.3-13].

Центр социального проектирования «Платформа» в партнерстве с ARTLIFE Academy провел исследование, которое показало, что современным искусством интересуются 59% россиян в возрасте от 18 до 24 лет. «Современное искусство» – вывеска, за которой скрывается множество различных стилей. Жители мегаполисов с интересом принимают актуальные работы различных направлений. Например, 87% нравятся наиболее известные работы Аниши Капур, 57% – Поллока [12].

Возникает вопрос: должны ли кино, живопись и прочие виды искусства окультуривать, образовывать население, давать эталон, образ для подражания, для саморазвития с целью подготовки человека к земной жизнедеятельности и будущей жизни и формирования национального самоопределения? Или искусство должно потакать физиологическим потребностям человека? Должно творчество иметь ответственность и служение перед населением, природной средой и Богом? Или это только индустрия без какой-либо морали, нравственности, духовности?

Городецкая Епархия РПЦ совместно с кинокомпанией Q-guar, при поддержке Министерства культуры, Фонда Президентских грантов и Администрации Городецкого района трижды провели уникальный «Городецкий кинофестиваль им. св. Александра Невского» – кинофестиваль нравственного, доброго, семейного короткометражного кино. К сожалению, из 800 заявленных к участию короткометражных картин, организаторы с трудом отбирают ежегодно только 19-20, так как почти в каждом кинофильме сегодня мы видим курение, алкоголь, разврат или мат [13].

Сервис «Яндекс Музыка» рассказал, какие песни пользователи слушали чаще всего в уходящем 2022 г. По данным на 1 декабря 2022 г., сразу восемь песен популярной экс-солистки группы Artik & Asti (Анны Асти) входят в топ-100 треков: «Затмила» (93), «Сорри» (85), «Феникс» (36), «Хобби» (16), «Повело» (14), «Ночью на кухне» (4), «По барам» (3), «Как любовь твою понять». [14] Не станем углубляться в содержание песен, так как названия передают смысл. В ТОП -10 кумиров молодежи в 2022 г. вошли: Morgenstern, Даня Милохин, Инстасамка, Валя Карнавал, Mayot, Бустер, Kizaru, Влад Бумага, Клава Кока, Эльдар Джарахов. [15]

Искусство отображает мир во всем его многообразии. Суть и опасность искусства (заимствовано из старославянского языка, где является производным от искус – «испытание») в том, что, обладая феноменальными возможностями науки, технологического прогресса, электроники, авторы способны как мощно обличить грех и зло в человеке и при этом доступно показать путь освобождения от греха и зла, так и уничтожить любую культуру, образование, Церковь, отношения с Богом, с природной средой. Искусство сегодня не просто развлекает, а развращает население. А понятие греха настолько размыто, практически утрачено, что не составляет труда внушить человеку (поколению, целому народу), что жить таким образом – это нормально, правильно, оправданно, законно. [16, с. 25]

Сегодня мы не развиваем, а «закапываем» таланты (Мф.25), т.е. отказываемся от их развития через разрешение творческих, социально-бытовых задач: не проявляем творчество, а все делаем по заранее приготовленным схемам и цифрам (рисуем, вышиваем, складываем). Все типовое: типовые дома и планировки квартир (IKEAи т.п. – быстрые решения), типовые дизайны, типовые формы празднования событий государственных, семейных и дружеских и т.д.

Язык искалечен: не поставлена речь, скверная, чужестранная, не выразительная. [17, стр.126] До 70% современных слов, используемых молодежью, имеют английское происхождение. [18] Люди, говоря на одном языке, перестают понимать друг друга. [3]

Либерализм и демократия сегодня предоставляют свободы и возможности для каждого гражданина на уровне Конституции РФ, а где ответственность? Либерализм как политическая идеология ставит личные индивидуальные взгляды и принципы жизни выше тех людей, кто имеет больший опыт в жизни или данной сфере деятельности. Получается, что еще не укрепленные ни профессионально, ни нравственно молодые люди могут разрушать родовые отношения и традиции, защищаясь при этом законами. Ни родители, ни педагоги не представляют ценности и важности в глазах молодежи, так как любую необходимую информацию мы проще принимаем из виртуальных источников на уровне знаний (интернет, книги, лекции и т.п.). По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 68,3% российских детей от 3 до 6 лет пользуются интернетом. За последние 10 лет их количество увеличилось почти втрое. [19]

Виртуальная жизнь все больше замещает реальность. 95% российских школьников имеют аккаунты в социальных сетях, а большая часть учеников старших классов предпочитают общаться с друзьями не лично, а в соцсетях, мессенджерах и онлайн-играх. Таковы результаты опроса, проведенного Лигой

безопасного интернета. Данная организация учреждена в 2011 г. при поддержке МВД России, Минкомсвязи и Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. Основная цель – создание безопасного пространства Интернета на территории Российской Федерации. В опросе, проводившемся на протяжении двух месяцев в семи регионах Российской Федерации, приняли участие около 5,7 тысячи человек – ученики старших и средних классов, их родители и учителя. «В возрасте 15–17 лет 95,7% учащихся отметили, что имеют аккаунт в соцсетях. При этом 56,6% предпочитают общаться с друзьями в социальных сетях, мессенджерах или онлайн-играх», – рассказала директор лиги Екатерина Мизулина на презентации данных опроса в Общественной палате РФ. [20] Произошло разобщение, атомизация народа.

Преемственность поколений становится менее востребованной и не ценится молодым поколением. Чем меньше детей рождается в семье, тем больше ресурсов вкладывается в их воспитание (часто именно сторонними специалистами), и тем более эгоистичным вырастает подросток. Социализация в реальном обществе постепенно сводится к минимуму за счет преобладания именно информационного образования и интернет-общения. Появляется разобщённость внутри семьи, когда каждый из ее членов, находясь в одном помещении, погружен в свое поле интересов на просторах информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" через свой формат гаджетов. В России 88 % детей в возрасте от 7 до 10 лет уже имеют собственный смартфон или планшет, при этом родители не всегда интересуются, для каких именно целей мобильное устройство используется ребёнком. Об этом свидетельствует исследование, организованное «Лабораторией Касперского» в сотрудничестве с компанией Online Interviewer в мае-июне 2022 г. В опросе приняли участие 2008 родителей и их детей школьного и дошкольного возраста) [21].

Также отмечается, что в средствах массовой информации и социальных сетях происходит осуществление экстремистской деятельности под видом гуманитарной, культурной и псевдорелигиозной деятельности, в том числе со стороны иностранных организаций, а российское население не умеет оценивать и использовать полученную информацию без вреда для своего внутреннего мира [11, с. 10].

Как промежуточный итог в заявленной теме мы видим позицию молодого человека «потребитель» или «зритель», а не «участник»: не танцуем, а смотрим выступление профессионалов; не поем, а смотрим, слушаем эстрадных исполнителей, иногда предпочитаем караоке, но не народное или хоровое (совместное, многоголосное) пение. Нет традиций, которые объединяют народ, все разделены на микрогруппы. Таким образом, молодежь стремится подражать

современным кумирам прозападного формата, далеким от традиций своей Родины.

В середине XX века американец Ричард Паттерсон ввел понятие «утиный тест» как шутливый тест на очевидность происходящего факта. Тест подразумевает, что сущность какого-либо явления можно идентифицировать по типичным внешним признакам. Суть его выражается следующим утверждением: «Если нечто выглядит как утка, плавает как утка и крякает как утка, то это, вероятно, и есть утка» [22]. Если посмотреть на современную молодежь, именующую себя русской, и проанализировать в соответствии с данным тестом, то увидим, что одежда, поведенческие современные тренды, иностранная лексика в речи отображают некую смесь западных веяний.

Все вышеперечисленное – это итоги капитализма, либерализма и цивилизационного подхода с отстранением роли Церкви на задний план. Все это пропагандирует чужеродный, не национальный образ жизни. Это некий калейдоскоп или мозаика ярких особенностей и традиций иных культур, и мы сегодня в них растворяемся, не имея самобытной устойчивости и опытных реальных знаний жизни в русских традициях, в которых жило множество поколений до нас.

Слишком много поколений формировало традиционную культуру (в русской музыке, философии, литературе), поэтому все коды, содержащиеся в них, были восприняты и существуют и в сегодняшнем мире. Даже человек, не знающий тонкостей традиций народа, в подсознании на уровне этих кодов принадлежит к этой культуре и не может от нее оторваться [3].

Очевидны когнитивные веяния и тенденции в современном информационном и социальном пространстве, несущие западные традиции и мировоззрение. И без крепкой устойчивости на морально-нравственном уровне молодое поколение легко становится ведомым. [23] Согласно Указу Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", утрата морально-нравственных норм в человеке является прямой угрозой для нашего государства.

Для предотвращения данных тенденций необходимо участие института Церкви. И сегодня мы видим запрос от государства в ряде указов Президента и Правительства Российской Федерации, а также в концепциях стратегической безопасности и воспитания молодежи на необходимость духовно-нравственное образование населения посредством привлечения гражданских и религиозных организаций [7; 11; 24; 25].

Список литературы

1. Шкалина Г.Е., Традиционная культура и современное самосознание народов, автореферат диссертации на соиск. уч. степ. доктора культурологии (24.00.01), Йошкар-Ола МГУКИ 2003г // [Электронный источник] URL: https://www.dissercat.com/content/traditsionnaya-kultura-i-sovremennoe-samosoznanie-naroda-mari (дата обращения: 10.05.2023)

2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, 09 июня 2008 год // [Электронный источник] URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 10.05.2023)

3. Молодежное отделение Общества русской словесности, Интервью «Что мы потеряли, забыв родную культуру?», 2016 год // [Электронный источник] URL: https://vk.com/im?peers=c451_c187_464265042_64981122_c478_c455_c472_65587679&sel=535040334&t2fs=3a8686581b0f636e13_2&z=video-207786357_456239030%2F15e4d34ccee9d6ff42 (дата обращения: 06.05.2023)

4. Библия, русский язык (синодальный перевод) // [Электронный источник] URL: https://azbyka.ru/biblia/ (дата обращения: 10.05.2023)

5. Небесный человек и земной ангел. Книга о преподобном Серафиме Саровском – Дивеево: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 2021 г. – 448 с.

6. Этимология и история слова «культура», Санкт-Петербургский государственный экономический университет // [Электронный источник] URL: https://studfile.net/preview/9402548/page:3/#:~:text=Слово%20Культура%20имеет%20древнее%20происхождение,трактате%20о%20земледелии%20Марка%20Порция (дата обращения: 06.05.2023)

7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 10.05.2023).

8. Институт общественного мнения, Абсолютное большинство респондентов (76%) обычно предпочитают покупать одежду и обувь зарубежных производителей. 07 апреля 2022год // [Электронный ресурс]. URL: https://iom.anketolog.ru/2022/04/07/rossijskie-brendy-odezhdy (дата обращения: 10.05.2023).

9. ВЦИОМ: Реакция молодых россиян 18-24 лет (72%) и 25-34 лет (65%) на злоупотребление иностранными терминами в речи // [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-jazyk-razvitie-obogashchenie-rasprostranenie-1 (дата обращения: 10.05.2023).

10. РБК, На улицах Москвы на 30-50% больше вывесок на английском языке или набранных латиницей, чем вывесок на русском языке. (10 июня 2022 года)// [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/06/2022/62a32d779a7947fa38eecb6a (дата обращения: 10.05.2023).

11. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 N 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html (дата обращения: 10.05.2023).

12. Центр социального проектирования «Платформа» в партнерстве с ARTLIFE Academy, Исследование: почти 60% россиян от 18 до 24 лет интересуются современным искусством, 22 сентября 2020 года // [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/9517523 (дата обращения: 10.05.2023).

13. «Городецкий кинофестиваль им. св. Александра Невского» // [Электронный ресурс]. URL: https://kinogorodets.ru/#rec361018676 (дата обращения: 10.05.2023).

14. Сетевое издание АО ИД «Комсомольская правда», Сервис Яндекс Музыка рассказал, какие песни пользователи слушали чаще всего в уходящем 2022 году // [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/afisha/msk/obzory/muzyka/nazvan-rejting-ispolnitelej-2022/ (дата обращения: 10.05.2023).

15. ООО «Спортзания», Кумиры современной молодежи, поколение Z, ТОП кумиров для подростков в 2022 году, по каким критериям выбирают. Опубликовано 25.11.2022 // [Электронный источник] URL: https://sportzania.ru/about/publikatsii/kumiry-sovremennoy-molodezhi/ (дата обращения: 10.05.2023).

16. Игумен Августин (Анисимов), Записки миссионера. – Н.Новгород: Изд. Ю.А.Николаев, 2003. 156 с.

17. Игумения Феофила (Лепешинская), «Плач третьей птицы. Размышления о современном монашестве. – М.: Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ г. Москвы, 2013.

18. «Узнай Россию» проект АНО "ТВ-Новости", Антон Романов, Сколько слов в русском языке?, 05 ноября 2020 // [Электронный источник] URL: https://rbth.ru/read/1164-skolko-slov-russky-yazik (дата обращения: 26.05.2023).

19. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 68,3% российских детей от 3 до 6 лет пользуются интернетом. За последние 10 лет их количество увеличилось почти втрое, (13 января 2022 года) // [Электронный источник] URL: https://rg.ru/2022/01/13/pochti-70-rossijskih-detej-ot-3-do-6-let-polzuiutsia-internetom.html (дата обращения: 26.05.2023).

20. Ассоциация "Лига безопасного интернета», Российские подростки предпочитают общаться с друзьями онлайн, опубликовано 26 декабря 2022 года // [Электронный источник] URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/276784876 (дата обращения: 16.05.2023).

21. «Лаборатория Касперского» изучила вовлечённость российских детей в мир соцсетей и гаджетов, 15 августа 2022года // [Электронный источник] URL: https://3dnews.ru/1072187/laboratoriya-kasperskogo-izuchila-vovlechennost-rossiyskih-detey-v-mir-sotssetey-i-gadgetov (дата обращения: 16.05.2023)

22. Википедия. Свободная энциклопедия, «Утиный тест» //[Электронный источник] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Утиный_тест (дата обращения: 26.05.2023).

23. Рудакова Е.К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз. Диссертация на соиск.уч.степ. докт.полит.н.(5.5.4). Нижний Новгород: ННГУ, 2023 // [Электронный ресурс]. URL: https://diss.unn.ru/1315 (дата обращения: 26.05.2023).

24. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // [Электронный источник] URL: https://sh-kumakskaya--solileckij-r56.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/GIA_11/273-fz.pdf(дата обращения: 13.05.2023).

25. Данилюк А.Я. Д Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. Рос. акад. образования. М.: Просвещении, 2009. (Стандарты второго поколения). // [Электронный источник] URL: https://schsv760.mskobr.ru/attach_files/upload_users_files/5dc90b2cd145a.pdf (дата обращения: 13.05.2023).

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ – МОТИВ ВЫБОРА СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
FAMILY EDUCATION – MOTIVE FOR CHOOSING FAMILY EDUCATION

М.В. Придатченко
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
M.V. Pridatchenko
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Семейное воспитание – старейшая причина, определяющая выбор семейного образования. Семьи отказываются от услуг массовой школы, стремясь сохранить собственный уклад жизни, передать детям свои ценности. Родители хотят сохранить за собой ведущую роль в воспитании детей, уклоняясь от конкуренции с учебной программой, учителями, другими школьниками и самостоятельно формируя социокультурное пространство для своих детей.

Family upbringing is the oldest reason that determines the choice of family education. Families refuse the services of a mass school, trying to preserve their own way of life, to pass on their values to children. Parents want to retain a leading role in the upbringing of children, avoiding competition with the curriculum, teachers, other schoolchildren, and independently forming a socio-cultural space for their children.

Ключевые слова: семейное образование, семейное воспитание, ценности.
Keywords: family education, family upbringing, values.

Тема семейного воспитания всегда приобретает особую актуальность в период значительных социальных изменений. В условиях нестабильности, размытости ценностей и ориентиров, внедрения новых приоритетов семья стремится к сохранению своей идентичности, поддержанию определенного уровня удовлетворения потребностей своих членов, даже за счет дополнительной нагрузки.

Семейное воспитание – основной канал передачи социокультурного наследия, ведущих ценностей, сохранения преемственности и развития коммуникации между поколениями. Информация в контексте семейного воспитания имеет эмоциональную окраску, обусловленную близкими семейно-родственными отношениями. Эта информация передается в процессе непосредственной жизнедеятельности семьи: усваивается особенно глубоко и содержательно как ориентир деятельности, а не далекая от практики теория.

Уже на заре своего зарождения массовая школа начала вытеснять родителей и семью в целом на периферию в процессе воспитания детей. Родители не соответствовали стандартам передового индустриального общества, исповедовали «устаревшие» ценности. В школе дети выходили из-под влияния семьи – у общества появился шанс вырастить нового человека. Индустриализация требовала все больше рабочих рук, которые помогала высвободить школа, сняв с родителей задачи по воспитанию детей. [1]

Семейное воспитание – старейшая причина выбора семейной формы образования, она появилась одновременно с распространением массовой школы. Родители брали на себя задачи по обучению своих детей, чтобы не отдавать их в массовую школу и сохранить привычный стиль жизни. Представители различных социальных групп, которые могли относительно самостоятельно поддерживать привычный уровень жизни, не видели в школе способа улучшения своего социального положения, предпочитали обучать детей своими силами, следуя при этом стандартам, установленным государством. [1;2;3] Кроме привычной аристократии в этих рядах можно обнаружить и представителей купеческого сословия, ремесленников, крестьян, которые, помимо школьных знаний, передавали детям семейную профессию и дело.

В настоящее время семейное воспитание как причина выбора семейной формы получения среднего образования уступила место другим, более актуальным в современном обществе, мотивам. Современные родители называют безопасность детей и качество школьного образования основными поводами взять на себя ответственность обучения собственных детей. [3;4] Эти данные нашли свое подтверждение и в исследованиях автора. Интервью родителей, обучающих детей в форме семейного образования, проведенное в 2020 г. (N=44), и контент-анализ сообщений из telegram-каналов «Альтернативное образование» и «Семейное образование» за период с 15 августа 2022 г. до 24 июня 2023 г. Российские родители обращают особое внимание на качество образования: они демонстрируют высокий уровень осведомленности о разных образовательных программах и выражают недовольство школьной программой и учебниками, переполненностью классов, низким уровнем профессионализма учителей. Безопасностью они обеспокоены в основном в аспекте буллинга со стороны одноклассников и учителей.

Возможность семейного воспитания, увеличение времени и качества семейного взаимодействия родители, обучающие детей в форме семейного образования, называют дополнительным и очень важным бонусом. Семья сохраняет за собой преимущественное влияние на развитие, воспитание и формирование личности ребенка. Родители отмечают, что образовательный

маршрут, разработанный в соответствии с потребностями, ценностями и условиями семьи, способствует поддержанию учебной мотивации ребенка, а учебная деятельность естественно вписана в жизнь семьи. Учеба и работа не противопоставляются времени в семье, а связаны и переплетены с ним, выстраивается более цельный стиль жизни. Образование становится общим делом семьи. В семьях, где обязанности по обучению детей распределены между взрослыми членами семьи, повышается уровень сплоченности, появляются новые виды развивающего досуга, в который вовлечены все члены семьи. Процесс образования расширяется, захватывая почти все сферы жизнедеятельности семьи. Наиболее восторженные последователи homeschooling любят повторять: «Наша школа – это весь мир».

В современном обществе спектр социальных ценностей разнообразен, и иногда семья может оказаться в оппозиции к школе. Об этом упоминают и религиозные семьи, и наоборот, семьи, не исповедующие никакие религии. Родители расходятся в оценках различных форм взаимодействия взрослых и детей: насилие, строгость иерархии в отношениях, следование долгу или интересу. Мнения о роли образования и важности разных дисциплин различаются и обусловливают особенности образовательного маршрута. Сторонники позиции необязательности некоторых учебных дисциплин, если они не связаны с будущими профессиональными планами, имеют больше возможностей для маневра, чем школьники. В их рядах часто можно встретить родителей детей, профессионально занимающихся спортом или творчеством, и родителей, которые видят в своем ребенке продолжателя своей профессии и дела (внимание уделяется дисциплинам, важным для них). Носители уникальных национальных культурных и бытовых практик отмечают, что в семейном образовании они вовлекают детей в эти практики, как в жизнь, а не «отчетный концерт». Передача ценностей является важным аспектом семейного воспитания. Ребенок, не посещающий школу, больше проводит времени с родителями, которое заполнено общением и совместной деятельностью, в ходе которых освоение и усвоение наиболее важных норм и ориентиров происходит более эффективно, и не получает информации, противоречащей семейным установкам.

В последние годы все более обсуждаемой становится тема патриотизма. В школьное расписание вводятся уроки, посвященные ей. Анализ сообщений в telegram-каналах о семейном образовании, показывает, что родители, обучающие детей самостоятельно, тоже активно вводят эту тему в свой учебный план, пользуются материалами, рекомендованными Министерством просвещения РФ, формируют подборки материалов и разрабатывают

собственные. Семейные ценности, традиции, история в контексте Родины и патриотизма приобретают новый уровень значимости не только на уровне индивида и малой группы, но и на уровне общества.

Воспитание в семьях, обучающих детей в форме семейного образования, тесно переплетено с обучением и другими видами деятельности. Это способствует повышению его интенсивности, более эффективной передаче ценностей и другой социокультурной информации.

Список литературы

1. Dwyer J.G., Peters S.F. Homeschooling: the history and philosophy of controversial practice. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2019. 244 p.
2. Диденко Д.В. Модельные расчеты масштабов домашнего образования: пример Ярославской губернии в конце 18 – начале 20 в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 218–232. https://cyberleninka.ru/article/n/modelnye-raschety-masshtabov-domashnego-obrazovaniya-primer-yaroslavskoy-gubernii-v-kontse-xviii-nachale-xx-v/viewer (дата обращения: 30.08.2023)
3. Мазалова М.А. Эволюция элитности в семейном воспитании купечества в XIX веке // Вестник ТГПУ. 2012. 5(120) с. 91–95. https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-elitnosti-v-semeynom-vospitanii-kupechestva-v-xix-veke/viewer (дата обращения: 30.08.2023)
4. Поливанова, К.Н., Любицкая К.А. Семейное образование в России и за рубежом // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 72–80.
5. Green-Hennessy S., Mariotti E.S. The decision to homeschool: potential factors influencing reactive homeschooling practice // Educational Review. 2021 DOI: 10.1080/00131911.2021.1947196

«БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ» В РАЗРЕЗЕ БРАТСКО-СЕСТРИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: КАК БЫЛО, КАК СТАЛО

“BIG FAMILY” IN THE CONTEXT OF BROTHER-SISTER RELATIONS: AS IT WAS, HOW IT BECAME

Н.Ю. Егорова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Е.С. Рябинская
ООО «Профи исследования», г. Нижний Новгород
N.Yu. Egorova
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
E.S. Ryabinskaya
Profi Research, Nizhny Novgorod

На основании статистических данных и авторского исследования описываются изменения структуры родства, характеризуются отношения между братьями и сестрами в современной семье. Делается вывод о сужении родственной структуры, но сохранении функциональных связей, которые, тем не менее, динамичны и определяются рядом факторов.

Based on statistical data and the author's research, changes in the structure of kinship are described and relationships between brothers and sisters in a modern family are characterized. The conclusion is drawn about the narrowing of the kinship structure, but the preservation of functional connections, which, nevertheless, are dynamic and determined by a number of factors.

Ключевые слова: структура родства, сиблинги, роли братьев / сестер в современной семье

Keywords: kinship structure, siblings, roles of brothers/sisters in a modern family

Братско-сестринские, или сиблинговые, отношения являются самыми продолжительными семейными отношениями, в которые может быть включен человек [1, с. 132]. Трансформация семьи серьезно изменила структуру родства в современном обществе, в том числе в России. Во-первых, она, как правило, исключает проживание в одном домохозяйстве нескольких поколений и других родственников, что было естественным и нормативным вплоть до середины 20-го века [2], во-вторых, снижение рождаемости приводит к отсутствию в ряде семей горизонтальных родственных связей, в-третьих, допустимость разводов и возможность повторных браков формирует новый, «сводный» тип родства. По

данным Всероссийских переписей населения 21-го столетия, составное, расширенное домохозяйство – явление достаточно редкое [3, с. 38]. Результаты последней переписи 2020 г. фиксируют самую низкую долю таких домохозяйств в общем числе частных домохозяйств, состоящих из 2 и более человек, – 13,3% и самую высокую долю «прочих» (13,6%) домохозяйств, среди которых могут оказаться семьи братьев и сестер. Еще 2% домохозяйств состоят из «одной супружеской пары с детьми или без них и матери (отца) с детьми» [4]. Что касается числа несовершеннолетних детей, то динамика, скорее, положительная. За межпереписной период, с 2010 г. по 2020 г., доля частных домохозяйств с одним несовершеннолетним ребенком снизилась на 10%, с двумя детьми– выросла на 5% и так же с тремя и более детьми [4; 5]. В то же время однодетные домохозяйства продолжают оставаться модальным вариантом. Их доля в структуре домохозяйств с детьми 55% [4]. Сужение родственной структуры как общая тенденция и ее разнообразие как результат, по всей вероятности, обусловливают преобразование функциональных, в том числе сиблинговых, связей внутри «большой» семьи, которая, по крайней мере территориально, перестает быть единым целым.

В мае-июле 2023 г. методом анкетного опроса было проведено исследование «Роль брата в семье», объектом которого стали мужчины и женщины старше 16 лет, имеющие хотя бы одного брата (N=180: 62% мужчин, 38% женщин; 81% с одним братом, 14% с двумя братьями, 4% с тремя братьями; у 60% был старший брат, 36% – младший брат, 4% – брат того же возраста; доля родных и по отцу, и по матери сиблингов составила 78%, родных по матери – 10%, родных по отцу – 7%, сводных – 5%).

Большинство опрошенных (67%) считают свои отношения с братом хорошими, менее трети (28%) классифицируют их как «нормальные», лишь 6% мужчин и женщин сообщили, что у них плохие отношения с сиблингом.

Мужчины чаще характеризуют свои отношения с братом как хорошие (80% против 58%). Среди женщин выше доля считающих сиблинговые отношения нормальными (35% против 18%) и плохими (8% против 2%). Мужчины и женщины по-разному взаимодействуют со своими братьями и сестрами [6, 140]. Возможно, что уровень ожиданий от отношений и требования к ним у женщин выше, чем у мужчин. Но причина может лежать и в другой плоскости. Строить отношения с однополым сиблингом может быть проще.

В группах опрошенных, у которых умер отец/отчим, мать/мачеха, оценка сиблинговых отношений выше, чем у братьев и сестер, родители которых (отец/отчим, мать/мачеха) живы. 77% против 60%, 80% против 63% опрошенных соотвественно, охарактеризовали отношения с братом как

«хорошие». Доля мужчин и женщин, определяющих свои братско-сестринские отношения как «хорошие», выше в возрастной группе 36 лет и старше (80% против 57%), а также в группе респондентов, имеющих братьев среднего и старших возрастов (75% отвечавших про брата 36 лет и старше против 59% отвечавших про брата до 36 лет). То есть, можно говорить об особых периодах / событиях, которые способствуют сближению / отдалению сиблингов. Полученные данные соотносятся с результатами других, в первую очередь психологических, исследований, свидетельствующих о влиянии переживаемых жизненных событий, в данном случае негативных (смерть родителей/одного из родителей), на сплоченность сиблингов, а также сближение братьев и сестер, снижение конкурентности и конфликтности между ними в старших возрастах [6, с. 138-141; 7, с. 56; 8, с. 198].

Среди прочих факторов, оказывающих влияние на сиблинговые отношения, отмечают семейное положение сиблингов, наличие детей, степень генетического родства, территориальную близость [6, с. 140]. Однако, по результатам нашего исследования такой разницы выявлено не было.

Основными способами взаимодействия с братьями являются личные встречи (97%), разговоры по телефону (93%), сообщения (71%). Более половины не используют для поддержания связи видеозвонки. Как показало исследование, частота общения не является характеристикой «хороших» или «плохих» отношений. Какой-то контакт, видимо, поддерживается в любом случае. Близость / удаленность проживания тоже не определяет характер отношений.

Другое дело – возраст сиблингов. Доля ежедневного общения через личные встречи, разговоры, сообщения выше, если хотя бы одна из сторон взаимодействия младше 36 лет. Созванивающихся 1-3 раза в неделю сиблингов больше в возрасте 36 лет и старше (50% против 21%, если сравнивать возраст респондента, 50% против 19%, если сравнивать возраст брата респондента), переписывающихся – в возрасте до 36 лет (30% против 16%, 26% против 22%, соответственно). Людям среднего и пожилого возрастов необходимо и достаточно, хотя бы раз в неделю, созваниваться с братом/ сестрой, чтобы поинтересоваться его/ ее жизнью, рассказать о своей. Молодые люди, располагающие в силу разных обстоятельств б*о*льшим количеством свободного времени, имеют возможность звонить и писать своему сиблингу каждый день.

Частота контактов зависит от наличия/отсутствия у сиблингов детей. О ежедневных личных встречах чаще сообщали бездетные респонденты с бездетными братьями: 14% против 6% детных респондентов с детными братьями и 7% случаев, когда ребенок есть только у одного из сиблингов. Среди опрошенных, имеющих детей, и братьев с детьми выше доля встречающихся

лично с частотой 1-3 раза в год и реже: 30% против 18% бездетных респондентов с бездетными братьями и 14% случаев, где ребенок есть только у одного из сиблингов. Редкое общение может быть объяснено загруженностью, отсутствием у сиблингов времени на личные встречи, в связи с заботой о детях. Можно предположить, что значение имеет возраст детей, но в исследовании данный вопрос не задавался. Более половины детных респондентов общаются с детными братьями по телефону 1-3 раза в неделю, почти четверть – 1-3 раза в месяц. В данном контексте наличие детей у обоих сиблингов может рассматриваться как объединяющий фактор, способствующий более частым контактам, тесному взаимодействию. Можно сделать вывод, что появление у братьев и сестер детей способствует изменению не частоты взаимодействия, а их формы, замещению личных встреч телефонными разговорами.

Важным для оценки сиблинговых отношений является анализ форм поддержки/помощи, которую сиблинги оказывают друг другу. Более половины мужчин и женщин за последний год ни разу не помогали своему брату финансово, 37% иногда обсуждали проблемы братьев, 42% давали им советы, 41% поддерживали эмоционально. В группе женщин выше доля никогда не обсуждающих с братом его проблемы и заботы (25% против 9%) и не дающих советы (26% противs 12%). Треть мужчин часто говорят со своим сиблингом о его переживаниях (33% мужчин против 23% женщин), почти половина иногда готовы помочь советом (49% vs 37%).

Как большинство респондентов, так и их братья, не поддерживают своих сиблингов материально. Б*о*льшая доля опрошенных получала эмоциональную поддержку, имела возможность обсудить с братом свои проблемы и заботы, получить от него советы – чаще всего данные виды поддержки/помощи оказывались братьями время от времени (40%, 43%, 49%, соответственно). Среди женщин выше доля ответивших, что за последний год брат ни разу не поддержал их эмоционально (37% против 18%), не поговорил об их проблемах (31% против 12%), не дал совета (28% против 8%). Наоборот, мужчины чаще отмечали данные действия со стороны своих братьев: 46% из них против 36% женщин получали эмоциональную поддержку, 49% против 39% обсуждали с братом свои проблемы, 59% против 43% получали советы.

Таким образом, можно говорить не только о разнообразии внешних структур родства, но и вариативности ролей / связей, описывающих характер сиблинговых отношений внутри «большой» семьи. Совершенно однозначно, за редким исключением, контакты в том или ином виде сохраняются и поддерживаются, но частота общения, близость и восприятие отношений определяются целом рядом факторов и обстоятельств. Семейные события,

общие и индивидуальные, могут сближать или отдалять сиблингов друг от друга, все-таки не разрушая связи совсем. Меняется характер поддержки – сиблингов в подавляющем большинстве материально, но не эмоционально можно считать независимыми друг от друга. Тем не менее, гендерный аспект остается значимым при выстраивании отношений между братьями и сестрами.

Список литературы

1. Крецер И.Ю. Сиблинговые отношения в контексте изучения современных форм родства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 2.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): в 2-х т. – 3-е изд., испр., доп. – СПБ: «Дмитрий Буланин», 2003. 548+583 с. Т.1.
3. Егорова Н.Ю. Современная семья в системе супружества – родительства – родства // Семейная экосистема человека: монография / З.Х.Саралиева, Г.Л.Воронин, С.А.Судьин, Д.А.Шпилев и др. Н.Новгород, Изд-во НИСОЦ, 2018. С.34-53.
4. Рассчитано по: Итоги ВПН-2020. Том 8 Число и состав домохозяйств // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 28.08. 2023).
5. Рассчитано по: Итоги ВПН-2010. Том 6. Число и состав домохозяйств // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/ free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08. 2023).
6. Алмазова О.В. Типология взаимоотношений взрослых сиблингов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2.
7. Алмазова О.В. Эмоциональные связи сиблингов и привязанность к матери во взрослом возрасте // Национальный психологический журнал. 2013. № 3 (11).
8. Голубева И.Г. Сиблинговые отношения в семейной экосистеме // Семейная экосистема человека: Монография / З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судьин, Д.А. Шпилев [и др.]. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. – С. 195–203.

"БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ" КАК РЕСУРС ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ
THE "BIG FAMILY" AS A RESOURCE FOR THE SUBSTITUTE FAMILY

Т.Н. Захаркина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
T.N. Zakharkina
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Рассматривается "большая семья" с позиции ресурсного потенциала замещающей семьи; высказываются гипотезы исследования "большой семьи" как ресурса замещающей, предположения о вкладе родственной поддержки в осуществление благополучной жизнедеятельности замещающей семьи и в повышение ее жизнеспособности; представлен анализ феномена родства в замещающих семьях.

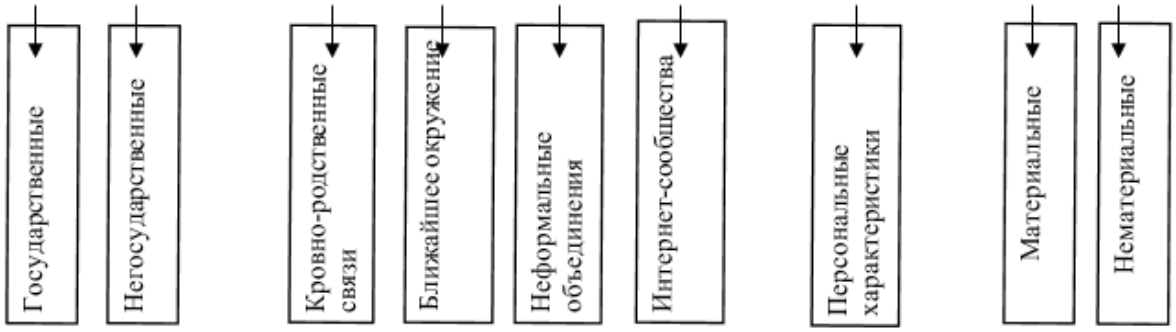
The article considers the "big family" from the position of the resource potential of the substitute family; hypotheses of the study of the "big family" as a resource of the substitute family, assumptions about the contribution of kinship support to the realization of the substitute family's well-being and to the increase of its vitality are expressed; the analysis of the phenomenon of kinship in substitute families is presented.

Ключевые слова: замещающая семья, кровная замещающая семья, некровная замещающая семья, дети-сироты, опекунство, приемная семья, замещающее родительство, ресурсность замещающей семьи

Keywords: substitute family, blood substitute family, uneven substitute family, orphans, guardianship, foster family, substitute parenthood, resourcefulness of the substitute family

Замещающая семья всегда является пространством социально-психологической незащищенности и для замещающих родителей, и для принимаемого ребенка, которую можно определить через относительно неустойчивое эмоциональное переживание членами замещающей семьи кризисных/неблагополучных ситуаций, возникающих в процессе ее формирования, адаптации и жизнедеятельности. Далеко не каждая замещающая семья обладает высоким адаптивным потенциалом, который обусловливает ее возможности в преодолении трудных жизненных ситуаций. В связи с этим особое внимание уделяется организации и развитию системы профессионального психолого-социально-педагогического сопровождения замещающих родителей на разных этапах формирования и функционирования замещающей семьи для повышения уровня их компетентности, ресурсности и

жизнеспособного потенциала. Существуют разные классификации ресурсов семьи, которые применяются в том числе к замещающим семьям. Рассматривая замещающую семью с точки зрения ее социальной-психологической незащищенности, можно говорить о разных уровнях ее жизнеспособности, которые коррелируют с различными показателями ее ресурсности. Опираясь на классификацию ресурсов семьи, предложенную Т.Д. Ворониной, Ю.А. Пучкиной и Е.А. Авериной [1], адаптивно можно предложить следующую для замещающих семей (рис. 1).



Ресурсы замещающей семьи			
Внешние		Внутренние	
Институциональные	Внеинституциональные	Личные	Общесемейные

Рис. 1. Дифференциация ресурсов замещающей семьи

К значимым семейным ресурсам относят ценные социальные, экономические, психологические, эмоциональные, физические характеристики и качества, которые могут использовать члены семьи при совладании со стрессовыми ситуациями [2]. Особый интерес представляют внешние кровно-родственные связи замещающей семьи и уровень их прочности. В научной литературе анализ родственной поддержки замещающих семей представлен недостаточно широко.

В 2018 г. нами был проведен анализ отношений родителей кандидатов в замещающие родители к принятию ребенка в семью. Тогда представлялась следующая картина: 61% респондентов отметили доброжелательное отношение родителей к их решению создать замещающую семью; 14% не дали ответа; 13% указали на то, что их родители не знают о намерении принять ребенка в семью; 6% отметили негативное отношение и 6% – безразличное. Последние 2 группы указывают на то, что в этих случаях существует риск развития конфликтных

взаимоотношений внутри расширенной семейной системы при принятии в нее ребенка, что снижает ресурсный потенциал будущей замещающей семьи.

Исходя из представленной картины, можно предположить, что при наличии крепких взаимоотношений с родителями/родственниками для большинства кандидатов в замещающие родители этот поддерживающий ресурс может иметь высокое значение. Однако здесь есть два важных момента: во-первых, анализируется взгляд на потенциальный ресурс "большая семья" не самих родителей, чьи дети изъявили желание принять ребенка в семью, а через призму их детей, что может искажать траекторию выводов и гипотез; во-вторых, группа респондентов – это потенциальные замещающие родители, которые только размышляют о потенциальных кризисах замещающей семьи. К сожалению, качественно оценить вклад родственной поддержки замещающей семье во время ее кризисных/неблагополучных периодов и в целом в процессе ее жизнедеятельности на основании научной литературы не представляется возможным, ввиду сегментированно представленной информации.

Анализируя "большую семью" как ресурс замещающей семьи, важно исследовать не только вклад родителей/родственников в поддержание ее благополучного функционирования, но и вклад кровных детей замещающих родителей (при наличии): кровных несовершеннолетних или не достигших уровня самостоятельной жизни, проживающих вместе с замещающей семьей; кровных совершеннолетних, не проживающих с замещающей семьей. В этом контексте можно рассуждать с позиции возраста замещающих родителей: для замещающих родителей возраста до 40-45 лет может быть более ощутима и значима помощь от их родителей, в то время, как для замещающих родителей возраста 45+ более значима может быть поддержка родственников и выросших кровных детей.

Сегодня в научной литературе важным направлением выступает изучение феномена родства в замещающих семьях. Большое внимание уделяется исследованиям, посвященным изучению родительского потенциала замещающих семей, анализу их успешности и выявлению барьеров эффективного сопровождения замещающих семей [3]. Авторы определяют типологию замещающих родителей, базирующуюся на показателях их успешности и оценке потенциала родителей, выделяя компетентных, пластичных, жестких и уставших замещающих родителей. В этой связи категория родства рассматривается в корреляции типа замещающего родителя и реализации прав детей на общение с близкими родственниками и информацию о биологической семье приемного ребенка. Подобная зависимость прослеживается исключительно среди замещающих родителей жесткого типа,

которым свойственно негативное отношение к установлению родственных связей с биологическими родителями или кровными родственниками приемного ребенка, что обусловлено мотивационной спецификой данной категории: компенсаторность трудностей в супружеской паре, "исправление ошибок" взаимоотношений с кровными детьми, то есть в основе мотива принятия ребенка в семью лежит дестабилизация социальных и биологических родственных связей.

Феномен родства анализируется в профессиональной замещающей семье с позиции ее жизнеспособности и ресурсности [4;5]. Чаще всего профессиональные замещающие семьи в своей структуре имеют более одного приемного ребенка, не исключая наличия в ней кровных детей. А.В. Махнач рассматривает, прежде всего, структурные характеристики такой семьи, способствующие проявлению ее дисфункциональности. Среди основных в рамках исследуемой темы выделяются межпоколенная или внутрисемейная коалиции, проявляющиеся в латентном или открытом конфликте непринятия ребенка-сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей, бабушками/дедушками, другими членами и перевернутая семейная иерархия, применимая как в нуклеарной, так и в расширенной семье.

В контексте изучения родства отметим появление особого научного внимания к исследованиям кровной замещающей семьи, которая характеризуется принятием в семью ребенка родственниками. Подобная форма семейного жизнеустройства имеет противоречивые комментарии специалистов, работающих с замещающими семьями, связанные, с одной стороны, с отсутствием необходимости передачи ребенка в специализированные учреждения, наличием ресурсного потенциала в отношении удовлетворения основных потребностей ребенка, знанием его особенностей и наличием близких взаимоотношений, с другой стороны, с несостоятельностью социокультурной среды расширенной семьи, наличием, чаще всего, деструктивных особенностей у прародителей, связанных с воспитанием асоциального поколения, наличием проблем со здоровьем, барьеров в коммуникации и иных специфических кризисов, снижающих возможность гармоничного развития ребенка в подобной семье [6]. В этом контексте поднимается вопрос о необходимости психолого-педагогической, правовой подготовки кровных замещающих родителей, которая сегодня для категории близких родственников не является обязательной (согласно ст. 146 Семейного Кодекса РФ).

Таким образом, представленные направления анализа "большой семьи" с позиции ресурсного потенциала замещающей семьи представляют собой перспективное исследовательское поле для оценки жизнедеятельности,

жизнеспособности последней и определения в этой связи ее функциональных проблемных сфер, а также для модернизации системы социально-психологического и педагогического сопровождения, которое может совершенствовать реализацию ресурса "большой семьи".

Список литературы

1. Воронина Т.Д. Неформальные и институциональные ресурсы современной семьи в условиях формирования феминистической среды в регионе: возможности использования качественных методов исследования / Т.Д. Воронина, Ю.А. Пучкина, Е.А. Аверина // Вестник Томского государственного университета, 2011. – №1 (13). – С. 32-43.
2. Махнач А.В. Жизнеспособность замещающей семьи: профилактика отказов от приемных детей / А.В. Махнач, А.И. Лактионова, Ю.В. Постылякова, Т.Ю. Лотарева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – 223 с. – ISBN 978-5-9270-0375-4.
3. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Сопровождение замещающей семьи или как снизить риск вторичных отказов / О.Н. Безрукова, В.А. Самойлова // Социологические исследования, 2019. – №1. – С. 85-95.
4. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. – Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Независимая фирма "Класс", 2001. – 208 с.
5. Махнач А.В. Формирование института профессиональной замещающей семьи: характеристики и ее жизнеспособность на стадиях развития / А.В. Махнач. – 2021. – С. 674-696.
6. Лесина Е.А. Замещающая кровная семья как социокультурная среда для ребенка, оставшегося без попечения, условия и особенности ее проессионального сопровождения / Е.А. Лесина // Психология. Педагогика. Социокинетика, 2020. – №3. – С. 173-178.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
FAMILY VALUES IN THE LIVES OF TODAY'S YOUTH

Е.В. Ковалевская
Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, г. Москва
E.V. Kovalevskaya
N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассмотрены ценностные ориентации современной молодежи, отношение молодежи к семейным ценностям, семье, браку, истории страны и семьи, преемственность поколений, ценности молодых мужчин и женщин.

The article examines the value orientations of modern youth, the attitude of young people to family values, family, marriage, the history of the country and the family, the continuity of generations, the values of young men and women

Ключевые слова: молодежь, ценности, ценностные ориентации молодежи, семейные ценности, семья, брак, гендерный подход

Keywords: youth, values, value orientations of youth, family values, family, marriage, gender approach

Молодежь выделяют как особую социально-демографическую группу, которая активно ищет свое место в жизни, отличается высоким уровнем социальной мобильности и продолжает осуществлять формирование жизненных ценностей и приоритетов.

Ценности и ценностные ориентации у индивидов могут изменятся на разных жизненных этапах, и одни ценности перестают быть значимыми или совсем исчезают, возможно появление принципиально новых ценностей или изменяется смысловое наполнение прежних, и все это может быть связано со сменой эпохи и социальных условий жизни. Через ценности можно проследить связь между поколениями, сохранение традиций и передачу их последующим поколениям.

Ценностные ориентации молодежи изучаются зарубежными и отечественные учеными ряда общественных наук, в том числе и социологией. Важность и актуальность изучения ценностей молодежи обусловлена тем, что необходимо знать, какую роль они играют в регуляции поведения отдельно взятого индивида, в координации деятельности больших и малых социальных групп, нации, но особенно важно это знать, когда происходят кардинальные трансформации общества.

В последнее время в общественной жизни наблюдается специфическое сочетание глобализации и изоляционизма. Такая ситуация отражается на поведении людей в обществе, поэтому важно знать, как реагирует на это молодое поколение страны.

По результатам опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде, проведенного ВЦИОМ в декабре 2022 г., 83% молодых россиян в возрасте от 14 до 35 лет идентифицировали себя как граждане РФ, а в 2021 г. так думали 90% опрошенных. Не идентифицировали себя как граждан РФ в 2022 г. 17% опрошенных, и в 2021 г. так считали 10% молодых россиян [1].

По данным того же опроса ВЦИОМ, на первом месте у российской молодежи семейные ценности, среди которых для 97% опрошенных важно здоровье членов семьи, безопасность семьи и отношения в семье, 95% респондентов считают важным материальное положение семьи. Условия жизни по месту проживания, то есть социальная инфраструктура (дороги, магазины, образовательные учреждения, транспорт) и возможности для достижения поставленных целей выбрали как ценность 94% опрошенных, и для 90% молодых респондентов важна экологическая ситуация. Для 89% молодых россиян важна экономическая и политическая обстановка в стране в целом, а для 83% – полноценный досуг. Судя по ответам, ценности личностного развития оказались в меньшей степени значимыми для российской молодежи, так как перспективы продвижения по служебной лестнице, возможность занять в будущем высокую должность выбрали 81% респондентов. Социальный статус важен для 72% молодежи, а творческая самореализация для 71% опрошенных. Наименее значимыми для молодых россиян оказались социальные ценности, среди которых участие в общественной и политической жизни важны для 52% молодых россиян, а 40% считают их скорее не важными. Участие в волонтерской и добровольческой деятельности, помощь другим людям считают важным 49% молодых россиян, но 41% опрошенных назвали это скорее не важным для себя и 10% не определись с ответом.

76% молодых россиян считают, что хорошо знают историю своей страны, но все же 20%, то есть каждый пятый из этой молодежной группы, плохо осведомлен об истории страны. Среди плохо осведомленных об истории было больше молодых женщин (26%) и меньше молодых мужчин (15%). Во всех возрастных группах молодежи показатели знания истории страны высокие, а в группе молодежи в возрасте от 18-24 лет самый высокий показатель, так как 80% респондентов ответили, что они хорошо знают историю страны.

Историю своей семьи хорошо знают 73% молодых россиян, в то же время 24%, то есть каждый пятый из числа опрошенных признался, что плохо знает

историю своей семьи. Разница в знании истории семьи и неосведомленности о семейной истории у юношей и девушек незначительная. Самый высокий показатель о хорошем знании истории семьи – 79% у молодежи в группе 14-17 лет.

Семейные ценности передаются из поколения в поколение, от старших к младшим, к последующим поколениям, и так осуществляется связь поколений, непрерывность наследования, сохранения культурных ценностей и традиций, которые помогли сохраниться предыдущим поколениям и могут помочь выжить следующим поколениям. Семья, семейные ценности передаются детям от родителей, бабушек и дедушек, традиционно так сохранялась преемственность поколений. В информационную эпоху доступ к любой информации практически открыт, и советы можно получать не только от родных, близких и знакомых людей, а из любых интернет-источников, от анонимных советчиков. Насколько важны сегодня для молодежи мнения самых близких и родных им людей? По данным опроса ВЦИОМ, 44% молодых россиян во всем прислушиваются к мнению родителей, бабушек и дедушек, и их советы им во многом помогают. Авторитетное мнение старшего поколения наиболее значимо для 57% молодежи в возрасте от 14 до 17 лет, и для 45% молодых людей из группы 25-29 лет во всем прислушиваются к мнению родителей, бабушек и дедушек.

32% опрошенных считают, что представители старших поколений вряд ли могут им помочь выбрать правильные решения, потому что их взгляды давно устарели, и больше всего так считают 36% молодых людей из группы 18-24 лет и 35% – из группы 30-35 летних.

Реальную ситуацию отношения к семейным ценностям можно проследить по данным официальной статистики. По данным переписи за 2020 год, среди молодежи в возрасте от 18 до 34 лет состояли в браке 38,0% от общего числа молодежи этой возрастной группы, в том числе 86,0% молодых россиян этой возрастной группы состояли в официально зарегистрированном браке и 14,0% в незарегистрированном супружеском союзе. Среди молодых россиян в возрасте от 18 до 34 лет никогда не состояли в браке или супружеском союзе 37,8%, то есть почти такое же, как и тех, кто уже создал семью, те есть нереализованный семейный потенциал есть почти у 40% российской молодежи [2].

Хотя по данным опроса ВЦИОМ семейные ценности стоят на первом месте у молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, но создали реальную, официальную семью пока только около 40% молодых россиян.

Сегодня среди жизненных ориентиров у 58% российской молодежи желание добиться высокого благополучия, и в этом мнения юношей и девушек полностью совпадают. Рассматривая эту ситуацию с точки зрения гендерного подхода, можно отметить, что 54% молодых россиян хотят жить спокойно,

работая и заботясь о своей семье, но при этом больше этого желают молодые женщины (61%) и все опрошенные из группы 30-35 лет (их 65%), а меньше хотят спокойной семейной жизни и работы все опрошенные молодые мужчины (48%) и молодежь в группе 14-17 лет (34%).

26% молодых россиян хотят приносить пользу своему народу, обществу, активно участвую в общественной, политической жизни, и больше таких молодых людей – 34% в группе 18-24-летних.

Среди молодежной группы 14-17-летних 20%, то есть каждый пятый, хочет добиться популярности и известности, а для старшего поколения это не актуально (в возрасте от 25 до 35 лет к этому стремятся только 2% молодых людей).

17% молодых россиян желают изменить мир, внедрить что-то новое. Из них молодых мужчин – 24%, и только 10% молодых женщин стремятся к этому.

Список литературы

1. Ценности молодежи. Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи: высокий уровень благополучия, спокойная жизнь и возможность приносить пользу своему народу. 14 декабря 2022 Аналитический обзор. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi

2. Федеральная служба государственной статистики Демография. Браки и разводы // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781) (дата обращения: 31.05.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Айкенова Дина Маратовна – PhD по политологии, Советник Председателя Ассоциации исследователей Китая, директор исследовательского центра «ID-зерттеу», г. Астана, Казахстан

Ананьин Сергей Александрович – доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения ФГБОУ ВО ПИМУ Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, г. Москва, Россия

Голубин Роман Викторович – кандидат исторических наук, декан факультета социальных наук, заведующий кафедрой социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Доброхлеб Валентина Григорьевна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСЭПН и ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор Волжского института экономики, педагогики и права, г. Волжский, Россия

Иванова Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Исайчиков Виктор Фёдорович – главный редактор журнала «Просвещение», г. Москва, Россия

Камдин Алексей Николаевич – научный сотрудник анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (РИЭПП), г. Москва, Россия

Карасев Павел Константинович – министр внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области, г. Нижний Новгород

Кириенко Виктор Васильевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, г. Гомель, Беларусь

Клейман Вадим Валерьевич – старший преподаватель кафедры «Экономика» Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, г. Гомель, Беларусь

Колобов Олег Алексеевич – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Коротышев Александр Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Мансуров Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Митягина Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, проректор по развитию на основе анализа данных, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Петрова Ирина Эдуардовна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Пронина Елена Ивановна – старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор, зам. директора по научной работе ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Рябов Олег Вячеславович – доктор философских наук, ВНС, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Рябова Татьяна Борисовна – доктор социологических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Фадеева Ирина Михайловна – доктор социологических наук, доцент ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (РИЭПП), заведующий центром анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса, г. Москва, Россия

Хоткина Зоя Александровна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия

Хохлышева Ольга Олеговна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета, г. Н. Новгород, Россия

Юдина Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

СЕКЦИЯ 1
КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Анн-Мари Сэтре – директор по научной деятельности Института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсалы, г. Уппсала, Швеция

Баринова Ольга Алексеевна – психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Безносова Яна Викторовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Белова Татьяна Павловна – кандидат философ. наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Варызгина Алла Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Галстян Полина Амояковна – психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Дунаева Наталья Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, руководитель Центра социально-психологического сопровождения студентов факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Карабанова Оксана Анатольевна – аспирант 2 курса РГСУ, преподаватель социальных дисциплин, ГБПОУ Колледж по подготовке социальных работников, г. Москва, Россия

Киенко Татьяна Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Козырьков Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Колесникова Кристина Геннадьевна – АНО ВО «Институт международных экономических связей», г. Москва, Россия

Коробова Ольга Олеговна – кандидат эконом. наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Куликова Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лео Гранберг – почетный профессор, факультет гуманитарных наук Александровского института университета Хельсинки, Финляндия

Леонова Ирина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Россия

Маслова Татьяна Федоровна – доктор социологических наук, доцент, профессор, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» Федеральный исследовательский центр, г. Ставрополь, Россия

Митрофанова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, г. Самара, Россия

Пак Галина Станиславовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Физического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Патокина Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, проректор по развитию ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия,

Пронина Елена Ивановна – старший научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Рыхтик Анастасия Игоревна – заместитель руководителя центра профориентации и маркетинга в образовательной деятельности УДПМ ННГАСУ, г. Нижний Новгород, Россия

Солдаткин Александр Евгеньевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Теодорович Михаил Леонидович – доктор социологических наук, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Тихомиров Сергей Михайлович – эксперт экспертно-правового центра «Куаттро», г. Санкт-Петербург

Урмина Ирина Александровна – доктор культурологии, профессор РГСУ, г. Москва, Россия

Филина Татьяна Викторовна – психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Франсиско Хосе Бретонес Диас – PhD, профессор, декан факультета трудовых отношений и человеческих ресурсов Университета Гранады, г. Гранада, Испания

Хани Абдул Рашид – аспирант ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Пакистан

Шангин Никита Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупов Муса Мовлиевич – кандидат социологических наук, доцент Чеченского государственного университета, г. Грозный, Чеченская Республика, Россия

СЕКЦИЯ 2
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

Алем Мекьянинт Бирхан – аспирант ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Эфиопия

Ангелова Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Андрианова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии; старший научный сотрудник Тюменского государственного университета; Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Тюмень, Россия

Баева Елена Святославовна – кандидат социологических наук, доцент, председатель правления Самарской городской общественной организации Исследовательская группа «Свободное мнение», г. Самара, Россия

Беликова Екатерина Олеговна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия

Бикметов Евгений Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа, Россия

Бочаров Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, ассоциированный научный сотрудник социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН; доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. ак. С.П. Королёва, г. Самара, Россия

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия

Грошев Игорь Львович – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия

Грошева Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень, Россия

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Долгов Михаил Юрьевич – председатель профсоюзной организации студентов НГТУ им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

Журавлева Наталья Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры торгового дела Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Карпикова Ирина Серафимовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и психологии ФБГОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск

Кошель Иван Юрьевич – директор автономной некоммерческой организации «Медиацентр «Керчь», г. Керчь, Россия

Кравченко Валентина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кришталь Михаил Игоревич – кандидат географических наук, научный сотрудник социологической лаборатории Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Кутявина Елена Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лакомова Анастасия Александровна – кандидат социологических наук, ассистент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Липатова Людмила Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия

Мамлев Дмитрий Олегович – аспирант Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

Маркова Елена Константиновна – кандидат психологических наук, доцент непрерывного психолого-педагогического образования Института гуманитарных наук ФБГОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Россия

Овчарова Татьяна Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Опарин Александр Сергеевич – студент Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия

Паренный Роман Степанович – студент Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия

Проданцов Константин Сергеевич – младший научный сотрудник; социологическая лаборатория Института геополитических региональных исследований Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Прохорова Мария Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Птицына Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Института социально-экономических наук ФБГОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Россия

Ракова Кристина Викторовна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений, г. Москва, Россия

Рафикова Катерина Владимировна – кандидат культурологии, доцент кафедры социологии и культурология, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, г. Самара, Россия

Рашид Мухаммад – аспирант ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Пакистан

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия

Ромашова Ирина Борисовна – доктор экономических наук, профессор кафедры психологии управления факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Савичева Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры психологии управления факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Худякова Марина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия

Шинкаренко Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шпилев Дмитрий Анатольевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Щукина Раиса Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и конфликтологии юридического факультета Пермского государственного научного исследовательского университета, г. Пермь, Россия

СЕКЦИЯ 3
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖПОКОЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Баранова Марина Владимировна – доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Жданов Павел Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Завурбеков Фаридун Завурбекович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Калинина Евгения Валерьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; кафедры социальной медицины и организации здравоохранения ПИМУ, г. Нижний Новгород, Россия

Назарова Надежда Леонтьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Романовская Вера Борисовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Романовская Любава Ростиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Силантьева Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Соловьева Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и экологического права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Сэруа Валентина Сауловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Фурсов Всеволод Владимирович – ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Черных Евгения Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Щерова Наталья Сергеевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

СЕКЦИЯ 4
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Бедный Борис Ильич – доктор физико-математических наук, профессор, директор Института аспирантуры и докторантуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Бесставашвили Илья Русланович – директор Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Координационный центр по межведомственным проектам Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы», г. Москва, Россия

Гавриловец Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

Гафизова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала РАНХиГС, г. Иваново, Россия

Гергес Марина Малак Бешара – аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Египет

Губанова Александра Юрьевна – кандидат социологических наук, РОС, г. Москва, Россия

Дадзи Исаак – аспирант ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Гана

Демарева Валерия Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Демозе Чалахью Кассоу – аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Эфиопия

Ермилова Анна Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Киселев Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Козеевская Надежда Александровна – заведующая информационно-библиографическим сектором Библиоцентра Центра развития образования РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, г. Рязань, Россия

Колосова Елена Андреевна – кандидат социологических наук, доцент РГГУ, г. Москва, Россия

Конкина Татьяна Викторовна – директор департамента кадровой политики и развития муниципального управления Администрации г. Нижнего Новгорода, г. Нижний Новгород, Россия

Костина Ольга Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, социологии и психологии управления НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

Мамонова Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Меисиалла Ланген Нидхана – аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Индонезия

Мигунова Арина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Олавуо Самуэль Олутунде – аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нигерия

Петрова Татьяна Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Российского технологического университета – МИРЭА, г. Москва, Россия

Польникова Екатерина Олеговна – магистрант Российского Университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Птицына Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Института социально-экономических наук ФБГОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Россия

Рак Вадим Евгеньевич – аспирант кафедры философии, социологии и психологии управления НИУ РАНХиГС, консультант аналитической и лицензионной работы, Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия

Рак Евгения Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Западный филиал РАНХиГС, г. Калининград, Россия

Рушева Анна Витальевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Рыбаков Николай Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент центра исследований науки и развития аспирантского образования Института аспирантуры и докторантуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославь, Россия

Столярова Александра Владимировна – начальник Управления по работе с персоналом АО «ЦНИРТИ им. академика А.И. Берга», г. Москва

Фирсов Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета

Ходеева Надежда Александровна – аспирант центра исследований науки и развития аспирантского образования Института аспирантуры и докторантуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Цалко Екатерина Олеговна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала РАНХиГС, г. Иваново, Россия

Цимбал Мария Владимировна – лаборант-исследователь лаборатории гендерных проблем Института Социально-Экономических Проблем Народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Хуссейн Достдар – аспирант ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Пакистан

Шамал Сидик Мохаммед – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Ирак

СЕКЦИЯ 5
ЦЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Афонин Георгий Алексеевич – доктор медицинских наук, врач-онколог, старший научный сотрудник центра абдоминальной онкологии Казахского научно-исследовательского института онкологии и радиологии Министерства здравоохранения Республики Казахстан, г. Алма-Ата, Республика Казахстан

Блонин Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Вершинин Никита Владимирович – курсант Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор-консультант кафедры социологии и социальных технологий управления УрФУ, г. Екатеринбург, Россия

Грошева Любовь Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия

Жемчураева Седа Шахитовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник КНИИ им. Х.И.Ибрагимова РАН, г. Грозный, Чеченская Республика, Россия

Зеленова Анастасия Владимировна – студент 3 курса направления подготовки «Социология» ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Зернов Дмитрий Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ивашиненко Нина Николаевна – доктор экономических наук, профессор, PhD, руководитель НОЦ исследования социальных систем ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Русский центр в Шотландии RCS Haven, Шотландия

Икингрин Елена Николаевна – кандидат социологических наук, ассоциированный сотрудник Лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН, г. Уфа, Россия

Комелькова Анастасия Вадимовна – студент, лаборант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Куренышев Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия

Лобанов Валерий Васильевич – руководитель группы в Научном центре АО «ВНИИЖТ» (научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта), г. Москва, Россия

Никифорова Алина Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры массовых коммуникаций и туризма Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск, Россия

Петухова Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН), г. Санкт-Петербург, Россия

Попель Александр Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Привалов Игорь Васильевич – старший преподаватель НИУ ВШЭ, кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук факультета Высшая школа государственного управления ФГБОУ ВО «Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Владимир, Россия

Туркин Илья Андреевич – студент кафедры политологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шалютина Надежда Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шаталина Валентина Вениаминовна – кандидат психологических наук, Центр исследований социальных систем (Research Centre for Social Systems), г. Глазго, Великобритания

СЕКЦИЯ 6
СЕМЬЯ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиал КБНЦ РАН, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, Россия

Головачев Вячеслав Павлович – адъюнкт, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Егорова Надежда Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Захаркина Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ковалевская Елена Викторовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Кудасова Юлия Александровна – координатор по развитию епархиального актина Городецкой епархии РПЦ Московского Патриархата, г. Городец, Россия

Курникова Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой адаптивной физической культуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Мишлянов Мария– аспирант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Республика Сербия

Муртузалиев Муртузали Магомедович – доктор экономических наук, профессор Дагестанского государственного медицинского университета, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Норина Анна Алексеевна – студент Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Петрова Татьяна Юрьевна – кандадат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Придатченко Мария Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Рябинская Елена Сергеевна – магистр социологии кафедры общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского, аналитик ООО «Профи исследования», г. Нижний Новгород, Россия

Сайфуллин Григорий Петрович – кандидат социологических наук, руководитель Агентства социально-демографического развития, г. Нижний Новгород, Россия

Сайфуллина Анастасия Владимировна – агентство социально-демографического развития, г. Нижний Новгород, Россия

Соколова Анастасия Максимовна – студент Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Щекотуров Александр Вячеславович – кандидат социологических наук, доцент ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», заведующий социологической лабораторией Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Янак Алина Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СОЮЗА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Материалы международной
научно-практической конференции

г. Нижний Новгород, 7–8 сентября 2023 г.

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: К.М. Фурсова

Подписано в печать 08.11.2023. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 40,2. Зак. № 392. Тираж 500 экз.

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603022, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37